Библиотека
всемирной литературы

Серия первая *

Литература Древнего Востока
Античного мира
Средних веков
Возрождения
XVII и XVIII веков

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
БИБЛИОТЕКИ
ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абашидзе И. В.
Айтматов Ч.
Алексеев М. П.
Бажан М. П.
Благой Д. Д.
Брагинский И. С.
Бровка П. У.
Бурсов Б. И.
Бэкман В. Э.
Ванаг Ю. П.
Гамзатов Р.
Гафуров Б. Г.
Грабарь-Пассек М. Е.
Грибанов Б. Т.
Егоров А. Г.
Елистратова А. А.
Ибрагимов М.
Иванько С. С.
Кербабаев Б. М.
Косолапов В. А.
Лупан А. П.
Любимов Н. М.
Марков Г. М.
Межелайтис Э. Б.
Неупокоева И. Г.
Нечкина М. В.
Новиченко Л. Н.
Нурпеисов А. К.
Пузиков А. И.
Рашидов Ш. Р.
Реизов Б. Г.
Самарин Р. М.
Сомов В. С.
Сучков Б. Л.
Тихонов Н. С.
Турсун-заде М.
Федин К. А.
Федоренко Н. Т.
Федосеев П. Н.
Ханзадян С. Н.
Храпченко М. Б.
Черноуцан И. С.
Шамота Н. З.

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ XVIII ВЕКА

А. КАНТЕМИР
В. ТРЕДИАКОВСКИЙ
М. ЛОМОНОСОВ
А. СУМАРОКОВ
В. МАЙКОВ
М. ХЕРАСКОВ
И. БОГДАНОВИЧ
М. ХЕМНИЦЕР
В. КАПНИСТ
А. РАДИЩЕВ
Н. ЛЬВОВ
М. МУРАВЬЕВ
Ю. НЕЛЕДИНСКИЙ-МЕЛЕЦКИЙ
И. КРЫЛОВ
Н. КАРАМЗИН
И. ДМИТРИЕВ
Г. ДЕРЖАВИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА • 1972

Вступительная статья
и составление
Г. Макогоненко

Р 1
Р 89

7-4-1
Подп. изд.

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ XVIII ВЕКА

«Словесность наша явилась вдруг в XVIII столетии»,— писал Пушкин, отлично зная при этом, что ее истоки уходят в глубокую древность. Своим категорическим утверждением поэт стремился подчеркнуть принципиально новый характер этой словесности, ее коренное новое качество, которое резко отличало и отделяло ее от прошлого этапа истории литературы. Что же имелось в виду?

Древнерусская литература на протяжении семи веков создавалась усилиями множества известных или безымянных писателей, чье авторское начало практически себя ни в чем не проявляло. То была безличностная литература. Феодальной идеологии и религиозному сознанию, господствовавшим в те века, чуждо представление о человеке как личности. Древнерусский писатель был мастером своего дела, книжником, но не художником с ярко выраженной индивидуальностью. Один отличался от другого или широтой образования, или уровнем знаний, или характером мастерства и умения работать по обязательным для всех канонам, которые определялись и вырабатывались эпохой. В этом смысле древнерусская литература была близка к фольклору, также не знающему авторского начала.

Идея личности на Западе родилась в эпоху Возрождения. И тогда же возникла новая литература, основанная на авторском начале, определявшаяся личностью художника, открытиями гениев. Идея личности в России, понимание внесословной ценности человека, представление об его индивидуальности утверждалось в совершенно иных условиях и в иное время— в великую эпоху петровских преобразований, когда развертывала свои силы «поднимающаяся нация» [1] великорусов. На этой почве и появилась

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 10, стр. 589.

«вдруг» словесность, основанная на принципе авторства, определяемая личностью писателя. Это знаменовало начало принципиально нового периода в истории русской литературы. Оттого понятие «наша словесность» связывало два века — то, что началось во время Кантемира и Ломоносова, получило мощное продолжение в эпоху Пушкина.

Обращает внимание в этой формуле и слово «вдруг» —в нем выражен особый, беспримерный характер динамического развития России в ту пору. Литература, формируемая своим временем, обусловленная им, стремительно прошла путь от младенчества к зрелости, поистине «вдруг» — даже не за столетье, а за семьдесят лет! — добилась таких успехов, которые в других странах и в иных условиях завоевывались веками.

Когда же были сделаны первые шаги, когда начала «являться» на исторической арене русская словесность нового времени? Громадные камни в ее фундамент были положены почти одновременно сразу тремя поэтами в течение одного десятилетия. В 1729 году Антиох Кантемир написал первую сатиру, выступив зачинателем сатирического направления, которому суждено было на протяжении двух веков определять облик русской литературы. В 1735 году молодой поэт Василий Тредиаковский, остро осознававший потребность времени, выдвинувшего задачу создания национально-самобытной литературы, осуществляет реформу стихосложения. Предложенная им силлабо-тоническая система открывала широкие возможности развития поэзии как поэзии русской. Важность и мудрость реформы подтвердила история — до сегодняшнего дня эта система находится на вооружении наших поэтов. В 1739 году Ломоносов, опираясь на реформу Тредиаковского и совершенствуя ее, пишет оду «На взятие Хотина». Ломоносов — первый великий русский поэт, и ему выпала особо важная роль в становлении словесности. Своим творчеством он коренным образом изменил облик литературы, ее характер, ее место и роль в общественной жизни страны. Он был, по словам Белинского, Петром Великим русской литературы.

Усилиями трех поэтов «наша словесность» началась с поэзии, она утверждала свое историческое бытие в поэтических жанрах, заговорила с читателем языком стиха. Опережающее развитие поэзии в XVIII веке было исторически закономерным явлением. Целое столетие поэзия занимала господствующее положение. Проза стала развиваться позднее — с 1760-х годов. Но только в 30-е годы XIX века, в результате деятельности Пушкина и Гоголя, проза в долгом соревновании с поэзией одержит решающую победу и уже навсегда займет первое место в литературе. Но успехи прозы и ее будущее торжество подготавливались бурным развитием поэзии. Закономерно потому русский роман — гордость, слава и высшее достижение русской литературы XIX века — начало свое ведет от «Евгения Онегина» Пушкина, романа в стихах.

1

Восемнадцатый век начался славными делами Петра, с гением которого «мужала Россия молодая». Петр был не случайностью, он, по словам Герцена, явился «ответом на инстинктивную потребность Руси развернуть свои силы». Самодержавие этого столетия, с отдельными периодами «просвещенного абсолютизма», резко отличалось и от самодержавия прошлого и будущего века. Петр был подлинным просвещенным монархом, оттого в его деятельности и политике было много такого, что отвечало нуждам и потребностям не только господствующего дворянского класса, но и всей нации. Его великие преобразования — экономические и военные, его усилия по строительству новой, освобожденной от церковного влияния культуры, постоянные заботы о просвещении России, его беспримерная энергия по объединению и направлению усилий всей нации на ликвидацию страшной многовековой отсталости родины — все это на многие десятилетия для нескольких сменявших друг друга поколений деятелей русского общественного движения служило ярким и выразительным примером деятельности истинно просвещенного монарха.

Во второй половине века, после дворцового переворота, к власти пришла жена Петра III, правившая Россией под именем Екатерины II. Дальновидный политик, она понимала, какой популярностью в России и на Западе после царствования Петра I пользовалась концепция просвещенного абсолютизма. Потому она многими демонстративными акциями — и прежде всего широковещательными заявлениями о своем желании дать России новые законы — настойчиво создавала сама о себе легенду как о просвещенной монархине. Императрица, упрочившая власть дворянства, объявившая себя «казанской помещицей», превратившая крепостное право в дикое, никакими законами не ограниченное рабство, в то же время прикрывала свои действия фарисейской политикой и игрой в просвещенного монарха. «Просвещение являлось... девизом царизма в Европе в восемнадцатом веке». «Любой захват территории, любое насилие, любые угнетения царизм осуществлял не иначе, как под предлогом просвещения, либерализма...» [1]

Поднявшее свой международный авторитет русское национальное государство было дворянско-чиновной монархией. Необъятная императорская власть упрочила господство и процветание помещичьего класса. Крестьянство не безмолвствовало, оно постоянно бунтовало, расправляясь с ненавистными помещиками-мучителями. Нарастание протеста народных масс против своих угнетателей — характернейшая особенность социального развития того времени. В 1773—1775 годах он вылился в грандиозную крестьянскую войну, возглавленную Пугачевым. Несмотря на то

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 22, стр. 24.

что крестьянская война потерпела трагическое поражение, феодальному государству и крепостническим порядкам был нанесен мощный удар. Целое столетие грозный призрак Пугачевского восстания не давал покоя дворянству и царизму.

Борьба русских крепостных против бесчеловечного рабства соотносилась с той великой войной с изжившим себя феодальным режимом, абсолютизмом, которая в последние десятилетия века развернулась в странах Западной Европы и с особой интенсивностью во Франции. Капитализм в этой стране, развивавшийся в недрах феодального общества, достиг такого могущества, что поставил в порядок дня уничтожение всей социальной и политической системы феодального государства. Во главе народных масс, воевавших за свою свободу, встала молодая и в ту пору революционная буржуазия. Эта самоотверженная борьба народов породила мощное идеолотическое движение, которое вошло в историю под именем Просвещения. Именно потому XVIII век и характеризуется как век Просвещения.

На арену общественной борьбы со всеми феодальными институтами выступили сотни замечательных деятелей нового типа: философы и социологи, писатели и художники, юристы и естествоиспытатели — великие просветители XVIII века. Они выступили в Англии и Италии, Германии и России, но активнее всего во Франции, поскольку именно буржуазия этой страны стремительно двигалась к своей революции, которая и грянула в 1789 году. Выразители интересов народа, просветители подвергали уничтожающей критике религию, церковь, господствующие взгляды на государство, на роль и место сословий в обществе, объявив все существовавшие феодальные порядки неразумными, подлежащими уничтожению. Именно просветители вскрывали преступность крепостного права. Самоотверженно отстаивая свободу человека, Просвещение оказывало огромное влияние на всю общественную жизнь наций, на идеологию эпохи, на искусство и литературу в частности.

Но борцы с феодальным строем не были революционерами. Отстаивая свободу и справедливость, они все надежды возлагали на мирные преобразования. Доказывая несправедливость существующих обществ, просветители открыли зависимость морали, убеждений и взглядов людей от социальных условий жизни, от среды, к которой они принадлежали. Если эти условия неразумны, говорили они, то следует их изменить, и тогда люди переменят свои убеждения, станут лучше, будут жить по законам разума, в обществе восторжествует справедливость. Просвещение умов помогало такому изменению, но оно требовало много времени. Быстрее тех же результатов можно было достичь при помощи законов. Именно законы создали существующие порядки в государстве. Их несправедливость определена несправедливыми, неразумными законами. В монархических государствах источником законов является монарх, следовательно, если просветить монарха, он начнет издавать справедливые, разумные

законы, под влиянием которых наступят желанные перемены в обществе. Так была выработана политическая теория просвещенного абсолютизма. Отсюда и вытекала тактика просветителей — осуществлять свои цели с помощью монархов, оказывать на царей воздействие, «учить» их царствовать.

Формирование и развитие русского Просвещения определялось и обуславливалось обострением социальных противоречий между крепостным крестьянством и дворянами-помещиками, борьбой народа со своими угнетателями. Ранние русские просветители — Кантемир, Тредиаковский и Ломоносов — выступили на общественном поприще в первую половину XVIII века, когда крестьянский вопрос еще не стал главным в жизни нации и государства. Потому представители раннего Просвещения, отстаивая интересы народа, не боролись с крепостным правом. В их деятельности на первое место выдвигались общие задачи просвещения отечества, и прежде всего защита принципов политики Петра I, поскольку он был подлинно просвещенным монархом и его преобразования во многом служили интересам всей нации.

В 1760—1770-е годы, когда вооруженная борьба крепостных против помещиков потрясла государство Екатерины II, русское Просвещение окончательно сложилось как широкое и богатое идейное движение. Его крупными деятелями стали такие писатели, как Новиков, Фонвизин, Княжнин, Крылов.

Своеобразие социально-исторического развития России определило особенности русского освободительного движения. Первыми русскими революционерами, как известно, были в начале XIX века дворяне, а не буржуазия, как на Западе. В дальнейшем освободительное движение шло по пути все большей демократизации. Дворянские революционеры, поднявшие в декабре 1825 года восстание, опирались на традиции русского Просвещения XVIII века, начавшего борьбу с самодержавием Екатерины II и крепостничеством. Радищев, деятель огромного исторического масштаба, связал два этапа развития русской общественной мысли. Он — высшее достижение русской культуры XVIII столетия и русского Просвещения и в то же время — первый революционер, идейный предтеча дворянских революционеров XIX века.

2

Европеизация, бурно осуществлявшаяся Петром, подготавливала условия для существования России как мировой державы. Возникала острая необходимость создания национальной литературы, которая была бы способной выражать национальную жизнь России в ее новом качестве. Чувствуя себя наследниками всего мира, русские люди этого века с особой остротой понимали, что должно наследовать не только национальную традицию, но и художественный опыт человечества. Новая лите-

ратура поэтому стала развиваться в рамках направления классицизма, опираясь на достижения французского и немецкого классицизма. При этом использование эстетических открытий литератур других народов оказывалось моментом сложного процесса выработки национально обусловленной художественной системы, сложения эстетического кодекса русского классицизма.

Классицизм зародился во Франции в XVII столетии. То было время расцвета феодально-абсолютистского государства. Абсолютизм кончал с феодальной раздробленностью, помогал созданию мощного национального государства. Тогда-то и сформировался классицизм как направление, способствовавшее созданию большого общегосударственного национального искусства. В условиях строжайшей государственной дисциплины, жесточайшей регламентации всех форм политической и общественной жизни, борьбы со всяким «своеволием» классицизм выдвинул культ гражданских добродетелей, требуя от человека отказа от всех личных чувств и желаний во имя высших государственных интересов.

Общественное и частное значение человека в феодальном государстве определялось в конечном счете его принадлежностью к господствующему сословию — дворянству. Философия, видевшая в человеке только его «породу», не признавала индивидуальности человека. Эта философия человека питала эстетический идеал классицизма.

Эстетическая концепция классицизма как антииндивидуалистического искусства вдохновлялась рационализмом Декарта — передовым учением эпохи Просвещения. Отвергая теологические учения, Декарт вере противопоставил разум. Достоверно только мышление, утверждал он, только разум открывает пути к истинному познанию жизни. Но философия Декарта дуалистична. Она признавала существование двух независимых субстанций в человеческой природе — духовной и материальной. Материальная — чувственные страсти — представляла «низшее», животное, начало в человеке; духовная, «высокая»,— его разум.

Дуализм понимания человеческой природы предопределял представление классицистов о существовании двух неравных миров, в которых жили люди, — эмпирического, чувственного, и разумного, идеального. В первом жили те, кому, в силу «низкого» происхождения, не могли быть ведомы идеалы высокого разумного существования, или те из «благородных», кто нарушал эти нормы. В другом жили те дворяне, кто строил свою жизнь в соответствии с идеалами. Отсюда родилось эстетическое противопоставление высокого и низкого, трагического и комического, которое послужило основанием для деления литературы на строго определенные правилами жанры.

Чувственная практика человека, мир действительный, реальный мог находить в какой-то мере свое выражение в сатирических жанрах (сатира, комедия, басня, герои-комическая поэма). В высоких жанрах лирической

поэзии и полнее всего в трагедии классицизм изображал мир должного, как мир прекрасного, противопоставленный миру сущему, миру реальному. В этом своеобразном эстетическом вакууме и сохранялся идеал человека как норма и как возможность. Лишенный социальной и национальной конкретности, не связанный с живой жизнью и с обстоятельствами своего бытия, это был человек отвлеченный, абстрактный, бесплотный носитель идеала, созданного разумом.

Классицизм, как антииндивидуалистическое искусство, отрицал личность и в художнике, в писателе. Дух дисциплины, подавление субъективной воли автора, воли художника определили необходимость создания нормативной поэтики. Она подчиняла сознание писателя и художника строгим правилам, определяла жесткую регламентацию творческого процесса. Оттого, в частности, эстетический кодекс классицизма выдвигал требование обязательного подражания античным образцам. Подражание обуславливало и важнейшие черты стиля создаваемых произведений. Принцип подражания помогал новому искусству использовать образы и сюжеты, мифологию, готовые поэтические решения тех или иных конфликтов и даже отдельные поэтические описания и картины. Античное искусство из далеких эпох приходило в современность, отдавая художественную энергию искусству нового времени.

Русский классицизм был явлением глубоко прогрессивным. Он помог создать национальную литературу, способствовал выработке идеалов гражданственности, сформировал в жанре трагедии представление о героическом характере, высоко поднял поэтическую культуру, включил в национальную литературу художественный опыт античного и европейского искусства, показал способность поэзии к аналитическому раскрытию душевного мира человека. Усилиями Тредиаковского и Ломоносова была осуществлена реформа русского стихосложения. Отказавшись от чуждого духу и строю русского языка силлабического стихосложения, заимствованного из польской поэзии, они ввели силлабо-тоническое (основанное на чередовании ударных и безударных слогов), открывая тем самым возможность использования интонационного богатства русского языка, который отличает многоакцентность и свобода ударений в слове. Русская поэзия тем самым прочно вставала на национальную почву.

Успешное развитие литературы во многом зависит от состояния литературного языка. Несколько столетий в России литературным языком был церковнославянский. На основе глубокого изучения живой разговорной речи Ломоносов создает первое научное описание русского языка, устанавливает систему его грамматических норм (см. «Российскую грамматику», 1755 г.). Более того — он осуществляет реформу и определяет пути сложения нового литературного языка: он узаконивает использование живого русского языка, открыв в просторечии источник его постоянного обновления; литературный язык должен быть обогащен всем луч-

ним, что дал церковнославянский язык за свою многовековую историю. Языковая реформа Ломоносова открывала широкие возможности для быстрого и успешного развития русской литературы — и поэзии и прозы.

Вслед за Ломоносовым на литературном поприще появился талантливый поэт, выдающийся драматург и теоретик классицизма Александр Сумароков. Усилиями его и созданной им школы русский классицизм добился значительных успехов, утвердив и развив многие жанры лирической и сатирической поэзии. Им же начата традиция стихотворной трагедии, подхваченная затем его последователями. Сумароков, Херасков, а позже Княжнин своими трагедиями и комедиями внесли огромный вклад в национальную драматургию, подготовив условия для организации и успешной деятельности русского театра; созданный в 1756 году русский театр начал свою работу под руководством Сумарокова.

В течение четырех десятилетий классицизм был господствующим литературным направлением. С середины 1760-х годов положение начало меняться. Нараставшие из десятилетия в десятилетие социальные противоречия крепостнической России крайне обострились после прихода к власти Екатерины II (1762). Закипавшая общественная борьба ставила перед поэтами-классицистами новые требования, ставила на обсуждение большие и больные вопросы социальной и политической жизни русского государства. Поэзия классицизма не могла на них ответить. В самом эстетическом кодексе этого направления таилось глубокое и роковое противоречие. Как всякое искусство, классицизм был призван отражать жизнь. Но его эстетический кодекс ставил между писателем и окружающей его действительностью преграду в виде правил. Правила заставляли строго отбирать материал, и многое лишалось права на свое воплощение. Реальная практика людей разных сословий, жизнь общества с его действительными противоречиями, судьба конкретного русского человека — его жизнь, его права и место в обществе, его быт, его идеалы, поиски счастья, его бедствия и страдания — все это оказывалось за бортом поэзии классицизма.

Положение классицизма в 1760-е годы осложнялось появлением нового, демократического читателя, который проявлял равнодушие к поэзии, ориентированной на образованное дворянство. Новый читатель предъявлял к литературе свои требования, и их стали удовлетворять новые писатели, далекие от поэтики классицизма или ее преодолевшие. Начался кризис классицизма.

3

Внешним выражением кризиса классицизма явилась ожесточенная борьба с нормативной поэтикой, в ходе которой и складывались новые литературные направления. Все большую роль в литературном и общественном движении стали играть просветители и писатели-демократы.

Художественная практика собственно дворянской литературы, представленной Сумароковым и его школой, не удовлетворяла их требованиям.

Отвергая правила нормативной поэтики, просветители и те писатели, которые испытывали влияние их эстетических убеждений, определяли иное представление о задачах литературы и месте писателя в общественной жизни, вырабатывали новый идеал человека. Они понимали, что нужно было искусство, которое бы доверяло действительности и реальному человеку, не идеализировало, а объясняло жизнь, содержание которой под влиянием обострявшихся социальных противоречий непрерывно усложнялось. Таким искусством и оказывался реализм, рождавшийся как ответ на властное требование времени. В ходе героических сражений с феодальным миром, всеми его учреждениями и его идеологией вырабатывался новый взгляд на общество, формировалась новая философия человека как свободной личности, достоинство которой определяется не ее сословной принадлежностью, не знатностью рода, но умом, личными дарованиями, создавалось учение о зависимости человека от общества. Реализм, став европейским, а потом и мировым направлением, открывал возможности для искусства каждой нации быть самобытным, существовать в национально индивидуальном облике, как индивидуальна жизнь каждой нации.

В России реализм как новое направление начал складываться в последнюю треть XVIII столетия. На раннем этапе реализма — от Фонвизина до Пушкина — определились и обозначились некоторые важные принципы его поэтики, его стиля и метода. Это — понимание внесословной ценности человека, вера в его великую роль на земле, выдвижение патриотической, гражданской и общественной деятельности как единственного пути к самоутверждению личности, живущей в самодержавно-феодальном обществе, объяснение человека его социальной средой и, наконец, раскрывшаяся возможность показа национальной обусловленности характера, первые шаги в художественном выявлении «тайны национальности», умение показать русский взгляд на вещи, «русский ум».

Первые успехи новый метод одержал в драматургии: комедии Фонвизина — «Бригадир» и особенно «Недоросль» закладывали фундамент русского реализма. Дальнейшее развитие он получил в прозе — в произведениях Новикова, Радищева и Крылова. Поэзия не могла не отвечать на запросы и требования времени. Реализм начал преобразовывать лирическую поэзию. Но этот процесс был более трудным потому, что традиции сильнее всего сказывались именно в поэзии. При этом реализм в поэзии проявлял себя иначе, чем в драматургии и прозе, — здесь складывались свои черты нового стиля, новой структуры. Решающий вклад в развитие принципов реалистической лирики был сделан гениальным поэтом XVIII века — Державиным.

Одновременно с реализмом в ряде стран — Англии, Франции, Германии, а потом и в России — формировалось и другое литературное направление, получившее позже название сентиментализма. Его утверждение также сопровождалось борьбой с классицизмом. Опираясь на просветительскую философию, сентиментализм провозглашал внесословную ценность человека, воспитывал в нем чувство достоинства и уважения к своим силам и способностям, и прежде всего к своим чувствам. Великий писатель-сентименталист Руссо именно богатство чувств провозгласил мерой оценки личности, заявив: «Человек велик своим чувством».

Между реализмом XVIII века и сентиментализмом много общего. Оба направления, связанные с просветительской философией, отстаивали внесословную ценность человека, раскрывали духовное богатство личности, выбирая своих героев не только из дворян, но и из среды третьего сословия — буржуазии, ремесленников, крестьян. Оба направления противостояли классицизму, они способствовали демократизации литературы.

Но многое и разделяло эти два направления. И прежде всего разделял метод изображения человека — он был разным. Реализм, раскрывая личность, связывал ее с окружающим миром, показывал зависимость характера от обстоятельств бытия, от среды. Сентиментализм, превознося человека, погружал его в мир нравственной жизни, стремясь освободить его от деспотической власти внешних обстоятельств и быта. Это не значит, как об этом часто пишут, что писатели-сентименталисты совсем не интересуются внешним миром, что они не видят связи и зависимости человека от нравов, от среды, в которой он живет. Но они стремились к максимальному высвобождению человека от власти обстоятельств. Им они противопоставляли мир страстей и чувств, раскрывали «тайное тайных» — жизнь сердца, на этом прежде всего и сосредотачивали свое внимание.

В России сентиментализм стал складываться в 1770-е годы, в пору кризиса классицизма. Характерно, что первыми сентименталистами оказались бывшие приверженцы нормативной поэтики — Херасков и М. Муравьев. Идейно-эстетическое перевооружение дворянских литераторов продолжалось и в 1780-е годы. В последнее десятилетие века сентиментализм станет господствующим направлением дворянской литературы, которое возглавит Карамзин, создавший в Москве своеобразный центр новой школы.

Итак — литературный процесс последней трети столетия отличался чрезвычайной сложностью и интенсивностью эстетической борьбы. Классицизм медленно уступал дорогу двум новым направлениям. Талантливые поэты искали путей преодоления нормативной поэтики и выработки новых принципов стиля. С конца 1780-х годов продолжателями классицизма выступали только эпигоны.

Общий смысл начавшейся «литературной революции» определялся сближением литературы с действительностью. Преодоление эстетических

канонов классицизма осуществлялось не сразу, не вдруг, но мучительно и долго, в напряженных исканиях, и не всегда успешно. В то же время эти искания не оставались безрезультатными. И часто приводили к замечательным открытиям. Главное было сделано: в литературе — в драматургии, прозе и поэзии были созданы первые реалистические произведения, был переброшен мост к Пушкину.

Творчество Пушкина — «поэта действительности» — рубеж в истории русского реализма, высший синтез предшествовавшего литературного развития и принципиально новый этап реалистического искусства слова. Пушкин выступил наследником и продолжателем литературной революции XVIII — начала XIX века, собирателем опыта своих предшественников,— как первых реалистов — «поэтов действительности», так и сентименталистов — этих «поэтов чувства и сердечного воображения», преодолев при этом односторонность раскрытия человека, свойственную тем и другим, и навсегда освободив литературу от той исторически обусловленной художественной ограниченности писателей прошлого, которая порождала эстетическую «невыдержанность» их творчества.

4

Характерная особенность русской поэзии XVIII века — ее существование в строго и навсегда установленных жанрах. Отсюда ее многожанровость и подчиненность многочисленным правилам. Жанровое мышление поэтов было обусловлено и традицией древнерусской литературы, и новым направлением — классицизмом. Как уже говорилось, основа классицистической поэтики — жесткое разделение литературы на жанры. Правила создания каждого жанра формулировались в поэтических кодексах — во Франции в «Поэтическом искусстве» Буало, в России — в «Эпистоле о стихотворстве» Сумарокова.

Ломоносов своим учением «о трех штилях», разделив литературу на три стилистические группы, дал каждой лингвистическое обоснование, утвердив за каждым жанром определенный тип слов. К высокому стилю относились героические поэмы, оды, «прозаические речи о важных материях». Они должны были составляться «из речений славено-российских, то есть употребительных в обоих наречиях, и из славенских, россиянам вразумительных». Средний, или посредственный, стиль (трагедия, послание, сатира, элегия) «состоять должен из речений, больше в российском языке употребительных, куда можно принять некоторые речения славенские, в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностию, чтобы слог не казался надутым. Равным образом употребить в нем можно низкие слова, однако остерегаться, чтобы не опуститься в подлость». Третий, низкий, «штиль» (им пишутся комедии, эпиграммы, песни, басни, а

в прозе — письма) «состоять должен» из речений русского языка, смешанных «со средними, а от славенских общенеупотребительных вовсе удаляться, по пристойности материй». «Простонародные низкие слова могут иметь в них место по рассмотрению».

Классицизм занимал господствующее положение в литературе всего четыре десятилетия. Но созданная им нормативная поэтика надолго определила жанровое мышление поэтов; теория трех штилей применялась на практике и в начале XIX столетия. Но при всей деспотичности правил создаваемые поэтами произведения не всегда и не во всем точно им соответствовали. Описания каждого жанра, данные в поэтических кодексах Буало и Сумарокова, рисовали идеальную модель. В реальной практике поэтов жанры не обладали этой идеальностью.

Так рождалось острое противоречие между личностным началом новой литературы и жанровым принципом нормативной поэтики, призванной дисциплиной и суммой правил обезличить художника. Противоречие это было исторически закономерным, а его преодоление способствовало ускоренному развитию литературы. Решающей активной силой в этом борении двух принципов являлась личность поэта. Под ее воздействием жанры утрачивали одни — декретированные — черты, приобретали другие, менялись более или менее по стилю и языку, по методу отбора жизненного материала и изображения человека. Жанры существовали на протяжении века, но они не превращались в окаменелости. В процессе развития поэзии, характерной особенностью которого была разгоравшаяся борьба с классицизмом (в том числе и с жанровым мышлением) и становление новых направлений, жанры видоизменялись, часто размывались их границы, разрушалась их чистота. В иные же периоды жанры дерзко взрывались изнутри.

В этой постоянно менявшейся структуре жанров (например, оды, басни, герои-комической поэмы), в отказе от одних жанров (например, сатиры) и в повышенном интересе к другим (например, песне) как в зеркале отражалось развитие поэзии XVIII века, ее неодолимое движение к наиболее полному и всестороннему объяснению действительности и человека и самораскрытию личности поэта, поиски новых путей и художественные открытия нескольких поколений поэтов. Вот почему целесообразно рассмотреть характер и особенности динамической жизни важнейших жанров русской поэзии XVIII века.

Новая русская словесность начиналась с сатир. Жанр этот, введенный Кантемиром, не получил развития в поэзии, хотя и были в последующем попытки его возрождения. Правда, во второй половине века появились произведения, которые назывались сатирами, а в действительности были литературными пародиями (опыты Баркова, Капниста, Дмитриева). Но *сатирическое направление*, начатое Кантемиром, прочно *утвердилось* в литературе — в прозе и поэзии, в которой широкое

распространение получила басня (Сумароков, Майков, Хемницер, Дмитриев, Крылов). Сатирическое отношение к действительности обусловило и появление таких жанров, как герои-комическая поэма и сказка. Вот почему наш обзор мы начнем с сатирических жанров, за которыми последует характеристика наиболее распространенных лирических жанров. Важное место в поэзии века занимала стихотворная трагедия (в меньшей мере стихотворная комедия). Тип настоящего издания не позволил включить в него образцы этих жанров. Но о них следует помнить, ибо только с учетом художественных достижений поэтов-драматургов картина поэзии века будет полной.

Своей поэтической практикой Кантемир способствовал утверждению в России классицизма. Он принимал деление литературы на жанры, но к каждому из них у него отношение неодинаковое. В четвертой сатире «К музе своей» изложена эстетическая программа поэта. Он решительно выступает против оды, отказывается от эклоги и выбирает для себя сатиру, которая представляла, по его убеждению, наибольшие возможности изображать действительность во всей ее достоверности. Всего им написано девять сатир, и именно они занимают ведущее место в его наследии. Связанный со старой традицией, Кантемир писал их силлабическим стихом. Позже, когда поэт познакомился с реформой Тредиаковского, он не принял ее. Готовя в Париже сатиры к изданию, Кантемир сохранил силлабический стих, значительно его усовершенствовав.

Сатира как жанр утвердилась еще в древнеримской литературе. Классические образцы сатиры были созданы Горацием и Ювеналом. В XVII веке сатиры писал законодатель французского классицизма Буало. Кантемир отлично знал своих предшественников.

Свои сатиры Кантемир начал писать в накаленной атмосфере политической борьбы с реакционерами за дело умершего Петра. Объектами его обличений стали противники петровских реформ, петровской политики европеизации России: «дворяне злонравные», церковники, защитники старины и обскурантизма, ненавистники просвещения, «хулящие учение». Метод построения сатир единый — после зачина-обращения (к уму своему, к музе, к солнцу и т. д.) идут живые примеры из действительности, поданные как портреты обличаемых.

В некоторых сатирах Кантемир, следуя Буало, изображает общий порок, создает портреты носителей этого порока в духе нормативной поэтики. Типы в этих сатирах лишены конкретной связи с обстоятельствами, их породившими. Они не живые личности, а именно носители приписанных им страстей — скупости, ханжества, сластолюбия и т. д.

В лучших своих сатирах Кантемир глубоко оригинален и самостоятелен. Новое в своих стихах поэт видел в том, что ему удавалось выразить «голой правды силу». К правде призывали и классицисты, но то была правда логически очищенной, разумной действительности. Кантемир пока-

зывал «голую правду» реальной, исторически конкретной жизни своего времени, своей родины.

Для Кантемира порочно то, что мешает просвещению отечества в эпоху господства невежественных преемников Петра. Он стремится запечатлеть не только общечеловеческий, но и частный, порожденный временем порок. Оттого нередко он обличает реального, конкретного, исторически и социально точно обозначенного носителя порока, передавая художественно убедительно условия его бытия. Портретные характеристики сатирических персонажей достоверны и типичны именно для русской жизни 20—30-х годов XVIII столетия. Некоторые из них были даже памфлетны, в них читатель узнавал реальных лиц, живших в столице. Тем самым Кантемир начинал новую традицию — «сатиры на лицо».

Как поэт-классик Кантемир, обличая, выдвигал идеал, который конструировался разумом. Но иногда его идеал социально-конкретен, национально обусловлен, потому что он был найден в реальной практике людей той эпохи. Во второй сатире мы находим обоснование идеала жизни человека, которому следуют просветители. В пятой сатире, показывая крепостного крестьянина, он хочет понять его стремления, обусловленные его трудовой жизнью крепостного, а не навязывать ему отвлеченный идеал разумного существования. Не жить впроголодь, не отдавать господам того, что принадлежит ему: «с коровы мне бы молоко, мне б кура носилась»,— такими словами выражает поэт желание пахаря. Еще примечательнее тот факт, что мечта о самостоятельной и независимой жизни крестьянина выражена в сатире словами народной поговорки:

Заплачу подушное, оброк — господину,
А там, о чем бы тужить, не знаю причины:
Щей горшок, да сам большой, хозяин я дома.

Использование пословиц, широкое допущение просторечия было тем отступлением от чистоты жанра, которое обуславливалось личностью Кантемира и создавало индивидуальную особенность и оригинальность его сатир. Буало, требуя «простого слога», запрещал поэтам обращаться к речи народа. «Чуждайтесь низости и речь блюдите строго»,— писал он. Кантемир иначе сформулировал свою позицию: «Подлинно автор всегда писал простым и народным почти стилем». В другом месте он признавался: «Обыкши я подло и низким штилем писать, не смею составлять панегирики, где высокий штиль употреблять надобно»; по образцу пословиц сатирик часто строит свою стихотворную фразу, стремясь к афористичности и простоте выражения больших мыслей.

Кантемир первым поставил на общественное обсуждение вопрос о месте крепостного крестьянина в феодальной России. Опираясь на учение о естественном равенстве людей, он впервые в России заговорил о крестьянине не с помещичьих, а с просветительских позиций. Для него

крепостной — «подобный» дворянину человек. Кантемир — дворянин, дворянская и историческая ограниченность свойственны его убеждениям. Она проявилась в том, что существовавшие в ту пору отношения крестьян и дворян казались ему необходимыми. Он не ставил вопроса о ликвидации крепостного права, но считал важным в тех условиях определить общественное положение и дворянина и крестьянина.

Дворянство для Кантемира — звание, которое отличает особую заслугу обществу. Отражая воззрение Петровской эпохи, он приветствует тех дворян, кто получил эту «почесть» за заслугу отечеству, и бичует тех, кто, пользуясь правами, заслуженными предками, ведет паразитический образ жизни. «Грамота, плесенью и червями|| Изгрызена, знатных нас детьми есть свидетель —||Благородными явит одна добродетель». Только заслуги могут отличать людей друг от друга, а не сословная принадлежность, не дарованное в силу происхождения право, ибо от рождения все люди равны.

Адам дворян не родил, но одно с двух чадо
Его сад копал, другой пас блеющее стадо;
Ное в ковчеге с собой спас все себе равных
Простых земледетелей, нравами лишь славных;
От них мы все сплошь пошли, один поранее
Оставя дудку, соху, другой — попозднее.

Так было, но теперь, когда уже есть разделение общества на два сословия — дворян и земледетелей,— все равно, утверждает Кантемир: «Та же и в свободных|| И в холопях течет кровь, та же плоть, те ж кости». И наконец, Кантемир, обращаясь к дворянину-читателю, провозглашает: «Всяк тебе человек подобен». Так русским Просвещением была найдена точная формула естественного равенства людей: дворянин подобен крестьянину. Именно эту формулу и усвоят просветители 1760—1780-х годов.

5

Эстафету сатирического изображения действительности принял Сумароков. Вслед за Буало он в «Эпистоле о стихотворстве» определяет правила написания сатир и их назначение «чистить нравы», «пороки осуждать», быть «зеркалом», отражающим в «смешном виде» неправедных судей, льстецов, богатых, «угнетающих бедных», и т. д. В соответствии с этими требованиями он написал несколько сатир, из которых наиболее интересной оказалась сатира «О благородстве». Объектом обличения были избраны дворяне, не исполняющие своего долга и обязанностей. Сумароков — дворянский идеолог, ему чужды просветительские взгляды, и потому его сатира отличается от кантемировской. Потому он начинает с обращения: «Сию сатиру вам, дворяня, приношу! ||Ко членам первым я отечества пишу».

Цель сатиры — обличением недостойных способствовать просвещению своего класса. Но резкость критики «недостойных» объективно обличала всех дворян, которые на практике были жестокими рабовладельцами и вовсе не хотели жить по идеально-разумным нормам Сумарокова.

После первых опытов Сумароков отказался от жанра сатир и избрал другой сатирический жанр — басню. И в этом проявилась индивидуальность поэта, с которой он так рьяно воевал как теоретик классицизма! Дело в том, что в «Поэтическом искусстве» Буало не было басни. Создатель нормативной поэтики отлучил от высокой литературы крупнейшего баснописца эпохи — Лафонтена. Сумароков, отступая от образца, ввел в свою «Эпистолу о стихотворстве» басню, определил самостоятельно правила ее написания, ссылаясь именно на опыт Лафонтена и на свои представления о должном стиле басни. Главной стилистической особенностью басни он объявил шутку: «Склад басен должен быть шутлив...»

Сумарокову принадлежит честь утверждения жанра басни в русской поэзии. Это не значит, что до него в русской литературе не было басен: при Петре, например, вышел прозаический перевод басен Эзопа, несколько Эзоповых басен перевел Тредиаковский, Ломоносов в «Риторике» поместил в качестве образца жанра три басни. Сумароков же утвердил новый тип именно русской басни, создал живой сатирический рассказ, выработал новый слог, первым отказался от шестистопного ямба, введя вольный разностопный ямб, с такой художественной выразительностью передававший живую речь героев. Именно потому этим размером писались все последующие русские басни. Классицизм требовал создания особого языка для каждого жанра. Басня принадлежала к низкому жанру, оттого в них господствует разговорная речь, но Сумароков использовал и просторечие, не боялся вульгарных слов, включал пословицы.

Драматический талант поэта щедро проявился в этом жанре — каждая басня представляет собой небольшую драматическую сцену. «Басня есть малая комедия,— писал один современник,— все различие их в том, что в оной звери бывают разумны, а в сей люди часто глупее скотов и, что еще хуже, злее зверей». У Сумарокова в баснях не всегда действуют только животные. Не всегда басни иносказательны, часто в баснях-шутках, сатирико-фельетонных сценах изображаются обличаемые поэтом люди. В басенных сатирических образах Сумарокова запечатлены разнообразные типы русского общества. Тут и львы-цари, и бюрократы-вельможи, чиновники-подьячие, взяточники, грабящие страну и народ, откупщики и тогаши и, наконец, бескультурные, невежественные, не исполняющие своего долга дворяне, жестоко обращающиеся с крестьянами. Крестьяне всегда изображаются людьми дикими, грубыми, нуждающимися в помощи и руководстве со стороны дворян.

Басни Сумарокова резко сатиричны. Своих врагов он изображает зло и страстно, не боясь грубости выражений и оценок. Живость рассказа,

драматизм действия, разговорный язык, резкость сатирических красок при изображении врагов и шутка как главная краска, как ведущая тенденция стиля басенного рассказа — таковы главные художественные достоинства басни, созданной Сумароковым.

Шутка, юмор, ирония не были украшающими элементами слога — в них проявлялась личность поэта, его индивидуальный взгляд на мир, его страстность в борьбе с ненавистными ему пороками и их мерзкими носителями — ворами-чиновниками, оскотинивавшимися дворянами, «надутыми», «спесивыми» вельможами и богачами... Классицизму, вводившему строжайшие правила для каждого жанра, свойствен тем самым общий стиль. Правила эти едины и обязательны для всех поэтов — оттого каждый должен писать по образцу единой модели. Шутка, ирония разрушали это единство. Личность поэта, вторгаясь в басню шуткой, делала ее стиль индивидуальным, неповторимо сумароковским. Чистота жанра разрушалась. Басня, запечатлевая личность сатирика, обретала новые черты, утрачивая свою логическую, рационалистическую сухость, начинала увлекать читателя не правильными мыслями, не логикой, но эмоциями поэта. И в этом один из секретов широкой популярности и долгой жизни басен Сумарокова.

Басни (за иносказательность, новеллистичность, фельетонность и даже очерковость поэт назвал их притчами) Сумароков писал с 1755 года до конца жизни. Вышло пять книг его басен: в 1762 году — первые две книги, в 1769 году — третья, после смерти поэта были опубликованы еще две книги. Всего им написано триста семьдесят четыре басни. Часть из них является вольным переводом или переделкой басен Лафонтена. Другие писались на русские темы, но с использованием известных мировых сюжетов и мотивов баснописцев древности — Эзопа и Федра, немецкого баснописца XVIII века Геллерта и др. Много басен оригинальных, построенных на материале фольклора или русских «анекдотов».

6

Следующий этап развития русской басни связан с творчеством Хемницера. Первая его книга басен издана в 1779 году, а через три года вышло ее второе, дополненное, издание. Басни, вошедшие в оба сборника, писались после Пугачевского восстания. В эту пору даже Сумароков отказался от резкой критики пороков своего класса и политики Екатерины. Перед лицом грозной опасности важно было сохранять единство дворянства. Восстание показало, как непримиримо противоречие между дворянами и крестьянами, какая ярая ненависть к угнетателям накопилась в народе. Писать идиллии, воспевать «сельское счастье» было трудно, как и говорить об обязанностях дворянина или обвинять правительство, только что защи-

тившее дворянство от великой беды. Басня стала утрачивать свою остроту, сатиричность. Подмена обличения нравоучением — так можно кратко определить характер перерождения басни в творчестве Хемницера.

Басни Хемницера, посвященные животрепещущим темам, предлагали свое, умеренное, часто компромиссное решение. В басне «Конь верховый» чванливый и исполненный гордости Конь презрительно разговаривает с работающей крестьянской Клячей. Смысл басни в полном достоинства ответе Клячи: «Не так бы хвастать ты умел, ||Когда бы ты овса моих трудов не ел». Мораль: занимающийся честным трудом крестьянин лучше бездельника барина.

Той же теме посвящена басня «Стрелка часовая»,— баснописец призывает к уважению труда тех, кто постоянно работает на общую пользу. В басне «Волчье рассуждение» Волк удивлен тем, что пастух стрижет овец, а не сдирает с них кожу. Благоразумный Слон разъясняет Волку, а заодно и глупым помещикам, не понимающим, как надо обращаться со своими крестьянами:

С тебя, да и с господ иных примеры брать—
Не будет наконец с кого и шерсть снимать.

Басни Хемницера заполнены проповедью морали умеренности и аккуратности, терпения и довольства своим состоянием. Поиски иной жизни, стремление изменить существующее положение бессмысленны, утверждает поэт («И будь доволен состояньем, ||В котором ты живешь»). Как честный художник Хемницер негодовал, наблюдая беззаконные и безнаказанные действия откупщиков, чиновников-взяточников, произвол местных властей. К числу лучших басен нужно отнести те, в которых поэт нарисовал яркую картину разложения аппарата власти. В басне «Привилегия» обнажались действия откупщиков, в басне «Паук и Муха» поэт честно констатировал:

Вор, например, большой, хоть в краже попадется,
Выходит прав из-под суда,
А маленький наказан остается.

В басне «Побор Львиный» открыто обличались злоупотребления чиновников, собиравших налоги. Но здесь же выражена и позиция автора — не восставать против увиденного, не вызывать у читателей гнев и желание покончить с режимом, где хозяйничают воры и грабители. Поэт предпочитает ограничиться констатацией: так устроено общество, таковы люди по своей природе, и ничего с этим не поделаешь.

Презирая паразитический образ жизни господствующего класса, горюя, что богатство ведет к неуважению трудящегося человека, сочувствуя бедняку, Хемницер не только не ставил вопроса об ответственности монарха, но не раз защищал его, призывая читателя надеяться на доброго

царя, на воспитание, на время, которое все сгладит и, может быть, принесет утешение. Специально этой теме посвящена басня «Добрый царь».

Следуя традициям классицизма, Хемницер широко прибегает в своих баснях к заимствованиям. Образцом он выбирает филистерски настроенного немецкого поэта-моралиста Геллерта. Басня у Хемницера стала назидательной новеллой. В одних он показывает, как отвратительна жизнь корыстных, порочных, себялюбивых и чванливых дворян, чиновников, судей, откупщиков; в других превозносит поступки скромных, не одушевленных никакими нелепыми мечтаниями, усердно работающих бедняков, воспевает честность, нравственный долг, терпение и покорность. Новеллистический характер построения и боязнь сатиры приводили поэта к тому, что он иногда превращал свою басню в жанровую сцену. Характерный пример — басня «Метафизический ученик».

Подменяя обличение нравоучением, Хемницер сознательно отказывался от стилистической манеры Сумарокова, от его резкого слога, грубого, близкого к просторечию языка. Хемницер пишет легким, разговорным языком образованного дворянского общества, добивается свободы интонации. Совершенствование стиха, мастерское владение живописью слова, достоверность быта и поведения людей в событиях, стремление передать интонацию речи героев в стихе — все эти художественные достижения Хемницера были усвоены последующими баснописцами, в частности, Крыловым.

Басни Хемницера засвидетельствовали те изменения, которые происходили в этом жанре в последнюю четверть века. Ее форма, четко сложившаяся в поэтике классицизма, распадалась. Яркий пример тому басня сентименталиста Дмитриева.

7

Дарование Дмитриева-поэта полнее всего выразилось в повествовательных жанрах — сказке (так называл он коренным образом переделанную сатиру, в которой отказался от обличения) и басне, ставшей любимым его жанром. Всего им написано восемьдесят басен. Большая часть их — переводы. Чаще всего он обращался к басенному наследию Лафонтена и Флориана. В одних случаях поэт использовал только традиционный сюжет, самостоятельно развивая повествование. В других — это относится прежде всего к Лафонтену — поэт стремился сохранить и самый стиль изящного рассказа французского баснописца.

Басня канонизирована классицизмом как низкий жанр. Отсюда — и грубость языка, и сатирическая соль слога. Дмитриев-сентименталист не принимал классицистического разделения поэзии на жанры, и басня для него — это не низкий жанр. В своем творчестве, обращаясь к традиционным жанрам, он отступал от строго определенных правил, добиваясь

стилистического единства своих произведений. Единство это определялось единством лирического субъекта его поэзии. В той или иной степени стихотворения Дмитриева, по традиции облекавшиеся в ту или иную жанровую форму, были выражением позиции автора. Личное начало в баснях проявлялось в сосредоточенности автора на моральной стороне жизни героев, которая его трогает и волнует.

Басне Дмитриева чужда сатира. Поэт не обличает, не рисует картин социальной несправедливости, не поучает, но рассказывает о каких-то событиях, обнаруживая в ходе самого повествования важные моральные истины. При этом автор нередко прямо вмешивается в действие, рассказывает о себе, о своем отношении к происходящему, к поступкам героев, предается воспоминаниям: «И мне такая ж участь, Шмель...» (басня «Пчела, Шмель и я»), «Я сам любил...» (басня «Два голубя») и т. д.

Басни Дмитриева можно разделить на две неравные группы. Первая, бóльшая, относящаяся к 1790-м годам, связана с его другими произведениями разных жанров единством морального идеала. Басни второй группы обусловлены политическими событиями начала XIX века, оттого в них зазвучали мотивы критики, оказались поднятыми политические темы.

В центре бáсен первой группы — «добрый человек», который отвергает господствующую мораль, учившую искать счастья в чинах, карьере, деньгах («Не чувствуя к чинам охоты, ||Не зная страха, ни заботы,|| Без скуки провождал свой век», — говорится о герое басни «Пустынник и Фортуна»). В басне «Искатели Фортуны» этот идеал утверждается в драматическом столкновении судеб двух друзей. Искатель Фортуны, жаждущий богатства человек, терпит фиаско. Автор не осуждает его, но всем строем рассказа показывает душевную бедность человека, занятого погоней за Фортуной, видящего счастье в богатстве. Его сочувствие на стороне того, кто счастье видит в ином — в покое души, в любви и дружбе. Потому басни превращаются в гимн дружбе («Два друга»).

Сосредоточенность на чувствах, раскрытие нравственных богатств личности, дискредитация традиционных в феодальном обществе идеалов должны были показать, что истинное величие человека не в богатстве кармана, а в богатстве души. На практике же это приводило к отделению человека от общей жизни отечества, делало его равнодушным к судьбам других людей. В этом оправдании эгоистического счастья, в желании выдать за добродетель смирение перед социальным злом выразилась консервативность позиции русского дворянского сентиментализма.

Но творчество Дмитриева и Карамзина развивалось неравномерно, политические обстоятельства русской жизни накладывали на них свою печать, определяли эстетические искания. Так Дмитриев с конца 1790 и в начале 1800-х годов, стремясь к расширению художественных возможностей сентиментализма, обратится к темам политическим и социальным. Он

станет осваивать сатирические жанры. В частности, заметное место в поэзии того времени займет его перевод одной из ярких сатир Ювенала — «О благородстве». Содержание сатиры Ювенала не устарело — в ней с гневом отвергался сословный принцип оценки человека по происхождению: «Надменный! Титла, род — пустое превосходство! Но дух, великий дух — вот наше благородство!» Требование ценить человека за его «дух», за дела для пользы общества, а не за «титлы» и заслуги предков сближалось в тех условиях с просветительским учением о человеке. Дмитриев в переводе стремился создать русский стиль негодующей сатиры: исполненный гневной энергии стих, афористически четкая фраза, эмоционально приподнятый ораторский строй языка.

Изменились в эту пору содержание и стилистика басен. Теперь при отборе басен для перевода внимание Дмитриева привлекают те, которые критикуют социальные и политические пороки самодержавного государства. Поэт допускает критику, но отвергает обличение. Эта позиция получила свое обоснование в басне «Змея и Пиявица». И та и другая равно «людей кусают», но польза их различна. Пиявица так формулирует это различие: «Я им лекарство, ты — отрава». Поэт тут же делает заключение: «Не то ли критика с сатирою у нас?» Критика — это лекарство; сатира, обличение — отрава.

«Дней Александровых прекрасное начало» — политическая амнистия, создание Комиссии по сочинению новых законов, многочисленные обещания усовершенствовать и либерализовать аппарат государственной власти — порождали надежды и иллюзии у многих. Питал те же иллюзии и Дмитриев. В карамзинском журнале «Вестник Европы» он опубликовал несколько политических басен. Критикуя, он предлагал «лекарство». В первой же басне, «Царь и два Пастуха», Царь сам признает, что не может добиться того, чего бы хотел: чтобы «цвела торговля», не было войны, «чтоб народ мой ликовал в покое». В реальности же власть несет бедствия и страдания народу. В басне «Воспитание Льва» Львенок, отданный на обучение Собаке, во время путешествия по стране видит подлинную картину жизни народа, притесняемого местными властями.

В подобной критике проявилась гражданская позиция баснописца. Но в предлагаемых рецептах, в путях устранения описанных бедствий Дмитриев остается верным своим дворянским убеждениям. Критикуя, он стремится вылечить близкий ему самодержавный строй. В басне «Царь и два Пастуха» эта позиция выражена с особой обнаженностью. Пастух объявляет Царю: правление его плохо, потому что у него плохие чиновники. Отчего же у него, Пастуха, порядок в стаде? «Царь,— отвечал Пастух,— тут хитрости не надо: ||Я выбрал *добрых* псов!» Тот же мотив и в баснях «Ружье и Заяц», «Калиф», «Воспитание Льва» и др.

В начале XIX века поэт и критик Мерзляков довольно удачно определил и эволюцию басни в дворянской литературе XVIII века, до Кры-

лова, и эволюцию ее слога: «Сумароков нашел их (басни.—*Г. М.*) среди простого, низкого народа; Хемницер привел их в город; Дмитриев отворил им двери в просвещенное, образованное общество».

Высший расцвет русской басни связан с именем Крылова. Он создал новый тип басни, которая была возвращена народу. Именно благодаря творчеству Крылова-баснописца литература прочно встала на почву подлинной народности. Просветительские убеждения Крылова, определив критическое отношение к действительности, обусловили формирование реалистической эстетики. Первые басни были написаны Крыловым в конце XVIII века. С 1800-х годов басня станет главным жанром в его творчестве. Он возродит на новой, реалистической основе острую, сокрушающую силу обличения, сатиру, способную в широких обобщениях раскрывать противоречия социальной и политической жизни России, ставить на общественное обсуждение общенациональные проблемы.

Используя традиционные басенные сюжеты, встречавшиеся, в частности, у Лафонтена, Крылов создавал картины русской жизни, раскрывал характер русских людей. В этом была одна из первых побед реализма. Изображение крестьян, людей труда перестало носить отвлеченно моральный и функциональный характер. В баснях Крылова изображались русские мужики, их чувства, мысли, поступки, представления. Крыловым была открыта, по словам Белинского, «тайна национальности». Победа, одержанная пока в крайне узких рамках басенного жанра, была многообещающей; она открывала широкие перспективы развития реализма и народности, что и нашло свое дальнейшее воплощение в творчестве Грибоедова, Пушкина, Гоголя.

8

Среди многих жанров поэзии классицизма мы встречаемся с так называемой герои-комической поэмой — антиподом поэмы героической. История возникновения этого жанра примечательна. В эстетическом кодексе Буало о поэме подобного рода речь еще не шла. Однако уже за несколько лет до выхода «Поэтического искусства» (в начале 1650-х годов) противник классицизма Поль Скаррон издал поэму «Вергилий наизнанку», в которой высмеивал неестественность, условность и надутость высоких жанров и героической поэмы прежде всего. Поэма Скаррона принадлежала к жанру бурлеска, широко распространившегося во Франции в первой половине XVII века. Бурлеск — шутка, перелицовка (травестирование). Бурлескная поэзия высмеивала («выворачивала наизнанку») античные мифы, героические эпопеи. Скаррон и «вывернул наизнанку» поэму Вергилия «Энеида». Высоких героев и богов он уподобил современным ему людям низкого звания, заставив их говорить грубым и вульгарным языком.

Бурлеск Скаррона имел огромный успех. Буало, защищая принципы героической поэмы, столь грубо высмеянные Скарроном, и учитывая популярность бурлеска, решил предложить читателям другой тип шутливой поэмы, или, как он писал, «новый род бурлеска». Написав поэму «Налой», он создал жанр герои-комической поэмы, противопоставив его поэме Скаррона. В «Налое» события ничтожные, выхваченные из будничной житейской практики простых людей, описываются языком торжественным и высоким. Когда часовщик и часовщица, пишет Буало, говорят языком Энея и Дидоны, читатель улыбается. Тем самым Буало заменял непристойную и оскорблявшую его шутку (издевательство над высокими героями и над самим жанром эпической поэмы) другой шуткой — изящной и изысканной, направленной против простонародья.

В XVIII веке на Западе и в России это противопоставление герои-комической поэмы бурлеску перестало ощущаться. И герои-комическая поэма и бурлеск уравнивались как единый жанр шутки, решавший одну и ту же задачу различными стилистическими средствами: в одном случае о низком говорилось высоким слогом, в другом — о высоком — низким слогом. Такое уравнение и нашло свое закрепление в «Эпистоле о стихотворстве» Сумарокова, разрешавшей русским поэтам писать оба типа поэм. Назывались они одинаково: «смешными геройческими поэмами». В литературной практике того времени их именовали «ирои-комическими поэмами». Автор такой поэмы, по мысли Сумарокова, должен был прежде всего смешить читателя. Смешное возникало не из характеров, не из жизненно оправданных ситуаций. Смешным был сам прием: эффект комического был одинаков, и когда Дидона говорила языком торговки, и когда бурлак вещал языком Энея. Читатель, воспитанный нормативной поэтикой. привык к четкому различению жанров и соблюдению правил. Оттого он и смеялся, когда видел отступление от жанровой чистоты, когда вместо обязательного в жанрах классицизма соответствия между слогом и темой— а в героической поэме обязательного закрепления за высокой темой высокого языка — он сталкивался с нарочитым нарушением правила. Дозволенное во имя шутки нарушение, игра словами, мастерская демонстрация стилистических нелепостей — вот что в конечном счете было содержанием «смешных геройческих поэм». Действие в них происходило в условном, призрачном мире пародии, где блуждали герои-фикции, послушные марионетки в руках поэта. В создании «смешных геройческих поэм», может быть, откровеннее всего проявлялось дворянско-аристократическое, барское презрение к тому реальному миру, в котором жили люди «низкого» звания.

В 1760-е годы, когда просветители и разночинцы поставили задачу художественного познания жизни народа, когда шла борьба против дискредитации той действительности, где жили простые люди, против объявления ее «низкой», достойной лишь комического или сатирического изображения, выступил разночинец Чулков с пародией на герои-комиче-

скую поэму,— назвав ее «Стихи на качели». Опыт оказался удачным на пути сближения поэзии с действительностью и взрыва нормативной поэтики изнутри. Поэты были скованы правилами, но правила допускали реальную жизнь в герои-комическую поэму в ряженом виде («Робенка баба бьет — то гневная Юнона»,— писал Сумароков). Чулков и воспользовался этим как предлогом для того, чтобы заговорить в стихах на «законном» основании о том, что было близко ему,— о делах и жизни простых людей. Поэт довольно откровенно заявлял: нужно «сыскать пример», «надобно искать в премудрости покрова». Жанр герои-комической поэмы и был таким удачным «покровом». Смысл поэмы Чулкова в воспроизведении неповторимых подробностей русского быта. Для Сумарокова условна описываемая в шуточной поэме «низкая» действительность, для Чулкова условны герои-боги, которые вовсе и не боги, а обряженные в маскарадные костюмы (иначе их не пустят в настоящее искусство) простые русские люди — нищие, ямщики, мелкие базарные торговцы, работники.

Наиболее ярким художественным произведением этого жанра явилась герои-комическая поэма Василия Майкова «Елисей, или Раздраженный Вакх». Она писалась в 1769 году в атмосфере успехов сатирической журналистики и борьбы с фальшивым изображением крестьянской жизни в эклогах и идиллиях. В своей поэме Майков демонстративно и дерзко изображает «низкую» действительность — столичные кабаки, работный дом для проституток и т. д. Ее герой — Елисей, лихой ямщик и гуляка. Сюжетное развитие поэмы идет как бы по двум линиям: реальной и фантастической. Столичные откупщики повысили цену на водку, что вызывает раздражение простого народа. Гнев работных людей выражен в фантастическом сюжете: Вакх — бог вина — тоже недоволен повышением цен на водку, потому что ее меньше будут пить. Чтобы наказать откупщиков, Вакх подговаривает Елисея, пьяницу и кулачного бойца, разгромить склады богатого петербургского откупщика. Елисей с удовольствием это осуществляет. В ходе событий полиция арестовывает Елисея, он попадает в тюрьму. Из тюрьмы его вызволяет Ермий (Гермес), действовавший по повелению Зевса, которого просил Вакх.

«Елисей, или Раздраженный Вакх» — поэма нового типа. Только формально она соответствовала правилам Сумарокова. В ней действуют боги, они рисуются сниженно, натуралистически выписывается их быт. Несоответствие — жизнь высоких героев и богов в окружении низкого быта и людей низкого звания — рождает комизм повествования. Тем самым «Елисей» как бы принадлежит к жанру бурлеска («Гектор не на войну идет — в кулачный бой»,— писал об этом типе поэм Сумароков). Но у Майкова действует низкий герой, ямщик Елисей, который поставлен в ситуацию, пародийно воссоздающую похождения богов и героев, описываемых в героическом эпосе (Сумароков так характеризовал эти поэмы: «Поссорился буян, — не подлая то ссора, || Но гонит Ахиллес прехраброго Гекто-

ра»). Первым отступлением от правил и было смешение двух типов поэм; поэт сочетал два «склада», две группы различных героев в одной поэме.

Майков решительно отказывается также от барского пренебрежения к «неблагородным» сословиям. Поэтому Елисей дан без идеализации, но и без презрения. Майков увидел в ямщике Елисее человека определенного социального положения. Его индивидуальные черты обусловлены социальной средой. Обстоятельства эти определили и его пороки (он пьяница, буян, драчун), и его положительные качества (чувство собственного достоинства, сила, юмор, сообразительность).

Условный сюжет приключений Елисея, соответствовавший законам избранного Майковым жанра «смешной геройческой поэмы», оказывался хорошим поводом для изображения подробностей жизни русских крестьян и работных людей столицы, подробностей их быта. В поэме множество эпизодов, посвященных приключениям Елисея, в которых мастерски изображаются картины сенокоса, кулачного боя, прощания с умершей матерью, быта тюрьмы, Петербурга и т. д.

В этом и проявилось новаторство — под «покровом» жанра перед читателем предстали жизненно яркие бытовые сцены, воссозданные языком сочным, близким к живой речи народа, исполненным юмора, свежести и силы выражения. По правилам, Елисей (ямщик) должен был говорить приподнятым языком или сам автор при характеристике низких дел ямщика обязан прибегать к высокому слогу. Вспомним указание Сумарокова: «В сем складе надобно, чтоб муза подала ||Высокие слова на низкие дела». У Майкова же ямщик о своих «низких» делах говорит «низким» же языком, то есть язык героя вполне соответствует его духовному складу. В этих случаях стиль не является источником комизма. А ведь комический эффект в «смешных геройческих поэмах» рождается из стилистического несоответствия. В поэме Майкова можно встретить смешные сцены, построенные на этом требовании, на этом приеме. Но их не так много. А вместе с тем поэма пронизана истинно русской веселостью, задорным, подчас соленым юмором. Смешное у Майкова иного происхождения. Смешны ситуации, в которые попадает герой, смешны предприимчивые действия никогда не унывающего, находчивого Елисея. Все эти черты стиля и художественного метода свойственны именно поэме Майкова. Они рождены в процессе преодоления канонов и правил жанра. Именно за это и ценил поэму Пушкин, утверждая, что «Елисей» истинно смешон».

С жанром герои-комической поэмы связана поэма Богдановича «Душенька». Как и в герои-комической поэме, в «Душеньке» снижаются образы царей, богов и героев, фантастическое смешивается с реальным. Но Богданович решительно отказывается от просторечия, не допускает грубых слов, отвергает «низкую» действительность, стремясь создать изящную картину в духе пасторальных придворных балетов. Содержание поэмы он заимствовал из романа Лафонтена «Любовь Психеи и Купидона», который

развивал одну из новелл романа Апулея — «Превращение, или Золотой осел». Апулей первым обработал античный миф о любви Амура и Психеи. Лафонтен, сохранив его фабулу, дополнил повествование новыми сюжетными приключениями. Французский писатель говорит о своих героях и их чувствах шутливо и иронически. Богдановича увлекла эта манера. Используя фабулу Лафонтена, Богданович во многом самостоятелен. Сохраняя большинство сцен французского романа, он сочиняет новые и, главное, по-своему, оригинально трактует образ Психеи. Поэт отказывается от раскрытия драматизма ее судьбы, от мрачных картин (например, посещение ада), смягчает те сцены, которые должны вызвать у читателя чувство сострадания к героине. Образ Психеи у Богдановича «приземлен» — это милая, кокетливая барышня, Душенька. Все приключения ее, о которых с иронической улыбкой рассказывает автор,— шутка, он не верит в серьезность встающих на ее пути испытаний. Все в созданном им сказочном мире условно и способно лишь вызвать у читателя мягкую улыбку.

Такой замысел обязывал поэта выработать новый стиль. Главная заслуга Богдановича-поэта и состоит в создании и совершенствовании легкого, свободного стиха. Поэт говорит от своего имени, личность его — личность поэта, иронически настроенного человека — проступает в каждом стихе поэмы. Оценив выразительные возможности вольного, разностопного ямба, который введен был до этого Сумароковым в баснях, Богданович написал им свою поэму. Разговорная легкость языка, лукавость и игривость тона рассказа, поэтическая смелость, иногда допускавшая даже небрежность, вызывали у современников и удивление, и протест, и восхищение. Позже эти поэтические достижения Богдановича были усвоены поэзией сентиментализма. Шутливого и пронического рассказчика, введенного Богдановичем, мы встретим позже в поэме Пушкина «Руслан и Людмила».

То обстоятельство, что поэма писалась в годы реакции, наступившей после подавления восстания Пугачева, предопределило отказ Богдановича и от сатиры и от гражданственности, которые были так характерны для классицизма в период его расцвета. Белинский осудил отсутствие серьезного содержания в поэме, отметил ее стилистические недостатки и в то же время признавал, что поэма «замечательное произведение как факт истории русской литературы: она была шагом вперед и для языка, и для литературы, и для литературного образования нашего общества. Кто занимается русскою литературою как предметом изучения, тому... стыдно не прочесть «Душеньки» Богдановича».

Карамзин с любовью относился к «Душеньке». Пушкин, отмечая достоинства поэмы, указывал в то же время, что ориентация Богдановича и других писателей-сентименталистов на французскую словесность породила такие вредные последствия, как «манерность, робость, бледность».

Первые «похвальные», торжественные оды появились еще в XVII столетии — их автором был Симеон Полоцкий. С той поры они стали распространенным жанром школьной лирики. В пиитических руководствах указывались правила их сочинения, а образцами объявлялись античные оды, и прежде всего оды Пиндара. На Пиндара ориентировался и Феофан Прокопович, когда в «Епиникионе» прославлял Полтавскую победу Петра.

В 1734 году Тредиаковский издал отдельной книжечкой «Оду торжественную о сдаче города Гданьска», присоединив к ней теоретическое «Рассуждение об оде вообще». Хотя ода Тредиаковского была написана тем же силлабическим размером, которым писали и его предшественники, он с полным правом сообщал читателям, что именно его ода «самая первая есть на нашем языке». Действительно это была первая торжественная ода нового типа — она создавалась по правилам французского классицизма, сформулированным его законодателем Буало в «Поэтическом искусстве». Одним из требований Буало было подражание образцам. Тредиаковский выполнил и его, взяв в качестве образца оду самого Буало «На взятие Намюра».

В 1739 году Ломоносов, отказавшись от силлабического размера, написал свою первую оду — «На взятие Хотина», избрав для нее четырехстопный ямб. В последующем поэт писал надписи, эпиграммы, начал работать над героической поэмой «Петр Великий», сочинил две трагедии, создал образцы научно-философской лирики — «Утреннее размышление...» и «Вечернее размышление...». Но именно ода стала главным и любимым его жанром.

Содержание од Ломоносова определялось его политическими убеждениями, в основе которых лежала концепция просвещенного абсолютизма. В преобразовательной деятельности Петра поэт находил подтверждение своих идеалов; он считал, что только просвещенный монарх может в современных условиях принести благо родине и народу. Потому постоянная тема его од — деятельность Петра. В одах, обращенных к Елизавете, а затем к Екатерине II, Ломоносов призывал их вернуться к политике Петра I и следовать его пути.

Оды писались на торжественные случаи придворной жизни, главным образом на годовщину восшествия на престол Елизаветы. Оттого в них обязательно включалась похвала императрице. Но то не было лестью ищущего подарка придворного. Тут-то и проявилось новаторство: прославляя и идеализируя Елизавету, поэт как бы говорил ей: смотри, вот каким должен быть просвещенный монарх, его долг развивать в России промышленность, установить мир — «возлюбленную тишину», покровительствовать наукам и просвещению. Воспевая талантливость русского народа, мощь и богатство России, поэт увлеченно доказывал, что стоит только

широко развить образование в стране, и сможет «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать». Общественным и поэтическим подвигом Ломоносова и был отказ от жанра похвальной оды и превращение ее в наказ царям, в программу развития русской культуры, разработанную просветителем. Бывший крестьянин и рыбак, став ученым и поэтом, отважно учил императрицу царствовать.

Ода строилась им как ораторское сочинение. Она писалась от имени русского человека, сына отечества, глубоко взволнованного судьбой любимой родины. Грандиозные картины великих побед недавнего прошлого и будущего процветания России, напряженно-патетическое чувство поэта, подчеркнуто эмоциональный строй языка (то, что Ломоносов называл словом «восторг») — все это создавало особый, индивидуально неповторимый, «высокой», гражданский стиль оды, исполненный смелых гипербол и аллегорий, восклицаний и неожиданных сравнений, насыщенный славянскими словами и мифологическими именами и образами. Такой стиль придавал оде монументальность, сложность и великолепие.

Высокий художественный уровень од Ломоносова способствовал широкому распространению этого жанра в русской поэзии XVIII века, он стал ведущим и в лирике классицизма. Ода Ломоносова была объявлена образцом, которому подражало несколько поколений поэтов. Поначалу эти оды приветствовал и Сумароков, хотя выработанные им принципы стиля, простота, рационалистическая ясность поэтического языка и противоречили эмоциональному, «громкому», лишенному логической простоты и ясности стилю Ломоносова.

Авторитет Ломоносова-поэта был настолько велик, что поэты-классицисты стали писать вслед за ним «громкие» оды. Число одописцев увеличивалось из десятилетия в десятилетие, количество од устрашающе росло, и уже в 1760-х годах стало рождаться убеждение, что ода изжила себя, утратив способность к творческому развитию, что она бесконечно только повторяет известные образцы, что одописцы неумолимо скатываются к эпигонству.

Гиперболический стиль ломоносовских од выражал высокие идеи величия и могущества России и русской нации. «Громкость» его гражданской оды была внутренне оправдана. Гиперболические же образы его подражателей, часто заимствованные у Ломоносова, заимствованная у него лексика и даже рифмы являлись чужеродными инкрустациями в одах, главным содержанием которых была беззастенчивая похвала очередному монарху, прославление его царствования. «Громкость» стала превращаться в пустую риторику.

Вырождение жанра с тревогой наблюдал Сумароков. Полагая, что все дело в отступлениях от правил и следовании «неправильным» одам Ломоносова, Сумароков объявил ему войну. В ряде статей Сумароков открыто осуждал оды Ломоносова за их «надутость», за стремление «прев-

зойти великость», за излишнюю «фигурность» речи, метафоризм, за отступление от «простоты» и логической однозначности слова. Сумароков подверг критическому разбору самую знаменитую оду Ломоносова 1747 года («Царей и царств земных отрада, || Возлюбленная тишина»), уличая поэта в грамматических ошибках (так воспринималось им свободное поэтическое словоупотребление Ломоносова), «нелепостях». Чтобы дискредитировать ломоносовскую систему, Сумароков писал пародии, называя свои опыты «Вздорными одами».

Одновременно с ниспровержением авторитета Ломоносова Сумароков сам писал оды, писал «ясно» и «просто», по правилам, им самим сформулированным, изгоняя «громкость», и «надутость», и «великолепие» метафорического стиля Ломоносова. Но успеха эти «правильные» оды не имели, и Сумароков перестал их писать, предпочтя им свои любимые жанры — песни и притчи.

Сложилось парадоксальное положение — поэтический кодекс классицизма объявил оду ведущим жанром лирики, определил правила ее написания, создал образцы «правильной» оды, рационалистически ясного стиля, а она пошла по «неправильному» пути Ломоносова (которого отлучил от классицизма сам Сумароков), утратив все достоинства ее создателя. Парадоксальность этого положения проявилась с еще большей силой и наглядностью в конце 1770-х—начале 1780-х годов, когда в пору полного упадка оды вдруг произошло ее возрождение в творчестве Державина. Художественные открытия Державина обусловили новый этап ее развития в качестве важнейшего жанра русской, гражданской, политической лирики. Так оказалось возможным появление революционной оды Радищева «Вольность» и вольнолюбивой оды Пушкина под тем же названием. Отказавшись от подражания и от правил нормативной поэтики, Державин, а вслед за ним и Радищев и Пушкин выступали подлинными наследниками и продолжателями Ломоносова.

Чтобы понять, почему ода в творчестве Ломоносова и Державина, а потом Радищева и Пушкина стала выдающимся явлением русской поэзии, с одной стороны, и с другой — существуя в рамках классицизма, она утрачивала свое влияние и авторитет, дискредитировала себя как жанр, необходимо выяснить решающие черты ее своеобразия, определенные истинным творцом русской оды — Ломоносовым.

Классицизм, как об этом уже говорилось выше, был исторически необходимым этапом в формировании новой русской литературы как литературы национальной, и в то же время он оказывался неспособным раскрывать русскую действительность первых десятилетий XVIII века в ее истине, не увидел и не запечатлел богатого и самобытного содержания бурных, имевших всемирно-исторический характер событий, в которых мощно проявились активность и талант национального гения. Противоречие это таилось в самой эстетической системе классицизма, требовавшего изобра-

жать не сущее, а должное. Данное противоречие все более обострялось, приводило на практике к отступлениям. История русского классицизма — это и история многочисленных отступлений поэтов от его эстетического кодекса. К их числу можно отнести и беспримерное развитие сатирического направления, и интерес к фольклору (даже у Сумарокова), и проявление личности поэта в сатирах Кантемира, в баснях Сумарокова, в поэме Богдановича «Душенька», и многое другое. Отступления и позволяли поэзии познавать и художественно воплощать реальную русскую жизнь XVIII столетия.

Отступлением было и одическое творчество Ломоносова. Отступление вовсе не означает отсутствия исторически закономерной, естественной связи и зависимости од от стиля европейского классицизма. Но зависимость не помешала Ломоносову отступать от многих «правил», создавать принципиально новую художественную форму просветительской оды, которая соответствовала потребностям исторической эпохи и открывала возможность поэтического воплощения конкретных явлений политической и национальной жизни России.

Оды Ломоносов, как мы знаем, писал «на случай», на реальные события своего времени, но объектом его поэтического изображения была жизнь России в первую половину XVIII века. Петровские преобразования определили новый этап русской истории и полувековой путь, пройденный страной и народом,— это для Ломоносова одна эпоха жизни русской нации. Дело, начатое Петром, несмотря на неразумную политику его преемников, неодолимо продолжало свое развитие. Поэт и стал певцом петровского периода русской истории. Представления и понимание людей петровского времени, что произошел «великий метаморфозис, или превращение России», было унаследовано Ломоносовым.

В чем же существо этого «метаморфозиса»? Россия как государство вышла на международную арену, заняла достойное место в ряду мировых держав, русская нация, мощно проявив свою творческую энергию, быстро догоняла древние европейские нации, начинала новую страницу своей истории. Вот почему эта эпоха будет привлекать внимание всех крупнейших русских деятелей, и писателей прежде всего: здесь начиналась новая жизнь «поднимающейся нации». Обращаться к Петровской эпохе в связи с необходимостью решать актуальные вопросы современности, для уяснения будущего России и ее народа, стало традицией русской литературы. Ломоносов первым начал художественное познание этой славной поры жизни России.

Поэтический рассказ в одах Ломоносова определяется эмоциональным отношением поэта к изображаемому миру. Тема «восторга», закрепленная в слове, порождала глубоко оригинальный стиль од. Что определяло этот стиль? Ответ один — личность Ломоносова.

Идея личности, мера внесословной оценки человека исторически

рождалась в европейских странах на почве антифеодальной борьбы и развития буржуазных отношений. В феодальном обществе господствовал сословный взгляд на человека. В России идея личности родилась в иных условиях, при других исторических обстоятельствах: в дыме грандиозных сражений и «великих викторий», преобразований страны — ее экономического и культурного возрождения, потребовавших поистине титанических сил от всего народа, от каждого участника событий. Русский человек петровского времени осознавал свое достоинство, свою силу, свои дарования, утверждал свою личность в активной деятельности на благо отечества. Так вырабатывался истинно русский идеал человека как человека-деятеля.

Ломоносов был воспитанником Петровской эпохи. Выходец из народа, он, благодаря способностям и таланту, постоянному труду, добился своей цели. Его личность реализовывалась в патриотической и научной деятельности. Но с наибольшей эмоциональной силой она оказалась запечатленной именно в поэзии.

Образ поэта в одах предстает не в своем бытовом облике, не как частный человек Михаил Васильевич со своими привычками, вкусами, семейными отношениями и т. д., но как Ломоносов-поэт, поэзия которого есть патриотическая деятельность, как гражданин, чувствующий свой долг и призвание служить народу и России. Смысл программного произведения Ломоносова — «Разговор с Анакреоном» — в том, что европейски прославленному поэту, вождю целого направления, выразителю определенной и распространенной концепции искусства противопоставлен Ломоносов — русский поэт, выразитель русской мысли. Спор ведет не безличный «дух государства», а именно Ломоносов, чья личность, нравственные идеалы, чья любовь к России, патриотическое чувство и раскрываются в образе русского поэта.

Художественный мир, созданный Ломоносовым, открыл новую Россию. «Всю русскую землю озирает он от края до края с какой-то светлой вышины, любуясь и не налюбуясь ее беспредельностью и девственной природой»,— писал Гоголь. Действительно, в одах мы постоянно встречаем поэта, озирающего Россию с какой-то «светлой вышины»: «Взирая на дела Петровы...», «Я духом зрю минувше время...», «Я вижу умными очами...». Поэт, взирающий на просторы России, исследующий ее прошлое, вдохновенно и дерзко приоткрывающий будущее, поэт, занятый думой о народе, стремящийся понять его роль среди других народов,— такова идейно-художественная особенность структуры ломоносовской оды. Высота, с которой открывается поэту необъятная Россия,— это его вдохновение, вознесенная «превыше молний» мысль.

В дыму сражений, в ратных подвигах предстают перед духовным взором Ломоносова «сыны российские». История определила жребий народу — отстоять свою родину от врагов. Они сражались на севере со шведами и одержали решающую победу под Полтавой, они отбили от влады-

чества турок южные рубежи России. Ломоносов видит и раскрывает в сражающемся народе нравственное здоровье и духовную силу. Они проявляются в самоотверженности, в готовности к подвигу каждого русского, в любви к отечеству.

Приняв боевое крещение, народ утвердил свое будущее: «Поставил бог и росов дух и не подвигнется вовеки». Победы обеспечили «тишину», мир, открыли путь к труду и просвещению. Обобщая опыт жизни «сынов российских», Ломоносов утверждал: «И путь отворен вам пространный».

Поэт созерцающий — не сторонний наблюдатель, но участник общих исторических событий, сын народа, чью судьбу он познает, плоть от плоти той нации, которая утверждала свое историческое бытие. Поэт ощущает единство своей судьбы с судьбой народа: «Мы пройдем... сквозь огнь и воды, преодолим бури и погоды, поставим грады на реках...» Мы — это «российские сыны», пахари и воины, в том числе и бывший помор Ломоносов, ныне ученый и поэт. Это единство проявляется прежде всего в патриотическом чувстве «восторга», который стихийно охватил молодой народ, а поэт, вышедший из «среды народныя», его выразил и запечатлел поэтическим словом. Вот почему оды Ломоносова — это акт самосознания народа. Осуществляется оно в образе созерцающего и познающего Россию поэта, который был и первым образом русского человека. Ломоносовская личность раскрывалась перед читателем именно в этом общем и главном, в том, что делало ее русской. Открыто и запечатлено было то, что создала действительность,— человек той эпохи, осознававший свою национальную обусловленность.

Ломоносов оказался способным, обобщая опыт нации на завоеванном ею рубеже своего всемирно-исторического существования, выразить русскую мысль. Европа неожиданно для себя открыла новую страну — Россию, новую нацию — русских. Она мечом отстояла свою независимость и силой утвердила свои права мировой державы. Что это за страна? Что несла миру новая нация? Что следовало ожидать? Ответ несла русская мысль, впервые осуществившая себя в одах Ломоносова. Поэт раскрыл нравственный мир новой нации, ее духовную силу, ее веру в себя, в свое будущее, ее активность, молодость и жажду деятельной жизни.

Русская мысль выражалась и в пластическом образе матери-родины. Это был образ не парадной, императорской державы, но России народной. «Европа утомлена в брани», она «простирает длани» к России, занятой трудом, и Ломоносов уподобляет Россию пчелиному рою. В этом образе раскрывается убеждение поэта о единстве нации перед лицом противостоящих ей сил, подчеркивается мысль, что мощь молодого государства определяется народной силой. Концепция просвещенного абсолютизма обретает народно-поэтическое воплощение.

Образ родины у Ломоносова всегда величав. Но то не холодная и грозная величавость, она овеяна добром и согрета лирическим чувством

поэта, с которым сливается чувство исполненного достоинства русского земледельца. Наиболее полно русская мысль нашла свое выражение в образе матери-родины в стихотворении «Разговор с Анакреоном». В споре с прославленным поэтом Ломоносов предлагает русскому живописцу написать «мою возлюбленную мать» — Россию. Образ матери-родины — это не светская красавица, не властная госпожа, не величественно-торжественный портрет императрицы, но русская женщина из народа: «...потщись представить члены здравы, возвысь сосцы, млеком обильны, и чтоб созревша красота явила мышцы, руки сильны» и т. д. В том, как поэт видит образ матери-родины, какими чертами ее наделяет, как любуется ее нравственным здоровьем, физической силой, бодростью, проявляется русский демократический идеал человеческой красоты.

То же олицетворение России в виде могучей женщины, «покоящейся среди лугов», мы находим и в одах. Но олицетворением поэт не ограничился: стремясь запечатлеть громадность и обширность русского государства и мощь народной России, он создал географический образ России. Этот образ России в ее планетарных масштабах: с севера на юг — от Невы до Кавказа, и с запада на восток — от Днепра и Волги до Китая (Хины) — несет мощный заряд эмоциональной энергии, передающей патриотизм русского человека, его любовь, гордость и восхищение своей родиной. Именно потому этот образ, активно помогавший самосознанию русских людей, был усвоен последующей поэтической традицией (см. стихотворения Батюшкова «Переход через Рейн» и Пушкина «Клеветникам России»).

Оды Ломоносова, вобрав опыт человечества, стали глубоко национальным, самобытным явлением, выразив русскую мысль и дух подымающейся нации. Ее пафосом стала *идея утверждения* величия и могущества России, молодости, энергии и созидательной деятельности — России, верящей в свои силы и свое историческое призвание нации. Идея утверждения рождалась в процессе творческого объяснения и обобщения опыта, реальной практики «российских сынов». Созданная Ломоносовым поэзия утверждения существовала рядом с сатирическим направлением. Ее рождение отражало насущную потребность русского самосознания. Нация, в Петровскую эпоху вступившая в новый период своего исторического существования, продолжала бурно развиваться. Активное проявление ею своей жизнеспособности и нравственных сил в последующем рождало постоянную потребность художественного исследования того, что составляло ее «тайну». И характерной особенностью всей русской литературы станет пафос утверждения. Жизненность ломоносовского направления подтвердила патриотическая поэзия Державина, Батюшкова, Давыдова, Пушкина и Лермонтова. Ломоносовское начало обрело новую жизнь в творчестве Гоголя и Толстого,

10

К концу 1770-х годов на поэтическом поприще не было крупных поэтов—Ломоносов, Сумароков, Майков уже умерли. Именно в ту пору молодые, начинающие поэты—Капнист, Хемницер и Львов—сблизились на почве недовольства существовавшей поэзией, поисков иных путей в искусстве. Львов пропагандировал в кружке народную песню. Интересы кружка оказались близкими Державину. Начинал Державин, как все,—писал оды вслед за традицией, равняясь на ломоносовский образец. Подражание неумолимо приводило к эпигонству. Эта несамостоятельность первых опытов огорчала поэта, рождала глубокую и спасительную неудовлетворенность.

В этой атмосфере поисков своего пути и сочувствия друзей и были им написаны три оды: «На смерть князя Мещерского», «Стихи на рождение в Севере порфирородного отрока» и «Ключ». Оды эти означали, что Державин нашел свой «особый путь», который помог ему понять новаторство «российского лирика». Все своеобразие ломоносовских од — в личности их автора. Ломоносов выступал как гражданин, как сын своего отечества, как русский, осознавший свой долг перед народом и Россией. В этом была его победа как поэта. Но ведь личность человека сложнее: кроме стороны общей — связывающей его с большим действительным миром,— есть и сторона внутренняя, с бесконечно богатой жизнью сердца. Новый исторический этап русской жизни открывал Державину возможность чувствовать свою личность в единстве общего и частного. Державин-поэт не только гражданин, каким представал в одах Ломоносов, но и частный человек, со своими убеждениями, вкусами, заботами, друзьями, семьей, слабостями. Державин и сделал свою оду автобиографической, способной выразить индивидуальный взгляд личности автора в единстве общего и частного. Обновляя оду, Державин не подражал, но исторически продолжал дело, начатое Ломоносовым. Связанная с художественными открытиями Ломоносова, его ода стала явлением глубоко оригинальным.

«Ода на смерть князя Мещерского» сохраняла лишь внешние формы традиционной оды. В действительности это было своеобразное, жанрово не очень определенное стихотворение. Ода была превращена в исповедь: человек, осознающий себя личностью, столкнулся с трагизмом бытия; чем острее осознавались им свои духовные богатства, неповторимость индивидуальной жизни, тем трагичнее воспринимал он смерть, беспощадно уничтожавшую высшие ценности бытия. Ода раскрывала в напряженном, исполненном экспрессии слоге смятенное состояние духа поэта. Традиционные размышления о смерти утратили риторичность, отвлеченность и рассудочность, они были согреты живым теплом сердца поэта.

Новаторство проявилось и в стихотворении, написанном по случаю рождения в 1777 году первенца Павла — Александра. Сначала Державин, как и другие поэты, откликнулся на событие традиционной похвальной

одой, но не напечатал ее. Через два года он создал и опубликовал новое произведение, и это была не похвальная ода, а легкое шутливое стихотворение, и написано оно не ямбом, а хореем — песенным размером! Ему было дано принципиально новое заглавие: «Стихи на рождение...». Не ода, а «стихи»! Такого жанра классицизм не знал.

В оде всегда действовали мифологические боги. Хвала монарху облекалась с помощью мифологии в аллегорические образы. Державин свои «стихи» тоже начинает с мифологических образов, но в соответствии с уже сложившейся русской бурлескной традицией (Чулков — Майков) он дерзко снижает высокую образность оды, очеловечивает богов и рассказывает об их делах шутя и балагуря. Снижая мифологические образы (Борея он называет «лихим стариком», заставляя его «облака сжимать рукой» и «сыпать инеи пушисты»), Державин отказывался от пародии. Его цель — изобразить подлинную действительность — русскую зиму. Одических богов он превращает в сказочных героев: его «седобородый» Борей ведет себя как русский дед-мороз.

Шутка — главная стилистическая особенность новой поэзии Державина, его обновленной оды. Позже он поставит себе в заслугу создание «забавного русского слога». Именно этот «забавный слог» помогал Державину раскрывать во всем, о чем он писал, свою личность. Шутка выявляла склад ума, манеру понимать вещи, взгляд на мир, свойственный поэту Державину как неповторимой индивидуальности русского человека.

Первые три обновленные оды, напечатанные анонимно, были замечены только любителями поэзии. В 1782 году Державин пишет оду «Фелица». Напечатанная в начале следующего года, она стала литературной сенсацией, этапом не только в истории оды, но и русской поэзии. По жанру это была как бы типичная похвальная ода. Еще один никому не известный поэт хвалил Екатерину, но «хвала» оказалась неслыханно дерзкой, не традиционной, и не она, а что-то другое оказалось содержанием оды, и это «другое» вылилось в совершенно новую форму.

Восприятию и пониманию новаторства оды «Фелица» способствовала и литературная атмосфера: похвальная ода усилиями Петрова, Кострова и других одописцев дошла до крайней степени падения, она удовлетворяла только вкусам венценосного заказчика. Всеобщее недовольство похвальной одой отлично выражено Княжниным:

Я ведаю, что дерзки оды,
Которы вышли уж из моды,
Весьма способны докучать.
Они всегда Екатерину,
За рифмой без ума гонясь,
Уподобляли райску крину;
И, в чин пророков становясь,
Вещая с богом, будто с братом,
Без опасения пером

В своем взаймы восторге взятом
Вселенну становя вверх дном,
Отсель в страны, богаты златом,
Пускали свой бумажный гром.

Державин в «Фелице» создает не официальный, условный и отвлеченно-парадный образ «монарха», а рисует тепло и сердечно портрет реального человека — императрицу Екатерину Алексеевну, со свойственными ей как личности привычками, занятиями, бытом; он славит Екатерину, но похвала его не традиционна — она выражает личные симпатии поэта. В оде появляется образ автора — по сути он изображал не столько Екатерину, сколько свое отношение к ней, свое чувство восхищения ее личностью, свои надежды на нее как на просвещенного монарха. Это личное отношение проявляется и к ее придворным — они не очень ему нравятся, он смеется над их пороками и слабостями, в оду вторгается сатира. По законам классицизма недопустимо смешение жанров — быт и сатира не могли появляться в высоком жанре оды. Но Державин и не соединяет сатиру и оду, он преодолевает жанровость. И его обновленная ода только формально может быть отнесена к этому жанру, поэт пишет просто стихи, в которых свободно говорит обо всем, что подсказывает ему его личный опыт.

Воззрения Державина на человека с наибольшей полнотой и поэтической дерзостью воплощены в философской оде «Бог». Поэт был религиозным человеком, и потому в оде нашли свое выражение его идеалистические воззрения на устройство мира, вера в бога-творца. Но в оде утверждалась и смелая мысль: человек хотя и является «созданием создателя», но величием своим он равен богу. Державинский герой не покорный «раб божий», но смело думающий и рассуждающий человек, с гордостью осознающий свое величие, могущество человеческого ума, достоинство независимой личности.

Державин был далек от передового общественного движения эпохи,— «возмутители», «бунтовщики», кто бы они ни были, мужики или дворяне, раз они выступали против самодержавно-крепостнического строя,— его враги. Враждебно он отнесся и к французской революции. Но Державин был сыном своего века, и просветительская идеология наложила свою печать на его мировоззрение. Просветительское представление о человеке как гражданине и патриоте, чье достоинство определяется не сословной принадлежностью, а делами, общеполезной деятельностью на благо родины, составляло основу общественных и философских воззрений Державина-поэта. Считая законным существовавший в России социально-политический режим, поэт, в сущности, никогда идеологически не защищал этот режим своим творчеством.

Державин славил человека, когда он того заслуживал. Оттого героями его стихов были или Суворов («На взятие Измаила», «На победы

в Италии», «На переход Альпийских гор», «Снигирь»), или солдат-герой, или Румянцев («Водопад»), или простая крестьянская девушка («Русские девушки»). Он славил дела человека, а не знатность, не породу.

Рисуя своих героев, Державин стремился раскрыть биографические черты их индивидуального характера. Но это не всегда удавалось. Нередко классицистическая эстетика оказывала сильное влияние, и тогда герои выступали в своем парадном величии, риторика вторгалась в оду.

Полная художественная победа была одержана поэтом в раскрытии своей личности. Поэзия Державина глубоко автобиографична. Автобиографизм явился величайшим открытием русской поэзии XVIII века. Оно было сделано до Карамзина и на иной философской основе, поскольку Державину чужд субъективизм. Державин изображал себя как объективного человека во всем многообразии связей с действительным миром, как реальный характер, живущий полной, сложной и духовно интенсивной жизнью, как личность, обуреваемую различными страстями. Стихи Державина запечатлели обаятельный мир души русского человека, гражданина и патриота. Белинский, поняв это открытие поэта, писал: «В них видна практическая философия ума русского; посему главное отличительное их свойство есть народность, народность, состоящая не в подборе мужицких слов или в насильственной подделке под лад песен и сказок, но в сгибе ума русского, в русском образе взгляда на вещи. В сем отношении Державин народен в высочайшей степени».

Как только на мир стала смотреть духовно богатая личность, так оказалось возможным запечатлеть в стихах реальность, конкретность окружающей ее природы как части объективного мира. Именно Державин открыл красоту и поэзию русской природы. В его стихах она утратила традиционный для классицизма условно-номенклатурный характер, перестала быть перечнем основных типологических признаков весны, лета, зимы или осени. Природа у Державина впервые предстала перед читателем в своей реальной красоте и богатстве красок как природа русского севера, с своими особенностями, чертами и приметами, тонко подмеченными человеком, восхищенным красотой мира. Пейзажная лирика XIX века — богатое и прекрасное явление русской поэзии. Основоположником этой традиции был Державин.

11

Важнейшей вехой в развитии одического жанра явилась ода «Вольность» Радищева. Поэзия привлекала внимание Радищева в течение всей его жизни. Знаток западноевропейской и русской поэзии, он выступил историком последней, написав первый научный очерк о Ломоносове-поэте, определив его место в русской литературе; ее теоретиком — разработав вопросы метрики, рифмы, поэтического мастерства. Известный автор рево-

люционной книги «Путешествие из Петербурга в Москву» был и поэтом. Юношеские опыты, относящиеся к 1770-м годам, до нас не дошли. Первое, самое главное в его поэтическом наследии стихотворение — ода «Вольность» — относится к 1781—1783 годам. Писал стихи Радищев и в ссылке — в Сибири и Немцове. В последние годы жизни он работал над поэмами «Песни исторические», «Бова», «Песни, петые на состязаниях».

Поэтическое наследие Радищева количественно не велико, но вклад Радищева-поэта огромен: он — зачинатель русской революционной поэзии, ее основоположник. Для Радищева писатель не только патриот, но и революционер, «прорицатель вольности», и потому, следовательно, политический деятель, участник освободительного движения. Вот почему он избирает новые темы — вольность, преступления самодержавия, право народа завоевать насильственно отнятую у него свободу. Какой для этого следовало избрать жанр? Высокое в классицизме определялось в конечном счете сословной идеологией — все то, что было посвящено богу и царю. Потому и писались оды духовные и похвальные. Ломоносов и Державин преодолели жанр похвальной оды и создали новый тип гражданского стихотворения, воспев мощь России и ее народа и величие человека. Опираясь на эти достижения, Радищев пошел дальше.

Рабство подавляет человека. Свобода же воодушевляет его, поднимает к новой, высокой жизни. «Известно, что человек существо свободное, поелику одарено умом, разумом и свободною волею; что свобода его состоит в избрании лучшего, что сие лучшее познает он и избирает посредством разума, постигает пособием ума и стремится всегда к прекрасному, величественному, высокому».

Следовательно, только свобода поднимает человека к «прекрасному и величественному», только в борьбе за свободу человек раскрывает свое природное величие и утверждает себя как личность. Этот строй духовной жизни человека и должен был определять стиль революционной, совершенно по-новому высокой поэзии.

«Вольность» Радищев назвал одой, коренным образом изменив содержание традиционного жанра, его тему, стиль и композицию. Стихотворение это — произведение огромного философского и политического содержания, в нем изложена концепция народной революции, приветствовался американский народ, завоевавший в революционной борьбе свободу от колониального рабства англичан, утверждалась мысль о равенстве людей и их праве силой вернуть свою свободу. Так русская революционная мысль впервые была высказана поэтическим словом.

Ода начиналась гимном Вольности. Вольность — «бесценный дар» человека, «источник всех великих дел». Что же является «препоной свободе»? Законы, созданные самодержавием и освященные церковью, согласно которым у народа отняли свободу и повергли его в дикое рабство. Народ, утверждает Радищев, имеет право восстать против угнетателей,

выступить против монарха. В центре оды оказывается восстание народа и суд над самодержцем-«злодеем». В этом проявилось не только высокое мужество поэта-революционера Радищева, но и его поразительная смелость поэта. Освященная давней традицией, хвала монарху была главной темой оды. Даже Ломоносов в своей реформированной оде сохранял эту хвалу, хотя и решительно перестроив оду, превратил ее в наказ царям. А Радищев дерзновенно и с диким вдохновением описал в оде (!!!), как восставшие, «сковав сторучно исполина», влекут его «к престолу, где народ воссел». И начинается суд над царем-мучителем, царем-злодеем:

Преступник власти, мною данной!
Вещай, злодей, мною венчанный,
Против меня восстать как смел?

Речь народа-судьи завершалась приговором:

Злодей, злодеев всех лютейший!
Превзыде зло твою главу.
Преступник, изо всех первейший!
Предстань, на суд тебя зову!
. . . . . .
В меня дерзнул острить ты жало!
Единой смерти за то мало —
Умри! умри же ты стократ!

Во второй половине оды Радищев рассказывает о созидательной деятельности победившего народа. Ода завершается вдохновенным пророчеством о будущей победе русской революции. Историзм помог Радищеву понять, что в современных ему условиях победа еще невозможна: «...но не пришла еще година, не совершилися судьбы». В «Путешествии из Петербурга в Москву», где впервые была опубликована большая часть оды «Вольность», эта мысль была уточнена — революция будет: «Не мечта сие, но взор проницает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие».

Новое содержание оды «Вольность» требовало выработки новой лексики и нового стиля. Прежде всего возникала необходимость создания новой политической терминологии, определения содержания вводимых им слов, понятий и терминов. Так, например, термин «вольность» до Радищева употреблялся в дворянской и правительственной литературе, причем он совсем не связывался с понятием политической и социальной свободы крепостного народа. Наоборот, слово «вольность» выражало дорогие дворянскому сердцу «вечные» его права (см., например, указ Петра III «О вольности дворянской»). Это типичный пример навязывания словам общенародного языка значения, угодного господствующему классу. Воля, вольность — заветные слова русского народа, выражающие его мечту, его идеал жизни, его надежды; они всегда значили или свободу от плена,

пли свободу от какой-либо зависпмости, а после утверждения крепостного права — свободу от крепости, рабства. Именно в таком значении это слово прозвучало в дни Пугачевского восстания. Это слово, опаленное пожаром восстания, исполненное истинных народных чаяний, запечатлевшее вековую мечту миллионов угнетенных, и ввел Радищев в литературу. Именно после Радищева слово «вольность» окончательно и навсегда утвердилось в русской литературе как призыв к революции, к разрушению самодержавного строя, к уничтожению крепостничества.

Чтобы убедить читателя в праве народа судить царя, надо было не только политически сформулировать вину самодержца, но и поэтически снизить образ царя. Так появился в оде дерзновенный эпитет — «злодей», а потом усиленное — «злодей злодеев всех лютейший». Словари запечатлели значение этого слова в ту эпоху — враг, недруг, законопреступник, человек, подверженный тяжким порокам. На первый взгляд никакого нового значения слово «злодей» в радищевской оде не приобрело. Оно употреблялось поэтом в значении — «законопреступник», нарушитель законов. Изменился только адресат — в практике литературного языка эпохи «злодеем» именовался восставший против самодержавной власти человек (так в манифестах Екатерины назывался Пугачев), а Радищев «злодеем» называет царя, нарушившего законы, созданные народом. Как видим, возможность такого нового, измененного применения слова «злодей» обуславливалось революционными убеждениями Радищева. Для него не монарх, а народ — творец законов. Следовательно, если царь их не соблюдает и употребляет их против народа, то он законопреступник, «злодей». В таком значении словосочетание «царь-злодей» и было закреплено в русском освободительном движении, в русской вольнолюбивой поэзии (см., например, оду «Вольность» Пушкина). До Радищева слово «злодей» такого значения не имело.

Изображая суд народа над царем, описывая восстание угнетенных, победу свободы, Радищев ни разу в оде «Вольность» не употребил слова «революция». Вместо него мы встречаем другое слово — «мщение». «Се право мщенное природы» — так называет Радищев борьбу народа с самодержавием, в «Путешествии» он назовет «мщением» Пугачевское восстание. Будущая победа вольности в России тоже произойдет вследствие того, что народы «себя отомстят». Слово «революция» в ту эпоху не получило распространения. Потому термином «мщение» Радищев стремился подчеркнуть справедливое, исторически закономерное право угнетенных силой оружия вернуть отнятую у них свободу. Слово «мщение» выступало в ряду других синонимов — «возмущение», «восстание», «перемена», но всегда Радищев подразумевает одно — революцию, вооруженную борьбу народа за свои права, за вольность.

Разработана Радищевым и поэтическая терминология для обозначения понятий — революционер, борец за свободу. Такого человека он назы-

вает «мстителем», «вождем», «великим мужем», «прорицателем вольности», чье вдохновенное слово собирает «бранную рать», вооружает «надеждой» народ, и увлекает его на мщение — революцию. Именно эта новая поэтическая лексика помогла Радищеву выразить и запечатлеть свою личность в революционных стихах. Ода «Вольность» автобиографична, в этом плане Радищев выступил наследником Ломоносова и Державина. Но совершенно новым, небывалым предстало перед русскими людьми «тайное тайных» души лирического героя оды.

Ненавистник рабства, свободолюбец, он жил единой жизнью с окружающим миром, его взор поэта и мыслителя прорывал «завесу времени, от очей наших будущее скрывающую». Он печалился, и это была скорбь патриота, видевшего «в отечестве своем драгом» ненавистные самодержавие и рабство. Он мечтал, и это была мечта о революции в России, о победе народа, о «дне избраннейшем всех дней». Всей жизнью своей, революционной работой, вольнолюбивыми стихами он приближал этот день. И высшей наградой ему будет благодарная память потомков. Пусть юноша, которому суждено будет жить в этом далеком будущем, придя на его могилу, скажет:

Под игом власти, сей рожденный,
Нося оковы позлащенны,
Нам вольность первый прорицал.

Лирическая стихия оды находила свое выражение в особо подобранной лексике, где ведущее место занимали славянизмы и древнерусизмы. Наполненные новым содержанием, они принимали новые оттенки, становились способными раскрывать новое, небывало высокое чувство революционера. Особо важную роль при этом в стиле оды «Вольность» играли библеизмы — славянские слова псалмов, входивших в Библию, характерные для псалмов фразеологические единицы («вдовиц и сирых», «бог сил», «благ податель» и т. д.).

Еще знаменательнее использование образов и мотивов псалмов. Прежде всего в псалмах Радищева привлекает мотив суда над царями. Многие псалмы рассказывают о «расправе» бога над «нечестивыми», «лукавыми» царями. Псалтырь была широко распространенной книгой, по ней учились читать. Радищев-революционер, первый в России писавший о праве народа судить царя-преступника, совершенно сознательно обращался к псалмам. Призывая народ к смелому и дерзкому действию, Радищев как бы говорил: ничего исключительного, необыкновенного в суде над царем нет, царь такой же человек. Он может совершить преступление и за это должен быть судим. Так, по свидетельству псалмов, бог судил царей, теперь народ может судить царя-преступника.

Мысль использовать для оды мотив божьего суда над монархом, развернутый в псалмах, несомненно была подсказана Радищеву жанром духовной оды — поэтическими переводами псалмов. Переводами занимались

многие поэты. Особенных успехов добились Ломоносов, Сумароков (переводивший больше всех) и Державин. Ломоносов, пожалуй, первым понял возможность превратить перевод псалма в гражданское стихотворение. С особой яркостью эта тенденция проявилась у Державина. В 1780 году его перевод 81 псалма («Властителям и судиям») стал крупным событием — в нем поэт сформулировал свои гражданские идеалы, свою политическую программу. Опираясь на текст псалма, Державин создал гневное стихотворение, в котором от имени бога судил недостойного монарха. Библеизмы передавали обличительную страстную интонацию поэта-гражданина, окрашивали его речь необычной по выразительности эмоциональной силой. Власти мгновенно поняли силу этого перевода, и он был вырезан из журнала, в котором был напечатан.

Опираясь на эту традицию, Радищев смело использовал библеизмы для выражения революционного содержания своей оды «Вольность», для раскрытия чувств поэта — прорицателя вольности.

Найдя новые слова для выражения своих революционных идей, создав новые термины и понятия, придав новые оттенки и значения старым словам, широко и смело используя славянизмы, древнерусизмы и библеизмы, Радищев надолго определил терминологию русской вольнолюбивой поэзии, ее стиль. Карамзин и другие сентименталисты выработали поэтический язык для выражения чувств частного человека, «жизни его сердца». Введенная ими лексика для передачи «чувствований» была воспринята Жуковским и Батюшковым, оказала влияние на лирику Пушкина-лицеиста. Радищев как основоположник революционной поэзии создал и во многом определил поэтическую терминологию для выражения революционных идей, и вслед ему пошли Гнедич, Пушкин, декабристы — Рылеев, Раевский и другие.

12

В иерархии жанров классицизма эпическая поэма занимала особо почетное место. Ее образцом была объявлена «Илиада» Гомера. Создание новой эпической поэмы должно было свидетельствовать о зрелости и высоте поэтической культуры данного национального классицизма. Но отличное знание как поэмы Гомера, так и сформулированных правил написания новой поэмы не приносило желаемого результата. Французский классицизм, например, добившийся громадных художественных успехов в разных жанрах, эпической поэмы не создал. В 1728 году Вольтер написал поэму «Генриада», которая сначала принесла ему шумный успех и славу, но потомками переоценена и забыта.

Эпос Древней Греции был посвящен мифологическим героям и богам, эпическое обуславливалось мифологическим сознанием и восприятием мира. Писать эпическую поэму в новое время, следуя античным образцам,

было невозможно. Важным нововведением Вольтера был отказ от мифологии и избрание для поэмы сюжета из героической истории своей страны. Складывался иной тип поэмы; хотя обязательное следование образцу в принципе сохранялось — в поэме появлялись сверхъестественные силы, аллегорические образы (Истина, Раздор, Любовь, Фанатизм и др.). Изменен был и образец для подражания: не «Илиада», а «Энеида» римского поэта Вергилия.

Для русского классицизма характерно было стремление уже на первом этапе своего существования решить проблему создания своей эпической поэмы. Кантемир и Ломоносов первыми приступили к отважному труду. Сторонники петровских реформ, они естественно избрали героем своих поэм Петра I. Кантемир писал «Петриду», Ломоносов — «Петра Великого». Дела и жизнь Петра как бы сами просились в героическую поэму. Руководствуясь правилами, каждый поэт самоотверженно работал над поэмой и каждый потерпел неудачу — поэмы не удалось завершить, они были брошены на первых песнях.

Причины неудач талантливых поэтов знаменательны и поучительны — они предопределены эстетическим кодексом классицизма. Исторически несостоятельной была прежде всего сама идея возрождения эпической поэмы. Героические события национальной истории требовали иных жанров. В свое время Маркс указывал, что «с появлением печатного станка» исчезли «сказания, песни и музы, а тем самым и необходимые предпосылки эпической поэзии» [1].

Классицизм, согласившийся заменить мифологический сюжет историческим, в то же время своими правилами не давал возможности поэтам запечатлеть реальный, подлинно исторический облик героя. Его эстетический кодекс все конкретное, индивидуальное, неповторимое в историческом деятеле приводил к единому знаменателю — отвлеченному, обобщенному образу абстрактного героя. Потому-то Петр в поэме Кантемира — это аллегорическая фигура человека, воплотившая в себе «мудрость, мужество к случаю ||Злу и благополучну, осторожность сильну, ||Любовь, попечение, приятность умильну, ||Правдивого судию, царя домостройна, ||Друга верна, воина, всех лавров достойна».

Ломоносов, предупредив, что в поэме речь пойдет о «невымышленных богах», но об «истинных делах, великом труде Петрове», все же был вынужден «петь», а не изображать, создавать условный образ «монарха», «отца россиян», «такого человека, каков во всех странах неслышан был до века». «Неслыханное» же в поэме выступало не как индивидуальные особенности личности Петра, не как своеобразие его характера, ума, действий и поступков, но как номенклатурный перечень общих добродетелей и поступков.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 12, стр. 737.

Неудачи Кантемира и Ломоносова не остановили Хераскова, и он несколько десятилетий спустя попытался все же создать русскую эпическую поэму. После многолетних трудов он наконец издал в 1779 году «Россиаду». Согласно правилам в поэме изображалось важное событие отечественной истории. Херасков воспел взятие Иваном Грозным Казани. Это событие поэт рассматривал как победоносное завершение великой борьбы России с татарским игом. Поэма, повествовавшая о подвигах русских людей, об их самоотверженной борьбе с татарскими поработителями, запечатлела патриотическое чувство любви русского поэта к родине.

В соответствии с образцами в поэме было двенадцать песен, написана она александрийским стихом и начиналась традиционным зачином: «Пою от варваров Россию свобожденну». Наряду с реальными людьми в поэме действовали потусторонние силы: бог, ангелы, святые, языческие боги, чародеи, которые вмешивались в дела, определяли судьбы людей. В соответствии с традицией значительное место в поэме занимает любовный сюжет. Следуя образцам, Херасков широко заимствовал и многие описания (очарованный лес, сцены ада и т. д.) из «Освобожденного Иерусалима» Тассо, «Энеиды» Вергилия, «Генриады» Вольтера.

Выбор эпохи и основных исторических героев определился политическими убеждениями автора. Дворянский идеолог и монархист, Херасков делает Ивана IV идеальным царем. Но в то же время он выдвигает в герои и вельмож. Мудрый монарх, по Хераскову, всегда опирается на вельмож, на аристократов, слушается их советов. Оттого поэт защищает Курбского, отстаивавшего право дворян быть в оппозиции к монарху.

«Россиада» была восторженно встречена литературными друзьями Хераскова, объявлена ими образцовым сочинением. Но читательским успехом поэма не пользовалась. Она вышла из печати в пору, когда широкий читатель с бóльшим интересом относился к прозе, к роману, сатирическим жанрам, наиболее связанным с знакомой русской жизнью, к комедиям и слезным драмам, к лирической поэзии. Осилить огромную по размеру, громоздкую по построению, наполненную малопонятными и наивными чудесами и условностями поэму было очень трудно.

Честь создания русской эпической поэмы как произведения, венчающего здание русского классицизма, принадлежит Хераскову. Но у нее не было будущего, она даже не принесла славы своему создателю. «Россиада» оказывалась памятником великого труда поэта, верного принципам литературного направления, которое уже прошло зенит своего развития.

13

Первые элегии в русской поэзии появились в 1735 году и принадлежали они нововводителю Тредиаковскому. Он же определил этот жанр как «стих плачевный и печальный», указав на необходимость различия двух

главных его мотивов — смерть близкого человека и «важные» любовные переживания; и тот и другой изображаются поэтом «всегда плачевною и печальною речью». В 1747 году в «Эпистоле о стихотворстве» Сумароков, определяя каноны элегии, сузил тематику элегий, сведя ее к воспеванию только «любовных горестей».

Призыв воспевать «любовны узы плачевным голосом» не был услышан поэтами. Да и сам Сумароков долгие годы не писал элегий. Перелом в истории этого жанра наступил в 1759 году, когда автор «Эпистолы» написал цикл элегий. Вслед за ним выступили Херасков, Попов и другие поэты. 1760-е годы (до 1772) — это годы расцвета «плачевных стихов» (в печати появилось более ста элегий) и одновременно их кризиса — к концу десятилетия уже явно обнаружилась исчерпанность жанра. В последние тридцать лет века талантливые поэты разных направлений уже не писали элегий. Элегия исчезла из поэзии (около десятка элегий, напечатанных в журналах, эпигонских по своей сути, в счет не идут). Любовное печальное чувство нашло свое выражение в песне, затем в анакреонтической оде. Возрождение элегии произошло лишь в начале XIX века на иной, романтической, основе.

В чем причина такой краткой жизни элегии XVIII века — жанра, который в первые десятилетия нового столетия открывал громадные возможности выражения духовного богатства личности многих поэтов, позволял им создавать неувядаемые шедевры русской лирики (Жуковский, Батюшков, Пушкин, Баратынский, Лермонтов)? Ответ на этот вопрос следует искать в самой философско-эстетической системе классицизма. Именно судьба элегии с особой наглядностью отражает противоречивость нормативной поэтики.

Буало включил элегию в свое «Поэтическое искусство». Определяя особенности и черты этого жанра, он опирался на опыт великих элегиков античности — Овидия и Тибулла. Но опыт авторов глубоко личных элегий приходил в противоречие с эстетическим кодексом классицизма, искусства антииндивидуалистического, которое не допускало, чтобы лирические жанры стали зеркалом души поэта. Потому практически выполнить рекомендации Буало было невозможно. И не случайно французский классицизм не создал образца элегии — им по-прежнему оставались элегии Овидия и Тибулла.

Сумароков попробовал выйти из тупика все тем же путем: созданием образца элегии, содержанием которой объявлялись жалобы героя, рассказ о тех чувствах, которые должны испытывать действующие лица стихотворения в заданных ситуациях — разлука, неразделенная или несчастная любовь. В «Эпистоле» Сумароков писал: «Любовник в сих стихах стенанье возвещает». Подобные «возвещанья» были своеобразным внутренним монологом. Но этот монолог произносил сумароковский человек вообще, герой, лишенный индивидуальных черт. Он функционален — ему определена

роль «плачущего любовника». Элегия оказывалась моделью заданных чувств. Сумароков не выражает «непритворные чувства», но учит чувствовать, создает образцы любовных страданий. Модель и запечатлела не интимные переживания личности, а науку чувствования. Отсюда холодность и риторичность речи героя, заданность ситуаций и должных, положенных в данном случае переживаний. Элегия, созданная Сумароковым и его последователями, очищена от всего индивидуального, конкретного, сложного. Герои («он» и «она») не имеют имен, в элегии нет описания места и обстоятельств события, не указываются причины разлуки, не называются препятствия и т. д.

Лишенная возможности развиваться (так как не могла наполняться, в силу своей безличности, живым, всегда индивидуально-конкретным чувством), созданная модель могла лишь повторяться. Поскольку не было «живых слов любви», элегию заполнили штампы — одни и те же мотивы и сюжетные ситуации, одни и те же слова о заранее заданных «стенаниях». Задан был и размер — элегии Сумароков писал александрийским стихом (шестистопным ямбом).

Потребность же в поэтическом выражении духовной жизни личности стала проявляться все с большей остротой. И тогда то, что не оказалась способной выполнить элегия, стала выполнять песня. Жанровые возможности песни были более широкими: она могла быть печальной и веселой, шуточной и сатирической, военной и застольной, в ней рассказывалось о любви — счастливой и несчастной, об изменах и разлуках, о горе молодой женщины, выданной замуж за нелюбимого, и т. д. Песня оказывалась способной перенять функцию элегии в выражении любовных чувств и не быть скованной декретированными признаками жанра — тематическими и ритмическими. Первым это понял Сумароков, который начал писать песни раньше элегий. В своей «Эпистоле» он требовал от пишущих песни не только «ясного», «приятного» и простого слога, лишенного «витийств», но и, главное, чтоб в песне торжествовала страсть, а не разум: «чтоб ум в нем (слоге) был сокрыт и говорила страсть; || Не он над ним большой — имеет сердце власть». Этому предписанию следовал сам поэт, когда писал песни (им написано более ста песен).

Естественно, что и песни Сумарокова были лишены глубоко личного, автобиографического начала. Характерный пример: драма, пережитая поэтом (после смерти жены он полюбил свою крепостную и, бросив вызов дворянскому обществу и родственникам, женился на ней, за что подвергся ожесточенным нападкам и остракизму), не нашла своего выражения ни в элегиях, ни в любовных песнях. Он писал песни от имени мужчин и женщин, от имени счастливых и горюющих любовников. Поэтически раскрывая интимные человеческие чувства, он учил читателя радоваться и скорбеть, любить и ненавидеть. Его песни воспитывали культуру чувства, давали образцы нравственного поведения на разные случаи жизни.

Популярность песен Сумарокова объяснялась и их психологизмом (при всей его условности и рационализме), и прежде всего их напряженной эмоциональностью, потому что в них «говорила страсть». Эта эмоциональность передавалась не только сюжетом и лексикой, но и разнообразной ритмикой песен, которая создавала музыкальный напев. Иррациональная мелодия речи в известной мере разрушала логическую структуру песни, «разумный» анализ страсти. Именно Сумароков начал вырабатывать язык и стиль любовной поэзии, подготовив тем самым будущее развитие лирики.

В 1760—1780-е годы песня займет ведущее место в русской лирике, она будет способствовать обновлению поэзии, так как помогала поэтическому выражению сокровенной «жизни сердца». Песни писали крупные поэты и рядовые участники литературного движения — Державин и Попов, Богданович и Николев, Дмитриев и Нелединский-Мелецкий, Карамзин и Львов.

Важную роль в развитии литературной песни сыграло ее сближение с народной песней. Фольклорными исканиями отмечены уже песенные опыты Сумарокова. В 1760-х годах фольклоризм русских писателей во многом обуславливался просветительской идеологией. В борьбе просветителей за самобытность литературы особую роль должен был сыграть фольклор.

Со своих позиций интерес к фольклору в 1760-е годы проявляли разночинцы, а в последние два десятилетия века — сентименталисты. Отсюда возраставшее из десятилетия в десятилетие общее внимание писателей к фольклору, развертывание работы по собиранию песен и пословиц, использование поэтического творчества народа для обновления литературы.

Наибольший интерес был проявлен к песне. Первое печатное собрание песен в составе «Письмовника» Курганова появилось в 1769 году. В 1773—1774 годах Чулков (при участии Попова) издал четыре части «Собрания разных песен» (в дальнейшем сборник трижды переиздавался), в 1780—1781 годах Новиков напечатал «Новое и полное собрание российских песен» в шести частях. В последующие годы издание песенников стало обычным делом. Заслуживает внимания и тот факт, что сборники песен издавали поэты: Попов подготовил в 1792 году книгу «Российская Эрата», а Дмитриев в 1796 году — «Карманный песенник».

Состав песенников не был однородным — помимо собственно народных песен (разнообразных по тематике и тональности), в них входили литературные песни (печатавшиеся без имени авторов) и значительное число анонимных песен и романсов, создававшихся в городской (демократической) и солдатской среде. Главное место во всех этих трех группах занимала любовная песня, и прежде всего городской романс, пользовавшийся огромной популярностью. Привлекал он читателя тем, что открывал ему сокровенный мир чувств человека. Безымянные поэты писали о красоте,

сложности, драматичности испытаний и перипетий любви. Песня говорила о напряженной нравственной жизни человека, помогала понимать и ценить чувства, наслаждаться ими. Песня стала самым доступным и широко распространенным жанром, в котором с эмоциональной силой утверждалось новое понимание человека. Пафосом песни оказалась крылатая мысль Руссо, что человек велик своим чувством.

Песня пробуждала чувство личности, учила ценить человека не по сословной принадлежности, а за нравственное богатство, проявленное в интенсивном чувстве. Любовь помогала самоутверждению личности. Любить, утверждала песня,— значит «следовать природе». Власть любви всемогуща. Любовь помогает ломать законы, установленные людьми, потому что они уродуют жизнь человека. Главный из них — социальное неравенство, разделяющее любящих. Песня прославляла страсть, помогающую человеку преступить этот закон, пренебречь традиционными представлениями о счастье. Вместо прежних идиллических картин любви пастухов и пастушек (например, в эклогах и идиллиях Сумарокова и его последователей) или безличных и бесплотных любовников, демонстрирующих заданные страдания от беспричинной разлуки (в элегии), появляются песни о любви дворянина к крестьянке со всеми сложными и реальными испытаниями, песни, рассказывающие об индивидуальном чувстве конкретного человека.

Народные песни и городские романсы оказывали влияние на поэтов. Они переделывали эти песни на свой лад, заимствовали сюжеты, образы, лексику. Литературная песня приобретала новый характер, как бы «указывала» поэзии путь развития по руслу национальной самобытности.

Характерна и знаменательна в этом отношении деятельность Н. Львова. Он выдвинул идею народности литературы, понимая ее как национальную обусловленность. Замечательны его изучение и собирание народных песен. По его инициативе был издан интереснейший сборник «Собрание народных русских песен с их голосами, положенные на музыку Прачем» (1790), сыгравший значительную роль в русской литературе. Сам Львов написал несколько подражаний народной песне. Даже в переводах он стремился использовать опыт народной поэзии. Так, он норвежскую «Песнь Гаральда Храброго» «переложил» образом древнего стихотворения «Не звезда блестит далече в чистом поле».

Стремление научиться у народа писать песни по «русскому покрою» отличает и других поэтов. Не всегда их опыты были удачными. Но такие, например, песни, как «Ты бесчастный добрый молодец» Попова, «Кружка» Державина, «Вечерком румяну зорю» Николева, действительно были русскими и быстро завоевали популярность у демократического читателя, оказались принятыми народом.

Более сложным было отношение к фольклору поэтов-сентименталистов. В 1780—1790-е годы на страницах журналов появилось имя нового

поэта — Ю. Нелединского-Мелецкого. Большая часть его наследия — эпикурейская лирика, главный мотив которой — любовь. Любовь в стихах Нелединского — земная, реальная страсть. Интерес современников к народному творчеству обусловил интерес поэта к песне. Следуя за уже сложившейся традицией, он обращался к народной песне, приспособлял ее к требованиям дворянской культуры. Создаваемые Нелединским и другими сентименталистами песни объективно ослабляли влияние народной поэзии и, значит, демократической идеологии. Большая часть песен Нелединского — не очень талантливая стилизация. Но когда поэт проникался духом народной поэзии, тонко понимая ее красоту и силу, из-под его пера выходили песни, приобретавшие популярность не только в кругах образованного общества — читателей Нелединского. Они принимались народом как свои. Из них наибольшим успехом пользовались песни «Выйду ль я на реченьку», «Ах, тошно мне».

Первые песни Дмитриева, напечатанные в 1792 году — «Стонет сизый голубочек...» и «Ах, когда б я прежде знала...»,— написаны в подражание народным. Песне о сизом голубке поэт придал новеллистический характер. Стремление к новеллистичности отличает художественную манеру Дмитриева — так же строились им многие басни. В песне рассказывается, как голубка покинула своего возлюбленного, а верный голубок «сохнет» в тоске и умирает. Вернувшаяся голубка исполнена раскаяния — «плачет, стонет, сердцем ноя». Главная забота поэта была направлена на создание настроения. Автор тщательно отбирает эмоционально окрашенные слова, которые сразу погружали читателя в стихию тихого, грустного чувства: «стонет», «тоскует», «сохнет», «слезы льет», «страдает», «плачет» и т. д. Читатель оказывался во власти созданного поэтом настроения. При этом чувство у Дмитриева лишено трагизма, сложности, исступления — оно тихо, ровно и, главное, «приятно». За «приятность чувствования» и полюбились песни Дмитриева, и особенно песня про голубка.

Песни Дмитриева учили «любить печаль», находить «приятность в грусти»; рассказывая о печальных перипетиях любви, они открывали читателю возможность в «наслаждающемся размышлении самого себя» «вкушать удовольствие». В песне «Тише, ласточка болтлива...» тоскует возлюбленный, расставшийся со своей милой. В песне «Ах, когда б я прежде знала» раскрываются страдания неразделенной любви. Герой песни «Птичка, вырвавшись из клетки...» «воздыхает» о терзающей его возлюбленной, но при этом «страдающий» не хочет разорвать «оковы» своего чувства, он «кропит их слезами» и ждет, когда «жестока уморит». Декларацией «приятности грусти», страдания является песня «Коль надежду истребила...» Герой ее любит без надежды, но сердечные муки дороги и милы ему, он любит не столько возлюбленную, сколько саму любовь свою.

Любовные песни Дмитриева, как и песни других поэтов конца века, были самым популярным лирическим жанром. Здесь вырабатывался стиль будущей сентиментальной и романтической элегии, дань которой отдал и Пушкин в лицейский период. Многие его юношеские стихотворения посвящены воспеванию разлуки с любимой, превратностям любви, сердечным страданиям. «Тоска» и «слезы утешенья» Пушкина питались традицией, которая складывалась еще в 1780—1790-е годы. К этой же традиции восходят и поэтические афоризмы юного поэта: «в слезах сокрыто наслажденье», «моей любви забуду ль слезы», «мне дорого любви моей мученье — пускай умру, но пусть умру любя».

Любовные песни принесли Дмитриеву популярность. Но поэта они не удовлетворяли, не удовлетворяла прежде всего философия «мучительной радости», которой он отдал дань в песнях. Общий характер мировоззрения Дмитриева — оптимистический. Уныние не выражало полностью чувств поэта. Его манил действительный человек, его радости и связи с другими людьми, с миром всеобщим. Потому, оставаясь верным жанру, он стал писать песни в иной тональности, в чем-то приближаясь к Державину.

В песне «Наслажденье» воспеваются радости бытия. Жизнь скоротечна, и потому бессмысленно проводить ее в тоске, печали и слезах. Эти настроения усилились к 1795 году, когда была написана песня «Други! время скоротечно...». По своему духу она близка к одам Анакреона, переводы которого стали появляться в печати в это время. Песня, написанная от имени ее героя, является исповедью. Его речь, не лишенная грубости, исполнена прозаизмов, разговорна. Она передает и насмешку, и какую-то русскую удаль подгулявшего человека. Он решителен в своих суждениях: «Лучший способ дружно жить: меньше врать и больше пить». Он отвергает рецепты сентиментальных поэтов, учивших находить приятность в грусти. Не уныние, но арак (сорт водки) прославляет поэт: «О арак, арак чудесный! Ты весну нам возврати». В том же ключе написаны и такие песни, как «Видел славный я дворец...» и «Пой, скачи, кружись, Параша!..»

14

Карамзин начал свой путь в пору, когда находился под сильным влиянием философии Просвещения. Просветители (французские и немецкие) разбудили в юноше интерес к человеку как духовно богатой личности, чье нравственное достоинство не зависит от имущественного положения и сословной принадлежности. Идея личности стала центральной и в творчестве Карамзина, и в его эстетической концепции. Но как истый дворянский идеолог он не принял идеи социального равенства людей — центральной в просветительстве. До конца жизни Карамзин оставался верен убеж-

дению, что неравенство необходимо, что оно даже благодетельно. В то же время он делает уступку просветительству и признает моральное равенство людей, что с такой определенностью выражено в известной его повести «Бедная Лиза».

Противоречивые взгляды и являлись той основой, на которой складывалась в эту пору (конец 1780-х — начало 1790-х годов) у Карамзина отвлеченная, исполненная мечтательности утопия о будущем братстве людей, о торжестве социального мира и счастья в обществе. В стихотворении «Песня мира» он пишет: «Миллионы, обнимитесь, || Как объемлет брата брат!», «Цепь составьте, миллионы, || Дети одного отца! || Вам даны одни законы, || Вам даны одни сердца!». Религиозно-нравственное учение о братстве людей слилось у Карамзина с абстрактно понятыми представлениями просветителей о счастье свободного, неугнетенного человека. Рисуя наивные картины возможного «блаженства» «братьев», поэт настойчиво повторяет, что это все «мечта воображения». Подобное мечтательное свободолюбие противостояло воззрениям русских просветителей, которые самоотверженно боролись за осуществление своих идеалов, противостояло прежде всего революционным убеждениям его старшего современника Радищева.

Писатель-сентименталист Карамзин сознательно и последовательно не принимал эстетику классицизма, решительно отвергал его нормативную поэтику с ее жестким разделением поэзии на жанры. Отсюда решительный отказ от жанровой системы, размывание границ, например, оды, когда поэт обращался к темам патриотическим («Военная песнь») или гражданским («К милости» — стихотворное обращение к Екатерине проявить милость к арестованному ею просветителю Новикову), или использование жанра обновленной песни, или попытки ввести новые жанры — балладу, дружеское послание, мадригал, а иногда стремление писать просто стихи, лишенные какой-либо жанровой определенности.

В первый период творчества именно поэзия Державина, с ее вниманием к реальному человеку, с ее автобиографизмом, была близка Карамзину. Только герой большинства карамзинских стихотворений жил тише, скромнее, более замкнуто, был лишен гражданской активности; Карамзин не способен был гневно возмущаться, грозно напоминать «властителям и судиям» об их высоком долге перед своими подданными, громко, шумно радоваться. Он как бы прислушивается к тому, что происходит в его душе, улавливает никому не ведомую, но по-своему большую и напряженную жизнь сердца. Вот умер друг и поэт А. Петров — в стихотворении «К соловью» запечатлелись боль и стоны горюющей души. Пришла осень: «В мрачной дуброве... с шумом на землю валятся желтые листья», «поздние гуси станицей к югу стремятся»,— щемящая тоска заползает в сердце («Осень»). Стихотворение «Кладбище» — это драматический диалог двух голосов. «Страшно в могиле, хладной и темной!» —говорит один; «Тихо

в могиле, мягкой, покойной»,— убеждает другой. Смерть страшна земному, влюбленному в жизнь человеку, он, «ужас и трепет чувствуя в сердце, мимо кладбища спешит». Утешает его тот, кто доверился богу и в могиле «видит обитель вечного мира». Жизнь не есть безысходное страдание — «но и радость бог нам дал». Так пишется программное стихотворение этой поры «Веселый час». Познавший печаль и тоску, горе и страдание, лирический герой Карамзина восклицает: «Братья, рюмки наливайте!», «Все печальное забудем, || Что смущало в жизни нас; || Петь и радоваться будем|| В сей приятный, сладкий час!». Петь и радоваться, а не предаваться отчаянию, и не в одиночестве пребывать, а находиться с друзьями — вот чего взыскует душа человека. Оттого общий тон стихотворения светлый, не замутненный страхом, мистикой и отчаянием: «Да светлеет сердце наше, да сияет в нем покой»,— провозглашает поэт.

Вера в жизнь, несмотря на все страдания и скорби, которые она обрушивает на человека, дух оптимизма пронизывают и замечательную балладу «Граф Гваринос». Баллада Карамзина о рыцаре Гвариносе — это гимн человеку, хвала мужеству, убеждениям, которые делают его непобедимым, способным преодолевать несчастья.

Осенью 1793 года Карамзин был потрясен «ужасными происшествиями» во Франции — суровой расправой якобинцев с врагами революции. Якобинская диктатура с ее террором и решимостью защитить интересы демократических масс испугала Карамзина, возбудила в нем сомнение в возможности достичь счастья и благоденствия для человечества, для всех людей (чтобы можно было «тигра с агнцем примирить», чтоб «богатый с бедным подружился и слабый сильного простил»). Писатель осудил революцию и просветителей как пустых мечтателей («Век Просвещения! Я не узнаю тебя — в крови и пламени не узнаю тебя, среди убийств и разрушений не узнаю тебя!»). С наибольшей полнотой новые взгляды выразились в поэзии, и раньше всего в двух дружеских посланиях — И. Дмитриеву и А. Плещееву. Крушение веры в гуманистические идеалы Просвещения было трагедией Карамзина. Философия отчаяния, фатализма и пессимизма станет пронизывать теперь творчество писателя. Его сентиментализм приобретает субъективистский характер. Карамзин вырабатывает новую поэтику, для которой характерны игнорирование реального мира («существенность бедна: играй в душе своей мечтами»), признание поэта «искусным лжецом», умеющим «вымышлять приятно» («К бедному поэту»), интерес к таинственному и недоговоренному, к напряженной внутренней жизни, чуждой миру, где господствует зло и страдание. По убеждению Карамзина этой поры, в действительности существуют законы сердца и природы, следование которым несет человеку счастье («Любовь и дружба — вот чем можно ||Себя под солнцем утешать») и противостоящие им законы людей и неба, ломающие жизнь людей. Повести Карамзина проповедуют смирение перед роковой неизбежностью, но они же проник-

нуты состраданием к несчастным, тихим осуждением «безжалостных» законов людей и неба. Утешаясь в любви и дружбе, человек находит «приятность грусти», утешается философией «мучительной радости». Поэт воспевает меланхолию — «нежнейший перелив от скорби и тоски к утехам наслажденья» (стихотворение «Меланхолия»).

Как ни ослаблял политический консерватизм силу художественного метода сентиментализма, Карамзин (а вслед за ним и писатели его школы) нашел новые темы, ввел новые жанры — балладу, дружеское послание, поэтические мелочи, мадригалы; он выработал особый слог, объективно помогая тем самым рождению новых художественных взглядов. Переводя «все темное в сердцах на ясный нам язык», найдя «слова для тонких чувств», Карамзин создавал лирику глубоко интимного характера. Достижения Карамзина осваивали В. Жуковский, К. Батюшков, молодой Пушкин.

15

Важную роль в развитии русской поэзии XVIII столетия сыграли переводы античных поэтов, и в частности Горация и Анакреона. Особо значительным оказалось творчество Анакреона [1]. Исторический смысл обращения не только русской, но всей новой европейской литературы к греческой поэзии объяснил Белинский. «Русская поэзия не знала еще Греции... как всемирной мастерской, через которую должна пройти всякая поэзия в мире, чтобы научиться быть изящной поэзией». Первым в России это понял Кантемир, принявшийся в конце 1730-х годов переводить с греческого языка так называемые оды Анакреона. В предисловии он указал, что «общее о Анакреонте доброе мнение побудило меня сообщить его и нашему народу через русский перевод. Старался я в сем труде сколь можно ближе его простоте следовать, стихи без рифм употребил, чтоб можно было ближе подлинника держаться». К сожалению, перевод не был своевременно опубликован и он не стал живым явлением литературного процесса XVIII века.

С подлинным Анакреоном русского читателя познакомил Ломоносов, который перевел одно стихотворение — «Ночною темнотою» (включено в «Риторику», изданную в 1748 г.) — и несколько од, включенных в «Разговор с Анкреоном». Переведенные трехстопным ямбом с рифмами, отлич-

---

[1] Лирика Анакреона дошла до современности лишь в виде отдельных и немногочисленных фрагментов. Но античность сохранила целый сборник подражаний Анакреону «Анакреонтика», получивший широкую популярность уже в эпоху Возрождения. Эти подражания до конца XIX в. ошибочно считались подлинными произведениями древнегреческого поэта. В европейскую литературу нового времени Анакреон вошел как автор лирических стихов, вошедших в этот сборник.

ным русским языком, оды передавали красоту и изящество древнегреческого оригинала.

В 1750-х годах Сумароков ввел в русскую поэзию новый жанр — анакреонтическую оду. Анакреона Сумароков знал по французским и немецким переводам. В «Эпистоле» он упомянут в числе «творцов, которые достойны славы прямо». В примечаниях к «Эпистоле», сообщив биографические сведения об Анакреоне, указывал, что он «писал оды или, лучше сказать, песни любовные и пьянственные, которые высоко поставляются». В соответствии с таким толкованием и создавалась им русская анакреонтическая ода как новый жанр легкой поэзии, близкий по тематике к любовной песне.

Главной особенностью нового жанра для Сумарокова был размер: он потому создал так называемый анакреонтический стих — четырехстопный хорей или трехстопный ямб с женским окончанием без рифм. Опыт Сумарокова получил признание, и «анакреонтическим стихом» стали писать его последователи — Херасков, Ржевский, Богданович и другие поэты. Создаваемая им анакреонтическая ода была далека от подлинного Анакреона. Следуя за французской и немецкой анакреонтикой, поэты, и особенно Ржевский и Богданович, превратили эту оду в легкое, эротическое стихотворение, отдаленно связанное с одами греческого поэта лишь стиховым размером.

В эпоху сентиментализма анакреонтическая ода начала осваиваться для нужд нового направления. Легкий жанр, противопоставленный высокому — торжественной оде,— он стал служить для выражения интимных чувств и переживаний поэта. Анакреонтическая ода у поэтов-классицистов безлична, это изысканно-шаловливое рассуждение на эротическую тему. Анакреонтическое стихотворение у сентименталистов субъективно, окрашено автобиографизмом, в нем пытались запечатлеть реальное живое чувство, чаще всего любовное, но не всегда радостное.

В 1780—1790-е годы отношение к Анакреону изменилось, стало определяться новое понимание его поэзии. Связано это было с общеевропейским обострением интересом к античности. Важным моментом этого обращения к искусству и литературе Греции и Рима явился спор о характере использования художественного опыта древности. Повод к спорам подала книга немецкого искусствоведа Винкельмана «История искусства древности» (1764). Классицисты, верные своей поэтике, объявили античное искусство образцом для подражания. Противники классицизма (прежде всего Дидро и Лессинг) утверждали, что обращение к совершенным произведениям Греции и Рима необходимо для того, чтобы учиться у них быть верными природе.

Спор этот отражал насущные вопросы эпохи «революции в искусстве»: борьбы с классицизмом и формирования новых направлений — реализма и сентиментализма. Вот почему идеи Дидро и Лес-

синга, получив широкое распространение, оказались актуальными и для России.

В этой атмосфере и родился замысел Николая Львова дать русской поэзии подлинного Анакреона: он занялся переводом его од и в 1794 году выпустил их отдельной книгой. Не зная греческого языка, он работал по специально сделанному для него прозаическому переводу оригинала, обращаясь для сравнения к французскому, немецкому и итальянскому переводам. Особое значение имело специально написанное им предисловие к сборнику о поэзии Анакреона. В нем он стремился освободить образ прославленного поэта от того искажения, которому он подвергался и на Западе и в России. Его слава, утверждал Львов, не в том, что он писал только «любовные и пьянственные песни», как думал Сумароков. Анакреон — философ, учитель жизни, в его стихах рассеяна «приятная философия, каждого человека состояние услаждающая». Он не только участвовал в забавах двора тирана Поликрата, но и «смел советовать» ему в делах государственных. Так Львов поднимал образ Анакреона до уровня просветительского идеала писателя — советодателя монарху.

Интересны и примечательны были определения особенностей поэзии Анакреона. Главный тезис Львова: Анакреон — оригинальный поэт. Нарисованные им в одах «картины» — это «самое живое и нежное впечатление природы, кроме которой не имел он другого примера и кроме сердца своего другого наставника». Два «наставника» — природа и сердце — и обусловили оригинальность Анакреона. Вот почему нельзя ему подражать, но у него следует учиться быть оригинальным, быть верным в изображении русской природы и в раскрытии жизни сердца русского поэта, учиться точности изображения нравов, быта и верований своего народа, как это делал Анакреон в своих одах-песнях.

Львов подчеркивал не только объективность картин Анакреона, но и близость его од к народным песням. «Русский Анакреон», учась оригинальности у греческого поэта, должен был учитывать художественный опыт русской народной песни. Фольклорные искания Львова и других поэтов конца века сближались с работой по освоению эстетического опыта античности. Анакреонтическая ода обретала новую жизнь, сближалась с песней.

Выход сборника Львова «Стихотворения Анакреона Тисского» с предисловием и обстоятельными примечаниями — важнейшая веха в развитии русской поэзии, в становлении русской анакреонтики. Он способствовал расцвету могучего таланта Державина, ставшего с 1795 года писать анакреонтические стихотворения, названные им «песнями». В 1804 году он издал их отдельной книгой, назвав ее — «Анакреонтические песни».

Анакреонтические песни Державина были новым этапом в его творчестве. Он отказался от дальнейшего освоения жанра торжественной оды. Несмотря на осуществленные им еще в 80-е годы обновления оды, она

сковывала поэта в выражении новой темы. Отвергаемые правила часто оказывали свое влияние, порождая «невыдержанность»— риторичность и условность образов. Обратившись к анакреонтике, Державин новаторски изменил старый жанр и в стихи, утверждавшие право человека на счастье, радость и наслаждение, вдохнул новую жизнь. Автобиографическая тема получила новые широкие возможности для своего поэтического воплощения. В своих «песнях» Державин по-прежнему рассказывал о себе. Но личность Державина — это прежде всего личность поэта. Воспевая право человека на счастье и радость, он утверждал еще и его право на независимость от власти. А так как этим человеком был поэт, то анакреонтическая поэзия изменилась кардинально, в самой своей сути — ее героем сделался не частный, жаждущий наслаждения человек, но свободный, независимый поэт. Державинская анакреонтика стала гражданской поэзией.

В его «Анакреонтических песнях» мы видим две тенденции освоения греческой поэзии. Одна из них — переводы и переделки стихов Анакреона, Сафо и других; задачей таких стихов было создание античного колорита («Старик», «Анакреоново удовольствие» и др.), проникновение в дух эпохи и создания объективного образа поэта, передача его поэтической манеры. Так закладывались основы русского антологического стихотворения. Говоря об антологической поэзии, развивавшейся в XIX столетии, Белинский писал: «У эллинской поэзии заимствует она и краски, и темы, и звуки, и образы, и формы, даже иногда самое содержание. Впрочем, ее отнюдь не должно почитать подражанием... Когда поэт проникается духом какого-нибудь чуждого ему народа, чуждой страсти, чуждого века— он без всякого усилия, легко и свободно творит в духе того народа, той страны или того века». Приводя примеры из некоторых антологических пьес Державина, критик давал им высокую оценку.

Но главным в «Анакреонтических песнях» был изображенный Державиным русский мир, русская жизнь, русские обычаи и нравы, русский характер, переданный живописно и пластично. При этом Державин сохранял свойственную ему «шуточную» манеру рассказа, свободно обращался к фольклору, черпая из него образы, поэтическую лексику, лукавую манеру изъяснять свою мысль («Охотник», «Шуточное желание», «Русские девушки» и др.). Дальнейшим, после выхода сборника «Анакреонтические песни», развитием державинских принципов поэтического изображения окружающего его мира явились такие шедевры лирики, как «Снигирь» (посвящен памяти Суворова), «Цыганская пляска», «Лебедь» и дружеское послание «Евгению. Жизнь Званская».

В «Жизни Званской» не только отстаивалась независимость поэта от двора, власти царя и вельмож. Это первая попытка создания романа в стихах, оказавшая большое влияние на Пушкина. Предметом поэзии здесь стала жизнь обыкновенного человека. Его интересы, мысли и заня-

тия, описанные за один день — с утра до позднего вечера,— стали поэзией, интересной читателю. Точное и красочное описание быта не делало поэзию низкой. Державин учил: нет низких и высоких тем, низких и высоких предметов, низких и высоких слов. Есть человек и мир. Человек — хозяин мира. Его стремление к счастью, труду, наслаждениям естественно, и все в земном мире должно служить этому. «Жизнь Званская» — вершинное произведение зрелого Державина, итог его творчества и завещание поэта.

Державин открыл русским поэтам новые возможности художественного изображения действительности, помогал обнаруживать поэтическое в обыкновенном, учил изображать реального человека, раскрывая его как неповторимую личность. Освоение опыта Державина помогло быть оригинальным: предметом поэзии становилась неисчерпаемо богатая, живая жизнь и человек со своим индивидуальным характером и духовным миром. Художественные открытия и поэтические достижения Державина и были усвоены молодыми поэтами нового века — Давыдовым, Батюшковым и Пушкиным-лицеистом. Так складывалось, организационно не оформленное, но живое, державинское направление в поэзии начала века. Именно тогда стала ясна та роль Державина, в творчестве которого, как в фокусе, сосредоточились итоги поэтического развития XVIII века, и то его место в литературном движении 1800—1810-х годов, которое Белинский определил лаконично и точно — «отец русских поэтов».

Г. МАКОГОНЕНКО

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ XVIII ВЕКА

САТИРЫ

САТИРА I

НА ХУЛЯЩИХ УЧЕНИЯ

К УМУ СВОЕМУ

Уме недозрелый, плод недолгой науки!
Покойся, не понуждай к перу мои руки:
Не писав летящи дни века проводити
Можно, и славу достать, хоть творцом не слыти.
Ведут к ней нетрудные в наш век пути многи,
На которых смелые не запнутся ноги;
Всех неприятнее тот, что босы проклали
Девять сестр. Многи на нем силу потеряли,
Не дошед; нужно на нем потеть и томиться,
И в тех трудах всяк тебя, как мору, чужится,
Смеется, гнушается. Кто над столом гнется,
Пяля на книгу глаза, больших не добьется
Палат, ни расцвеченна марморами саду;
Овцу не прибавит он к отцовскому стаду.
Правда, в нашем молодом монархе надежда
Всходит музам немала; со стыдом невежда
Бежит его. Аполлин славы в нем защиту
Своей не слабу почул, чтяща свою свиту
Видел его самого, и во всем обильно
Тщится множить жителей парнасских он сильно.
Но та беда: многие в царе похваляют
За страх то, что в подданном дерзко осуждают.
«Расколы и ереси науки суть дети;
Больше врет, кому далось больше разумети;
Приходит в безбожие, кто над книгой тает,—
Критон с четками в руках ворчит и вздыхает
И просит, свята душа, с горькими слезами

Смотреть, сколь семя наук вредно между нами;
Дети наши, что пред тем, тихи и покорны,
Праотческим шли следом к божией проворны
Службе, с страхом слушая, что сами не знали,
Теперь, к церкви соблазну, Библию честь стали;
Толкуют, всему хотят знать повод, причину,
Мало веры подая священному чину;
Потеряли добрый нрав, забыли пить квасу,
Не прибьешь их палкою к соленому мясу;
Уже свечек не кладут, постных дней не знают;
Мирскую в церковных власть руках лишну чают,
Шепча, что тем, что мирской жизни уж отстали,
Поместья и вотчины весьма не пристали».
Силван другую вину наукам находит.
«Учение, говорит, нам голод наводит;
Живали мы преж сего, не зная латыне,
Гораздо обильнее, чем мы живем ныне;
Гораздо в невежестве больше хлеба жали;
Переняв чужой язык, свой хлеб потеряли.
Буде речь моя слаба, буде нет в ней чину,
Ни связи,— должно ль о том тужить дворянину?
Довод, порядок в словах — подлых то есть дело,
Знатным полно подтверждать иль отрицать смело.
С ума сошел, кто души силу и пределы
Испытает; кто в поту томится дни целы,
Чтоб строй мира и вещей выведать премену
Иль причину,— глупо он лепит горох в стену.
Прирастет ли мне с того день к жизни, иль в ящик
Хотя грош? Могу ль чрез то узнать, что приказчик,
Что дворецкий крадет в год? как прибавить воду
В мой пруд? как бочек число с винного заводу?
Не умнее, кто глаза, полон беспокойства,
Коптит, печась при огне, чтоб вызнать руд свойства,
Ведь не теперь мы твердим, что буки, что веди —
Можно знать различие злата, сребра, меди.
Трав, болезней знание — голы все то враки;
Глава ль болит — тому врач ищет в руки знаки;
Всему в нас виновна кровь, буде ему веру
Дать хочешь. Слабеем ли — кровь тихо чрезмеру
Течет; если спешно — жар в теле; ответ смело
Дает, хотя внутрь никто видел живо тело.
А пока в баснях таких время он проводит,
Лучший сок из нашего мешка в его входит.

К чему звезд течение числить, и ни к делу,
Ни кстати за одним ночь пятном не спать целу,
За любопытством одним лишиться покою,
Ища, солнце ль движется или мы с землею?
В часовнике можно честь на всякий день года
Число месяца и час солнечного всхода.
Землю в четверти делить без Евклида смыслим,
Сколько копеек в рубле — без алгебры счислим».
Силван одно знание слично людям хвалит:
Что учит множить доход и расходы малит;
Трудиться в том, с чего вдруг карман не толстеет,
Гражданству вредным весьма безумством звать смеет.
Румяный, трожды рыгнув, Лука подпевает:
«Наука содружество людей разрушает;
Люди мы к сообществу божия тварь стали,
Не в нашу пользу одну смысла дар прияли.
Что же пользы иному, когда я запруся
В чулан, для мертвых друзей — живущих лишуся,
Когда все содружество, вся моя ватага
Будет чернило, перо, песок да бумага?
В веселье, в пирах мы жизнь должны провождати:
И так она недолга — на что коротати,
Крушиться над книгою и повреждать очи?
Не лучше ли с кубком дни прогулять и ночи?
Вино — дар божественный, много в нем провору:
Дружит людей, подает повод к разговору,
Веселит, все тяжкие мысли отымает,
Скудость знает облегчать, слабых ободряет,
Жестоких мягчит сердца, угрюмость отводит,
Любовник легче вином в цель свою доходит.
Когда по небу сохой бразды водить станут,
А с поверхности земли звезды уж проглянут,
Когда будут течь к ключам своим быстры реки
И возвратятся назад минувшие веки,
Когда в пост чернец одну есть станет вязигу,—
Тогда, оставя стакан, примуся за книгу».
Медор тужит, что чресчур бумаги исходит
На письмо, на печать книг, а ему приходит,
Что не в чем уже завертеть завитые кудри;
Не сменит на Сенеку он фунт доброй пудры;
Пред Егором двух денег Виргилий не стоит;
Рексу — не Цицерону похвала достоит.
Вот часть речей, что на всяк день звенят мне в ушп;

Вот для чего я, уме, немее быть клуши
Советую. Когда нет пользы, ободряет
К трудам хвала,— без того сердце унывает.
Сколько ж больше вместо хвал да хулы терпети!
Трудней то, неж пьянице вина не имети,
Нежли не славить попу святую неделю,
Нежли купцу пиво пить не в три пуда хмелю.
Знаю, что можешь, уме, смело мне представить,
Что трудно злонравному добродетель славить,
Что щеголь, скупец, ханжа и таким подобны
Науку должны хулить,— да речи их злобны
Умным людям не устав, плюнуть на них можно;
Изряден, хвален твой суд; так бы то быть должно,
Да в наш век злобных слова умными владеют.
А к тому ж не только тех науки имеют
Недрузей, которых я, краткости радея,
Исчел иль, правду сказать, мог исчесть смелея.
Полно ль того? Райских врат ключари святые,
И им же Фемис вески вверила златые,
Мало любят, чуть не все, истинну украсу.
Епископом хочешь быть — уберися в рясу,
Сверх той тело с гордостью риза полосата
Пусть прикроет; повесь цепь на шею от злата,
Клобуком покрой главу, брюхо — бородою,
Клюку пышно повели везти пред тобою;
В карете раздувшися, когда сердце с гневу
Трещит, всех благословлять нудь праву и леву.
Должен архипастырем всяк тя в сих познати
Знаках, благоговейно отцом называти.
Что в науке? что с нее пользы церкви будет?
Иной, пиша проповедь, выпись позабудет,
От чего доходам вред; а в них церкви пра́ва
Лучшие основаны, и вся церкви слава.
Хочешь ли судьею стать — вздень перук с узлами,
Брани того, кто просит с пустыми руками,
Твердо сердце бедных пусть слезы презирает,
Спи на стуле, когда дьяк выписку читает.
Если ж кто вспомнит тебе граждански уставы,
Иль естественный закон, иль народны нравы —
Плюнь ему в рожу, скажи, что врет околёсну,
Налагая на судей ту тягость несносну,
Что подьячим должно лезть на бумажны горы,
А судье довольно знать крепить приговоры.

К нам не дошло время то, в коем председала
Над всем мудрость и венцы одна разделяла,
Будучи способ одна к высшему восходу.
Златой век до нашего не дотянул роду;
Гордость, леность, богатство — мудрость одолело,
Науку невежество местом уж посело,
Под митрой гордится то, в шитом платье ходит,
Судит за красным сукном, смело полки водит.
Наука ободрана, в лоскутах обшита,
Изо всех почти домов с ругательством сбита;
Знаться с нею не хотят, бегут ея дружбы,
Как, страдавши на море, корабельной службы.
Все кричат: «Никакой плод не видим с науки,
Ученых хоть голова полна — пусты руки».
Коли кто карты мешать, разных вин вкус знает,
Танцует, на дудочке песни три играет,
Смыслит искусно прибрать в своем платье цветы,
Тому уж и в самые молодые леты
Всяка высшая степень — мзда уж невелика,
Семи мудрецов себя достойным мнит лика.
«Нет правды в людях,— кричит безмозглый церковник,—
Еще не епископ я, а знаю часовник,
Псалтырь и послания бегло честь умею,
В Златоусте не запнусь, хоть не разумею».
Воин рощет, что своим полком не владеет,
Когда уж имя свое подписать умеет.
Писец тужит, за сукном что не сидит красным,
Смысля дело набело списать письмом ясным.
Обидно себе быть, мнит, в незнати старети,
Кому в роде семь бояр случилось имети
И две тысячи дворов за собой считает,
Хотя в прочем ни читать, ни писать не знает.
Таковы слыша слова и примеры видя,
Молчи, уме, не скучай, в незнатности сидя.
Бесстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто в тихом своем углу молчалив таится;
Коли что дала ти знать мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, в себе рассуждая
Пользу наук; не ищи, изъясняя тую,
Вместо похвал, что ты ждешь, достать хулу злую.

1729.

ПРИМЕЧАНИЯ

Сатира сия, первый опыт стихотворца в сем роде стихов, писана в конце 1729 года, в двадесятое лето его возраста. Насмевается он ею невежам и презирателям наук, для чего и надписана была «*На хулящих учения*». Писал он ее для одного только провождения своего времени, не намерен будучи обнародить; но по случаю один из его приятелей, выпросив ее прочесть, сообщил Феофану, архиепископу Новгородскому, который ее везде с похвалами стихотворцу рассеял и, тем не доволен, возвращая ее, приложил похвальные сочинителю стихи и в дар к нему прислал книгу «Гиралдия о богах и стихотворцах». Тому архипастырю следуя, архимандрит Кролик многие в похвалу творцу стихи надписал (которые вместе с Феофановыми в начале книжки приложены), чем он ободрен, стал далее прилежать к сочинению сатир.

Ст. 1. *Уме недозрелый, плод* и проч. Тут наука значит *наставление*, действо того, кто другого кого учит. Так, в пословице говорим: *Плеть не мука, да впредь наука.*

Ст. 4. *Творцом не слыти.* Творец — то ж, что сочинитель или издатель книги, с латинского — *автор.*

Ст. 5. *Нетрудные в наш век.* Слова *в наш век* посмешкою вставлены. Путь к истинной славе всегда бывал весьма труден, но в наш век легко многими дорогами к ней дойти можно, понеже не нужны нам уже добродетели к ея приобретению.

Ст. 7 и 8. *Всех неприятнее тот, что босы проклали девять сестр.* Всего труднее славы добиться чрез науки. Девять сестр — музы, богини и изобретательницы наук, Юпитера и Памяти дочери. Имена их: Клио, Урания, Евтерпе, Ератон, Фалия, Мелпомене, Терпсихоре, Каллиопе и Полимния. Обычайно имя муз стихотворцы за самые науки употребляют. *Босы*, сиречь убогие, для того, что редко ученые люди богаты.

Ст. 13. *Расцвеченна мрморами саду.* Украшенного статуями или столбами и другими зданиями мраморными.

Ст. 14. *Овцу не прибавит.* Человек чрез науки не разбогатеет; каков от отца ему оставлен доход, таков останется, ничего к нему не прибавит.

Ст. 15. *В нашем молодом монархе.* О Петре Втором говорит, который вступал тогда в пятое на десять лето своего возраста, рожден быв 12 октября 1715 года.

Ст. 16. *Музам.* Смотри примечание под стихом 7.

Ст. 17. *Аполлин.* Сын Юпитера и Латоны, брат Дианы, у древних за бога наук и начальника муз почитан.

Ст. 18 и 19. *Чтяща свою свиту видел его самого.* В Аполлиновой свите находятся музы. Петр II собою показал образ почитания наук, понеже сам, пока не был обременен правлением государства, обучался приличным такой высочайшей особе наукам. Прежде восшествия на престол его

величество имел учителя Зейкана, родом венгерца; а потом, в 1727 году, взят для наставления его величества Христиан Гольдбах, Санктпетербургской Академии наук секретарь. По прибытии своем в Москву его величество изволил подтвердить привилегии Академии наук, учредив порядочные и постоянные доходы профессорам и прочим служителям того училища.

Ст. 20. *Жителей парнасских.* Парнас есть гора в Фоциде, провинции греческой, посвященна музам, на которой они свое жилище имеют. Ученые люди фигурально парнасскими жительми называются. Сим стихом стихотворец припоминает великодушие монарха к учителям, которые на его величества иждивении тщатся приумножить науки и ученых людей.

Ст. 23. *Расколы и ереси.* Хотя то правда, что почти все ересей начальники были ученые люди, однако ж от того не следует, что тому причина была их наука, понеже много ученых, которые не были еретики. Таков есть святой Павел-апостол, Златоустый, Василий Великий и прочие. Огонь служит и нагревать и разорять людей вконец, каково будешь его употреблять. Пользует он — ежели употребление добро; вредит — ежели употребление зло. Подобно и наука; однако для того ни огонь, ни наука не злы, но зол тот, кто их употребляет на зло. Между тем и то приметно, что в России расколы больше от глупости, чем от учения рождаются; суеверие же есть истое невежества порождение.

Ст. 25. *Приходит в безбожие.* Обыкновенное невежд мнение есть, что все, которые многому книг чтению вдаются, напоследок не признают бога. Весьма то ложно, понеже сколько кто величество и изрядный порядок твари познает, что удобнее из книг бывает, столько больше чтить творца природным смыслом убеждается; а невежество приводит в злые весьма о божестве мнения, как, наприклад, богу уды и страсти человеческие приписывать.

Ст. 26. *Критон с четками в руках ворчит.* Вымышленным именем Критона (каковы будут все в следующих сатирах) означается тут притворного богочтения человек, невежда и суеверный, который наружности закона существу его предпочитает для своей корысти.

Ст. 41. *Силван другую вину.* Под именем Силвана означен старинный скупой дворянин, который об одном своем поместье радеет, охуждая то, что к распространению его доходов не служит.

Ст. 45. *Гораздо в невежестве больше хлеба жали.* Не гораздо ли смешно приписывать наукам в вину то, что от одной лености земледельцев или от непорядочного воздуха происходить может.

Ст. 49. *Довод, порядок в словах.* Тому учат витийство и наипаче логика, которыя дело есть право о вещи какой рассуждать и то другому ясными доказать доводами.

Ст. 51. *Кто души силу и пределы.* В сем стихе о метафизике говорится, которая рассуждает о сущем вообще и о свойствах души и духов.

Ст. 53. *Строй мира и вещей выведать премену иль причину.* Физика или естествословие испытает состав мира и причину или отменение всех вещей в мире.

Ст. 60. *Чтоб вызнать руд свойства.* Химия тому учит. Слово *руда* значит металл, каково есть золото, сребро, медь, железо и прочая.

Ст. 63. *Трав, болезней знание.* То есть медицина или докторство.

Ст. 64. *Ищет в руке знаки.* Доктóры, желая узнать силу болезни, щупают в руке больного ударение жилы, от чего познают, каково течение крови и, следовательно, слабость или жестокость болезни.

Ст. 68. *Внутрь никто видел живо тело.* То есть, хотя анатомисты и знают тела состав и состояние, однако нельзя от того рассудить о тех непорядках, которые в живом человеке случаются, понеже еще никто не видал, каково есть движение внутренних человека.

Ст. 71. *К чему звезд течение числить.* О астрономии тут слово идет.

Ст. 72. *За одним пятном.* В солнце и в планетах астрономы пятна с любопытством примечают, по оным признавая время, в которое они круг своего центра вертятся. При соединении двух планет живет то, что нижний пятном кажется в вышнем планете. В луне усматриваются подвижные пятна, которые чаятельно суть тени ея высоких гор. Смотри Фонтенелла «О множестве миров».

Ст. 74. *Солнце ль движется или мы с землею* (Фонтенелл «О множестве миров», вечер 1-й). Два мнения имеют астрономы о системе (состав) света. Первое и старое есть, в котором Земля вместо средоточия всего система имеется и неподвижна стоит, а около ея планеты Солнце, Сатурн, Юпитер, Марс, Меркурий, Луна и Венус вертятся, всякий в известное время. Система сие, по Птоломею, своему вымыслителю, называется *Птолемаическою*; другое есть, которое Солнце неподвижно (но около самого себя обращающееся) поставляет, а прочие планеты, между которыми есть и Земля, в учрежденное всякому время около его вертятся. Луна уже не планета, но сателлес есть Земли, около которой круг свой совершает в 29 дней. Система сие выдумал Коперник, немчин, и для того *Коперническою* называется. Есть и третие система, Тихона Брахея, датчина родом, которое, однако ж, из прежних двух составлено, понеже оп с Птоломеем согласуется в том, что Земля стоит и что Солнце около ея вертится, но с Коперником всех прочих планет движение около Солнца поставляет.

Ст. 77. *В четверти делить без Евклида смыслим.* Четверть есть часть земли или пашни в 20 сажен ширины и 80 длины. *Евклид* был славный математик александрийский, где во время Птоломея Лага математическое училище держал в лето по создании Рима 454. Трудов его у нас, между прочим, остались «Елементы», содержащие в 15-ти книгах основание всей геометрии.

Ст. 78. *Без алгебры.* Алгебра есть часть математики весьма трудная, но и преполезная, понеже служит в решении труднейших задач всея математики. Можно назвать ее генеральною арифметикою, понеже части их по большей мере между собою сходны, только что арифметика употребляет для всякого числа особливые знаки, а алгебра генеральные, которые всякому числу служат. Наука сия, сказывают, в Европу пришла от арап, которых мнят быть ея изобретательми; имя самое алгебры есть арапское, которые ее называют *Алжабр Валмукабала*, то есть *наверстать* или *соравнять*.

Ст. 83. *Румяный, трожды рыгнув, Лука.* Лука — пьяница, с вина румяный и с вина, часто рыгая, говорит и проч.

Ст. 85. *К сообществу божия тварь стали.* Бог нас создал для сообщества.

Ст. 88. *Для мертвых друзей.* То есть для книг.

Ст. 95. *Вино — дар божественный.* Гораций нечто подобное говорит в следующих стихах своего V письма, книги I:

Quid non ebrietas gesignat? operta recludit:
Spes jubet esse ratas: in praelia trudit inermem;
Sollicitis animis onus eximit: addocet artes
Fecundi calices quem non fecere disertum!
Contracta quem non in paupertate solutum! [1]

Ст. 100. *Любовник легче вином в цель свою доходит.* Свидетельство сему есть Лотова история, которого дочери, его вином упоивши, похоть свою исполнили. Святый Павел говорит: *Не упивайтеся вином, в нем же есть блуд.*

Ст. 101. *Когда по небу.* Подражание из следующих Овидиевых стихов 7-й его Элегии:

In caput alta suum labentur ab aequore retro
Flumina, conversis solque recurret equis:
Terra feret stellas, coelum findetur aratro,
Unda dabit flammas, et dabit ignis aquas [2].

Ст. 107. *Медор.* Щеголь тем именем означен.

Ст. 109. *Завертеть завитые кудри.* Когда хотим волосы завивать, то по малому пучку завиваем, и, обвертев те пучки бумагою, сверх нея

---

[1] Чего только не совершает опьянение! Оно обнаруживает скрытое, побуждает к осуществлению чаяний, увлекает в сражение безоружного, снимает бремя с озабоченных душ, учит искусствам. Обильные чаши кого только не одаряли красноречием! Кого только не освобождали от тягот крайней нищеты! *(лат.).— Ред.*

[2] Глубокие реки потекут от моря назад к своему истоку, солнце побежит назад, поворотив своих коней, земля понесет звезды, небо будет разрезано плугом, волна загорится, а огонь даст воду *(лат.).— Ред.*

горячими железными щипцами нагреваем, и так прямые волосы в кудри претворяются.

Ст. 110. *Не сменит на Сенеку.* То есть не сменит на книгу Сенекову фунт пудры. Сенека был философ секты стоической, учитель Нерона — императора римского, от которого убит лета Христова 65. Сего Сенеки имеются многие, и почти лучшие из древних, нравоучительные книги.

Ст. 111. *Пред Егором Виргилий.* Егор был славный сапожник в Москве, умер 1729 г. Виргилий, стихотворец латинский, был сын некоего горшечника из города Анды в провинции Мантуанской, где родился 15 октября в 684 лето по создании Рима, то есть в 27-е пред рождеством Христовым. В Рим приехав, за его превосходный ум охотно с ним дружбу свели многие из знатнейших города, между которыми были первые император Август, Меценат и Поллион. Весь свет дивится стихам его, которыми у всех достал себе имя *князя стихотворцев латинских.* Умер в Бринде, городе Калаврии, возвращаяся с Августом из Греции в лето по создании Рима 735, в 51 своего возраста, и погребен близ Неаполя.

Ст. 112. *Рексу — не Цицерону.* Рекс был славный портной в Москве, родом немчин; Марко Туллий Цицерон был сын римского некоего всадника из поколения Тита Тация, короля сабинского. Еще в юношестве своем Цицерон речи говорил в сенате, столь дерзновенны против друзей Катилиновых, что, убоявся за то на себя нападения, уехал в Грецию, где у знатнейших учителей обучився, в такое совершенство привел латинское сладкоречие, что отцом того назван. В 691 лето по создании Рима выбран он с Антонином Непотом в консулы. Антониевым повелением убит в лето по создании 711, в 43 прежде пришествия Спасителева и 64 своего возраста, рожден был 3 числа января лета по создании Рима 648.

Ст. 115 и 116. *Когда нет пользы, ободряет к трудам хвала.* Всех наших действ два повода: польза или похвала. Не обыкли люди или редко следуют добродетели держаться для того, что добродетель собою красна.

Ст. 120. *Нежли купцу.* Имя купца значит посадского: известно, что они великие пиволюбцы и охотники к крепкому пиву, которого часто и в 5 пуд хмеля варю варят.

Ст. 126. *Твой суд.* Твое рассуждение.

Ст. 131. *Ключари святые.* Церковные пастыри, епископы.

Ст. 132. *Им же Фемис вески вверила златые.* То есть судьи. *Фемис* — богиня правосудия, дочь *Земли* и *Неба*, пишется с весками в руках.

Ст. 133. *Мало любят, чуть не все, истинну украсу.* Истинною украсою называет стихотворец науку; и подлинно, невежество голо и срамно.

Ст. 135. *Риза полосата.* Епанча из шелковой парчи безрукавна, сшита на подоле и разных цветов полосами поперек расшита, которую сверх всего платья архиереи надевают. Обыкновенно мантиею называют.

Ст. 136. *Цепь от злата.* Архиереи повседневно сверх рясы, а в священнослужении сверх саккоса повешену имеют на шее цепочку золотую или серебряную, к которой привешен образ, на финифти написанный, Спасителя, богоматери или какого святого. Обыкновенно цепочку тую с образом *панагиею* зовут, от греческого слова *παναγία — пресвятая*, прилагательное, которым обыкновенно богородица означается.

Ст. 137. *Брюхо — бородою.* Широкую бороду и по брюху распущенну невежды священническому чину за особливую украсу приписуют. Димитрий, митрополит Ростовский (писатель жития святых), целую книжицу сочинил против суеверия простолюдных о бороде. Напечатана в Москве в 1714 году. Раскольщики бороду брить в грех ставят.

Ст. 138. *Клюку пред тобою.* То есть *патерицу.* Когда архиерей выезжает с двора, один из его певцов верхом везет патерицу епископскую в знак его церковной власти.

Ст. 140. *Праву и леву.* Разумеется: руку.

Ст. 144. *Выпись позабудет.* Выпись есть письмо приказное, которым судья удостоверяет, что товар какой чист и что с него в государственную казну пошлина взята, или подтверждает владение земли, деревни, двора и проч.

Ст. 148. *Кто просит с пустыми руками.* То есть челобитчик, который подарков не дает, который ничего, прося, не подносит.

Ст. 151 и 152. *Граждански уставы, иль естественный закон, иль народны правы.— Гражданские уставы* суть законы, учрежденные от государей, для расправы в судах, каково у нас Уложенье. *Закон естественный* есть правило, от самой природы нам предписанное, которое всегда неотменно и без которого никакое сообщество устоять не может. *Народны правы* суть законы, которые содержать должны народы разных властей для удобного взаимного сообщения и взаимной пользы.

Ст. 155. *Лезть на бумажны горы.* То есть шевелить, читать такое множество книг.

Ст. 157 до 160. *К нам не дошло время то* и проч. Не дошло к нам то время, когда от одной мудрости ожидать было должно человеку свое награждение и повышение в вышние чины.

Ст. 160. *Златой век.* Стихотворцы разделяют времена на четыре века, а именно: на *золотой, серебряный, медный и железный*, и говорят, что в златом веке люди все одной только добродетели прилежали, отдаляяся всяких злостей.

Ст. 161. *Мудрость одолело.* В сем месте *мудрость* есть винительного падежа.

Ст. 163. *Под митрой. Митра* есть шапка архиерейская, в священнослужении употребляема.

Ст. 164. *Судит за красным сукном.* Во всех приказах стол, за которым судьи заседают, покрыт обычайно красным сукном.

Ст. 172. *На дудочке песни три играет.* Дудочка тут значит косой флейт, который был, когда сатира сия писана, в славе, и почти все молодые люди на нем играть обучалися.

Ст. 176. *Семи мудрецов.* Славные в Греции семь мудрецов были: *Фалес*, *Питакус*, *Биас*, *Солон*, *Клеобул*, *Минос* и *Хилон*. Некоторые вместо трех последних кладут *Периандра*, *Анахарса* и *Эпаминонда*; иные же — *Писистрата*, *Трасибула*, милетского тирана, и *Феницида* Сирийского. Смотри де Ларея в житии семи мудрецов, лист 1-й.

Ст. 178. *Часовник* — книга, содержащая повседневные молитвы греческой церкви.

Ст. 179. *Псалтырь и послания.* То есть книгу царя Давида и апостолов послания.

Ст. 180. *В Златоусте не запнусь.* В Златоустовом толковании на Евангелие, которое переведено с греческого весьма неясно.

Ст. 183. *Писец.* То есть *подьячий*.

Ст. 184. *Письмом ясным.* Наши подьячие, когда пишут, об одном только тщатся, чтоб письмо их было четко и красиво; что же до правописания касается, так мало к тому прилежат, что и не нужно то чают; для того, если желаешь какую книгу не разуметь, отдай ее подьячему переписать.

Ст. 186. *Семь бояр.* Известно есть, что боярский чин бывал в великом почтении; потому знать, что благородным звать себя может тот, из чьего роду семеро честь боярскую на себе носили.

Ст. 193. *Мудрость всеблагая.* То есть бог, понеже он не только мудр, но самая *премудрость*, к тому ж и всеблаг.

САТИРА II

НА ЗАВИСТЬ И ГОРДОСТЬ ДВОРЯН ЗЛОНРАВНЫХ

ФИЛАРЕТ И ЕВГЕНИЙ

Филарет

Что так смутен, дружок мой? Щеки внутрь опали,
Бледен, и глаза красны, как бы ночь не спали?
Задумчив, как тот, что, чин патриарш достати
Ища, конный свой завод раздарил некстати?
Цугом ли запрещено ездить, иль богато
Платье носить, иль твоих слуг пеленать в злато?
Карт ли не стало в рядах, вина ль дорогого?
Матерь, знаю, и родня твоя вся здорова;
Обильство сыплет тебе дары полным рогом;
Ничто тебе не претит жить в покое многом.
Что ж молчишь? Ужли твои уста косны стали?
Не знаешь ли, сколь нам друг полезен в печали?

Сколь много здравый совет полезен бывает,
Когда тому следовать страсть не запрещает?
А, а! дознаюсь я сам, что тому причина:
Дамон на сих днях достал перемену чина,
Трифону лента дана, Туллий деревнями
Награжден — ты с пышными презрен именами.
Забыта крови твоей и слава и древность,
Предков к общества добру многотрудна ревность
И преимуществ твоих толпа неоспорных,—
А зависти в тебе нет, как в попах соборных.

Евгений

Часть ты прямо отгадал; хоть мне не завидно,
Чувствую, сколь знатным всем и стыд и обидно,
Что кто не все еще стер с грубых рук мозоли,
Кто недавно продавал в рядах мешок соли,
Кто глушил нас: «Сальные, крича, ясно свечи
Горят», кто с подовыми горшком истер плечи,—
Тот, на высоку степень вспрыгнувши, блистает,
А благородство мое во мне унывает
И не сильно принести мне никакой польги.
Знатны уж предки мои были в царство Ольги
И с тех времен по сих пор в углу не сидели —
Государства лучшими чинами владели.
Рассмотри гербовники, грамот виды разны,
Книгу родословную, записки приказны:
С прадедова прадеда, чтоб начать поближе,
Думного, наместника никто не был ниже;
Искусны в миру, в войне рассудно и смело
Вершили ружьем, умом не одно те дело.
Взгляни на пространные стены нашей салы —
Увидишь, как рвали строй, как ломали валы.
В суде чисты руки их: помнит челобитчик
Милость их, и помнит злу остуду обидчик.
А батюшка уж всем верх; как его не стало,
Государства правое плечо с ним отпало.
Когда было выедет — всяк долой с дороги
И, шапочку сняв, ему головою — в ноги.
Всегда за ним выборна таскалася свита,
Что ни день рано с утра крестова набита
Теми, которых теперь народ почитает
И от которых наш брат милость ожидает.
Сколько раз, не смея те приступать к нам сами,

Дворецкому кланялись с полными руками.
И когда батюшка к ним промолвит хоть слово —
Заторопев, онемев, слезы у иного
Потекли с глаз с радости; иной, не спокоен,
Всем наскучил, хвастая, что был он достоен
С временщиком говорить, и весь веселился
Дом его, как бы им клад богатый явился.
Сам уж суди, как легко мне должно казаться,
Столь славны предки имев, забытым остаться,
Последним видеть себя, куды глаз ни вскину.

Филарет

Слышав я важну твоей печали причину,
Позволь уж мне мою мысль открыть и советы;
А ведай притом, что я лукавых приметы —
Лесть, похлебство — не люблю, но сердце согласно
С языком: что мыслит то, сей вымолвит ясно.
Благородство, будучи заслуг мзда, я знаю,
Сколь важно, и много в нем пользы признаваю.
Почесть та к добрым делам многих ободряет,
Когда награду в себе вершенных являет.
(Сыщешь в людях таковых, которым не дивны
Куча золота, ни дом огромный, ни льстивный
На пуху покой, ни жизнь, сколь бы ни прохладна,—
К титлам, к славе до одной всяка душа жадна.)
Но тщетно имя оно, ничего собою
Не значит в том, кто себе своею рукою
Не присвоит почесть ту, добыту трудами
Предков своих. Грамота, плеснью и червями
Изгрызена, знатных нас детьми есть свидетель —
Благородными явит одна добродетель.
Презрев покой, снес ли ты сам труды военны?
Разогнал ли пред собой враги устрашенны?
К безопаству общества расширил ли власти
Нашей рубеж? Суд судя, забыл ли ты страсти?
Облегчил ли тяжкие подати народу?
Приложил ли к царскому что ни есть доходу?
Примером, словом твоим ободрены ль люди
Хоть мало очистить злых нравов темны груди?
Иль, буде случай, младость в то не допустила,
Есть ли показаться в том впредь воля и сила?
Знаешь ли чисты хранить и совесть и руки?
Бедных жалки ли тебе слезы и докуки?

Не завистлив, ласков, прав, не гневлив, беззлобен,
Веришь ли, что всяк тебе человек подобен?
Изрядно можешь сказать, что ты благороден,
Можешь счесться Ектору или Ахиллу сроден;
Иулий и Александр, и все мужи славны
Могут быть предки твои, лишь бы тебе нравны.
Мало ж пользует тебя звать хоть сыном царским,
Буде в нравах с гнусным ты не разнишься псарским.
Спросись хоть у Нейбуша, таковы ли дрожжи
Любы, как пиво, ему,— отречется трожжи;
Знает он, что с пива те славные остатки,
Да плюет на то, когда не, как пиво, сладки.
Разнится — потомком быть предков благородных
Или благородным быть. Та же и в свободных
И в холопях течет кровь, та же плоть, те ж кости.
Буквы, к нашим именам приданные, злости
Наши не могут прикрыть; а худые нравы
Истребят вдруг древния в умных память славы,
И, чужих обнажена красных перьев, галка
Будет им, с стыдом своим, и смешна и жалка.
Знаю, что неправедно забыта бывает
Дедов служба, когда внук в нравах успевает,
Но бедно блудит наш ум, буде опираться
Станем мы на них одних. Столбы сокрушатся
Под лишним те бременем, если сами в силу
Нужную не приведем ту подпору хвилу.
Светлой воды их труды ключ тебе открыли,
И черпать вольно тебе, но нужно, чтоб были
И чаши чисты твои, и нужно сгорбиться
К ключу: сама вода в рот твой не станет литься.
Ты сам, праотцев твоих исчисляя славу,
Признал, что пала она и делам и нраву:
Иной в войнах претерпел нужду, страх и раны,
Иным в море недруги и валы попраны,
Иной правду весил тих, бегая обиды,—
Всех были различные достоинства виды.
Если б ты им подражал, право б мог роптати,
Что за другими тебя и в пару не знати.
Потрись на оселку, друг, покажи в чем славу
Крови собой — и твою жалобу быть праву.
Пел петух, встала заря, лучи осветили
Солнца верхи гор — тогда войско выводили
На поле предки твои, а ты под парчою,

Углублен мягко в пуху телом и душою,
Грозно соплешь, пока дня пробегут две доли;
Зевнул, растворил глаза, выспался до воли,
Тянешься уж час-другой, нежишься, сжидая
Пойло, что шлет Индия иль везут с Китая;
Из постели к зеркалу одним спрыгнешь скоком,
Там уж в попечении и труде глубоком,
Женских достойную плеч завеску на спину
Вскинув, волос с волосом прибираешь к чину:
Часть над лоским лбом торчать будут сановиты,
По румяным часть щекам, в колечки завиты,
Свободно станет играть, часть уйдет за темя
В мешок. Дивится тому строению племя
Тебе подобных; ты сам, новый Нарцисс, жадно
Глотаешь очми себя. Нога жмется складно
В тесном башмаке твоя, пот с слуги валится,
В две мозоли и тебе краса становится;
Избит пол, и под башмак стерто много мелу.
Деревню вденешь потом на себя ты целу.
Не столько стало народ римлянов пристойно
Основать, как выбрать цвет и парчу и стройно
Сшить кафтан по правилам щегольства и моды:
Пора, место и твои рассмотрены годы,
Чтоб летам сходен был цвет, чтоб, тебе в образу,
Нежну зелень в городе не досажал глазу,
Чтоб бархат не отягчал в летню пору тело,
Чтоб тафта не хвастала среди зимы смело,
Но знал бы всяк свой предел, право и законы,
Как искусные попы всякого дни звоны.
Долголетнего пути в краях чужестранных,
Иждивений и трудов тяжких и пространных
Дивный плод ты произнес. Ущербя пожитки,
Понял, что фалды должны тверды быть, не жидки,
В пол-аршина глубоки и ситой подшиты,
Согнув кафтан, не были б стапом все покрыты;
Каков рукав должен быть, где клинья уставить,
Где карман и сколько грудь окружа прибавить;
В лето или осенью, в зиму и весною
Какую парчу подбить пристойно какою;
Что приличнее нашить: сребро или злато,
И Рексу лучше тебя знать уж трудновато.
В обед и на ужине частенько двоится
Свеча в глазах, часто пол под тобой вертится,

И обжирство тебе в рот куски управляет.
Гнусных тогда полк друзей тебя окружает,
И, глодая до костей самых, нрав веселый,
Тщиву душу и в тебе хвалит разум спелый.
Сладко щекотят тебе ухо красны речи,
Вздутым поднят пузырем, чаешь, что под плечи
Не дойдет тебе людей все прочее племя.
Оглянись, наместников царских чисто семя,
Тот же полк, лишь с глаз твоих — тебе уж смеется,
Скоро станет и в глаза: притворство минется,
Как скоро сойдут твоих пожитков остатки.
(Боюсь я уст, что в лицо точат слова сладки.)
Ты сам неотступно то время ускоряешь:
Из рук ты пестрых пучки бумаг не спускаешь
И мечешь горстью твоих мозольми и пóтом
Предков скопленно добро. Деревня за скóтом
Не первая уж пошла в бережную руку
Того, кто мало пред сим кормился от стуку
Молота по жаркому в кузнице железу.
Приложился сильный жар к понóсному резу,
Часто любишь опирать щеки на грудь белу,
В том проводишь прочий день и ночь почти целу.
Но те, что стенах твоей на пространной салы
Видишь надписи, прочесть труд тебе немалый;
Чужой глаз нужен тебе и помощь чужая
Нужнее, чтоб знать назвать черту, что, копая,
Воин пред собой ведет, укрываясь, к валу;
Чтоб различить, где стены часть одна помалу
Частым быстро-пагубных пуль ударом пала,
Где, грозно расседшися, земля вдруг пожрала;
К чему тут войска одна часть в четверобочник
Строится; где более нужен уж спомочник
Редким полкам и где уж отмененны силы
Оплошного недруга надежду прельстили.
Много вышних требует свойств чин воеводы
И много разных искусств: и вход, и исходы,
И место, годно к бою, видит одним взглядом;
Лишной безопасности не опоен ядом,
Остр, проницает врагов тайные советы,
Временно предупреждать удобен наветы;
О обильности в своем таборе печется
Недремительно; любовь ему предпочтется
Войска, чем страшным им быть и вдруг ненавидим;

Отцом невинный народ зовет, не обидим
Его жадностью,— врагам одним лишь ужасен;
Тихим нравом и умом и храбростью красен;
Не спешит дело начать; начав, производит
Смело и скоро — не столь бегло Перун сходит,
Страшно гремя; в счастии умерен быть знает,
Терпелив в нужде, в бедстве тверд, не унывает.
Ты тех добродетелей, тех чуть имя знаний
Слыхал ли? Самых числу дивишься ты званий,
И в один все мозг вместить смертных столь мнишь трудно,
Сколь дворецкому не красть иль судье — жить скудно.
Как тебе вверить корабль? ты лодкой не правил,
И хотя в пруду твоем лишь берег оставил,
Тотчас к берегу спешишь: гладких испугался
Ты вод. Кто пространному морю первый вдался,
Медное сердце имел; смерть там обступает
Снизу, сверху и с боков; одна отделяет
От нея доска, толста пальца лишь в четыре,—
Твоя душа требует грань с нею пошире;
И писана смерть тебя дрожать заставляет,
Один холоп лишь твою храбрость искушает,
Что один он отвечать тебе не посмеет.
Нужно ж много и тому, кто рулем владеет,
Искусств и свойств, с самого укрепленных детства,
И столь нужней те ему, сколь вящи суть бедства
На море, чем на земле. Твари господь чудну
Мудрость свою оказал, во всех неоскудну
Меру поставя частях мира и меж ними
Взаимно согласие; лучами своими
Светила небесные, железце, немногу
От дивного камня взяв силу, нам дорогу
Надежную в бездне вод показать удобны;
Небес положение на земле способный
Бывает нам проводник и, когда страх мучит
Грубых пловцов, кормчего искусного учит
Скрытый камень миновать иль берег опасный,
И в пристань достичь, где час кончится ужасный.
Недруга догнать, над ним занять ветр способный
И победу исхитить, вступя в бой удобный,—
Труд немалый. На море, как на земле, те же
Прочи вождев должности: тебе еще реже
Снилась трубка и компас, чем строй и осада.

За красным судить сукном Адамлевы чада
Иль править достоин тот, кому совесть чиста,
Сердце к сожалению склонно и речиста
Кого деньга одолеть, ни страх, ни надежда
Не сильны; пред кем всегда мудрец и невежда,
Богач и нищий с сумой, гнусна бабья рожа
И красного цвет лица, пахарь и вельможа
Равны в суде, и одна правда превосходна;
Кого не могут прельстить в хитростях всеплодна
Ябеда и ее друг — дьяк или подьячий;
Чтоб, чрез руки их прошед, слепым не стал зрячий,
Стречись должен, и сам знать и лист и страницу,
Что от нападения сильного вдовицу
Соперника может спасть и сирот покойну
Уставить жизнь, предписав плутам казнь достойну.
Наизусть он знает все естественны пра́ва,
Из нашего высосал весь он сок устава,
Мудры не спускает с рук указы Петровы,
Коими стали мы вдруг народ уже новый,
Не меньше стройный других, не меньше обильный,
Завидим врагу и в нем злобу унять сильный.
Можешь ли что обещать народу подобно?
Бедных слезы пред тобой льются, пока злобно
Ты смеешься нищете; каменный душою,
Бьешь холопа до крови, что махнул рукою
Вместо правой — левою (зверям лишь прилична
Жадность крови; плоть в слуге твоей однолична).
Мало, правда, ты копишь денег, но к ним жаден:
Мот почти всегда живет сребролюбьем смраден,
И все законно он мнит, что уж истощенной
Может дополнить мешок; нужды совершенной
Стала ему золота куча, без которой
Прохладам должен своим видеть конец скорой.
Арапского языка — права и законы
Мнятся тебе, дикие русску уху звоны.
Если в те чины негож, скажешь мне, я, чаю,
Не хуже Клита носить ключ золотой знаю;
Какие свойства его, какая заслуга
Лучшим могли показать из нашего круга?
Клита в постели застать не может день новой,
Неотступен сохнет он, зевая в крестовой,
Спины своей не жалел, кланяясь и мухам,
Коим доступ дозволен к временщичьим ухам.

Клит осторожен — свои слова точно мерит,
Льстит всякому, никому почти он не верит,
С холопом новых людей дружбу весть не рдится,
Истинная мысль его прилежно таится
В делах его. О трудах своих он не тужит,
Идучи упрямо в цель: Клиту счастье служит,—
Иных свойств не требует, кому счастье дружно;
А у Клита без того нечто занять нужно
Тому, кто в царском прожить доме жизнь уставил,
Чтоб крылья, к солнцу подшед, мягки не расплавил:
Короткий язык, лицо и радость удобно
И печаль изображать — как больше способно
К пользе себе, по других лицу применяясь;
Честнее будет он друг, всем дружен являясь;
И много смирение, и рассудность многу
Советую при дворе. Лучшую дорогу
Избрал, кто правду всегда говорить принялся,
Но и кто правду молчит — виновен не стался,
Буде ложью утаить правду не посмеет;
Счастлив, кто средины той держаться умеет.
Ум светлый нужен к тому, разговор приятный,
Учтивость приличная, что дает род знатный;
Ползать не советую, хоть спеси гнушаюсь; —
Всего того я в тебе искать опасаюсь.
Словом, много о вещах тщетных беспокойство,
Ни одно не вижу я в тебе хвально свойство.
Исправь себя и тогда жди, дружок, награду;
По тех пор забытым быть не считай в досаду:
Пороки, кои теперь прикрывают тени
Стен твоих, укрыть нельзя на высшей степени.
Чист быть должен, кто туды не побледнев всходит,
Куды зоркие глаза весь народ наводит.
Но поставим, что твои заслуги и нравы
Достойным являют тя лучшей мзды и славы;
Те, кои оной тебя неправо лишают,
Жалки, что пользу свою в тебе презирают;
А ты не должен судить, судят ли те здраво,
Или сам многим себя предпочтешь неправо.
Над всем же тому, кто род с древнего начала
Ведет, зависть, как свинье — узда, не пристала;
Еще б можно извинить, если знатный тужит,
Видя, что счастье во всем слепо тому служит,
Кого сколько темен род, столь нравы развратны,

Ни отечеству добры, ни в людях приятны;
Но когда противное видит в человеке,
Веселиться должен уж, что есть в его веке
Муж таков, кой добрыми род свой возвышает
Делами и полезен всем быть начинает.
Что ж в Дамоне, в Трифоне и Туллие гнусно?
Что, как награждают их, тебе насмерть грустно?
Благонравны те, умны, верность их немала,
Слава наша с трудов их нечто восприяла.
Правда, в царство Ольгино предков их не знали,
Думным и наместником деды не бывали,
И дворянства старостью считаться с тобою
Им нельзя; да что с того? Они ведь собою
Начинают знатный род, как твой род начали
Твои предки, когда Русь греки крестить стали.
И твой род не все таков был, как потом стался,
Но первый с предков твоих, что дворянин звался,
Имел отца, славою гораздо поуже,
Каков Трифон, Туллий был, или и похуже.
Адам дворянин не родил, но одно с двух чадо
Его сад копал, другой пас блеюще стадо;
Ное в ковчеге с собой спас все себе равных
Простых земледетелей, нравами лишь славных;
От них мы все сплошь пошли, один поранее
Оставя дудку, соху, другой — попозднее.

1730

ПРИМЕЧАНИЯ

Намерение сей сатиры есть обличить тех дворян, которые, лишены будучи всякого благонравия, одним благородием хвастают, и к тому завидят всякому благополучию в людях, кои чрез свои труды из подлости в знатную степень происходят. Писана она месяца два спустя после первой, разговором между Филаретом и Евгением — два подложные имена, которых первое на греческом языке изобразует *любителя добродетели*, а другое — *дворянина*.

Ст. 2. *И глаза красны.* От слез глаза краснеют не меньше, чем от бессония.

Ст. 3. *Как тот, что, чин патриарш достати.* Всем известно высокомыслие бывшего архиепископа Р***, который ничего так не жаждал, как быть главнейшим церкви российской, и для получения того чина много коней раздарил, которых он имел изрядный завод.

Ст. 5. *Цугом ли запрещено ездить.* В Санктпетербурге цугом ездить от императора Петра Великого всем запрещено было, кроме придворных.

Ст. 6. *Слуг пеленать в злато.* Обшивать платье слуг своих золотом. Узоры, коими обыкновенно то платье выкладывают, много на пеленанье схоже.

Ст. 7. *Вина ль дорогого.* Вином дорогим разуметь должно венгерское, шампанское и бургонское, которые подлинно в Москве дороги и за тем самым больше всех других вин в почтении.

Ст. 9. *Обильство сыплет тебе дары полным рогом.* Стихотворцы изобразуют обильство в лице жены, которая держит в руке большой рог, из которого сыплются овощи, деньги, бисеры и прочие вещи, столь человеком желательные.

Ст. 10. *Не претит.* Вместо не запрещает, не мешает.

Ст. 11. *Ужли твои уста косны стали.* Дивится Филарет Евгению, который знатно с природы был говорлив, а теперь, противно нраву своему, молчит.

Ст. 16. *Дамон.* Имя вымышленное, как в следующем стихе Трифон и Туллий.

Ст. 17. *Лента дана.* То есть пожалована кавалерия, понеже они на лентах носятся. Обыкновенно говорится: такому-то господину пожалована голубая лента, то есть орден святого Андрея.

Ст. 22. *Как в попах соборных.* Соборные церкви называются, у которых несколько попов служат. Редко в таких попах согласие живет, понеже одного ремесла люди в обществе без зависти пробыть не могут.

Ст. 31. *Никакой польги.* Лучше бы было написать *никакой пользы*, да нужда рифмы убедила употребить простолюдное слово вместо чистого русского.

Ст. 32. *Царство Ольги.* Ольга — жена Игоря, сына Рюрикова, первого российского самодержца, так христианской веры в России насадительница, как и распространительница сил и славы сего империя; от святого Владимира, ея внука, в святые вписана и почитается под именем Елены, которое приняла в крещении. Начала царствовать в 950-е лето по рождестве Христове («Синопсис русской истории», стр. 37).

Ст. 38. *Думного, наместника.* Думные бояре в старину то ж были, что теперь тайные советники. *Наместниками* назывались управители провинций. Имена сих чинов отменил император Петр Великий в начале 18 века по Христе.

Ст. 41. *Стены нашей салы.* Знать, у отца сего дворянина в сале по стенам расписаны были войны, в которых он присутствовал. Сала — слово французское, sale — *большая горница.*

Ст. 42. *Как рвали строй, как ломали валы.* То есть как, побеждая войска неприятельские, брали городы.

Ст. 49. *Выборна таскалася свита.* Выборные люди за ним следовали.

Ст. 50. *Крестова.* Я чаю, для того так *передняя горница* называлася, понеже в старину обыкновенно в ней отправлялися молитвы утренние и вечерние, и затем вся восточная стена убрана была иконами и крестами, отчего принадлежащие к господским домам попы *крестовыми попами* назывались.

Ст. 54. *С полными руками.* С подарками.

Ст. 60. *Клад богатый явился.* Многие у нас суеверно чают, будто клад, спречь закопанные в землю сокровища, счастливым являются в виде кошки, собаки и других животных, которые где покажутся, на том же месте копать землю должно в надежде обильной находки.

Ст. 66 и 67. *Лукавых приметы — лесть, похлебство.* Два злонравия, весьма обычайные лукавым людям, и по которым тотчас их признать можешь.

Ст. 69. *Благородство, будучи заслуг мзда.* Когда почесть дворянства есть знак награждения заслуг, весьма оно важно; в противном случае — пустое и бесплодное имя.

Ст. 70. *Много в нем пользы признаваю.* Много пользы государству, понеже такие награждения и казне недорого становятся, и гораздо лучше ободряют людей к хвальным действам, не только для того, что дворянское имя, преходя от предков к потомкам, представляет свидетельство награждения добрых дел, но и затем, что в многих надежда богатств меньше действует, чем надежда чести и славы.

Ст. 77. *Но тщетно имя оно.* Оно, спречь благородие, дворянство.

Ст. 80. *Грамота, плеснью и червями.* Грамота, которою почесть дворянства предкам нашим пожалована или подтверждена и за древностию уже червями и молию попорчена, засвидетельствует, правда, что мы происходим от знатных людей, но не покажет нас быть благородными. Одна собственная наша добродетель может нам присвоить благородие.

Ст. 82. *Благородными явит одна добродетель.* Nobilitas sola est atque unica virtus *(Ювенал, сат. 8, ст. 20).*

Ст. 83. *Презрев покой, снес ли ты.* От сего стиха по 97-й есть подражание Боаловых, сат. V, от стиха 44 по 54.

Montrez nous cette ardeur qu'on vit briller en eux?
Ce zèle pour l'honneur, cette horreur pour le vice?
Respectez vous les loix? fuyex vous l'injustice?
Savez vous pour la gloire oublier le repos?
Et dormir en plein champ le harnois sur le dos?
Je vous connais pour noble à ces illustres marques, etc. [1].

---

[1] Покажите нам тот дар, который пылал в них, ту ревность к чести, то отвращение к пороку. Уважаете ли вы законы? Избегаете ли несправедливых деяний? Умеете ли вы забывать покой для славы и спать в чистом поле, не снимая доспехов? По этим знакам я признаю вас за благородного *(франц.).— Ред.*

Ст. 86. *Суд судя, забыл ли ты страсти*? Забыл ли ты свои страсти, которые часто право судить мешают?

Ст. 92. *Впредь воля и сила*. Ко всякому предприятию одна воля не довольна, нужна и сила; много мы хотим — мало что можем.

Ст. 96. *Веришь ли, что всяк тебе человек подобен*? Не предпочитаешь ли себя прочим людям? Чаешь ли, что они тебе подобны? Что ты их не лучше, не бесстрастнее, что они тебе в добродетелях соравняться могут, буде не превосходят?

Ст. 98. *Ектору иль Ахиллу*. Ахилл, сын Пелея и Фетиды, был храбрый князь греческий. На Троянскую войну от отца с войском послан, многие свыше меры мужества знаки показал. Ектора, сына Приама, царя троянского, Еленина же брата, за которую война взгорелася, убил и греков всех почти сам один спас от рук троянских. Ектор по Ахилле был знаменитейший мужеством в помянутой Троянской войне.

Ст. 99. *Иулий и Александр*. Иулий Цесарь, первый римский император, сын Луция Цесаря и Аврелии, Коттовой дочери, в 17-е лето своего возраста получил чин великого священника Юпитерова, потом, чрез чины трибуна, квестора, едилла и великого Понтифекса в консулы происшед, в том чину пять триумфов получил. Одолев Помпея, своего неприятеля, вечным диктатором объявлен, и силою самовластие достал; в сенате внезапно убит, умер 15 марта, 43 лет прежде Христа, пожив 56. Александр Великий, царь македонский, сын Филиппа и Олимпии, Дариев победитель, родился июля 6, 356 лет прежде Христа; умер в Вавилоне, опоен ядом, в 33-е лето своего возраста.

Ст. 102. *Не разнишься псарским*. Разумеется: с псарским сыном.

Ст. 103. *Спросись хоть у Нейбуша*. Генерал-майор Нейбуш, приятель нашего стихотворца, был знатный пиволюбец, впрочем честный весьма человек и храбрый воин, к которому он имел крайнее почтение.

Ст. 107. *Разнится — потомком быть* и проч. Понеже одна добродетель может показать нас благородными, как выше сего упомянуто. Разницу должно поставлять меж истинным благородным и меж тем, который от благородных предков происходит; сего должно бы звать потомком благородных, а не благородным.

Ст. 108. *Та же и в свободных. Свободный* тут значит *дворянина* или *всякого вольного человека*, не холопа. Меж таким вольным человеком и холопом природа никакой разницы не поставила в составе тела: та ж кровь, те ж кости, та же плоть. Потому, ежели кто от холопа, от черни отличиться желает, должен отличаться добрыми делами, добрыми нравами. Одно имя дворянское не может прикрыть наши пороки; а те пороки, те наши худые нравы скоро могут то при умных людях учинить, что они позабудут, что мы происходим от славных и благородных родителей.

Ст. 110. *Буквы*. Из которых составлено титло князя, графа и прочих степеней дворянства.

Ст. тот же. *Злости.* Злые нравы.

Ст. 112. *Истребят вдруг древния в умных память славы.* Сродным порядком речей: вдруг истребят в умных людях память древния славы. Чернь дивиться будет твоим титлам, а умные люди, примечая твои злочинства, не только тебя презирать будут, но и совсем забудут древнюю славу твоего рода.

Ст. 113. *И, чужих обнажена красных перьев, галка.* В одной Езоповой притче читаем, что галка, укравши от разных цветных птиц перья, ими украсилася, но как скоро сии уведали воровство, напали на нее, и всяка свои перья отобрав; бедная галка осталася гола и в насмешку всех зрителей. Таков дворянин без добродетелей, в котором имя славное есть чужая украса.

Ст. 114. *Будет им.* Им — умным людям.

Ст. 115. *Неправедно забыта бывает.* Стихотворец, показав, что имя благородного ничем не должно пользовать злонравному, приступает уже доказывать, что и службы предков не можно таковому потомку приводить для получения почестей и степеней. Для побуждения к охотной службе нужно, чтоб потомки плодами трудов предков своих наслаждалися; понеже когда образец милости и благодарства высших в ком видим, тогда ревнуем усердно, чтоб могли и мы себе то же получить; как же инак в смертных нас можно продлить образец тот,— разве продолжая награждение потомству того, кто оного первый достоин показался? К тому же всяк, рассуждая краткость жизни своей, не так бы прилежал в пользу отечества, если бы награждение трудов не шло в наследство; любовь же от себя происшедших убеждает и своего жития не щадить, чтоб их — благополучное было. Но все вышепомянутое тогда нужно, когда потомки в нравах успевают, то есть благонравия виды издают и надежду являют, что некогда могут быть полезны, и как обидно бы было лишать благонравных потомков плода трудов их предков, так безрассудно б было потомкам всю надежду свою поставлять на одни те предков службы и затем самим унывать в лености и в других злонравиях.

Ст. 118, 119, 120. *Столбы сокрушатся* и проч. Не должно опираться на одни службы предков, понеже они не дают нам никакого права требовать себе новое награждение, пока сами своими нравами не заслужим того, чтоб те, кои награждать нас могут, вспомнили службы наших предков.

Ст. 121 по 125. *Светлой воды* и проч. Предки тебе трудами своими расчистили ключ воды чистой, сиречь дорогу к чинам, к богатству, к славе; вольно тебе пользоваться их трудом, но нельзя пользоваться, буде не станешь черпать чистою чашею, то есть буде сам ты не очистишь себя от злонравия, буде не приложишь собственный труд.

Ст. 125. *Ты сам, праотцев твоих.* Смотри выше сего стих 32 по 46.

Ст. 126. *Пала она и делам и нраву.* Предки твои достали свою славу чрез свои нравы и чрез свои дела.

Ст. 133. *Потрись на оселку, друг* и проч. Ты сам признал, что предки твои достали свою славу трудами своими и своим добронравием. Потому рассмотри сам свои дела и потом суди, являешь ли ты в себе такой знак благородного рождения и правильны ли твои жалобы, что тебя забывают в углу, когда подлых, но добронравных в чины производят. Известно, что на оселку трут серебро и золото, чтоб вызнать тех руд доброту.

Ст. 135. *Пел петух* и проч. Сатирик начинает Евгениеву жизнь исследовать, чтоб ему доказать, что никакой заслуги и хвального нрава и знания в себе не имеет и что потому достоин быть забытым.

Ст. 136. *Тогда войско выводили.* Подражание десятого стиха VIII Ювеналовой сатиры:

> ...Si dormire incipis ortu
> Luciferi, quo signa duces et castra movebant [1].

Ст. 142. *Пойло, что шлет Индия.* Кофе или шоколад. Лучший кофе приходит из Аравии, но и во всех Индиях тот овощ обилен. Всем уж у нас известно, что тот овощ, сжарив, смолов мелко и сваря в воде, вместо завтрака служит, и прихотливым — в забаву после обеда. *Шоколад* есть состав из ореха, *какао* называемый, который растет в Индиях Западных, из сахару и из ванили, другого пахучего овоща той же Индии. Тот состав варят в воде или молоке, и пока варится оный, часто болтают, чтоб пить горячий с пеною, и то пойло вместо завтрака принимается во всей почти Европе.

Ст. тот же. *Иль везут с Китая.* Сиречь чай. Всем известно же, что лучший чай (пахучий и вкусный листок древа, так называемого) приходит из Китая и что, того листика вложив щебень в горячую воду, вода та становится, приложив кусок сахару, приятное пойло.

Ст. 145. *Женских достойную плеч.* Евгений спит до полудни и позднее, проснувся, тянется и нежится в постели, пока по завтраке начинает убирать свои волосы. Для того убору вскинет на плечи тонкую полотняную завеску, которая в то время обыкновенно вздевается, чтоб остеречь платье или рубашку от пудры, что на волосы сыплется.

Ст. 146. *Волос с волосом прибираешь к чину.* Завиваешь кудри и устраиваешь волосок к волоску с многим прилежанием, чтоб все лежали красиво и порядочно.

Ст. 147. *Часть над лоским лбом* и проч. Так щегольство разделяет волосы убранные — на три доли: часть обыкновенно над лбом, коротенько

---

[1] ...Если ты засыпаешь на утренней заре, когда вожди выводят войска и снимают лагерь *(лат.).— Ред.*

обрезав, гребнем торчит, часть свободно играет, завиты в колечки, и большая часть к темю, связав тесьмою, вкладывается в черный тафтяной мешок, который виспт по спине.

Ст. 150. *Племя тебе подобных.* Такому искусному убору волос твоих дивятся люди, тебе подобные, которые всю свою славу в убранстве ставят. Умный человек презирает внешнюю и об одной внутренней украсе печется.

Ст. 151 и 152. *Ты сам, новый Нарцисс, жадно глотаешь очми себя.* Тебе подобные дивятся твоему убранству; да ты и сам, как Нарцисс, не можешь на себя наглядеться, жадно себя в зеркале своем смотришь и любуешься. *Нарцисс*, по баснословию древних, был сын реки Цефица и нимфы Лириопеи, столь красивый, что все в него влюблівалися. В жаркие летние дни приклонився он в колодезю напиться и увидел себя, и сам в себя влюбился, но, узнав, что сам собою свою похоть исполнить не может, с печали умер.

Ст. 153. *Пот с слуги валится.* Слуга, надевая тебе тесные башмаки, вспотел.

Ст. 154. *В две мозоли и тебе.* Тесные башмаки часто натирают мозоли; однако ж щеголь готов и тою болезнию купить красу оную, чтоб иметь маленьку ножку.

Ст. 155. *Избит пол, и под башмак.* Чтоб натянуть тесный башмак на ногу, нужно долго и сильно бить ногою в пол, и подмазывается тогда подошва башмака мелом, чтоб не скользить, и тем лучше опираться можно было.

Ст. 156. *Деревню вденешь.* Вденешь кафтан пребогатый, который стал тебе в целую деревню. Видали мы таких, которые деревни свои продавали, чтоб себе сшить уборный кафтан.

Ст. 157. *Не столько стало народ.* Стих, у Виргилия взятый в Енеиде, книге I:

Tantae molis erat Romanam condere gentem [1].

Смотри там, какие были труды Енеевы, пока прибыл в Италию и поселил своих людей. Не меньши были труды его наследников в утверждении и распространении римской области.

Ст. 159. *Щегольства и моды. Мода* — слово французское. Mode — значит *обыкновение* в платье и уборах и самых нравов человеков. Крестьяне у нас называют *поверьем.*

Ст. 161 и проч. по 165. *Чтоб летам сходен был цвет* и проч. Щегольские правила требуют, чтоб красный цвет, а наипаче шипковый не употреблять тем, коим двадцать лет минули; чтоб не носить летом бархат

[1] Столь большого труда стоило положить начало римскому племени *(лат.).— Ред.*

или зимою тафту или в городе зеленый кафтан, понеже зеленый цвет в поле только приличен.

Ст. 170. *Фалды должны тверды быть.* Когда сатира сия писана, обычай был, чтоб фалды торчали тверды, а не висели б по ногам, для того подшивали их ситою.

Ст. 171. *В пол-аршина глубоки.* Глубина фалда есть ширина его сгибы.

Ст. 172. *Согнув кафтан, не были б станом все покрыты.* То есть чтоб стан был короче, нежели расстояние меж клиньями и подолом кафтана.

Ст. 178. *И Рексу.* Рекс — портной. Смотри примечание о нем под стихом 26-м сатиры I.

Ст. 179. *В обед и на ужине.* Филарет, описав, каково Евгений проводит время пред обедом в чрезмеру излишнем попечении о уборе своего тела, уже вступает исследовать прочие его пороки. Пьянство первое встречается, ибо пьяным часто свеча в глазах двоится и пол кажется под ногами вертится.

Ст. 186. *Вздутым поднят пузырем.* Пока Евгений, пьючи и обжираяся, толпа льстецов выхваляют в нем для своей корысти то, чего в нем сами не находят; он им доверяет и, тем разгордев, чает, что прочие люди с ним применяться не могут. Известно, что младенцы подвязывают себе пузыри, чтоб способнее плавать в воде.

Ст. 188. *Оглянись, наместников.* Выше сего Евгений сказывал, что из его предков никто не был ниже думного боярина или наместника, и для того Филарет насмешкою называет его *чистым семенем царских наместников.*

Ст. 193. *То время.* В котором, сиречь, похлебники твои уже и в глаза тебе станут смеяться.

Ст. 194. *Пестрых пучки бумаг.* То есть карты, в которые всю жизнь свою играешь.

Ст. 196. *Деревня за ско́том.* Промотал ты уже не одну деревню, которую купил у тебя человек незнатный, кузнец, но человек умный, бережный, прилежный.

Ст. 200. *Приложился сильный жар.* Беспрестанную игру и невоздержность в похотях приуподобляет сатирик двум болезням: жару и поносу; в самом деле, злонравия суть душевные болезни.

Ст. 201. *Часто любишь опирать.* Любишь спочивать на белых грудях, любишь часто валяться с невоздержными женами.

Ст. 202. *В том.* Сиречь в костырстве и насыщении похоти.

Ст. 203. *Но те, что стенах твоей.* Сии речи Филаретовы относятся к стиху 41-му, где Евгений упоминал о сале своих палат. «Хвастаешь,— говорит ему Филарет,— старым родом, заслугами предков, а сам не только всякими злонравиями изобилуешь, но и всякого приличного знания и искусства лишаешься: в начале и читать не умеешь».

Ст. 205. *И помощь чужая нужнее, чтоб знать.* Буде читать Евгений не умеет, еще больше невеж в искусстве военных наук.

Ст. 206. *Черту, что, копая* и проч. Сиречь *шанцы.* Всем известно, что когда приступ чинится к городу, войско осаждающее, для безопаснейшего приближения к стенам, копает прямые рвы, в которые врывается, идучи, и кидая землю против стен, чтоб тою защищаться от городовой стрельбы.

Ст. 208. *Где стены часть одна помалу.* Где, сиречь, стена городовая разбита пулями, где подорвана подкопом.

Ст. 212. *Спомочник.* Вместо помочь.

Ст. 213. *Редким полкам.* Редким за падежем убитых в бою.

Ст. 213 и 214. *И где уж отмененны силы.* Обыкновенно неприятель, чрез всякие способы изведав состояние войска, против которого биться имеется, наступает с той стороны, где знает слабейшим; потому искусный воевода иногда благовременно пред самым боем отменяет расположение полков своих и тем прельщает надежду оплошного неприятеля, который, чая напасть на слабый полк, находит против себя цвет всего войска.

Ст. 215. *Много вышних требует.* Дворянству предлежат три рода службы: военная, судейская, придворная; во всех тех к исправлению должности своей, наипаче в вышних степенях, требуется много различных знаний и искусств. То самое Филарет начинает изъяснять Евгению; не должен, однако ж, читатель искать в забавных стишках подробное исследование всех тех знаний, на которое дело целые большие книги уже от искуснейших составлены.

Ст. 216 и 217. *И вход, и исходы, и место.* Искусный воевода пред боем прилежно исследует не только чем бой начать и как место занять удобнейшее, но как из бою выйти, наипаче ежели случится неудачлив, чтоб по меньшей мере оставших людей спасти. Расположение войска к бою должно быть главнейшее попечение воеводы, понеже обыкновенно от того зависит удача или несчастие битвы.

Ст. 218 и 219. *Лишной безопасности.* Множество примеров в историях находим, что лишная безопасность воевод была пагубна и самым победоносным войскам; для того нужно не спускать с глаз неприятеля, всегда за ним смотреть и изведывать о его намерении и поступках так чрез посыльных, как и чрез переметчиков. О славном последнего Цесаря воеводе принце Евгении Савойском примечено, что он ни денег, ни трудов в том не жалел и всегда от того великую пользу получал.

Ст. 221. *О обильности в своем таборе печется.* Без корму сила воинов ослабевает, и часто хлеба недостаток производит недовольство, жалобы и иногда крамолу; кроме ж того, воевода должен воинов почитать детьми своими, не допускать их лишаться потребного не к прохладному, но к нужному пропитанию; часто же недостаток припасов причиною бывает сдачи городов и войск целых.

Ст. 222 и 223. *Любовь ему предпочтется войска, чем.* Весьма нужно воеводе держать войско и подчиненных себе полководцев в некоем приличном к себе почтении и в страхе, чтобы лишное бесстрашие не привело их в своевольство; но не меньше должен заслужить себе их и любовь. Кто страшен только, а не любим, тот подлинно уж ненавидим, и воинов сердца под таким воеводою не только унывают, но иногда в действе нарочно они славу свою презирают, чтоб могли воеводскую ущербить.

Ст. 224. *Отцом невинный народ.* Война производится против вооруженного неприятеля, потому всякое озлобление безоружного невинного народа, каковы суть в селах крестьяне, мещане в городах, не согласуется правам военным и человеколюбию противно. Многие воеводы такой народ утесняют, грабят, мучат, чтоб их бедными пожитками обогатиться. Те воеводы о благе отечества своего не пекутся, ибо известно, что охранение народов их сердца всего легче к победителю склоняет. Скорее завоюет землею тот, кто с жительми ласково поступает, чем тот, кто рубит и жжет без разбору и без милости: суровость не обыкла производить верных подданных.

Ст. 235. *Как тебе вверить корабль?* Следует уже рассуждение о должностях мореплавцев и морских воевод.

Ст. 237. *Гладких испугался ты вод.* Гладких вод, то есть тихой воды, каково в пруде в безветренное время.

Ст. 239. *Медное сердце.* Жестокое, отважное, несломимое сердце против всякого страху. Хотя и сухопутная военная служба трудов и бедства исполнена, однако же много больше — морская, понеже на сухом пути воюем с одним неприятелем, на море — с неприятелем, с ветрами, с водою. Смерть со всех сторон обстоит, и толстота доски корабельной одна от нее мореплавцев отделяет.

Ст. 240. *Одна отделяет от нея доска.* Подражание следующих Ювеналовых стихов сатиры его XII:

> I nunc, et ventis animam committe, dolato
> Confisus ligno, digitis a morte remotus
> Quatuor, aut septem, si sit latissima taeda [1].

Ст. 242. *Твоя душа требует грань с нею.* Мореплавцы на четыре пальца только от смерти отстоят — твоя трусливая душа требует гораздо большее от смерти расстояние.

Ст. 247. *С самого укрепленных детства.* Труды морской службы столь велики, что в самом деле должно с самого младенчества к ним обыкать, чтоб могли казаться сносны. Между прочим, известно, что движе-

---

[1] Ступай теперь и вверь свою душу ветрам, положившись на оструганную доску, удаленный от смерти только на четыре пальца или на семь, если доска слишком толста *(лат.).— Ред.*

нием корабельным сердце мутится у тех, кои измолода к тому движению не приобыкли.

Ст. 252. *Лучами своими и проч.* по стих 255. Для учреждения корабельного пути в море ум человеческий, между прочим, два способа изобрел: наблюдение светил небесных и компас. Тем познавает место, где корабль находится; сим — в которой стороне лежит восток, запад, юг и север. *Компас* есть ящичек, в котором в средине втвержена спичка медная, а на ней поставлена иголка железная, на камень магнит потертая таким образом, что на спичке та игла свободно лежать и оборачиваться может. Магнит такую силу в себе имеет, что той иглы один конец направляет всегда к северу, другой — к полдню.

Ст. 260. *Час ужасный.* Время ужасное мореплавания в бурях и опасных местах.

Ст. 261. *Над ним занять ветр способный.* Немалой важности в корабельном бою забраться под ветр таким образом, чтоб с нашего корабля дул на неприятельский.

Ст. 265. *Трубка и компас.* Трубка зрительная, которою наблюдаются звезды и прочие светила небесные. Много еще и других астрономических орудий употребляется на море, которые в одной трубке стихотворец включает. О компасе смотри выше примечание под стихом 252.

Ст. 266. *За красным судить сукном.* Стихотворец начинает исследовать должности судей и правителей гражданских.

Ст. 268. *И речиста деньга.* Деньги всякого довода сильнее при лакомых судьях, для того *речистою* названы; сильны они к всему склонить, к всему уговорить своего любителя.

Ст. 283. *Указы Петровы.* Указы должно разуметь и уставы императора Петра Великого, от которых народ получил столькую пользу. Известно, что его величество почти собственными трудами издал военный морской и сухопутный устав; гражданский старый, под титлом «Уложения», пополнил многими мудрыми указами; составил регламент церковный, по которому Синод церковные дела правит.

Ст. 290. *Что махнул рукою вместо правой — левою.* За малейшую вину, каково есть махнуть одною рукою вместо другой, буде то виною назвать можно, бьешь до крови слугу. Весьма обличения достойна такая суровость господ к служителям. Должно бы и к виновным поступать с милостью и, сколько можно, отдаляться побоев; а когда и нужда настанет к наказанию, наказывать беззлобно и в одном намерении, чтоб наказуемого исправить и его примером других от злочинства удержать, а не для насыщения склонности своей к озлоблению человека, который обороны против нас не имеет.

Ст. 299. *Арапского языка.* Судья должен не только быть украшен различными добродетельми, и наипаче соболезнованием, но знать исправно естественные правы, наш гражданский устав и все указы и уставы Петра

Великого. Ты над бедным и больше над слугою своим оказываешь свое бесчеловечие, деньги свои истощая беспутно; подлинно, к деньгам ты лаком, а в знаниях, приличных судейскому чину, столько невежда, что и самые речи *право*, *закон* кажутся тебе речми арапского языка, дикими русскому уху.

Ст. 301. *Если в те чины не гож.* Филарет столь сильно доказал Евгению его недостатки и пороки, для которых никаким образом требовать бы не должен, чтоб произведен был в морские или сухопутные воеводы, или в судьи и губернаторы, что Евгению ответствовать ничего не оставил. Предвидит, однако ж, что может представить, что придворная служба таких искусств и знаний не требует и что потому обижают его, Евгения, когда ему подобных, каков, наприклад, Клит (вымышленное лицо), производят в камергеры, а он еще забыт остается. Для того Филарет принимается изъяснить, что и придворному человеку нужно не меньше свойств добрых и искусства. В самом деле, плохо те судят, кои чают, что одно дворянское имя и богатство довольны тому, кто в дворе жить уставил; бедства и там предлежат, которых миновать не мало благорассудства требуется; не без труда — достать себе там высших милость, равных любовь, подчиненных почтение.

Ст. 302. *Ключ золотой.* Камергеры носят такой ключ в знак своего чина. Одним камергерским чином сатирик разумеет всякое придворное достоинство.

Ст. 304. *Из нашего круга.* Нам подобного.

Ст. 305. *Клита в постели* и проч. Ты дивишься, что Клит добился в такой чин, какой ты достать не можешь; но посмотри, какая разница меж ним и тобою. Ты ленив, тянешься весь день в постели или в забавах и похотей насыщении время провожаешь; он прежде зари ходит к сильным людям на поклон, кланяется всякому и самим слугам и проч.; к тому ж молчалив, таит свои намерения, всякому льстит и проч., и, сверх всего, Клит счастлив, а не должно счастливых себе брать в образец.

Ст. 306. *В крестовой.* У знатных, у сильных людей в крестовой.

Ст. 309. *Слова точно мерит.* Умеряет свои слова по времени и по лицу, с кем говорит.

Ст. 310. *Никому почти он не верит.* Всегда осторожен против наветов; не всякому доверяет; легковерный скоро в обман пасть может.

Ст. 311. *Новых людей.* Людей, которые из незнати в силу и великие степени пришли.

Ст. 314. *Идучи упрямо в цель.* Клит не спит, томится в передних, кланяется, ласкает, трудов своих не жалеет для исполнения своего желания; упрямо о том одном домогается, что получить желает, ничего его отвратить от своего намерения не сильно. Такой терпеливости люди редко бывают неудачливы.

Петербург.
Гравюра А. З у б о в а.
1727 г.

Государственный музей изобразительных искусств
имени А. С. Пушкина.

Ст. 315. *Иных свойств не требует.* Счастливому без всякого труда все удается: глуп ли, ленив ли, лишен ли всякого знания и достоинства — счастье все те недостатки награждает.

Ст. 316. *А у Клита без того.* Ежели кто особливого счастья ласку не заслужил, тот должен иметь искусства и знания некие, желая жить в дворе царском. У Клита нечто занять он должен, сиречь не всем его поступкам подражать, но некоим приличнейшим, которые ниже сего изъяснены будут.

Ст. 318. *Чтоб крылья, к солнцу подшед.* Дедал, афинеец, изобретатель многих дивных механических орудий, заключен быв с сыном своим, Икаром, в лабиринте острова Критского, приделал себе и сыну крылья из перьев и воску и теми оттуду вылетел; но Икар излишно высоко поднялся, жар солнечный растопил воск его крыл, и пал он в море Егейское, которое потому назвалося Икарским. К сей басне относятся слова сатириковы, приуподобляя государя солнцу. Придворные ему близки весьма и потому стеречись должны, чтоб, излишно, как Икар, подымался, не растопились их крылья и не встретили свою гибель.

Ст. 319. *Короткий язык.* Должно у Клита занять короткий язык, сиречь умеренность в словах, и лицо, которое бы свободно могло и печальным и радостным казаться, применяяся по лицу тех, с коими находимся. Такое беззлобное притворство нравоучители добродетелью почитают, под именем Simulatio и Dissimulatio.

Ст. 322. *Честнее будет он друг.* Клит всем друг является, всякому льстит; не худо и в том ему подражать; но гораздо лучше являться и самым делом быть другом всякому.

Ст. 326. *Но и кто правду молчит. Правда глаза колет*, по пословице; потому часто прилично правду молчать, но, однако ж, не таким образом, чтоб ее укрывать ложью, сиречь можно не объявлять правду, но отлыгаться не должно.

Ст. 331. *Ползать не советую.* Не советую подражать Клиту в снискании себе милости высших или дружбы равных всякими подлыми поступками, но весьма не хвалю быть спесивым; должно и в том держаться середки, сиречь быть смирным, учтивым, услужным.

Ст. 332. *Искать опасаюсь.* Всех показанных нужных придворному свойств в тебе искать опасаюсь, для того что знаю, что их в тебе не найду и, следовательно, тебя в большую образу приведу.

Ст. 337. *Пороки, кои теперь.* Пороки, недостатки, невежество и злонравие твое, которые теперь таятся в твоей незнатности, всему свету откроются, когда ты произойдешь в высокий чин, понеже весь народ на людей высоких степеней зоркие глаза наводит.

Ст. 339. *Не побледнев всходит.* Сиречь *без страху всходит*, понеже бледность обыкновенно знак боязни.

Ст. 356. *Полезен всем быть начинает.* Добрый человек в партику-

лярном состоянии не многим полезен быть может, если же произведен бывает в знатное достоинство, редко кто доброту его не искусит.

Ст. 357. *В Дамоне, в Трифоне и Туллие.* Смотри примечание в сей сатире под стихом 16-м.

Ст. 360. *Слава наша с трудом их.* То есть слава наша от их трудов несколько возросла; нечто они своими трудами помогли к возвращению славы нашего отечества.

Ст. 361. *В царство Ольгино.* Смотри примечание под стихом 32-м и 38-м («Синопсис истор. русской», лист 44).

Ст. 366. *Когда Русь греки крестить стали.* Российский народ в христианскую веру начал приходить в царство Ольгино, лета Христова 855.

Ст. 371 и 372. *Одно с двух чадо его сад копал, другой пас блеюще стадо.* Каин, Адамов сын, был земледетель, а Авель — пастух, так об них говорит Моисей: «И бысть Авель пастырь овец, Каин же бе делая землю» (Бытия глава...) *Блеющее стадо.* Стадо овец, ибо овцы блеют.

Ст. 376. *Оставя дудку, соху.* Оставя пастушество и земледельство; дудку обыкновенно пастухи употребляют, а соха есть земледельное орудие.

ПИСЬМА

ПИСЬМО II

К СТИХАМ СВОИМ

Скучен вам, стихи мои, ящик, десять целых
Где вы лет тоскуете в тени за ключами!
Жадно воли просите, льстите себе сами,
Что примет весело вас всяк, гостей веселых,
И взлюбит, свою ища пользу и забаву,
Что могу и вам и мне достанете славу.
Жадно волю просите, и ваши докуки
Нудят меня дозволить то, что вредно, знаю,
Нам будет; и, не хотя, вот уж дозволяю
Свободу. Когда из рук пойдете уж в руки,
Скоро вы раскаетесь, что сносить не знали
Темноту и что себе лишно вы ласкали.
Славы жадность, знаю я, многим нос разбила;
Пока в вас цвет новости лестной не увянет,

Народ, всегда к новости лаком, честь нас станет,
И умным понравится голой правды сила.
Пал ли тот цвет? больша часть чтецов уж присудит,
Что продерзостный мой ум в вас беспутно блудит.
Бесстройным злословием назовут вас смело,
Хоть гораздо разнится злословие гнусно
От стихов, кои злой нрав пятнают искусно,
Злонравного охраня имя весьма цело.
Меня меж бодливыми причислят быками:
Мало кто склонен смотреть чистыми глазами.
Другие, что в таком я труде упражнялся,
Ни возрасту своему приличном, ни чину,
Хулить станут; годен всяк к похулке причину
Сыскать, и не пощадят того, кто старался
Прочих похулки открыть. Станете напрасно
Вы внушать и доводить слогом своим ясно,
Что молодых лет плоды вы не ущербили,
Ни малый мне к делам час важнейшим и нужным;
Что должность моя всегда нашла мя досужным;
Что полезны иногда подобные были
Людям стихи. Лишной час, скажут, иметь трудно,
И стихи писать всегда дело безрассудно.
Зависть, вас пошевеля, найдет, что я новых
И древних окрал творцов и что вру по-русски
То, что по-римски давно уж и по-французски
Сказано красивее. Не чудно с готовых
Стихов, чает, здравого согласно с законом
Смысла, мерны две строки кончить тем же звоном.
Когда уж иссаленным время ваше пройдет,
Под пылью, мольям на корм кинуты, забыты
Гнусно лежать станете, в один сверток свиты
Иль с Бовою, иль с Ершом; и наконец дойдет
(Буде пророчества дух служит мне хоть мало)
Вам рок обвертеть собой иль икру, иль сало.
Узнаете вы тогда, что поздно уж сети
Боится рыбка, когда в сеть уже попалась;
Что сколь ни сладка своя воля им казалась,
Не без вреда своего презирают дети
Советы отцовские. В речах вы признайте
Последних моих любовь к вам мою. Прощайте.

1743

ПРИМЕЧАНИЯ

Письмо сие сочинено в Париже в начале 1743 году в подражание 20 письма Горациева, книга I. Имея стихотворец наш издать свои сочинения, чаял нужно оправдать себя пред теми, кои хотели бы его осудить, что упражнялся в сочинении стихов, которое упражнение некоторым может показаться маловажно и мало пристойно человеку нарочитого степени и зрелого возраста; и что, не могучи удержаться стихи писать, избрал род стихов бодливый, каковы суть сатиры. На те два обличения ответствует в письме сем, показывая, что стихи он писал в молодых своих летах и в лишных часах и что сатиры должно отличать от злословия, понеже тех намерение клонится к обличению злонравия, а не злонравного и, следовательно, если пользу не принесут, вредить никому не могут.

Ст. 1 и 2. *Десять лет целых тоскуете в тени.* Десять целых лет лежите скрыты и народу неизвестны. Первые пять сатир и большая часть басней, песней и эпиграмм сочинены в 1729 и 1730 году, сиречь когда еще стихотворцу не исполнилось 21 год.

Ст. 4. *Гостей веселых.* Для того веселых, что сатиры требуют слог забавный.

Ст. 10. *Когда из рук пойдете.* Когда будучи изданы, выйдете в люди и начнете из рук в руки переходить.

Ст. 11 и 12. *Сносить не знали темноту.* Темноту ящика, в котором вы до сих пор лежали, знакомы двум или трем только приятелям.

Ст. 14. *Пока в вас цвет новости.* Честь вас станут, когда вы выйдете в народ, для того что народ жаден к всякой новизне; но когда будете вызнаны, осудят меня и пр.

Ст. 16. *И умным понравится.* Умным людям понравится содержимая в вас правда, хоть она гола, сиречь не украшена слогом красивым.

Ст. 19. *Бесстройным злословием назовут.* Бесстройным — сиречь таким, в котором ни чину, ни украсы, ни забавы не находится.

Ст. 23. *Меж бодливыми причислят быками.* Сиречь почитать меня будут злобным человеком, который без разбору вредить всякому ищет, как бодливый бык. Повод сему стиху подали следующие Горациевы, кн. I, сат. IV:

> Fenum habet in cornu, longe fuge, dummodo risum
> Excutiat sibi, non hic cuiquam parcet amico[1].

Ст. 24. *Мало кто склонен.* Для того меня всяк почтет бодливым быком, что мало кто склонен собою исследовать действа и намерение человека. Кто-нибудь скажет, что мои стихи суть бесстройное злословие,

[1] У него в рогах сено (то есть он бодлив), убегай от него подальше. Когда ему захочется вызвать смех, он не пощадит ни одного друга *(лат.)*. — *Ред.*

по тем речам тотчас прочие злословным меня присудят. *Чистыми глазами*, то есть без пристрастия, без предосуждения.

Ст. 30. *Доводить слогом своим.* Напрасно самый ваш слог неисправный доказывать станет, что вы сочинены в молодых летах; будут упрямо осуждать, что человек в 32 года стихи пишет, примечая теперешний его возраст, а не тот, в котором они впрямь писаны.

Ст. 33. *Нашла мя досужным.* Нашла меня должность всегда готовым упражняться в том, что она предписывает; когда дело нужное настояло, отлагал стихи на сторону.

Ст. 34 и 35. *Полезны иногда подобные были людям стихи.* Для того что к исправлению нравов служили. В самом деле, пересмешка злонравия есть лучший способ к исправлению.

Ст. 35. *Лишной час, скажут, иметь трудно.* Жизнь человеческая столь коротка, что многим кажется, что впрямь, когда кто какую должность имеет, лишных часов ему не остается; но если подробно исследуем, сколько времени теряем напрасно в чрезмерном сне, в обед и в ужину и наипаче в медленности начать дело, узнаем, что много б времени к всяким упражнениям нам оставалось, если б оное умели мы употреблять. К тому, если кто на всякий день четверть одну часа (которую нетрудно из целых суток себе спасти) употребит в письме, произойдет от того малого труда в год немалая книга. Беспрерывный труд, сколь ни маловременен, весьма спор.

Ст. 37. *Зависть, вас пошевеля, найдет.* Завистливые люди, строго вас испытав, скажут, что я окрал старых и новых творцов и только что их стихи с одного языка на другой переклал. Обыкновенно таким людям уничтожать чужой труд, хотя сами за него приняться или не смеют, или, принявся, мало удачливы бывают. Наш стихотворец, правда, много занял у латинских стихотворцев Горация, Персия и Ювенала и у французского — Боало, как сам то не утаил в сатире своей четвертой; но если кто те места, у них взятые, сличит с первоначальником, легко узнает, что не голо они переведены.

Ст. 40. *Не чудно с готовых стихов, чает* и проч. Зависть чает, что не диковинка из готовых стихов составлять стихи, стихи рифмою и в которых бы здравое рассуждение содержалося.

Ст. 41. *Согласно с законом смысла.* Сиречь составлять стихи, в которых можно бы найти склад и знаки смысла здравого.

Ст. 42. *Мерны две строки кончить.* Всякий стих состоит в одной строке, которая иметь должна некое известное число сечений и слогов. Русский стих сочинять можно от 13 до 4 слогов. Если два стиха кончатся известным числом подобных слогов, то они писаны рифмою. Я чаю, что можно стихам быть не некрасивым и без рифмы. Впрочем, собою явно, что подобные слоги в конце двух стихов, сиречь рифма, производит в ухе подобный звон.

Ст. 43. *Иссаленным.* Каковы бывают тетради, которые чрез многие руки перешли. *Время ваше*, то есть время ваше счастливое, в котором еще цвет новости вашей не опал.

Ст. 46. *Иль с Бовою, иль с Ершом.* Две весьма презрительные рукописные повести о Бове-королевиче и о Ерше-рыбе, которые на Спасском мосту с другими столь же плохими сочинениями обыкновенно продаются.

Ст. 48. *Обвертеть собой иль икру, иль сало.* Не столько вы, стихи, под пылью лежать станете и забыты останетесь, как Бова-королевич иль Ерш; но напоследок и то станется, что станут в вас завертывать икру или сало, как в негодную бумагу.

ЭПИГРАММЫ

НА СТАРУХУ ЛИДУ

На что Друз Лиду берет? дряхла уж и седа,
С трудом ножку воробья сгрызет и пол-обеда.—
К старине охотник Друз, в том забаву ставит;
Лидой медалей число собранных прибавит.

1730—1731

АВТОР О СЕБЕ (ЭПИГРАММА II)

Кто я таков — не скажу, а вот мне примета:
Не русак, дик именем, млады мои лета.

1730

ИЗ АНАКРЕОНА

О ЖЕНАХ

Природа быкам — рога,
Копыто дала коням,
Зайцам — ноги быстрые,
Львам — свирепы челюсти,

Рыбам — плавать искусство,
Птицам — удобность летать,
Мужам — рассуждение.
Женам дала ль что? — Дала!
Что ж такое? — Красоту,
Вместо всякого ружья,
Вместо всякого щита:
Красавица бо и огнь
И железо победит.

1736—1742

О СЕБЕ

Говорят мне женщины:
«Анакреон, ты уж стар.
Взяв зеркало, посмотрись.
Волосов уж нет над лбом».
Я не знаю, волосы
На голове ль иль сошли,
Одно только знаю то,
Что найпаче старику
Должно веселитися,
Ибо к смерти ближе он.

1736—1742

О СВОЕЙ ПОЛЮБОВНИЦЕ

Превосходнейший меж всеми
Живописцы и начальник
Ты родийского искусства,
Ну-тко, примись напиши мне
Полюбовницу отсущу,
Такову, как я скажу ти;
Напиши ты мне вначале
Мягки черноваты кудри,
И, буде воск того сможет,
Пусть те будут благовонны.
Напиши от двух щек выше,

Под пресмуглою косою,
Чело из кости слоновой.
Брови пусть не отдалены,
Не близки будут друг к другу,
Да не чувственное будет
Что порожжее меж ними;
Пусть черны будут ресницы,
Огненные сделай очи,
Как Минервинные серы
И как Венусовы светлы.
Шипки с молоком смешавши,
Тем напиши нос и щеки,
Уста сделай таковые,
Чтоб все чувства побуждали
И лобзания прощали.
Ниже мягкого бородка,
Вокруг белой, как снег, шеи,
Пусть летят все Благодати.
Облачи ты ее в прочем
В бледно-багряну одежду,
И сквозь ту мала часть плоти
Пусть видна будет, чтоб, тело
Каково, с того познати.
Полно столько: уж всю вижу;
И вот воск говорить станет.

1736—1742

К ДЕВИЦЕ

Не бегай ты от меня,
Видя седу голову;
Ни затем, что красоты
Блистает в тебе весна,
Презирай мою любовь!
Посмотри, хотя в венцах,
Сколь красивы, с белыми
Ландышами смешанны,
Розы нам являются.

1736—1742

О ЛЮБИТЕЛЯХ

Кони убо на стегнах
Выжженный имеют знак,
И парфянских всяк мужей
По шапке может узнать.
Я уже любящих тотчас,
Лишь увижу, познаю;
Того бо, что, бедные,
В сердце скрывают своем —
На лице видится знак.

1736—1742

СТИХИ ИЗ РОМАНА «ЕЗДА В ОСТРОВ ЛЮБВИ»

* * *

Там сей любовник, могл ей который угодить,
Счастию небо чиня все зависно,
В жаре любовном целовал ю присно;
А неверна ему всё попускала чинить!

Вся кипящая похоть в лице его зрилась;
Как угль горящий все оно краснело.
Руки ей давил, щупал и все тело.
А неверна о всем том весьма веселилась!

Я хотел там убиться, известно вам буди:
Вся она была тогда в его воли,
Чинил как хотел он с ней се ли, то ли;
А неверна, как и мне, открыла все груди!

1730

* * *

Перестань противляться сугубому жару:
Две девы в твоем сердце вмястятся без свару,
Ибо ежель без любви нельзя быть счастливу,
То кто залюбит больше,
Тот счастлив есть надольше.
Люби Сильвию красну, Ирису учтиву,
И еще мало двух, быть коли надо чиву.

Мощной богини любви сладость так есть многа,
Что на ста олтарях ей жертва есть убога.
Ах! Коль есть сладко сердцу на то попуститься!
Одна любить не рада?
То другу искать надо,
Дабы не престать когда в похоти любиться
И не позабыть того, что в любви чинится.

Не печалься, что будешь столько любви иметь:
Ибо можно с услугой к той и другой поспеть.
Льзя удоволить одну, так же и другую;
Часов во дни довольно,
От той с другой быть вольно.
Удоволив первую, доволь и вторую,
А хотя и десяток, немного сказую!

1730

* * *

Не кажи больше моей днесь памяти слабкой,
Что невозможно в свете жить без любви сладкой,
Не кажи, мое сердце, надобно, чтоб Слава
Больше тысячи Филис возымела права.
Ступай и не противься куды ведет тая:
Сей любви не может быть лучше иная.
Ты выграшь сей пременой: Слава паче красна,
Нежель сто Аминт, Ирис, Сильвий, и всем ясна.

1730

СТИХИ НА РАЗНЫЕ СЛУЧАИ

ПЕСЕНКА, КОТОРУЮ Я СОЧИНИЛ, ЕЩЕ БУДУЧИ В МОСКОВСКИХ ШКОЛАХ, НА МОЙ ВЫЕЗД В ЧУЖИЕ КРАИ

Весна катит,
Зиму валит,
И уж листик с древом шумит.
Поют птички
Со синички,
Хвостом машут и лисички.

Взрыты брозды,
Цветут грозды,
Кличет щеглик, свищут дрозды,
Льются воды,
И погоды;
Да ведь знатны нам походы.

Канат рвется,
Якорь бьется,
Знать, кораблик понесется.
Ну уж плынь спешно,
Не помешно,
Плыви смело, то успешно.

Ах! широки
И глубоки
Воды морски́, разбьют боки.
Вось заставят,
Не оставят
Добры ветры и приставят.

Плюнь на суку,
Морску скуку,
Держись черней, а знай штуку:
Стать отишно
И не пышно;
Так не будет волн и слышно.

1726

ОПИСАНИЕ ГРОЗЫ, БЫВШИЯ В ГАГЕ

С одной страны гром,
С другой страны гром,
Смутно в возду́хе!
Ужасно в ухе!
Набегли тучи
Воду несучи,
Небо закрыли,
В страх помутили!

Молнии сверкают,
Страхом поражают,

Треск в лесу с перуна,
И темнеет лу́на,
Вихри бегут с прахом,
Полоса рвет махом,
Страшно ревут воды
От той непогоды.

Ночь наступила,
День изменила,
Сердце упало:
Всё зло настало!
Пролил дождь в крышки,
Трясутся вышки,
Сыплются грады,
Бьют вертограды.

Все животны рыщут,
Покоя не сыщут,
Биют себя в груди
Виноваты люди,
Бояся напасти
И чтоб не пропасти,
Руки воздевают,
На небо глашают:

«О солнце красно!
Стань опять ясно,
Разжени тучи,
Слезы горючи,
Столкай премену
Отсель за Вену.
Дхнуть бы зефиром
С тишайшим миром!

А вы, аквилоны,
Будьте как и оны;
Лютость отложите,
Только прохладите.
Побеги вся злоба
До вечного гроба:
Дни нам надо красны,
Приятны и ясны».

1726 или 1727

СТИХИ ПОХВАЛЬНЫЕ ПАРИЖУ

Красное место! Драгой берег Сенски!
Тебя не лучше поля Элисейски:
Всех радостей дом и сла́дка покоя,
Где ни зимня нет, ни летнего зноя.

Над тобой солнце по небу катает
Смеясь, а лучше нигде не блистает.
Зефир приятный одевает цве́ты
Красны и во́нны чрез многие леты.

Чрез тебя лимфы текут все прохладны,
Нимфы гуляя поют песни складны.
Любо играет и Аполлон с музы
В лиры и в гусли, также и в флейдузы.

Красное место! Драгой берег Сенски!
Где быть не смеет манер деревенски:
Ибо все держишь в себе благородно,
Богам, богиням ты место природно.

Лавр напояют твои сладко воды!
В тебе желают всегда быть все роды:
Точишь млеко, мед и веселье мило,
Какого нигде истинно не было.

Красное место! Драгой берег Сенски!
Кто тя не любит? разве был дух зверски!
А я не могу никогда забыти,
Пока имею здесь на земли быти.

1728

СТИХИ ПОХВАЛЬНЫЕ РОССИИ

Начну на флейте стихи печальны,
Зря на Россию чрез страны дальны:
Ибо все днесь мне ее добро́ты
Мыслить умом есть много охоты,

Россия мати! свет мой безмерный!
Позволь то, чадо прошу твой верный,
Ах, как сидишь ты на троне красно!
Небо российску ты солнце ясно!

Красят иных всех златые скиптры,
И драгоценна порфира, митры;
Ты собой скипетр твой украси́ла,
И лицем светлым венец почтила.

О благородстве твоем высоком
Кто бы не ведал в свете широком?
Прямое сама вся благородство:
Божие ты, ей! светло изводство.

В тебе вся вера благочестивым,
К тебе примесу нет нечестивым;
В тебе не будет веры двойныя,
К тебе не смеют приступить злые.

Твои все люди суть православны
И храбростию повсюду славны;
Чада достойны таковой мати,
Везде готовы за тебя стати.

Чем ты, Россия, не изобильна?
Где ты, Россия, не была сильна?
Сокровище всех добр ты едина,
Всегда богата, славе причина.

Коль в тебе звезды все здравьем блещут!
И россияне коль громко плещут:
Виват Россия! виват драгая!
Виват надежда! виват благая.

Скончу на флейте стихи печальны,
Зря на Россию чрез страны дальны:
Сто мне язы́ков надобно б было
Прославить все то, что в тебе мило!

1728

ОДА IV

ПОХВАЛА ИЖЕРСКОЙ ЗЕМЛЕ И ЦАРСТВУЮЩЕМУ ГРАДУ САНКТПЕТЕРБУРГУ

Приятный брег! Любезная страна!
Где свой Нева поток стремит к пучине.
О! прежде дебрь, се коль населена!
Мы град в тебе престольный видим ныне.

Немало зрю в округе я доброт:
Реки́ твоей струи легки и чисты;
Студен воздух, но здрав его есть род:
Осушены́ почти уж блата мшисты.

Где место ты низвергнуть подала
Врагов своих блаженну Александру,
В трофей и лавр там лавра процвела;
Там почернил багряну ток Скамандру,

Отверзла путь, торжественны врата
К полтавским тем полям сия победа;
Великий сам, о! слава, красота,
Сразил на них Петр равного ж соседа.

Преславный град, что Петр наш основал
И на красе построил толь полезно,
Уж древним всем он ныне равен стал,
И обитать в нем всякому любезно.

Не больше лет, как токмо с пятьдесят,
Отнеле ж все хвалу от удивленной
Ему души со славою гласят,
И честь притом достойну во вселенной.

Что ж бы тогда, как про́йдет уж сто лет?
О! вы, по нас идущие потомки,
Вам слышать то, сему коль граду свет,
В восторг пришед, хвалы петь будет громки.

Авзонских стран Венеция, и Рим,
И Амстердам батавский, и столица
Британских мест, тот долгий Ло́ндон к сим,
Париж градам как верьх, или царица,—

Все сии цель есть шествий наших в них,
Желаний вещь, честно́е наше странство,
Разлука нам от кровнейших своих;
Влечет туда нас слава и убранство.

Сей люб тому, иному — тот из нас:
Как веселил того, другой другого,
Так мы об них беседуем мног час,
И помним, что случилось там драгого.

Но вам узреть, потомки, в граде сем,
Из всех тех стран слетающихся густо,
Смотрящих всё, дивящихся о всем,
Гласящих: «Се рай стал, где было пусто!»

Явится им здесь мудрость по всему,
И из всего Петрова не в зерцале:
Санктпетербург не образ есть чему?
Восстенут: «Жаль! Зиждитель сам жил вмале».

О! боже, твой предел да сотворит,
Да о Петре России всей в отраду,
Светило дня впредь равного не зрит,
Из всех градов, везде Петрову граду.

1752

СТРОФЫ ПОХВАЛЬНЫЕ ПОСЕЛЯНСКОМУ ЖИТИЮ

Счастлив! в мире без сует живущий,
Как в златый век, да и без врагов;
Плугом отчески поля орющий,
А к тому ж без всяких и долгов.

Не торопится сей в строй по барабану;
Флот и море не страшат его;
Ябед он не знает, ни обману;
Свой палат дом лучше для него.

В нем всегда или он виноградны
Вяжет лозы к ты́чкам и шестам;
В дни гуляет, те когда изрядны,
По долинам, либо по стадам.

Он в иной серпом день очищает
Ветви все негодные с дерев,
Добрый к оным черен прививает;
Смотрит, в хлебе нет ли вредных плев.

Либо мед и сот кладет сам в кади;
В ночь или бывает рыб ловец;
Сам же иногда, волны́ в дом ради,
Всех обросших он стрижет овец.

Осень как плодом обогатится,
Много яблок, груш и много слив;
О! как полным сердцем веселится,
Их величину, их зря налив.

Что тогда из всех плодов зреляе,
Отбирает разно по частям:
То шлет в храм к молитве, что честняе;
Приходящим часть хранит гостям.

Часть в подарок сродникам, часть брату;
Благодетель ту б взял, говорит;
Ту несите куму; ту часть свату;
Пусть за ту мне друг благодарит.

Иногда лежит под старым дубом,
Иногда на мягкой там траве;
Нет в нем скверных мыслей зле о грубом:
Что есть дельно, то всё в голове.

Быстрые текут между тем речки;
Сладко птички по лесам поют;
Трубят звонко пастухи в рожечки;
С гор ключи струю гремящу льют.

Толь при разном диком сельском шуме
Ненадолго спит вздремавши он;
Что ни было доброго на думе,
Забывает всё в глубокий сон.

Но зимою нападут как снеги
И от стужи избы станут греть,
Много и тогда ему там неги:
Начнет род другой забав иметь.

В поле ездит он или с собаки,
Боязливых зайцев в сеть ловя;
То с волками смотрит псовы драки,
То медведя оными травя.

Тешит он себя и лошадями;
И кладет отраву на лисиц;
Давит многих иногда силками,
Иногда стреляет разных птиц.

Часто днями ходит при овине,
При скирдах, то инде, то при льне;
То пролазов, смотрит, нет ли в тыне,
И что делается на гумне.

Кто ж бы толь в приятной сей забаве
Всех своих печалей не забыл?
Хоть в каких бы кто честях и славе,
Как сея б он жизни не взлюбил?

Буде ж правит весь толь постоянна
Дом жена благословенный с ним,
Сарра коль была или Сусанна,—
То спокойства нет сравненна с сим.

Весь некупленный обед готовит,
Смотрит, пища чтоб вкусна была,
Из живых птиц на жаркое ловит,
И другое строит для стола.

А потом светлицу убирает
К мужнему приходу с дел его;
Накормивши деток, наряжает,
Встретить с ними б мужа своего.

Тот пришел в дом кушать, и садится
За накрытый, набранный свой стол:
Что ж порядочно у ней все зрится;
То причины нет, чтоб был он зол.

Каплуны прочь, птицы африкански,
Что и изобрел роскошный смак;
Прочь бургонски вина и шампански,
Дале прочь и ты, густой понтак.

Сытны токмо щи, ломть мягкий хлеба,
Молодой барашек иногда;
Все ж в дому, в чем вся его потреба,
В праздник пиво пьет, а квас всегда.

Насыщаясь кушаньем природным,
Все здорово провождает дни;
Дел от добрых токмо благородным,
Не от платья и не от гульни.

Счастлив, о! весьма излишно,
Жить кому так ныне удалось.
Дай бог, чтоб исчезло все, что пышно,
Всем бы в простоте святой жилось.

1752

ОДЫ ДУХОВНЫЕ

ПАРАФРАЗИС ВТОРЫЯ ПЕСНИ МОИСЕЕВЫ

Вонми небо, и возглаголю.
Второзакония, глава 32

Вонми, о! небо, и реку,
Земля да слышит уст глаголы:
Как дождь я словом потеку;
И снидут, как роса к цветку,
Мои вещания на долы.

Как туча падает на злак;
Или как иней где на сено,—
Господне имя есть мне в знак,
То мыслей призвано не в мрак;
Славь бога всяко в нас колено.

Бог — истинны его дела
И все пути его, суд правый,—
Бог верен, а неправда зла,
Не зрится ни тоя в нем мгла,
Святый весь, он душам свет здравый.

Согрешшии вельми пред ним,
Не чада стали уж пороком!
О! род строптив, развратен сим,
Сие ль ты господу твоим
Воздать за благо мог оброком?

Сих оный есть народ делец,
Коль весь не мудр и пребезумен:
Тебя ж не сам ли сей отец
Приял и был тебе творец?
Доколе в помыслах ты шумен!

Воспомяни те дни веков,
И купно разумей все лета
От рода древнего родов;
Спроси у рождшего следов,
Познаешь старших всё от света.

Как бог язы́ки разделял,
Сынов Адамлих рассевая,
Пределов столько поставлял,
Коль верных слуг себе счислял,
От ангельска числа то зная.

И стала быть господня часть —
Иаков род его избра́нный;
Наследием возмог подпасть
Израиль весь ему во власть;
Всяк прочий люд уж был как странный.

В пустыне всем его снабдил:
Он жажду, в превеликом зное,
В земле безводной утолил,
Обвел его и сохранил,
Как зе́ницу очей, в покое.

Гнездо как кроет всяк орел,
И над птенцами сей летает,—
Простер так кри́ла он, и сшел,
На рамена его возвел;
Подъемлет, взносит, соблюдает.

Вождем им был господь един,
Никто бог чуждий не был с ними;
Взвел их на верьх земных плотин,
Поставил свыше всех судьбин,
Насытил житами благими.

Из каменя потек им мед,
Елей из тверда ж камня рáвно:
Млекó, тук, масло скот дает,
И цвет пшеничный всем растет,
Их питие — вино преславно.

Иаков в сытости процвел,
Отвергся вскоре толь любимый;
Утыл, и толсто расширел,
Отступством бога он презрел,
Забыл, что спас ему он чтимый.

Во нравах все творца чужих
И в мерзостях преогорчили:
Бесáм пожерли в сквернах сих,
Богам, отцам что странны их,
От напитавша ж отступили.

Узрев господь, возревновал,
И раздражился он презельно;
В сынах и дщерях злость познал,
Которых сам он снабдевал,
Се взбесновавшихся бездельно.

Господь рек: «Сам я отвращу
Лице мое от всех их ныне;
И напоследок им отмщу;
Род развращенный, веру тщу,
Не буду видеть в благостыне.

В гнев привели тем, что не бог,
И раздражили суетою;
Народом их сломлю я рог,
Кой не народ, хотя и мног,
От глупых и людей бедою.

От ярости уж моея,
Разжегся огнь палящ до ада;
Съест землю и плоды ея;
Все попалит страны́ всея
Гор основания для глада.

Употреблю премного зол;
Пущу на них мои все стрелы;
В снедь птицам ляжет плоть на дол;
Пожрет живых зверь в произвол;
Не будут и от змиев целы.

Внутрь истребит их страх;
Извне меч острый обесчадит:
Юн с девою погибнет в прах;
С седым младенца при сосцах
Смерть люта в век изгладит.

Изрек бы: их рассею всех,
И память в людях уничтожу;
Когда б не для противных тех,
Которым бы не сбить в поспех,
Я в гневе коих сам убожу.

Еще чтоб не сказали так:
Рукою мы свершили сею,
А не господь то все никак:
Сей род, в чием совете мрак,
Весьма глуп мыслию своею».

О! ежели б все разуметь,
И возмогли понять то ясно,
Чтоб ныне налящи́ посметь,
И всё в руках уже иметь,
Что впредь велит он самовластно.

Как тысящи един гонить,
Как двинуть два б могли тьмы целы,
Когда б не предал бог сам бить?
И не дал бы господь сломить,
Творя их воины толь смелы.

Но боги их не таковы,
Каков есть бог наш, велий, сильный;
Враги ж все наши хоть как львы,
Хотящи нашея главы;
Однак в них разум необильный.

Их из Содома виноград,
И от Гомóрры все их розги;
Их грозд есть токмо желчь и смрад;
Их ягода горька стократ,
Сок отравляет шумны мóзги.

Змиина ярость их вино,
И аспидов злость неисцельна,
Не богом ли отведено,
В сокровищах заключено,
Печать на всем том зле презельна?

В день мести то воздаст он сам,
Когда те прéткнутся ногами.
О! гибели день близок вам;
И быть чему, стоит уж там:
Тем движете его вы сами.

Своим бог правду сотворит,
И умолен об них он будет;
Расслабленных, бессильных зрит,
Истаявших не уморит,
В конец рабов сам не забудет.

Так рек господь: «Их боги где,
На коих все вы уповали?
Тук ели оных жертв везде,
И пили треб вино в чреде,
А о сотворшем не внимали.

Да встанут, и да вас спасут;
Да в помощь вашу те потщатся;
На вас покров пусть нанесут;
Врагов за вас да потрясут,
И да исполнить то помчатся.

Но зрите, зрите, что есмь я;
И нет нигде другого бога:
Мертвит, живит рука моя,
Цельба и язва от нея;
Нет, кто б исторг, когда та срога.

На небо ону возведу,
Клянясь десницею моею,
Вещаю словом на среду́,
Да будет слышимо преду́:
Живу вовеки сам я с нею.

Когда я изощрю мой меч
И на престол судебный сяду,
То тем врагов хощу посечь,
И в месть нелюбящих повлечь,
И ненавидящих поряду.

Я кровью стрелы напою,
Наестся меч мой мяс от тела,
От тела язвенных в бою,
От глав князей, что убию,
Их попленивши грады, села».

Возвеселитесь, небеса,
Вы с богом нашим купно;
Да прославляет чудеса,
От древнего уже часа́,
Весь ангельский чин неотступно.

Язы́ки! вы с его людьми
В веселии сердец ликуйте;
Сынов род, крепость восприми
И радостию возгреми;
Все ныне славно торжествуйте.

Отмщает бог за вас в день сей,
И ненавидящим сурово
Он в правде воздает своей;
Земле ж его чад и людей
Есть очищение готово.

1752

БАСЕНКИ

ПЕТУХ И ЖЕМЧУЖИНА

Петух взбег на навоз, а рыть начав тот вскоре,
Жемчужины вот он дорылся в оном соре.
Увидевши ее: «Что нужды, говорит,
Мне в этом дорогом, что глаз теперь мой зрит?
Желал бы лучше я найти зерно пшеницы,
Которую клюем дворовые мы птицы;
К тому ж мне на себе сей вещи не носить;
Да и не может та собой меня красить.
Итак, другим она пусть кажется любезна,
Но мне, хоть и блестит, нимало не полезна».

1752

ВОРОН И ЛИСИЦА

Негде Ворону унесть сыра часть случилось;
На дерево с тем взлетел, кое полюбилось.
Оного Лисице захотелось вот поесть;
Для того, домочься б, вздумала такую лесть:
Воронову красоту, перья цвет почтивши
И его вещбу еще также похваливши,
«Прямо, говорила, птицею почту тебя
Зевсовою впредки, буде глас твой для себя,
И услышу песнь, доброт всех твоих достойну».
Ворон похвалой надмен, мня себе пристойну,
Начал, сколько можно громче, кракать и кричать,
Чтоб похвал последню получить себе печать;
Но тем самым из его носа растворенна
Выпал на землю тот сыр. Лиска, ободренна
Оною корыстью, говорит тому на смех:
«Всем ты добр, мой Ворон; только ты без сердца мех».

1752

ОДЫ ПОХВАЛЬНЫЕ

ОДА

БЛАЖЕННЫЯ ПАМЯТИ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ АННЕ ИОАННОВНЕ НА ПОБЕДУ НАД ТУРКАМИ И ТАТАРАМИ И НА ВЗЯТИЕ ХОТИНА 1739 ГОДА

Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верьх горы высокой,
Где ветр в лесах шуметь забыл;
В долине тишина глубокой.
Внимая нечто, ключ молчит,
Которой завсегда журчит
И с шумом вниз с холмов стремится.
Лавровы вьются там венцы,
Там слух спешит во все концы;
Далече дым в полях курится.

Не Пинд ли под ногами зрю?
Я слышу чистых сестр музы́ку!
Пермесским жаром я горю,
Теку поспешно к оных лику.
Врачебной дали мне воды:
Испей и все забудь труды;
Умой росой Кастальской очи,
Чрез степь и горы взор простри
И дух свой к тем странам впери,
Где всходит день по темной ночи.

Корабль как ярых волн среди,
Которые хотят покрыти,
Бежит, срывая с них верьхи,
Претит с пути себя склонити;
Седая пена вкруг шумит;
В пучине след его горит;
К российской силе так стремятся,
Кругом объехав, тьмы татар;
Скрывает небо конской пар!
Что ж в том? стремглав без душ валятся.

Крепит отечества любовь
Сынов российских дух и руку;
Желает всяк пролить всю кровь,
От грозного бодрится звуку.
Как сильный лев стада волков,
Что кажут острых яд зубов,
Очей горящих гонит страхом,
От реву лес и брег дрожит,
И хвост песок и пыль мутит,
Разит, извившись сильным махом.

Не медь ли в чреве Этны ржет
И, с серою кипя, клокочет?
Не ад ли тяжки узы рвет
И челюсти разинуть хочет?
То род отверженной рабы,
В горах огнем наполнив рвы,
Металл и пламень в дол бросает,
Где в труд избранный наш народ
Среди врагов, среди болот
Чрез быстрой ток на огнь дерзает.

За холмы, где паляща хлябь
Дым, пепел, пламень, смерть рыгает,
За Тигр, Стамбул, своих заграбь,
Что камни с берегов сдирает;
Но чтоб орлов сдержать полет,
Таких препон на свете нет.
Им воды, лес, бугры, стремнины,
Глухие степи — равен путь.
Где только ветры могут дуть,
Доступят там полки орлины.

Пускай земля как понт трясет,
Пускай везде громады стонут,
Премрачный дым покроет свет,
В крови Молдавски горы тонут;
Но вам не может то вредить,
О россы, вас сам рок покрыть
Желает для счастливой Анны.
Уже ваш к ней усердный жар
Быстро́ проходит сквозь татар,
И путь отворен вам пространный.

Скрывает луч свой в волны день,
Оставив бой ночным пожарам;
Мурза упал на долгу тень;
Взят купно свет и дух татарам.
Из лыв густых выходит волк
На бледный труп в турецкий полк.
Иной, в последни видя зо́брю,
Закрой, кричит, багряной вид
И купно с ним Магметов стыд;
Спустись поспешно с солнцем к морю.

Что так теснит боязнь мой дух?
Хладнеют жилы, сердце ноет!
Что бьет за странной шум в мой слух?
Пустыня, лес и воздух воет!
В пещеру скрыл свирепство зверь,
Небесная отверзлась дверь,
Над войском облак вдруг развился,
Блеснул горящим вдруг лицем,
Умытым кровию мечем
Гоня врагов, Герой открылся.

Не сей ли при Донских струях
Рассыпал вредны россам стены?
И персы в жаждущих степях
Не сим ли пали пораженны?
Он так к своим взирал врагам,
Как к готфским приплывал брегам,
Так сильну возносил десницу;
Так быстрой конь его скакал,
Когда он те поля топтал,
Где зрим всходящу к нам денницу.

Кругом его из облаков
Гремящие перуны блещут,
И, чувствуя приход Петров,
Дубравы и поля трепещут.
Кто с ним толь грозно зрит на юг,
Одеян страшным громом вкруг?
Никак, Смиритель стран Казанских?
Каспийски воды, сей при вас
Селима гордого потряс,
Наполнил степь голов поганских.

Герою молвил тут Герой:
«Нетщетно я с тобой трудился,
Нетщетен подвиг мой и твой,
Чтоб россов целой свет страшился.
Чрез нас предел наш стал широк
На север, запад и восток.
На юге Анна торжествует,
Покрыв своих победой сей».
Свилася мгла, Герои в ней;
Не зрит их око, слух не чует.

Крутит река татарску кровь,
Что протекала между ними;
Не смея в бой пуститься вновь,
Местами враг бежит пустыми,
Забыв и меч, и стан, и стыд,
И представляет страшный вид
В крови другов своих лежащих.
Уже, тряхнувшись, легкий лист
Страшит его, как ярый свист
Быстрó сквозь воздух ядр летящих.

Шумит с ручьями бор и дол:
Победа, росская победа!
Но враг, что от меча ушел,
Боится собственного следа.
Тогда увидев бег своих,
Луна стыдилась сраму их
И в мрак лице, зардевшись, скрыла.
Летает слава в тьме ночной,
Звучит во всех землях трубой,
Коль росская ужасна сила.

Вливаясь в понт, Дунай ревет
И россов плеску отвещает;
Ярясь волнами турка льет,
Что стыд свой за него скрывает.
Он рыщет, как пронзенный зверь,
И чает, что уже теперь
В последней раз заносит ногу,
И что земля его носить
Не хочет, что не мог покрыть.
Смущает мрак и страх дорогу.

Где ныне похвальба твоя?
Где дерзость? где в бою упорство?
Где злость на северны края?
Стамбул, где наших войск презорство?
Ты лишь своим велел ступить,
Нас тотчас чаял победить;
Янычар твой свирепо злился,
Как тигр на росский полк скакал.
Но что? внезапно мертв упал,
В крови своей пронзен залился.

Целуйте ногу ту в слезах,
Что вас, агаряне, попрала,
Целуйте руку, что вам страх
Мечем кровавым показала.
Великой Анны грозной взор
Отраду дать просящим скор;
По страшной туче воссияет,
К себе повинность вашу зря.
К своим любовию горя,
Вам казнь и милость обещает.

Златой уже денницы перст
Завесу света вскрыл с звездами;
От востока скачет по сту верст,
Пуская искры конь ноздрями.
Лицем сияет Феб на том.
Он пламенным потряс верхом;
Преславно дело зря, дивится:
«Я мало таковых видал
Побед, коль долго я блистал,
Коль долго круг веков катится».

Как в клуб змия себя крутит,
Шипит, под камень жало кроет,
Орел когда шумя летит
И там парит, где ветр не воет;
Превыше молний, бурь, снегов
Зверей он видит, рыб, гадóв.
Пред росской так дрожит Орлицей,
Стесняет внутрь Хотин своих.
Но что? в стенах ли может сих
Пред сильной устоять царицей.

Кто скоро толь тебя, Калчак,
Учит российской вдаться власти,
Ключи вручить в подданства знак
И большей избежать напасти?
Правдивой Аннин гнев велит,
Что падших перед ней щадит.
Ея взошли и там оливы,
Где Вислы ток, где славный Рен,
Мечем противник где смирен,
Извергли дух сердца кичливы.

О как красуются места,
Что иго лютое сброси́ли
И что на турках тягота,
Которую от них носили;
И варварские руки те,
Что их держали в тесноте,
В полон уже несут оковы;
Что ноги узами звучат,
Которы для отгнанья стад
Чужи поля топтать готовы.

Не вся твоя тут, Порта, казнь,
Не так тебя смирять достойно,
Но большу нанести боязнь,
Что жить нам не дала спокойно.
Еще высоких мыслей страсть
Претит тебе пред Анной пасть?
Где можешь ты от ней укрыться?
Дамаск, Каир, Алепп сгорит;
Обставят росским флотом Крит;
Евфрат в твоей крови смутится.

Полтавская баталия 27 июня 1709 года.
Гравюра Ш. Симоно с картины П. Мартена-младшего.
1720-е годы.

Государственный музей изобразительных искусств
имени А. С. Пушкина.

Чинит премену что во всем?
Что очи блеском проницает?
Чистейшим с неба что лучем
И дневну ясность превышает?
Героев слышу весел клик!
Одеян в славу Аннин лик
Над звездны вечность взносит круги;
И правда, взяв перо злато́,
В нетленной книге пишет то,
Велики коль ея заслуги.

Витийство, Пиндар, уст твоих
Тяжчае б Фивы обвинили,
Затем что о победах сих
Они б громчае возгласили,
Как прежде о красе Афин;
Россия, как прекрасный крин,
Цветет под Анниной державой.
В Китайских чтут ее стенах,
И свет во всех своих концах
Исполнен храбрых россов славой.

Россия, коль счастлива ты
Под сильным Аннины покровом!
Какие видишь красоты
При сем торжествованьи новом!
Военных не страшися бед:
Бежит оттуду бранный вред,
Народ где Анну прославляет.
Пусть злобна зависть яд свой льет,
Пусть свой язык, ярясь, грызет;
То наша радость презирает.

Козацких поль заднестрской тать
Разбит, прогнан, как прах развеян,
Не смеет больше уж топтать,
С пшеницой где покой насеян.
Безбедно едет в путь купец,
И видит край волнам пловец,
Нигде не знал, плывя, препятства.
Красуется велик и мал;
Жить хочет век, кто в гроб желал;
Влекут к тому торжеств изрядства.

Пастух стада гоняет в луг
И лесом без боязни ходит;
Пришед, овец пасет где друг,
С ним песню новую заводит.
Солдатску храбрость хвалит в ней,
И жизни часть блажит своей,
И вечно тишины желает
Местам, где толь спокойно спит;
И ту, что от врагов хранит,
Простым усердьем прославляет.

Любовь России, страх врагов,
Страны полночной Героиня,
Седми пространных морь брегов
Надежда, радость и богиня,
Велика Анна, ты доброт
Сияешь светом и щедрот,—
Прости, что раб твой к громкой славе,
Звучит что крепость сил твоих,
Придать дерзнул некрасной стих
В подданства знак твоей державе.

1739

ОДА
НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ, 1747 ГОДА

Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокруг тебя цветы пестреют,
И класы на полях желтеют;
Сокровищ полны корабли
Дерзают в море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

Великое светило миру,
Блистая с вечной высоты
На бисер, злато и порфиру,
На все земные красоты,
Во все страны свой взор возводит,
Но краше в свете не находит
Елисаветы и тебя.
Ты кроме той всего превыше;
Душа ея зефира тише,
И зрак прекраснее рая́.

Когда на трон она вступила,
Как вышний подал ей венец,
Тебя в Россию возвратила,
Войне поставила конец;
Тебя прияв облобызала:
Мне полно тех побед, сказала,
Для коих крови льется ток.
Я россов счастьем услаждаюсь,
Я их спокойством не меняюсь
На целый запад и восток.

Божественным устам приличен,
Монархиня, сей кроткий глас:
О коль достойно возвеличен
Сей день и тот блаженный час,
Когда от радостной премены
Петровы возвышали стены
До звезд плескание и клик!
Когда ты крест несла рукою
И на престол взвела с собою
Доброт твоих прекрасный лик!

Чтоб слову с оными сравняться,
Достаток силы нашей мал;
Но мы не можем удержаться
От пения твоих похвал.
Твои щедроты ободряют
Наш дух и к бегу устремляют,
Как в понт пловца способный ветр
Чрез яры волны порывает;
Он брег с весельем оставляет;
Летит корма меж водных недр.

Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свет;
Здесь в мире расширять науки
Изволила Елисавет.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Реветь, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
В безмолвии внимай, вселенна:
Се хощет лира восхищенна
Гласить велики имена.

Ужасный чудными делами
Зиждитель мира искони
Своими положил судьбами
Себя прославить в наши дни;
Послал в Россию Человека,
Каков неслыхан был от века.
Сквозь все препятства он вознес
Главу, победами венчанну,
Россию, грубостью попранну,
С собой возвысил до небес.

В полях кровавых Марс страшился,
Свой меч в Петровых зря руках,
И с трепетом Нептун чудился,
Взирая на российский флаг.
В стенах внезапно укрепленна
И зданиями окруженна,
Сомненная Нева рекла:
«Или я ныне позабылась
И с оного пути склонилась,
Которым прежде я текла?»

Тогда божественны науки,
Чрез горы, реки и моря
В Россию простирали руки,
К сему монарху говоря:
«Мы с крайним тщанием готовы
Подать в российском роде новы
Чистейшего ума плоды».
Монарх к себе их призывает,
Уже Россия ожидает
Полезны видеть их труды.

Но ах, жестокая судьбина!
Бессмертия достойный муж,
Блаженства нашего причина,
К несносной скорби наших душ
Завистливым отторжен роком,
Нас в плаче погрузил глубоком!
Внушив рыданий наших слух,
Верьхи Парнасски восстенали,
И музы воплем провождали
В небесну дверь пресветлый дух.

В толикой праведной печали
Сомненный их смущался путь;
И токмо шествуя желали
На гроб и на дела взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петре едина,
Приемлет щедрой их рукой.
Ах, если б жизнь ея продлилась,
Давно б Секвана постыдилась
С своим искусством пред Невой!

Какая светлость окружает
В толикой горести Парнас?
О коль согласно там бряцает
Приятных струн сладчайший глас!
Все холмы покрывают лики;
В долинах раздаются клики:
Великая Петрова дщерь
Щедроты отчи превышает,
Довольство муз усугубляет
И к счастью отверзает дверь.

Великой похвалы достоин,
Когда число своих побед
Сравнить сраженьям может воин
И в поле весь свой век живет;
Но ратники, ему подвластны,
Всегда хвалы его причастны,
И шум в полках со всех сторон
Звучащу славу заглушает,
И грому труб ея мешает
Плачевный побежденных стон.

Сия тебе единой слава,
Монархиня, принадлежит,
Пространная твоя держава
О как тебе благодарит!
Воззри на горы превысоки,
Воззри в поля свои широки,
Где Волга, Днепр, где Обь течет;
Богатство, в оных потаенно,
Наукой будет откровенно,
Что щедростью твоей цветет.

Толикое земель пространство
Когда всевышний поручил
Тебе в счастливое подданство,
Тогда сокровища открыл,
Какими хвалится Инди́я;
Но требует к тому Россия
Искусством утвержденных рук.
Сие злату́ очистит жилу;
Почувствуют и камни силу
Тобой восставленных наук.

Хотя всегдашними снегами
Покрыта северна страна,
Где мерзлыми борей крылами
Твои взвевает знамена;
Но бог меж льдистыми горами
Велик своими чудесами:
Там Лена чистой быстриной,
Как Нил, народы напояет
И breги наконец теряет,
Сравнившись морю шириной.

Коль многи смертным неизвестны
Творит натура чудеса,
Где густостью животным тесны
Стоят глубокие леса,
Где в роскоши прохладных теней
На пастве скачущих еленей
Ловящих крик не разгонял;
Охотник где не метил луком;
Секирным земледелец стуком
Поющих птиц не устрашал.

Широкое открыто поле,
Где музам путь свой простирать!
Твоей великодушной воле
Что можем за сие воздать?
Мы дар твой до небес прославим
И знак щедрот твоих поставим,
Где солнца всход и где Амур
В зеленых берегах крутится,
Желая паки возвратиться
В твою державу от Манжур.

Се мрачной вечности запону
Надежда отверзает нам!
Где нет ни правил, ни закону,
Премудрость тамо зиждет храм;
Невежество пред ней бледнеет.
Там влажный флота путь белеет,
И море тщится уступить:
Колумб российский через воды
Спешит в неведомы народы
Твои щедроты возвестить.

Там тьмою островов посеян,
Реке подобен Океан;
Небесной синевой одеян,
Павлина посрамляет вран.
Там тучи разных птиц летают,
Что пестротою превышают
Одежду нежныя весны;
Питаясь в рощах ароматных
И плавая в струях приятных,
Не знают строгия зимы.

И се Минерва ударяет
В верьхи Рифейски копием;
Сребро и злато истекает
Во всем наследии твоем.
Плутон в расселинах мятется,
Что россам в руки предается
Драгой его металл из гор,
Которой там натура скрыла;
От блеску дневного светила
Он мрачный отвращает взор.

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастной случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде,
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наедине,
В покое сладки и в труде.

Тебе, о милости источник,
О ангел мирных наших лет!
Всевышний на того помощник,
Кто гордостью своей дерзнет,
Завидя нашему покою,
Против тебя восстать войною;
Тебя зиждитель сохранит
Во всех путях беспреткновенну
И жизнь твою благословенну
С числом щедрот твоих сравнит.

1747

ПОХВАЛЬНЫЕ НАДПИСИ

К СТАТУЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Се образ изваян премудрого Героя,
Что, ради подданных лишив себя покоя,
Последний принял чин и царствуя служил,
Свои законы сам примером утвердил,

Рожденны к скипетру, простер в работу руки,
Монаршу власть скрывал, чтоб нам открыть науки.
Когда он строил град, сносил труды в войнах,
В землях далеких был и странствовал в морях,
Художников сбирал и обучал солдатов,
Домашних побеждал и внешних сопостатов;
И, словом, се есть Петр, отечества отец;
Земное божество Россия почитает,
И столько олтарей пред зраком сим пылает,
Коль много есть ему обязанных сердец.

1746—1747

НАДПИСЬ НА ИЛЛУМИНАЦИЮ, ПРЕДСТАВЛЕННУЮ В ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, 1748 ГОДА СЕНТЯБРЯ 5 ДНЯ, ПЕРЕД ЛЕТНИМ ДОМОМ, НА КОТОРОЙ ИЗОБРАЖЕН БЫЛ ФОНТАН, А ПО СТОРОНАМ ХРАМЫ МИРА И ВОЙНЫ

Богиня красотой, породой ты богиня,
Повсюду громкими делами героиня,
Ты мать щедротами, ты именем покой:
Смущенный бранью мир мирит господь тобой.
Российска тишина пределы превосходит
И льет избыток свой в окрестные страны:
Воюет воинство твое против войны;
Оружие твое Европе мир приводит.

1748

ОДЫ ДУХОВНЫЕ

ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 143

Благословен господь мой бог,
Мою десницу укрепивый
И пе́рсты в брани научивый
Сотреть врагов взнесенный рог.

Заступник и спаситель мой,
Покров, и милость, и отрада,
Надежда в брани и ограда,
Под власть мне дал народ святой.

О боже, что есть человек?
Что ты ему себя являешь,
И так его ты почитаешь,
Которого толь краток век.

Он утро, вечер, ночь и день
Во тщетных помыслах проводит;
И так вся жизнь его проходит,
Подобно как пустая тень.

Склони, зиждитель, небеса,
Коснись горам, и воздымятся,
Да паки на земли явятся
Твои ужасны чудеса.

И молнией твоей блесни,
Рази от стран гремящих стрелы,
Рассыпь врагов твоих пределы,
Как бурей плевы разжени.

Меня объял чужой народ,
В пучине я погряз глубокой,
Ты с тверди длань простри высокой,
Спаси меня от многих вод.

Вещает ложь язык врагов,
Десница их сильна враждою,
Уста обильны суетою;
Скрывают в сердце злобный ков.

Но я, о боже, возглашу
Тебе песнь нову повсечасно;
Я в десять струн тебе согласно
Псалмы и песни приношу.

Тебе, спасителю царей,
Что крепостью меня прославил,
От лютого меча избавил,
Что враг вознес рукой своей.

Избавь меня от хищных рук
И от чужих народов власти,
Их речь полна тщеты, напасти,
Рука их в нас наводит лук.

Подобно масличным древам
Сынов их лета процветают,
Одеждой дщери их блистают,
Как златом испещренный храм.

Пшеницы полны гумна их,
Несчетно овцы их плодятся,
На тучных пажитях хранятся
Стада́ в траве волов толсты́х.

Цела обширность крепких стен,
Везде столпами укрепленных,
Там вопля в стогнах нет стесненных,
Не знают скорбных там времен.

Счастлива жизнь моих врагов!
Но те светлее веселятся,
Ни бурь, ни громов не боятся,
Которым вышний сам покров.

1743

ОДА, ВЫБРАННАЯ ИЗ ИОВА,
ГЛАВЫ 38, 39, 40 и 41

О ты, что в горести напрасно
На бога ропщешь, человек,
Внимай, коль в ревности ужасно
Он к Иову из тучи рек!
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь град блистая
И гласом громы прерывая,
Словами небо колебал
И так его на распрю звал:

Сбери свои все силы ныне,
Мужайся, стой и дай ответ.

Где был ты, как я в стройном чине
Прекрасный сей устроил свет;
Когда я твердь земли поставил
И сонм небесных сил прославил
Величество и власть мою?
Яви премудрость ты свою!

Где был ты, как передо мною
Бесчисленны тьмы новых звезд,
Моей возжженных вдруг рукою
В обширности безмерных мест,
Мое величество вещали;
Когда от солнца воссияли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна в ночи?

Кто море удержал брегами
И бездне положил предел,
И ей свирепыми волнами
Стремиться дале не велел?
Покрытую пучину мглою
Не я ли сильною рукою
Открыл и разогнал туман
И с суши сдвигнул Океан?

Возмог ли ты хотя однажды
Велеть ранее утру быть,
И нивы в день томящей жажды
Дождем прохладным напоить,
Пловцу способный ветр направить,
Чтоб в пристани его поставить,
И тяготу земли тряхнуть,
Дабы безбожных с ней сопхнуть?

Стремнинами путей ты разных
Прошел ли моря глубину?
И счел ли чуд многообразных
Стада, ходящие по дну?
Отверзлись ли перед тобою
Всегдашнею покрыты мглою
Со страхом смертные врата?
Ты спер ли адовы уста?

Стесняя вихрем облак мрачный,
Ты солнце можешь ли закрыть,
И воздух огустить прозрачный,
И молнию в дожде родить,
И вдруг быстротекущим блеском
И гор сердца трясущим треском
Концы вселенной колебать
И смертным гнев свой возвещать?

Твоей ли хитростью взлетает
Орел, на высоту паря,
По ветру крила простирает
И смотрит в реки и моря?
От облак видит он высоких
В водах и в пропастях глубоких,
Что в пищу я ему послал.
Толь быстро око ты ли дал?

Воззри в леса на бегемота,
Что мною сотворен с тобой;
Колючий терн его охота
Безвредно попирать ногой.
Как верьви сплетены в нем жилы.
Отведай ты своей с ним силы!
В нем ребра как литая медь;
Кто может рог его сотреть?

Ты можешь ли Левиафана
На уде вытянуть на брег?
В самой средине Океана
Он быстрой простирает бег;
Светящимися чешуями
Покрыт, как медными щитами,
Копье, и меч, и молот твой
Считает за тростник гнилой.

Как жернов сердце он имеет,
И зубы страшный ряд серпов;
Кто руку в них вложить посмеет?
Всегда к сраженью он готов;

На острых камнях возлегает
И твердость оных презирает.
Для крепости великих сил
Считает их за мягкой ил.

Когда ко брани устремится,
То море, как котел, кипит,
Как печь, гортань его дымится,
В пучине след его горит;
Сверкают очи раздраженны,
Как угль, в горниле раскаленный,
Всех сильных он страшит, гоня.
Кто может стать против меня?

Обширного громаду света
Когда устроить я хотел,
Просил ли твоего совета
Для множества толиких дел?
Как персть я взял в начале века,
Дабы создати человека,
Зачем тогда ты не сказал,
Чтоб вид иной тебе я дал?

Сие, о смертный, рассуждая,
Представь зиждителеву власть,
Святую волю почитая,
Имей свою в терпеньи часть.
Он все на пользу нашу строит,
Казнит кого или покоит.
В надежде тяготу сноси
И без роптания проси.

Между 1743 и 1751

УТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ

Уже прекрасное светило
Простерло блеск свой по земли
И божия дела открыло:
Мой дух, с веселием внемли;
Чудяся ясным толь лучам,
Представь, каков зиждитель сам!

Когда бы смертным толь высоко
Возможно было возлететь,
Чтоб к солнцу бренно наше око
Могло, приближившись, воззреть,
Тогда б со всех открылся стран
Горящий вечно Океан.

Там огненны валы стремятся
И не находят берегов;
Там вихри пламенны крутятся,
Борющись множество веков;
Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят.

Сия ужасная громада
Как искра пред тобой одна.
О коль пресветлая лампада
Тобою, боже, возжжена
Для наших повседневных дел,
Что ты творить нам повелел!

От мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лес
И взору нашему открылись
Исполненны твоих чудес.
Там всякая взывает плоть:
Велик зиждитель наш господь!

Светило дневное блистает
Лишь только на поверхность тел;
Но взор твой в бездну проницает,
Не зная никаких предел.
От светлости твоих очей
Лиется радость твари всей.

Творец! покрытому мне тьмою
Простри премудрости лучи
И что угодно пред тобою
Всегда творити научи,
И на твою взирая тварь,
Хвалить тебя, бессмертный царь.

1743

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ ПРИ СЛУЧАЕ ВЕЛИКОГО СЕВЕРНОГО СИЯНИЯ

Лице свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тень;
Лучи от нас склонились прочь;
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкой прах,
В свирепом как перо огне,
Так я в сей бездне углублен
Теряюсь, мысльми утомлен!

Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов;
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков:
Для общей славы божества
Там равна сила естества.

Но где ж, натура, твой закон?
С полночных стран встает заря!
Не солнце ль ставит там свой трон?
Не льдисты ль мещут огнь моря?
Се хладный пламень нас покрыл!
Се в ночь на землю день вступил!

О вы, которых быстрый зрак
Пронзает в книгу вечных прав,
Которым малый вещи знак
Являет естества устав,
Вам путь известен всех планет,—
Скажите, что нас так мятет?

Что зыблет ясный ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь разит?
Как молния без грозных туч

Стремится от земли в зенит?
Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди зимы рождал пожар?

Там спорит жирна мгла с водой;
Иль солнечны лучи блестят,
Склонясь сквозь воздух к нам густой;
Иль тучных гор верьхи горят;
Иль в море дуть престал зефир,
И гладки волны бьют в эфир.

Сомнений полон ваш ответ
О том, что о́крест ближних мест.
Скажите ж, коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?
Несведом тварей вам конец?
Скажите ж, коль велик творец?

1743

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Я знак бессмертия себе воздвигнул
Превыше пирамид и крепче меди,
Что бурный Аквилон сотреть не может,
Ни множество веков, ни едка древность.
Не вовсе я умру; но смерть оставит
Велику часть мою, как жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великий Рим владеет светом.
Где быстрыми шумит струями Авфид,
Где Давнус царствовал в простом народе,
Отечество мое молчать не будет,
Что мне беззнатной род препятством не был,
Чтоб внесть в Италию стихи эольски
И перьвому звенеть Алцейской лирой.
Взгордися праведной заслугой, муза,
И увенчай главу дельфийским лавром.

1747

* * *

Ночною темнотою
Покрылись небеса,
Все люди для покою
Сомкнули уж глаза.
Внезапно постучался
У двери Купидон,
Приятной перервался
В начале самом сон.
«Кто так стучится смело?»—
Со гневом я вскричал.
«Согрей обмерзло тело,—
Сквозь дверь он отвечал,—
Чего ты устрашился?
Я мальчик, чуть дышу,
Я ночью заблудился,
Обмок и весь дрожу».
Тогда мне жалко стало,
Я свечку засветил,
Не медливши нимало,
К себе его пустил.
Увидел, что крилами
Он машет за спиной,
Колчан набит стрелами,
Лук стянут тетивой.
Жалея о несчастье,
Огонь я разложил
И при таком ненастье
К камину посадил.
Я теплыми руками
Холодны руки мял,
Я крылья и с кудрями
Досу́ха выжимал.
Он чуть лишь ободрился,
«Каков-то, молвил, лук,
В дожде, чать, повредился».
И с словом стре́лил вдруг.
Тут грудь мою пронзила
Преострая стрела
И сильно уязвила,
Как злобная пчела.
Он громко рассмеялся

И тотчас заплясал.
«Чего ты испугался?—
С насмешкою сказал.—
Мой лук еще годится,
И цел и с тетивой;
Ты будешь век крушиться
Отнынь, хозяин мой».

1747

* * *

Послушайте, прошу, что старому случилось,
Когда ему гулять за благо рассудилось.
Он ехал на осле, а следом парень шел;
И только лишь с горы они спустились в дол,
Прохожей осудил тотчас его на встрече:
«Ах, как ты малому даешь бресть толь далече?»
Старик сошел с осла и сына посадил,
И только лишь за ним десяток раз ступил,
То люди начали указывать перстами:
«Такими вот весь свет наполнен дураками:
Не можно ль на осле им ехать обоим?»
Старик к ребенку сел и едет вместе с ним.
Однако, чуть минул местечка половину,
Весь рынок закричал: «Что мучишь так скотину?»
Тогда старик осла домой поворотил
И, скуки не стерпя, себе проговорил:
«Как стану я смотреть на все людские речи,
То будет и осла взвалить к себе на плечи».

1747

* * *

Женился Стил, старик без мочи,
На Стелле, что в пятнадцать лет,
И, не дождавшись первой ночи,
Закашлявшись, оставил свет.
Тут Стелла бедная вздыхала,
Что на супружню смерть не тронута взирала.

1748

* * *

Бугристы берега, благоприятны влаги,
О горы с гроздами, где греет юг ягнят.
О грады, где торги, где мозгокружны браги,
И деньги, и гостей, и годы их губят.
Драгие ангелы, пригожие богини,
Бегущие всегда от гадкия гордыни,
Пугливы голуби из мягкого гнезда,
Угодность с негою, огромные чертоги,
Недуги наглые и гнусные остроги,
Богатство, нагота, слуги и господа.
Угрюмы взглядами, игрени, пеги, смуглы,
Багровые глаза, продолговаты, круглы,
И кто горазд гадать и лгать, да не мигать,
Играть, гулять, рыгать и ногти огрызать,
Ногаи, бóлгары, гуроны, геты, гунны,
Тугие головы, о и́готи чугунны,
Гневливые враги и гладкословный друг,
Толпыги, щеголи, когда вам есть досуг.
От вас совета жду, я вам даю на волю:
Скажите, где быть *га* и где стоять *глаголю?*

Между 1748 и 1754

ГИМН БОРОДЕ

Не роскошной я Венере,
Не уродливой Химере
В имнах жертву воздаю:
Я похвальну песнь пою
Волосам, от всех почтенным,
По груди распространенным,
Что под старость наших лет
Уважают наш совет.

Борода предорогая!
Жаль, что ты не крещена
И что тела часть срамная
Тем тебе предпочтена.

Попечительна природа
О блаженстве смертных рода
Несравненной красотой
Окружает — бородой
Путь, которым в мир приходим
И наш первый взор возводим.
Не явится борода,
Не открыты ворота.

Борода предорогая... и т. д.

Борода в казне доходы
Умножает по вся годы:
Керженцам любезный брат
С радостью двойной оклад
В сбор за оную приносит
И с поклоном низким просит
В вечный пропустить покой
Безголовым с бородой.

Борода предорогая... и т. д.

Не напрасно он дерзает,
Верно свой прибыток знает:
Лишь разгладит он усы,
Смертной не боясь грозы,
Скачут в пламень суеверы;
Сколько с Оби и Печеры
После них богатств домой
Достает он бородой.

Борода предорогая... и т. д.

О коль в свете ты блаженна,
Борода — глазам замена!
Люди обще говорят
И по правде то твердят:
Дураки, врали, проказы
Были бы без ней безглазы,
Им в глаза плевал бы всяк;
Ею цел и здрав их зрак.

Борода предорогая... и т. д.

Если правда, что планеты —
Нашему подобны светы,
Конче в оных мудрецы
И всех пуще там жрецы
Уверяют бородою,
Что нас нет здесь головою.
Скажет кто: мы вправду тут,—
В струбе там того сожгут.

Борода предорогая... и т. д.

Если кто невзрачен телом
Или в разуме незрелом;
Если в скудости рожден
Либо чином не почтен,—
Будет взрачен и рассуден,
Знатен чином и не скуден
Для великой бороды:
Таковы ее плоды!

Борода предорогая... и т. д.

О прикраса золотая,
О прикраса дорогая,
Мать дородства и умов,
Мать достатков и чинов,
Корень действий невозможных,
О завеса мнений ложных!
Чем могу тебя почтить,
Чем заслуги заплатить?

Борода предорогая... и т. д.

Через многие расчесы
Заплету тебя я в косы,
И всю хитрость покажу,
По всем модам наряжу.
Через разные затеи
Завивать хочу тупеи:
Дайте ленты, кошельки,
И крупичатой муки.

Борода предорогая... и т. д.

Ах, куда с добром деваться?
Все уборы не вместятся;
Для их многого числа
Борода не доросла.
Я крестьянам подражаю
И как пашню удобряю.
Борода, теперь прости,
В жирной влажности расти.

Борода предорогая!
Жаль, что ты не крещена
И что тела часть срамная
Тем тебе предпочтена.

Между концом 1756 и февралем 1757

РАЗГОВОР С АНАКРЕОНОМ

Анакреон

Ода 1

Мне петь было о Трое,
О Кадме мне бы петь,
Да гусли мне в покое
Любовь велят звенеть.
Я гусли со струнами
Вчера переменил
И славными делами
Алкида возносил;
Да гусли поневоле
Любовь мне петь велят,
О вас, герои, боле,
Прощайте, не хотят.

Ломоносов

Ответ

Мне петь было о нежной,
Анакреон, любви;
Я чувствовал жар прежней
В согревшейся крови,

Я бегать стал перстами
По тоненьким струнам
И сладкими словами
Последовать стопам.
Мне струны поневоле
Звучат геройский шум.
Не возмущайте боле,
Любовны мысли, ум;
Хоть нежности сердечной
В любви я не лишен,
Героев славой вечной
Я больше восхищен.

Анакреон

Ода XXIII

Когда бы нам возможно
Жизнь было продолжить,
То стал бы я не ложно
Сокровища копить,
Чтоб смерть в мою годину,
Взяв деньги, отошла
И, за откуп кончину
Отсрочив, жить дала;
Когда же я то знаю,
Что жить положен срок,
На что крушусь, вздыхаю,
Что мзды скопить не мог;
Не лучше ль без терзанья
С приятельми гулять
И нежны воздыханья
К любезной посылать.

Ломоносов

Ответ

Анакреон, ты верно
Великой философ,
Ты делом равномерно
Своих держался слов,
Ты жил по тем законам,
Которые писал,
Смеялся забобонам,
Ты петь любил, плясал;

Хоть в вечность ты глубоку
Не чаял больше быть,
Но славой после року
Ты мог до нас дожить;
Возьмите прочь Сенеку,
Он правила сложил
Не в силу человеку,
И кто по оным жил?

Анакреон

Ода XI

Мне девушки сказали:
«Ты дожил старых лет»,
И зеркало мне дали:
«Смотри, ты лыс и сед»;
Я не тужу ни мало,
Еще ль мой волос цел,
Иль темя гладко стало,
И весь я побелел;
Лишь в том могу божиться,
Что должен старичок
Тем больше веселиться,
Чем ближе видит рок.

Ломоносов

Ответ

От зеркала сюда взгляни, Анакреон,
И слушай, что ворчит, нахмурившись, Катон:
«Какую вижу я седую обезьяну?
Не злость ли адская, такой оставя шум,
От ревности на смех склонить мой хочет ум?
Однако я за Рим, за вольность твердо стану,
Мечтаниями я такими не смущусь
И сим от Кесаря кинжалом свобожусь».
Анакреон, ты был роскошен, весел, сладок,
Катон старался ввесть в республику порядок,
Ты век в забавах жил и взял свое с собой,
Его угрюмством в Рим не возвращен покой;
Ты жизнь употреблял как временну утеху,
Он жизнь пренебрегал к республики успеху;

Зерном твой отнял дух приятной виноград,
Ножем он сам себе был смертный супостат;
Беззлобна роскошь в том была тебе причина,
Упрямка славная была ему судьбина;
Несходства чудны вдруг и сходства понял я,
Умнее кто из вас, другой будь в том судья.

Анакреон

Ода XXVIII

Мастер в живописстве первой,
Первой в Родской стороне,
Мастер, научен Минервой,
Напиши любезну мне.
Напиши ей кудри черны,
Без искусных рук уборны,
С благовонием духов,
Буде способ есть таков.

Дай из роз в лице ей крови
И как снег представь белу,
Проведи дугами брови
По высокому челу,
Не сведи одну с другою,
Не расставь их меж собою,
Сделай хитростью своей,
Как у девушки моей;

Цвет в очах ея небесной,
Как Минервин, покажи
И Венерин взор прелестной
С тихим пламенем вложи,
Чтоб уста без слов вещали
И приятством привлекали
И чтоб их безгласна речь
Показалась медом течь;

Всех приятностей затеи
В подбородок умести
И кругом прекрасной шеи
Дай лилеям расцвести,

В коих нежности дыхают,
В коих прелести играют
И по множеству отрад
Водят усумненной взгляд;

Надевай же платье ало
И не тщись всю грудь закрыть,
Чтоб, ее увидев мало,
И о прочем рассудить.
Коль изображенье мочно,
Вижу здесь тебя заочно,
Вижу здесь тебя, мой свет;
Молви ж, дорогой портрет.

Ломоносов

Ответ

Ты счастлив сею красотою
И мастером, Анакреон,
Но счастливей ты собою
Чрез приятной лиры звон;
Тебе я ныне подражаю
И живописца избираю,
Дабы потщился написать
Мою возлюбленную Мать.

О мастер в живописстве первой,
Ты первой в нашей стороне,
Достоин быть рожден Минервой,
Изобрази Россию мне,
Изобрази ей возраст зрелой
И вид в довольствии веселой,
Отрады ясность по челу
И вознесенную главу;

Потщись представить члены здравы,
Как должны у богини быть,
По плечам волосы кудрявы
Призна́ком бодрости завить,
Огонь вложи в небесны очи
Горящих звезд в средине ночи,
И брови выведи дугой,
Что кажет после туч покой;

Возвысь сосцы, млеком обильны,
И чтоб созревша красота
Являла мышцы, руки сильны,
И полны живости уста
В беседе важность обещали
И так бы слух наш ободряли,
Как чистой голос лебедей,
Коль можно хитростью твоей;

Одень, одень ее в порфиру,
Дай скипетр, возложи венец,
Как должно ей законы миру
И распрям предписать конец;
О коль изображенье сходно,
Красно, любезно, благородно,
Великая промолви Мать,
И повели войнам престать.

Между 1756 и 1761

* * *

Случились вместе два Астро́нома в пиру
И спорили весьма между собой в жару.
Один твердил: земля, вертясь, круг Солнца ходит;
Другой, что Солнце все с собой планеты водит:
Один Коперник был, другой слыл Птоломей.
Тут повар спор решил усмешкою своей.
Хозяин спрашивал: «Ты звезд теченье знаешь?
Скажи, как ты о сем сомненье рассуждаешь?»
Он дал такой ответ: «Что в том Коперник прав,
Я правду докажу, на Солнце не бывав.
Кто видел простака из поваров такова,
Которой бы вертел очаг кругом жаркова?»

1761

* * *

Кузнечик дорогой, коль много ты блажен,
Коль больше пред людьми ты счастьем одарен!
Препровождаешь жизнь меж мягкою травою
И наслаждаешься медвяною росою.

Хотя у многих ты в глазах презренна тварь,
Но в самой истине ты перед нами царь;
Ты ангел во плоти, иль лучше — ты бесплотен!
Ты скачешь и поешь, свободен, беззаботен,
Что видишь, все твое; везде в своем дому,
Не просишь ни о чем, не должен никому.

1761

* * *

Мышь некогда, любя святыню,
Оставила прелестной мир,
Ушла в глубокую пустыню,
Засевшись вся в голланской сыр.

1762 (?)

ОДЫ ТОРЖЕСТВЕННЫЕ

ОДА Е. И. В. ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕЙ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕЛИСАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ, САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ, В 25 ДЕНЬ НОЯБРЯ 1743

Оставим брани и победы,
Кровавый меч приял покой.
Покойтесь, мирные соседы,
И защищайтесь сей рукой,
Которая единым взмахом
Сильна повергнуть грады прахом,
Как дерзость свой подымет рог.
Пускай Гомер богов умножит,
Сия рука их всех низложит
К подножию монарших ног.

О! дерзка мысль, куды взлетаешь,
Куды возносишь пленный ум?
Елисавет изображаешь.
Ея дел славных громкий шум
Гремит во всех концах вселенны,
И тщетно мысли восхищенны.
Известны уж ея хвалы,
Уже и горы возвещают
Дела, что небеса пронзают,
Леса и гордые валы.

Взгляни в концы твоей державы,
Царица полунощных стран,
Весь Север чтит твои уставы
До мест, что кончит океан,
До края областей безвестных,
Исполнен радостей всеместных,
Что ты Петров воздвигла прах,
Дела его возобновила
И дух его в себе вместила,
Являя свету прежний страх.

Стенал по нем сей град священный,
Ревел великий океан,
В последний облак восхищенный,
Лишен, кому он в область дан
И в норде флот его прославил,
В которых он три флота правил,
Своей рукой являя путь.
Борей, бесстрашно дерзновенный,
В воздушных узах заключенный,
Не смел прервать оков и дуть.

Ударом нестерпима Рока
Бунтует воин в страшный час:
«Отдай Петра, о смерть жестока,
И воружись противу нас.
Хотя воздвигни все стихии
И воружи против России,—
Пойдем против громовых туч!»
Но тщетно горесть гнев рождала,
И ярость воинов терзала:
Сокрыло солнце красный луч.

Тобой восшел наш луч полдневный
На мрачный прежде горизонт,
Тобой разрушен облак гневный,
Свирепы звезды пали в понт.
Ты днесь фортуну нам пленила
И грозный рок остановила,
В единый миг своей рукой
Объяла все свои границы.
Се дело днесь одной девицы
Полсвету возвратить покой.

Отверзлась вечность, все герои
Предстали во уме моем,
Падут восточных стран днесь вои,
Скончавшись в мужестве своем,
Когда Беллона стрелы мещет
И Александр в победах блещет,
Идущ в Индийские страны,
И мнит, достигнув край вселенны,
Направить мысли устремленны
Противу солнца и луны.

На Вавилон свой меч подъемлет
К стенам его идущий Кир,
Весь свет его законы внемлет,
Пленил Восток и правит мир.
Се ищет Греция Елены
И вержет Илионски стены,
Покрыл брега Скамандры дым,
Помпей едину жизнь спасает,
Когда Иулий смерть бросает
И емлет в область свет и Рим.

Не вижу никакия славы,
Одна реками кровь течет,
Алчба всемирныя державы
В своих перунах смерть несет,
Встают народы на народы,
И кроет месть Пергамски воды:
Похвальный греков главный царь,
Чего гнушаются и звери,
Проливши кровь любезной дщери,
Для мщения багрит олтарь.

Но здесь воинский звук ужасный,
Подвластен деве, днесь молчит,
Един в победе вопль согласный
С Петровым именем гремит.
В покое град, леса и горы,
С покоем нимфы ждут Авроры.
Едина лишь Елисавет,
Исполненная днесь любови,
Брежет своих подданных крови
И в тихости свой скиптр берет.

Фейерверк в Петербурге 1 января 1748 года.
Гравюра.
1748 г.

Государственный музей изобразительных искусств
имени А. С. Пушкина.

Еще тень небо покрывает,
Еще луна в звездах горит,
Прекрасно солнце отдыхает,
И луч его в валах сокрыт.
Россия ж вся уже встречает
Владычицу, что бог венчает.
Се бурный вихрь реветь престал,
Теперь девическая сила
Полсвета скиптру покорила,
Ниспал из облак гневный вал.

Великий понт, что мир объемлет
И вполы круг земный делит,
Тобою нашу славу внемлет
И уж в концах земли гремит.
Балтийский брег днесь ощущает,
Что морем паки Петр владает
И вся под ним земля дрожит.
Нептун ему свой скиптр вручает
И с страхом Невский флот встречает,
Что мимо Белтских гор бежит.

На грозный вал поставив ногу,
Пошел меж шумных водных недр
И, положив в морях дорогу,
Во область взял валы и ветр,
Простер премудрую зеницу
И на водах свою десницу,
Подвигнул страхом глубину,
Пучина власть его познала,
И вся земля вострепетала,
Тритоны вспели песнь ему.

Тобою правда днесь сияет,
И милосердие цветет,
Щедрота скипетром владает
И всех сердца к тебе влечет.
Тобой дал плод песок бесплодный,
И камень дал источник водный,
Ты буре повелела стать
И тишину установила,
Когда волна брега ломила
И возвратила ветры вспять.

Твоя хвала днесь возрастает,
Подобно как из земных недр
До облак всходит и скрывает
Высоки горы тенью кедр,
До рек свой корень простирая
И листвие в валы бросая.
Твой гром колеблет небеса,
И молнья сферу рассекает,
Послушный ветр моря терзает,
Дают путь горы и леса.

Ты все успехи предварила,
Желанию подав конец,
И плач наш в радость обратила,
Расторгнув скорби днесь сердец.
О вы, места красы безвестной,
Склоните ныне верх небесной,
Да взыдет наш гремящий глас
В дальнейшие пространства селы,
Пронзив последние пределы,
К престолу божьему в сей час.

О боже, восхотев прославить
Императрицу ради нас,
Вселенну рушить и восставить
Тебе в один удобно час,
Тебе судьбы суть все подвластны.
Внемли вопящих вопль согласный —
Перемени днесь естество,
Умножь сея девицы леты,
Яви во днях Елисаветы,
Колико может божество.

1743

ОДЫ ДУХОВНЫЕ

ИЗ 145 ПСАЛМА

Не уповайте на князей:
Они рожденны от людей,
И всяк по естеству на свете честью равен.

Земля родит, земля пожрет;
Рожденный всяк, рожден умрет,
Богат и нищ, презрен и славен.

Тогда исчезнут лести те,
Которы данны суете
И чем гордилися бесстыдно человеки;
Скончаются их кратки дни,
И вечно протекут они,
Как гордые, шумя, текущи быстро реки.

Когда из них изыдет дух,
О них пребудет только слух,
Лежащих у земли бесчувственно в утробе;
Лишатся гордостей своих,
Погибнут помышленья их,
И пышны титла все сокроются во гробе.

1773

ОДЫ АНАКРЕОНТИЧЕСКИЕ

* * *

Пляскою своей, любезна,
Разжигай мое ты сердце,
Пением своим приятным
Умножай мою горячность.
Моему, мой свет, ты взору,
Что ни делаешь, прелестна.
Все любовь мою питает
И мое веселье множит.
Обольщай мои ты очи,
Пой, пляши, играй со мною.
Бей в ладони и, вертяся,
Ты руками подпирайся.
Руки я твои прекрасны
Целовал неоднократно:
Мной бесчисленно целован
Всякий рук твоих и палец.

1755

ЭПИСТОЛЫ

ЭПИСТОЛА О СТИХОТВОРСТВЕ

О вы, которые стремитесь на Парнас,
Нестройного гудка имея грубый глас,
Престаньте воспевать! Песнь ваша не прелестна,
Когда музы́ка вам прямая неизвестна.
Но в нашем ли одном народе только врут,
Когда искусства нет или рассудок худ?
Прадон и Шапелен не тамо ли писали,
Где в их же времена стихи свои слагали
Корнелий и Расин, Депро и Молиер,
Делафонтен и где им следует Вольтер.
Нельзя, чтоб тот себя письмом своим прославил,
Кто грамматических не знает свойств, ни правил
И, правильно письма не смысля сочинить,
Захочет вдруг творцом и стихотворцем быть.
Он только лишь слова на рифму прибирает,
Но сплетенный вздор стихами называет.
И что он сплетет нескладно без труда,
Передо всеми то читает без стыда.
Преславного Депро прекрасная сатира
Подвигла в Севере разумна Кантемира
Последовать ему и страсти охуждать;
Он знал, как о страстях разумно рассуждать,
Пермесских голос нимф был ввек его утеха,
Стремился на Парнас, но не было успеха.
Хоть упражнялся в том, доколе был он жив,
Однако был Пегас всегда под ним ленив.
Разумный Феофан, которого природа
Произвела красой словенского народа,
Что в красноречии касалось до него,
Достойного в стихах не создал ничего.
Стихи слагать не так легко, как многим мнится.
Незнающий одной и рифмой утомится.
Не должно, чтоб она в плен нашу мысль брала,
Но чтобы нашею невольницей была.
Не надобно за ней без памяти гоняться:
Она должна сама нам в разуме встречаться
И, кстати приходив, ложиться, где велят.

Невольные стихи чтеца не веселят.
А оное не плод единыя охоты,
Но прилежания и тяжкия работы.
Однако тщетно все, когда искусства нет,
Хотя творец, трудясь, струями пот прольет,
А паче если кто на Геликон дерзает
Противу сил своих и грамоте не знает.
Он мнит, что он, слепив стишок, себя вознес
Предивной хитростью до самых до небес.
Тот, кто не гуливал плодов приятных садом,
За вишни клюкву ест, рябину виноградом
И, вкус имея груб, бездельные труды
Пред общество кладет за сладкие плоды.
Взойдем на Геликон, взойдем, увидим тамо
Творцов, которые достойны славы прямо.
Там царствует Гомер, там Сафо, Феокрит,
Ешилл, Анакреон, Софокл и Еврипид,
Менандр, Аристофан и Пиндар восхищенный,
Овидий сладостный, Виргилий несравненный,
Терентий, Персий, Плавт, Гораций, Ювенал,
Лукреций и Лукан, Тибулл, Проперций, Галл,
Мальгерб, Руссо, Кино, французов хор реченный,
Мильтон и Шекеспир, хотя непросвещенный,
Там Тасс и Ариост, там Камоенс и Лоп,
Там Фондель, Гинтер там, там остроумный Поп.
Последуем таким писателям великим.
А ты, несмысленный, вспеваешь гласом диким.
Все то, что дерзостно невежа сочинит,
Труды его ему преобращает в стыд.
Без пользы на Парнас слагатель смелый всходит,
Коль Аполлон его на верх горы не взводит.
Когда искусства нет иль ты не тем рожден,
Нестроен будет глас, и слог твой принужден.
А если естество тебя тем одарило,
Старайся, чтоб сей дар искусство украси́ло.
Знай в стихотворстве ты различие родов
И, что начнешь, ищи к тому приличных слов,
Не раздражая муз худым своим успехом:
Слезами Талию, а Мельпомену смехом.
Пастушка за сребро и злато на лугах
Имеет весь убор в единых лишь травах.
Луг камней дорогих и перл ей не являет,—
Она главу и грудь цветами украшает.

Подобно каковой всегда на ней наряд,
Таков быть должен весь в стихах пастушьих склад.
В них гордые слова, сложения высоки
В лугах подымут вихрь и возмутят потоки.
Оставь свой пышный глас в идиллиях своих
И в паствах не глуши трубой свирелок их.
Пан скроется в леса от звучной сей погоды,
И нимфы у поток уйдут от страха в воды.
Любовну ль пишешь речь или пастуший спор,
Чтоб не был ни учтив, ни груб их разговор,
Чтоб не был твой пастух крестьянину примером
И не был бы, опять, придворным кавалером.
Вспевай в идиллии мне ясны небеса,
Зеленые луга, кустарники, леса,
Биющие ключи, источники и рощи,
Весну, приятный день и тихость темной нощи;
Дай чувствовати мне пастушью простоту
И позабыть, стихи читая, суету.
Плачевной музы глас быстряе проницает,
Когда она в любви власы свои терзает,
Но весь ея восторг свой нежный склад красит
Единым только тем, что сердце говорит:
Любовник в сих стихах стенанье возвещает,
Когда Аврорин всход с любезной быть мешает,
Или он, воздохнув, часы свои клянет,
В которые в глазах его Ирисы нет,
Или жестокости Филисы вспоминает,
Или своей драгой свой пламень открывает,
Иль, с нею разлучась, представив те красы,
Со вздохами твердит прешедшие часы.
Но хладен будет стих и весь твой плач — притворство,
Когда то говорит едино стихотворство;
Но жалок будет склад, оставь и не трудись:
Коль хочешь то писать, так прежде ты влюбись!
Гремящий в оде звук, как вихорь, слух пронзает,
Хребет Рифейских гор далеко превышает,
В ней молния делúт наполы горизонт,
То верх высоких гор скрывает бурный понт,
Эдип гаданьем град от Сфинкса избавляет,
И сильный Геркулес злу Гидру низлагает,
Скамандрины брега богов зовут на брань,
Великий Александр кладет на персов дань,
Великий Петр свой гром с брегов Балтийских мещет,

Российский меч во всех концах вселенной блещет.
Творец таких стихов вскидает всюду взгляд,
Взлетает к небесам, свергается во ад
И, мчася в быстроте во все края вселенны,
Врата и путь везде имеет отворенны.
Что в стихотворстве есть, всем лучшим стих крася
И глас эпический до неба вознося,
Летай во облаках, как в быстром море судно,
Но, возвращаясь вниз, спускайся лишь рассудно,
Пекись, чтоб не смешать по правам лирным дум;
В эпическом стихе порядочен есть шум.
Глас лирный так, как вихрь, порывами терзает,
А глас эпический недерзостно взбегает,
Колеблется не вдруг и ломит так, как ветр,
Бунтующ многи дни, восшед из земных недр.
Сей стих есть полн претворств, в нем добродетель смело
Преходит в божество, приемлет дух и тело.
Минерва — мудрость в нем, Диана — чистота,
Любовь — то Купидон, Венера — красота.
Где гром и молния, там ярость возвещает
Разгневанный Зевес и землю устрашает.
Когда встает в морях волнение и рев,
Не ветер то шумит,— Нептун являет гнев.
И эхо есть не звук, что гласы повторяет,—
То нимфа во слезах Нарцисса вспоминает.
Эней перенесен на африканский брег,
В страну, в которую имели ветры бег,
Не приключением, но гневная Юнона
Стремится погубить остаток Илиона.
Эол в угодность ей Средьземный понт терзал
И грозные валы до облак воздымал.
Он мстил Парисов суд за выигрыш Венеры
И ветрам растворил глубокие пещеры.
Посем рассмотрим мы свойство и силу драм,
Как должен представлять творец пороки нам
И как должна цвести святая добродетель:
Посадский, дворянин, маркиз, граф, князь, владетель
Восходят на театр; творец находит путь
Смотрителей своих чрез действо ум тронýть.
Когда захочешь слез, введи меня ты в жалость;
Для смеху предо мной представь мирскую шалость.
Не представляй двух действ к смешению мне дум;
Смотритель к одному свой устремляет ум.

Ругается, смотря, единого он страстью
И беспокойствует единого напастью:
Афины и Париж, зря красну царску дщерь,
Котору умерщвлял отец, как лютый зверь,
В стенании своем единогласны были
И только лишь о ней потоки слезны лили.
Не тщись глаза и слух различием прельстить
И бытие трех лет мне в три часа вместить:
Старайся мне в игре часы часами мерить,
Чтоб я, забывшися, возмог тебе поверить,
Что будто не игра то действие твое,
Но самое тогда случившесь бытие.
И не бренчи в стихах пустыми мне словами,
Скажи мне только то, что скажут страсти сами.
Не сделай трудности и местом мне своим,
Чтоб мне, театр твой, зря, имеючи за Рим,
Не полететь в Москву, а из Москвы к Пекину:
Всмотряся в Рим, я Рим так скоро не покину.
Явлениями множь желание, творец,
Познать, как действию положишь ты конец.
Трагедия нам плач и горесть представляет,
Как люто, например, Венерин гнев терзает.
В прекрасной описи, в Расиновых стихах,
Трезенский князь забыл о рыцарских играх,
Воспламенение почувствовавши крови
И вечно быть престав противником любови,
Пред Арисиею, стыдяся, говорит,
Что он уже не стал сей гордый Ипполит,
Который иногда стрелам любви ругался
И сим презрением дел нежных величался.
Страшатся греки, чтоб сын Андромахин им
По возрасте своем не стал отцом своим.
Трепещут имени Гекторова народы,
Которые он гнал от стен Троянских в воды,
Как он с победою по трупам их бежал
И в корабли их огнь из рук своих метал.
Страшася, плод его стремятся погубити
И в отрасли весь корнь Приамов истребити;
Пирр хочет спасть его (защита немала!),
Но чтоб сия вдова женой ему была.
Она в смятении, низверженна в две страсти,
Не знает, что сказать при выборе напасти.
Богинин сын против всех греков восстает

И Клитемнестрин плод под свой покров берет.
Нерон прекрасную Июнью похищает,
Возлюбленный ея от яда умирает;
Она, чтоб жизнь ему на жертву принести,
Девичество свое до гроба соблюсти,
Под защищение статуи прибегает,
И образ Августов слезами омывает,
И, после таковых свирепых ей судьбин,
Лишася брачных дум, вестальский емлет чин.
Мониме за любовь приносится отрава.
«Аталья» Франции и Мельпомене слава.
«Меропа» без любви тронула́ всех сердца,
Умножив в славу плеск преславного творца:
Творец ея нашел богатство Геликона.
«Альзира», наконец,— Вольтерова корона.
Каков в трагедии Расин был и Вольтер,
Таков в комедиях искусный Молиер.
Как славят, например, тех «Федра» и «Меропа»,
Не меньше и творец прославлен «Мизантропа».
Мольеров «Лицемер», я чаю, не падет
В трех первых действиях, доколь пребудет свет.
«Женатый философ», «Тщеславный» воссияли
И честь Детушеву в бессмертие вписали.
Для знающих людей ты игрищ не пиши:
Смешить без разума — дар подлыя души.
Не представляй того, что мне на миг приятно,
Но чтоб то действие мне долго было внятно.
Свойство комедии — издевкой править нрав;
Смешить и пользовать — прямой ея устав.
Представь бездушного подьячего в приказе,
Судью, что не поймет, что писано в указе.
Представь мне щеголя, кто тем вздымает нос,
Что целый мыслит век о красоте волос,
Который родился, как мнит он, для амуру,
Чтоб где-нибудь к себе склонить такую ж дуру.
Представь латынщика на диспуте его,
Который не соврет без «ерго» ничего.
Представь мне гордого, раздута, как лягушку,
Скупого, что готов в удавку за полушку.
Представь картежника, который, снявши крест,
Кричит из-за руки, с фигурой сидя: «Рест!»
О та́инственник муз! уставов их податель!
Разборщик стихотворств и тщательный писатель,

Который Франции муз жертвенник открыл
И в чистом слоге сам примером ей служил!
Скажи мне, Боало, свои в сатирах правы,
Которыми в стихах ты чистил грубы нравы!
В сатирах должны мы пороки охуждать,
Безумство пышное в смешное превращать,
Страстям и дуростям, играючи, ругаться,
Чтоб та игра могла на мысли оставаться
И чтобы в страстные сердца она втекла:
Сие нам зеркало сто раз нужняй стекла.
Тщеславный лицемер святым себя являет
И в мысли ближнему погибель соплетает.
Льстец кажется, что он всея вселенной друг,
И отрыгает яд во знак своих услуг.
Набитый ябедой прехищный душевредник
Старается, чтоб был у всех людей наследник,
И, что противу прав, заграбив, получит,
С неправедным судьей на части то делит.
Богатый бедного невинно угнетает
И совесть из судей мешками выгоняет,
Которы, богатясь, страх божий позабыв,
Пекутся лишь о том, чтоб правый суд стал крив.
Богатый в их суде не зрит ни в чем препятства:
Наука, честность, ум, по их,— среди богатства.
Охотник до вестей, коль нечего сказать,
Бежит с двора на двор и мыслит, что́ солгать.
Трус, пьян напившися, возносится отвагой
И за робятами гоняется со шпагой.
Такое что-нибудь представь, сатирик, нам.
Рассмотрим свойство мы и силу эпиграмм:
Они тогда живут красой своей богаты,
Когда сочинены остры и узловаты;
Быть должны коротки, и сила их вся в том,
Чтоб нечто вымолвить с издевкою о ком.
Склад басен должен быть шутлив, но благороден,
И низкий в оном дух к простым словам пригоден,
Как то де Лафонтен разумно показал
И басенным стихом преславен в свете стал,
Наполнил с головы до ног все притчи шуткой
И, сказки пев, играл все тою же погудкой.
Быть кажется, что стих по воле он вертел,
И мнится, что, писав, ни разу не вспотел;
Парнасски девушки пером его водили

И в простоте речей искусство погрузили.
Еще есть склад смешных геройческих поэм,
И нечто помянуть хочу я и о нем:
Он в подлу женщину Дидону превращает
Или нам бурлака Энеем представляет,
Являя рыцарьми буянов, забияк.
Итак, таких поэм шутливых склад двояк:
В одном богатырей ведет отвага в драку,
Парис Фетидину дал сыну перебяку.
Гекто́р не на войну идет — в кулачный бой,
Не воинов — бойцов ведет на брань с собой.
Зевес не молнию, не гром с небес бросает,
Он из кремня огонь железом высекает,
Не жителей земных им хочет устрашить,
На что-то хочет он лучинку засветить.
Стихи, владеющи высокими делами,
В сем складе пишутся пренизкими словами.
В другом таких поэм искусному творцу
Велит перо давать дух рыцарский борцу.
Поссорился буян,— не подлая то ссора,
Но гонит Ахиллес прехраброго Гектора.
Замаранный кузнец в сем складе есть Вулькан,
А лужа от дождя не лужа — океан.
Робенка баба бьет — то гневная Юнона.
Плетень вокруг гумна — то стены Илиона.
В сем складе надобно, чтоб муза подала
Высокие слова на низкие дела.
В эпистолы творцы те речи избирают,
Какие свойственны тому, что составляют,
И самая в стихах сих главна красота,
Чтоб был порядок в них и в слоге чистота.
Сонет, рондо, баллад — игранье стихотворно,
Но должно в них играть разумно и проворно.
В сонете требуют, чтоб очень чист был склад.
Рондо — безделица, таков же и баллад,
Но пусть их пишет тот, кому они угодны,
Хоро́ши вымыслы и тамо благородны,
Состав их хитрая в безделках суета;
Мне стихотворная приятна простота.
О песнях нечто мне осталося представить,
Хоть песнописцев тех никак нельзя исправить,
Которые, что́ стих, не знают и хотят
Нечаянно попасть на сладкий песен лад.

Нечаянно стихи из разума не льются,
И мысли ясные невежам не даются.
Коль строки с рифмами — стихами то зовут.
Стихи по правилам премудрых муз плывут.
Слог песен должен быть приятен, прост и ясен,
Витийств не надобно; он сам собой прекрасен;
Чтоб ум в нем был сокрыт и говорила страсть;
Не он над ним большой — имеет сердце власть.
Не делай из богинь красавице примера
И в страсти не вспевай: «Прости, моя Венера,
Хоть всех собрать богинь, тебя прекрасней нет»,
Скажи, прощаяся: «Прости теперь, мой свет!
Не будет дня, чтоб я, не зря очей любезных,
Не источал из глаз своих потоков слезных.
Места, свидетели минувших сладких дней,
Их станут воображать на памяти моей.
Уж начали меня терзати мысли люты,
И окончалися приятные минуты.
Прости в последний раз и помни, как любил».
Кудряво в горести никто не говорил:
Когда с возлюбленной любовник расстается,
Тогда Венера в мысль ему не попадется.
Ни ударения прямого нет в словах,
Ни сопряжения малейшего в речах,
Ни рифм порядочных, ни меры стоп пристойной
Нет в песне скаредной при мысли недостойной.
Но что я говорю: при мысли? Да в такой
Изрядной песенке нет мысли никакой:
Пустая речь, конец не виден, ни начало;
Писцы в них бредят всё, что в разум ни попало.
О чудные творцы, престаньте вздор сплетать!
Нет славы никакой несмысленно писать.
Во окончании еще напоминаю
О разности стихов и речи повторяю:
Коль хочешь петь стихи, помысли ты сперва,
К чему твоя, творец, способна голова.
Не то пой, что тебе противу сил угодно,
Оставь то для других: пой то, тебе что сродно,
Когда не льстит тебе всегдашний града шум
И ненавидит твой лукавства светска ум,
Приятна жизнь в местах, где к услажденью взора
И обоняния ликует красна Флора,
Где чистые струи по камышкам бегут

И птички сладостно Аврорин всход поют,
Одною щедрою довольствуясь природой,
И насыщаются дражайшею свободой.
Пускай на верх горы взойдет твоя нога
И око кинет взор в зеленые луга,
На реки, озера́, в кустарники, в дубровы:
Вот мысли там тебе по склонности готовы.
Когда ты мягкосерд и жалостлив рожден
И ежели притом любовью побежден,
Пиши элегии, вспевай любовны узы
Плачевным голосом стенящей де ла Сюзы.
Когда ты рвешься, зря на свете тьму страстей,
Ступай за Боалом и исправляй людей.
Смеешься ль, страсти зря, представь мне их примером
И, представляя их, ступай за Молиером.
Когда имеешь ты дух гордый, ум летущ
И вдруг из мысли в мысль стремительно бегущ,
Оставь идиллию, элегию, сатиру
И драмы для других: возьми гремящу лиру
И с пышным Пи́ндаром взлетай до небеси,
Иль с Ломоносовым глас громкий вознеси:
Он наших стран Мальгерб, он Пиндару подобен;
А ты, Штивелиус, лишь только врать способен.
Имея важну мысль, великолепный дух,
Пронзай войнскою трубой вселенной слух:
Пой Ахиллесов гнев иль, двигнут русской славой,
Воспой Великого Петра мне под Полтавой.
Чувствительней всего трагедия сердцам,
И таковым она вручается творцам,
Которых может мысль входить в чужие страсти
И сердце чувствовать других беды, напасти.
Виргилий брани пел, Овидий воздыхал,
Гораций громкий глас при лире испускал
Или, из высоты сходя, страстям ругался,
В которых римлянин безумно упражнялся.
Хоть разный взяли путь, однако посмотри,
Что, сладко пев, они прославились все три.
Все хвально: драма ли, эклога или ода —
Слагай, к чему тебя влечет твоя природа;
Лишь просвещение писатель дай уму:
Прекрасный наш язык способен ко всему.

1747

ПРИМЕЧАНИЯ

НА УПОТРЕБЛЕННЫЕ <...> СТИХОТВОРЦЕВ ИМЕНА

А н а к р е о н, греческий лирик. Жил во время Поликрата, мучителя самосского, за 500 лет до рождества Христова, и был современник Киру, Крезу, Солону и Есопу. Писал оды или, лучше сказать, песни любовные и пьянственные, которые высоко поставляются.

А р и с т о ф а н, греческий комик, современник Еврипиду, Демосфену и Сократу. Жил за 437 лет до рождества Христова. Плутарх его Менандру предпочитает. Платон, глава академиков, ученик Сократов и учитель Аристотелев, сочинения его много почитал. Сократу и Еврипиду был Аристофан великий неприятель. Из комедий его осталось одиннадцать.

А р и о с т, феррарец, стихотворец италиянский. Умер июля 13 дня в 1533 году, 69 лет. Сочинил поэму, называемую «Роланд».

В и р г и л и й, знатнейший римский стихотворец, родом мантуанин. Родился 15 октября, в 684 году от создания города. Был в милости у Августа, любим Меценатом и Поллионом. В «Эклогах» своих подражал он Феокриту, в «Георгиках» Гесиоду, в «Энеидах» Гомеру. «Энеиды», которым весь свет удивляется, приказал он при смерти своей после себя сжечь как труд еще не исправленный; однако, по повелению Августа, два хорошие стихотворцы, друзья Виргилиевы, Тукк и Варий, их просмотрели и, ничего от себя не прибавляя, их исправили одним только отсечением того, что им по справедливости не показалось. Все Виргилиевы сочинения преславны, а особливо «Энеиды», которые почитаются лучшим на свете стихотворством.

В о л ь т е р, великий стихотворец и преславный французский трагик; лучшие его трагедии суть: «Альзира», «Меропа», «Брут» и «Мариамна». «Генрияда», героическая его поэма, есть некое сокровище стихотворства. Как «Генрияда», так и трагедии его важностью, сладостью, остротой и великолепием наполнены. Склад его летуч, слова избранны, изъяснения проницательны, а все то купно показывает в нем великого стихотворца.

Г а л л, стихотворец латинский. Был у цесаря Августа в великой милости и сделан от него губернатором Египта; однако за строгость свою и прочие неприятные народу поступки оттуда изгнан и во отчаянии сам себя умертвил, в 728 году города, на 43 века своего. Виргилий и Овидий ему друзья были.

Г и н т е р, немецкий стихотворец последнего времени, которого тщательно составленные и вычищенные им стихи, хотя таковых и гораздо меньше, нежели других, превеликой похвалы достойны.

Г о м е р, славнейший греческий стихотворец, творец «Илиады» и «Одиссеи». Думают, что он жил спустя 302 года после Троянской войны, за 207 лет до рождества Христова. В «Илиаде» воспевает он Ахиллесов

гнев, или паче троянскую брань, а в «Одиссее» путешествие Улиссово. Какой он был уроженец, того никто подлинно не ведает — а Геродот называет его эолянином. Семь городов о его урожении спорили. Александр Великий содержал письмы его в превеликом почтении. Греки его почти боготворили, и называется он отцом стихотворцев.

Гораций, лирик и сатирик римский. Родился в 689 году от создания города. Был у Августа и Мецената в милости. Умер 57 лет. От него имеем мы «Наставление стихотворцам», которому подражал Боало. Оды, сатиры и эпистолы, все его сочинения содержатся в великом почтении.

Депро-Боало, преславный стихотворец, сатирик французский. Родился в Париже 5 декабря 1636 года. Умер 13 марта в 1711 году на 74 века своего. Сочинения его суть: «Наставление стихотворцам», 12 сатир, 12 эпистол и поэма героическая шуточная. Слава его, к чести французского стихотворства, по всей Европе распростерта.

Детуш, знатный французский комик. Комедии его «Тщеславный» и «Женатый философ» безмерно хороши.

Еврипид, славный греческий трагик, родился в Саламине во 2 году 75 Олимпиады, в 275 году от создания Рима, за 479 лет до рождества Христова. Был современник Софоклу и друг Сократу. Из трагедий его осталось осьмнадцать, которые почти в таком же содержатся почтении, как и Софокловы.

Ешилл ⟨Эсхилл⟩, греческий трагик и установитель прямыя трагедии, родился в 1 году 60 Олимпиады, за 540 лет до рождества Христова. Умер 65 лет. Из трагедий его поныне семь осталось.

Камоенс, славный стихотворец португальский, или Виргилий тамошний, творец эпической поэмы «Лусияды». Умер в 1579 году, за 50 лет века своего.

Кантемир, сын волосского господаря, был, как сказывают, человек весьма разумный и притом ученый. Сочинял на русском языке сатиры, в которых он подражал духу Боалову; только, будучи чужестранным, не знал истинной красоты нашего языка. Разум его и в стихотворстве гораздо виден, ежели сочиненные им сатиры стихотворством назвать можно; однако нет в стихах его ни порядочного в речах сопряжения, ни свободных и надлежащих рифм, ни меры стоп, ни пресечения, ни наблюдения грамматических правил, и нет ничего в них, чего красота языка и стихотворство требует, и хотя разумные его мысли и видны, но повсюду нечистым, неправильным, холодным и принужденным складом гораздо затмеваются.

Кино, творец французских опер, стихотворец нежной лиры, уроженец парижский. Родился в 1633 году. Умер в 1688 ноября 26 дня.

Корнелий, нареченный «Великий», преславный трагик французский. Родился в Руане, в 1606 году, июня 6 дня. Умер в 1684 году. Великим назван он не столько от хорошего стихотворства, как от вели-

кого духа и высоких мыслей. Лучшие его трагедии суть: «Цинна», «Родогуна», «Гораций», «Цид», «Полиевкт», «Помпей» и «Ираклий».

Ломоносов, русский стихотворец, хороший лирик. Петербургской Академии наук и исторического собрания член и профессор химии.

Лоп ⟨Лопе де Вега⟩, славный испанский комик. Умер августа 24 дня в 1635 году на 72 века своего. Был кавалер Малтийского ордена. Сочинил триста комедий.

Лукан, латинский стихотворец. Родился в Испании в 39 году от рождества. В Рим привезен он осьми лет. Был у Нерона в великой милости, а потом от славного сего мучителя умерщвлен растворением жил. Сочинил поэму о Фарсальской между Цесарем и Помпеем брани.

Лукреций, стихотворец римский. Родился в 657 или в 658 году Рима, сочинил поэму в шести книгах, «О естестве вещей».

Малгерб, французский стихотворец, славный лирик. Родился около 1555 году. Умер в Париже в 1628 году.

Менандр, лучший греческий комик. Родился в Афинах в 109 Олимпиаде, ученик Феофрастов. Был в превеликом почтении, и некоторые государи к нему посольства присылали с прошением, чтоб он приехал быть при них; однако он от того отрекся. Был в прочем весьма нежен, а особливо в платье, а притом и влюбчив. Терентий, римский комик, ему подражал и переводил комедии его.

Мильтон, преславный аглинский стихотворец, творец эпической поэмы «Потерянного рая». Родился в Лондоне в 1606 году, умер в 1674 году.

Мольер, преславный французский комик, или паче славнейший изо всех комиков на свете. Родился в Париже в 1620 году, умер на 53 века своего, в 1673 февраля 17 дня. Лучшие его комедии суть: «Мизантроп», «Лицемер», «Школа жен», «Школа мужей», «Ученые женщины» и «Амфитрион».

Овидий, знатный римлянин и великий стихотворец. Родился в 711 году от создания города. Был у Августа-цесаря в милости, но после сослан в ссылку, которыя причины подлинно никто не знает. Некоторые из составлений его пропали, между которыми и последние книги «Фастов», и трагедия «Медея», которую Тацит, Квинтилиян и другие похваляют. Все его сочинения, как «Превращения», «Героиды», «Элегии», так и прочие, содержатся в великом почтении.

Персий, сатирик римский. Жил во время императора Нерона. Умер на 28 году жизни своей.

Пиндар, греческий стихотворец и глава лириков, родом фебанин. Жил до рождества Христова с лишком за 470 лет. Его составления было много книг, однако остались только оды, которые он сочинил при Олимпийских, Истмисских, Пифисских и Немейских играх. Был в Греции в превеликой чести, и не только он, но и потомки его в почтении содержались. Александр Великий, больше ста лет после смерти сего великого

стихотворца, разоряя Фебанский город, дому тому, в котором жил сей стихотворец, не прикоснулся из почтения.

Плавт, римский комик. Умер в 570 году от создания города. Из комедий его осталося двадцать. Был человек разума острого.

Поп, остроумный аглинский писатель, стихотворец последнего времени.

Проперций, латинский стихотворец. Был любим Меценатом и Корнелием Галлом. Казнен по повелению Августа отсечением головы за то, что он прилепился к стороне Антониевой. Сочинения его суть стихотворствы любовные.

Расин, великий стихотворец, преславный трагик французский. Родился в 1639 году. Умер в 1699 апреля 22 дня на 59 году жизни своей. Стихотворство его всякую похвалу превосходит. Лучшие его трагедии суть: «Аталия», «Федра», «Ифигения», «Митридат», «Андромаха», «Британик».

Руссо, французский стихотворец последнего времени, славный лирик.

Сафо, стихотворица из Митилина, столичного города острова Лесбоса. Жила лет за 600 до рождества Христова. Сочинения ее состояли в 9 книгах од, во многих книгах эпиграмм. Делала элегии, стихи эпиталамические и много других стихотворств составляла; однако все ея сочинения, кроме двух од и двух эпиграмм, пропали. Сократ, Аристотель, Страбон, Дионисий Галикарнасский, Лонгин и император Иулиян ей похвалу приносят. Сверх того ставится, что и Овидий в лучших своих стихах, которые трогают сердца, подражал сей стихотворице.

Софокл, знатнейший греческий трагик, ученик Ешиллов, которого он далеко превзошел. Родился во 2 году 71 Олимпиады в Колоне, городке аттическом. Умер в 349 году от создания Рима, в 90 лет века своего, за 405 лет до рождества Христова. Из трагедий его поныне только семь осталось.

Сюз (де ла), графиня, французская стихотворица. Писала элегии.

Тасс, славнейший итальянский стихотворец, творец эпической поэмы «Освобожденного Ерусалима» и пастушьей поэмы «Аминта». Родился в королевстве Неаполитанском. Умер в 1595 году, на 51 века своего.

Терентий, лучший римский комик, родом африканец из Карфагена. Был прежде невольник Терентия Лукана и получил свободу за разум. Подражал Менандру, а ему подражал Мольер. Умер в 595 году от создания города. Из комедий его осталось шесть.

Тибулл, римлянин времени цесаря Августа и стихотворец латинский, родился в 711 году Рима, в одном году с Овидием, за 43 года до рождества Христова. Гораций и Овидий были ему друзья. Умер очень молод, за 17 лет до рождества. Сочинял элегии, которые в почтении содержатся. Овидий смерть его в прекрасной элегии оплакивает.

Фонтен (де ла), славный французский стихотворец. Сочинения его суть: «Притчи» и «Сказки», которые от погруженного в простоте искусства самыми музами сочинены быть кажутся. Умер на 74 году века своего, в 1695 году апреля 13 дня.

Шекеспир, аглинский трагик и комик, в котором и очень худого, и чрезвычайно хорошего очень много. Умер 23 дня апреля, в 1616 году, на 53 века своего.

Ювенал, сатирик римский. Жил во время первого века по рождестве.

Феокрит, греческий стихотворец, урожением сиракузец. Жил при дворе Птоломея Филадельфа в Египте. Сочинял идиллии, которым Виргилий подражал в своих эклогах.

Фондель, славный голландский стихотворец, или Виргилий тамошний, трагик хороший. Жил в 17 веке. Умер 5 дня февраля, в 1679 году, на 92 века своего.

ЭЛЕГИИ

* * *

Страдай, прискорбный дух! Терзайся, грудь моя!
Несчастливее всех людей на свете я!
Я счастья пышного сыскать себе не льстился
И от рождения о нем не суетился;
Спокойствием души одним себе ласкал:
Не злата, не сребра, но муз одних искал.
Без провождения я к музам пробивался
И сквозь дремучий лес к Парнасу прорывался.
Преодолел я труд, увидел Геликон;
Как рай, моим очам вообразился он.
Эдемским звал его я светлым вертоградом,
А днесь тебя зову, Парнас, я мрачным адом;
Ты мука фурий мне, не муз ты мне игра,
О бедоносная, противная гора,
Подпора моея немилосердой части,
Источник и вина всея моей напасти,
Плачевный вид очам и сердцу моему,
Нанесший горести бесчисленны ему!
Несчастен был тот день, несчастнейша минута,
Когда по строгости и гневу рока люта,
Польстив утехою и славою себе,
Ногою в первый раз коснулся я тебе.

Крылатый мне там конь был несколько упорен,
Но после стал Пегас обуздан и покорен,
Эрата первa мне воспламенила кровь,
Я пел заразы глаз и нежную любовь;
Прелестны взоры мне сей пламень умножали,
Мой взор ко взорам сим, стихи ко мне бежали.
Стал пети я потом потоки, берега,
Стада, и пастухов, и чистые луга.
Ко Мельпомене я впоследок обратился,
И, взяв у ней кинжал, к театру я пустился.
И, музу лучшую, к несчастью, полюбя,
Я сей, увы! я сей кинжал вонжу в себя,
И окончаю жизнь я прежнею забавой,
Довольствуясь одной предбудущею славой,
Которой слышати не буду никогда.
Прожив на свете век, я сетую всегда,
Когда лишился я прекрасной Мельпомены
И стихотворства стал искати перемены,
Де Лафонтен, Эсоп в уме мне были вид.
Простите вы, Расин, Софокл и Еврипид;
Пускай, Расин, твоя Монима жалко стонет,
Уж нежная любовь ея меня не тронет.
Орестова сестра пусть варвара клянет,
Движения, Софокл, во мне нимало нет.
С супругом, плача, пусть прощается Альцеста,
Не сыщешь, Еврипид, в моем ты сердце места,
Аристофан и Плавт, Терентий, Молиер,
Любимцы Талии и комиков пример,
Едва увидели меня в парнасском цвете,
Но все уж для меня кончается на свете.
Не буду драм писать, не буду притчей плесть,
И на Парнасе мне противно все что есть.
Не буду я писать! Но — о несчастна доля!
Во предприятии моя ли этом воля?
Против хотения мя музы привлекут
И мне решение другое изрекут.
Хочу оставить муз и с музами прощаюсь,
Прощуся с музами и к музам возвращаюсь:
Любовницею так любовник раздражен,
Который многи дни был ею заражен,
Который покидать навек ее печется
И в самый оный час всем сердцем к ней влечется.
Превредоносна мне, о музы, ваша власть!

О бесполезная и пагубная страсть,
Которая стихи писать меня учила!
Спокойство от меня ты вечно отлучила,
Но пусть мои стихи презренье мне несут,
И музы кровь мою, как фурии, сосут,
Пускай похвалятся надуты оды громки,
А мне хвалу сплетет Европа и потомки.

1768

СОНЕТЫ

* * *

О существа состав, без образа смешенный,
Младенчик, что мою утробу бременил
И, не родясь еще, смерть жалостно вкусил
К закрытию стыда девичества лишенной!

О ты, несчастный плод, любовью сотворенный!
Тебя посеял грех, и грех и погубил.
Вещь бедная, что жар любви производил!
Дар чести, горестно на жертву принесенный!

Я вижу в жалобах тебя и во слезах.
Не воображайся ты толь живо мне в глазах,
Чтоб меньше беспокойств я, плачуща, имела.

То два мучителя старались учинить:
Любовь, сразивши честь, тебе дать жизнь велела,
А честь, сразив любовь, велела умертвить.

1755

САТИРЫ

О БЛАГОРОДСТВЕ

Сию сатиру вам, дворяня, приношу!
Ко членам первым я отечества пишу.
Дворяне без меня свой долг довольно знают,
Но многие одно дворянство вспоминают,

Не помня, что от баб рожденным и от дам
Без исключения всем праотец Адам.
На то ль дворяне мы, чтоб люди работали,
А мы бы их труды по знатности глотали?
Какое барина различье с мужиком?
И тот и тот — земли одушевленный ком.
А если не ясней ум барский мужикова,
Так я различия не вижу никакого.
Мужик и пьет и ест, родился и умрет,
Господский также сын, хотя и слаще жрет
И благородие свое нередко славит,
Что целый полк людей на карту он поставит.
Ах, должно ли людьми скотине обладать?
Не жалко ль? Может бык людей быку продать?
А во учении имеем мы дороги,
По коим посклизнуть не могут наши ноги:
Единой шествуя, вдали увидя дым,
Я твердо заключу, что там огонь под ним.
Я знаю опытом, пера тяжеле камень,
И льда не вспламенит и жесточайший пламень;
По счету ведаю, что десять — пять да пять;
Но это не верста, едина только пядь:
Шагнуть и без наук искусно мы умеем,
А всей премудрости цель дальную имеем,
Хотя и вечно к ней не можем мы дойти,
Но можем на пути сокровищи найти.
Перикл, Алькивияд наукой не гнушались,
Начальники их войск наукой украшались;
Великий Александр и ею был велик,
Науку храбрый чтит венчанный Фридерик;
Петром она у нас Петрополь услаждает,
Екатерина вновь науку насаждает.
Не можно никогда науки презирать,
И трудно без нея нам правду разбирать.
Мне мнится, на слепца такой судья походит,
Младенец коего, куда похочет, водит.
На то ль кому судьба высокий чин дала,
Чтоб он подписывал, подьячий вел дела?
Такою слабостью умножатся нам нищи,
Лишенны им навек своей дневныя пищи.
Подьячий согрешит или простой солдат:
Один из мужиков, другой из черни взят,
А во дворянстве всяк, с каким бы ни был чином,

Не в титле — в действии быть должен дворянином,
И непростителен большой дворянский грех.
Начальник, сохраняй уставы больше всех!
Дворянско титло нам из крови в кровь лиется;
Но скажем: для чего дворянство так дается?
Коль пользой общества мой дед на свете жил,
Себе он плату, мне задаток заслужил,
А я задаток сей, заслугой взяв чужею,
Не должен класть его достоинства межею.
И трудно ли сию задачу разрешить,
Когда не тщимся мы работы довершить,
Для ободрения пристойный взяв задаток,
По праву ль без труда имею я достаток?
Судьба монархине велела побеждать
И сей империей премудро обладать,
А нам осталося во дни ея державы
Ко пользе общества в трудах искати славы.
Похвален человек, не ищущий труда,
В котором он успеть не может никогда.
К чему способен он, он точно разбирает:
Пиитом не рожден, бумаги не марает,
А если у тебя безмозгла голова,
Пойди и землю рой или руби дрова,
От низких более людей не отличайся
И предков титлами уже не величайся.
Сей Павла воспитал, достойного корон,
Дабы подобен был Екатерине он;
С Спиридовым валы Орловы пребегают
И купно на водах с ним пламень возжигают;
Голицын гонит рать, Румянцев — наш Тюренн,
А Панин — Мальборуг у неприступных стен;
Подобно Еропкин в час бдения не дремлет,
И силу дерзкия Мегеры он отъемлет.
А ты, в ком нет ума, безмозглый дворянин,
Хотя ты княжеский, хотя господский сын,
Как будто женщина дурная, не жеманься
И, что тебе к стыду, пред нами тем не чванься!
От Августа пускай влечен твой знатный род,—
Когда прекрасна мать, а дочь ея урод,
Полюбишь ли ты дочь, узришь ли в ней заразы,
Хотя ты по уши зарой ее в алмазы?
Коль только для себя ты в обществе живешь,
И в поте не своем ты с маслом кашу ешь,

И не собой еще ты сверх того гордишься.—
Не дивно ли, что ты, дружочек мой, не рдишься?
Без крылья хочешь ты летети к небесам.
Достоин я, коль я сыскал почтенье сам,
А если ни к какой я должности не годен,—
Мой предок дворянин, а я не благороден.

1771

ПРИТЧИ

ЖУКИ И ПЧЕЛЫ

Прибаску
Сложу
И сказку
Скажу.
Невежи Жу́ки
Вползли в науки
И стали патоку Пчел делать обучать.
Пчелам не век молчать,
Что их дурачат;
Великий шум во улье начат.
Спустился к ним с Парнаса Аполлон
И Жуков он
Всех выгнал вон,
Сказал: «Друзья мои, в навоз отсель подите;
Они работают, а вы их труд ядите,
Да вы же скаредством и патоку вредите!»

1752 (?)

БЕЗНОГИЙ СОЛДАТ

Солдат, которому в войне отшибли ноги,
Был отдан в монастырь, чтоб там кормить его.
А служки были строги
Для бедного сего.
Не мог там пищею несчастливый ласкаться
И жизни был не рад,

Оставил монастырь безногий сей солдат.
Ног нет; пополз и стал он по миру таскаться.
Я дело самое преважное имел,
Желая, чтоб никто тогда не зашумел,
Весь мозг, колико я его имею в теле,
Был в этом деле,
И голова была пуста.
Солдат, ползя с пустым лукошком,
Ворчал перед окошком:
«Дай милостынку кто мне, для́ ради Христа,
Подайте ради бога;
Я целый день не ел, и наступает ночь».
Я злился и кричал: «Ползи, негодный, прочь,
Куда лежит тебе дорога:
Давно тебе пора, безногий, умирать,
Ползи и не мешай мне в шахматы играть».
Ворчал солдат еще, но уж не предо мною,
Перед купеческой ворчал солдат женою.
Я выглянул в окно,
Мне стало то смешно,
За что я сперва злился,
И на безногого я, смотря, веселился:
Идти ко всенощной была тогда пора;
Купецкая жена была уже стара
И очень богомольна;
Была вдова и деньгами довольна:
Она с покойником в подрядах клад нашла;
Молиться пеша шла;
Но не от бедности; да что колико можно,
Жила она набожно:
Все дни ей пятница была и середа,
И мяса в десять лет не ела никогда,
Дни с три уже она не напивалась водки,
А сверх того всегда
Перебирала четки.
Солдат и ей о пище докучал,
И то ж ворчал.
Защекотило ей его ворчанье в ухе,
И жалок был солдат набожной сей старухе,
Прося, чтоб бедному полушку подала.
Заплакала вдова и в церковь побрела.
Работник целый день копал из ряды
На огороде гряды

И, встретившись несчастному сему,
Что выработал он, всё отдал то ему.
С ползущим воином работник сей свидетель,
В каком презрении прямая добродетель.

1759

БОЛВАН

Был выбран некто в боги:
Имел он голову, имел он руки, ноги
И стан;
Лишь не было ума на полполушку,
И деревянную имел он душку.
Был — идол, попросту: Болван.
И зачали Болвану все молиться,
Слезами пред Болваном литься
И в перси бить.
Кричат: «Потщися нам, потщися пособить!»
Всяк помощи великой чает.
Болван того
Не примечает
И ничего
Не отвечает:
Не слушает Болван речей ни от кого,
Не смотрит, как жрецы мошны искусно слабят
Перед его пришедших олтари
И деньги грабят
Таким подобием, каким секретари
В приказе
Под несмотрением несмысленных судей
Сбирают подати в карман себе с людей,
Не помня, что о том написано в указе.
Потратя множество и злата и сребра
И не видав себе молебщики добра,
Престали кланяться уроду
И бросили Болвана в воду,
Сказав: «Не отвращал от нас ты зла:
Не мог ко счастию ты нам пути отверзти!
Не будет от тебя, как будто от козла,
Ни молока, ни шерсти».

1760

ЛИСИЦА И СТАТУЯ

К Елисавете Васильевне Херасковой

Я ведаю, что ты парнасским духом дышишь,
Стихи ты пишешь.
Не возложил никто на женский разум уз.
Чтоб дамам не писать, в котором то законе?
Минерва — женщина, и вся беседа муз
Не пола мужеска на Геликоне.
Пиши! Не будешь тем ты меньше хороша,
В прекрасной быть должна прекрасна и душа,
А я скажу то смело,
Что самое прекраснейшее тело
Без разума — посредственное дело.
Послушай, что тебе я ныне донесу
Про Лису:
В каком-то Статую она нашла лесу;
Венера то была работы Праксителя.
С полпуда говорит Лисица слов ей, меля:
«Промолви, кумушка!» — Лисица ей ворчит,
А кумушка молчит.
Пошла Лисица прочь, и говорит Лисица:
«Прости, прекрасная девица,
В которой нет ни капельки ума!
Прости, прекрасная и глупая кума!»
А ты то ведаешь, Хераскова, сама,
Что кум таких довольно мы имеем,
Хотя мы дур и дураков не сеем.

1761

СПОРЩИЦА

Скажи, о муза, мне, какой злой гнев жену
Принудил объявить жестокую войну
Противу своего возлюбленного мужа,
И глупость может ли жене злой быти чужа!
Муж будет побежден; сунбурщица, не трусь,
И сделай нам над мужем шутку.
Поставили на стол большую утку.
Жена сказала: «Это гусь».
«Не гусь, да утка то»,— муж держит это твердо.

«О сатана! —
Кричит жена.—
На то ли я с тобой сопряжена?
Вся злобой внутренна моя разожжена».
Кричит без памяти, пылит немилосердо:
«Коль ты ослеп, я шлюсь на вкус,
Иль я тебе такой дам туз,
Что ты задремлешь,
Коль гуся моего за утку ты приемлешь!»
Отведал муж: «Душа! сокровище! мой свет;
Гусиного и запаха тут нет».
«Бездельник, это гусь, я знаю это прямо».
«Пожалуй, женушка, не спорь ты так упрямо.
Я шлюсь на всех людей, что утка то, не гусь,
И в этом не запрусь».
Но чем окончилася шутка?
Жена ему дала туза,
И плюнула в глаза.
Признался муж: на стол поставлен гусь, не утка.

1762

СОБОЛЬЯ ШУБА

Богатство хорошо иметь;
Но должно ль им кому гордиться сметь?
В собольей дурака я шубе видел,
Который всех людей, гордяся, ненавидел.
В ком много гордости, известно то, что тот,
Конечно, скот.
И титла этого в народе сам он просит.
Носил ту шубу скот,
И скот и ныне носит.

1762

ПИР У ЛЬВА

Коль истиной не можно отвечать,
Всего полезнее молчать.
С боярами как жить, потребно это ведать.
У Льва был пир,
Пришел весь мир

Обедать.
В покоях вонь у Льва:
Квартера такова.
А львы живут нескудно,
Так это чудно.
Подобны в чистоте жилищ они чухнам
Или посадским мужикам,
Которые в торги умеренно вступили
И откупами нас еще не облупили
И вместо портупей имеют кушаки,
А кратче так: торговы мужики.
Пришла вонь Волку к носу;
Волк это объявил в беседе без допросу,
Что запах худ.
Услышав, Лев кричит: «Бездельник ты и плут,
Худого запаха и не бывало тут.
И смеют ли в такие толки
Входить о Львовом доме волки?»
А чтобы бредить Волк напредки не дерзал,
Немножечко он Волка потазал
И для поправки наказал,
А именно — на части растерзал.
Мартышка, видя страшны грозы,
Сказала: «Здесь нарциссы, розы
Цветут».
Лев ей ответствовал: «И ты такой же плут:
Нарциссов, роз и не бывало тут.
Напредки не сплетай ты лести,
А за такие вести
И за приязнь
Прими и ты достойну казнь».
Преставился Волчишка,
Преставилась Мартышка.
«Скажи, Лисица, ты,— хозяин вопрошал,—
Какой бы запах нам дышал?
Я знаю, что твое гораздо чувство нежно;
Понюхай ты прилежно».
Лисица на этот вопрос
Сказала: «У меня залег сегодни нос».

1762

КОЛОВРАТНОСТЬ

Собака Кошку съела,
Собаку съел Медведь,
Медведя — зевом — Лев принудил умереть,
Сразити Льва рука Охотничья умела,
Охотника ужалила Змея,
Змею загрызла Кошка.
Сия
Вкруг около дорожка,
А мысль моя,
И видно нам неоднократно,
Что все на свете коловратно.

1762

ОСЬ И БЫК

В лесу воспитанная с негой,
Под тяжкой трется Ось телегой
И, неподмазанна, кричит.
А Бык, который то везет, везя молчит.
Изображает Ось господчика мне нежна,
Который держит худо счет,
По-русски — мот,
А Бык — крестьянина прилежна.
Страдает от долгов обремененный мот,
А этого не воспомянет,
Что пахарь, изливая пот,
Трудится и тягло ему на карты тянет.

1769

САТИР И ГНУСНЫЕ ЛЮДИ

Сквозь темную пред оком тучу
Взгляни, читатель, ты
На светски суеты!
Увидишь общего дурачества ты кучу;
Однако для ради спокойства своего,
Пожалуй, никогда не шевели его;
Основана сия над страшным куча адом,
Наполнена различным гадом,
Покрыта ядом.

С великим пастухи в долине были стадом.
Когда?
Не думай, что тогда,
Когда для человека
Текли часы златаго века,
Когда еще наук премудрость не ввела
И в свете истина без школ еще цвела,
Как не был чин еще достоинства свидетель,
Но добродетель.
И, словом, я скажу вот это наконец:
Реченны пастухи вчера пасли овец,
По всякий день у них была тревога всяка:
Вздор, пьянство, шум и драка,
И, словом, так:
Из паства сделали они себе кабак —
Во глотку,
И в брюхо, и в бока
На место молока
Цедили водку,
И не жалел никто ни зуб, ни кулака,
Кабашный нектар сей имеючи лекарством,
А бешеную жизнь имев небесным царством.
От водки голова болит,
Но водка сердце веселит,
Молошное питье не диво,
Его хмельняй и пиво;
Какое ж им питье и пить,
Коль водки не купить?
А деньги для чего иного им копить?
В лесу над долом сим Сатир жил очень близко,
И тварию их он презренною считал,
Что низки так они, живут колико низко.
Всегда он видел их, всегда и хохотал,
Что нет ни чести тут, ни разума, ни мира.
Поймали пастухи Сатира
И бьют сего —
Без милосердия — невинна Демокрита.
Не видит помощи Сатир ни от кого.
Однако Пан пришел спасти Сатира бита;
Сатира отнял он, и говорил им Пан:
«За что поделали ему вы столько ран?
Напредки меньше пейте;
А что смеялся он, за то себя вы бейте,

А ты вперед, мой друг,
Ко наставлению не делай им услуг;
Опасно наставленье строго,
Где зверства и безумства много».

1769

ШАЛУНЬЯ

Шалунья некая в беседе,
В торжественном обеде,
Не бредила без слов французских ничего.
Хотя она из языка сего
Не знала ничего,
Ни слова одного,
Однако знанием хотела поблистати
И ставила слова французские некстати;
Сказала между тем: «Я еду делать кур».
Сказали дурище, внимая то, соседки:
«Какой плетешь ты вздор! кур делают наседки».

1781

ПУЧОК ЛУЧИНЫ

Нельзя дивиться, что была
Под игом Росская держава
И долго паки не цвела,
Когда ея упала слава;
Вить не было тогда
Сего великого в Европе царства,
И завсегда
Была вражда
У множества князей едина государства.
Я это в притче подтвержу,
Которую теперь скажу,
Что россов та была падения причина —
Была пучком завязана лучина;
Колико руки ни томить,
Нельзя пучка переломить,
Как россы, так она рассыпалась подобно,
И стало изломать лучину всю удобно.

1781

ГОЛУБИ И КОРШУН

Когда-то Голуби уговорились
Избрати Коршуна царем,
Надежду утвердив на нем,
И покорились.
Уж нет убежища среди им оных мест,
Он на день Голубей десятка по два ест.

1781

БРАТ И СЕСТРА

Брат — мот. Сестра его журила
И говорила:
«Доколь тебе мотать?
Пора и перестать!»
Он ей ответствовал: «Во злой живу я доле.
Но только ты, сестра, отстанешь от любви —
И я мотать не буду боле.
Поступком ты своим дорогу мне яви,
И в постоянстве жить по гроб мы будем оба».
Сестра ответствует: «Мотать тебе до гроба!»

1781

СКАЗКИ

СКАЗКА I

Мужик у мужика украл с двора корову
И, в городе продав, камку себе купил.
Купил и к празднику скроил жене обнову.
С другого он двора быка себе стащил
И, ласку показав хозяюшке сугубу,
Сшил бострок, а теперь купил ей кунью шубу.
Молодка, на себя надев такой наряд,
Уж не работала, прелестна быть старалась
И двум детинушкам угодна показалась.
Они нечаянно нашли как будто клад.
Подпали молодцы, она не покрепилась.
На что же и наряд, когда бы не склонилась?

Петербург. Проспект по реке Фонтанке от грота и Запасного дворца на полдень
Гравюра Г. Качалова по рисунку М. Махаева.
1753 г.

Государственный музей изобразительных искусств
имени А. С. Пушкина.

Один из них был тот, чей бык намнясь пропал,
Другой,— корова чья намнясь с двора пропала.
Молодка таинства в себе не удержала,
Как тот, так и другой про воровство спознал,
Перед судьею тать подробно обличился.
Не знал, как вышло то, однако повинился.
Побит. И велено, как суд определил,
Чтоб тотчас он быка с коровой заплатил.
Как не тужить ему? Он плакал без отрады,
Пришло на рынок несть все женины наряды.
«Не плачь, любезный муж,— речь женина была,—
Тебя мне только жаль, а я свое взяла».

1755

ЭПИГРАММЫ

* * *

Ты очень ей любим, она в твоей вся воле,
Да только тридцать есть, которых любит боле.

1756

* * *

Коль мыслишь, я любовь свою к тебе скончала,
Так ищешь тут конца, где не было начала.

1756

* * *

Милон на многи дни с женою разлучился,
Однако к ней еще проститься возвратился.
Она не чаяла при горести своей,
Что возвратится он опять так скоро к ней,
Хотя ей три часа казались за неделю,
И от тоски взяла другого на постелю.
Увидя гостя с ней, приезжий обомлел.
Жена вскричала: «Что ты, муж, оторопел?
Будь господин страстей и овладей собою;
Я телом только с ним, душа моя с тобою».

1756

* * *

«Я обесчещена»,— пришла просить вдова.
Однако знал судья, кто просит такова.
«Чем?» — спрашивал ее. «Сегодня у соседа,—
Ответствовала та,— случилася беседа.
Тут гостья на меня так грубо солгала:
Уж ты-де во вдовстве четы́рех родила».
Судья ей говорил: «Плюнь на́ эту кручину;
Стал свет таков, всегда приложат половину».

1756

* * *

Не вознесемся мы великими чинами,
Когда сии чины не вознесутся нами.
Великий человек, великий господин,
Кто как ни думает, есть титул не один.
Великий господин — кто чин большой имеет,
Великий человек — кто много разумеет,
Локк не был господин великий в весь свой век,
Ни конь Калигулин — великий человек.

1756

* * *

Нагнала бабушка пред свадьбой внучке скуку,
Рассказывая ей про свадебну науку.
Твердила: «Вытерпи, что ночь ни приключит.
Тебя опричь меня, мою любезну внуку,
При случае таком никто не поучит».
А внучка мыслила, целуя бабку в руку:
«Уж эту, бабушка, я вытерпела муку!»

1759

* * *

Котора лучше жизнь: в златой ли птичке клетке
Иль на зеленой ветке?
Которые стихи приятнее текут?
Не те ль, которые приятностью влекут

И, шествуя в свободе,
В прекрасной простоте,
А не в сияющей притворной красоте,
Последуя природе,
Без бремени одежд, в прелестной наготе,
Не зная ни пустого звука,
Ни несогласна стука?
А к этому большой потребен смысл и труд.
Иль те, которые хоть разуму и дивны,
Но естеству противны?
Пузырь всегда пузырь, хоть пуст, хотя надут.

1759

* * *

Танцовщик! Ты богат. Профессор! Ты убог.
Конечно, голова в почтеньи меньше ног.

1759

* * *

Весь город я спрошу, спрошу и весь я двор:
Когда подьячему в казну исправно с году
Сто тысячей рублев сбирается доходу,
Честнóй ли человек подьячий тот иль вор?

1759

* * *

По смерти Откупщик в подземную страну
Пришел пред Сатану,
И спрашивает он: «Скажи, мой друг сердечный,
Не можно ль откупить во аде муки вечной?
Как я на свете жил,
Всем сердцем я тебе и всей душой служил,
Пожалуй, дедушка, на откуп это внуку!
Я множил цену там, а здесь умножу муку».

1760

ЭПИТАФИИ

* * *

Прохожий! Обща всем живущим часть моя:
Что ты, и я то был; ты будешь то, что я.

1755

ПЕСНИ

* * *

Летите, мои вздохи, вы к той, кого люблю,
И горесть опишите, скажите, как терплю;
Останьтесь в ея сердце, смягчите гордый взгляд
И после прилетите опять ко мне назад;
Но только принесите приятную мне весть,
Скажите, что еще мне любить надежда есть.
Я нрав такой имею, чтоб долго не вздыхать,
Хороших в свете много, другую льзя сыскать.

1755

* * *

Негде, в маленьком леску,
При потоках речки,
Что бежала по песку,
Стереглись овечки.
Там пастушка с пастухом
На брегу была крутом,
И в струях мелких вод с ним она плескалась.

Зацепила за траву,
Я не знаю точно,
Как упала в мураву,
Вправду иль нарочно.
Пастух ее подымал,
Да и сам туда ж упал,
И в траве он щекотал девку без разбору.

«Не шути так, молодец,—
Девка говорила,—
Дай мне встать пасти овец,—
Много раз твердила,—
Не шути так, молодец,
Дай мне встать пасти овец;
Не шути, не шути, дай мне пасти стадо».

«Закричу»,— стращает вслух.
Дерзкий не внимает
Никаких речей пастух,
Только обнимает.
А пастушка не кричит,
Хоть стращает, да молчит.
Для чего же не кричит, я того не знаю.

И что сделалось потом,
И того не знаю,
Я не много при таком
Деле примечаю;
Только эхо по реке
Отвечало вдалеке:
Ай, ай, ай! — знать, они дрались.

1755

* * *

Мы друг друга любим, что ж нам в том с тобою?
Любим и страдаем всякой час,
Боремся напрасно мы с своей судьбою,
Нет на свете радостей для нас.
С лестною надеждой наш покой сокрылся,
Мысли безмятежные отняв:
От сердец разжженных случай удалился,
Удалилось время всех забав.

Зрю ль тебя, не зрю ли, равну грусть имею,
Равное мучение терплю;
Уж казать и взором я тебе не смею,
Ах! ни воздыханьем, как люблю.
Все любовны знаки в сердце заключенны,
Должно хлад являти и гореть:
Мы с тобой, драгая! вечно разлученны;
Мне тебя осталось только зреть.

Жизнь мою приятну пременил рок в злую,
Сладость обращенна в горесть мне;
Только ныне в мыслях я тебя цалую,
Говорю с тобою лишь во сне.
Где любови нашей прежние успехи,
Где они девалися, мой свет!
О печально сердце! Где твои утехи!
Все прошло, и уж надежды нет.

1759

* * *

Савушка грешен,
Сава повешен.
Савушка, Сава!
Где твоя слава?

Больше не падки
Мысли на взятки.
Савушка, Сава!
Где твоя слава?

Где делись цуки,
Деньги и крюки?
Савушка, Сава!
Где твоя слава?

Пруд в вертограде,
Сава во аде.
Савушка, Сава!
Где твоя слава?

1760

* * *

Любовь, любовь, ты, сердце к утехам взманя,
Любовь, ты уж полонила меня;
Тобою стал мой взор прельщен
И весь мой ум;
Мой гордый дух совсем разжжен
От сладких дум.

Можно ль противиться мне тебе в младости,
Ты, страсть приличная летам моим!
Рази, рази ты слабу грудь,
Кто мил, того ищу,
Коль розно с ним я где-нибудь,
Везде грущу.

Любовь, любовь, ты, сердце к утехам взманя,
Любовь, ты уж полонила меня;
Но я еще явить боюсь,
Что я люблю,
Хочу открыть, но все стыжусь
И скорбь терплю.
Кто это выдумал, будто порочно то,
Ежели девушка любит кого?
Винна ли я, что тот мне мил,
Кому и я мила?
А если б он не так любил,
Горда б была.

Любовь, любовь, ты, сердце к утехам взманя,
Любовь, ты уж полонила меня;
Любезный мой по всем местам
Пускает стон,
Но что моим так мил очам,
Не знает он.
Я притворяюся, взоры свирепствуют,
Поступь упорная мучит его;
Но полно мне его терзать,
Пора печаль пресечь;
Пора престати дух смущать
И сердце жечь.

Любовь, любовь, ты, сердце к утехам взманя,
Любовь, ты уж полонила меня;
Внимай, мой свет, внимай мой глас,
Ты мил мне сам,
Не разлучит никто уж нас,
Кто злобен нам;
Пусть разрываются, кто позавидует
Жару любовному наших сердец;

А я, влюбясь, назло им всем
Пребуду ввек верна,
Коль в сердце буду я твоем
Всегда одна.

1770

* * *

Не грусти, мой свет! Мне грустно и самой,
Что давно я не видалася с тобой,—
Муж ревнивый не пускает никуда;
Отвернусь лишь, так и он идет туда.

Принуждает, чтоб я с ним всегда была;
Говорит он: «Отчего невесела?»
Я вздыхаю по тебе, мой свет, всегда,
Ты из мыслей не выходишь никогда.

Ах, несчастье, ах, несносная беда,
Что досталась я такому, молода;
Мне в совете с ним вовеки не живать,
Никакого мне веселья не видать.

Сокрушил злодей всю молодость мою;
Но поверь, что в мыслях крепко я стою;
Хоть бы он меня и пуще стал губить,
Я тебя, мой свет, вовек буду любить.

1770

* * *

Прости, моя любезная, мой свет, прости,
Мне сказано назавтрее в поход ийти;
Не ведомо мне то, увижусь ли с тобой,
Ин ты хотя в последний раз побудь со мной.

Покинь тоску, иль смертный рок меня унес?
Не плачь о мне, прекрасная, не трать ты слез.
Имей на мысли то к отраде ты себе,
Что я оттоль с победою приду к тебе.

Когда умру, умру я там с ружьем в руках,
Разя и защищаяся, не знав, что страх;
Услышишь ты, что я не робок в поле был,
Дрался с такой горячностью, с какой любил.

Вот трубка, пусть достанется тебе она!
Вот мой стакан, наполненный еще вина;
Для всех своих красот ты выпей из него,
И будь ко мне наследницей лишь ты его.

А если алебарду заслужу я там,
С какой явлюся радостью к твоим глазам!
В подарок принесу я шиты башмаки,
Манжеты, опахало, щегольски чулки.

1770

* * *

Если девушки метрессы,
Бросим мудрости умы;
Если девушки тигрессы,
Будем тигры так и мы.

Как любиться в жизни сладко,
Ревновать толико гадко,
Только крив ревнивых путь,
Их нетрудно обмануть.

У муринов в государстве
Жаркий обладает юг.
Жар любви во всяком царстве,
Любится земной весь круг.

1781

ПАРОДИИ

ОДА ВЗДОРНАЯ II

Гром, молнии и вечны льдины,
Моря и озера шумят,
Везувий мещет из средины
В подсолнечну горящий ад.

С востока вечна дым восходит,
Ужасны облака возводит
И тьмою кроет горизонт.
Эфес горит, Дамаск пылает,
Тремя Цербер гортаньми лает,
Средьземный возжигает понт.

Стремглав Персеполь упадает,
Подобно яко Фаэтон,
Нептун державу покидает
И в бездне повергает трон;
Гиганты руки возвышают,
Богов жилище разрушают,
Разят горами в твердь небес,
Борей, озлясь, ревет и стонет,
Япония в пучине тонет,
Дерется с Гидрой Геркулес.

Претяжкою ступил ногою
На Пико яростный Титан
И, поскользнувшися, другою —
Во грозный льдистый океан.
Ногами он лишь только в мире,
Главу скрывает он в эфире,
Касаясь ею небесам.
Весь рот я, музы, разеваю
И столько хитро воспеваю,
Что песни не пойму и сам.

1759

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

СПРАВКА

Запрос

Потребна в протокол порядочная справка,
Имеет в оном быть казенный интерес,
Понеже выпала казенная булавка;
Какой по описи булавки оной вес,
Железо или медь в булавке той пропала,
В котором именно году она упала,

В котором месяце, которого числа.
Которым и часом, которою минутой,
Казенный был ущерб булавки помянутой?

Ответ

Я знаю только то, что ты глупяй осла.

1759

МОРЕ И ВЕЧНОСТЬ

Впадете вскоре,
О невские струи, в пространное вы море,
Пройдете навсегда,
Не возвратитеся из моря никогда,—
Так наши к вечности судьбина дни преводит,
И так оттоле жизнь обратно не приходит.

1759

РАССТАВАНИЕ С МУЗАМИ

Для множества причин
Противно имя мне писателя и чин;
С Парнаса нисхожу, схожу противу воли
Во время пущего я жара моего,
И не взойду по смерть я больше на него,—
Судьба моей то доли.
Прощайте, музы, навсегда!
Я более писать не буду никогда.

1759

ЖАЛОБА

Во Франции сперва стихи писал мошейник,
И заслужил себе он плутнями ошейник;
Однако королем прощенье получил
И от дурных стихов французов отучил.
А я мошейником в России не слыву
И в честности живу;
Но если я Парнас российский украшаю
И тщетно в жалобе к фортуне возглашаю,

Не лучше ль, коль себя всегда в мученьи зреть,
Скоряе умереть?
Слаба отрада мне, что слава не увянет,
Которой никогда тень чувствовать не станет.
Какая нужда не в уме,
Коль только сухари таскаю я в суме?
На что писателя отличного мне честь,
Коль нечего ни пить, ни есть?

Начало 1770-х годов

ГЕРОИ-КОМИЧЕСКАЯ ПОЭМА

ЕЛИСЕЙ, ИЛИ РАЗДРАЖЕННЫЙ ВАКХ

К ЧИТАТЕЛЮ

Благосклонный читатель! я хотел бы написать к сей поэме преогромное предисловие, в котором намерен был подробно изъяснить побуждающую меня к сочинению ее причину; но рассудил, что как бы ни важна была причина даже до того, что хотя бы я наконец и поклепал [1] какого-нибудь почтенного мужа, что он меня принудил к сему сочинению, сказав мне: «Не смотри-де ты на всех критиков и пиши-де то, что тебе на ум взбредет, ты-де пишешь хорошо». Однако ж все сие нимало не украсило бы моего сочинения, буде бы оно само по себе не заслужило от благосклонного читателя похвалы. Я ж знаю и то, что не только по совету какого-либо почтенного мужа, но ниже по самому строжайшему приказу скаредный писец ничего хорошего во век свой не напишет, так как и лягушка, сколько ни станет надуваться, равна с быком не будет.

СОДЕРЖАНИЕ ПОЭМЫ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Вакх, раздражен будучи гордостию откупщиков, гневается на них, что по причине дороговизны вина, пива и меду стало число пьяных менее; приезжает в питейный дом, где, увидя ямщика, именем Елисея, радуется,

[1] Клепать всякого смело можно, знавши, что в таком поклепе никого на очную ставку не позовут.

что он нашел такого человека, который по виду кажется ему, что может служить орудием ко отмщению его. Между тем Елисей просит у чумака вина в пивную чашу, и выпивает ее одним духом, чрез то Вакх и более в надежде своей утверждается. А Елисей, выпив вино, ударил чумака в лоб чашею и сделал в кабаке драку, которую услышав, объездной капрал зашел и Елисея, взяв под караул, повел в полицию, а Вакх поехал к Зевсу просить, чтоб он свободил Елисея из-под караула. Зевс ему сказывает, что на самого его дошла к нему просьба от Цереры, будто бы оттого, что все крестьяне спилися, земледелие упадает, и повелевает Ермию собрать всех богов на Олимп для разобрания ссоры между Вакхом и Церерою, и после идти в полицию и оттоль освободить Елисея из-под караула.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Ермий приходит в полицейскую тюрьму и там Елисея, перерядя в женское платье, переносит в Калинкинский дом, где тогда сидели под караулом распутные женщины. Елисей пробуждается, дивится, как он там очутился, и думает, что он в монастыре. Между тем начальница того дома, вставши, будит всех женщин и раздает им дело. Но, увидя Елисея, скоро его узнала, что он не женщина, ведет его в особый покой, где он ей о себе открывает, что он есть ямщик, а потом рассказывает ей о побоище, бывшем у зимогорцев с валдайцами за сенокос.

ПЕСНЬ ТРЕТИЯ

Окончание повествования Елисеева. Любовь начальницы с Елисеем. Собрание богов на Олимп по повелению Зевесову. Суд у Вакха с Церерою и решение Зевесово. Между тем, когда Елисей готовился с начальницею ночевать, начальник стражи пошел дозором, увидел у начальницы Елисея в женском платье и, думая, что он есть девка, но пришлая, спрашивает, откуда она и для чего ее у него нет в реестре. Хотя начальница и оправдывается, но сей строгий начальник, не приемля оправдания, велит взять мнимую девку под караул, откуда его паки освобождает Ермий и дает ему шапку-невидимку, в которой Елисей опять забрался к начальнице и пробыл несколько месяцев. Но, наскуча ее любовию, уходит вон из дома. Начальница тоскует о его уходе. Командир в самое то время входит и видит оставшие после Елисея вещи, гневается на нее, хочет ее сечь; но скоро, провором ее быв улещен, с нею помирился.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Елисей, вышедши из Калинкинского дома, пошел в город и, утомясь, лег в лесу спать. Но вдруг проснулся от крика одной женщины, которую два вора хотели ограбить. Он ее от них избавляет и находит в ней жену

свою. Она ему рассказывает свое похождение после того, как с ним рассталась. Он ее отпускает в город, а сам остается в лесу, где, ему явясь, Силен ведет его в дом одного богатого откупщика, чтоб он тут пил сколько хочет, а сам отходит на небо к Вакху. Елисей, искав погреба, зашел нечаянно в баню, где тогда откупщик с женою своею парился. Он их оттуда выгоняет, а сам, выпарясь, оделся в откупщиково платье, приходит в своей шапке-невидимке в палаты откупщиковы и, забившись под его кровать, лежал до тех пор, как откупщик, бывши встревожен случившеюся тогда грозою, встал с постели, а он, вышед из-под оныя, лег с его женою спать. По окончании грозы откупщик, приметя странное движение жены своей, думает, что ее давит домовой, хочет наутро посылать по ворожею, которая бы выгнала вон из его дома сего домового черта. Ямщик, услыша то, убоялся прихода ворожеи, выходит вон из палат и ищет погреба, где думает утолить вином свою жажду.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Елисей, забравшись в откупщиков погреб, обретает в нем много напитков и радуется. Тут к нему явился Вакх с своею свитою, и, сделав погребу разгром, уходят и Вакх и Елисей пустошить погреба у других откупщиков. Поутру же, когда откупщик проснулся, посылает по ворожею. Она приходит, а в самое то время прибегает его ключник, сказывает о опустошении погреба. Откупщик с печали обмирает, просит ворожею, чтоб она чертей из дома его выгнала. Та обещается сие сделать; но по многим разговорам откупщик с нею поссорился и выгнал самое ворожею от себя вон. Между тем Зевес видит, что Елисей многих откупщиков разоряет, призывает паки богов и делает над ним суд. Наконец определяет ему быть отдану в солдаты, что с ним и последовало.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Пою стаканов звук, пою того героя,
Который, во хмелю беды ужасны строя,
В угодность Вакхову, средь многих кабаков,
Бивал и опивал ярыг и чумаков;
Ломал котлы, ковши, крючки, бутылки, плошки,
Терпели ту же часть кабацкие окошки,
От крепости его ужасныя руки
Тряслись подносчики и все откупщики,
Которы и тогда сих бед не ощущали,
Когда всех грабили, себя обогащали.
О муза! ты сего отнюдь не умолчи,

Повеждь или хотя с похмелья проворчи,
Коль попросту тебе сказати невозможно,
Повеждь: ты ведаешь вину сего не ложно,
За что пиянства бог на всех откупщиков,
Устроя таковой прехитростнейший ков,
Наслал богатыря сего не очень кстати
Любимую свою столицу разоряти.

А ты, о душечка, возлюбленный Скаррон!
Оставь роскошного Приапа пышный трон,
Оставь писателей кощунствующих шайку,
Приди, настрой ты мне гудок иль балалайку,
Чтоб я возмог тебе подобно загудить,
Бурлáками моих героев нарядить;
Чтоб Зевс мой был болтун, Ермий — шальной детина,
Нептун — как самая преглупая скотина,
И словом, чтоб мои богини и божки
Изнадорвали всех читателей кишки.

Против Семеновских слобод последней роты
Стоял воздвигнут дом с широкими вороты,
До коего с Тычка [1] не близкая езда;
То был питейный дом названием «Звезда»,
В котором Вакхов ковш хранился с колесницей,
Сей дом был Вакховой назначен быть столицей;
Под особливым он его покровом цвел,
В нем старый сам Силен, раскиснувши, сидел;
Но злых откупщиков противно Вакху племя
Смутило к пьянству им назначенное время,
Когда они на хмель лишь цену наднесли,
Ужасны из того беды произросли,
Вино со водкою соделались дороже,
И с пивом пенистым случилось само то же;
Дороже продавать и сладкий стали мед.
Тогда откупщики, взгордясь числом побед,
На Вакха в гордости с презрением смотрели,
И мнят, что должен он плясать по их свирели.
Но Вакх против того иное размышлял.
«Иль мне оставить то?— с похмелья закричал.—
Какие из сего вперед я вижу следства?
Лишусь я моего дражайшего наследства;

[1] Кабак на Петербургской стороне.

На водку, на вино цена уж прибыла,
Для пьяниц за алтын чарчоночка мала,
И если бы в таком случáе несчастливом
Хотел бы пьяница какой напиться пивом?
К несчастию его, дороже и оно.
Не станет действовать ни пиво, ни вино.
Не большая ль теперь случилась мне обида,
Как нежели была Юноне от Парида?
Или я не могу повергнуть сих затей?..»
Уже он закричал: «Робята, дай плетей!»
Но вздумал, что сие бессмертным непристойно,
Хоть дело, по его, плетей сие достойно,
Но сан ему его дурить не дозволял,
Он инако отмстить обиду помышлял,
И рек: «Когда я мог ругавшуюся мною
Достойно наказать прегорду Алкиною,
Презревши некогда мой праздник, сам Пентей
Отведал и дубья, не только что плетей;
Не эдакие я безделки прежде строил
Над теми, кто меня в пиянстве беспокоил».
При сих речах его смутился пьяный зрак;
Он сел на роспуски, поехал на кабак,
Неукротиму месть имея в мыслях рьяных.
О стеночке лепясь, приходит в шайку пьяных.
Тогда был праздный день от всех мирских сует:
По улицам народ бродил лишь чуть был свет,
Вертелися мозги во лбах у пьяных с хмеля,
А именно была то сырная неделя.
Как мыши на крупу ползут из темных нор,
Так чернь валила вся в кабак с высоких гор,
Которы строило искусство, не природа,
Для утешения рабочего народа;
Там шли сапожники, портные и ткачи
И зараженные собою рифмачи,
Которые, стихи писавши, в нос свой дуют
И сочиненьями, как лаптями, торгуют;
Там много зрелося расквашенных носов,
Один был в синяках, другой без волосов,
А третий оттирал свои замерзлы губы,
Четвертый исчислял, не все ль пропали зубы
От поражения сторонних кулаков.
Там множество сошлось различных дураков;
Меж прочими вошел в кабак детина взрачный,

Картежник, пьяница, буян, боец кулачный,
И словом, был краса тогда Ямской он всей,
Художеством ямщик, названьем Елисей;
Был смур на нем кафтан и шапка набекрене,
Волжаный кнут его болтался на колене,
Который пьяный дом лишь только посетил,
Как море пьяных шум мгновенно укротил;
Под воздухом простер свой ход веселый чистым,
Поехал, как Нептун, по вод верхам пенистым.
Прости, о муза! мне, что так я захотел
И два сии стиха неистово воспел;
Тебе я признаюсь, хотя в них смысла мало,
Да естество себя в них хитро изломало,
Чрез них-то, может быть, хвалу я получу,
Отныне так я петь стихи мои хочу;
Мне кажется, что я тебя не обижаю,
Когда я школьному напеву подражаю.
Но если их пером ты действуешь сама,
Не спятила ль и ты на старости с ума?
Ах! нет, я пред тобой грешу, любезна муза,
С невеждами отнюдь не ищешь ты союза,
Наперсники твои знакомы между нас;
Единого из них вмещает днесь Парнас;
Другие и теперь на свете обитают,
Которых жительми парнасскими считают [1],
Итак, полезнее мне, мнится, самому
Последовати их рассудку и уму.

Уже напря́гнув я мои малейши силы
И следую певцам, которые мне милы;
Достигну ли конца иль пусть хотя споткнусь,
Я оным буду прав, что я люблю их вкус;
Кто ж будет хулить то, и тем я отпущаю;
И к повести своей я мысли обращаю.

Уж Вакх пияного увидел ямщика,
В нем радость разлилась по сердцу, как река;
Уж мысленно себе успех свой предвещает;
К Силену обратясь, и так ему вещает:
«Не се ли вышния судьбы теперь предел,
Что я уж то нашел, чего искать хотел?

[1] Каков г. Сумароков и ему подобные.

Детина оный дюж мне кажется по взору,
На нем созижду я надежды всей подпору,
Он кажется на то как будто и рожден,
Что будет всякий им ярыга побежден
И он меня в моей печали не покинет,
Он все то выпьет, что лишь глазом ни окинет.
Я весь оставлю страх, чем был я возмущен;
Уже я радуюсь, как будто отомщен:
Не ясно ли моя мне видится победа,
Когда возлюбленник мой пьян и до обеда?
И ежели тебя еще смущает страх,
Воззри, то у него все видно на очах;
Ланиты то его являют мне зарделы,
Что, если попущу, превзóйдет он пределы
И выпьет более вина, чем выпьешь ты».
Силен было сие почел за пустоты;
Но сей пияница Силена в том уверил,
Что он его провор своим аршином мерил;
Он, за ворот схватя за стойкой чумака,
Вскричал: «Подай вина! иль дам я тумака,
Подай, иль я тебе нос до крови расквашу!»
При сем он указал рукой пивную чашу;
«В нее налей ты мне анисной за алтын,
Или я подопру тобой кабацкий тын».
Чумак затрепетал при смерти очевидной,
А Вакх вскричал: «О мой питомец непостыдный!
Тобой я все мои напасти прекращу,
Тобой откупщикам я грозно отомщу.
Противу прать меня весь род их перестанет,
Как купно воевать со мной кулак твой станет.
Польются не ручьи здесь пива, но моря».
Вещает тако Вакх, отмщением горя.

Меж тем ямщик свою уж чашу наливает,
Единым духом всю досу́ха выпивает
И, выпив, ею в лоб ударил чумака:
Удар сей раздался в пространстве кабака;
Попадали с полиц ковши, бутылки, плошки,
Черепья чаши сей все брызнули в окошки,
Меж стойкой и окном разрушился предел,
Как дождь и град, смесясь, из тучи полетел,
Так плошечны тогда с стеклянными обломки
Летели возвестить его победы громки.

А бедненький чумак на стойку прикорнул;
Ошалоумленный, кричит там: «Караул!
Ай, братцы, грабят! бьют!» Сам вверх лежит спиною,
Сие досадою казалося герою;
Он руку в ярости за стойку запустил
И ею чумака за порты ухватил,
Которых если бы худой гайтан не лопнул,
Поднявши бы его, герой мой о пол тропнул;
Но счастием его иль действием чудес,
Сей тягости гайтан тогда не перенес,
И, перервавшися к геройской неугоде,
Оставил чумака за стойкой на свободе;
Которого уж он не мог оттоль поднять,
Он тако стал его отечески щунять:
«Коль мой кулак не мог вдохнуть в тебя боязни,
Грядущия вперед ты жди, мошенник, казни».

Когда сии слова герой сей говорил,
Капрал кабацку дверь внезапу отворил;
Над полицейским сей начальник был объездом,
Услыша в кабаке он шум тот мимоездом,
Хоть не был чумаку ни сват, ни брат, ни кум,
Вступился за него, спросил: «Какой здесь шум,
Не сделалось ли здесь меж кем какия драки?»
Тут все попятились задами вон, как раки,
Никто ответствовать на то ему не смел;
Но он, к несчастию, знать, острый взор имел,
Увидел ямщика, стояща очень смело,
«Я вижу, брат,— сказал,— твое, конечно, дело?
Конечно, ты, сокóл, кабак развоевал?»
Тогда чумак уж рот смеляе разевал.
Встает и без порток приходит ко капралу;
«Отмсти,— кричит,— отмсти, честной капрал, нахалу,
Который здесь меня, безвинного, прибил».
Капрал сей был угрюм и шуток не любил.
«Кто бил тебя? скажи!» — нахмурясь, вопрошает.
Чумак ему на то с слезами отвечает:
«Сей пьяница мои все ребра отломал,—
При сем на ямщика он пальцем указал.—
Наделал и казне и мне притом убытку;
И коль запрется он, готов терпеть я пытку;
Пивною чашею он лоб мне расколол
И изорвал на мне все порты и камзол».

Тогда явился вдруг капрал сам-друг с драгуном
И ре́знул ямщика он плетью, как перуном;
Хотя на ней столбец не очень толстый был,
Однако из руки капральской ярко бил.
Ямщик остолбенел, но с ног не повалился,
За то служивый сей и более озлился,
Что он не видывал такого мужика,
Которого б его не сшибла с ног рука;
Велел немедленно связать сего героя,
Который принужден отдаться был без боя.
Не храбрости ямщик иль силы не имел,
Но, знать, с полицией он ссориться не смел.
И, бывшим вервием рукам его скрепленным,
Ведется абие в тюрьму военнопленным.

Тогда у Вакха весь надежды луч погас,
И во отчаяньи, как в море, он погряз;
Выходит из сего пияного жилища
Подобно так, как зверь, быв поднят с логовища,
И более он тут, не медля ни часа,
Поехал с дядькою своим на небеса;
Летит попрытче он царицы Амазонской,
Что вихри быстротой предупреждает конской,
Летит на тиграх он крылатых так, как ветр,
Восходит пыль столбом из-под звериных бедр,
Хоть пыль не из-под бедр восходит, всем известно,
Но было оное не просто, но чудесно.

Он ехал в небеса и тигров погонял,
Власы кудрявые ветр тонкий возвевал,
Колени тучные наруже были видны
И у́злом связаны воскрилия хламидны,
Багрян сафьян до икр, черкесски чеботы́
Превосходили все убранства красоты,
Персидский был кушак, а шапочка соболья,
Из песни взят убор, котору у приволья
Бурлаки волгские, напившися, поют,
А песенку сию Камышенкой зовут,
Река, что устьецом в мать-Волгу протекает,
Искусство красоты отвсюду извлекает.

Уже приехал Вакх к местам тем наконец,
В которых пьянствует всегда его отец,

И, быв взнесен туда зверей своих услугой,
Увидел своего родителя с супругой,
Юнона не в венце была, но в треухе,
А Зевс не на орле сидел, на петухе;
Сей, голову свою меж ног его уставя,
Кричал: «какореку!», Юнону тем забавя.
Владетель горних мест, межоблачных зыбей,
Заснул и подпустил Юноне голубей,
От коих мать богов свой нос отворотила
И речью таковой над мужем подшутила,
Возведши на него сперва умильный взгляд:
«Или и боги так, как смертные, шалят?
Знать, слишком, батька мой, нектарца ты искушал?»
Зевес ее речей с приятностию слушал;
И божеский ответ изрек ей на вопрос:
«Знать, не пришибен твой еще, Юнона, нос?»
При сих словах ее рукою он погладил.
Тут Мом, пристав к речам, и к шутке их подладил,
С насмешкою сказал: «О сильный наш Зевес!
Я вижу, что и ты такой же Геркулес,
Который у своей Омфалии с неделю,
Оставя важные дела, и прял куделю.
Но что я говорю? Таков весь ныне свет:
Уже у модных жен мужей как будто нет;
Я вижу всякий день глазами то моими,
Мужья все простаки, владеют жены ими».
Юноне речь сия казалася груба,
Сказала: «Слушай, Мом, мне шутка не люба;
Ты ею множество честны́х людей обидишь,
Как будто ты мужей разумных уж не видишь?
Послушай, бедный Мом, ты слова моего:
Мужья жена́м своим послушны для того...
То правда, иногда и жены пред мужьями...
Но что... Не сыплется сей бисер пред свиньями.
На что мне с дураком терять мои слова?
Не может их понять пустая голова».
Тут Мом хотел было насмешкой защищаться,
И видно, что бы им без ссоры не расстаться
И быть бы согнанным им с неба обои́м,
Но воспрепятствовал приездом Вакх своим.

Имея очеса слезами окропленны,
Вещает так: «О ты, правитель всей вселенны!

Воззри ты на мои потоки горьких слез,
Воззри и сжалься ты на скорбь мою, Зевес!
Ты мощию своей всем светом управляешь,
И ты в напастях нас всегда не оставляешь.
Какою мерзостью тебя я прогневил,
Что ты откупщиков на хмель восстановил,
И отдал в руки ты вино таким тиранам?
Ты не был столько строг во гневе и троянам,
Колико лют теперь являешися мне,
Не согрешившему ни впьяне, ни во сне:
Я кровь твоя, тобой я жизнь мою имею,
Воспомни ты свою любезну Семелею;
И ежели она еще тебе мила,
Склонись и не входи ты в пьяные дела,
На что тебе в дела сторонние мешаться?
Твой долг есть, отче мой, пить, есть и утешаться,
Но ты теперь пути к пиянству заградил.
По обещанию ль меня ты наградил?
Ты клялся некогда, что в будущие лета
Сопьются жители всего пространна света
И что продлится то до пóзднейших времен.
И как твой стал обет, мой отче, пременен?»

Тогда отец богов сыновни речи внемлет
И отягченные вином глаза подъемлет,
Такой с усмешкою на Вакха взор возвед,
Какой имел, как шел с Юноной на подклет,
Облобызал его и так ему вещает:
«Я вижу, что тебя печаль твоя смущает.
Но ты останься здесь, и больше не тужи,
И просьбу такову до утра отложи,
А утро вечера всегда помудренее;
Ты ж видишь, что я сам тебя еще пьянее,
Ты видишь подлинно, что я сие не вру,
Я завтра всех богов в присутствие сберу.
О важных я делах один не рассуждаю
И пьяный никого ни в чем не осуждаю;
Коль надобен тебе, мой сын, правдивый суд,
Бессмертные твое все дело разберут.
Я слышал, некогда Церера здесь просила,
И вот прошения ее какая сила:
Что весь почти спился на свете смертных род,
И хлебу от того великий перевод;

Купцы, подьячие, художники, крестьяне
Спилися с кругу все и нас забыли впьяне;
А сверх того еще от сидки винной дым
Восходит даже к сим селениям моим
И выкурил собой глаза мои до крошки,
Которы были, сам ты помнишь, будто плошки;
А ныне, видишь ты, уж стали как сморчки;
И для того-то я ношу теперь очки.
Церера ж во своем прошеньи пишет ясно,
Что быть свободному вину не безопасно;
Коль так оставить, то сопьется целый свет,
А земледелие навеки пропадет».

Тогда Зевесу Вакх печально отвещает:
«Коль земледелию пиянство,— рек,— мешает,
Я более теперь о том не говорю.
Пусть боги разберут меж нас с Церерой прю;
Я это потерпеть до завтрее умею,
А ныне просьбу я пова́жнее имею:
Ямщик на кабаке теперь лишь в драке взят,
А он возлюбленный наперсник мой и брат;
Его уже теперь в полицию хмельнова
Ведут или свели, где цепь ему готова.
Ты можешь, отче мой, сие предупредить
И друга моего от кошек свободить:
Я знаю, на него там все вознегодуют
И кошками ему всю репицу отдуют.
Полиция уже мне стала дорога,
И в ней-то точного имею я врага:
Она всех забияк и пьяниц ненавидит
И более меня, чем ты, еще обидит;
От ней-то к пьянству все пресечены пути.
Помилуй, отче мой, вступись и защити!»

Тогда Зевес к себе Ерми́я призывает,
Призвав, и тако он ему повелевает:
«Послушайся меня, возлюбленный мой сын!
Ты знаешь сам, что мной рожден не ты один;
Сераль побольше я султанского имею,
И ежели теперь похвастаться я смею,
От непрестанныя забавы в прежни дни
Побольше всех богов имею я родни,—

Итак, не должен ли о детях я печися?
Сему ты у меня, Ермиюшка, учися,
Не чудно, что я вам столь многим есмь отец,
Хитро, что мой поднесь не баливал хрестец».

Се так разоврался отец бессмертных оный
И на́врал бы еще он слов сих миллионы,
Когда бы тут его супруга не была;
Сия из-под бровей взор косо возвела
И тем перервала его пустые речи,
Каких бы он наклал Ермию полны плечи,
Отяготя сего разумного посла,
И сделал бы его похожим на осла.
Но вдруг что заврался, он сам то ощущает
И, пустословие оставя, так вещает:
«Послушен будь, Ермий, приказу моему,
Возможно всё сие проворству твоему.
Услуги мне твои давно уже известны;
Оставь ты сей же час селения небесны
И слову моему со тщанием внемли,
Ступай и на пути нимало не дремли,
Неси скорее всем бессмертным повеленье,
Скажи, что есть на то мое благоволенье:
Едва покажется заря на небеса
И станет озлащать и горы и леса,
Доколе Феб с одра Фетидина не вспрянет
Да на Олимп ко мне бессмертных сонм предстанет,
А если кто из них хоть мало укоснит,
Тот будет обращен воронкою в зенит,
А попросту сказать, повешу вверх ногами,
И будет он висеть как шут между богами,
Не со́рвется вовек, кто б ни был как удал,
Но я еще не весь приказ тебе мой дал.

Коль будет всё сие исполнено тобою,
Потщися ты потом помочь тому герою,
О коем Вакх меня с покорностью просил,
Ступай и покажи своих ты опыт сил;
А сей герой ямщик, который за буянство
Сведен в полицию и посажён за пьянство,
И если ты его оттоль не свободишь,
Так сам ты у меня в остроге посидишь».

Тогда Ермий приказ Зевесов строгий внемлет;
Он, крылья привязав, посольский жезл приемлет,
Спускается на низ с превыспренних кругов,
Летит и ищет всех, как гончий пес, богов,
Находит их с трудом в странах вселенной разных,
И всех находит он богов тогда не праздных:
Плутон по мертвеце с жрецами пировал,
Вулкан на Устюжне пивной котел ковал,
И знать, что помышлял он к празднику о браге.
Жена его была у жен честных в ватаге,
Которые собой прельщают всех людей;
Купидо на часах стоял у лебедей;
Марс с нею был тогда, а Геркулес от скуки
Играл с робятами клюкою длинной в суки;
Цибела старая во многих там избах
Загадывала всем о счастье на бобах;
Минерва, может быть то было для игрушки,
Точила девушкам на кружево коклюшки;
Нептун, с предлинною своею бородой,
Трезубцем, иль, сказать яснее, острогой,
Хотя не свойственно угрюмому толь мужу,
Мутил от солнышка растаявшую лужу
И преужасные в ней волны воздымал
До тех пор, что свой весь трезубец изломал,
Чему все малые робята хохотали,
Снежками в старика без милости метали;
Сей бог ребяческих игрушек не стерпел,
Озлобился на них и гневом закипел,
Хотел из них тотчас повытаскать все души;
Но их отцы, вступясь, ему нагрели уши
И взашей, и в бока толкали вод царя,
При всяком так ему ударе говоря:
«Не прогневись, что так ты принят неучтиво,
Ты встарь бывал в чести, а ныне ты не в диво;
Мы благодатию господней крещены
И больше пращуров своих просвещены,
Не станем бога чтить в таком, как ты, болване».
Так православные кричали все крестьяне.
Ермий, приметя то, скорее прочь пошел,
Немного погодя других богов нашел:
Гоняла кубари на льду бичом Беллона,
Не в самой праздности нашел и Аполлона,
Во упражнении и сей пречудном был:

Он у крестьян дрова тогда рубил,
И, высунув язык, как пес уставши, рея,
Удары повторял в подобие хорея,
А иногда и ямб и дактиль выходил;
Кругом его собор писачек разных был.
Сии, не знаю что, между собой ворчали,
Так, знать, они его удары примечали,
И, выслушавши все удары топора,
Пошли всвояси все, как будто мастера;
По возвращении ж своем они оттоле
Гордились, будто бы учились в Спасской школе:
Не зная, каковой в каких стихах размер,
Иной из них возмнил, что русский он Гомер,
Другой тогда себя с Вергилием равняет,
Когда еще почти он грамоте не знает;
А третий прославлял толико всем свой дар
И почитал себя не меньше как Пиндар.
Но то не мудрено, что так они болтали,
Лишь только мудрено, что их стихи читали,
Стихи, которые не стоят ничего
У знающих, кроме презренья одного;
Которые сердцам опаснее отравы.
Теперь я возглашу: «О времена! о нравы!
О воспитание! пороков всех отец,
Когда явится твой, когда у нас конец,
И скоро ли уже такие дни настанут,
Когда торжествовать невежды перестанут?
Нет, знать, скорей судьба мой краткий век промчит,
Чем просвещение те нравы излечит,
Которые вранья с добром не различают,
Иль воскресения уж мертвых быть не чают,
И не страшатся быть истязаны за то,
Что Ломоносова считают ни за что?
Постраждут, как бы в том себя ни извиняли,
Коль славного певца с плюгавцем соравняли.
Но мщенья, кажется, довольно им сего,
Что бредни в свете их не стоят ничего.
У славного певца тем славы не умалит,
Когда его какой невежда не похвалит;
Преобратится вся хула ему же в смех.
Но и твердить о сих страмцах, мне мнится, грех;
А славнейших певцов стихи пребудут громки,
Коль будут их читать разумные потомки».

Постой, о муза! ты уж сшиблася с пути
И бредни таковы скорее прекрати,
В нравоученье ты некстати залетела;
Довольно про тебя еще осталось дела.
Скажи мне, что потом посланник учинил?
Боюсь я, чтобы он чего не проронил
И не подвержен был он гневу от Зевеса.
Болтлива ты весьма, а он прямой повеса.

Тут более Ермий промедлить не хотел,
Он, встрепенувшися, к Церере полетел;
Всю влагу воздуха крылами рассекает,
И наконец Ермий Цереру обретает.
Не в праздности сия богиня дни вела,
Но изряднехонько и домиком жила:
Она тогда, восстав со дневным вдруг светилом,
Трудилась на гумне с сосновым молотилом,
Под коим охали пшеничные снопы.
Посол узрел ее, направил к ней стопы
И дело своего посольства отправляет.
Отвеся ей поклон, то место оставляет
И прямо от нее к полиции летел,
Во врана превратясь, на кровлю тамо сел,
Не зная, как ему во оную забраться:
Десятских множество, и, если с ними драться,
Они его дубьем, конечно, победят
И, как озорника, туда же засадят.

Подобно как орел, когда от глада тает,
Над жареной вокруг говядиной летает,
Котора у мордвы на угольях лежит,—
Летая так, Ермий с задору весь дрожит
И мнит, коль ямщика он в добычь не получит,
Тогда его Зевес как дьявола размучит,
Он рек: «Готов я сам в полицию попасть,
Чем от Зевесовых мне рук терпеть напасть,
И прямо говорю, каков уж я ни стану,
Тебя я, душечка моя ямщик, достану».
Пустые он слова недолго продолжал,
Подобно как ядро из пушки завизжал;
Спустился он на низ и трижды встрепенулся,
Уже по-прежнему в свой вид перевернулся,

Он крылья под носом, как черный ус, кладет,
Одежду превратил в капральский он колет,
А жезл в подобие его предлинной шпаги,—
И тако наш Ермий, исполнен быв отваги,
Приходит с смелостью на полицейский двор,
Быв подлинно тогда посол, капрал и вор.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Итак, уже Ермий капралу стал подобен,
А обмануть всегда и всякого способен;
Не только чтоб цыган или коварный грек,
Не мог бы и француз провесть его вовек.
Такие он имел проворства и затеи,
Каких не вымыслят и сами иудеи.

Когда утухнула вечерняя заря,
Покрылись темнотой и суша и моря,
По улицам шуметь буяны перестали
И звезды частые по небу возблистали,
Тогда посланник сей темничну дверь отверз
И вшел не яко тать, но яко воин влез;
Тут петли у дверей хотя и заскрипели,
Но караульные, разиня рты, храпели;
Ермий, однако же, чтоб их не разбудить,
В темницу лествицей тихонько стал сходить,
Иль красться, ежели то вымолвить по-русски;
К несчастью, лествичны ступени были узки,
И тако сей тогда проворный самый бог
Споткнулся, полетел, упал и сделал жох,
А попросту сказать — на заднице скатился,
Чем сырной всей конец неделе учинился.
И если б не Ермий, но был бы сам капрал,
Конечно бы, свою он спину изодрал
И сделал позвонкам немало бы ущерба;
Не обойтися бы служивому без герба,
А попросту сказать — не быть бы без тавра
И не дочесться бы девятого ребра;
Но он, как божество, не чувствовал сей боли,
Скатился без вреда в темничные юдоли,
Где скука, распростря свою ужасну власть,
Предвозвещала всем колодникам напасть;

Там зрелися везде томления и слезы,
И были там на всех колодки и железы;
Там нужных не было для жителей потреб,
Вода их питие, а пища только хлеб,
Не чермновидные стояли тамо ложи,
Висели по стенам циновки и рогожи,
Раздранны рубища — всегдашний их наряд,
И обоняние — единый только смрад;
Среди ужасного и скучного толь дома
Не видно никого в них было эконома;
Покойно там не спят и сладко не едят;
Все жители оттоль как будто вон глядят,
Лишены вольности, напрасно стон теряют,
И своды страшные их стон лишь повторяют;
Их слезы, их слова не внятны никому;
Сей вид ужасен стал Ермию самому.
И се увидел он собор пияниц разных,
Но всех увидел он друг другу сообразных,
Однако ж ямщика багровые черты
Не скрылись и среди ночныя темноты;
Встревоженная кровь от хмеля в нем бродила
И, будто клюква, вся наружу выходила.

По знакам сим Ермий Елесю познает,
Тихохонько к нему на цыпочках идет,
Уже приближился к без памяти лежащу,
И видит подле бок его молодку спящу,
Котора такожде любила сильно хмель,
И, ведая, что ей не пить уж семь недель,
Она тот день в себе червочка заморила
И тем великий пост заране предварила:
Сия тогда была без всяких оборон,
И был расстегнут весь на ней ее роброн,
Иль, внятнее сказать, худая телогрея.

Тогда Ермий, его пославша волю дея,
Старается оттоль исторгнуть ямщика;
Толкает спящего и взашей и в бока,
Но пьяного поднять не могут и побои.
Елеська тако спит, как спали встарь герои,
Что инако нельзя их было разбудить,
Как разве по бокам дубиной походить.

О вы, преславные творцы «Венециана»,
«Петра златых ключей», «Бовы» и «Ярослана»!
У вас-то витязи всегда сыпали так,
Что их прервати сна не мог ничей кулак;
Они-то палицу, соделанну из стали,
Пуд с лишком в пятьдесят, за облако метали.
Теперь поверю я, что вы не врали ввек,
Когда сыскался здесь такой же человек,
Которого Ермий восстати как ни нудит,
Толкает, щиплет, бьет, однако не разбудит.

Когда Ермий не мог Елесю разбудить,
Тогда он вздумал их с молодкой прерядить;
Со обоих тотчас он платье скидавает,
Молодку в ямщиков кафтан передевает,
А ямщика одел в молодушкин наряд,—
Сим вымыслом Ермий доволен был и рад,
Что он не разбудил, бия, Елеську прежде:
Елеська на себя не схож уж в сей одежде,
И стали скрыты все татьбы его следы;
Ямщик был без уса, ямщик без бороды,
И словом, счесть сего нельзя на небылицу,
Чтоб не был Елисей не схож за молодицу.
Тогда-то все Ермий искусство показал:
Елесе голову платочком повязал
И посадил к себе храпящего на лоно,
Уж стала не нужна и дверь во время оно.
Ермий уж как божок то делал, что хотел.
В минуту порх в окно, взвился и полетел;
Не держат кандалы Ермия, ни запоры;
И можно ль удержать, где есть такие воры,
Пред коими ничто и стража и замки,
Ведь боги эллински не наши мужики!

Где речка Черная с Фонтанкою свилися
И устьем в устие Невы-реки влилися,
При устии сих рек, на самом месте том,
Где рос Калинов лес, стоял огромный дом;
По лесу оному и дом именовался,
А именно сей дом Калинкин назывался;
В него-то были все распутные жены
За сластолюбие свое посажены;
Там комнаты в себя искусство их вмещали:

Единые из них лен в нитки превращали,
Другие кружева из ниток тех плели,
Иные кошельки с перчатками вязли,
Трудились тако все, дела к рукам приближа,
И словом, был экстракт тут целого Парижа:
Там каждая была как ангел во плоти,
Затем что дом сей был всегда назаперти.

Еще завесу ночь по небу простирала
И Фебу в мир заря ворот не отворяла,
И он у своея любезной на руке
Еще покоился на мягком тюфяке,
Когда Ермий с своим подкидышем принесся,
Подкидыш был сей лет осьмнадцати Елеся,
А может быть, уж он и больше в свете жил;
Принес и бережно его он положил
В обители девиц, по нужде благочинных,
А может быть, не так, как думают, и винных;
Снаружи совести трудненько постигать;
Вольно ведь, например, подьячих облыгать,
Что будто все они на деньги очень падки,
А это подлинно на них одни нападки,
Не все-то дéньгами подьячие дерут,
Иные овсецом и сахарцом берут,
Иные платьицем, винцом и овощами,
И мягкой рухлядью, и разными вещами.
Но шашни мы сии забвенью предадим
И повесть к своему герою обратим.

Красавицы того не ведают и сами,
Что между их ямщик, как волк между овцами,
Лишь только овчею он кожей покровен;
Голубки, не овца лежит меж вас, овен!

Тогда уже заря румяная всходила,
Когда начальница красавиц разбудила,
Глася, чтоб каждая оставила кровать,
И стала ремесло им в руки раздавать;
Теперь красавицам пришло не до игрушки:
Из рук там в руки шли клубки, мотки, коклюшки;
Приемлет каждая свое тут ремесло,
Работу вдруг на них как бурей нанесло.
От шума оного Елеся пробудился,

Петербург. Проспект Биржи и Гостиного двора вверх по Малой Неве-реке.
Гравюра И. Елякова по рисунку М. Махаева.
1753 г.

Государственный музей изобразительных искусств
имени А. С. Пушкина.

Но как он между сих красавиц очутился,
Хоть ты его пытай, не ведает он сам,
Не сон ли, думает, является глазам?
И с мыслью вдруг свои глаза он протирает,
Как бешеный во все углы их простирает;
Везде он чудеса, везде он ужас зрит
И тако сам себе с похмелья говорит:
«Какой меня, какой занес сюда лукавый,
Или я напоен не водкой был, отравой,
Что снятся мне теперь такие страшны сны?
Конечно, действие сие от сатаны».
Так спьяна Елисей о деле рассуждает
И, винен бывши сам, на дьявола пеняет.

Но наконец уже и сам увидел он,
Что видит наяву ужасный этот сон;
Теперь, он думает, теперь я понимаю,
Что я в обители, но в коей, я не знаю;
Он красных девушек монахинями чтет,
Начальницу в уме игуменьей зовет;
Но с нею он вступить не смеет в разговоры,
Лишь только на нее возводит томны взоры,
Из коих он свой страх начальнице являл
И думать о себе иное заставлял;
Уже проникнула сия святая мати,
Что на девице сей не девушкины стати,
И также взорами дала ему ответ,
Что страха для него ни малого тут нет.
О чудо! где он мнил, что прямо погибает,
Тут счастье перед ним колена подгибает
И прямо на хребет к себе его тащит.
Начальница ему надежный стала щит,
Она ему стена, теперь скажу я смело,
Понеже купидон вмешался в это дело:
Он сердце у него внезапно прострелил
И пламень внутрь ее неистовый вселил.
Она уж хочет знать о всей его судьбине,
И хочет обо всем уведать наеди́не:
Рукою за руку она его взяла
И в особливую комна́тку повела,

Потом, когда она от всех с ним отлучилась,
Рекла: «Я в свете сем довольно научилась

Прямые вещи все от ложных отличать,
Итак, не должен ты пред мною умолчать,
Скажи мне истину, кто есть ты и отколе?»
Елеся тут уже не стал таиться боле.

«О мать! — он возопил. — Хоть я без бороды,
Внемли, я житель есмь Ямския слободы;
Пять лет, как я сию уж должность отправляю,
Пять лет, как я кнутом лошадок погоняю;
Езжал на резвых я, езжал на усталых,
Езжал на смирных я, езжал на удалых;
И словом, для меня саврасая, гнедая,
Булана, рыжая, игреня, вороная,—
На всех сих для меня равнехонька езда,
Лишь был бы только кнут, была бы лишь узда!

Я в Питере живу без собственна подворья,
А в Питер перешел я жить из Зимогорья,
Откуда выгнан я на станцию стоять,
Затем что за себя не мог я там нанять
Другого ямщика... Но ты услышишь вскоре
О преужаснейшей и кроволитной ссоре,
Которая была с валдайцами у нас.
Прости ты сим слезам, лиющимся из глаз;
Я ими то тебе довольно возвещаю,
Какую и теперь я жалость ощущаю,
Когда несчастие мое воспомяну:
Я мать тут потерял, и брата, и жену.

Уже мы под ячмень всю пашню запахали,
По сих трудах весь скот и мы все отдыхали,
Уж хлеб на полвершка посеянный возрос,
Настало время нам идти на сенокос,
А наши пажити, как всем сие известно,
Сошлись с валдайскими задами очень тесно;
Их некому развесть, опричь межевщика:
Снимала с них траву сильнейшая рука;
Итак, они у нас всегда бывали в споре,—
Вот вся вина была к ужасной нашей ссоре!

Уже настал тот день, пошли мы на луга
И взяли молока, яиц и творога,
Обременилися со квасом, бураками,
Блинами, ситными, вином, крупениками;

С снарядом таковым лишь мы явились в луг,
Узрели пред собой напасть свою мы вдруг:
Стоят с оружием там гордые валдайцы.
Мы дрогнули и все побегли, яко зайцы,
Бежим и ищем им подобного ружья —
Жердей, тычин, шестов, осколков и дубья;
Друг друга тут мы взять шесты предускоряем,
Друг друга тут мы все ко брани предваряем.

Начальник нашея Ямския слободы,
Предвидя из сего ужасные беды,
Садится на коня и нас всех собирает;
Лишь со́брал, взял перо, бумагу им марает:
Хоть не был он француз и не был также грек,
Он русский был, но был приказный человек,
И был коришневым одеян он мундиром.
Не дай бог быть писцу военным командиром!
Он, вынувши перо, и пишет имена,
Тогда как нашу боль уж чувствует спина
От нападения к нам каменного града.
И можно ль, чтоб была при писаре Паллада?
Он пишет имена, а нас валдайцы бьют,
Старухи по избам на небо вопиют,
Робята малые, все девки, бабы, куры
Забились под печи и спрятались в конуры.
Мы видим, что не быть письму его конца,
Не стали слушаться мы более писца.

Как вихри ото всех сторон мы закрутились
И, сжавшись кучею, ко брани устремились!
Плетни ни от воды, не могут нас сдержать,
Валдайцам лишь одно спасение — бежать.
Однако против нас стоят они упорно
И действуют своим дреколием проворно.
Не можем разорвать мы их порядка связь:
Летят со обои́х сторон каменья, грязь,
Неистовых людей военные снаряды;
Мараем и разим друг друга без пощады.
Но наши так стоят, как твердая стена;
Прости, что я теперь напомню имена,
Которые сюда вносить хотя б некстати,
Однак без них нельзя б победы одержати;
Хотя бы наш писец еще мудрее был,

Но он бы лбом своим стены той не разбил,
Которую едва мы кольем раздробили.

Уж мы каменьями друг друга больно били,
Как первый Степка наш, ужасный озорник,
Хотя невзрачен он, но сильный был мужик.
Сей с яростию в бой ближайший устремился
И в кучу толстую к валдайцам проломился;
Биет ура́зиной, восстал меж ими крик,
А Степка действует над ними, как мясник.
Потом тотчас его племянник, взяв дубину,
Помчался, оробел и дал им видеть спину,
Где резвый на него валдаец наскочил
И верх над нашим сей героем получил.
В средине самыя кровопролитной сечи
Вскочил ко нашему герою тот на плечи,
И превознесся тем над всею он ордой,
Он начал битвою, а кончил шахордой.
Но шутка такова окончилась бедою,
Валдаец не успел поздравить нас с ездою:
Племянник Степкин, взяв валдайца за кушак,
И тропнул о землю сего героя так,
Что нос его разбил и сделал как плющатку;
С тех пор он на нос свой кладет всегда заплатку.
И се увидели мы все тогда вдали:
Несется человек, замаран весь в пыли;
То был прегордый сам валдайцев предводитель;
Сей скот был нашему подобный управитель;
Свирепствуя на нас, во внутреннем огне,
Он скачет к нашему герою на коне.
Все мнили, что они ужасною борьбою
Окончат общий бой одни между собою;
Все смотрим, все стоим, и всех нас обнял страх,
Уже съезжаются герои на конях.
Но вдруг тут мысли в них совсем переменились:
Они не билися, но только побранились;
Оставя кончить бой единым только нам,
Их кони развезли обоих по домам.

Меж тем уж солнышко, коль хочешь это ведать,
Сияло так, что нам пора бы и обедать;
И если бы не бой проклятый захватил,
Я, может быть, куска б уж два-три проглотил,

Но в обстоятельстве, в каком была жизнь наша,
Не шли на ум мне щи, ниже́ крутая каша.

Когда начальников лошадки развезли,
Тогда прямую мы войну произвели;
Не стало между всех порядка никакого,
И с тем не стало вдруг большого, ни меньшого,
Смесилися мы все и стали все равны;
Трещат на многих там и по́рты и штаны,
Восходит пыль столпом, как облако виется,
Визг, топот, шум и крик повсюду раздается;
Я множество побой различных тамо зрел:
Иной противника дубиною огрел,
Другой поверг врага, запяв через колено,
И держит над спиной взнесенное полено,
Но, вдруг повержен быв дубиной, сам лежит
И победителя по-матерны пушит;
Иные за виски друг друга лишь ухватят,
Уже друг друга жмут, ерошат и клокатят.
Хотя б и бритый к нам татарин подскочил,
И тот бы, думаю, ерошки получил.
А вы, о бороды! раскольничье убранство!
Вы чувствовали тут всех большее тиранство:
Лишь только под живот кто даст кому тычка,
Ан вдруг бородушки не станет ни клочка,
И в ней распишется рука другого вскоре.
Итак, с валдайцами мы долго были в споре,
Не преставаючи друг друга поражать,
Кому приличнее победу одержать?
Но наконец мы их проворству уступили
И тыл соперникам неволей обратили:
Побегли мы чрез дол,— о дол, плачевный дол!
У каждой женщины в зубах мы зрим подол,
Бегут, и все творят движение различно.
Но мне тебе сего вещати неприлично,
Скажу лишь то, что мы их зрели много тел.
Вдруг брат мой в помощь к нам, как ястреб, налетел,
Смутил побоище как брагу он в ушате.
Но не поставь мне в ложь, что я скажу о брате:
Имея толстую уразину в руках,
Наносит нашим всем врагам он ею страх:
Где с нею он пройдет, там улица явится,
А где пове́рнется, там площадь становится.

Уже он близ часá валдайцев поражал,
И словом, от него там каждый прочь бежал,
Как вдруг против его соперник появился,
Вдруг подвиг братнин тут совсем остановился;
Валдаец сей к нему на шею вдруг повис
И ухо правое у брата прочь отгрыз.
И тако братец мой, возлюбленный Илюха,
Пришел на брань с ушми, а прочь пошел без уха;
Тащится, как свинья, совсем окровавлен,
Изъеден, оборвáн, а пуще острамлен:
Какая же, суди, мне сделалась утрата,
Лишился уха он, а я лишился брата!
С тех пор за брата я его не признаю.
Не мни, что я сказал напрасно речь сию:
Когда он был еще с обоими ушами,
Тогда он трогался несчастливых словами,
А ныне эта дверь совсем затворена,
И слышит только он одно, кто молвит «на!»,
А «дай» — сего словца он ныне уж не внемлет,
И левым ухом просьб ничьих он не приемлет:
В пустом колодезе не скоро нáйдешь клад,
А мне без этого не надобен и брат.

По потерянии подвижника такого
Не стало средства нам к победе никакого:
Валдайцы истинный над нами взяли верх;
Разят нас, бьют, теснят и гонят с поля всех;
Пришло было уж нам совсем в тот день пропасти,
Но Степка нас тогда избавил от напасти:
Как молния, он вдруг к нам сзади забежал
И нас, уже совсем бегущих, удержал,
«Постойте,— вопиет,— робятушки, постойте,
Сберитесь в кучу все и нову рать устройте».
Все переменилося, о радостнейший час!
Сбираются толпы людей на Степкин глас.
Сбираются, бегут, противных низвергают
И бывшу в их руках победу исторгают;
Сперлúся, сшиблися, исправя свой расстрой,
Жарчае прежнего опять был начат бой:
Уже противников к селу их прогоняем,
Дреколия у них и палки отнимаем,
И был бы брани всей, конечно, тут конец,
Когда б не выехал на помочь к ним чернец;

Сей новый Валаам скотину погоняет,
За лень ее своей дубиною пеняет;
Но как он тут свою лошадушку ни бьет,
Лошадушка его не су́ется вперед;
Он взъехал кое-как на холм и нас стращает,
И изо уст святых к нам клятву испущает,
Но нас не токмо та,— не держит и дубье:
Летим мы на врагов и делаем свое.
Сей благочинный муж, увидя в нас упорство,
Сошел с коня и ног своих явил проворство,
Поспешнее того, как к нам он выезжал,
Явил нам задняя и к дому побежал.

Уже явилася завеса темной ночи.
И драться более ни в ком не стало мочи.
Пошли мы с поля все, валдайцев победив,
А я пришел домой хоть голоден, да жив».

ПЕСНЬ ТРЕТИЯ

«Уже утихло всё, и ночь свою завесу
Простерла по всему ближайшему к нам лесу,
Покрыла землю всю и с нею купно нас:
Настал спокойствия желанный всеми час;
Покоилися мы, покоились валдайцы,
А на побоище бродили только зайцы,
И там же на рожках играли пастухи;
А дома не́ спали лишь я да петухи,
Которы песнь свою пред курами кричали,
А куры им на то по-курьи отвечали.

Лишь в дом я только вшел, нашел жену без кос,
А матушку прошиб от ужаса понос:
Она без памяти в избушке пребывала
И с печи в дымовник, как галочка, зевала,
Перебирая всех по памяти святых:
Всех пятниц, семика, сочельников честны́х,
Чтобы обоих нас в сраженьи сохранили
И целых к ней домой с Илюхой возвратили;
Однако ж по ее не сталося сие:
Отгрызли ухо прочь у дитятка ее,

А с нею и сего рок пущий совершился:
Лишь только вшел я в дом, безмерно устрашился,
Увидя мать мою лежащую в кути;
Она, увидевши меня, ворчит: «Прости,
Прости, мое дитя, я с светом расстаюся»,—
Она сие ворчит, а я слезами льюся.
Приходит мой и брат с войны окровавлен,
Смерть матерня и вой обеих наших жен
Ко жалости сердца и наши преклонили;
Крепились мы, но ах! и мы, как бабы, взвыли;
Уж тело старое оставила душа,
А тело без души не стоит ни гроша,
Хотя б она была еще и не старуха;
Я плачу, плачет брат, но тот уже без уха.
И трудно было всем узнать его печаль,
Старухи ли ему иль уха больше жаль;
Потеря наша нам казалась невозвратна,
Притом и мертвая старуха неприятна.
Назавтре отдали мы ей последню честь:
Велели из дому ее скорее несть,
Закутавши сперва холстом в сосновом гробе,
Предати с пением ее земной утробе.
Сим кончилась моя последняя беда.
Потом я выслан был на станцию сюда,
О чем уже тебе я сказывал и прежде.
Но как я зрю себя здесь в девичьей одежде,
Того не знаю сам, и кем я занесен
В обитель оную, в число прекрасных жен,
Не знаю, по Христе...» Тут речь перерывает
Начальница и так ему повелевает:
«Когда ты хочешь быть здесь весел и счастлив,
Так ты не должен быть, детинушка, болтлив;
Молчание всего на свете сем дороже:
Со мною у тебя едино будет ложе,
А попросту сказать, единая кровать,
На коей ты со мной здесь будешь ночевать;
Но чтоб сие меж нас хранилось без промашки,
Возьми иголочку, садись и шей рубашки».
В ответ он ей: «О мать! я прямо говорю,
Что шить не мастер я, а только я порю,
Так если у тебя довольно сей работы,
Отдай лишь только мне и буди без заботы:
Я это дело все не мешкав сотворю;

Хоть дюжину рубах я мигом распорю!»
Она увидела, что есть провор в детине,
Немножко побыла еще с ним наедине,
Потом оставила в комнáточке его,
Пошла и заперла Елесю одного,
Не давши ни одной узнать о том девице.
И так уже он стал в приятнейшей темнице.

Меж тем уже Зевес от хмеля проспался,
И только чаю он с Юноной напился,
Как вестник, вшед к нему в божественны чертоги,
Сказал, что все уже сидят в собраньи боги;
А он, дабы дела вершить не волоча,
Корону на лоб бух, порфиру на плеча,
И, взявши за руку великую Юнону,
Кладет и на нее такую же корону.
Уже вошел в чертог, где боги собрались,
Они, узря его, все с мест приподнялись
И тем почтение Зевесу оказали;
Все сели, говорить Церере приказали.
Сия с почтением к Зевесу подошла
И тако перед ним прошенье начала:

«О сильно божество! Зевес, всех благ рачитель,
Наставник мой, отец и мудрый мой учитель!
Ты ведаешь, что я для нýжнейших потреб
Живущих на земли учила сеять хлеб.
Сие мне удалось, я видела успехи,
Когда пахали хлеб без всякия помехи;
А ныне Вакх над мной победу получил,
Когда сидеть вино из хлеба научил:
Все смертные теперь ударились в пиянство,
И вышло из того единое буянство;
Земля уже почти вся терном поросла,
Крестьяне в города бегут от ремесла,
И в таковой они расстройке превеликой,
Как бабы, все почти торгуют земляникой,
А всякий бы из них пахати землю мог,—
Суди теперь о сем ты сам, великий бог!»
Все боги меж собой тут начали ворчати,
Но Зевс им повелел всем тотчас замолчати,
А Вакху повелел немедля отвечать,
Когда он может чем Цереру уличать.

Сей начал говорить себе во оправданье:
«Такое ль ныне мне, о боги! воздаянье,
Что я с Церерою стою на сей среде?
И мне ли, молодцу, быть с бабою в суде!
Или вменяете и то вы мне в безделье,
Что свету я открыл душевное веселье?
Когда в нем человек несчастливо живет,
Он счастлив, ежели вино он только пьет;
Когда печальный муж чарчонку выпивает,
С чарчонкой всю свою печаль он забывает;
И воин, водочку имеючи с собой,
Хлебнувши чарочку, смеляе и́дет в бой;
Невольник, на себе нося свои железы,
Напившися вина, льет радостные слезы.
Но что я говорю о малостях таких!
Спросите вы о том духовных и мирских,
Спросите у дьяко́в, спросите у подьячих,
Спросите у слепых, спросите вы у зрячих;
Я думаю, что вам ответствуют одно,
Что лучший в свете дар для смертных есть вино:
Вино сердца бодрит, желудки укрепляет,
И словом, всех оно людей увеселяет.
Не веселы бы им все были пиршества́,
Забав бы лишены все стали торжества,
Когда бы смертные сего не знали дара;
Не пьют его одни лишь турки и татара,
Спроси же и у них, не скучно ли и им?»
Он кончил речь свою последним словом сим,
Умолкнул и потом не хочет видеть света.
На то Зевес им рек: «Послушайте ответа,
Какой я на сие теперь вам изреку».
И медоточную пустил из уст реку,
Которой не было витийствию примера:
«Послушайте меня ты, Вакх, и ты, Церера,
Тебе противен хмель, ему откупщики;
Но судите вы так, как частные божки,
А я сужу о всем и здраво и правдиво.
Я думаю, что вам и это будет в диво:
Почто к женам своим ревнует басурман,
А жид, француз и грек способны на обман?
Почто ишпанец горд, почто убоги шведы
И для чего у них россияне соседы?
Почто голанец груб, британец верен, тверд,

Германец искренен, индеец милосерд,
Арапы дикие сердца имеют зверски,
Италиянцы все и хитры и продерзки;
Почто поляк своим словам не господин
И правды ввек цыган не молвит ни один?
Почто во всех вселил я нравы столько разны?
Поверьте, что мои в сем вымыслы не праздны:
Я Трою низложил, дабы воздвигнуть Рим,
И вам ли знать конец намереньям моим!
Я сделаю, что вы с ней будете согласны
И будете от днесь вы оба безопасны:
Премудрость возведу я некогда на трон,
Она соделает полезнейший закон,
Которым пресечет во откупах коварство,
И будет тем ее довольно государство;
Не будет откупщик там ратаю мешать,
А ратай будет им себя обогащать,
И будут счастливы своею все судьбою,
Не ссорьтесь же и вы теперь между собою».
Сим словом их Зевес обоих усмирил
И сына своего с Церерой помирил.

Когда Зевес изрек богам что надлежало,
А солнце между тем в свой дом уже въезжало,
И там ему жена готовила кровать,
На коей по трудах ему опочивать,
И также жен честных начальница и мати
Готовилась идти с Елесей ночевати,
Но чтобы малому товар продать лицом,
Натерлася она настоенным винцом,
Искусною рукой чрез разные затеи
Поставила чепец поверх своей тупеи;
А чтобы большия придать себе красы,
Пустила по плечам кудрявые власы,
Которы цвет в себе имели померанцов;
Потратила белил и столько же румянцов;
Дабы любовника к забавам возбудить,
Потщилася себя получше снарядить,
И думала пробыть всю ночь она в покое,
Но вот случилось с ней несчастие какое:

Внезапно тутошней всей стражи командир
Вздевает на себя и шпагу и мундир;

Он хочет обойтить по комнатам дозором
И хочет девушек своим увидеть взором.
А в этом деле он не верил никому,
Не только чтоб другим, сержанту самому.

Он был лет сорока или уже и боле,
Служил он двадцать лет, а все служил он в поле;
Морщливое лицо, нахмуренная бровь
Являли в нем уже застылую любовь;
Хотя он некогда в сей школе и учился,
Но так уж он весь в строях изволочился,
Что всю любовную науку позабыл,
И словом, больше он солдат, чем щеголь, был;
Но, стоючи у сих красавиц настороже,
Почувствовал в себе, почувствовал... и что же?
В какую старичок повергнулся напасть!
Сей муж почувствовал в себе любовну страсть,
И то бы ничего, что он воспламенился,
Но кем? О ужас! он начальницей пленился.
Внезапно на него блажной навеял час,
Хоть совесть не один ему твердила раз:
«Мужчина в двадцать лет красавицам любезен
И в тридцать может быть для них еще полезен;
А ежели кому пробило сорок лет,
Тот, незван, никуда не езди на обед;
Домашним буди сыт: пей, ешь, живи, красуйся,
А к женщинам отнюдь с амурами не суйся.
Твоя уже чреда любиться протекла!»
Так совесть собственна ему тогда рекла,
Но он толь правильным речам ее не внемлет,
К начальнице в покой вломиться предприемлет;
Вещает сам себе: «Во что б ни стало мне,
А я пробуду с ней всю ночь наедине,
Неужели она в сем даре мне откажет,
Что на кровать свою уснуть со мной не ляжет?
Ведь я еще себя чрез то не погублю,
Когда скажу я ей, что я ее люблю;
И ежели она со мной не хочет вздорить,
Так будет ли о сей безделице и спорить?»
Се тако командир с собою рассуждал,
И тако он себе удачи ожидал;
В нечистом помысле приходит к той комнатке,
В которой бабушка со внучком на кроватке.

Она за полчаса пред ним туда пришла
И Елисея в ней храпящего нашла;
Дрожащею рукой его она толкает
И тихим голосом Елесю раскликает,
Касаяся ему, по имени зовет:
«Проснися, Елисей, проснися ты, мой свет!»
Елеся, пробудясь, узрел святую мати,
Подвинулся и дал ей место на кровати.

Но только он на верх блаженства возлетел,
Как грозный командир во дверь идти хотел;
Толкает тростию и настежь отворяет,
Елеська на верху блаженства обмирает
И с оного тотчас как бешеный скочил.
Об этом командир худое заключил
И стал допрашивать Елеську очень строго:
«Отколе ты пришла, одета столь убого?
И для чего тебя в моем реестре нет?
Скажи, голубушка, откуда ты, мой свет?»
Тогда не знал он, что на это отвечати,
Хоть не было на рту замка и ни печати;
Однако ж Елисей, потупяся, молчит,
А командирина шурмует и кричит.
Начальница себя от бедства избавляет,
С учтивостью сему герою представляет,
Чтоб он не гневался напрасно на нее,
Что видит пред собой племянницу ее,
Которая пришла сей день к ней только в гости,
Но, опасаяся людей лукавых злости,
Не смела поздно так домой она отбыть,
Затем чтоб жертвою насильствия не быть,
И что зачем он сам столь поздно к ней приходит?
Такими петлями свой след она отводит.
Но командир ее не внемлет льстивых слов,
За это он хотя в удавку лезть готов,
Что речь ее пред ним единые обманы;
Обыскивает все у девушки карманы,
Не приличится ли виновною она:
В карманах не было у девки ни рожна,
И не было того, что б можно счесть за кражу;
Однако ж он велел ее отвесть под стражу.

Возможно ли сие постигнути уму?
Елеська через день попал опять в тюрьму,

И в этой бы ему не быть уже без казни,
Когда бы Вакх к нему не чувствовал приязни.
К Зевесу он; Зевес Ермия нарядил,
Чтоб паки он его от уз освободил.

Сей тотчас прилетел к нему, несом как ветром,
Но был уже Ермий одеян петиметром:
Высокая тупе, подправлены виски;
Уже он снял с себя капральские уски,
И также не был он одеян и колетом;
Ермий со тросточкой, Ермий мой со лорнетом,
В который, чваняся, на девушек глядел.

Тогда на ямщика он шапочку надел;
А дар в себе такой имела шапка эта:
На чью бы голову была она ни вздета
И кто покроется покровом лишь таким,
Исчезнет абие и будет невидим.

И тако, быв покрыт покровом сим, Елеся
Вторично в комнату к начальнице принесся
И с нею целу ночь в забавах проводил.
Меж тем уж утра час девятый приходил,
Когда разгневанный любовник пробудился
И арестованной колодницы хватился;
Тогда в глазах его блистали гнев и месть,
Велит немедленно к себе ее привесть;
Но караульные ее не обретают
И девку мнимую ушедшею считают.
Сержант ко своему начальнику бежит
И весть ужасную сказать ему дрожит,
Однако ж наконец побег ее доносит,
А строгий командир кафтан и шпагу просит.
Лишь только выбежал, одевшися, во двор,
Вскричал тотчас: «К ружью!», велел ударить в сбор.
«Кто девку упустил, на чьих часах то было?» —
Кричит и всякого толкает в ус да в рыло.
Однако ж, сколько он кого ни истязал,
Служивый ни один того не показал,
Кто выпустил ее и где она девалась.
Хоть с домом девушка отнюдь не расставалась,
Но думают, что сам ее лукавый бес,
Укравши на себе, из дома вон унес.

Итак, весь оный шум окончен сей войною:
Сержант отдулся тут за всех своей спиною,
Хотя и не был он нимало виноват,
Лишь грешен разве тем одним, что он сержант.

Елеся между тем в забавах пребывает
И шапки с головы отнюдь не скидавает,
Не видимый никем под чудным сим шатром,
Выходит иногда он вон и из хором;
Гуляет, пьет и ест в том доме и ночует,
А командир его не видит и не чует.

Но наконец уж он наскучил сим житьем,
Хотя доволен был он пищею и всем;
Но Вакх вселил в него уйтить оттоль охоту
И делать на него возложенну работу,
Дабы откупщиков немного пощунять;
А Елисей сие был мастер исполнять.

Во время сна сея несчастныя старушки
Оставил Елисей постелю и подушки,
Оставил он свои и по́рты и камзол,
Оставил и ее во сне, а сам ушел.

Лишь только поутру начальница проснулась,
Зевнула и на ту сторонку обернулась,
На коей Елисей возлюбленный лежал,
Ан след уже простыл, любовник убежал.
Подушку хвать рукой, нашла подушку хладну;
Подобно так Тезей оставил Ариадну
И так же изменил любовнице Эней,
Как сделал со своей старушкой Елисей.

Собрав остаток сил, собрав всю крепость духа,
Сначала думала несчастная старуха,
Что с нею Елисей нарочно пошутил
И что из комнаты он вон не выходил;
Встает и по углам как бешеная рыщет,
По стульям, по столам его руками ищет;
Но как ни су́ется, Елеси не найдет,
Упала на кровать, вскричала: «Ах, мой свет!
Куда, Елесенька, куда ты отлучился?
И где обманывать людей ты научился,

Что ты и самое меня тем превзошел,
Куда, Елесенька, куда, мой свет, ушел?
Где скрылся от меня и где ты пребываешь?
Или ты у какой негодной обитаешь,
Которая, собой пленив твой нежный взор...»
Старухе между тем хотелося на двор;
Она трепещущей рукою таз достала
И только исполнять свою лишь нужду стала,
Узрела на полу и пóрты и камзол.
«Теперь я чувствую,— вскричала,— сколь ты зол!
Ты пуще мне тоски и бедствия прибавил,
На что ты пóрты здесь, на что камзол оставил,
Или на то, чтоб я была обличена?
Не сам ли в том тебя наставил сатана!
Ну, если командир зайдет сюда дозором,
Не скроешь этыя ты рухляди пред взором,
Который ежели захочет примечать!
И что пред ним тогда я буду отвечать?
Не ясная ли мне последует улика?
Хоть как ни рассуждай, напасть моя велика!»
Когда она сие в печали вопиет,
Ан глядь, уж командир к ней в комнату идет;
Она тут затряслась и вдруг оторопела,
Портков схватить с собой с камзолом не успела,
Вскочила на кровать, а тот уже вошел,
Мерещатся ему и пóрты и камзол;
Приближился потом как бешеный к постеле,
Увидел на полу камзол он в самом деле,
И также видит он лежащие портки.
«О небо!— закричал,— здесь в доме мужики!»
Приспичивает он ее в сем деле тесно,
Кричит: «Живут ли так, моя голубка, честно?
Какой я у тебя увидел здесь мундир,
На то ль над вами здесь поставлен командир,
Чтоб только вы его словами лишь ласкали?
А ночью спать с собой сторонних допускали?
Позору я себе такого не хочу,
Я первую тебя батóжьем укрочу».
Она туда-сюда хвостишком помотала,
Подъехала к нему и тотчас уласкала;
Уже мой командир пред бабою погас,
Утихнул и закис, как будто ячный квас;
Хотя он постегать ей спину и ярился,

Однако ж наконец с старушкой помирился;
Тут не было меж их Гимена и любви,
И также пламени в застылой их крови,
Но им и не было большия нужды в этом,
Затем что не зимой сие уж было, летом,
Они между собой спокойствия делят,
Без жару старички друг друга веселят.
Уж стала заживать ее любовна рана,
Когда ей командир стал другом из тирана,
Хотя прошло еще тому не много дней,
Как отбыл от сея Дидоны прочь Эней,
Но оная не так, как прежняя, стенала
И с меньшей жалостью Елесю вспоминала;
Она уже о нем и слышать не могла,
Портки его, камзол в печи своей сожгла,
Когда для пирогов она у ней топилась,
И тем подобною Дидоне учинилась.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Уж Феб чрез зодиак Близняток проезжал,
Когда мой Елисей от бабушки сбежал,
Хотя и редкие из низкой столь породы
Любуются красой приятныя природы,
Но сей, как в малом том Парижце побывал,
Он мыслил инако и инак рассуждал:
Он знал уж, например, что в свете есть амуры,
Что постоянные одни лишь только дуры;
Он знал, как надобно к кокеткам подбегать,
Он знал, как надобно божиться им и лгать;
Когда ж бы побывал в великом он Париже,
Конечно б был еще к дурачеству поближе.
Но шутка ль и в прямом Париже побывать,
Чтоб только на одни безделки позевать
И только высмотреть живущих в оном моды,
Не тщася рассмотреть их пра́ва и доходы;
Узнать, чем Франция обильна, чем скудна
И без других держав пробудет ли одна?
Какие ремесла, какие в ней науки?
Но ездят щеголи туда не ради скуки.
А если весело там время проводить,
Так должно по домам кофейным походить,

Узнать, в какие дни там зрелища бывают,
Какие и когда кафтаны надевают,
Какие носят там тупеи и виски,
Какие тросточки, какие башмаки,
Какие стеклышки, чулки, манжеты, пряжки,
Чтоб, выехав оттоль, одеться без промашки
И тем под суд себе подобным не подпасть,
Умети изъяснить свою бесстыдно страсть,
Вертеться, вздор болтать по самой новой моде,
Какая только есть во ветреном народе.
Подобно и ямщик сим ум свой навострил:
С манерными он сам манерно говорил.
Коль женщина б каким вертушкой ослепилась,
Елеся бы сказал: «Она им зацепилась»,
А если бы он сам за кем таскаться стал,
Он множество бы слов манерных наболтал,
Которые когда б не очень тут приличны,
Так это оттого, что слишком политичны.
И как об нем уж кто теперь ни полагай,
А он теперь совсем ученый попугай.

Уже пленил свой дух ямщик весны красами,
Пошел ко Питеру не улицей, лесами,
В которых множество росло тогда грибов,
И он бы набрал их хоть десять коробов;
Но не было при нем и маленькой плетюшки,
Затем что наскоро он отбыл от старушки,
Оставя у нее и собственный убор;
Он и́дет, веселя природою свой взор,
А солнце уж тогда с полудни своротило,
И луч умеренный на землю ниспустило,
И так уж ямщика не очень больно жгло;
Там воды ясные, как чистое стекло,
Между зелеными кустами извиваясь,
То инде меж собой в един ручей сливаясь,
Как сонные в брегах излучистых текли
И образ над собой стоящих древ влекли,
И роза и нарцисс себя в них также зрели;
Там слышатся везде пастушески свирели,
Которы стерегли овечек от зверей;
Там также слышался приятный соловей,
Который, пленник став прекрасныя Венеры,
Высвистывал любовь чрез разные манеры;

Тут стука не было от дятловых носов,
И также не было там филинов, ни сов;
Казалось, что тут вся природа отдыхала,
Одна лишь горлица о милом воздыхала,
Которого в тот день лишилася она.
Елеся молвил тут: «Вот так моя жена,
Я думаю, меня теперь воспоминает,
И будто горлица о мне она стенает.
Хотя она без кос, но мне она мила»,—
Такую мысль ему та птица родила.
Он лег на бережок под ветвия зелены,
Желая тем свои спокоить томны члены,
Возлег и скоро он на нем тогда заснул;
Но, криком женским быв встревожен, воспрянул,
И се — увидел он сквозь связь кустов сплетенну
Бегущу женщину к нему окровавленну;
Она была собой изрядныя красы;
Расстеганная грудь, растрепанны власы
Довольно бедствия ее предвозвещали
И долго размышлять его не допущали;
Потом ямщик узрел бегущих двух мужчин,
И уж касается одежд ее один,
Другой кричит: «Постой! от нас ты не избудешь
И нашей жертвою сей день, конечно, будешь».
Тогда Елеся, быв подвигнутый на гнев,
Стал легок, яко конь, а силен, яко лев:
Встает и, бывши сам невидим, нападает;
Подобно как орел на птицу налетает,
И вдруг озорнику такой влепил удар,
Что разом кинуло в озноб его и в жар;
Другому дал тычка в живот своим коленом,
От коего он пал, как будто бит поленом;
Потом ударов им десяток рассовал;
Хотя он не был врач и также коновал,
Но выпустил из них немало лишней крови,
Подбил им обоим глаза, скулы и брови.
Но как он их щелкал, сам быв им невидим,
Чрез то помстилося буянам обоим,
Что будто подрались они с собою сами;
Схватилися, и ну меняться волосами,
Друг друга в рыло бьют и тычут по носкам;
Досталося щекам, затылкам и вискам;
То вдруг расскочатся, то вдруг опять сопрутся,

Как будто петухи задорные дерутся;
Так бились меж собой сии озорники:
Трещат их волосы, кафтаны, кушаки.
Я мню и о тебе, исподняя одежда,
Что и тебе спастись худа была надежда.
Но наконец у них дошло и до того,
Не знаю, не́ драли они бы тут чего;
Досталося всему, и так они избились,
Что будто пьяные без чувства повалились.
Тогда ямщик мой тут промедлить не хотел,
Он с женщиной от них проворно улетел!
О радостный восторг! куда он духом всходит!
Ямщик в сей женщине жену свою находит.
Услуга днесь твоя, ямщик, награждена:
Ты спас молодушку, а в ней твоя жена!
Невинность часто рок от бедствия спасает,
А добродетель верх над злобой получает.

И тако наконец ямщик жену узнал,
Он, снявши шапочку, ее поцеловал.
Тогда весь плач ее на радость обратился.
«Не с неба ль,—мнит она,—мой муж ко мне скатился?»
Но он ей бывшее с собою рассказал
И повелительно ей тоже приказал,
Дабы она ему взаимно объявила,
Какая занесла ее в тот случай сила
И за собой каких воров она влекла?
Она заплакала, вздохнула и рекла:
«Как только от меня ты в Питер отлучился,
Тогда со мною весь несчастья верх случился:
Твой брат не стал меня в дому своем держать,
И я принуждена к тебе сюда бежать.
И наконец когда я в Питер дотащилась,
Тогда моя мошна совсем уж истощилась;
Пришла в Ямскую я, тебя в Ямской уж нет,
Все мнили о тебе, что умер ты, мой свет,
А я осталася вдовою горемышной;
Пристанищем моим мне стал завод кирпишной.
У немца тамо я в работницах жила;
И может быть, чтоб тут я счастлива была,
Когда б его жена не столь была брюзглива,
А больше этого она была ревнива;
Но барин был ко мне как к ниточке игла:

Однажды вечером, как спать уж я легла,
А барин тихо встал со жениной кровати,
Пришел ко мне и стал по-барски целовати.
Проснулася жена, потом рукою хвать,
Ан стала бе́з мужа пустехонька кровать.
Мы с ним лежим, а та с своей постели встала
И нас в другой избе лежащих с ним застала.
Подумай, муженек, к чему бы ревновать,
Что муж ее пришел меня поцеловать?
Ведь он еще чрез то нисколько сделал худа,
Что кушанья того ж поел с другого блюда.
Он начал было тут жену свою ласкать,
А та взбесилася и ну меня таскать;
Как бешеная мне она глаза подбила
И в полночь самую меня с подворья сбила.
Пошла я, а за мной пошла моя напасть;
Боялась очень я в полицию попасть,
Однако же сея беды не миновала,
Попалася в нее и тамо ночевала,
Но случай вдруг меня пречудный свободил;
Не знаю, кто меня в кафтан перерядил,
И тако поутру, мне выбив палкой спину,
Пустили из нее на волю как детину...»
Елеся у нее тут речи перебил:
«Ах, жонушка! я сам в ту ночь в полицьи был;
Так выпущена ты в моем оттоль кафтане,
Затем что я и сам вон вышел в сарафане,
Но только кто меня одел в твой сарафан,
Не знаю, для того что был я очень пьян.
Потом в Калинкином я доме очутился,
В котором весь я пост великий пропостился».
На то ему опять рекла его жена:
«Когда я из тюрьмы была свобождена,
Не знала, где в мужском деваться мне кафтане;
Пошла и пробыла ту ночь в торговой бане;
Потом я перешла жить в дом к секретарю,
Которого еще поднесь благодарю:
Приказного казна на всякий день копилась,
А с тем и жизнь моя по радостям катилась.
Но вдруг несчастие навеяло на нас,
Когда о взятках в свет лишь выпущен указ,
Которым разорять людей им запрещали,
А казнь преступникам строжайшу обещали;

Тогда к поживкам он уж средства не нашел,
Доволен прежним быв, в отставочку ушел,
С хищением своим и с Питером расстался,
Затем что на себя не очень полагался.
А я сегодня, встав почти с зарею вдруг,
Попалася на сих мошенников я двух.
Они мне давеча навстречу лишь попались,
Взглянули на меня и тотчас приласкались;
Хотели для житья мне место показать.
Но нечего тебе мне более сказать,
Ты видел их самих намеренье безбожно,
От коего бы мне избегнуть невозможно,
Когда бы от него не ты избавил сам,
И тако я должна тебе и небесам».

Когда бы Елисей не светский был детина,
Так много бы труда имела тут дубина,
Которою бы он хозяйку пощунял;
Но он уже как весь поступок светский знал,
Словесный выговор он ей употребляет
И более ничем ее не оскорбляет,
Спросил лишь у нее: имеет ли пашпо́рт,
А та его впреки: «Зачем, мой свет, без порт?»
И оба как они друг другу изъяснились,
Скорее, нежель бы кто думал, помирились.
С пашпо́ртом он велел немедля ей идти
По прямо бывшему ко Питеру пути
И тамо ей велел в Ямской хотя пристати,
Дабы возмог ее со временем сыскати,
А сам, простяся с ней, остался в том леску,
Где думал утолить и ревность и тоску,
Которые его тревожили безмерно,
Что сердце женино ему не очень верно,
Хотя он сам вовек не спускивал куме;
Однако ж у него всё немец на уме.

Когда мой Елисей о немце размышляет,
В то время Вакх к нему Силена посылает,
Дабы он утолил Елесину тоску,
Отведши прямо в дом его к откупщику,
Который более был всех ему досаден,
А Елисей и пить и драться очень жаден.
Уже его Силен за рученьку берет

И прямо в дом к купцу богатому ведет,
Который на уезд какой-то водку ставил.
Привел и в нем его единого оставил,
Сказав ему, чтоб он то делал, что хотел,
А сам ко пьяному дитяте полетел.
Елеся мой стоит и о попойке мыслит
И водку в погребе своей купецку числит.
Сей был охвата в три и ростом был высок,
Едал во весь свой век хрен, редьку и чеснок,
А ежели ершей он купит за копейку,
Так мнил, что тем проест он женью телогрейку.
Год целый у него бывал великий пост,
Лишь только не был скуп давати деньги в рост;
И, упражняяся в сей прибыльной ловитве,
Простаивал насквозь все ночи на молитве,
Дабы господь того ему не ставил в грех,
Казался у церквей он набожнее всех.
А эдакие все ханжи и лицемеры
Вдруг християнския и никакия веры.

Умолкните шуметь, дубравы и леса,
Склони ко мне свои, читатель, ушеса;
Внимая моея веселой лиры гласу,
Подвинься несколько поближе ко Парнасу
И слушай, что тебе я в песне расскажу;
Уже на ямщика как будто я гляжу:
Солгал бы пред тобой теперь я очевидно,
Когда б о ямщике сказал я столь бесстыдно,
Что будто задняя вся часть его видна,
По крайности, его одета вся спина,
А только лишь одно седалище наруже,
Но эта часть его была привычна к стуже.
Когда одет ямщик был образом таким,
Он видит всех, никем сам бывши не видим;
Восходит полунаг в купечески палаты,
Подобно как пиит в театр без всякой платы;
Вошел — и в доме он не видит никого,
Не только что рабов, хозяйна самого,
Лишь только на окне он склянку обретает;
Придвинулся, и тут в объятие хватает;
Тут скляница как мышь, а он как будто кот —
Поймал, и горлушко к себе засунув в рот,
И тут уже он с ней, как с девкою, сосался,

Немедля в бывшей в ней он водке расписался.
То первая была удача ямщику.
Но он не для того пришел к откупщику,
Чтоб только эдакой безделкой поживиться.
Он бродит там везде и сам в себе дивится,
Не обретаючи в покоях никого;
«Неужто,— говорит,— пришел я для того,
Чтоб только скляночку мне эту лишь похитить?
Я целый в доме сем могу и погреб вышить».
Сказал и из палат, как ястреб, полетел,
Не на́йдет ли еще он в доме жидких тел;
Но он на задний двор зашел и обоняет,
Что тамо банею топленою воняет;
В ней парился тогда с женою откупщик,
Прямехонько туда ж забился и ямщик;
Но в бане видит он уж действия другие,
А именно он зрит два тела там нагие,
Которы на себя взаимно льют водой,—
То сам был откупщик с женою молодой;
Не знаю, отчего пришла им та охота.
Но я было забыл: была тогда суббота,
А этот у купцов велик в неделе день.
Тогда ямщик вступил в палаческу степень:
Он, взявши в ковш воды, на каменку кидает.
Там стало, что ямщик обоих их пытает:
Переменяется приятный в бане пар
На преужаснейший и им несносный жар,
Который для купца немножечко наскучил:
Он думал, что его то сам лукавый мучил
За многие его при откупе грехи.
Уже оставили полочные верхи,
На нижние они с превыспренних слетают,
Но что? и тамо жар подобный обретают!
Во всей вселенной их единый стал климáт:
В ней прежде был эдем, а ныне стал в ней ад.
Нельзя с невидимой им властью стало драться,
Приходит обоúм из бани убираться:
Забыл мужик кафтан, а баба косники,
Он только на себя накинул лишь портки,
А жонка на себя накинула рубашку,
И оба через двор побегли наопашку —
Альцеста тут жена, а муж стал Геркулес.
На ту беду у них был в доме дворный пес,

Который, обои́х хозяев не узная,
Вдруг бросился на них, как Цербер адский лая,
И прямо на купца он сзади тотчас скок,
Влепился к новому сему Ираклу в бок,
И вырвал и́з боку кусок он, как из теста.
Укушен Геркулес, спаслася лишь Альцеста.
На крик откупщиков сбегается народ.
О жалкий вид очам! о странный оборот!
Узрели нового тут люди Геркулеса;
Таскает по двору домашняя повеса,
А древний адского дубиной отлощил
И, взявши за уши, из ада утащил.
Однако ж кое-как героя свободили
И, в дом препроводя, на скамью посадили.
Он стонет иль, сказать яснее, он кричит
И меж стенанием слова сии ворчит:
«Ты, жонушка, меня сегодня соблазнила,
Что баней мужика ты старого вздразнила,
Не сам ли в том тебя наставил сатана?
Ах, нет! не он, но ты виновна в том одна».
Так старый муж свою молодушку щуня́ет,
Виновен бывши сам, напрасно ей пеняет:
Неужли ей искать чужого мужика!

Но мы оставим их, посмотрим ямщика.
Хозяев выжив вон, ямщик помылся в бане
И вышел из нее в купеческом кафтане.
Так стал Елеся мой совсем теперь одет.
Однако ж в шапочке его как будто нет.
Купчина был велик, ямщик был средня роста,
Так стал в кафтане он, как в рясе поп с погоста.
Не видимый никем, выходит он на двор,
Бросает он по всем местам свой жадный взор,
Он только что о том намерен был стараться,
Каким бы образом до погреба добраться,
Однако ж в этот день его он не нашел,
И паки в дом купца, как в свой, Елеся вшел.
Меж тем уже покров свой ночь распростирала
И чистый весь лазурь, как сажей, замарала,
А тучи к оному чинили больший мрак.
Елеся в дом заполз в кафтане, будто рак,
И прямо под кровать купецку завалился.
Купец тогда и сам с женою спать ложился;

Кладя раскольничьи кресты на жирный лоб,
Читал: «Неу́жели мне одр сей будет гроб?»
Жена за ним тогда то ж самое читала
И мужу оного с усердием желала.
Лишь только откупщик на одр с женою лег,
Тогда ужасный вихрь со всех сторон набег;
Остановилася гроза над самым домом,
Наполнился весь дом блистанием и громом,
Над крышкою его во мраке страх повис,
Летят и дождь, и град, и молния на низ.
Премена такова живущих в ужас вводит:
Не паки ли Зевес в громах к Данае сходит?
Не паки ль на нее он золотом дождит
Да нового на свет Персея породит?

Не Зевс, но сам ямщик встает из-под кровати,
Идет с купецкою женою ночевати.
Когда хозяина треск дома разбудил,
Он, вставши со одра, и свечку засветил,
Отводит тучу прочь молитвами от дома;
Но гром не слушает такого экономa,
Который животы неправдою сбирал
И откупом казну и ближних разорял.
Хозяйка между тем сама не почивает,
Но только тянется в одре и позевает.
Елеся для себя удобный час обрел,
Он встал и на одре хозяюшку узрел;
Меж глаз ее сидят усмешки и игорки,
Пониже шеи зрит две мраморные горки,
На коих также зрит два розовы куста.
Приятное лицо и алые уста
Всю кровь во ямщике к веселью возбуждали
И к ней вскарабкаться на ложе принуждали.
Не мысля более, он прямо к ней прибег
И вместе на кровать с молодушкою лег.
Она не зрит его, лишь только осязаст,
В ней кровь тогда кипит и купно замерзает,
В единый час она и тлеет и дрожит
И во объятиях невидимых лежит;
Что делается с ней, сама того не зная,
И тем-то точная была она Даная.
Меж тем уже гроза ужасная прошла
И ночи прежнюю приятность отдала.

Тогда пришел купец к жене своей обратно,
Зовет по имени хозяйку многократно:
«Проснися, душенька, проснися ты, мой свет!
Все тучи прочь ушли, и страха больше нет».
Жена ему на то с запинкой отвечает,
А старый муж ее движенье примечает;
Толкнул ее рукой тихошенько он в бок,
Елеся с сим толчком тотчас с кровати скок:
А баба будто бы в то время лишь проснулась
И к мужу на другой бочок перевернулась.
Тут муж спросил потом любезную жену:
«Конечно, видела во сне ты сатану,
Что тело все твое от ужаса дрожало?»
Тогда ей говорить всю правду надлежало:
«Голубчик муженек! я видела во сне,
Как будто что лежит тяжелое на мне».
А этот суевер немедля заключает,
Что будто домовой его с ней разлучает.
Ворчит ей: «Жонушка, на свете сем все есть.
Я завтра же велю старушку в дом привесть,
Котора сделаться умеет с сатаною;
Теперь не бойся ты и спи, мой свет, со мною».
Ямщик, услыша то, и сам, как суевер,
Не хочет над собой увидеть сей пример,
Чтоб из дома его, как черта, вон погнали,
Встает и из палат выходит в злой печали,
Что старый черт его с хозяйкой разлучил.
Конечно, сам его в том дьявол научил,
Что хочет он послать назавтра по старушку,
А эта бабушка сыграет ту игрушку:
Она сюда сзовет чертей и целый ад,
Которые меня изгонят из палат.
Я лучше к погребу его позаберуся,
Войду и изнутри замком я в нем запруся;
Пускай же выживет оттоль меня она,
Где много для меня и водки и вина.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

О муза! умились теперь ты надо мною,
Расстанься хоть на час с превыспренней страною;
Накинь мантилью, насунь ты башмаки,
Восстани и ко мне на помощь притеки.

Не школьник у тебя об этом просит спасский,
Но требует ее себе певец парнасский,
Который завсегда с тобой в союзе жил
И со усердием сестрам твоим служил.

И се я слышу глас с ее высока трона:
«Послала я к тебе давно уже Скаррона;
Итак, не льстись теперь на помощь ты мою,
Я битву Чесмскую с Херасковым пою:
Он, мною восприняв настроенную лиру,
Гласит преславную сию победу миру;
Я ныне действую сама его пером,
И из-под рук его исходит важный гром;
Но ежели и ты сим жаром воспылаешь
И петь оружие России пожелаешь,
Тогда сама к тебе на помощь притеку
И всех подвижников деянья изреку».
О муза! лишь всели ты жар в меня сердечный,
Прейдет через меня то в роды бесконечны.
Приди и ободри охоту ты мою,
Тогда на лире я песнь нову воспою.

А ныне паки я гудочек мой приемлю,
И паки голосу певца Скаррона внемлю;
Уже он мысль мою вослед себе влечет,
Уже и слог его здесь паки потечет.

Лишь только Елисей до погреба доскребся,
Уже он заживо в могиле сей погребся;
Хотя и заперт был он павловским замком,
Но он его сразил с пробоев кулаком
И смелою рукой решетку отворяет,
Нисходит в хлябь сию, и тамо озирает.
Расставлены везде бочонки по стенам,
Там склянки видит он, бутылки видит там,
Он видит бочки там с вином сороковые,
Любуется, узря предметы таковые,
Летает, как сокол над стадом робких птиц,
Он видит лебедей, и галок, и синиц.
Лишь к первой он тогда бутылке прилетает,
Уж первую ее в объятия хватает,
Как глазом мгнуть, так он затычку ототкнул
И в три глотка сию он пташку проглонул;

Потом придвинулся к большой он самой бочке,
Откупорил и рот приставил к средней точке,
Из коея вино текло ему в гортань.
Елесенька, уймись, опомнись, перестань;
Ведь бочка не мала, тебя с нее раздует.
Но он сосет, речей как будто и не чует.
Он после сказывал, и если он не лгал,
Что будто бы ему сам Вакх в том помогал,
Который со своей тут свитою явился
И обще с ним над сей работою трудился;
Что будто сам Силен бутылки оттыкал,
И будто сам из них вино в себя глотал;
Что духи Вакховы мертвецки были пьяни,
Кормилица и все вино тянули няни.
Какой тогда всему был погребу разгром,
Клокочут скляѣницы, бутылки все вверх дном,
Трещат все обручи, вино из бочек льется,
И в них ни капельки его не остается.
Уже окончен был преславный этот труд;
Ушли из погреба, оставя винный пруд.
А откупщик, сего не ведая разгрома,
Покоится среди разграбленного дома;
Но только лишь с своей постели он восстал,
Работника, как пса, к себе он присвистал
И тотчас оного к старухе посылает,
С которой гнать чертей вон из дома желает;
Такая-то ему пришла на мысли пыль!

Уже сия идет, опершись на костыль,
Имея при себе бобы, коренья, травы
И многие при том волшебные приправы.
Громовы стрелки тут, иссохлы пауки,
Тут пальцы чертовы, святóшны угольки,
Которых у нее в мешке с собой немало;
И в сем-то знанье сей Медеи состояло.

Лишь только в дом она ступила чрез порог,
Повергла на скамье чиненой свой пирог,
В котором были все волшебные приборы,
Бобы и прочие тому подобны вздоры.

Уже мой откупщик навстречу к ней течет,
И с благочинием он бабушке речет:

«Помилуй, бабушка! на нынешней неделе
Всем домом у меня здесь черти овладели;
Вчера меня один из бани выгнал вон,
Другой нанес жене ужасный самый сон,
Сие случилося прошедшей самой ночи,
Помилуй ты меня, а мне не стало мочи!»
Лишь он сие изрек, ан ключник прибежал,
Который был в слезах и с ужаса дрожал;
О бывшей в погребе беде ему доносит.
Купец, рехнувшися, попа в безумстве просит,
Дабы ему в своих грехах не умереть
И вечно во огне геенском не гореть.
О подлая душа! к чему ты приступаешь?
И сею ли ценой ты небо покупаешь?
Когда обиженны тобою сироты
На оное гласят, чтоб был во аде ты.
Такое ли тебе довлеет покаянье?
Да будет ад твой дом и мука воздаянье.
Сперва обиженным ты щедро заплати
И после прямо в рай на крыльях тех лети,
Которые туда честны́х людей возносят,
А на тебя тобой обиженные просят.

Но наконец его оставил смертный страх,
Опомнился купец у бабушки в руках
И просит, чтоб она ему поворожила,
Откуда истекла сих бед ужасна жила.
Старушка говорит на то ему в ответ:
«О дитятко мое! лихих людей не нет;
Я знаю, что тебе злодеи то помстили
И это на тебя по ветру напустили;
Я всё тебе сие на деле покажу,
Бобами разведу, и это отхожу;
Не станут больше здесь водиться в доме черти;
Я выгоню их вон иль всех побью до смерти.
Третье́ва дни меня просил один рифмач,
Дабы я испекла ему такой калач,
Который бы отшиб к стихам ему охоту;
И я с успехом ту исполнила работу:
Лишь только он рожок в желудок пропустил,
С рожком свою к стихам охоту проглотил,
И ныне больше сим дурачеством не дышит,
Хотя не щегольски ж, да прозою уж пишет.

О, если бы сему подобны рифмачи
Почаще кушали такие калачи,
Конечно б, петь стихи охоту потеряли
И слуха нежного других не оскорбляли.
Другой меня просил, чтоб был он стиходей,—
Он съел лишь корешок по милости моей,
С тех пор спознался он и с небом вдруг и с адом
И пишет множество стихов, дурным лишь складом,
Однако ж кажется хорошим для него;
Мне это сотворить не стоит ничего.
Пропажа ли в дому какая где случится,
Иль старый вздумает за девкой волочиться,—
Не празден никогда бывал еще мой труд.
Купцы, подьячие со всех сторон бредут:
Одни, что будут ли на их товары падки,
Другие — выйдет ли указ, чтоб брать им взятки;
Я всем с охотою бобами развожу
И никому из них неправду не скажу.
Вчерась лишь одному врачу я отгадала,
Что скоро свет его почтет за коновала;
То предвещание немедленно сбылось,
Сегодня в городе повсюду разнеслось,
Что от лечбы его большая людям трата,—
И так он сделался палач из Иппократа.
А если пьяница, хотя бы он какой,
Я страсть с него сию снимаю как рукой!»
Тут всю свою болезнь купец позабывает
И речь старушкину своею прерывает:
«Помилуй, бабушка, не делай ты сего,
Чрез это есть ущерб дохода моего,
И эдак откупы мне будет брать несходно;
А вот бы для меня что было лишь угодно:
Чтоб пьяницами весь соделался народ,
Чрез то ты сделаешь великий мне доход».
Тут бабушка ему: «Я это разумею,
Но делать, дитятко, я худо не умею».
На то ей откупщик: «Так слушай же, мой свет,
Не надобен такой мне вредный твой совет,
Когда пияниц ты от пьянства отвращаешь,
Так сим против меня ты чернь всю возмущаешь.
А мне лишь надобно, чтоб больше шло вина,
Так мне твоя теперь и помощь не нужна,
Не верю, как тебе, я бахарю такому;

Возьми свои бобы и ну скоряй из дому,
Доколе я тебя бато́жьем не взварил».
Се тако откупщик во гневе говорил,
А та, как ласточка, из дому полетела
И множество чертей наслать к нему хотела,
Которые к нему, как галки, налетят
И весь его припас и выпьют и съедят,
За что купец велел нагреть старухе уши.
Се так поссорились тогда две подлы души!

Когда уже ямщик сей дом вина лишил,
Ушел и погреба другие пустошил,
Тогда Зевес другим богам сие вещает:
«Вы зрите, как ямщик купцов опустошает,
И если я теперь им помощи не дам,
Так сильного руке бессильных я предам;
Вещайте вы: что мне творить бы с ним довлело?»
Тут всё собрание, как море, восшумело,
И шум сей был меж их поболее часа,
Потом ударились все в разны голоса;
Однако ж все они хоть разно рассуждали,
Но все его за то согласно осуждали.
Тогда отец богов сию предпринял речь:
«По-вашему, его, я вижу, должно сжечь;
Но я не соглашусь казнить его столь строго,
Понеже шалунов таких на свете много,
И если мне теперь их жизни всех лишить,
Так должен я почти весь свет опустошить.
Когда б и я, как вы, был мыслей столь нестройных,
Побил бы множество я тварей недостойных,
Которые собой лишь землю тяготят;
И первых бы с нее льстецов я свергнул в ад,
Жестокосердных всех и всех неблагодарных,
Неправедных судей, воров, друзей коварных;
Потом не миновал и тех бы мой указ,
Которые ползут без просу на Парнас.
Помыслите же вы, чему я свет подвергну,
Когда я тварей сих в дно адово низвергну?
Послушайте меня: оставим месть сию,
Я время каждому исправиться даю.
Не столько виноват ямщик, как вам он зрится,
Так ныне инако он мною усмирится;
Чрез два дни у «Руки» кулачный будет бой,

Вид Большого бассейна в Верхнем саду в Петергофе.
Гравюра А. Ухтомского с оригинала С. Щедрина.
1800-е годы.

Государственный музей изобразительных искусств
имени А. С. Пушкина.

Где будет воевать сей новый наш герой;
Он многих там бойцов ужасно завоюет;
За братскую любовь носки им всем рассует.
И се какой ему предел я положил:
Хочу, чтоб он один за нескольких служил;
Вы у́зрите, чего сей будет муж достоин.
Он был худой ямщик, а будет добрый воин».
Сие Зевес богам со важностью сказал
И всем разъехаться им в домы приказал.
Когда бы смертные все тако помышляли,
Дабы по склонности к делам определяли,
Тогда бы, может быть, негодный самый врач
Престал людей лечить и добрый был палач;
Судья, который дел совсем не понимает
И только за сукном лишь место занимает,
Он мог бы лучше быть, когда б он был кузнец.
Приемлют за сребро ошибкой и свинец.
Бывает добрый муж — худой единоборец,
Порядочный дьячок — прескверный стихотворец.
Итак, когда бы всяк в степень свою попал,
Давно б в невежестве уж свет не утопал.

Уже настал тот день, стал слышен рев медвежий,
На рев сей собралось премножество невежей,
Стекается к «Руке» со всех сторон народ,
Там множество крестьян, приказных и господ:
Одни между собой идут туда сражаться,
Другие травлею медвежьей забавляться.
О утешение! от скуки позевать,
Как псы невинного там зверя будут рвать;
Иль над подобными глумиться дураками,
Как рыцарствуют, бьясь взаимно кулаками.
Там несогласие стоит уже давно,
И злоба там бойцам разносит всем вино,
Невежество над всем там власть свою имеет,
И мудрость в сих местах явиться не посмеет.

Уже к сражению стояли две стены,
И славные бойцы вином напоены,
Которые сию забаву составляли,
Вытягивалися и руки поправляли;
Один снимал с себя и шашку и кушак,
Другой навастривал на ближнего кулак,

Иной, до пояса спустя свою рубашку,
Примеривался, как идти ему вразмашку
И как сопернику за братскую любовь
Спустити из носу его излишню кровь
Или на личике фонарь кому поставить,
Чем мог бы всех на то смотрящих позабавить.

Меж тем Зевес окно в зените отворил
И тако всем тогда бессмертным говорил:
«Да будет, боги, вам сие известно ныне:
Выглядывать отсель льзя богу и богине,
Как некогда со мной вы зрели с сих же стран
На битвы страшные меж греков и троян;
Но вы меня тогда нередко облыгали,
Украдкой обоим народам помогали.
А ныне, ежели кто пóмочь дать дерзнет,
Тот гнева моего никак не ускользнет.
Помощник целый год, как гладный пес, порыщет,
Ни в банях, ни в тюрьмах убежища не сыщет;
Хотя бы посреде он скрылся кабака,
И там велю ему натыкать я бока,
Доколе не пройдет сие урочно время.
Как хочете, а вы не суйтесь в это стремя».
Тогда они свои потупили глаза
И ждали, как сия минует их гроза,
Смирнехонько вокруг Зевеса все сидели
И только как сычи в окошечко глядели.

И се настал уже жестокой битвы час:
Сначала стал меж их ребячий слышен глас,
И в воздух раздались нестройные их крики,
А это было тут в подобие музыки.
Как туча, помрачив чистейший оризонт,
Облегшись тягостью своей на тихий понт,
Ужасной бурею на влагу лишь подует,
Престанет тишина и море возбунтует,
Потом ударит гром из темных облаков,—
Подобный оному стал стук от кулаков,
И с пыли облака густые вверх виются,
Удары громкие по рожам раздаются,
Лиется из носов кровавая река,
Побои чувствуют и спины и бока,
И от ударов сих исходят разны звоны;
Разносятся везде пощечин миллионы.

Один соперника там резнул под живот,
И после сам лежит, повержен, яко скот;
Другой сперва пошел на чистую размашку,
Нацелил прямо в нос; но, сделавши промашку,
Отверз свободный путь другого кулакам,
А тот, как по торгу́, гуляет по щекам.
Иной тут под глаза очки другому ставит,
Иной соперника, схватя за горло, давит,
Иному сделали лепешку из лица,
А он пошел в кабак и, выпив там винца,
Со прежней бодростью на битву устремился
И лучше прежнего сквозь стену проломился.

Се тако билися безмозглы мужики:
С одной страны купцы, с другия ямщики,
Как вдруг с купеческой страны герой выходит
И спорника себе меж всеми не находит.
Подобно яко лев, расторгнув свой запор,
Рыка́ет и бежит, бросая жадный взор,
Ко стаду робкому пасущейся скотины
В средине мягких трав прохладныя долины,
Где бедненький, его увидя, пастушок,
Из рук трепещущих повергнув посошок,
Единым бегствием живот свой избавляет,
А стадо хищнику на добычь оставляет.
Так новый сей Аякс, иль паче Диомид,
Имея на челе своем геройский вид,
Вломился и дели́т кулачные удары:
Побегли ямщики, как робкие татары,
Когда на их полях блеснул российский меч,—
Так должны ямщики тогда все были бечь...
Но слог сей кудреват и здесь не очень кстати,
Не попросту ль сказать, они должны бежати,
А грозный тот герой, как коршун, в них летит
И кулаками их, бегущих, тяготит.
Смутились все, как прах пред тучи грозной зраком;
Один падет стремглав, другой ползет там раком,
А третий, как медведь, пораненный, рычит,
Четвертый, яко бык, ударенный, мычит.
О, бой, ужасный бой! без всякия корысти,
Ни силы конские, ни мужеские лысти
Не могут быстроты геройския сдержать...
Всё хочется словам высоким подражать.

Уймися, мой гудок, ведь ты гудишь лишь вздоры,
Так надобно ль тебе высоких слов наборы?
Посредственная речь тебе теперь нужна,
И чтобы не была надута, ни нежна;
Ступай своим путем, последуя Скаррону,
Скорее, может быть, достанешь ту корону,
Которую певцам парнасский бог дает.

Герой купеческий ямских героев бьет
И нумерит им всем на задницах пашпóрты,
Трещат на ямщиках рубашки там и пóрты.
Все думали, что он в руках несет перун
И что он даст бойцам последний карачун;
Но вдруг лишился бой сего ужасна вида,
Когда пришел герой под сению Эгида,
Сокрытый им от всех смотрителей очей,—
То был под шапкою своею Елисей;
Не видим никому, он бой переменяет,
Смутил в единый час купцов и прогоняет,
Трясется от него их твердая стена,
А он на них кладет кровавы знамена.
От кулаков его все на розно делятся,
Не сотни перед ним, но тысящи валятся!
Победа к ямщикам прешла в единый миг,
И Елисей уже бойца того достиг,
Который воевал как черт меж ямщиками:
Уже разит его Елеська кулаками,
И множество ему тычков в глаза влепил,
Которыми его разбил и заслепил,
Свалился, яко дуб, секирою подсечен,
Лежит, Елéсею разбит и изувечен;
Трикраты он себя с песку приподымал,
Трикраты на него он паки упадал
И наконец на нем лежит и чуть-чуть дышит
И Елисееву победу тамо пишет,
А попросту песок он задницей чертил,
Но встать с него в себе он сил не находил.
Движенья таковы всех к жалости подвигли,
Товарищи его тотчас к нему достигли,
Полмертвого бойца в кабак перенесли
И там ему вина на гривну поднесли,
Которым дух его ослабший ободрили
И паки тем ему дыханье возвратили.

Исправился купец, идет из кабака,
Вторично он в бою попал на ямщика;
Тут паки на него насунулся Елеся,
И паки, раз ему десятка два отвеся,
Сильнее прежнего он дал ему толчок,
Он паки задницей повергся на песок;
Но так уже ямщик купца туда запрятал,
Что весь седалища в нем образ напечатал,
И сказывают все, кто ходит в тот кабак,
Что будто и поднесь в песке тот виден знак.
Ямщик, сразя его, разить всех начал встречных,
Умножа за собой подбитых и увечных,
Загнал в трущобу всех купеческих повес,
И словом, он тогда был храбр, как Ахиллес.

Но можно ли кому с свирепым спорить роком!
Не знаю, кто с него сшиб шапку ненароком,
А он с открытою главою стал, как рак,
Хотел было бежать с побоища в кабак,
Но тут его свои, бегущего, схватили,
Свели во свой приказ и на цепь посадили.
Сбылася истина Зевесовых речей —
Елесеньке весь лоб подбрили до ушей;
Какой бы это знак, куда Елесю рядят,
Неужели его и впрямь во службу ладят?
Увы, то истина! был сделан приговор:
«Елеська как беглец, а может быть, и вор,
Который никакой не нес мирския платы,
Сведен в военную и отдан там в солдаты».

1769

НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ БАСНИ

ПОВАР И ПОРТНОЙ

Удобней повару и жарить и варить,
Как о поваренном портному говорить.
Не знаю было где, в Литве ли, или в Польше,
Тот ведает про то, кто ведает побольше;
Я знаю только то, что ехал Пан,
А ехал из гостей, так ехал пьян.

Навстречу вдруг прохожей,
И сшелся с Паном — рожа с рожей.
Пан спесью и вином надут.
Под паном двое слуг коня его ведут.
Конь гордо выступает,
Пан в спеси утопает,
Подобно как петух.
За паном много едет слуг.
А встретившийся с ним в одежде идет скудной.
Пан спрашивал его, как человек рассудной:
«Какое ремесло имеешь за собой?»
«Приспешник, государь, стоит перед тобой».
«Коль так, ответствуй мне, доколь не плюну в рожу:
Когда Приспешник ты, так знаешь ли ты вкус,
Что почитаешь ты за лучший кус?»
«У жареного поросенка кожу»,—
Ответствовал Приспешник так.
«Ты — повар не дурак,—
Пан говорил ему,— и дал ответ мне смело;
Поэтому свое ты прямо знаешь дело».
И по словах его Пан щедро наградил,
Подобно как отец, хотя и не родил.
Приспешник с радости мой, поднимая ноги,
Помчался вдоль дороги.
Навстречу Повару дорогой шел одной —
А кто? Портной.
Знакомцы оба.
Притом же и друзья, хотя и не до гроба,
Однако же друзья.
«Куда ты, брат Илья,
Бежишь поспешно?»
Другой ответствует: «Теперь уж я
Скажу смеленько, брат, что мастерство приспешно
Получше твоего;
Не знаешь ничего
Ты, пьяница Петрушка,
Что будет у Ильи великая пирушка!
Взгляни на мой карман.
Довольны мы с женою оба,
И не прожить нам с ней до гроба,
Что дал нам Пан,
Который лишь теперь проехал пьян».

И вытянул мешок со златом он с лисенка:
«Вот что от пана я достал за поросенка!» —
И денежки в мешечке показал,
Притом всё бытие приятелю сказал.
Портной, на деньги глядя, тает,
Из зависти он много их считает
И помышляет так:
«Конечно, Пан — дурак,
Что дал за поросенка
Мешок он золота с лисенка;
И сам я побегу
И господина настигу;
И если мудрость вся лишь в коже поросячей,
Так я его обрею, как подьячий».
Сказав сии слова,
Пустилась в путь безумна голова.
Пан ехал тихо,
Портной бежал мой лихо
И вмиг
Боярина настиг.
Кричит: «Постой, боярин!
Я не татарин
И не срублю;
Я не имею сабли,
Не погублю.
Все члены у меня в бежании ослабли.
Приспешник я, не вор».
Пан слышал разговор
И, видя за спиною
Бегущего не вора с дубино́ю,
Коня сдержал.
Портняжка прибежал,
Пыхтит, и, как собака, рьяет,
И чуть зевает,
Лишася бегом сил.
Тогда его боярин вопросил:
«Зачем ты, скот, за мною
Без памяти бежал?
Лишь только ты меня, безумец, испужал;
Я думал, что бежит разбойник с дубино́ю».
Портняжка говорит: «Не вор я, государь!»
А Пан ему на то: «Какая же ты тварь?»

«Я мастерство,— сказал,— приспешное имею
И хорошо варить и жарить я умею».
Пан тотчас вопросил: «Что слаще у быка?»
Сказал безумец: «Кожа».
Тотчас раздулися у повара бока, и рожа,
И брюхо, и спина,
Плетьми ободрана.
Пошел портняжка прочь неспешно
И плачет неутешно —
Клянет боярина и мастерство приспешно.

Между 1763 и 1767

ВОР И ПОДЬЯЧИЙ

Поиман Вор в разбое,
Имел поличное, колечко золотое,
Которое пред тем с Подьячего склевал
В ту ночь, как Вор сего воришка разбивал;
Хотя Подьячего так звать неосторожно,
Однако ж взятки их почесть разбоем можно,—
Затем я назвал так.
Подьячий не дурак,
Да только что бездельник:
Он Вора обличал,
Что точно у него кольцо свое узнал,
И с тем еще других пожитков он искал.
На то в ответ сказал Подьячему мошенник:
«Когда меня за то достоит бить кнутом,
Так должно и тебя пытать, Подьячий, в том:
Когда родитель твой жил очень небогато,
Откуда ж у тебя сие взялося злато?
Разбойник я ночной,
А ты дневной;
Скажу я и без пытки,
Что я пожитки
У вора крал,
Который всех людей безвинных обирал.
С тобою мы равны, хоть на весах нас взвесить;
И если должно нас, так обоих повесить».

Между 1763 и 1767

СУЕВЕРИЕ

Когда кокушечки кукуют,
То к худу и к добру толкуют.
Старухи говорят: «Кому вскричит сто раз,
Тому сто лет и жить на свете;
А если для кого однажды пустит глас,
Тому и умереть в том лете».

А к этому теперь я басенку сварю,
И вас, читатели, я ею подарю.
Ходила Девка в лес, услышала Кокушку,
И стала Девушка о жизни ворожить:
«Скажи, Кокушечка, долгонько ли мне жить?
Не выпущу ли я сего же лета душку?»
Кокушка после слов сих стала кукувать,
А Девушка моя, разиня рот, зевать.
Подкралася змея и Девку укусила,
Подобно как цветок средь лета подкосила;
Хотя Кокушка ей лет со ста наврала,
Но Девка от змеи в то ж лето умерла.

Между 1763 и 1767

ГОСПОДИН С СЛУГАМИ В ОПАСНОСТИ ЖИЗНИ

Корабль, свирепыми носим волнами в море.
Лишася всех снастей, уж мнит погибнуть вскоре.
В нем едет Господин, при коем много слуг;
А этот Господин имел великий дух,
Спросил бумаги в горе
И, взяв ее, слугам отпу́скную писал,
А написав ее, сказал:
«Рабы мои, прощайте,
Беды не ощущайте,
Оплакивайте вы лишь только смерть мою,
А вам я всем отпу́скную даю».
Один из них сказал боярину в ответ:
«Велик нам дар такой, да время грозно:
Пожаловал ты нам свободу, только поздно.
С которой вскорости мы все оставим свет».

В награде таковой немного барыша,
Когда она дается
В то время, как душа
Уж с телом расстается.

Между 1763 и 1767

КРЕСТЬЯНИН, МЕДВЕДЬ, СОРОКА И СЛЕПЕНЬ

Мужик пахал в лесу на пегом на коне;
Случился близко быть берлог на стороне.
В берлоге том Медведь лежал в часы тогдашни,
Увидел мужика, трудящася вкруг пашни;
Покиня зверь берлог,
Хотя и не легок,
Да из берлога скок;
Мужик, зря зверя, стонет,
В поту от страха тонет,
А иногда его составы все дрожат;
Хотел бы тягу дать, да ноги не бежат,
Что делать, сам не знает,
И пашню, и коня с собою проклинает.
Меж тем Медведь на пашню шасть.
Пришла напасть;
Мужик хлопочет:
«Медведь, знать, скушать хочет
Меня
И моего коня;
Уж о коне ни слова,
Была бы лишь моя головушка здорова».
Ан — нет:
Медведь был сыт, не надобен обед,
Медведю пежины крестьянския кобылы
Понравились и стали милы;
Медведь
Желает на себе такую ж шерсть иметь.
За тем крестьянину он делает поклоны
И говорит: «Мужик,
Не устрашись, услыша мой медвежий крик;
Не драться я иду, не делай обороны,
А я пришел просить,
Чтоб мог такую ж шерсть носить,

Какая у твоей кобылы;
Мне пятна черные по белой шерсти милы».
Крестьянин, слыша те слова,
Сказал: «Теперь цел конь, цела и голова,
Полезны эти вести.
Медведю нуждица пришла, знать, в пегой шерсти».
Вещает с радости: «Медведь,
Коль хочешь на себе шерсть пегую иметь,
Так должен ты теперь немножко потерпеть;
Не будь лишь злобен,
Связаться дай и стань коню подобен,
А именно ты будешь пег, как конь».
Медведь связаться дал, мужик расклал огонь
И, головеньку взяв, ей стал Медведя жарить,
Подобно как палач в застенке вора парить,
И, наконец, лишь головенькой где прижмет,
Тут шерсти нет
И пежина явилась.
Медведю пегая уж шерсть не полюбилась;
Он, вырвавшись из рук мужичьих, побежал
И, рынувшись в берлог, под деревом лежал,
Лижа дымящи раны.
«Охти,— он говорил,— крестьяне все тираны
И хуже всех людей,
Когда они так жгут всех пегих лошадей;
Когда б я знал то прежде,
Не думал бы вовек о пегой я одежде».
Лишь речь Медведь скончал,
Сороку бес к крестьянину примчал,
А эти птицы
Охочи до пшеницы,
И только что она на пашню прыг,
Поймал ее мужик,
Поймал, как вора.
Худая с мужиком у бедной птицы ссора:
Он скоро воровство Сороке отомстил,—
Ей ноги изломав, на волю отпустил.
Сорока полетела
И кое-как на то же древо села,
Подле которого Медведь берлог имел.
Потом ко мужику Слепнишка прилетел
И сел лошадушке на спину;
Не стоит мужику для мух искать дубину,

Рукой Слепня поймал
И ног уж не ломал,
Но наказание другое обретает:
В Слепня соломинку втыкает
И с нею он его на волю ж отпускает.
Слепень взвился и полетел,
С Сорокой вместе сел.
Меж тем уж солнушко катилося не низко,
Обед был близко,
Конец был ремесла;
Хозяйка к мужичку обедать принесла,
Так оба сели
На травке да поели.
Тогда в крестьянине от сладкой пищи кровь
Почувствовала — что? К хозяюшке любовь;
«Мы время,— говорит,— свободное имеем,
Мы ляжем почивать;
Трава для нас — кровать».
Тогда — и где взялись? — Амур со Гименеем,
Летали вкруг,
Где отдыхал тогда с супругою супруг.
О, нежна простота! о, милые утехи!
Взирают из-за древ, таясь, игры и смехи
И тщатся нежные их речи все внимать,
Была тут и сама любви прекрасна мать,
Свидетель их утех, которые вкушали;
Зефиры сладкие тихохонько дышали
И слышать все слова богине не мешали...
Медведь под деревом в болезни злой лежал,
Увидя действие, от страха весь дрожал,
И говорит: «Мужик недаром так трудится:
Знать, баба пегою желает нарядиться».
Сорока вопиет:
«Нет,
Он ноги ей ломает».
Слепень с соломиной бурчит и им пеняет:
«Никто,— кричит,— из вас о деле сем не знает,
Я точно ведаю сей женщины беду:
Она, как я, умчит соломину в заду».

Читатель, басня сия ту мысль тебе рождает,
Что всякий по себе о прочих рассуждает.

Между 1763 и 1767

ЭПИГРАММЫ

НА БОЛТУНА

Довольно из твоих мы грома слышим уст:
Шумишь, как барабан, но так же ты и пуст.

1772

ЗАГАДКИ

* * *

Я в трех частях земли; меня в четвертой нет;
Меня ж иметь в себе не может целый свет;
Но мир меня в себе имеет и комар;
Не может без меня земной стояти шар.
В пещерах и морях всегда меня сретают,
Во вихрях и громах неложно обретают,
И так меня ж в себе имеют все борцы.
Тот назвал уж меня, кто назвал огурцы.
Еще ли ты меня не знаешь? Я есмь...

1773

ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭМА

РОССИАДА

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Пою от варваров Россию свобожденну,
Попранну власть татар и гордость низложенну;
Движенье древних сил, труды, кроваву брань,
России торжество, разрушенну Казань.
Из круга сих времен спокойных лет начало,
Как светлая заря, в России воссияло.

О ты, витающий превыше светлых звезд,
Стихотворенья дух! приди от горних мест,
На слабое мое и темное творенье
Пролей твои лучи, искусство, озаренье!

Отверзи, вечность! мне селений тех врата,
Где вся отвержена земная суета,
Где души праведных награду обретают,
Где славу, где венцы тщетою почитают;
Перед усыпанным звездами алтарем,
Где рядом предстоит последний раб с царем;
Где бедный нищету, несчастный скорбь забудет,
Где каждый человек другому равен будет.

Откройся, вечность, мне, да лирою моей
Вниманье привлеку народов и царей.
Завеса поднялась!.. Сияют пред очами
Герои, светлыми увенчанны лучами.
От них кровавая казанская луна
Низвергнута во мрак и славы лишена.
О вы, ликующи теперь в местах небесных,
Во прежних видах мне явитеся телесных!

Еще восточную России древней часть
Заволжских наглых орд обременяла власть;
На наших пленниках гремели там оковы,
Кипели мятежи, росли злодейства новы;
Простерся бедный страх по селам и градам,
Летало зло за злом, беды вослед бедам;
Курений алтари во храмах не имели,
Умолкло пение, лишь бури там шумели;
Без действа в поле плуг под тернами лежал,
И пастырь в темный лес от стада убежал.
Когда светило дня к полуночи взирало,
Стенящу, страждущу Россию обретало.
В ее объятиях рожденная Казань
Из томных рук ее брала позорну дань;
Сей град, российскими врагами соруженный,
На полночь гордою горою возвышенный,
Подняв главу свою, при двух реках стоит,
Отколе на брега шумящей Волги зрит.
Под тению лесов, меж пестрыми цветами
Поставлен Батыем ко северу вратами,
Чрез кои в сердце он России выбегал,
Селенья пустошил и грады пожигал.
С вершины видя гор убийства и пожары,
Где жили древние российские болгары,
Разженны верою к закону своему,
Казань, поверженна в магометанску тьму,
В слезах на синий дым, на заревы взирала
И руки чрез поля в Россию простирала;
Просила помощи и света от князей,
Когда злочестие простерло мраки в ней.
Подвигнуты к странам природным сожаленьем,
Народа своего бедами и томленьем,
На части полночь всю расторгшие князья
Смиряли наглых орд, во бранях кровь лия.

Но как российские Ираклы ни сражались,
Главы у гидры злой всечасно вновь рождались,
И, жалы отрастив в глухих местах свои,
Вползали паки в грудь России те змеи.
Драконова глава лежала сокрушенна,
Но древня злоба в нем была не потушенна;
Под пеплом крылся огнь и часто возгорал,
Во смутны россов дни он силы собирал;
Неукротимых орд воскресла власть попранна
Во время юности второго Иоанна.
Сей деда храброго венчанный славой внук
Едва не выпустил Казань из слабых рук;
Смутился дух его несчастливым походом,
Где он начальствовал в войне прошедшим годом,
Где сам Борей воздвиг противу россов брань,
Крилами мерзлыми от них закрыв Казань;
Он мрачной тучею и бурями увился,
Подобен грозному страшилищу явился,
В глухой степи ревел, в лесу дремучем выл,
Крутился между гор, он рвал, шумел, валил,
И, волжские струи на тучны двигнув бреги,
Подул из хладных уст морозы, вихрь и снеги;
Их пламенная кровь не стала россов греть,
Дабы в наставший год жарчее воскипеть.

В то время юный царь в столицу уклонился,
Где вместо гласа труб забавами пленился.
О ты, на небесах живущий в тишине!
Прости, великий царь, мою отважность мне,
Что утро дней твоих во тьме дерзну представить,
Пресветлый полдень твой громчае буду славить,
Велик, что бурю ты вкруг царства укротил,
Но больше, что страстям душевным воспретил.

Увидев, что Москва, оставив меч, уснула,
Трепещуща луна из облак проглянула;
Храняща ненависть недремлющи глаза
От Волги поднялась как страшная гроза;
Орда, нарушив мир, оковы разрывала
И, злобой движима, мутилась, бунтовала,
И стала воздымать главу и рамена,
Россию утеснить, как в прежни времена.
Сей страшный исполин в российски грады входит,

Убийства, грабежи, насильства производит;
Рукою меч несет, другой звучащу цепь,
Валятся стены вкруг, томится лес и степь.
Уже велением коварныя Сумбеки
В Казани полились российской крови реки;
И, пламенник нося, неукротимо зло
Посады в ярости московские пожгло;
В жилища христиан с кинжалом казнь вступила,
И кровь страдальческа на небо возопила;
Там плач, уныние, сиротствующих стон;
Но их отечество сей вопль вменяло в сон.

Алчба, прикованна корыстей к колеснице,
В российской сеяла страдание столице.
О благе собственном вельможи где рачат;
Там чувства жалости надолго замолчат.
Москва, разимая погибелию внешной,
От скорбей внутренних явилась безутешной.

Сокрылась истина на время от царя;
Лукавство, честь поправ, на собственность воззря,
В лице усердия в чертогах появилось,
Вошло, и день от дня сильняе становилось.

Там лесть представилась в притворной красоте,
Котора во своей природной наготе
Мрачна как ночь, робка, покорна, тороплива,
Пред сильными низка, пред низким горделива,
Лежащая у ног владетелей земных,
Дабы служити им ко преткновенью их.
Сия, природну желчь преобратив во сладость,
В забавы вовлекла неосторожну младость;
Вельможи, выгоде ревнующи своей,
Соединилися, к стыду державы, с ней;
И лесть надежные подпоры получила,
От царского лица невинность отлучила.
Гонима, истина, стрелами клеветы,
Что делала тогда? В пещеры скрылась ты!

Во смутны времена еще вельможи были,
Которы искренно отечество любили;
Соблазны счастия они пренебрегли,
При явной гибели не плакать не могли;

Священным двигнуты и долгом и законом,
Стенать и сетовать дерзали перед троном;
Пороков торжество, попранну правду зря,
От лести ограждать осмелились царя.
Вельможи в сединах монарха окружают,
Их слезы общую напасть изображают;
Потупленны главы, их взоры, их сердца,
Казалося, туман простерли вкруг венца;
На смутных их челах сияет добродетель,
В которых свой позор прочесть бы мог владетель.
Дух бодрости в тебе, вещают, воздремал!
Но царь, то зная сам, их плачу не внимал.

Уныл престольный град, Москва главу склонила,
Печаль ее лицо, как ночь, приосенила;
Вселилась в сердце грусть и жалоба в уста,
Тоскуют вкруг нее прекрасные места;
Унынье, растрепав власы, по граду ходит,
Потупив очи вниз, в отчаянье приводит,
Биет себя во грудь, реками слезы льет;
На стогнах торжества, в домах отрады нет;
В дубравах стон и плач, печаль в долинах злачных;
Во граде скопища, не слышно песней брачных;
Все в ризу облеклось тоски и сиротства,
Единый слышен вопль во храмах божества.
Грызомая внутри болезнью всеминутной,
Казалася Москва воде подобна мутной,
Которая, лишась движенья и прохлад,
Тускнеет, портится и зарождает яд.
Народ отчаянный, гонимый, утомленный,
Как будто в Этне огнь внезапно воспаленный,
Лесистые холмы, густые древеса
С поверхности горы бросает в небеса.

Народ возволновал!.. Тогда, при буйстве яром,
От искры наглый бунт великим стал пожаром;
По стогнам разлился, на торжищах горит,
И заревы Москва плачевных следствий зрит.
Противу злых вельмож мятежники восстали,
Которы строгости царевы подгнетали,
Которы душу в нем старались возмущать,
Дабы при буре сей Россию расхищать.
Два князя Глинские смятенья жертвой были,

Единого из них мятежники убили,
Другой пронырствами от них спастись умел
И новой бурею от трона восшумел.
Простерся мщенья мрак над светлым царским домом
Непримирима власть вооружилась громом,
Разила тех мужей, разила те места,
Где правда отверзать осмелилась уста;
Поборники забав награды получали,
А верные сыны, восплакав, замолчали.

Россия, прежнюю утратив красоту
И видя вкруг себя раздор и пустоту,
Везде уныние, болезнь в груди столицы,
Набегом дерзких орд отторженны границы,
Под сенью роскошей колеблющийся трон,
В чужом владении Двину, Днепр, Волгу, Дон,
И приближение встречая вечной ночи,—
Возносит к небесам заплаканные очи,
Возносит рамена к небесному отцу,
Колена преклонив, прибегла ко творцу;
Открыла грудь свою, грудь томну, изъязвленну,
Рукою показав Москву окровавленну,
Другою — вкруг нее слиянно море зла;
Взрыдала, и рещи ни слова не могла.

На радужных зарях превыше звезд седящий,
Во бурях слышимый, в перунах бог гремящий,
Пред коим солнечный подобен тени свет,
В ком движутся миры, кем всё в мирах живет,
Который с небеси на всех равно взирает,
Прощает, милует, покоит и карает,
Царь пламени и вод,— познал России глас;
И, славы чад своих последний видя час,
Дни горести ее в единый миг исчислил;
Он руку помощи простерти к ней помыслил.
Светлее стали вдруг над нею небеса,
Живительная к ней пустилася роса,
Ее печальну грудь и взоры окропила,
Мгновенно томную Россию подкрепила;
Одела полночь вкруг румяная заря,
На землю ангели, в кристальну дверь смотря,
Составили на лир небесну гармони́ю
И пели благодать, венчающу Россию.

Тогда единому из праведных мужей,
Живущих в лепоте божественных лучей,
Господнему лицу во славе предстоящих
И в лике ангелов хвалу его гласящих,
Всевышний рек: «Гряди к потомку твоему,
Дай видеть свет во тьме, подай совет ему;
В лице отечества явился Иоанну,
Да узрит он в тебе Россию всю попранну!..»

Скорей, чем солнца луч, текущего в эфир,
Летящий средь миров, как веющий зефир,
Небесный муж в страну полночную нисходит,
Блистательну черту по воздуху проводит;
Закрытый облаком, вступает в царский дом,
Где смутным Иоанн лежал объятый сном;
С пришествием его чертоги озарились,
Весь град затрепетал, пороки в мрак сокрылись.
Является царю сия святая тень
Во образе таком, в каком была в тот день,
В который, в мире сем оставив зрак телесный,
Взлетела, восстенав, во светлый дом небесный;
Потупленна глава, лежаща на плечах,
Печальное лицо, померклый свет в очах,
Мечом пронзенна грудь, с одежды кровь текуща,—
Трепещущая тень, с молчанием грядуща,
И спящего царя во ужас привела,
Приблизилась к нему и так ему рекла:

«Ты спишь, беспечный царь, покоем услажденный,
Весельем упоен, к победам в свет рожденный;
Венец, отечество, законы позабыл,
Возненавидел труд, забавы возлюбил;
На лоне праздности лежит твоя корона,
Не видно верных слуг; ликует лесть у трона.
Ты зришься тигром быть, лежащим на цветах;
А мы, живущие в превыспренних местах,
Мы в общей гибели участие приемлем,
Рабов твоих слова в селеньях горних внемлем.
«Ты властен всё творить», — тебе вещает лесть;
«Ты раб отечества»,— вещают долг и честь;
Но гласа истины ты в гордости не внемлешь,
Ты гонишь искренность, безбожну ложь объемлешь.
Мы, князи сей страны и прадеды твои,

Мы плачем, взор склонив в обители сии,
Для вечных радостей на небо восхищенны,
Тобой и в райских мы селеньях возмущенны;
О россах стонем мы, мы стонем о тебе;
Опомнись! нашу скорбь представь, представь себе;
О царстве, о себе, о славе ты помысли,
И избиенных нас злодеями исчисли».

Отверзлось небо вдруг вздремавшего очам,
И видит Иоанн печальных предков там,
Которы кровию своею увенчались,
Но в прежнем образе очам его являлись:
Батыев меч во грудь Олегову вонзен;
Георгий, брат его, лежит окровавлен;
Несчастный Феогност оковы тяжки носит,
Отмщения ордам за смерть и раны просит;
Склонив главы свои, стонают князи те,
Которы мучимы в их были животе.
Там видится закон, попранный, униженный,
Лиющий токи слез и мраком окруженный;
Погасшим кажется князей российских род;
Вельможи плачущи, в унынии народ;
Там лица бледные в крови изображенны,
Которы в жизни их ордами пораженны;
Он видит сродников и предков зрит своих,
Их муки, их тоску, глубоки раны их.

И тень рекла ему: «Отшед в мученье многом,
Роптая на тебя, сии стоят пред богом;
Последний убиен злодейскою рукой
Твой предок Александр, я, бывший князь Тверской,
Пришел с верхов небес от сна тебя восставить,
Твой разум просветить, отечество избавить;
Зри язвы ты мои, в очах тоску и мрак,
Се точный при тебе страны российской зрак!
Зри члены ты мои, кровавы, сокрушенны,
И селы вобрази и грады разрушенны;
Днесь тот же самый меч, которым я ражен
И тою же рукой России в грудь вонзен,
Лиется кровь ее!.. Омытый кровью сею,
Забыл, что бога ты имеешь судиею;
Вопль каждого раба, страдание и стон,
Взлетев на небеса, текут пред божий трон;

Ты подданным за зло ответствовать не чаешь,
Но господу за их печали отвечаешь.
Вздремавшую в тебе премудрость воскреси,
Отечество, народ, себя от зла спаси;
Будь пастырь, будь герой, тебя твой бог возлюбит;
Потомство поздное хвалы тебе вострубит.
Не мешкай! возгреми! рази! так бог велел...»

Вещал, и далее вещати не хотел.
Чертог небесными лучами озарился,
Во славе Александр в дом божий водворился.
Смущенный Иоанн не зрит его во мгле;
Страх в сердце ощутил, печали на челе;
Мечта сокрылася, виденье отлетело,
Но в царску мысль свой лик глубоко впечатлело
И сна приятного царю не отдает;
С печального одра он смутен восстает,
Кидает грозные ко предстоящим очи.
Как странник во степи среди глубокой ночи,
Послыша вкруг себя шипение змиев,
К убежищу нигде надежды не имев,
Не знает, где ступить и где искать спасенья,
При каждом шаге он боится угрызенья,—
Таков был Иоанн, напомнив страшный сон;
Казалось, мерзку лесть познал внезапно он,
Страшится он льстецов, им вериться не смеет.
Несчастен царь, когда он друга не имеет;
Но в действо тайное хотенье произвесть,
Велел в чертог к себе Адашева привесть.

Сей муж, разумный муж, в его цветущи лета,
Казался при дворе как некая планета,
Вступающа в свой путь от незнакомых мест
И редко зримая среди горящих звезд.
Придворные его с досадой угнетали,
Но внутренно его сердцами почитали.
Ада́шев счастия обманы презирал,
Мирские пышности ногами попирал;
Лукавству был врагом, ласкательством гнушался;
Величеством души, не саном украшался;
Превыше был страстей и честностию полн.
Как камень посреди кипящих бурных волн,
Борея не боясь, стоит неколебимо,

И волны, о него бияся, идут мимо,—
Адашев тако тверд среди развратов был,
От мира удален, отечество любил;
Спокойно в дом вступил, где грозный жил владетель.
Страшится ли чего прямая добродетель!
Хранящца лесть еще под стражей царский двор,
Увидя правду в нем, потупила свой взор;
Отчаянна, бледна и завистью грызома,
Испытывает всё, ждет солнца, туч и грома.
Предстал почтенный муж, и честность купно с ним;
Так в мраке иногда бывает ангел зрим!
В объятиях своих Адашева имея,
Со подданным монарх беседует, краснея:
«Тебе,— в слезах он рек,— я сердце отворю;
Ты честен, можешь ли не быти друг царю?
Каков в пустыне был, будь верен перед троном».

Тогда, о страшном сне поведав с горьким стоном,
«Мой бог меня смирил,— он с важным видом рек,—
Я в нынешней ночи стал новый человек;
Стыжусь, что я благих советов уклонился...»
Восплакал Иоанн и праведным явился.
Как матерь верный сын отечество любя,
Адашев чаял зреть на небесах себя;
На лесть взирающий, вкруг трона соплетенну,
Оплакивал сей муж Россию угнетенну;
В восторге рек царю: «Благословенный сон!
Верь, верь мне, государь, что богом послан он;
Внемли отечества, внемли невинных стону,
На сердце ты носи, не на главе корону.
Что пользы подданным, что есть у них цари,
Коль страждет весь народ, попранны алтари,
Злодейство бодрствует, а правда угнетенна;
Не царь порфирою, порфира им почтенна!
Довольно презирал ты сам себя и нас;
Настал теперь твоей и нашей славы час!»

Глаголам истины внимающий владетель
Увидел с небеси сходящу добродетель:
Как ангел, явльшийся Израилю в ночи,
Имела вкруг главы блистательны лучи;
«Се верный друг тебе!» — монарху говорила,
И лик Адашева сияньем озарила.

Увидел царь ее в его челе черты
И так воззвал к нему: «Будь мой сотрудник ты;
Мне нужен разум твой, совет, твоя услуга.
Всех паче благ царю искати должно друга.
Вещай мне истину, ее нам грозен вид,
Но вид сей от корон и тронов гонит стыд;
Гони сей стыд, гони и строгим мне советом
Яви стези идти премудрости за светом!»

Адашев, чувствуя, коль хитро может лесть
От истины отвлечь, царя в обман привесть,
Вещал: «От наших душ соблазны да отгоним,
Себя от здешних стен и праздности уклоним;
Небесной мудрости приобрести руно
Уединение научит нас одно;
Премудрость гордости и лести убегает,
Мирскую суету она пренебрегает,
Среди развратностей гражданских не живет,
В пещерах и лесах ее находит свет;
Где нет тщеславия, ни льсти, ни дум смущенных,
Пойдем ее искать в обителях священных,
Откоде чистый дух взлетает к небесам;
О царь мой! избери сию обитель сам;
Россия сил еще последних не лишенна,
Любовь к отечеству не вовсе потушенна;
Вели собрать совет, на истину воззри
И нечестивости советы разори:
Увидишь славу ты парящу пред собою;
Мы ради кровь пролить, теперь готовы к бою.
Господь, Россия вся и весь пространный свет
Ко славе, царь, тебя от праздности зовет!»

Есть место на земном лице сооруженно,
Сподвижником святых отшельцев освященно;
Угодники, оттоль восшед на небеса,
Оставили свои нетленны телеса,
Которые, прияв усердное моленье,
Даруют мир, покой, скорбящим исцеленье.
Угодник Сергий ту обитель основал,
Он в малой хижине великий труд скрывал;
Небесным житием сии места прославил
И богу там алтарь триличному поставил;
Увидя стены вкруг и храмов красоту,
Возможно городом почесть пустыню ту;

В обитель божию сокровища внесенны
Являют души к ней усердием возженны;
Там холм потоком вод целебных напоен,
Который Сергием из камня источен;
Развесисты древа пригорок осеняют [1]
И храмов на главы вершины преклоняют.
То зданье к святости затем приобщено,
Что славы древних лет хранит залог оно:
Герои кистью тут живой изображенны,
Которыми враги России низложенны;
Там виден Святослав, седящий на земли,
Ядущий хлеб сухой и в поте, и в пыли;
Он зрится будто бы простой меж ратных воин,
Но древним предпочтен Атридам быть достоин.
Владимир меч и пальм носящ изображен,
Стоит, трофеями и светом окружен;
У ног его лежит поверженна химера;
Со славой съединясь, его венчает вера.
Там лавры Ярослав имеет на главе;
Донской блистает здесь; там Невский на Неве;
Там лик великого представлен Иоанна,
Цесарской первого короною венчанна;
Победы, торжества, блистания венца
К делам великим огнь внушают во сердца;
Для сих причин в сей храм, ко славе предызбранна,
Адашев убедил склониться Иоанна.

Еще не скрылося в волнах светило дни,
Достигли мирного убежища они.
Сопутницей своей имея добродетель,
Как будто видел рай в обители владетель:
Во славе зрится бог, присутствующий там!
С священным ужасом вступил в господний храм;
Он ведал, что душа, на небо вознесенна,
От тела своего врачебна и нетленна,
Творила многие и ныне чудеса,
И то сказать могла, что кроют небеса;
Приходит к Сергию, мольбы ему приносит,
Всевышней помощи против Казани просит,
Вещая: «Муж святый! ты Дмитрию помог
Татарския луны сломить кичливый рог,

[1] Ныне сие место большою Живоначальныя троицы церковию застроено.

И мне ты помоги, дерзнув против Казани,
Россию оправдать во предлежащей брани;
Мое отечество, о Сергий! и твое...
Возносит пред тебя моление сие!»
Молитва в воздухе как дым не исчезает,
Но будто молния небесный свод пронзает,
На радужных она возносится крылах:
Молитву искренну читает бог в сердцах;
Она небесный свод и звезды сквозь преходит,
В умильность ангелов, геенну в страх приводит.
Мольбы его как гром пред богом раздались,
Проснулася Москва, ордынцы потряслись!

В сию достойную внимания годину
Измеривал творец двух царств земных судьбину:
Российский до небес возвысился венец,
Ордынской гордости означился конец;
Но победительным народам и державе
Препятства предлежать в гремящей будут славе.
Рассеется орда, угаснет их престол,
Но россам наперед устроит много зол.

Тогда господнее изрек определенье
Орган небесных тайн в священном исступленье,
Трепещущ, духом полн, служащий алтарю,
Душ пастырь возвестил пророчества царю:
«О царь! сплетаются тебе венцы лавровы,
Я вижу новый трон, короны вижу новы!
Но царства покорить и славу обрести,
Ты должен многие страданья пренести.
Гряди, и буди тверд!..» Слова произнеслися
И гласом песненным по сводам раздалися.
В душе монарх тогда спокойство ощутил
И паки шествие ко граду обратил.
Адашев к славе огнь в царе усугубляет,
Написанных князей в предсении являет.
«Се Рюрик, предок твой,— вещает он царю,—
Троянску отрасль в нем и Августову зрю;
Он, силы подкрепив колеблемой державы,
Потомкам начертал бессмертный образ славы.
Се Ольга мудрая, казняща Искорест,
Лучи вокруг главы, в руках имеет крест;
Коль свято царствует полночною страною!

Жена прославилась правленьем и войною!
Се праотцы твои! Взгляни на них, взгляни:
Ты видишь славу их! колена преклони.
Здесь кисть учение твое изобразует...»
И деда царского Адашев указует,
Который внутрь и вне спокоил царств раздор;
Но, кажется, к царю суровый мечет взор
И внука праздностью на троне укоряет.

Краснея, Иоанн на лик его взирает,
Ток слезный от стыда из глаз его течет,
«Начнем, начнем войну!» — Адашеву речет.
И се парящая в кругах эфирных слава
Гласит: «Готовься цвесть, Российская держава!»
Благочестивый дух царя в Казань ведет;
Престольный град его с гремящим плеском ждет,
Всевышний на него склонил свою зеницу,
И царь торжественно вступил в свою столицу;
Окрестности ее внезапно процвели,
Во сретенье ему, казалось, рощи шли;
Суровостью времен веселость умерщвленна
В долинах и лесах явилась оживленна;
Как будто бы струи прешедый чермных вод,
Ликует на холмах толпящийся народ;
Подъемлет высоко Москва верхи златые,
И храмы пением наполнились святые;
Любовью видит царь возженные сердца,
Зрит в подданных детей, они в царе — отца;
На лицах радости, в очах увеселенье,
И духом сладкое вкушает умиленье.

Коль царь всевышню власть нечестием гневит,
Натура вся тогда приемлет смутный вид;
Но если под венцом сияет добродетель,
Ликует весь народ, натура и владетель.
Казалось, Иоанн вновь царство приобрел;
Избранной думе быть в чертоги повелел; [1]
Доныне стольный град стенящий, утружденный
Явился, будто бы осады свобожденный.

1779

---

[1] Избранная дума именовалась в то время вышнее правительство, что ныне Сенат.

О СИЛЕ РАЗУМА

Когда Всесильно Слово
Вселенну основало
И перст творца уставил
Порядок всей Природы,
Тогда земные доли
Приняли вид и тело
И все одушевились
Единым дохновеньем.
Там холм восколебался
И целой вышиною
В слона преобращался.
Прорвав земные недры,
Свирепый лев выходит;
Его ужасным ревом
Леса вострепетали.
Тогда левиафаны
В морских волнах взыграли,
И тяжестию тела
Струи обременили.
Пречудны риноцеры
Из крепких камней вышли.
Мгновенное рожденье
Оставить не успело
Из прежнего сложенья,
Кремнистой чешуею
Еще они покрыты.
Тогда взвилися птицы
На воздухе крылами;
Все твари получили
Различны дарованьи.
Кто скорыми ногами,
Кто острыми рогами,
Кто мягкою волною
Природой награждены.
Уже леса и горы
Животных стали полны;
В воде взыграли рыбы,
Под облаками птицы

И по лесам запели;
И каждое вещало
Природы новы мысли.
Потом из недров бренных
И человек выходит,
Наг, слаб и безоружен.
Студеный ветер гонит
Его в леса, в пещеры;
Но тамо дики звери
Бессильного стращают;
Ни сил, ни обороны,
Ни легких крыл к полету,
Ни твердости к сраженью,
Руна к согренью тела
Сей смертный не имеет.
Натура, видя бедность
Такой несчастной твари,
Дабы вещей порядок
На нем не прерывался,
За многи дарованьи,
Которы истощила
На множество животных.
Ему для обороны
Дала единый разум.
Тотчас свирепость львова
И дикость алчна зверя
Им стали укрощенны.
Он сильных повергает
И лютых укрощает,
И все земные твари
Ему покорны стали.
Но то не насытило
Властолюбивый разум;
Он жителей воздушных
Подверг своим законам,
И прихотям, и власти.
В глубину морскую
Он руку простирает
И тварей собирает,
Да власть его познают.
Все твари встрепетали
Непостижимой силы;
Кто бегал рог ягненка,

Тот ныне челюсть львову
Иль тигрову терзает,
Слона одолевает,
И пищу и одежду
С животных собирает.
О разум, сильный разум!
Царем ты человека
Над тварью мог поставить;
Его ты укрепляешь,
Его вооружаешь,
Его ты согреваешь;
Игралищем Натуры,
Он силы чужд родился,
Колико нам ты нужен,
Из наших бедствий видно.

1762

СТАНСЫ

* * *

Только явятся
Солнца красы,
Всем одеваться
Прúдут часы.

Боже мой, боже!
Всякий день то же.

К должности водит
Всякого честь;
Полдень приходит —
Надобно есть.

Боже мой, боже!
Всякий день то же.

Там разговоры
Нас веселят;
Вести и ссоры
Время делят.

Боже мой, боже!
Всякий день то же.

Ложь и обманы
Сеет злодей;
Рвут, как тираны,
Люди людей.

Боже мой, боже!
Всякий день то же.

Строги уставы
Мучат нас век:
Денег и славы
Ждет человек.

Боже мой, боже!
Всякий день то же.

Тот богатится,
Наг тот бредет;
Тот веселится,
Слезы тот льет.

Боже мой, боже!
Всякий день то же.

Счастье находим,
Счастье губи́м.
Чем жизнь проводим?
Ходим да спим.

Боже мой, боже!
Всякий день то же.

Время, о! время,
Что ты? Мечта.
Век наш есть бремя,
Всё суета.

Боже мой, боже!
Всякий день то же.

Сколько ни видим
В мире сует,
Не ненавидим —
Любим мы свет.

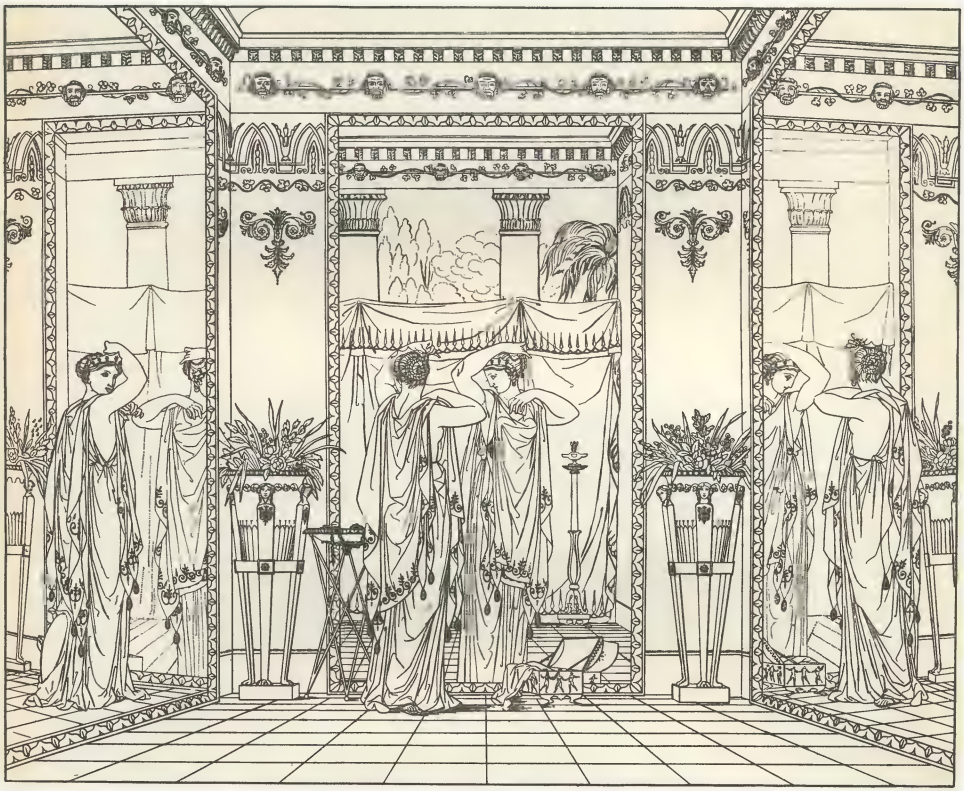
Боже, о! боже,
Любим и то же.

1761

ОДЫ НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ

ЗНАТНАЯ ПОРОДА

Не славь высокую породу,
Коль нет рассудка, ни наук;
Какая польза в том народу,
Что ты мужей великих внук?
От Рюрика и Ярослава
Ты можешь род свой произвесть;
Однако то чужая слава,
Чужие имена и честь.
Их прах теперь в земной утробе,
Бесчувствен тамо прах лежит,
И слава их при темном гробе,
Их слава дремлюща сидит.
Раскличь, раскличь вздремавшу славу,
Свои достоинства трубя;
Когда же то невместно нраву,
Так все равно, что нет тебя.
Коль с ними ты себя равняешь
Невежества в своей ночи,
Ты их сиянье заслоняешь,
Как облак солнечны лучи.
Не титла славу нам сплетают,
Не предков наших имена —
Одни достоинства венчают,
И честь венчает нас одна.
Безумный с мудрым не равняйся
И славных предков позабудь;
Коль разум есть, не величайся,



Душенька перед зеркалом.
Гравюра Ф. Толстого.
1821 г.

Государственный музей изобразительных искусств
имени А. С. Пушкина.

Заслугой им подобен будь.
Среди огня, в часы кровавы,
Скажи мне: «Так служил мой дед;
Не собственной искал он славы,
Искал отечеству побед».
Будь мужествен ты в ратном поле,
В дни мирны добрый гражданин;
Не чином украшайся боле,
Собою украшай свой чин.
В суде разумным будь судьею,
Храни во нравах простоту,—
Пленюся славою твоею
И знатным я тебя почту.

1769

БАСНИ

ФОНТАННА И РЕЧКА

В средине цветника Фонтанна кверху била
И громко о своих достоинствах трубила,
А близ ее текла
Река по камышкам, прозрачнее стекла.
Фонтанна гордая, шумя под облаками,
Сказала так Реке:
«Куда придвинулась ты, лужица, боками?
Не лучше ли б ползла, бедняжка, вдалеке
И поле дикое в своем теченьи мыла?
Пожалуй-ка, построй себе подале дом,
Ты видишь, какова моя велика сила:
Я там всходя реву, где молния и гром;
А ты, в моем соседстве,
О подлости своей не мыслишь, ни о бедстве».
Такою гордостью Река огорчена,
Фонтанне говорит: «Я ввек не уповала,
Чтобы, в железные трубы́ заключена,
Бедняжкой ты меня и подлой называла.
Причина храбрости твоей и высоты,
Что вся по самые уста в неволе ты;
А я, последуя в течении природе,
Не знаю пышности, но я теку в свободе».

На подлинник я сей пример оборочу:
Представя тихие с шумящими водами,
Сравнять хочу граждан с большими господами,
И ясно докажу... однако не хочу.

1764

ПОВЕСТЬ В СТИХАХ

ДУШЕНЬКА

Древняя повесть в вольных стихах

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ СОЧИНИТЕЛЯ

Собственная забава в праздные часы была единственным моим побуждением, когда я начал писать «Душеньку»; а потом общее единоземцев благосклонное о вкусе забав моих мнение заставило меня отдать сочинение сие в печать, сколь можно исправленное. Потом имел я время исправить его еще более, будучи побужден к тому печатными и письменными похвалами, какие сочинению моему сделаны. Приемля их с должною благодарностию, не питаюсь самолюбием столь много, чтоб не мог восчувствовать моего недостаточества при выражениях одного неизвестного, которому в вежливых стихах его угодно было сочинение, «Душеньку», назвать творением самой Душеньки. Предки мои, служив верою и правдою государю и отечеству, с простым в дворянстве добрым именем, не оставили мне примера вознести себя выше обыкновенной тленности человеческой. Я же, не будучи из числа учрежденных писателей, чувствую, сколько обязан многих людей благодушию, которым они заменяют могущие встретиться в сочинениях моих погрешности.

СТИХИ НА ДОБРОДЕТЕЛЬ ХЛОИ

Красота и добродетель
Из веков имели спор;
Свет нередко был свидетель
Их соперничеств и ссор.

Хлоя! ты в себе являешь
Новый двух вещей союз:
Не манишь, не уловляешь
В плен твоих приятных уз;
Кто же хочет быть свидетель
Покорения сердец,
Хлоиных красот видец
Сам узнает наконец,
Сколь любезна добродетель!

КНИГА ПЕРВАЯ

Не Ахиллесов гнев и не осаду Трои,
Где в шуме вечных ссор кончали дни герои,
Но Душеньку пою.
Тебя, о Душенька! на помощь призываю
Украсить песнь мою,
Котору в простоте и вольности слагаю.
Не лиры громкий звук — услышишь ты свирель.
Сойди ко мне, сойди от мест, тебе приятных,
Вдохни в меня твой жар и разум мой осмель
Коснуться счастия селений благодатных,
Где вечно ты без бед проводишь сладки дни,
Где царствуют без скук веселости одни.
У хладных берегов обильной льдом Славены,
Где Феб туманится и кроется от глаз,
Яви потоки мне чудесной Иппокрены.
Покрытый снежными буграми здесь Парнас
От взора твоего растаявал не раз.
С тобою нежные присутствуют зефиры,
Бегут от мест, где ты, докучные сатиры,
Хулы и критики, и грусти и беды;
Забавы без тебя приносят лишь труды:
Веселья морщатся, амуры плачут сиры.

О ты, певец богов,
Гомер, отец стихов,
Двойчатых, равных, стройных
И к пению пристойных!
Прости вину мою,
Когда я формой строк себя не беспокою
И мерных песней здесь порядочно не строю.
Черты, без равных стоп, по вольному покрою,
На разный образец крою,

И малой меры и большия,
И часто рифмы холостые,
Без сочетания законного в стихах,
Свободно ставлю на концах.
А если от того устану,
Беструдно и отважно стану,
Забыв чернил и перьев страх,
Забыв сатир и критик грозу,
Писать без рифм иль просто в прозу.
Любя свободу я мою,
Не для похвал себе пою;
Но чтоб в часы прохлад, веселья и покоя
Приятно рассмеялась Хлоя.

Издревле Апулей, потом де ла Фонтен,
На вечну память их имен,
Воспели Душеньку и в прозе и стихами,
Другим языком с нами.
В сей повести они
Острейших разумов приятности явили;
Пером их, кажется, что грации водили,
Иль сами грации писали то одни.
Но если подражать их слогу невозможно,
Потщусь за ними вслед, хотя в чертах простых,
Тому подобну тень представить осторожно
И в повесть иногда вместить забавный стих.

В старинной Греции, в Юпитерово время,
Когда размножилось властительное племя,
Как в каждом городке бывал особый царь,
И, если пожелал, был бог, имел олтарь.
Меж многими царями
Один отличен был
Числом военных сил,
Умом, лицом, кудрями,
Избытком животов,
И хлеба, и скотов.
Бывали там соседи
И злы и алчны так, как волки иль медведи:
Известен Ликаон,
Которого писал историю Назон;
Известно, где и как на самом деле он
За хищные дела и за кривые толки

Из греческих царей разжалован был в волки.
Но тот, о ком хочу рассказывать теперь,
Ни образом своим, ни нравом не был зверь:
Он свету был полезен
И был богам любезен;
Достойно награждал,
Достойно осуждал;
И если находил в подсудных зверски души,
Таким ослиные приклеивал он уши,
Иным сурову щеть, с когтями в прибыль ног,
Иным ревучий зев, другим по паре рог.
От едкой древности, котора быль глотает,
Архива многих дел давно истреблена;
Но образ прав его сохранно почитает
И самый поздний свет, по наши времена.
Завистным он велел, как вестно, в том труждаться,
Чтоб счастие других
Скучало взорам их
И не могли б они покоем наслаждаться.
Скупым определил у золота сидеть,
На золото глядеть
И золотом прельщаться;
Но им не насыщаться.
Спесивым предписал с людьми не сообщаться,
И их потомкам в казнь давалась та же спесь,
Какая видима осталась и поднесь.
Велел, чтоб мир ни в чем не верил
Тому, кто льстил и лицемерил.
Клеветникам в удел
И доносителям неправды государю
Везде носить велел
Противнейшую харю,
Какая изъявлять клевещущих могла.
Такая видима была
Не в давнем времени, в Москве на маскараде,
Когда на масленой, в торжественном параде,
Народ осмеивал позорные дела.
И словом,
В своем уставе новом
Велел, чтоб обще все злонравны чудаки
С приличной надписью носили колпаки,
По коим их тогда скорее узнавали
И прочь от них бежали.

По доброму суду, устав сей был не строг
И нравился народу,
Который в дело чтить не мог
Старинную дурную моду,
Когда людей бросали в воду,
Как будто рыбий род,
По нескольку на всякий год.
Овидий, лживых лет потомственный писатель,
Который истину нередко обнажал,
Овидий, в самой лжи правдивых муз приятель,
Подробно описал,
У греков как дотоль бывали казни часты.
Преобращенные тогда в быков Церасты,
Цекропов целый род, за злобу и обман,
Во стадо обезьян,
Льстецы, за низость душ, в лягушки,
Непостоянные — в вертушки,
Болтливые — в сорок,
Жестокосердые — во мраморный кусок,
Тантал, Сизиф и Иксиона,
За алчну злобу их,
На вечной ссылке у Плутона,
И множество других
Почли бы все себе за милость и за ласки,
Когда бы только царь,
Дурную в свете тварь
Рядя в дурные маски,
Наказывал стыдом.
Такая нова власть, без дальней людям казни,
Держала всех в боязни;
И добрый царь притом
Друзей из доброй воли
Откушать хлеба-соли
Зывал в свой царский дом.

О, если б ты, Гомер, проснулся!
Храня твоих героев честь,
Которы, забывая месть,
Любили часто пить и есть,
Ты б, слыша стих мой, ужаснулся,
Что, слабый будучи певец,
Тебе дерзнул я наконец
Подобиться, стихов отец!

Возможно ль изъявить достойно
Великолепие пиров
У царских греческих дворов,
О коих ты писал толь стройно?
Я только лишь могу сказать,
Что царь любил себя казать,
Иных хвалить, иных тазать,
Поесть, попить и после спать.
А за такое хлебосольство,
И более за добрый нрав,
От всех соседственных держав
Явилося к нему посольство.
Особо же он был отличен из царей
За то, что трех имел прекрасных дочерей.
Но солнце в красоте своей,
Когда вселенну освещает,
Луну и звезды помрачает,—
Подобно так была меньшая всех видней,
И старших сестр своих достоинства мрачила,
И розы красоту, и белизну лилей,
И, словом, ничего в подобном виде ей
Природа никогда на свете не явила.

Искать приличных слов
К тому, что в множестве веков
Блистало толь отменно,
Напрасно было бы, и было б дерзновенно.
Короче я скажу: меньшая царска дочь,
От коей многие вздыхали день и ночь,
У греков потому Психея называлась,
В языках же других, при переводе слов,
Звалась она Душа, по толку мудрецов,
А после в повестях старинных знатоков
У русских Душенька она именовалась;
И пишут, что тогда
Изыскано не без труда
К ее названию приличнейшее слово,
Какое было ново.
Во славу Душеньке у нас от тех времен
Поставлено оно народом в лексиконе
Между приятнейших имен,
И утвердила то любовь в своем законе.

Но часто похвалы
Бывают меж людей опаснее хулы.
Презорна спесь не любит,
Когда повсюду трубит
Прямую правду вслух
Болтливая богиня Слава.
Чужая честь, чужие права
Завистливых терзают дух.
Такая, Душенька, была твоя прослуга,
Как весь цитерский мир и вся его округа
Тебя особо обожали
И все к тебе бежали
Твое умножить торжество.
Соперницы своей не знала ты — печали!
Веселий, смехов, игр собор,
Оставив прелести Венеры,
Бежит толпою из Цитеры.
Богиня, обтекая двор,
Куда ни обращает взор,
Не зрит ни жертв, ни фимиамов;
Жрецы тогда стада пасли,
И множество цитерских храмов
Травой и лесом поросли.
Сады богини сиротели,
И дом являл опальный вид;
Зефиры изредка свистели:
Казалось ей, свистели в стыд.
Непостоянные амуры,
Из храма прелетая в храм,
К унылой пустоте натуры
Не возмогли привыкнуть там.
Оттуда все лететь хотели,
И все вспорхнули, возлетели
За Душенькою в новый путь,
Искать себе свободной неги,
Куда зефиры стали дуть,
Куда текли небесны беги.
Оставших малое число,
Кряхтя под игом колесницы
Скучающей своей царицы,
Везде уныние несло.
Не в долгом времени, по слухам самым верным,
Узнала наконец богиня красоты,

Со гневом пребезмерным,
Причину вкруг себя и скук и пустоты.
Хоть Душенька гневить не мыслила Венеру,
К достоинствам богинь имела должну веру,
И в поступи своей всегда хранила меру,
Но вскоре всем хулам подвержена была.
Притом злоре́чивые духи,
О ней худые сея слухи,
Кривой давали толк на все ее дела;
И кои милостей иль ждали, иль просили,
Во угождение богине доносили,
Что будто Душенька, в досаду ей и в зло,
Присвоила себе цитерских слуг число;
И что кому угодно
В то время мог солгать на Душеньку свободно.
Но чтобы делом месть
Над нею произвесть,
Собрав Венера ложь и всяку небылицу,
Велела наскоро в дорожну колесницу
Шестнадцать почтовых зефиров заложить,
И наскоро летит Амура навестить.
Читатель сам себе представит то удобно,
Просила ли его иль так, или подобно,
Пришед на Душеньку просить и доносить:

«Амур, Амур! вступись за честь мою и славу,
Яви свой суд, яви управу.
Ты знаешь Душеньку, иль мог о ней слыхать?
Простая смертная, ругаяся богами,
Не ставит ни во что твою бессмертну мать;
Уже и нашими слугами
Осмелилась повелевать
И в областях моих над мной торжествовать;
Могу ли я сносить и видеть равнодушно,
Что Душеньке одной везде и все послушно!
За ней гоняяся, от нас отходят прочь
Поклонники, друзья, амуры и зефиры,
И скоро Душеньке послушны будут миры.
Юпитер сам по ней вздыхает день и ночь,
И слышно, что берет себе ее в супруги,
Гречанку наглую, едва ли царску дочь,
Забыв Юнонины и верность и услуги!
Каков ты будешь бог и где твой будет трон,

Когда от них другой родится Купидон,
Который у тебя отымет лук и стрелы
И нагло покорит подвластны нам пределы?
Ты знаешь, сколь сыны Юпитеровы смелы:
По воле ходят в небеса
И всякие творят на свете чудеса.
И можно ли терпеть, что Душенька собою,
Без помощи твоей, во всех вселяет страсть,
Какую возжигать один имел ты власть?
Она давно уже смеется над тобою
И ставит в торжество себе мою напасть.
За честь свою, за честь Венеры
Яви ты строгости примеры;
Соделай Душеньку постылою навек,
И столь худою,
И столь дурною,
Чтоб каждый от нее чуждался человек;
Иль дай ты ей в мужья, кто б всех сыскался хуже,
Чтобы нашла она себе тирана в муже
И мучила б себя,
Жестокого любя;
Чтоб тем краса ее увяла,
И чтобы я покойна стала».

Амур желал тогда пресечь
Сию просительную речь.
Хотя богинь он ведал свойство
Всегда соперниц клеветать,
Но должен был привесть в спокойство
Свою прогневанную мать
И ей впоследок обещать
За дерзость Душеньку порядком постращать.
Услышав те слова, амуры ужаснулись,
Весельи ахнули и смехи содрогнулись.
Одна Венера лишь довольна тем была,
Что гнев на Душеньку неправдой навлекла;
С улыбкою на всех кидая взор приятно,
Сама рядила путь во остров свой обратно,
И для отличности такого торжества
Явила тут себя во славе божества.
Отставлена была воздушна колесница,
Которую везла крылатая станица,
С прохладным роздыхом, порожжую назад.

Богиня, учредив старинный свой парад
И в раковину сев, как пишут на картинах,
Пустилась по водам на двух больших дельфинах.
Амур, простря свой властный взор,
Подвигнул весь Нептунов двор.
Узря Венеру, резвы волны
Текут за ней, весельем полны.
Тритонов водяной народ
Выходит к ней из бездны вод;
Иной вокруг ее ныряет
И дерзки волны усмиряет;
Другой, крутясь во глубине,
Сбирает жемчуги на дне
И все сокровища из моря
Тащит повергнуть ей к стопам.
Иной, с чудовищами споря,
Претит касаться сим местам;
Другой, на козлы сев проворно,
Со встречными бранится вздорно,
Раздаться в стороны велит,
Вожжами гордо шевелит,
От камней дале путь свой правит
И дерзостных чудовищ давит.
Иной, с трезубчатым жезлом,
Наките впереди верхом,
Гоня далече всех с дороги,
Вокруг кидает взоры строги
И, чтобы всяк то ведать мог,
В коралльный громко трубит рог;
Другой, из краев самых дальных,
Успев приплыть к богине сей,
Несет отломок гор хрустальных
Наместо зеркала пред ней.
Сей вид приятность обновляет
И радость на ее челе.
«О, если б вид сей,— он вещает,—
Остался вечно в хрустале!»
Но тщетно то Тритон желает:
Исчезнет сей призрак, как сон,
Останется один лишь камень,
А в сердце лишь несчастный пламень,
Которым втуне тлеет он.
Иной, пристав к богине в свиту,

От солнца ставит ей защиту
И прохлаждает жаркий луч,
Пуская кверху водный ключ.
Сирены, сладкие певицы,
Меж тем поют стихи ей в честь,
Мешают с быльми небылицы,
Ее стараясь превознесть.
Иные перед нею пляшут,
Другие во услугах тут,
Предупреждая всякий труд,
Богиню опахалом машут;
Другие ж, на струях несясь,
Пышат в трудах по почте скорой
И от лугов, любимых Флорой,
Подносят ей цветочну вязь.
Сама Фетида их послала
Для малых и больших услуг,
И только для себя желала,
Чтоб дома был ее супруг.
В благоприятнейшей погоде
Не смеют бури там пристать,
Одни зефиры лишь в свободе
Венеру смеют лобызать.
Чудесным действием в то время,
Как в веяньи пшенично семя,
Летят обратно беглецы,
Зефиры, древни наглецы;
Иной власы ее взвевает,
Меж тем, открыв прелестну грудь,
Перестает на время дуть,
Власы с досадой опускает
И, с ними спутавшись, летит.
Другой, неведомым языком,
Со вздохами и нежным криком
Любовь ей на ухо свистит.
Иной, пытаясь без надежды
Сорвать покров других красот,
В сэрдцах вертит ее одежды,
И падает без сил средь вод.
Другой в уста и в очи дует
И их украдкою целует.
Гонясь за нею, волны там
Толкают в ревности друг друга,

Чтоб, вырвавшись скорей из круга,
Смиренно пасть к ее ногам;
И все в усердии Венеру
Желают провожать в Цитеру.
Не в долгом времени пришла к богине весть,
Которую Зефир спешил скорей принесть,
Что бедство Душеньки преходит всяку веру,
Что Душенька уже оставлена от всех
И что вздыхатели, как будто ей в посмех,
От всякой встречи с ней повсюду удалялись,
Или к отцу ее во двор хотя являлись,
Однако в Душеньку уж боле не влюблялись
И к ней не подходили вблизь,
А только издали ей низко поклонялись.
Такой чудес престранный род
Смутил во Греции народ.
Бывали там потопы, моры,
Пожары, хлеба недород,
Войны и внутренни раздоры,
Но случай сей для всех был нов.
Сказатели различных снов
И вопрошатели богов
О том имели разны споры.
Иной предвидел добрый знак,
Другой сулил напасти скоры.
Иной, напутав много врак,
Не сказывал ни так, ни сяк;
Но все согласно утверждали,
Что чуд подобных не видали
Во Греции с начала век.
Простой народ тогда в печали
К Венере вопиять притек:
«За что судьбы к народу гневны?
За что вздыхатели бежали от царевны?» —
Известно, что ее отменная краса
Противные тому являла чудеса.
Венера наконец решила всех судьбину:
Явила Греции сокрытую причину,
За что царева дочь теряет прежню честь,
За что против себя воздвигла вышню месть,
И с видом грозным и суровым
Царевым сродникам велела быть готовым
Еще к несчастьям новым,

Предвозвещая им на будущие дни
Беды и страшны муки,
Пока ее они
Не приведут к ней в руки.

Но царь и вся родня
Любили Душеньку без меры,
Без ней приятного не проводили дня, —
Могли ль предать ее на мщение Венеры?
И все в единый глас
Богине на отказ
Возопияли смело,
Что то несбыточное дело.
Иные подняли на смех ее олтарь,
Другие стали горько плакать;
Другие ж, не дослушав, такать,
Когда лишь слово скажет царь.
Иные Душеньке в утеху говорили,
Что толь особая вина
Для ней похвальна и славна,
Когда, во стыд богинь, ее боготворили;
И что Венеры к ней и ненависть и месть
Ее умножат честь.
Царевне ж те слова хотя и лестны были,
Но были бы милей,
Когда бы их сказал какой любовник ей.
От гордости она скрывала
Печаль свою при всех глазах,
Но втайне часто унывала,
Себя несчастной называла
И часто, в горестных слезах,
К Амуру вопияла:
«Амур, Амур, веселий бог!
За что ко мне суров и строг?
Давно ли все меня искали?
Давно ли все меня ласкали?
В победах я вела часы,
Могла пленять, любить по воле;
За что теперь в несчастной доле?
К чему полезны мне красы?
Беднейшая в полях пастушка
Себе имеет пастуха:
Одна лишь я ни с кем не дружка,

Не быв дурна, не быв лиха!
Одной ли мне любить зазорно?
Но если счастье толь упорно
И так судили небеса,
То лучше мне идти в леса,
Оставить всех людей отныне
И кончить слезну жизнь в пустыне!»
Меж тем как Душенька, тая свою печаль
От всех своих родных, уйти сбиралась вдаль,
Они ее бедой не менее крушились
И сами ей везде искали женихов;
Но всюду женихи страшились
Гневить Венеру и богов,
Которы, видимо, противу согласились.
Никто на Душеньке жениться не хотел,
Или никто не смел.
Впоследок сродники советовать решились
Спросить Оракула о будущих судьбах.
Оракул дал ответ в порядочных стихах,
И к ним жрецы-пророки
Прибавили еще свои для толку строки;
Но тем ответ сей был не мене бестолков,
И слово в слово был таков:
«Супруг для Душеньки, назначенный судьбами,
Есть то чудовище, которо всех язвит,
Смущает области и часто их крушит,
И часто рвет сердца, питаяся слезами,
И страшных стрел колчан имеет на плечах:
Стреляет, ранит, жжет, оковы налагает,
Коль хочет — на земли, коль хочет — в небесах,
И самый Стикс ему путей не преграждает.
Судьбы и боги все, определяя так,
Сыскать его дают особо верный знак:
Царевну пусть везут на самую вершину
Неведомой горы, за тридесять земель,
Куда еще никто не хаживал досель,
И там ее одну оставят на судьбину,
На радость и на скорбь, на жизнь и на кончину».

Такой ответ весь двор в боязнь и скорбь привел,
Во всех сомнение и ужас произвел.
«О праведные боги!
Возможно ль, чтобы вы толико были строги?

И есть ли в том какая стать,
Чтоб Душеньку навек чудовищу отдать,
К которому никто не ведает дороги?» —
Родные тако все гласили во слезах;
И кои знали всяки сказки
Представили себе чудовищ злых привязки,
И лютой смерти страх
Иль в лапах, иль в зубах,
Где жить ей будет тесно.
От нянек было им давно небезызвестно
О существе таких и змеев и духов,
Которы широко гортани разевают,
И что притом у них видают
И семь голов, и семь рогов,
И семь иль более хвостов.
От страхов таковых родные возмущались;
Потом без дальных слов,
Завыли множеством различных голосов;
Царевну проводить до места обещались,
И с нею навсегда заранее прощались.
Не знали только, где была бы та гора,
К которой Душеньку отправить надлежало;
Оракул не сказал, или сказал, да мало,
В которой стороне? Далече ль от двора?
В какую там явиться пору,
И как зовут такую гору?
Синай, или Ливан, иль Тавр, или Кавказ?
И кои в Душеньке высокий разум чтили,
Догадываясь, мнили,
Что должно ехать ей, конечно, на Парнас.
Они наслышались, что некоторы музы
Имели с ней союзы;
Что Душенька от них училась песни петь
И таинства красот парнасских разуметь;
Но те, которые историю читали,
Противу предлагали,
Что музы исстари проводят в девстве век,
И никакой туда не ходит человек,
Что там нельзя найти ей мужа,
К тому ж от севера бывает часто стужа,
И у Кастальских вод,
Хоть там дороги святы,
Нередко замерзал народ.

Иные, изобрав жарчайшие климáты,
Хотели Душеньку во Африку везти,
Где ведали, что есть чудовищи в чести;
Притом, последуя Оракулову гласу,
Хотели именно везти ее к Атласу,
Узнав, что та гора, касаяся небес,
Издревле множеством прославилась чудес;
И мнили, что, по сей примете,
Оракул точно так сказал в своем ответе.
Тогда смелейшие из плачущей родни
Представили, храня ее цветущи дни,
Что Душеньку легко там могут змеи скушать,
Что в том Оракула никак не должно слушать;
И громогласно все, без дальнего суда,
Воскликнули тогда,
Что участь Душеньки Оракул сам не ведит
И что Оракул бредит.

В совете наконец
Родня царевнина, и паче царь-отец,
За лучше ставили, богов противясь власти,
Терпеть гонения и всякие напасти,
Чем Душеньку везти
На жертву без пути.
Но Душенька сама была великодушна,
Сама Оракулу хотела быть послушна.
Иль может быть и так, чтоб мне не обмануть,
Она, прискучив жить с родными без супруга,
Искала наконец себе такого друга,
Кто б ни был, где ни будь;
И чтоб родным была видна ее услуга,
В решительных словах сама сказала им:
«Я вас должна спасать несчастием моим.
Пускай свершается со мною вышня воля;
И если я умру, моя такая доля».
Меж тем как Душенька вещала так отцу,
И царь и весь совет пустились плакать снова
И в скорби не могли тогда промолвить слова,
Лишь токи слез у всех ручьились по лицу.
Но самую печаль, в прегорестнейшем плаче,
Впервые зрел, кто зреть тогда царицу мог:
Рвалась и морщилась она пред всеми паче
И, память потеряв, валялась как без ног;

Иль в горести, теряя меру,
Ругала всячески Венеру;
Иль, крепко в руки ухватя
Свое любезное дитя,
Кричала громко пред народом
И всем своим клялася родом,
Доколь она жива,
Не ставить ни во что Оракула слова,
И что ни для какого чуда
Не пустит дочери оттуда.
Хотя ж кричала то во всю гортанну мочь,
Однако вопреки Амур, судьбы и боги,
Оракул и жрецы, родня, отец и дочь
Велели сухари готовить для дороги.

Во время оных лет
Оракул в Греции столь много почитался,
Что каждый исполнять слова его старался
И сам искал себе преднареченных бед,
Дабы сбывалось то неложно,
Что только предсказать возможно.
Царевна оставляет град;
В дорогу сказан был наряд.
Куда? От всех то было тайно.
Царевна наконец умом
Решила неизвестность в том,
Как все дела своим судом
Она решила обычайно,
Сказала всей родне своей,
Чтоб только в путь ее прилично снарядили
И в колесницу посадили
Пустя по воле лошадей,
Без кучера и без вожжей:
«Судьба,— сказала,— будет править,
Судьба покажет верный след
К жилищу радостей иль бед,
Где должно вам меня оставить».
По таковым ее словам
Не долго были сборы там.
Готова колесница,
Готова царска дочь, и вместе с ней царица,
Котора Душеньку, не могши удержать,
Желает провожать.

Тронýлись лошади, не ждав себе уряда:
Везут ее без поводов,
Везут с двора, везут из града
И, наконец, везут из крайних городов.
В сей путь, короткий или дальный,
Устроен был царем порядок погребальный.
Шестнадцать человек несли вокруг свечи
При самом свете дня, подобно как в ночи;
Шестнадцать человек, с печальною музы́кой,
Унывный пели стих в протяжности великой;
Шестнадцать человек, немного тех позадь,
Несли хрустальную кровать,
В которой Душенька любила почивать;
Шестнадцать человек, поклавши на подушки,
Несли царевнины тамбуры и коклюшки,
Которы клала там сама царица-мать,
Дорожный туалет, гребенки и булавки
И всякие к тому потребные прибавки.
Потом в параде шел жрецов усастых полк,
Стихи Оракула неся перед собою.
Тут всяк из них давал стихам различный толк,
И всяк желал притом скорей дойти к покою.
За ними шел сигклит и всяк высокий чин;
Впоследок ехала печальна колесница,
В которой с дочерью сидела мать-царица.
У ног ее стоял серебряный кувшин;
То был плачевный урн, какой старинны греки
Давали в дар, когда прощались с кем навеки.

Отец со ближними у колесницы шел,
Богов прося о всяком благе,
И, предая судьбам расправу царских дел,
Свободно на пути вздыхал при каждом шаге.
Взирая на царя, от всех сторон народ
Толпился близко колесницы,
И каждый до своей границы
С царевной шел в поход.
Иные хлипали, другие громко выли,
Не ведая, куда везут и дочь и мать;
Другие же по виду мнили,
Что Душеньку везут живую погребать.
Иные по пути сорили
Пред нею ветви и цветы,

Другие тут же гимны пели,
Прилично славя красоты,
Какие в первый раз узрели;
Другие ж божеством
Царевну называли
И, возвратяся в дом,
За диво возвещали.
Вотще жрецы кричали,
Что та царевне честь
Прогневает Венеру,
И, следуя манеру,
Толчком, и как ни есть,
Хотели прочь отвесть
Народ от сей напасти;
Но все, противу власти,
Забыв Венеры вред
И всю возможность бед,
Толпами шли насильно
За Душенькою вслед
Усердно и умильно.

Уже, чрез несколько недель,
Проехали они за тридевять земель,
Но ни единого пригорка не видали,
И кои более устали,
Со всякой бранью возроптали,
Что шли куда не знали.
Впоследок, едучи путем и вдоль и вкруг,
К одной горе они лишь только подступили,
Тут сами лошади остановились вдруг
И далее не шли, сколь много их ни били.
Тут все судеб тогда призна́ки находили;
Призна́ки те жрецы согласно подтвердили,
И все сказали вдруг, что должно точно там,
На высоте горы, Оракуловым словом,
Оставить Душеньку у неба под покровом.
Вручают все ее хранителям-богам,
Ведут на высоту по камням и пескам,
Где знака нет дороги,
Едва подъемля вверх свои усталы ноги,
Чрез камни, чрез бугры и чрез глубоки рвы,
Где нет ни лесу, ни травы,
Где алчные рыкают львы.

И хоть жрецы людей к отваге
Увещевали в сих местах,
Но все, при каждом шаге,
Встречали новый страх:
Ужасные пещеры,
И к верху крутизны,
И к бездне глубины,
Без вида и без меры.
Иным являлись там мегеры,
Иным летучи дромадеры,
Иным драконы и церберы,
Которы ревами, на разные манеры,
Глушили слух,
Мутили дух.
Таков был путь, куда царевна торопилась,
Куда вся свита вслед за ней, кряхтя, толпилась.
Осталась позади одна царица-мать,
Не могши далее полугоры шагать,
И с Душенькой навек, поплакав там, простилась.
При трудностях тогда царевнина кровать
В руках несущих сокрушилась,
И многие от страха тут,
Имея многий труд,
Немало шапок пороняли,
Которы наподхват драконы пожирали.
Иные по кустам одежды изодрали
И, наготы имея вид,
Едва могли прикрыть от глаз сторонних стыд.
Осталось наконец лишь несколько булавок
И несколько стихов Оракула для справок.
Но можно ль описать пером
Царя тогда с его двором,
Когда на верх горы с царевной все явились?
Читатель сам себе представит то умом.
Я только лишь скажу, что с нею все простились;
И напоследок царь, согнутый скорбью в крюк,
Насильно вырван был у дочери из рук.
Тогда и дневное светило,
Смотря на горесть сих разлук,
Казалось, будто сократило
Обыкновенный в мире круг
И в воды спрятаться спешило.
Тогда и ночь,

Одну увидев царску дочь,
Покрылась черным покрывалом
И томнейшим лучом едва светящих звезд
Открыла в мрачности весь ужас оных мест.
Тогда и царь скорей предпринял свой отъезд,
Не ведая конца за толь слепым началом.

КНИГА ВТОРАЯ

Но где возьму черты
Представить страх, какой являла вся природа,
Увидев Душеньку в пространстве темноты,
Оставшу без отца, без матери, без рода,
И, словом, вовсе без людей,
Между драконов и зверей?
Тут все, что царска дочь от нянюшек слыхала
И что в чудеснейших историях читала,
Представилось ее смущенному уму.
Страшилища духов, волшебные призра́ки
Различных там смертей являли ей призна́ки
И мрачной ночи сей усугубляли тьму.
Но Душенька едва уста свои открыла
Промолвить жалобу, не высказав кому,
Как вдруг чудесна сила
На крылех ветренних взнесла ее над мир.
Невидимый Зефир,
Ее во оный час счастливый похититель,
И спутник и хранитель,
Неслыханну дотоль увидев красоту,
Запомнил Душеньку уведомить сначала,
Что к ней щедротна власть тогда повелевала
Ее с почтением восхитить в высоту;
И, мысли устремив к особенному диву,
Взвевал лишь только ей покровы на лету.
Увидя ж Душеньку от страха еле живу,
Оставил свой восторг и страх ее пресек,
Сказав ей с тихостью, приличною Зефиру,
Что он несет ее к блаженнейшему миру —
К супругу, коего Оракул ей прорек;
Что сей супруг давно вздыхает без супруги;
Что к ней полки духов
Назначены в услуги,
И что он сам упасть к ногам ее готов,

И множество к тому прибавил лестных слов.
Амуры, кои тут царевну окружали,
И уст улыбками и радостьми очес
Отвсюду те слова согласно подтверждали.
Не в долгом времени Зефир ее вознес
К незнаемому ей селению небес,
Поставил средь двора и вдруг оттоль исчез.
Какая Душеньке явилась тьма чудес!
Сквозь рощу миртовых и пальмовых древес
Великолепные представились чертоги,
Блестящие среди бесчисленных огней,
И всюду розами усыпаны дороги;
Но розы бледный вид являют перед ней
И с неким чувствием ее лобзают ноги.
Порфирные врата, с лица и со сторон,
Сафирные столпы, из яхонта балкон,
Златые куполы и стены изумрудны
Простому смертному должны казаться чудны:
Единым лишь богам сии дела не трудны.
Таков открылся путь — читатель, примечай —
Для Душеньки, когда из мрачнейшей пустыни
Она, во образе летящей вверх богини,
Нечаянно взнеслась в прекрасный некий рай.
В надежде на богов, бодряся их призна́ком,
Едва она ступила раз,
Бегут навстречу к ней тотчас
Из дому сорок нимф в наряде одинаком;
Они старалися приход ее стеречь;
И старшая из них, с пренизким ей поклоном,
От имени подруг почтительнейшим тоном
Сказала должную приветственную речь.
Лесные жители своим огромным хором
Потом пропели раза два,
Какие слышали похвальны ей слова,
И к ней служить летят амуры всем собором.
Царевна ласково, на каждую ей честь,
Ответствовала всем то знаком, то словами.
Зефиры, в тесноте толкаясь головами,
Хотели в дом ее привесть или принесть;
Но Душенька им тут велела быть в покое
И к дому шла сама среди различных слуг,
И смехов и утех, летающих вокруг.
Читатель так видал стремливость в пчельном рое,

Когда юничный род, оставя старых пчел,
Кружится, резвится, журчит и вдаль летает,
Но за царицею, котору почитает,
Смиряяся, летит на новый свой удел.

Царевна посреди сих почестей отменных
Не знала, дух ли был иль просто человек,
Обещанный супруг, властитель мест блаженных,
Которого пред сим Зефир в словах смятенных
Отчасти предвестил, но прямо не нарек.
Вступая в дом, она супруга зреть желала
И много раз о нем служащих вопрошала;
Но вся сия толпа, котора с нею шла
Или вокруг летала,
Уведомить ее подробней не могла,
И Душенька о том в незнании была.
Меж тем прошла она крыльцовые ступени
И введена была в пространнейшие сени,
Отколь во все края, сквозь множество дверей,
Открылся перед ней
Прекрасный вид аллей,
И рощей, и полей;
И более потом высокие балконы
Открыли царство там и Флоры и Помоны,
Каскады и пруды,
И чудные сады.
Оттуда сорок нимф вели ее в чертоги,
Какие созидать удобны только боги,
И тамо Душеньку, к прохладе от дороги,
В готовую для ней купальню привели.
Амуры ей росы чистейшей принесли,
Котору, вместо вод, повсюду собирали.
Зефиры воздух там дыханьем согревали,
Из разных аромат вздували пузыри
И благовонные устроивали мыла,
Какими моются восточные цари
И коих ведома бодрительная сила.
Царевна в оный час, хотя и со стыдом,
Со спором и трудом,
Как водится при том,
Взирая на обновы,
Какие были там на выбор ей готовы,
Дозволила сложить с красот своих покровы.

Полки различных слуг, пред тем отдав поклон,
Без вздохов не могли оттуда выйти вон,
И даже за дверьми, не быв тогда в услуге,
Охотно след ее лобзали на досуге.
Зефиры лишь одни, имея вход везде,
Зефиры хищные, затем что ростом мелки,
У окон и дверей нашли малейши щелки,
Прокрались между нимф и спрятались в воде,
Где Душенька купалась.
Она пред ними там во всей красе являлась,
Иль паче — им касалась;
Но Душенька о том никак не догадалась.

Зефиры! коих я пресчастливыми чту,
Вы, кои видели царевны красоту;
Зефиры! вы меня как должно научите
Сказать читателям, иль сами вы скажите
И части, и черты,
И все приятности царевнины подробно,
Которых мне пером представить неудобно;
Вы видели тогда не сон и не мечты...
Но здесь молчите вы... молчанье разумею.
К изображению божественных даров
Потребен вам и мне особый дар богов;
Я здесь красот ее описывать не смею.

Царевна, вышедши из бани наконец,
Со удовольствием раскидывала взгляды
На выбранны для ней и платья, и наряды,
И нéкакой венец.
Ее одели там, как царскую особу,
В богатейшую робу.
Нетрудно разуметь, что для ее услуг
Горстями сыпались каменья и жемчуг,
И всяки редкости невидимая сила,
По слову Душеньки, мгновенно приносила;
Иль Душенька тогда лишь только что помни́ла,
Желаемая вещь пред ней являлась вдруг;
Пленяяся своим прекраснейшим нарядом,
Желает ли она смотреться в зеркала —
Они рождаются ее единым взглядом,
И по стенам пред ней стоят великим рядом,

Дабы краса ее удвоена была.
Увидев там себя лицом, плечом и задом,
От головы до ног,
Легко могла судить царевна на досуге
О будущем супруге,
Что он, как видно, был гораздо не убог.
Меж тем к ее услуге
В особой комнате явился стол готов;
Приборы для стола, и ествы и напитки,
И сласти всех родов
Являли там вещей довольство и избытки;
Не менее и то, что только для богов,
В роскошнейшем жилище
Могло служить к их пище,
Стояло перед ней во множестве рядов;
Иной вкусив, она печали забывала,
Другая ей красот и силы придавала.
Амуры, бегая усердие явить,
Хозяйски должности старались разделить:
Иной во кравчих был, другой носил посуду,
Иной уставливал, и всяк совался всюду;
И тот считал себе за превысоку честь,
Кому из рук своих домова их богиня
Полрюмки нектару изволила поднесть,
И многие пред ней стояли рот разиня,
Хотя амуры в том,
По правде, жадными отнюдь не почитались
И боле, нежели вином,
Царевны зрением в то время услаждались.
Меж тем над ней с верхов,
В чертогах беспечальных,
Раздался сладкий звук орудий музыкальных
И песен ей похвальных,
Какие мог творить лишь только бог стихов.
Вначале райские певицы
Воспели красоту сей новой их царицы.
Читатель знает сам, приятна ль ей была
Такая похвала;
Но, впрочем, Душенька решить не возмогла,
Приятство ль голосов, достоинство ль скрипицы,
Согласие ли арф, иль флейту предпочесть, —
В искусстве все они имели равну честь,
И все исполнены единым были духом,

Чтоб Душенька в раю
Познала часть свою
Прикосновением, устами, оком, слухом;
Коль можно почитать за правду все слова,
У греков есть молва,
Что будто бы к сему торжественному хору
Нарочно сысканы Орфей и Амфион,
И будто, в Душеньку влюбяся по разбору,
Играл и правил там оркестром Аполлон.
Впоследок хор певиц, протяжистым манером,
С приличным нéкаким размером,
Воспел стихи, возвысив тон,
Толико медленно, толико слуху внятно,
И их сложение пленяло толь приятно,
Что Душенька легко слова переняла,
Легко упомнить их могла,
И скоро затвердила,
И по всему двору впоследок распустила.
Потом нескромные зефиры разнесли
Стихи сии оттоль по всем концам земли;
Потом же таковы и к нам они дошли:
«Любови все сердца причастны,
И сами боги ей подвластны.
Познай ты, Душенька, любовь,
И счастие познаешь вновь».

Трикратно песня та пред Душенькой пропета,
И пели, наконец, царевне многа лета.
Потом одна из нимф явилась доложить,
Что время ей уже в постеле опочить.
При слове «опочить» царевна покраснела
И, как невеста, обробела,
Однако спорить не хотела.
Раздета Душенька; ведут ее в чертог,
И там, как надобно к покою от дорог,
Кладут ее в постель на некоем престоле
И, поклонившись ей, уходят все оттоле.
Незнаемо отколь, тогда явился вдруг
В невидимом лице неведомый супруг.
А если спросят, как невидимый явился,—
Нетрудно отвечать: явился он впотьмах
И был в объятиях, но не был он в очах;
Как дух или колдун он был, но не открылся.

Никто не смел раскрыть завесы дел ночных.
Не знаю, что они друг с другом говорили,
Ни околичностей, при том какие были;
Навеки тайна та осталась между их.
Но только поутру приметили амуры,
Что нимфы меж собой смеялись под тишком,
И гостья, будучи стыдлива от натуры,
Казалась между их с завешенным ушком.

Супружество могло царевне быть приятно,
Лишь только таинство казалось непонятно:
Супруг у Душеньки, сказать, и был и нет;
Приехал ночью к ней, уехал до рассвета,
Без имени, без лет,
Без росту, без примет,
И вместо должного ответа,
Скрывая, кто он был, на Душенькин вопрос
Просил, увещевал, для некаких ей гроз,
Чтоб видеть до поры супруга не желала;
И Душенька не знала,
С каким чудовищем иль богом ночевала,
Неслыхан был подобный брак.
Царевна, думая и так о том и сяк,
Развязку тайны сей в Оракуле искала;
Оракул ей давно супруга описал
Страшилищем ужасным:
Супруг с Оракулом казался быть согласным,
Как будто он себя затем и не казал.
Хотя же Душенька противно б разумела,
Касавшись до супружня тела,
Хотя б казалось ей
Из всех его речей,
Что будто не был он страшилищем очей,—
Но так Оракул рек и так вещали боги,
Что сей супруг ее наносит всюду страх.
И ежели то так, что он имеет роги,
Или зверины ноги,
Иль когти на руках,
Иль гнусную фигуру,
Так лучше Душеньке урода такова,
Который всю страшит натуру,
Не видеть и не знать, пока она жива.
Меж тем как Душенька в постеле

Не знала, как решить о деле,
Заря гнала ночную тень,
И светлый вид воспринял день;
Но свет тогда не мог забавить
Смущенную цареву дочь,
Которая минувшу ночь
В забвеньи не могла оставить.
Тогда услужный сон, не дожидаясь ночи,
Поутру вновь сомкнул ее прекрасны очи.
Потом, летаючи вокруг ее лица,
Явил супруга ей со всею красотою —
Со стройством, нежностью, дородством, белизною,
С румянцем краше багреца:
Явил подобие младого Аполлона,
Иль, можно так сказать, прекрасна Купидона,
В восьмнадцать лет иль так почти,
Что был он близко двадцати,
И был во всей красе и славе.
Царевна, в оном сне обманута мечтой,
Супруга чает видеть въяве,
Хватает тень, кричит: постой!
Призра́к в восторг ее приводит,
Но сей призра́к от ней уходит,
Как будто б удалялся он.
Она зовет, бежит и беглеца хватает.
Сие движение впоследок прерывает
Ее неверный сон:
И Душенька в руках, проснувшись, ощущает,
Наместо беглеца, свой спальный балахон.

Известно, что тогда супруг, сокрывшись тамо,
Желал подслушивать ее любовный бред,
Но рок свиданию противился упрямо;
Царевна видела супружний только след,
И только было то приметить ей возможно,
Что он гостил у ней неложно,
Что он в отсутствии оставил ей любовь
И что любовью сей она тогда сгорала.
«Но кто таков был он? но кто?» — твердила вновь,
И вновь тогда заснуть желала.
И сон опять, кружась над нею с тишиною,
Спокоил мысль ее приятною мечтою
В другой, как в первый, раз.

Не знаю, долго ли мечта сия продлилась,
Но Душенька от сна не прежде пробудилась,
Как полдень уж прошел и после полдня час.
Тогда служащие девицы всем собором
Царевну вновь одеть пришли
И сорок платьев принесли
Со всем к тому прибором.
В сей день она себе назначила наряд,
Который был простее,
Затем, что Душенька спешила поскорее
Увидеть редкости чудесных сих палат.
Я, в том последуя царевнину уставу,
Сей дом представить поспешу
И все подробно опишу,
Что только лишь могло ей там принесть забаву.
Вначале Душенька по комнатам пошла,
И, тамо бегая, нигде не пробежала
Покоя, ни угла,
В котором бы она на час не побывала;
Оттуда в бельведер, оттуда на балкон,
Оттуда на крыльцо, оттуда вниз и вон,
Чтоб видеть дом со всех сторон.
Толпа девиц за ней бежать не успевала,
Зефиры лишь одни ей следовать могли
И Душеньку везде, как должно, берегли,
Чтоб как ни есть она, бежавши, не упала.
Она смотрела раза три
Сей дом снаружи и внутри.
Меж тем зефиры и амуры
Казали ей архитектуры
И всяки редкости натуры,
Которы Душенька, оглядывая вкруг,
Желала видеть вдруг,
И что смотреть, не знала;
Одна перед другой со спором взор пленяла,
И Душенька б еще пошла по всем местам,
Когда б от бегу там
Впоследок не устала.

Во отдыхе ж она от сих тогда трудов
Смотрела статуи славнейших мастеров:
То были образцы красавиц бесподобных,
Которых имена, и в прозе, и в стихах,

В различных повестях, и кратких и подробных,
Бессмертно царствуют в народах и веках.
Калисто, Дафния, Армида, Ниобея,
Елена, Грации, Ангелика, Фринея
И множество других богинь и смертных жен,
Очам являясь живо,
Во всей красе на диво
Стояли там у стен.
Но посредине их в начале,
На неком высшем пьедестале
Самой царевны лик стоял
И боле красотой другие превышал.
Смотря на образ свой, она сама дивилась
И вне себя остановилась!
Другая статуя казалась в ней тогда,
Какой вовеки свет не видел никогда.

Конечно, Душенька и доле б так осталась
Смотреть на образ сей,
Которым обольщалась;
Но слуги, бывшие при ней,
В других местах казали ей,
Для новой глаз ее забавы,
Другие образы красот ее и славы:
До пояса, до ног, в весь рост, до самых пят,
Из злата, из сребра, из бронзы иль из стали,
И головы ее, и бюсты, и медали;
А инде мозаик, иль мрамор, иль агат
В сих видах новую бесценность представляли.

В других местах Апелл, иль живописи бог,
Который кисть его водил своей рукою,
Представил Душеньку со всею красотою,
Какой дотоле ум вообразить не мог.
Желает ли она узреть себя в картинах?
В иной — фауны к ней несут Помонин рог,
И вяжут ей венки, и рвут цветы в долинах,
И песни ей дудят, и скачут в круговинах;
В другой — она, с щитом престрашным на груди,
Палладой нарядясь, грозит на лошади,
И, боле чем копьем, своим прекрасным взором
Разит сердца приятным мором.
А там пред ней Сатурн, без зуб, плешив и сед,

Душенька, преступно открывающая своего мужа.
Гравюра Ф. Толстого.
1839 г.

Государственный музей изобразительных искусств
имени А. С. Пушкина.

С обновою морщин на старолетней роже,
Старается забыть, что он давнишний дед,
Прямит свой дряхлый стан, желает быть моложе,
Кудрит оставшие волос своих клочки,
И видеть Душеньку вздевает он очки;
А там она видна, подобяся царице,
С амурами вокруг, в воздушной колеснице.
Прекрасной Душеньки за честь и красоту
Амуры там сердца стреляют на лету;
Летят великою толпою,
И все они несут колчаны за плечми,
И все, прекрасными гордясь ее очми,
Летят, поднявши лук, на целый свет войною.
А там свирепый Марс, рушитель мирных прав,
Увидев Душеньку, являет тихий нрав:
Полей не обагряет кровью,
И наконец, забыв военный свой устав,
Смягчен у ног ее, пылает к ней любовью.
А там является она среди утех,
Которы ей везде предходят,
И вымыслами игр повсюду производят
В лице ее приятный смех.
А инде грации царевну окружают,
Ее различными цветами украшают,
И тихо вкруг ее летающий зефир
Рисует образ сей, чтоб им украсить мир;
Но в ревности от взглядов вольных,
Умеривая ум любителей свобод
Иль будто бы странясь от критик злокрамольных,
Скрывает в списке он большую часть красот;
И многие из них, конечно чудесами,
Пред Душенькою вдруг тогда писались сами.
Везде в чертогах там
Царевниным очам
Торжественны ей в честь встречалися предметы:
Везде ее портреты
Являлись по стенам,
В простых уборах и нарядных
И в разных платьях маскарадных.
Во всех ты, Душенька, нарядах хороша:
По образу ль какой царицы ты одета,
Пастушкою ли где сидишь у шалаша,
Во всех ты чудо света,

Во всех являешься прекрасным божеством,
И только ты одна прекраснее портрета.
Потомство ведает, что сей чудесный дом,
Где жители тебя усердно обожали,
Сей храм твоих красот амуры соружали,
Амуры украшали,
Амуры образ твой повсюду там казали,
Амуры, наконец,
Примыслили к лицу, на всякий образец,
Различные уборы,
Могущие привлечь твои прелестны взоры.
Угоден ли какой наряд
И надобны ль тебе обновы?
Увидишь, что они готовы,
Что твой уже примечен взгляд,
И из твоей воздушной свиты
Зефир пришел тебе донесть,
Что все обновы были сшиты,—
Когда прикажешь их принесть?

Желал бы описать подробно
Другие редкости чудесных сих палат,
Где все пленяло взгляд
И было бесподобно;
Но всюду там умом
Я Душеньку встречаю,
Прельщаюсь и потом
Палаты забываю.
Не всяк ли дом, не всяк ли край
Ее присутствием преобращался в рай?
Не ею ль рай имел и бытность и начало?
И если я сказал о сих палатах мало,
Конечно, в том меня читатели простят;
Я должен следовать за Душенькою в сад,
Куда она влечет и мысли всех и взгляд.

В счастливых сих местах земля была нагрета
Всегдашним жаром лета,
И щедро в круглый год
Произращала плод
Без всяких непогод.
Толпа к царевне слуг навстречу прилетела,
И каждый тщился там не быть при ней без дела:
Водить, рассказывать иль просто забавлять.

Весь двор внимал тому, что Душенька хотела
Побегать, погулять;
И в рощах иль в садах, где только лишь являлась,
Ее пришествием натура обновлялась:
Древа склоняли к ней листы,
Как будто бы тогда влечение познали,
И тихим шумом лишь друг другу возвещали
Под тению своей царевны красоты;
И травы и цветы,
Раскидываясь вновь в сей день, для них приятный,
Удвоили в садах свой запах ароматный.
Но боле там ясмин пред прочими блистал
И, где царевна шла, навстречу вырастал.
Она ясминный дух с отменою любила,
И те цветы себе в букет употребила. .
Счастливый сей букет, приколонный на грудь,
Как будто оживлен, клонился к ней прильнуть.
Приникли хоры птиц, подслушав шум древесный,
И за амурами стремились в путь известный,
Чтоб Душеньку увидеть вблизь;
Одни над нею вкруг вились
Другие перед ней летали
И много меж собой в сем диве щебетали.
Не видно было там ночных зловещных птиц,
Ниже́ угрюмых лиц;
Не смели приставать сварливые сатиры,
И веяли одни тишайшие зефиры.
Фонтаны силились подняться в высоту,
Чтоб лучше видеть им царевны красоту,
Которую толпа окружна заслоняла;
И если Душенька вблизи от них гуляла,
Они стремились пасть с высот к ее ногам.
В водах плескаючись, наяды
Нетерпеливо ждали там
Ее пришествия к счастливым их брегам.
Иные взлезли на каскады
Смотреть на путь ее, главы свои подняв,
И, Душеньку узрев, бросались к ней стремглав;
В сем общем торжестве натуры
И сами каменны над токами фигуры,
От удивления везде разинув рот,
Из внутренностей вдруг пускали много вод.
Сей вид представил ей различных тварей род

В изображениях неисчислимо многих:
Ползущих, скачущих, пернатых, четверногих;
И все творения и чуды естества
Явилися тогда в счастливой сей державе
К услугам Душеньки, или к ее забаве,
Иль к славе торжества.
Оттуда шла она в покрытые аллеи,
Которые вели в густой и темный лес.
При входе там, в тени развесистых древес,
Открылись новые художные затеи.
Богини, боги, феи,
Могучие богатыри
И славные цари
В былях и в небылицах
Являлись тамо в лицах,
Со описанием, откуда кто, каков.
И словом, то была история веков.
Притом услужные амуры
Различны повести старались рассказать;
И тамо Душенька, среди чудес натуры,
Нашла в явлениях свой род, отца и мать;
И с самой точностью, в безлюдной сей пустыне,
Весь мир являлся ей как будто на картине.
Хотя ж гулянье по лесам
Особо Душенька любила
И после каждый день ходила,
Со свитой и одна, к тенистым сим местам,
Но в сей начальный день не шла в густые рощи,
Иль ради наступившей нощи,
Или, не зря дороги в лес,
Боялась всяких там чудес,
Иль нежные в ходьбе ее устали ноги;
И Душенька оттоль пошла назад в чертоги.
Не стану представлять
Читателю пред очи
Приятны сны ее в последовавши ночи;
Он сам удобно их возможет отгадать.
Но дни бывали там причиною разлуки,
И дни, среди утех, свои имели скуки.
По слуху, говорят,
Что Душенька тогда пускалася в наряд;
Особо же во дни, когда сбиралась в сад,
Со вкусом щеголих обновы надевала.

На свете часто слух имеет правды склад:
Прилично было то, что Душенька гуляла
И скуку иногда гульбою прогоняла.

В один из оных дней,
Прошедши в лес далече,
Царевна там на встрече
Увидела ручей,
Который по дуброве,
Как будто бы на зов,
Пред нею вытек внове.
Но красота брегов,
При токе вод хрустальных,
Скрывалась в рощах дальных,
И обольщенный взор
Вела потом до гор,
Откуда чисты токи,
Прервав земли упор,
Давали ей из нор
Растительные соки.
Тогда открылся грот,
Устроенный у вод
По новому манеру;
Он вел потом в пещеру,
Где солнечны лучи
Светили лишь при входе
И где, журча, ключи,
Подобно как в ночи,
Во мрачнейшей свободе
Являли скрытый вид
Иль таинство в природе.
История гласит,
И знают то в народе,
Что Душенька, вошед
В неведомый ей след,
При темном дел начале
Идти не смела дале.
Но чудом тамо вдруг,
Без всякой дальней речи,
Невидимо супруг
Схватил ее под плечи,
И в самой темноте,
На некой высоте

Из дернов зеленистых,
При токах вод ручьистых,
С собою посадил
И много говорил
И прозой и стихами,
Как водится меж нами.
Не ведает никто,
В каких словах на то
Царевна отвечала;
Известно только нам,
Что после к сим местам
Дорожку протоптала.
С тех пор царева дочь
Часы и в день и в ночь
С супругом провождала
И боле всех охот
Любила темный грот.
Когда же застигалась
Ночною темнотой,
То вместе возвращалась
С супругом в свой покой.
Тогда воздушна колесница
Несла их в облаке густом
Под темным некаким шатром;
И каждый день сих мест царица,
Спокоенная сладким сном,
Пускалась в прежний путь потом
Из дома в грот, из грота в дом.

Но разум требует себе часов свободы,
Скучает проводить в любови целый день
Царевна, следуя уставу в том природы.
Тогда изобрела потех различны роды,
Амуров с нимфами веселы хороводы,
И жмурки, и плетень,
Со всякими играми,
Какие и до днесь остались между нами.
Амуры, наконец, старались изобресть,
По вкусу Душеньки, комедии, балеты,
Концерты, оперы, забавны оперетты
И все, что острый ум удобен произвесть
В счастливых днях и безмятежных
К утехам чувствий нежных.

Во Греции Менандр, во Франции Мольер,
Кино, Детуш, Реньяр, Руссо и сам Вольтер,
В России, наконец, подобный враг пороков,
Писатель наших дней, почтенный Сумароков
Театру Душеньки старались подражать
И в поздних лишь веках могли изображать
Различны действия натуры,
Какие в первый раз явили там амуры.
Но чтобы длилися веселья без помех,
Печальный всякий вид смертей, скорбей, измены
Неведом был в раю, где царствовал лишь смех,
И где, среди утех,
Оставлен был кинжал плачевной Мельпомены.
Царевна, с возрастом познательнейших лет,
Знакомый прежде ей любила видеть свет
И часто, детские оставивши забавы,
Желала боле знать людские разны нравы,
И кто и как живал, и с пользой или нет;
Сии познания о каждом человеке
Легко могла найти в своей библиотеке.
Великая громада книг,
И малых и больших,
Ее от чтения вначале отвращала,
Но скоро Душенька узнала,
Что разум ко всему возможно приучать,—
Узнала дельный смысл от шуток отличать,
Судить и примечать.
В историях правдивых
Довольное число нашла прибавок лживых.
В писателях систем
Нашла, при всякой смеси,
Довольно вздорной спеси,
Хоть часто их предлог не кончился ничем.
Нечаянно же ей во оной книг громаде
Одну трагедию случилось развернуть, —
Писатель тщился там слезами всех тронýть,
И там любовница, в печальнейшем наряде,
Не зная, что сказать, кричала часто: ах!
Но чем и как в бедах
Ее вершился страх?
Она, сказав «люблю», бежала из покоя
И ахать одного оставила героя.
Царевна там взяла читать еще стихи,

Но, их читаючи, как будто за грехи,
Узнала в первый раз уполненную скуку
И, бросив их под стол, при том ушибла руку.
Носился после слух, что будто наконец
Несчастных сих стихов творец
Указом Аполлона
Навеки согнан с Геликона
И будто Душенька, боясь подобных скук
Иль ради сохраненья рук,
Стихов с неделю не читала,
Хотя любила их и некогда слагала.
Во время такова изгнания стихов,
Когда не члися там ни песни к ней, ни оды,
Желала посмотреть царевна переводы
Известнейших творцов;
Но часто их тогда она не разумела
И для того велела
Исправным слогом вновь амурам перевесть,
Чтоб можно было их без тягости прочесть.
Зефиры, наконец, царевне приносили
Различные листки, которые на свет
Из самых древних лет
Между полезными продерзко выходили
И кипами грозили
Тягчить усильно Геликон.
Царевна, знав, кому неведом был закон,
Листомарателей свобод не нарушала,
Но их творений не читала.
Уже три года так царевна провождала
И доле б так жила, когда б сей светлый рай
Желаниям ее возмог соделать край;
Но любопытный ум, при всякой в жизни воле,
Нередко слабостью бывает в женском поле.
Царевна, распознав
Супруга своего приятный ум и нрав,
О нем желала ведать боле:
Во всех свиданьях с ним, по дням и по ночам
И в облачном полете,
Просила с жалобой, чтоб он ее очам
Явил себя при свете.
Вотще супруг всегда царевну уверял,
Что он себя скрывал
Для следствий самых важных;

Вотще ей знать давал,
Что он не мог никак нарушить слов присяжных
И Стиксом клялся в том богам.
Царевна Стиксом насмехалась
И часто удержать старалась
Супруга в доме по утрам,
И часто, силяся без меры,
На свет тащила из пещеры;
Но он из рук ее тогда,
Как ветер, уходил неведомо куда.
В другие времена такие нежны споры
Рождали б радости наместо дальной ссоры;
Но Душенькин супруг тогда нередко был
Задумчив и уныл,
И часто повторял угрюмы разговоры,
Являя ей тщету и света и похвал.
Впоследок Душеньку в слезах увещавал,
Чтобы, храня завет среди утех любовных,
Боялась в том измен от самых даже кровных;
Что зависть ей беды возможет нанести,
И, если судит так предел богов верховных,
Ее от лютых зол не может он спасти.
Вздохнув по Душеньке в боязнях толь суровых,
Супруг едва тогда из дому отлетел,
Как некакий зефир, посыланный для дел,
Принес отвсюду к ней пуки известий новых.
Она уведала, что две ее сестры
Пришли искать ее у страшной той горы,
Откуда некогда счастливейшим зефиром
Она вознесена во области над миром;
Что тамо под горой из множества пещер
Стращают их драконы,
И что он мог принесть царевне от сестер,
Вернее всех вестей, и письма и поклоны.
Зефир! зефир! когда б ты знал
Сих злобных сестр коварны лести,
Конечно бы тогда скрывал
Для Душеньки такие вести!
Почто не встретился какой ли б скорый дух,
Кому бы ведом был о том подробный слух
И кто бы, при такой от кровных ей измене,
Зефиру мог сказать, чтоб он болтал помене?
Но воля в том была небес,

Чтобы зефир, без всякой встречи,
По воздуху ловя на свете всяки речи,
К царевне с ветром их принес;
И так уставили злодеющи ей боги,
Чтоб сестр она потом взяла к себе в чертоги.

Обыкши Душенька любить родную кровь
И должную хранить к сестрам своим любовь,
Супружние тогда забыла все советы:
Зефиру тот же час, скорее как ни есть,
Сестер перед себя велела в рай привесть.
Не видя ж никакой коварства их приметы,
Желала показать
Наряды, и парчи, и камки, и кровать,
И дом, и все пожитки
И с ними разделить своих богатств избытки.
Богатство мало веселит,
Когда о том никто не знает,
И радость только тот вкушает,
С другими кто ее делит.

Не в долгом времени царевны к ней предстали,
И обе Душеньку со счастьем поздравляли,
И за руку трясли, и крепко обнимали,
И радость изъявляли
С усмешкой на лицáх.
Но зависть весь свой яд простерла в их сердцах,
Представя их очам, как будто грех натуры,
Что младшая сестра за красоту свою
Живет, господствуя в прекраснейшем раю,
И тамо служат ей зефиры и амуры.
К тому сказала им царевна с хвастовством,
Что там живет она в союзе с божеством
И что супруг ее любезней Аполлона,
Прекрасней Купидона;
Что он из смертных всех красот
На выбор взял ее в супруги;
Что отдал ей во власть летучий свой народ
И рай в ее услуги.
Такая похвала была ли безо лжи?
Читатель ведает — когда кого мы любим,
О том с прибавкой правду трубим.
«Да где ж супруг, скажи?..»
Не зная, что сказать и как себя оправить,

Сестрам своим в ответ
Царевна, покраснев, сказала: «Дома нет».
Но как она притом старалась их забавить,
Легко тогда могли они себе представить,
Что Душенькин супруг
Имеет в небе рай, и трон, и много слуг,
И младость, и красу, и радость без печали,
И Душеньку на жизнь вознес в небесный круг;
И то, чего они не знали, не видали,
Завидуя сестре, легко воображали
И с горькой жалобой промеж собой шептали:
«За что супруга ей судьбы такого дали?
А мы и на земли
Едва мужей нашли,
И те, как деды, стары,
И нам негодны в пары»;
И, завистью дыша,
Царевны Душеньку нещадно тут хулили
И с повторением впоследок говорили,
Что Душенька была отнюдь не хороша.

Злоумна ненависть, судя повсюду строго,
Очей имеет много
И видит сквозь покров закрытые дела.
Вотще от сестр своих царевна их скрывала,
И день, и два, и три притворство продолжала,
Как будто бы она супруга въявь ждала:
Сестры темнили вид, под чем он был не явен.
Чего не вымыслит коварная хула?
Он был, по их речам, и страшен и злонравен,
И, верно, Душенька с чудовищем жила.
Советы скромности в сей час она забыла;
Сестры ли в том виной, судьба ли то, иль рок,
Иль Душенькин то был порок,
Она, вздохнув, сестрам открыла,
Что только тень одну в супружестве любила;
Открыла, как и где приходит тень на срок,
И происшествия подробно рассказала;
Но только лишь сказать не знала,
Каков и кто ее супруг,
Колдун, иль змей, иль бог, иль дух.
Коварные сестры тогда, с лицом усмешным,
Взглянулись меж собой, и сей лукавый взгляд

Удвоил лести яд,
Который был прикрыт приязни видом внешным.
Они, то с жалостью, то с гневом и стыдом,
И с неким ужасом сестре внушить старались,
Что в страшных сих местах всего они боялись,
Что тамо был неистов дом;
Что в нем живут, конечно, змеи
Или злотворны чародеи,
Которые, устроив рай
И все возможные забавы,
Манят людей в сей чудный край
Для сущей их отравы.
К тому прибавили, что будто в стороне
Поутру видели оне
С домового балкона
Над гротом в воздухе подобие дракона,
И будто б там летал с рогами страшный змей,
И будто б искры там он сыпал из ноздрей,
И в роще, наконец, склонясь у гор к партеру,
При их глазах пополз, сгибаючись, в пещеру.
Царевны впоследи вмешали в разговор
Бесчестье и позор
На будущие роды,
Когда пойдут от ней нелепые уроды
Иль чуды, с коими не можно будет жить
И кои будут мир страшить.

Во многом Душеньку уверить было трудно;
Но правда, что она сама свой тайный брак
Почесть не знала как:
Ее замужство ей всегда казалось чудно.
Зачем бы сей супруг скрывался от людей,
Когда бы не был змей
Иль лютый чародей?
Впоследок Душенька в задумчивости мнила,
Что некая в дому неистовая сила
Ее обворожила;
Что муж ее, как змей, как самый хищный тать,
При свете никому не смел себя казать;
Что он не мог иметь ни веры, ни закона
И хуже был дракона.
Царевна в сей прискорбный час
Забыла райские утехи;

Замолк приятных песен глас,
Уныли радости и смехи.
Злотворных сестр и речь и взгляд
Простерли мрачной скуки яд.
Амуры вдруг вострепетали
И с плачем дале отлетали
От сих любимых им палат.
Царевна там одна с сестрами
В свободе продолжала речь,
И непременными судьбами
Сих слов никто не мог стеречь.
«Могу ль я в свете жить? — царевна говорила.—
Постыл мне муж и жизнь постыла.
Несчастна Душенька! ты мнила быть в раю,
И участь выше всех считала ты свою;
Но, с родом разлучась и вне земного круга,
Кого имеешь ты супруга?
Волшебный лишь призра́к,
Который делает позорнейшим твой брак
И ужасает всех сокрытым вероломством.
Кого впоследок ты должна иметь потомством?
Чудовищ, аспидов иль змей каких-нибудь.
Но если тако мне предписано судьбами,
Скорее меч вонжу в мою несчастну грудь.
Любезные сестры! навек прощаюсь с вами.
Скажите всем родным подобными словами,
Что знали от меня, что видели вы сами;
Скажите, что я здесь обманута была;
Что я стыжуся жить... скажите — умерла!»
Сестры, как бы уже за злобу казней ждали,
Советами тогда царевне представляли,
Что красных дней ее безвременный конец
От наглой хищности вселенну не избавит,
А после, может быть, толь лютых зол творец
И всех ее родных пожрет или удавит;
И что, вооружась на жизнь свою, она
Должна пред смертью сей, как честная жена,
В удобный сонный час убить бы колдуна.
Но сей поступок был для Душеньки опасен,
Противен и ужасен:
Чуждалася она злодейственных смертей,
И жалость завсегда господствовала в ней;
И, может быть, любовь, какой она стыдилась,

Еще в груди ее таилась.
Убийственный совет царевна получа,
Представила в словах мятущихся и косных,
Что в доме не было меча,
Ниже́ каких-нибудь орудий смертоносных;
И как убить в ночи пустую только тень,
Котора исчезает в день?
И где достать к сему наряду
С огнем фонарь или лампаду?
В сии печальны дни
Зефиры с вечера гасили все огни.
Сестры решительно и смело отвечали
На Душенькину речь,
Что тотчас принесут надежный самый меч,
И вместе принести лампаду обещали.
Приятна ль ей была готовность сих услуг,
Приметить было льзя из слов ее печальных:
Смущенна Душенька тогда без мыслей дальных
Желала только знать, каков ее супруг,
И, взоры обращая к саду,
Идущих сестр своих просила много раз
Не позабыть лампаду.

Уже зефирам дан приказ
Нести сих сестр к земному шару,
Припрягши в путь бореев пару.
Они, летя из мира в мир,
Мешают с воздухом эфир
И с бурею, дождем и громом
Являются пред неким домом:
То был Кащеев арсенал,
Где с самых древних лет держался
Волшебный меч или кинжал,
Которым Геркулес сражался,
Когда чудовищ поражал.
Сей меч единым сильным махом
У Гидры девять глав отсек;
Сей меч хранился там под страхом
И в сказках назван Самосек.
Он в крепких был стенах закладен,
Но куплен ли, иль просто взят,
Иль был оттоль тогда украден,
Писатели о том молчат;

Известно только ныне в свете,
Что точно он блистал в полете;
Что две царевны, от земли
Приняв воздушные дороги,
Сей меч в Амуровы чертоги
Тогда с лампадой унесли,
И скоро с Душенькой простились,
И скоро в путь домой пустились.
О, если б ведала несчастна царска дочь,
Колико вредны ей сей меч, сия лампада!
Амуры ей могли ль советами помочь?
Она бежала их присутствия и взгляда
И в мыслях будущу имела только ночь.

Светило дневное уже склонилось к лесу,
Над домом черную простерла ночь завесу,
И купно с темнотой
Ввела царевнина супруга к ней в покой,
В котором крылося несчастно непокорство.
И если повести не лгут,
Прекрасна Душенька употребила тут
И разум, и проворство,
И хитрость, и притворство,
Какие свойственны женам,
Когда они, дела имея по ночам,
Скорее как-нибудь покой дают мужьям.
Но хитрости ль ее в то время успевали,
Иль сам клонился к сну грызением печали,—
Он мало говорил, вздохнул,
Зевнул,
Заснул.
Тогда царевна осторожно
Встает толь тихо, как возможно,
И низу, по тропе златой,
Едва касаяся пятой,
Выходит в некакий покой,
Где многие от глаз преграды
Скрывали меч и свет лампады.
Потом с лампадою в руках
Идет назад, на всякий страх,
И с воображением печальным
Скрывает меч под платьем спальным;
Идет и медлит на пути,

И ускоряет вдруг ступени,
И собственной боится тени,
Бояся змея там найти.
Меж тем в чертог супружний входит.
Но кто представился ей там?
Кого она в одре находит?
То был... но кто?.. Амур был сам;
Сей бог, властитель всей натуры,
Кому покорны все амуры.
Он в крепком сне, почти нагой,
Лежал, раскинувшись в постеле,
Покрыт тончайшей пеленой,
Котора сдвинулась долой
И частью лишь была на теле.
Склонив лицо ко стороне,
Простерши руки обоюду,
Казалось, будто бы во сне
Он Душеньку искал повсюду.
Румянец розы на щеках,
Рассыпанный поверх лилеи,
И белы кудри в трех рядах,
Вьючись вокруг белейшей шеи,
И склад, и нежность всех частей,
В виду, во всей красе своей,
Иль кои крылися от вида,
Могли унизить Адонида,
За коим некогда, влюбясь,
Сама Венера, в дождь и в грязь,
Бежала в дикие пустыни,
Сложив величество богини.
Таков открылся бог Амур,
Таков иль был тому подобен,
Прекрасен, бел и белокур,
Хорош, пригож, к любви способен,
Но в мыслях вольных без препятств,
За сими краткими чертами
Читатели представят сами,
Каков явился бог приятств
И царь над всеми красотами.

Увидя Душенька прекрасно божество
Наместо аспида, которого боялась,
Видение сие почла за колдовство,

Иль сон, или призра́к, и долго изумлялась;
И, видя наконец, что каждый видеть мог,
Что был супруг ее прекрасный самый бог,
Едва не кинула лампады и кинжала
И, позабыв тогда свою приличну стать,
Едва не бросилась супруга обнимать,
Как будто б никогда его не обнимала.
Но удовольствием жадающих очей
Остановлялась тут стремительность любовна;
И Душенька тогда, недвижна и бессловна,
Считала ночь сию приятней всех ночей.
Она не раз себя в сем диве обвиняла,
Смотря со всех сторон, что только зреть могла,
Почто к нему давно с лампадой не пришла,
Почто его красот заране не видала;
Почто о боге сем в незнании была
И дерзостно его за змея почитала.

Впоследок царска дочь,
В сию приятну ночь
Дая свободу взгляду,
Приближилась, потом приближила лампаду,
Потом, нечаянной бедой,
При сем движении, и робком и несмелом,
Держа огонь над самым телом,
Трепещущей рукой
Небрежно над бедром лампаду наклонила
И, масла часть пролив оттоль,
Ожогою бедра Амура разбудила.
Почувствуя жестоку боль,
Он вдруг вздрогнул, вскричал, проснулся
И, боль свою забыв, от света ужаснулся;
Увидел Душеньку, увидел также меч,
Который из-под плеч
К ногам тогда скользнулся;
Увидел все вины
Или призна́ки вин зломышленной жены;
И тщетно тут она желала
Сказать несчастья все с начала,
Какие в выправку сказать ему могла.
Слова в устах остановлялись;
И свет и меч в винах уликою являлись,
И Душенька тогда, упадши, обмерла.

Бывала Душенька веселостей душою,
Бывала Душенька большою госпожою;
Бывало в прошлы дни, под кровом у небес,
Когда б лишь капля слез
Из глаз ее сверкнула,
Или бы Душенька о чем-нибудь вздохнула,
Или б поморщилась, иль только бы взглянула,
В минуту б для ее услуг
Полки духов явились вкруг,
С водами, спиртами, из разных краев света;
И сам бы Эскулап, хотя далеко жил,
Тотчас бы сыскан был
Пощупать, посмотреть иль просто для совета,
И всю б свою для ней науку истощил.
Когда же во дворе рассеялися слухи,
Что Душенька в раю преслушала закон
И что ее за грех оставил Купидон,
Оставили ее и все прислужны духи.
Зефиры не были в числе неверных слуг:
Сии за Душенькой старинны волокиты
Одни остались из всей придворной свиты,
Которые вдали над ней летали вкруг.
Но всем известно то, зефиры были ветры
И были так легки, как наши петиметры:
Увидев красоты, что преж сего цвели,
Увидев их тогда поблеклы, бездыханны,
Зефиры не могли
В привязанности быть надолго постоянны
И, кинув царску дочь,
Лететь пустились прочь.
Красавицы двора, которы ей служили,
Хотя, казалося, об ней тогда тужили,
Но каждая из них имела красоты,
Имела собственны дела и суеты,
Стараяся, ища, ласкаясь, уповая:
Авось-либо творец прекраснейшего рая,
Авось-либо сей бог веселий и утех,
Оставив Душеньку за дурость и за грех
И вспомнив древнюю их верность и услугу,
Впоследок кинет взор
На собственный свой двор

И, может быть, из них возьмет себе супругу;
И каждая, хваля начальницу свою,
Желала быть сама начальницей в раю.

Амуры боле всех к царевне склонны были:
По старой памяти всегда ее любили
И, видя злую с ней напасть,
Усердно ей помочь хотели,
Но, чтя покорно вышню власть,
В то время к ней отнюдь приближиться не смели.
Иль, может быть, и так они, предвидя впредь
Ее несчастья и печали,
Судили — легче ей в сей доле умереть,
И ей из жалости тогда не помогали.
Они увидели, увы! в тот самый час
Зефирам на ветру написанный приказ...
Амуры с Душенькой расстались, возрыдали
И только взорами ее препровождали.
Зефиры царску дочь обратно унесли
Из горних мест к земли,
Туда, откуда взяли,
И там
Оставили полмертву,
Как будто лютым львам
И аспидам на жертву.
Умри, красавица, умри! Твой сладкий век
С минувшим днем уже протек!
И если смерть тебя от бедствий не избавит,
Сей свет, где ты досель равнялась с божеством,
Отныне в скорбь тебе наполнен будет злом
И всюду горести за горестьми представит.
Тебя к терпению оставил Купидон;
Твой рай, твои утехи,
Забавы, игры, смехи
С их временем прошли, прошли, как будто сон.
Вкусивши сладости, когда кто их лишился
И точно ведает их цену и урон,
И боле — кто, любя, с любимым разлучился
И радости себе уже не чает впредь,
Легко восчувствует, без дальнейшего слова,
Что лучше Душеньке в сей доле умереть.
Но гневная судьба была к ней толь сурова,
Что, сколь бы грозных парк на помощь ни звала

И как бы смерти ни искала,
Судьба назначила, чтоб Душенька жила
И в жизни бы страдала.

По нескольких часах,
Как вымытый в водах
Румяный лик Авроры
Выглядывал на горы
И Феб дружился с ней на синих небесах,
Иль так сказать в простых словах:
Как день явился после ночи,
Очнулась Душенька, открыла ясны очи,
Открыла... и едва опять не обмерла,
Увидев где и как тогда она была.
Наместо божеских, прекраснейших селений,
Где смехов, игр, забав и всяких слуг собор
Старался примечать и мысль ее и взор
И ей услуживать, не ждавши повелений,
Наместо всех в раю устроенных чудес,
Увидела она под сводами небес
Вокруг пустыню, гору, лес,
Пещеры аспидов, звериные берлоги,
У коих некогда жрецы, и сами боги,
И сам отец ее, сама царица-мать
Оставили ее судьбы своей искать,
Искать себе четы, не ведая дороги.
Увидела она, при утренней заре,
В ужасной сей пустыне,
На самой той горе,
Куда, по повестям, везде известным ныне,
Ни зверь не забегал,
Ни птицы не летали
И где, казалося, лишь страхи обитали,—
Увидела себя без райских покрывал,
Лежащу в платьице простом и ненарядном,
В какое Душеньку в несчастье бесприкладном,
Оставив выкладки и всякие махры,
Родные нарядили,
Когда на верх горы
Ее препроводили.
Хотя же Душенька, привыкнувши к бедам,
Ко страху и несчастью,
Могла бы ожидать себе отрады там

Богов хранителей везде присущной властью
И, веря всяким чудесам,
Могла б в их помощи легко себя уверить
И несколько бы тем печаль свою умерить,—
Но Душенька дотоль в раю
Была супругою Амура,
И участь Душенька свою
Утратила потом, как дура,
Утратила любовь превыше всех утех,
Любовь нежнейшего любовника и друга,
Иль паче божества под именем супруга.
Проступок свой тогда вменяя в крайний грех,
Жарчайшею к нему любовью пламенела;
Стократ она, в поправку дела,
Прощения просить хотела
У мужа, у богов, у каждого и всех,
Но способов к тому в пустыне не имела:
В пустыне сей никто — ни человек, ни бог —
Ни видеть слез ее, ни слышать слов не мог.
Амур в сей час над ней невидимо взвивался,
Тая свою печаль во мраке черных туч;
И если проницал к нему надежды луч,
Надеждой Душеньку утешить он боялся.

Он ею тайно любовался,
Поступки он ее украдкой примечал,
Ее другим богам в сохранность поручал
И, извиняя в ней поспешность всякой веры,
Приписывал вину одним ее сестрам.
Известно то, что он, по происках Венеры,
Царевну должен был тогда предать судьбам
И что в толико лютой части,
Спасая жизнь ее от злобствующей власти,
Какою ей тогда Венерин гнев грозил,
Противу склонности повсюду ухищрялся,
Против желания повсюду притворялся,
Как будто б он уже царевну не любил.
Не смея же ей сам явить свои прислуги,
Он эху той округи
Строжайший дал приказ,
Чтоб эхо всяку речь царевнину внимало
И громко повторяло
Слова ее сто раз.

«Амур, Амур!» — она вскричала...
И, может быть, что речь еще бы продолжала,
Как некий бурный шум средь облак в оный час
На время прекратил ее плачевный глас.
На вопль отчаянной супруги,
Который поразил и горы и леса
Печальной сей округи,
Который эхо там, во многи голоса,
Несло наперехват под самы небеса,
Амур, предавшися движенью некой страсти,
Забыв жестоку боль бедра
И все, что было с ним вчера,
Едва не позабыл уставы вышней власти,
Едва не бросился с высоких облаков
К ногам возлюбленной, без всяких дальних слов,
С желаньем навсегда отныне
Оставить пышности небес
И с нею жить в глухой пустыне,
Хотя б то был дремучий лес.
Но, вспомнив, нежный бог, в жару своих желаний,
Несчастливый предел толь лестных упований
И гибель Душеньки, строжайшим ей судом
Грядущую потом,
Умерил страсть свою, вздохнул, остановился,
И к Душеньке с высот во славе он спустился:
Предстал ее глазам,
Предстал... и так, как бог, явился;
Но, в угождение Венере и судьбам,
Воззрел на Душеньку суровыми очами,
И так, как бы ее оставил он навек,
Гневливым голосом, с презором произрек
Строжайшую ей часть, предписанну богами:
«Имей,— сказал он ей,— отныне госпожу,
Отныне будешь ты Венериной рабою,
Отныне не могу делить утех с тобою...
Но злобных сестр твоих я боле накажу».

«Амур, Амур!» — опять царевна возгласила...
Но он при сих словах,
Не внемля, что она прощения просила,
Сокрылся в облаках!
Сокрылся и потом в небесный путь пустился,
И боле не явился.

Болтливы эхи дальних мест,
Которы, может быть наукой от Венеры,
Подслушивали речь из ближней там пещеры
И видели его свиданье и отъезд,
Впоследок разнесли такую в мир огласку,
За быль или за сказку,
За правду ль иль прилог,
Что будто, чувствуя жестокую ожогу,
Амур прихрамывал на раненую ногу;
И будто бы сей бог,
Сбираясь к небесам в обратную дорогу,
Лучом своим и сам царевну опалил
И множество древес сим жаром повалил.
Но как то ни было, любови ль нежной сила
Или особая господствующа власть
Соделывала в ней мучительную страсть:
Супружню всю она суровость позабыла,
Лишь только помнила, кого она любила
И дерзостью своей чего себя лишила.
Чего ей ждать тогда осталось от небес?
В отчаяньи, пролив потоки горьких слез,
Наполнив воплями окружный дол и лес,
«Прости, Амур, прости!» — царевна вопияла
И в тот же час лихой,
Бездонну рытвину увидев под горой,
С вершины в пропасть рва пуститься предприяла,
Пошла, заплакала, с платочком на глазах,
Вздохнула! ахнула!.. и бросилась в размах.
Амур оставил ли зефиров без наказа,
Велел ли Душеньку стеречь на всех горах,
Читатель может сам увидеть то в делах.
В тот час и в тот момент усердный Скоромах —
Зефир, слуга ее при ветреных путях,—
Увидев царску дочь в толь видимых бедах,
Не ждал себе о том особого приказа,
Оставил все дела в высоких небесах,
Тряхнул крылом, порхнул три раза,
И Душеньку тогда, летящую на низ,
Прикрыв воскрылием своим воздушных риз
От всякой наглости толпы разносторонной,
Как должно подхватил,
Как должно отдалил
От пропасти бездонной

И тихо положил
На мягких муравах долины благовонной.
Он тихим дханием там воздух растворил,
Бореям дерзким дуть над нею запретил
И долго прочь не отходил,
Забыв свою любезну Флору;
Скорбел, что скоро путь свершил,
Что долго Душеньке не мог служить в подпору.

Увидев там она себя на муравах,
Неведомыми ей судьбами,
И куст ясминный в головах
Меж разными вокруг цветами,
Такую истину сперва за сон почла!
И щупала себя, в сомнении и в диве,
И долго верить не могла,
Чтоб, кинувшись, была
Еще на свете вживе;
Забывшися потом,
Заснула крепким сном.
Но видела ль во сне, что было с ней доселе,
Худое ль, доброе ль на деле,
Супруга на горе иль спящего в постеле,
Иль грозную его разгневанную мать,
Историки о том забыли написать,
А только дали знать,
Что бог Амур над нею
Велел тогда летать
Снодетелю Морфею
И сном продлить ее покой,
Зефира отослав домой.
Известно ныне всем, что сон и вся натура
В то время правились указами Амура.
Амур, который зрел ее и скорбь и труд,
Амур, содетель чуд,
Легко соделать мог, чтоб Душенька уснула
И сном бы отдохнула.
И, может быть, она, возненавидев свет,
Была к небытию влекома в сей пустыне,
Как узник иногда, устав от мук и бед,
Чрез сон старается приближиться к кончине.
Но, как бы ни было, по нескольких часах
Влюбленный Купидон, не спя на небесах

И охраняючи несчастную супругу,
Решился прекратить Морфееву услугу.
Проснулась Душенька, открыла томный взор...
Но, вспомнив свой позор,
Глаза от света отвращала,
Цветы и травы вновь слезами орошала
И камням и лесам унывно возвещала,
Что боле жить она на свете не желала.

«Не буду доле жить!
Приди, о смерть! ко мне, приди!» — она вопила.
Но смерть, хотя ее царевна торопила,
Отказывалась ей по должности служить;
Курносо чучело с плешивой головою,
От вида коего трепещет всяка плоть,
Явилась к ней тогда с предлинною косою,
Но только лишь траву косить или полоть,
Где Душенька могла ступеньки поколоть.
Увидев наконец, что смерть от ней бежала,
Насильно Душенька скончать свой век искала:
«Зарежуся!» — вскричала,
Но не было у ней кинжала,
Ниже́ какого острия,
Удобного пресечь несчастну жизнь ея.
Читатель ведает, без всякой дальней справки,
Что Душенька пред сим,
Летя с горы на низ, повытрясла булавки,
Чудесным действием иль случаем простым.
В сей крайности она, не размышляя боле,
Искала камней в поле,
И острый камень как-нибудь
Вонзить себе хотела в грудь.
Казался край тогда ее несчастной доле;
Нашлися остры камни там,
Но Душенька велась не к смерти, к чудесам:
Лишь только во́зьмет камень в руки,
То камень претворится в хлеб
И, вместо смертной муки,
Являет ей припас снедаемых потреб.
Когда же смерть отнюдь ее не хочет слушать,
Хоть свет ей был постыл,
Потребно было ей, ко укрепленью сил,
Ломотик хлебца скушать.

Потом, смотря на лес, на пропасти без дна,
На небо и на травку,
И вновь смотря на лес, умыслила она
Другую смерть себе, а именно — удавку.
В старинны времена
Такая смерть была почтенна и честна.
У турок и поднесь за смерть блаженну ставят,
Когда кого за грех не режут, а удавят.
Нередко визири, и главные в полках,
И сами там султаны
За собственны свои или других обманы
Кончают свой живот в ошейных осилках.
Хотя ж в других местах
Не ставят в честь удавку
И смертью таковой казнят одних плутов,
Но ищущий конца на всяку смерть готов;
И Душенькина смерть не шла в позор и в явку.
Желала бы она
Скончаться лучше ядом;
Но вся сия страна,
Где смерть была запрещена,
Казалась райским садом,
Казалася сотворена
Для пользы иль веселья,
И тщетно было б там искать лихого зелья.
Равно же изгнан был оттоле всякий гад,
В каком бывает яд;
Итак, нельзя дивиться,
Что Душенька тогда хотела удавиться.
А где, и чем, и как?
По многим повестям, остался верный знак:
Вблизи оттоле рос дубняк,
И были тамо дубы
Высоки, толсты, грубы.
На Душеньке тогда широкий был платок,
Который с белых плеч спускался возле бок.
Несчастна Душенька, не в многие минуты,
Неся на смерть красу,
Явилася в лесу;
Не в многие минуты,
Кончая скорби люты
И плачась на судьбу,
Явилась на дубу;

Избрав крепчайший сук, последний шаг ступила
И к суку свой платок как должно прицепила,
И в петлю Душенька головушку вложила;
О, чудо из чудес!
Потрясся дол и лес!
Дубовый грубый сук, на чем она повисла,
С почтением к ее прекрасной голове
Погнулся так, как прут, изросший в вешни числа,
И здраву Душеньку поставил на траве;
И все тогда суки, на низ влекомы ею,
Иль сами волею своею
Шумели радостно над нею
И, съединяючи концы,
Свивали разны ей венцы.
Один лишь наглый сук за платье зацепился,
И Душенькин покров вверху остановился.
Тогда увидел дол и лес
Другое чудо из чудес!
И горы вскликнули громчае сколь возможно,
Что Душенька была прекрасней всех неложно;
И сам Амур тогда, смотря из облаков
Прилежным взором, то оправдывал без слов;
Меж тем как Душенька в живущих оставалась,
Как бытностью ее натура красовалась,
Явился ей еще удобный смерти род,
Которым чаяла окончить свой живот.
Не могши к дубу прицепиться,
Она решилась утопиться.
На случай сей река
Была недалека.
Царевна с берега крутого,
Где дно реки от глаз скрывалось под водой,
На смерть пустилась снова.
Но вдруг, противною судьбой,
Поехала она на щуке шегардой;
И, ехав поверху опаснейшей дороги,
Мочила Душенька лишь только хвост и ноги.
К хранению ее прибавлен был конвой:
Другие тут же щуки,
Наукой от богов иль просто без науки,
Собравшися, как должно, в строй,
От всяких случаев царевну ограждали
И в путь с плесканием ее препровождали.

Иные говорят,
Что будто в щуках там приметили наяд,
И что наяды эскадроном
Явились к Душеньке с поклоном.
Не знаю, правда ль то, лишь нет сомненья в оном,
Что некие тогда из сих наяд, иль рыб,
Которых род с рекой от времени погиб,
Служив дотоль в раю под счастливым законом,
За Душенькою тут спешили вслед догоном,
В старинном их строю
Признать, по должности, владычицу свою,
Забыв, что бог прекрасна рая,
С тех пор как райску жизнь в ничто преобратил,
Служивших там, как бы карая,
Оттоль на волю распустил.
Несчастна Душенька сколь много ни старалась
В речном потоке утонуть,
Но щукою неслась благополучно в путь,
И с берега она к другому добиралась.
В сих муках тщетно жизнь кляла
И тщетно снова смерть звала;
На зов плавучий сонм вопил единогласно,
Что Душенька в бедах
Без пользы и напрасно
Стремится кончить жизнь в водах;
Что боги пусть продлят ее прекрасны годы,
И что ее на смерть отнюдь не примут воды.
Остался наконец единый смерти род,
Который Душенька еще не испытала;
Она еще себя надеждою питала,
Что, может быть, огнем скончает свой живот.
Вдали в то время дым курился:
Ко смерти новой путь открылся,
И Душенька пошла на дым;
И случаем тогда, видущим иль слепым,
Пришла к речному брегу,
И там на муравах
Нашла огонь в дровах
К рыбачьеву ночлегу.
Хозяин оных дров,
Престарый рыболов
В ладье своей на лов
Отплыл во оно время.

Царевна жизни бремя
Легко могла пресечь,
Могла себя сожечь
В пустом широком поле,
В просторе и на воле.
Никто б ее извлечь,
Никто б не мог оттоле,
Когда бы небеса
От смертного часа
Ее не отдалили
И новы чудеса
Над ней не сотворили.
Она, сказав ко всем последние слова,
Лишь только бросилась во пламень на дрова,
Как вдруг невидимая сила
Под нею пламень погасила.
Мгновенно дым исчез, огонь и жар потух,
Остался только лишь потребный теплый дух,
Затем, чтоб ножки там царевна осушила,
Которые в воде недавно замочила.
Узрев себя она безвердну на дровах,
Вскричала громко: ах!..
Сей глас раздался на волнах;
Восколебались тихи воды,
Всплеснулись рыб различны роды,
Взвернулась трижды вкруг
Ладья у рыболова,
И все то сталось вдруг
От Душенькина слова.
Не знаю, волею ль на сей внезапный крик
В ладье своей старик
Назад стремился к бегу
Иль чудом вверх воды несло его ко брегу;
Но знаю, что потом сей древний в мире дед,
Взглянув на близь своей повети,
Забыл преклонность поздных лет,
Пустил из рук рыбачьи сети,
Прыгнул из лодки ко дровам
И пал к царевниным ногам,
Хотя не ведал с нею чуда,
Ни кто она была,
Зачем туда пришла,
Каким путем, откуда.

«О праотец земных родов,
Иль сын, конечно, праотцов! —
Царевна к старцу вопияла.—
Ты помнишь бытность всех времен
И всяких в мире перемен;
Скажи, как свет стоит с начала,
Встречалось ли когда кому
Несчастье, равно моему?
Я резалась и в петлю клалась,
Топилась и в огонь бросалась,
Но к горькой участи моей,
Прошед сквозь огнь, прошед сквозь воду,
И всеми видами смертей
Приведши в ужас всю природу,
Против желания живу,
Бессмертие имею в муку
И тщетно смерть к себе зову.
Подай свою мне в помощь руку,
Скончай мой век, мне свет постыл!»
«Но кто ты?» — старец вопросил.
«Я Душенька... люблю Амура...»
Потом заплакала, как дура;
Потом, без дальних с нею слов,
Заплакал вместе рыболов,
И с ней взрыдала вся натура.
Потом сказал ей тот же дед,
Что смерти ей на свете нет,
Как по себе она ни чает,
И что еще она не знает
Готовых ей вприбавок бед;
Что злоба гневной к ней богини
Проникла в самые пустыни;
Что, каждому в пример и в страх,
Во всех подсолнечных местах
Уже ее вины открыты
И грамоты о том прибиты
В распутиях и во вратах.
Притом старик роптал в слезах,
Что злобе попускают боги,
И, строгую виня судьбу,
Повел царевну он к столбу,
Где ближние сошлись дороги.
Царевна там сама прочла

Прибитый лист, в большую меру;
А что она в листе нашла,
Скажу по точному манеру.
«Понеже Душенька прогневала Венеру,
И Душеньку Амур Венере в стыд хвалил;
Она же, Душенька, румяны унижает,
Мрачит перед собой достоинство белил
И всяку красоту повсюду обижает;
Она же, Душенька, имея стройный стан,
Прелестные глаза, приятную усмешку,
Богиню красоты не чтит и ставит в пешку;
Она же взорами сердцам творит изъян,
Богиней рядится и носит хвост в три пяди,—
Того или иного ради,
Венера каждому и всем
О гневе на нее своем
По должной форме извещает
И всяку милость обещает
Тому, кто Душеньку на срок
К Венерину лицу представит.
А буде кто ее оправит
Противу силы оных строк,
Иль буде где ее укроет,
Иль повод даст укрыться ей,
Тот век вины своей не смоет
Ни самой кровию своей».

Всплеснула Душенька руками,
Прочтя толь грозные слова:
«О боги! видите вы сами,—
Вопили камни и древа,—
На то ли Душенька жива,
На то ль одарена красами
И чем виновна перед вами,
Когда родилась такова?»
Уже тогда весь мир читал о ней сыскную,
Весь мир о ней равно жалел:
Иной бранил богиню злую,
Другой сыскную драть хотел.
Одни, из должности, цитерские пролазы
Твердили по утрам о Душеньке приказы,
Которы всяк потом охотно забывал,

И Душеньку, кто мог, охотно укрывал.
Но как то ни было, бояся ли пролазов,
Бояся ли приказов,
Водима ль стариком
Иль собственным умом,
Царевна наконец за благо рассудила
Просить о помощи степеннейших богинь,
Счастливее она б богов о том просила;
Но с времени, когда Амура полюбила,
По мысли никого в богах сыскать не мнила:
Кто дерзок был иль трус, кто горд иль глупый шпынь,
И, может быть, она в то время находила
В верховнейших богах немалу часть разинь.
Вначале Душенька пошла просить Юнону,
Которая тогда, оставив небеса,
За мужем бегала и в горы и в леса.
Она могла б давать несчастным оборону,
Но собственну свою тогда имела грусть.
Юнону хоть любил Юпитер по закону,
Любя других, не мог к ней верности соблюсть;
Везде по свету волочился,
Был груб, был дик,
Как вепрь иль бык,
И часто под дождем по целым дням мочился.
И после до ушей Юноны слух проник,
Что подлинным быком к Европе он явился
И подлинным дождем к Данае он спустился,
Забыв отца богов достоинство и чин.
Для множества таких причин
И, может быть, за то, как видела Юнона,
Что Душенька сама
Могла Юпитера соделать без ума,
«Поди,— сказала ей богиня вышня трона,—
Проси о деле Купидона
Или поди проси других,
А мне довольно бед своих».

Царевна, по народной вере,
Пошла с прошением к Церере.
В те дни сбирался хлеб с полей,
И хлебодатная богиня
У всех своих тогда являлась олтарей,

Неудача в намерении Душеньки повеситься.
Гравюра Ф. Толстого.
1840 г.

Государственный музей изобразительных искусств
имени А. С. Пушкина.

Тогда на всех лилась от ней
Щедрота, милость, благостыня.
Но доступ для сего к Церерину лицу
Дозволен только был жрецам или жрецу,
И кто к богине шел для просьбы иль вопроса,
Не мог услышан быть без жертвы и приноса;
А Душенька была в то время всех бедней,
И не было тогда у ней
Отцовских денег, ни перстней;
Возненавидев жизнь, как знают все, дурила
И добрым людям их дорогой раздарила.
Остался у нее пастуший сарафан,
Который был ей дан
Разумным рыболовом,
Чтоб в сем наряде новом
Укрыть ее от бед хотя через обман;
Осталась красота, о коей все трубили,
Но красоты чужой богини не любили,
И, им последуя, жрецы, известно то,
Отменный дар красот вменяли ни во что.
Жрецы тогда ее, до будущего лета,
Отправили оттоль без всякого ответа.

В сей скорби Душенька, привыкши всех просить,
Минерву чаяла на жалость преклонить.
Богиня мудрости тогда на Геликоне
Имела с музами ученейший совет
О страшном некаком наклоне
Бродящих близ земли комет,
Которы долгими хвостами,
Пугая часто робкий свет,
Пророчили беды местами
И Аполлонов путь
Грозили в мир запнуть.
На все же, что тогда царевна представляла,
Без всякой жалости богиня отвечала,
Что мир без Душеньки стоял из века в век;
Что в обществе она не важный человек;
И паче, как хвостом комета всех пугает,
На Душеньку тогда взирать не подобает.
К Диане Душенька явить не смела глаз;
Богиня та любви не ведала зараз:
Со свитой чистых дев, к свободе устремленных,

К невинной вольности, нося колчан и лук,
Пускаясь быстро в бег, любя проворство рук,
Гонялась за зверьми в пустынях отдаленных.
Никто не нарушал дотоль ее забав;
Еще не видела она Эндимиона,
И строгостью себе предписанна закона
Лишила б Душеньку и милостей и прав.

Куда идти? еще к Минерве иль к Церере?
Поплакав, Душенька пошла к самой Венере.
Проведала она, бродя по сторонам,
Что близко от пути, в приятнейшей долине,
Стоял известный храм
С надвратной надписью: «Прекраснейшей богине».
Нередко в сих местах утех всеобщих мать,
Мирских сует слагая бремя,
Любила отдыхать.
Туда от разных стран народ во всяко время
Толпой стекался воздыхать.
Иные шли туда богиню прославлять,
Другие к милостям признание являть,
Другие ж их просить иль просто погулять.
В таком стечении народа
Несчастна Душенька, избрав тишайший час
И кроясь всячески от всех сторонних глаз,
Со трепетом рабы туда искала входа.
Одною лишь в бедах
Надеждой утешалась,
Что, может быть, она, хоть вольности лишалась,
Увидит в сих местах
С Венерой Купидона
И, забывая страх
Строжайшего закона,
Вдавалась в сладости различных лестных дум,
Какими упоен бывает страстный ум.
В сих мыслях Душенька приближилась ко храму
И там, задумавшись, едва не впала в яму,
Куда от разных жертв за двор
Смешался в кучу всякий сор.
Но, впрочем, все места казались тамо садом,
И благовонная катилася роса
На мирту, на лимон, на всяки древеса,
И храм курился вкруг душистым всяким чадом.

По сказкам знают все, что шелковы луга,
Сытовая вода, кисельны берега
Богине красоты всегда принадлежали
И по долине там дороги окружали.
Издревле бог войны
Строжайший дал приказ, в угодность сей богине,
Чтоб вечно в той долине
Трубы военной звук не рушил тишины.
Известно всем, что там и самы дики звери
К овцам ходили в двери,
И овцы, позабывши страх,
Гуляли с ними на лугах
И с самой вольной простотою
Питались киселем с сытою,
Навеки в животе,
В здоровье, в красоте;
Живуща тварь не убивалась,
Насильством кровь не проливалась,
Неведом был скорбящих глас,
И вся природа всякий час
Согласием сочетавалась.
В средине сих лугов,
И вод, и берегов
Стоял богинин храм меж множества столпов.
Сей храм со всех сторон являл два разных входа:
Особо — для богов,
Особо — для народа.
Преддверия, врата, и храм, и олтари,
И каждая их часть, и каждая фигура,
И обще вся архитектура
Снаружи и внутри
Изображала вид игривого Амура,
Иль вид забав и торжества
Властительного там прекрасна божества;
Венеры чудное рождение из пены
И всяка с нею быль, приятная в чертах,
Особо виделись в картинах и в коврах,
Какими изнутри покрыты были стены.
Во внутренности там различных олтарей
Различны дани приносились
От всех наук, искусств, художеств и затей,
И знатных и простых людей,
Которы все в число достойнейших просились:

Иной, желая приобресть
Любовью к некой Музе честь
И данью убедить любовницу скупую,
Привесил в уголок цевницу золотую;
Другой, себе избрав,
По праву иль без права,
В любовницы Палладу
И тщася получить лавров венец в награду,
Привесил ко столбу
Серебряну трубу;
Иной, ища любви несклоннейшей Алкмены,
Во храме распестрил малярной кистью стены.

Но дани, приносимы в храм
Не по богатству иль чинам,
Могли казаться тамо кстати;
И часто там простой пастух,
Неся богине в дар усердный только дух,
Предпочитаем был блистательнейшей знати.
На среднем олтаре,
Под драгоценнейшим отверстым балдахином,
Стоял богинин лик особым неким чином,
Во всей поре,
Во всей красе и в полной славе,
В подобной, как она на некакой горе
Явилась в прежни дни к Парисовой расправе
И спор между богинь решила красотой.
Сей лик, казалось, был божественной рукой
Из мрамора иссечен
И после в образец художества примечен.
Носился в мире слух, что будто Пракситель
Оттуда взял модель
И, точно по примеру,
Представил в первый раз во всей красе Венеру.
Никто из вшедших в храм не мог или не смел
Не преклонять колен пред сим прекрасным ликом;
И каждый, как умел,
Богине гимны пел,
В усердии глуша один другого криком.
Над храмом извивался рой
Амуров, смехов, игр, зефиров,
Которы всякою порой
Туда слеталися от всех возможных миров.

В летучем их строю
И те при храме были,
Которые в раю
При Душеньке служили.
В сей час они опять над прежней госпожой
В неведеньи летали,
Резвились и журчали;
Но Душенька тогда, под длинною фатой,
Под длинным сарафаном,
Для всех была обманом:
Вошла во храм с толпою в ряд
И стала в стороне у самых первых врат.
От робости она сих мест не примечала,
Иль, помня прежнюю блаженну жизнь свою,
Когда сама была богинею в раю,
Полками разных слуг сама повелевала,
И песни и хвалы сама от всех слыхала,
Сей храм напоследи за редкость не считала, —
По воле то решить читатель может сам.
Но в храме, лишь едва лицо свое открыла,
В минуту все глаза к себе оборотила.
Возволновался храм,
Умолкли гимны там,
Пресеклись жертв приносы,
И всюду слышались лишь вести иль вопросы.
Я прежде не сказал,
Что весь народ Венеру
В сей день по слуху ждал
Из Пафоса в Цитеру.
Увидя ж Душеньку, согласно весь народ
Один другому в рот
Шептал за новы вести:
«Венера здесь тайком!..
Бежит от всякой чести!..
Венера за столбом!..
Венера под платком!..
Венера в сарафане!..
Пришла сюда пешком!..
Во храм вошла пешком!..
Конечно, с пастушком!..»
И весь народ в обмане
Пред Душенькою вдруг колена преклонил.
Жрецы, со множеством курящихся кадил,

Воздев умильно длани,
Просили Душеньку принять народны дани
И с милостью воззреть
На всяки нужды впредь.
В сие волнение народа
Возникла вдруг молва у входа,
Что сущая уже богиня оных мест,
Влеча с собой толпы служителей на въезд
И яблоко держа Парисово в деснице,
Со всею славою, в блестящей колеснице
В тот час из Пафоса ко храму прибыла,
И вдруг при сей молве Венера в храм вошла.

Но кто представит живо,
В словах или чертах,
Богинин гнев, народный страх
И общее во храме диво,
И боле Душеньку, в невинном торжестве,
При самом храма божестве.
Вотще в то время всех царевна уверяла,
Зачем туда пришла
И кто она была,
Большая часть людей от ней не отставала,
Забыв, что в храм сама Венера прибыла.
Богиня, сев на трон и скрыв свою досаду,
Колико скрыть могла,
Оставила в сей день другие все дела
И тот же час приказ дала
Представить Душеньку во внутренню преграду.
«Богиня всех красот! не сетуй на меня,—
Рекла царевна к ней, колена преклоня.—
Я сына твоего прельщать не умышляла:
Судьба меня, судьба во власть к нему послала.
Не я ищу людей, а люди в слепоте
Дивятся завсегда малейшей красоте.
Сама искала я упасть перед тобою,
Сама желаю я твоею быть рабою,
И в милость только то прошу себе напредь,
Чтобы всегда могла твое лицо я зреть».
«Я знаю умысл твой!» — Венера ей сказала
И, тотчас кончив речь,
С царевной к Пафосу отъехать предприяла,
Притом с насмешкой приказала

В пути ее беречь.
Сажают Душеньку в особу колесницу,
Запрягши в путь сорок станицу;
А для беседы с ней, как будто ей чета,
Садятся тут же рядом
Четыре фурии, изверженные адом:
Коварство, Ненависть, Хула и Клевета.
Оставим разговор сих фурий ухищренных
И скажем наконец, к каким трудам она
Венерой в Пафосе была осуждена
И кто был вождь ее на службах повеленных.
Из многих дел и слов,
В умах напечатленных,
Известно мщение богов,
Во гневе раздраженных.
Нередко сильные, прияв на небе власть,
Бессильных поборали,
Чернили и марали,
И все, что только бы могло пред ними пасть,
Ногами попирали.
В счастливейших веках,
Конечно, нет примера
Такому мщению, какое, всем во страх,
Противу Душеньки умыслила Венера!
Умыслила свою умножить красоту,
А Душеньку привесть, сколь можно, в дурноту,
Чтоб все от Душеньки впоследок отвращались
И только бы тогда Венерою прельщались.

Не знаю, в первый день иль, лучше, в перву ночь,
Довольная своею жертвой,
Богиня в мщении послала царску дочь
Принесть чрез три часа воды живой и мертвой.
Известен весь народ
О действе оных вод:
От первой кто попьет — здоровье получает;
А от другой попьет — здоровье потеряет;
Но в сем пути никто не возвращался жив.
Царевна, к службе сей, как должно прицепив
Под плечи два кувшина,
Пошла без дальна чина,
Пошла на все труды
Искать такой воды.

Куда? и кто в пути ей будет провожатым?
Амур во все часы ее напасти зрел
И тотчас повелел
Своим слугам крылатым
Поднять и перенесть царевну в тот удел,
Где всяки воды протекают,
Мертвят, целят и помогают.
Зефир, который тут по склонности прильнул,
Царевне на ухо шепнул,
Что воды окружает
Большой и толстый змей, свернувшись вкруг кольцом,
И никого отнюдь к водам не допускает,
Как разве кто его забавит питьецом.
Притом снабдил ее большою с пойлом флягой,
Которую велел, явясь туда с отвагой
И змею речь сказав, в гортань ему воткнуть.
Когда же пасть свою при пойле змей разинет
И голову с хвостом в то время разодвинет,
То Душенька найдет себе свободный путь
Живую ль, мертвую ль водицу почерпнуть.
Зефир лишь то сказал, царевна путь скончала,—
Явилася у вод
И, змею поклонясь, умильну речь сказала,
Котору выдала впоследок и в народ:
«О Змей Горынич Чудо-Юда!
Ты сыт во всяки времена,
Ты ростом превзошел слона,
Красою помрачил верблюда,
Ты всяку здесь имеешь власть,
Блестишь златыми чешуями,
И смело разеваешь пасть,
И можешь всех давить когтями,—
Соделай край моим бедам,
Пусти меня, пусти к водам».
Хвалы и титулы пленяют всяки уши,
И движутся от них жестоки самы души.
Услышав похвалы от женского лица,
Притом склоняяся ко сласти питьеца,
Горынич пасть разинул
И голову с хвостом при пойле разодвинул —
Открылись разных вод и реки и пруды
И разны к ним следы.
Прислужливый Зефир, пока сей час не минул,

Конечно, Душеньку в дорогах не покинул;
Она, в свободе там попив живой воды,
Забыла все свои дорожные труды
И вдруг здоровей стала.
Писатели гласят,
Что Душенька тогда, с водой явясь назад,
В отменной красоте, как роза, процветала
И пред Венерою, как солнце, возблистала,
И будто бы тогда богиня умышляла
Заставить Душеньку лихую воду пить;
Но просто случаем иль чудом, может быть,
Кувшин с лихой водой разбился,
И умысл в дело не годился.
Богиня видела из таковых чудес,
Что помощь Душенька имеет от небес,
Или, точней сказать, от самого Амура;
Но, как известно было ей,
Что пагубой людей
Обилует натура,
Послала Душеньку еще в другой поход,
В надежде, что она скончает тем живот
Или хоть будет жить, но будет без красот.
В саду, где жили Гесперид,
Читатель ведает, что некогда росли
Златые яблоки, иль просто златовиды,
И сей чудесный сад драконы стерегли.
А в том или в другом саду, вблизи Атласа,
Жила напоследи царевна Перекраса.
Потомству все ее неведомы дела,
Но всяк о том слыхал, что подлинно была
Сих чудных мест она богиня иль царица
И в сказках на Руси слыла,
Как всем известно, Царь-Девица.
О красоте ее имеет весь народ
Из повестей довод:
Златые яблоки она вседневно ела;
Известно, что от них краснела и добрела.
Но ради страхов там и трудностей дорог
Коснуться к яблокам никто другой не мог.
Хоть не было тогда драконов там, ни змея,
Однако сад сей был под стражею Кащея,
Который сам, как страж, тех яблок не вкушал
И никого отнюдь их есть не допускал.

А если приходил кто яблок тех покушать,
Вначале должен был его загадки слушать;
Когда же кто не мог загадок отгадать,
Того без милости обык он после жрать.
Венера, ведая сих строгих мест законы,
По коим властвуют Кащей или драконы,
Послала Душеньку не жить, а умирать,
Чтоб яблок тех достать.
Но кто ей скажет путь и будет помогать?
Зефир — она его успела лишь назвать,—
Зефир ей новую явил тогда услугу;
И чтоб холодный ветр не мог ее встречать,
Пустился с ней в сей путь по югу;
Шепнул царевне он, какую речь сказать
И как на все слова Кащею отвечать.
Потом под яблонью подставить только полу,
В то время яблоки скатятся сами к долу,
И можно будет ей тогда, оставив сад,
С добычею лететь назад
И яблок золотых вкусить по произволу.

Не в долгом времени, не в день — в единый час,
Явилась Душенька к Кащею взять приказ;
Поклон, как должно, сотворила,
Как должно, речь проговорила,
Но свету речи сей,
Ниже́ того, что ей
Загадывал Кащей,
Она не сообщила.
Известны только нам последственны дела,
Что службу Душенька вторую сослужила;
Что в новой красоте пред прежним процвела
И горшие себе напасти навела.

К успеху мщения пришло во ум богине
Отправить Душеньку с письмом ко Прозерпине,
Велев искать самой во ад себе пути,
И некакой оттоль горшечек принести.
Притом нарочно ей Венера наказала,
Горшечка чтоб она отнюдь не открывала.
Царевнин ревностный служитель давних лет,
Зефир скорей стрелы спустился паки в свет

И ей полезный дал совет
Идти в дремучий лес, куда дороги нет.
В лесу, он ей сказал, представится избушка,
А в той избушке ей представится старушка,
Старушка ей вручит волшебный посошок,
Покажет впоследи в избушке уголок,
Оттоль покажет вниз ступени,
По коим в ад нисходят тени;
И Душенька тогда, лишь ступит девять раз,
К Плутону в области окончит всю дорогу;
И, в безопасности от страхов, тот же час
Откроет напоказ
Свою прекрасну ногу,
И может впоследи бесстрашно говорить
С Плутоном, с Прозерпиной, с Адом,
Письмо вручить,
Горшечек получить
И службу надлежащим рядом
Исправно совершить.
Последуя сему закону,
Пошла царевна в лес, куда глаза глядят,
Нашла подземный сход, ступила девять крат,
Сошла тотчас во ад,
Явилась ко Плутону.

Возволновался мрачный край,
Не ждав посольства от Венеры;
Тризевны в Тартаре церберы
Распространили страшный лай.
Но Душенька, в сию тревогу,
Едва открыла только ногу,
Как вдруг умолкла адска тварь —
Церберы перестали лаять,
Замерзлый Тартар начал таять;
Подземна царства темный царь,
Который возле Прозерпины
Дремал с надеждою на слуг,
Смутился тишиною вдруг:
Возвысил вкруг бровей морщины,
Сверкнул блистаньем ярых глаз,
Взглянул... начавши речь, запнулся,
И с роду первый раз
В то время улыбнулся.

Узрев толь сильную посольску полну мочь,
Какую при письме казала царска дочь,
А паче на нее воззрение Плутона,
Богиня адска трона
Велела ей скорей пресечь
Пристойную на случай речь;
И, по письму вручив горшечек ей приватно,
Ее, без дальних слов, отправила обратно.
Царевна наконец могла бы как-нибудь
Окончить счастливо и новый оный путь;
Но друг ее Зефир сначала,
Как видно, бед не предузнал
И ей особо не сказал,
Чтобы горшечка не вскрывала.
Царевна много раз
В горшечек посмотреть в пути остановлялась,
И в тот же самый час
Желанию сопротивлялась.
Напоследи, смотря и в стороны и в след
И до двора уже немного не дошед,
Венеры заповедь, и гнев, и страх презрела,
Открыла кровельку, в горшечек посмотрела.

Оттуда, случаем лихим,
Внезапно вышел черный дым.
Сей дым, за сильной густотою,
Зефиры не могли отдуть;
И белое лицо и вскрыта бела грудь
У Душеньки тогда покрылись чернотою.
Она старалась пыль платком с себя стирать;
Но чем при трении трудилася сильнее,
Тем делалась чернее,
Как будто бы свой вид трудилася марать.
Надеялась потом хоть как-нибудь водою
Прошедшую себе доставить красоту,
Но, чудною бедою,
Прибавила еще, обмывшись, черноту;
И к токам чистых вод хотя лицо склоняла
И черноту свою хоть много раз купала,
Смотрясь в водах потом, уверила себя,
Что темностью она была подобна саже
Иль просто, так сказать, красу свою сгубя,
Была арапов гаже.

В сем виде царска дочь
Стыдилась всякой встречи
И, слыша всяки речи,
От всех бежала прочь.
Для белых рук ее в народе вышла сказка,
Что будто бы она таилась от людей
И будто бы на ней
Была лишь только маска.
Иные, ей в посмех,
Давали странный образ делу
И уверяли всех,
Что боги, будто б ей за грех,
Арапску голову пришили к белу телу.
Простой же весь народ,
Любуясь Душеньки и видом и осанкой,
Дивился в ней еще собранию красот
И звал ее тогда прекрасной африканкой.
Но Душенька, сей вид
Себе имея в стыд,
То шею, то лицо платочком закрывала,
И в горести тогда, куда идти, не знала,—
Идти ли ей потом на смех и на позор
Обратно в дом к Венере
Или к родным во двор?
Но может ли их взор
За точну Душеньку признать ее по вере?
Осталось только ей сокрыть себя тогда
В какой-нибудь пещере,
Где б люди никогда
Ее толь горького не видели стыда,
И там зарыть себя живую,
Чтобы скорее тем окончить участь злую.

Амур жестокость зол подобно ощущал,
Он все ее беды иль видел, или знал.
Но для чего ее оставил он без стражи,
Когда она несла горшечек адской сажи?
Читатель сей вопрос решит, конечно, сам:
Угодно было так судьбам,
Угодно было так Венере,
Чтоб Душенька была черна,
Чтоб Душенька была дурна

И крылась от людей в пещере,
Амур отвержен был в Цитере
И, в небе быв тогда без сил,
Беде нарочно попустил
Чтоб тем обезоружить злобу,
Котора Душеньку могла привесть ко гробу.
Для редкости сих дел
Повсюду мир шумел
О роде Душеньки, об участи, о летах,
О всех ее приметах.
Дошла впоследок весть,
Чрез слух иль как ни есть,
К сестрам ее коварным,
Что Душенька в раю с супругом лучезарным
Недолго пожила;
Что изгнана оттоль за некаки дела
И что напóследи, скитаяся без дела,
Иссохла, подурнела
И страшно почернела.
Они устроили на случай торжество
И громко всем трубили,
Что Душеньку везде грехи ее губили
И что за то ее карает божество.

Превратным разумам любови существо
Неведомо и странно.
Сестры царевны сей,
Навлекши скорби ей
И все ее дела ругая беспрестанно,
Отнюдь не мыслили во мраке клеветы,
Что Душенька, лишась наружной красоты,
Могла Амуром быть любима постоянно.
Амур, напастями царевны отвлечен,
Стремил старание к единому лишь виду,
Чтоб гнев судеб к ней был, сколь можно, облегчен,
Как будто бы забыл от сестр ее обиду;
Но после обратил их наглость им же в казнь:
На торжество сих сестр нарочного отправил,
Который от него, как должно, их поздравил;
Благодаря притом за дружбу и приязнь,
Прибавил, что Амур любовью к ним пылает
И с нетерпением увидеть их желает,
И только ждет, без дальних слов,

Чтобы они, взошед на каменную гору,
Какая выше всех представится их взору,
Оттуда бросилися в ров;
И что потом Зефир минуты не утратит,
Тотчас летящих их подхватит,
Помчит наверх в небесный край
И прямо постановит в рай,
А там Амур явит им должные услуги,
Намерясь купно взять обеих их в супруги.

Услыша толь приятну речь,
Сестры царевнины от радости вскружились:
Скорей коней велели впречь,
В богаты платья нарядились;
Не прочили белил, ни мушек, ни румян,
Опрыскались водами,
Намазались духами,
Хулили Душеньку за дерзость и обман,
Отправились к горе, и там, с крутой вершины,
Спешили броситься в стремнины.
Но их Зефир потом наверх не подхватил,
А дул, как видно, только в тыл;
И в райское они жилище не попали,
Лишь только головы себе, летя, сломали.
Карая тако злость, меж тем прекрасный бог
Подробну ведомость имел со всех дорог,
От всех лесов и гор, где Душенька являлась,
И, сведав, что она,
От всех удалена,
В средине гор скрывалась,
Донес богам о том сполна;
Донес, что Душенька была уже черна,
Суха, худа, дурна;
И упросил тогда смягченную Венеру,
Чтоб было наконец дозволено ему
Открыто самому
Явиться к Душеньке в пещеру.
Но как представился тогда его очам
Предмет любови постоянной?
Несчастна Душенька, в печали несказанной,
Не ела, не пила, не зрела света там.
Читатель должен знать сначала,
Что Душенька тогда лежала;

Но боком иль ничком,
Спала или дремала,
Не ведаю о том
И не хочу искать свидетельства для веры;
Лишь знаю, что она лежала на фате
У входа сей пещеры,
Скрывая голову в пещерной темноте;
А часть оставшая являлась в красоте
На зрелище пред входом;
И быть тогда могла призна́ком и дово́дом,
Когда б любовный бог
О точности вещей иметь сомненье мог.
Зефиры видели и свету возвестили,
Что Душеньку Амур издалека узнал
И руку у нее, подшедши, целовал;
Но скоро их из глаз обоих упустили,
Проснувшись Душенька тогда
Взглянула, ахнула, закрылась от стыда,
Уйти в пещеру торопилась
И тамо наконец с Амуром изъяснилась,
Неведомо в каких словах;
А только ведомо всему земному кругу
Взаимное от них прощение друг другу
Во всех досадах и винах.

Амур потом, при всей свободе,
Велел публиковать в народе
Старинну грамоту, котору сам Зевес,
В утеху всех дурных, на землю дал с небес;
И всюду слово в слово
Та грамота тогда твердилася зано́во:
«Закон времен творит прекрасный вид худым,
Наружный блеск в очах преходит так, как дым,
Но красоту души ничто не изменяет,
Она единая всегда и всех пленяет».
Слова сии Амур твердя повсюду сам,
Представил грамоту Венере и богам,
А вместе с грамотой и Душеньку представил,
Котору в черноте дурною он не ставил.
Юпитер, покачав
Разумной головою,
Амуру дал устав,
По силе старых прав,

Чтоб век пленялся он душевной красотою
И Душенька была б всегда его четою.
Сама богиня красоты,
Из жалости тогда иль некакой тщеты,
Как то случается обычно,
Нашла за должно и прилично,
Чтобы ее сноха,
Терпением своим очистясь от греха,
Наружну красоту обратно получила,—
Небесною она росой ее умыла,
И стала Душенька полна, цветна, бела,
Как преж сего была.
Амур и Душенька друг другу равны стали,
И боги все тогда их вечно сочетали.
От них родилась дочь, прекрасна так, как мать;
Но как ее назвать,
В российском языке писатели не знают.
Иные дочь сию Утехой называют,
Другие — Радостью, и Жизнью, наконец;
И пусть, как хочет, всяк мудрец
На свой зовет ее особый образец.
Не пременяется названием натура:
Читатель знает то и знает весь народ,
Каков родиться должен плод
От Душеньки и от Амура.

1783

ПЕСНИ

* * *

Пятнадцать мне минуло лет,
Пора теперь мне видеть свет:
В деревне все мои подружки
Разумны стали друг от дружки;
Пора теперь мне видеть свет. 2

Пригожей все меня зовут:
Мне надобно подумать тут,
Как должно в поле обходиться,
Когда пастух придет любиться;
Мне надобно подумать тут. 2

Он скажет: я тебя люблю,
Любовь и я ему явлю,
И те ж ему скажу три слова,
В том нет урона никакова;
Любовь и я ему явлю. 2

Мне случай этот вовсе нов,
Не знаю я любовных слов;
Попросит он любви задаток,—
Что дать? не знаю я ухваток;
Не знаю я любовных слов. 2

Дала б ему я посох свой,—
Мне посох надобен самой;
И чтоб зверей остерегаться,
С собачкой мне нельзя расстаться;
Мне посох надобен самой. 2

В пустой и скучной стороне
Свирелки также нужны мне;
Овечку дать ему я рада,
Когда бы не считали стада;
Свирелки также нужны мне. 2

Я помню, как была мала,
Пастушка поцелуй дала;
Неужли пастуху в награду,
За прежнюю ему досаду,
Пастушка поцелуй дала? 2

Какая прибыль от того,
Я в том не вижу ничего:
Не станет верить он обману,
Когда любить его не стану;
Я в том не вижу ничего. 2

Любовь, владычица сердец,
Как быть, научит наконец:
Любовь своей наградой платит
И даром стрел своих не тратит;
Как быть, научит наконец. 2

Пастушка говорит тогда:
Пускай пастух придет сюда;
Чтоб не было убытка стаду,
Я сердце дам ему в награду;
Пускай пастух придет сюда. ?

1773

* * *

У речки птичье стадо
Я с утра стерегла;
Ой, Ладо, Ладо, Ладо!
У стада я легла.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

Под кустиком лежала
Однешенька млада,
Устала я, вздремала,
Вздремала от труда.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

Под кустиком уснула,
Глядя по берегам;
За кустик не взглянула,
Не видела, кто там.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

За кустиком таяся,
Иванушка сидел,
И тамо, мне дивяся,
Сквозь веточки глядел.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

Он веточки и травки
Тихохонько склонил;
Прокрался сквозь муравки,
Как будто тут он был.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

Почасту ветерочек
Дул платьице на мне;
Почасту там кусточек
Колол меня во сне.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га́.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

Мне снилося в то время,
Что ястреб налетел
И птенчика от племя
В глазах унесть хотел.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то, га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

От ястреба поймала
Я птенчика сквозь сон;
Я птенчика прижала,
Прижался также он.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

Сон грозный не собылся,
То был лишь сонный страх;
А въяве очутился
Иванушка в руках.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

Неизвестные годы

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ПОНЕЖЕ

Понеже говорят подьячие в приказе:
Понеже без него не можно им прожить,
Понеже слово то показано в указе,
Понеже в выписке оно имелось быть,

Понеже секретарь им сделался в заразе,
Понеже следует везде его гласить.
Понеже состоит вся сила в их понеже,
Затем и не живет у них *понеже* реже.

1761

СТИХИ К КЛИМЕНЕ

Чтоб счастливым нам быть,
Я буду жить затем, чтоб мне тебя любить;
А ты люби меня затем, чтоб мог я жить.

1763

СТИХИ К ДЕНЬГАМ

Божественный металл, красящий истуканов,
Животворящая душа пустых карманов,
Подпора стариков, утеха молодых,
Награда добрых дел, нередко и худых,
Предмет воюющих, покой живущих мирно,
И досажденье тех, у коих брюхо жирно,
Здоровья, бодрости и силы подкрепитель,
Сподручник счастия, свободы искупитель,
Магнит торгующих и бог ростовщиков,
Разумных добрый вождь и гибель дураков,
О деньги, к вам стихи писать предпринимаю,
Но, муза, не тебя я в помощь призываю,
Ты так же, как и я, карманами бедна,

И нагота твоя в картинах нам видна;
Велика ты душой и разумом богата,
Правдива и честна, и в песнях торовата;
Твоею лирою пленяюсь часто я,
Но участь скудная известна мне твоя.
Отец стихов Гомер, твою приявши лиру,
В наследство славу лишь свою оставил миру.
Анакреона ты подобно возбуждала,
И щедро ты его стихами награждала,
В весельях ел, и пил, и жил Анакреон,
Но что оставил нам? Одних лишь песней звон.
Овидий, коего ты нежностью снабдила,
Овидий, коего пером любовь водила,
Кто сладким, наконец, творением своим
Пленил толико всех, колико Древний Рим,
Овидий, коего стихи Кларисе любы,
В холодном Севере скончал свой век без шубы.
Другой чрез много лет, писав приятный вздор,
По смерти, как Гомер, в народах сделал спор:
Потомки разные доказывать трудились,
Что с сим писателем в одной земле родились;
Высоко ставили себе такую честь,
Коль город, где возмог пиита произвесть,
Но о стяжательном никто не спорил праве
Того, которого завидовали славе.
Хоть слава шумная имеет много уст,
Но слава, как и я, карман имеет пуст,
Летая налегке в подсолнечной с трубою,
Металлов не берет богиня та с собою.
Везде о всех и всем все вести говоря,
Нагая носится чрез горы и моря.
О деньги, нет у вас ушей, ни глаз, ни гласа,
Но чувства вам не раз давал певец Парнаса,
Я прежни приведу на память чудеса:
Когда Орфей играл, плясали древеса,
И камни, что поля неплодным удручали,
От песней двигались и чувство получали.
Преобращалася тогда земля в металл,
Курс денег с той поры известен в мире стал;
Тогда произвелась ходячая монета
И стала колесом вертящегося света.
Движенье новое земной воспринял шар,
За деньги всякий всем даваться стал товар;

Тогда осыпалась земля сребром и златом,
Богатый без родства богатому стал братом;
Не то ли век златой, известный нам в стихах,
Который и поднесь хранится в кошельках?
И некто написал, что стали человеки
В железных сундуках хранить златые веки.

1783

БАСНИ

ОБОЗ

Шел некогда обоз;
А в том обозе был такой престрашный воз,
Что перед прочими казался он возами,
Какими кажутся слоны пред комарами.
Не возик и не воз, возище то валит.
Но чем сей барин-воз набит?
Пузырями.

1779

ЗЕМЛЯ ХРОМОНОГИХ И КАРТАВЫХ

Не помню, где-то я читал,
Что в старину была землица небольшая,
И мода там была такая,
Которой каждый подражал,
Что не было ни человека,
Который бы, по обыча́ю века,
Прихрамывая не ходил
И не картавя говорил;
А это все тогда искусством называлось
И красотой считалось.

Проезжий из земли чужой,
Но не картавый, не хромой,
Приехавши туда, дивится моде той
И говорит: «Возможно ль статься,
Чтоб красоту в том находить —
Хромым ходить
И все картавя говорить?
Нет, надобно стараться
Такую глупость выводить».
И вздумал было всех учить,
Чтоб так, как надобно, ходить
И чисто говорить.
Однако, как он ни старался,
Всяк при своем обычае остался;
И закричали все: «Тебе ли нас учить?
Что на него смотреть, робята, все пустое!
Хоть худо ль, хорошо ль умеем мы ходить
И говорить,
Однако не ему уж нас перемудрить;
Да кстати ли теперь поверье отменить
Старинное такое?»

1779

ЛЕВ, УЧРЕДИВШИЙ СОВЕТ

Лев учредил совет какой-то, неизвестно,
И, посадя в совет сочленами слонов,
Большую часть прибавил к ним ослов.
Хотя слонам сидеть с ослами и невместно,
Но лев не мог того числа слонов набрать,
Какому прямо надлежало
В совете этом заседать.
Ну, что ж? пускай числа всего бы недостало,
Ведь это б не мешало
Дела производить.
Нет, как же? а устав ужли переступить?
Хоть будь глупцы судьи, лишь счетом бы их стало.
А сверх того, как лев совет сей учреждал,
Он вот как полагал
И льстился:
Ужли и впрям, что ум слонов
На ум не наведет ослов?

Однако, как совет открылся,
Дела совсем другим порядком потекли:
Ослы слонов с ума свели.

1779

КОНЬ ВЕРХОВЫЙ

Верховый гордый конь, увидя клячу в поле
В работе под сохой
И в неге не такой,
И не в уборе, и не в холе,
Какую гордый конь у барина имел,
С пренебрежением на клячу посмотрел,
Пред клячею крестьянскою бодрился
И хвастал, чванился, и тем и сем хвалился.
«Что? — говорит он кляче той.—
Бывал ли на тебе убор когда такой,
Каков убор ты видишь мой?
И знаешь ли, меня как всякий почитает?
Всяк, кто мне встретится, дорогу уступает,
Всяк обо мне твердит и всякий похваляет.
Тебя же кто на свете знает?»
Несносна кляче спесь коня.
«Пошел, хвастун! — ему на это отвечает.—
Оставь с покоем ты меня.
Тебе ль со мной считаться
И мною насмехаться?
Не так бы хвастать ты умел,
Когда бы ты овса моих трудов не ел».

1779

ВОЛЧЬЕ РАССУЖДЕНЬЕ

Увидя волк, что шерсть пастух с овец стрижет,
«Мне мудрено,— сказал,— и я не понимаю,
Зачем пастух совсем с них кожу не дерет?
Я, например, так я всю кожу с них сдираю,
И то ж в иных дворах господских примечаю,—
Зачем бы и ему не так же поступать?»
Слон, волчье слыша рассужденье,
«Я должен,— говорит,— тебе на то сказать:

Ты судишь так, как волк; а пастухово мненье —
Овец своих не убивать.
С тебя, да и с господ иных примеры брать —
Не будет наконец с кого и шерсть снимать».

1779

ПАУК И МУХИ

«Постой,— Паук сказал, —
Я чаю, я нашел причину,
Зачем еще большой я мухи не поймал,
А попадается все мелочь; дай раскину
Пошире паутину,
Авось-либо тогда поймаю и больших».
Раскинув, нажидает их;
Все мелочь попадает;
Большая муха налетит —
Прорвется и сама и паутину мчит.

А это и с людьми бывает,
Что маленьким, куда
Ни обернись, беда.
Вор, например, большой, хоть в краже попадется,
Выходит прав из-под суда,
А маленький наказан остается.

1782

СОЛОВЕЙ И ЧИЖ

Был дом,
Где под окном
И чиж и соловей висели
И пели.

Лишь только соловей, бывало, запоет,
Сын маленький отцу проходу не дает,
Все птичку показать к нему он приступает,
Которая так хорошо поет.

Отец, обеих сняв, мальчишке подает.
«Ну,— говорит,— узнай, мой свет,
Которая тебя так много забавляет?»

Тотчас на чижика мальчишка указал:
«Вот, батюшка, она»,— сказал,
И всячески чижа мальчишка выхваляет:
«Какие перушки! Куды как он пригож!
Затем ведь у него и голос так хорош!»

Вот как мальчишка рассуждает.
Да полно, и в житействе тож
О людях многие по виду заключают:
Кто наряжен богато и пригож,
Того и умным почитают.

1782

ЛЕСТНИЦА

Все надобно стараться
С потребной стороны за дело приниматься;
А если иначе, все будет без пути.

Хозяин некакий стал лестницу мести;
Да начал, не умея взяться,
С ступеней нижних месть. Хоть с нижней сор сметет,
А с верхней сор опять на нижнюю спадет.
«Не бестолков ли ты? — ему тут говорили,
Которые при этом были.—
Кто снизу лестницу метет?»

На что бы походило,
Когда б в правлении, в каком бы то ни было,
Не с вышних степеней, а с нижних начинать
Порядок наблюдать?

1782

ДЕЛЕЖ ЛЬВИНЫЙ

Осел с Овцой, с Коровой и с Козой
Когда-то в пайщики вступили
И Льва с собою пригласили
На договор такой:
Что если зверь какой
На чьей-нибудь земле, случится, попадется
И зверя этого удастся изловить,

То б в случае таком добычу разделить
По равной части всем, кому что доведется.
Случись,
Олень к Козе в тенета попадись.
Тотча́с друг другу повестили,
И вместе все оленя задушили.

Дошло до дележа. Лев то́тчас говорит:
«Одна тут часть моя и мне принадлежит
Затем, что договор такой мы положили».
«Об этом слова нет!» — «Другая часть моя,
Затем что я
Львом называюсь
И первым между вас считаюсь».
«Пускай и то!» — «И третья часть моя
По праву кто кого храбряе.
Еще четверту часть беру себе же я
По праву кто кого сильняе.
А за последнюю лишь только кто примись,
То тут же и простись».

1782

ПРИВИЛЕГИЯ

Какой-то вздумал Лев указ публиковать,
Что звери могут все вперед, без опасенья,
Кто только смог с кого, душить и обдирать.
Что лучше быть могло такого позволенья
Для тех, которые дерут и без того?
Об этом чтоб указе знали,
Его два раза не читали.
Уж то-то было пиршество!
И кожу, кто лишь мог с кого,
Похваливают знай указ да обдирают.
Душ, душ погибло тут,
Что их считают, не сочтут!
Лисице мудрено, однако, показалось,
Что позволение такое состоялось:
Зверям указом волю дать
Повольно меж собой друг с друга кожи драть!
Весьма сомнительным Лисица находила
И в рассуждении самой, и всех скотов.

«Повыведать бы Льва!» — Лисица говорила
И львиное его величество спросила,
Не так чтоб прямо, нет,— как спрашивают львов,
По-лисьи, на весы кладя значенье слов,
Всё хитростью, обиняками,
Всё гладкими придворными словами:
«Не будет ли его величеству во вред,
Что звери власть такую получили?»
Но сколько хитрости ее ни тонки были,
Лев ей, однако же, на то ни да, ни нет.
Когда ж, по Львову расчисленью,
Указ уж действие свое довольно взял,
По высочайшему тогда соизволенью
Лев всем зверям к себе явиться указал.

Тут те, которые жирняе всех казались,
Назад уже не возвращались.
«Вот я чего хотел,— Лисице Лев сказал,—
Когда о вольности указ такой я дал.
Чем жир мне по клочкам сбирать с зверей трудиться,
Я лучше дам ему скопиться.
Султан ведь также позволяет
Пашам с народа частно драть,
А сам уж кучами потом с пашей сдирает;
Так я и рассудил пример с султана взять».
Хотела было тут Лисица в возраженье
Сказать свое об этом мненье
И изъясниться Льву о следствии худом,
Да вобразила то, что говорит со Львом...

А мне хотелось бы, признаться,
Здесь об откупщиках словцо одно сказать,
Что также и они в число пашей годятся;
Да также думаю по-лисьи промолчать.

1799

ПОБОР ЛЬВИНЫЙ

В числе поборов тех, других,
Не помню, право, я за множеством каких,
Определенных Льву с звериного народа
(Так, как бы, например, крестьянский наш народ
Дает оброки на господ),

И масло также шло для Львина обихода.
А этот так же сбор, как всякий и другой,
Имел приказ особый свой,
Особых и зверей, которых выбирали,
Чтоб должность сборщиков при сборе отправляли.
Велик ли сбор тот был, не удалось узнать,
А сборщиков не мало было!
Да речь и не о том; мне хочется сказать
То, что́ при сборе том и как происходило.
Большая часть из них, его передавая,
Катала в лапах наперед:
А масло ведь к сухому льнет,
Так, следственно, его не мало
К звериным лапам приставало;
И, царским пользуясь добром,
Огромный масла ком стал маленьким комком.
Однако как промеж скотами,
Как и людскими тож душами,
Не все бездельники, а знающие честь
И совестные души есть,
То эти в лапах ком не только не катали,
Но сверх того еще их в воду опускали,
Чтоб масло передать по совести своей.
Ну, если бы честны́х зверей
При сборе этом не сыскалось,
То сколько б масла Льву досталось?

Не знаю, так ли я на вкус людей судил?
Я Льву, на жалобу об этом, говорил:
«Где сборы,
Там и воры;
И дело это таково:
Чем больше сборщиков, тем больше воровство».

1799

СТРЕЛКА ЧАСОВАЯ

Когда-то стрелка часовая
На башне городской,
Свои достоинства счисляя,
Расхвасталась собой,

И, прочим часовым частям в пренебреженье,
«Не должно ль,— говорит,— ко мне иметь почтенье?
Всему я городу служу как бы в закон;
Все, что ни делают, по мне располагают:
По мне работают, по мне и отдыхают;
По мне съезжаются в суды и выезжают;
По мне чрез колокольный звон
К молитве даже созывают;
И словом, только час я нужный покажу,
Так точно, будто прикажу.
Да я ж стою домов всех выше,
Так что весь город подо мной;
Всем видима и всё я вижу под собой.
А вы что значите? Кто видит вас?» — «Постой;
Нельзя ли как-нибудь потише,
И слово дать,
И нам сказать? —
Другие части отвечали.—
Знай, если бы не мы тобою управляли,
Тебя бы, собственно, ни во́ что не считали.
Ты хвастаешь собой,
Как часто хвастает и человек иной,
Который за себя работать заставляет,
А там себя других трудами величает».

1799

МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ УЧЕНИК

Отец один слыхал,
Что за́ море детей учиться посылают
И что вобще того, кто за́ морем бывал,
От небывалого отменно почитают,
Затем, что с *знанием* таких людей считают;
И, смо́тря на других, он сына тож послать
Учиться за море решился.
Он от людей любил не отставать,
Затем что был богат. Сын сколько-то учился,
Да сколько ни был глуп, глупяе возвратился.
Попался к школьным он вралям,
Неистолкуемым дающим толк вещам;
И словом, малого век дураком пустили.
Бывало, глупости он попросту болтал,
Теперь ученостью он толковать их стал.

Триумф Амура.
Гравюра Г. Скородумова с оригинала А. Кауфман.
1780-е годы.

Государственный музей изобразительных искусств
имени А. С. Пушкина.

Бывало, лишь глупцы его не понимали,
А ныне разуметь и умные не стали;
Дом, город и весь свет враньем его скучал.

В метафизическом беснуясь размышленьи
О заданном одном старинном предложеньи:
«Сыскать начало всех начал»,
Когда за облака он думой возносился,
Дорогой шедши, вдруг он в яме очутился.
Отец, встревоженный, который с ним случился.
Скоряе бросился веревку принести,
Домашнюю свою премудрость извести;
А думный между тем детина,
В той яме сидя, размышлял,
Какая быть могла падения причина?
«Что оступился я,— ученый заключал,—
Причиною землетрясенье;
А в яму скорое произвело стремленье
С землей и с ямою семи планет сношенье».

Отец с веревкой прибежал.
«Вот,— говорит,— тебе веревка, ухватись.
Я потащу тебя; да крепко же держись.
Не оборвись!..»
«Нет, погоди тащить; скажи мне наперед:
Веревка вещь какая?»

Отец, вопрос его дурацкий оставляя,
«Веревка вещь,— сказал,— такая,
Чтоб ею вытащить, кто в яму попадет».
«На это б выдумать орудие другое,
А это слишком уж простое».
«Да время надобно,— отец ему на то.—
А это, благо, уж готово».
«А время что?»
«А время вещь такая,
Которую с глупцом я не хочу терять.
Сиди,— сказал отец,— пока приду опять».

Что, если бы вралей и остальных собрать
И в яму к этому в товарищи сослать?..
Да яма надобна большая!

1799

РЕДАКЦИЯ КАПНИСТА

МЕТАФИЗИК

Отец один слыхал,
Что за море детей учиться посылают
И что того, кто за морем бывал,
От небывалого и с вида отличают.
Так чтоб от прочих не отстать,
Отец немедленно решился
Детину за море послать,
Чтоб доброму он там понаучился.
Но сын глупяе воротился:
Попался на руки он школьным тем вралям,
Которые с ума не раз людей сводили,
Неистолкуемым давая толк вещам;
И малого не научили,
А на́век дураком пустили.
Бывало, с глупости он попросту болтал,
Теперь всё свысока без толку толковал.
Бывало, глупые его не понимали,
А ныне разуметь и умные не стали.
Дом, город и весь свет враньем его скучал.

В метафизическом беснуясь размышленьи
О заданном одном старинном предложеньи:
Сыскать начало всех начал,
Когда за облака он думой возносился,
Дорогой шедши, оступился
И в ров попал.
Отец, который с ним случился,
Скоряе бросился веревку принести,
Премудрость изо рва на свет произвести.
А думный между тем детина,
В той яме сидя, рассуждал:
«Какая быть могла причина,
Что оступился я и в этот ров попал?
Причина, кажется, тому землетрясенье;
А в яму скорое стремленье —
Центральное влеченье,
Воздушное давленье...»

Отец с веревкой прибежал;
«Вот,— говорит,— тебе веревка; ухватися.
Я потащу тебя, держися».
«Нет, погоди тащить; скажи мне наперед,—
Понес студент обычный бред.—
Веревка вещь какая?»

Отец его был не учен,
Но рассудителен, умен.
Вопрос ученый оставляя,
«Веревка — вещь,— ему ответствовал,— такая,
Чтоб ею вытащить, кто в яму попадет».

«На это б выдумать орудие другое,—
Ученый все свое несет.—
А это что такое!..
Веревка! — вервие простое!»
«Да время надобно,— отец ему на то.—
А это хоть не ново,
Да благо уж готово».
«Да время что?..»
«А время вещь такая,
Которую с глупцом не стану я терять;
Сиди,— сказал отец,— пока приду опять».

Что, если бы вралей и остальных собрать
И в яму к этому в товарищи послать?..
Да яма надобна большая!

1799

ЭПИТАФИИ

НАДГРОБНАЯ НА МЕНЯ САМОГО

Не мни, прохожий, ты читать: «Сей человек
Богат и знатен прожил век».
Нет, этого со мной, прохожий, не бывало,
А все то от меня далёко убегало,
Затем что сам того иметь я не желал
И подлости всегда и знатных убегал.

Неизвестные годы

ОДА НА РАБСТВО

Приемля лиру, мной забвенну,
Отру лежащу пыль на ней:
Простерши руку, отягченну
Железных бременем цепей,
Для песней жалобных настрою;
И, соглася с моей тоскою,
Унылый, томный звук пролью
От струн, рекой омытых слезной:
Отчизны моея любезной
Порабощенье воспою.

А ты, который обладаешь
Един подсолнечною всей,
На милость души преклоняешь
Возлюбленных тобой царей,
Хранишь от злого их навета!
Соделай, да владыки света
Внушат мою нелестну речь;
Да гласу правды кротко внемлют
И на злодеев лишь подъемлют
Тобою им врученный меч.

В печальны мысли погруженный,
Пойду, от людства удалюсь
На холм, древами осененный;
В густую рощу уклонюсь;
Под мрачным, мшистым дубом сяду.
Там моему прискорбну взгляду

Прискорбный все являет вид:
Ручей там с ревом гору роет;
Унывно ветр меж сосен воет;
Летя с древ, томно лист шумит.

Куда ни обращу зеницу,
Омытую потоком слез,
Везде, как скорбную вдовицу,
Я зрю мою отчизну днесь:
Исчезли сельские утехи,
Игрива резвость, пляски, смехи;
Веселых песней глас утих;
Златые нивы сиротеют;
Поля, леса, луга пустеют;
Как туча, скорбь легла на них.

Везде, где кущи, села, грады
Хранил от бед свободы щит,
Там тверды зиждет власть ограды
И вольность узами теснит.
Где благо, счастие народно
Со всех сторон текли свободно,
Там рабство их отгонит прочь.
Увы! судьбе угодно было,
Одно чтоб слово превратило
Наш ясный день во мрачну ночь.

Так древле мира вседержитель
Из мрака словом свет создал,—
А вы, цари! на то ль зиждитель
Своей подобну власть вам дал,
Чтобы во областях подвластных
Из счастливых людей несчастных
И зло из общих благ творить?
На то ль даны вам скиптр, порфира,
Чтоб были вы бичами мира
И ваших чад могли губить?

Воззрите вы на те народы,
Где рабство тяготит людей;
Где нет любезныя свободы
И раздается звук цепей:

Там к бедству смертные рожденны,
К уничиженью осужденны,
Несчастий полну чашу пьют;
Под игом тяжкия державы
Потоками льют пот кровавый
И зляе смерти жизнь влекут.

Насилия властей страшатся;
Потупя взор, должны стенать;
Подняв главу, воззреть боятся
На жезл, готовый их карать.
В веригах рабства унывают;
Низвергнуть ига не дерзают,
Обременяющего их;
От страха казни цепенеют
И мыслию насилу смеют
Роптать против оков своих.

Я вижу их, они исходят
Поспешно из жилищ своих.
Но для чего с собой выводят
Несущих розы дев младых?
Почто, в знак радости народной,
В забаве искренной, свободной
Сей празднуют прискорбный час?
Чей образ лаврами венчают
И за кого днесь воссылают
К творцу своих молений глас?

Ты зришь, царица, се ликует
Стенящий в узах твой народ.
Се он с восторгом торжествует
Твой громкий на престол восход.
Ярем свой тяжкий кротко сносит
И благ тебе от неба просит,
Из мысли бедство истребя;
А ты его обременяешь:
Ты цепь на руки налагаешь,
Благословящие тебя.

Так мать, забыв природу в гневе,
Дитя, ласкающееся к ней,
Которое носила в чреве,
С досадой гонит прочь с очей;

Улыбке и слезам не внемлет;
В свирепстве от сосцей отъемлет
Невинный, бедственный свой плод;
В страданье с ним не сострадает;
И прежде сиротства ввергает
Его в злосчастие сирот.

Но ты, которыя щедроты
Подвластные боготворят!
Коль суд твой, коль твои доброты
И злопреступника щадят,
Возможно ль, чтоб сама ты ныне
Повергла в жертву злой судьбине
Тебя любящих чад твоих?
И мыслей чужда ты суровых;
Так что же? благ не скрыла ль новы
Под мнимым гнетом бедствий сих?

Когда, пары и мглу сгущая,
Светило дня свой кроет вид,
Гром, мрачны тучи разрывая,
Небесный свод зажечь грозит.
От громкого перунов треска
И молнии горящей блеска
Мятется трепетна земля;
Но солнце страх сей отгоняет
И град сгущенный растопляет,
Дождем проливши на поля.

Так ты, возлюбленна судьбою
Царица преданных сердец,
Взложенный вышнего рукою
Носяща с славою венец!
Сгущенну тучу бед над нами
Любви к нам твоея лучами,
Как бурным вихрем, разобьешь;
И к благу бедствие устроя,
Унылых чад твоих покоя,
На жизнь их радости прольешь.

Дашь зреть нам то златое время,
Когда спасительной рукой
Вериг постыдно сложишь бремя
С отчизны моея драгой.

Тогда, о лестно упованье!
Прервется в тех краях стенанье,
Где в первый раз узрел я свет.
Там, вместо воплей и стенаний,
Раздастся шум рукоплесканий
И с счастьем вольность процветет.

Тогда, прогнавши мрак печали
Из мысли горестной моей
И зря, что небеса скончали
Тобой несчастье наших дней,
От уз свободными руками
Зеленым лавром и цветами
Украшу лиру я мою;
Тогда, вослед правдивой славы,
С блаженством твоея державы
Твое я имя воспою.

1783

ОДА
НА ИСТРЕБЛЕНИЕ В РОССИИ ЗВАНИЯ РАБА ЕКАТЕРИНОЮ ВТОРОЮ, В 15 ДЕНЬ ФЕВРАЛЯ 1786 ГОДА

Красуйся, счастлива Россия!
Восторгом радостным пылай;
Встречая времена златые,
Главу цветами увенчай;
В порфиру светлу облекися;
Веселья миром умастися.
Да глас твой в песнях возгремит,
Исполнит радостью вселенну:
Тебе свободу драгоценну
Екатерина днесь дарит.

О дар божественныя длани!
Дар истинных богоцарей!
Достойных вечной сердца дани,
Достойных мира алтарей!
Российские сыны! теките,

Усердья жертвы принесите:
Мы с ними той к стопам падем,
Чья нас десница восставляет,
Оковы с наших рук снимает
И с вый невольничий ярем.

С времен, в забвении лежащих,
Наш род был славен на земли.
Везде с молвой побед гремящих
Российски лавры возросли.
Не там лишь, где восшедша Феба,
Текущего по своду неба
И в понт сходяща виден свет;
Но там, где бог сей не сияет,
Завесы звездной не вскрывает,
Где вечно мрачна ночь живет.

Среди такого блеска славы,
Побед, которым нет числа,
Во узах собственной державы
Россия рабства дни влекла.
Когда чужую цепь терзала,
Сама в веригах унывала
И не рвала своих оков;
Но раболепными руками
Упадших пред ее ногами
Царей брала под свой покров.

Теперь, о радость несказанна!
О день, светляе дня побед!
Царица, небом ниспосланна,
Неволи тяжки узы рвет;
Россия! ты свободна ныне!
Ликуй: вовек в Екатерине
Ты благость бога зреть должна:
Она тебе вновь жизнь дарует
И счастье с вольностью связует
На все грядущи времена.

Обилие рекой польется
И ризу позлатит полей.
Глас громких песней разнесется,
Где раздавался звук цепей.

Девиц и юнош хороводы
Выводят уж вослед свободы
Забавы в рощи за собой;
И старость, игом лет согбенна,
Пред гробом зрится восхищенна,
С свободой встретя век златой.

Развязанными днесь крылами
Орел российский воспарит
Над гордыми его врагами;
С высот их выи поразит;
Обвившись пламенем перуна,
В Эвксине из руки Нептуна
Трезубый жезл исторгнет он;
В дальнейшие врагов пределы
Пошлет молниеносны стрелы
И раздробит сарматский трон.

Лети, пернатых царь! взносися,
Главой касайся небесам;
Над кровом вечности спустися;
Внеси в ее священный храм
Священный лик Екатерины.
Бессмертных дел ее картины
Там изваянны на стенах;
Да узрят веки отдаленны,
Колико времена блаженны
Текут в подвластных ей странах.

А ты, которая свободу,
Как животворный свет, даришь!
Знай, что российскому народу
Ты вечну цепь принять велишь:
Мы прежде власти покорялись;
В плену днесь кротости остались,
И стали пленнее стократ:
Твои щедроты бесконечны,
Сии сердец оковы вечны,
И дух свободы покорят.

В потомстве благодарны россы,
Наследники времен златых,
Воздвигнут в честь твою колоссы,
Блестящи славой дел твоих.

В них кроткий образ изваянный,
Рукою правды увенчанный,
Святиться будет в род и род;
И время, кое все сражает,
Бессмертну косу изломает
Об памятник твоих щедрот.

1787

СТИХИ НА ПЕРЕВОД «ИЛИАДЫ» Г. КОСТРОВЫМ

Седьм знатных городов Европы и Ассии
Стязались; кто из них Омира в свет родил?
Костров их спор решил:
Он днесь в стихах своих России
Отца стихов усыновил.

1787

НА СМЕРТЬ ЮЛИИ

Уже со тьмою нощи
Простерлась тишина.
Выходит из-за рощи
Печальная луна.
Я лиру томно строю
Петь скорбь, объявшу дух.
Прийди грустить со мною,
Луна, печальных друг!

У хладной сей могилы,
Под тенью древ густых,
Услышь мой вопль унылый
И вздохов стон моих.
Здесь Юлии любезной
Прах милый погребен.
Я лить над ним ток слезный
Навеки осужден.

Подобно розе нежной,
Ты, Юлия, цвела;
Ты в жизни сей мятежной
Мне друг, мне все была.

Теперь, тебя теряя,
Осталось жизнь скончать
Иль, скорбью грудь терзая,
Всечасно умирать.

Но песни сей плачевной
Прервать я должен стон:
Слезами омоченной
Немеет лиры звон.
Безмолвною тоскою
Сильняй теснится дух:
Прийди ж грустить со мною,
Луна, печальных друг!

1792

МОТЫЛЕК

Кверху жаворонок вьется;
Над горой летит сокóл;
Выше облаков несется
К солнцу дерзостный орел.
Но летает над землею,
С мягкой травки на цветок,
Нежной пылью золотою
Отягченный мотылек.

Так и мне судьбою вечно
Низкий положен предел.
В урне роковой, конечно,
Жребий мой отяжелел.
Случай как ни потрясает
Урну, все успеха нет;
Как жезлом в ней ни мешает,
Жребий мой на низ падет.

Так и быть; пусть на вершине
Гордые дубы стоят:
Ветры бурные в долине
Низким лозам не вредят.

Если ж рок и тут озлится:
Что осталося? — терпеть!
Боле счастливый боится,
Чем несчастный, умереть.

1796

ОДА
НА ПИИТИЧЕСКУЮ ЛЕСТЬ

Велик, в позднейши прейдет роды
Любимый музами пиит,
Что чувства, мысль, красу природы
В стихах своих животворит;
Но больший тот, чья звонка лира,
Изобличая злобу мира,
Гремит лишь правдой в слух царей;
Гордыня гласу внять страшится,
И ей прислужна лесть стыдится
Личины гнусныя своей.

Внемлите, свыше вдохновенный
Как царь-пиит к царям зовет:
«Почто ко истине заткненны
Отверзли уши для клевет?
Не соблюдя закона свято,
Мздоимное почто вы злато
Кладете на весы судов?
Почто, средь мира сея брани
И отягчая бремя дани,
Пиете пот и кровь рабов?

Я видел,— в славе нечестивый
Взносился, как ливанский кедр,
Что к небу высит верх кичливый,
До адских вкореняся недр;
Прошел я — и его не стало,
Взыскал — и место то пропало,
Где буйства возвышался рог.
Цари надменны! трепещите;
Что смертны вы, воспомяните;
Противится гордыне бог».

Так царь-пророк земным владыкам
Священнейший их долг твердил
И раболепной лести кликам,
И лжехвалам внимать претил.
Занятий сельских назидатель,
Омира скромный состязатель,
Бессмертный Господ, царям
Так пел отважны поученья;
И яростью небесна мщенья
Грозил взносящимся главам.

Не столь мечом, как громом лиры,
Алкей тиранов устрашал;
Всевластия потряс кумиры
И жертвою свободы пал.
Скрыжали древнего закона
Резцом священным Аполлона
Начертаны для ахеан.
На лире, музой оструненной,
Солоны песнью вдохновенной
Вдыхали доблести в граждан.

И Флакк, изоблича пороки,
Расслабившие сильный Рим,
Пел смело резкие уроки
Соотечественникам своим.
Но, о преврат! — любимец Феба
Унизил дар бесценный неба,
Хваля распутные сердца;
И в знаменитом сем пиите,
Ползущего в большом синклите,
Мы зрим Октавова льстеца!

О стыд! — и злобу что исправит,
Священный коль язык богов
Коварство, месть, убийцу славит
И человечества врагов?
Кем доблесть воспоется строга,
Могущество и благость бога,
Богоподобные цари,
Коль глас поэзии священной
Торжественно велит вселенной
Воздвигнуть буйству алтари?

Безмездным рвением водимый,
Кто цепь расторг родимых стран;
Отвергши прелесть диядимы,
На степень стал простых граждан;
И под убогий кров наследный
Венцы, трофеи скрыл победны,
Хвалой не посрамится ль лир,
Которыми разбой, крамола
Иль хищник царского престола
Преобращается в кумир?

Достойны ль петь они владыку,
Что сам из мрака лишь исшел,
Вдруг область просветивши дику,
На сферу славных царств возвел;
Как из земли, вновь войски ставил;
Как из-под вод,— вдруг флоты плавил
В Белт, в Касп и в льдистые моря;
В ком, новым чудом изумленна,
В герое видела вселенна
Слугу державы и царя?

Бессмертие дарует слава
И к подвигам благим стремит:
Но лесть в устах ее отрава,
Что доблесть в семенах мертвит:
Возмогут ли на труд великий
Хвалебные подвигнуть клики,
Лавровый нас польстить венок,
Когда весь мир тому свидетель,
Что им, равно как добродетель,
Приосеняется порок?

Да гнев небес запечатлеет
Те ядом дышащи уста,
Которые отверзть посмеет
Коварна лесть иль подла мзда!
Да громом раздробится лира,
Что в честь кичащегось кумира
Хвалебны гимны возгремит!
И да познают все владыки,
Что те лишь их дела велики,
Хвале которых правда щит!

1815

НА КОНЧИНУ ГАВРИИЛА РОМАНОВИЧА ДЕРЖАВИНА

Державин умер!.. слух идет,—
И все молве сей доверяют,
Но здесь и тени правды нет:
Бессмертные не умирают!

1816

БАТЮШКОВУ

Скажи мне, Батюшков любезный!
Дай дружбе искренний ответ:
Зачем нельстивый и полезный
Ты пренебрег ее совет?

Зачем великолепно Тасса
Решился вновь похоронить,
Когда, средь русского Парнаса,
Его ты мог бы воскресить?

На то ль он краски бесподобны
И кисть свою тебе вручил,
Чтоб в память ты его надгробный
Лишь кипарис изобразил?

Нет, нет,— признательнейшей дани
Он ждал за дар свой: он хотел,
Чтоб прелести, любовь и брани
На лире ты его воспел.

Ты пел уж их; и, восхищенный,
С вершин Парнаса Тасс внимал,
Когда, самим им вдохновенный,
Его ты песни повторял;

Когда на славном невском бреге
Гремел его струнами ты
И в хладном севере на снеге
Растил сорентские цветы.

Но ты замолк; и тщетно гласа
Знакомого бессмертный ждет;
И тщетно ждем мы: лира Тасса
И звука уж не издает.

Почто ж замолк ты? Дружбы пени
Прими без ропота, мой друг!
Почто, предавшись томной лени,
Паривший усыпил ты дух?

Проснись: ударь по сладкогласным
Струнам,— и, славных дел певец,
С Торкватовым венцом прекрасным
Прекрасный свой сплетешь венец.

1817

ОБУХОВКА

(Гораций, кн. II, ода XVIII)

Non ebur, neque aureum
Mea renidet in domo lacunar[1].

В миру с соседами, с родными,
В согласье с совестью моей,
В любви с любезною семьей
Я здесь отрадами одними
Теченье мерю тихих дней.

Приютный дом мой под соломой,
По мне,— ни низок, ни высок;
Для дружбы есть в нем уголок;
А к двери, знатным незнакомой,
Забыла лень прибить замок.

Горой от севера закрытый,
На злачном холме он стоит
И в рощи, в дальный луг глядит;
А Псел, пред ним змеей извитый,
Стремясь на мельницы, шумит.

[1] Потолок моего дома не блещет ни слоновой костью, ни золотом *(лат.).— Ред.*

Вблизи, любимый сын природы,
Обширный многосенный лес
Различных купами древес,
Приятной не тесня свободы,
Со всех сторон его обнес.

Пред ним, в прогалине укромной,
Искусство, чтоб польстить очам,
Пологость дав крутым буграм,
Воздвигнуло на горке скромной
Умеренности скромный храм.

Умеренность, о друг небесный,
Будь вечно спутницей моей!
Ты к счастию ведешь людей;
Но твой алтарь, не всем известный,
Сокрыт от черни богачей.

Ты с юных дней меня учила
Честей и злата не искать;
Без крыльев — кверху не летать,
И в светлом червячке — светила
На диво миру не казать.

С тобой, милейшим мне на свете,
Моим уделом дорожу;
С тобой, куда ни погляжу,
Везде и в каждом здесь предмете
Я нову прелесть нахожу.

Сойду ль с горы — древес густою
Покрытый тенью теремок
Сквозь наклоненный в свод лесок
Усталого зовет к покою
И смотрится в кристальный ток.

Тут вечно царствует прохлада
И освежает чувства, ум;
А тихий, безумолкный шум
Стремительного водопада
Наводит сон средь сладких дум.

Там двадцать вдруг колес вертятся;
За кругом поспешает круг;
Алмазы от блестящих дуг,
Опалы, яхонты дождятся;
Под ними клубом бьет жемчуг.

Так призрак счастья движет страсти;
Кружится ими целый свет;
Догадлив, кто от них уйдет:
Они все давят, рвут на части,
Что им под жернов попадет.

Пойдем, пока не вечереет,
На ближний остров отдохнуть;
К нему ведет покрытый путь,
Куда и солнца луч не смеет
Сквозь темны листья проскользнуть.

Там сяду я под берест мшистый,
Опершись на дебелый пень.
Увы! не долго, в жаркий день,
Здесь будет верх его ветвистый
Мне стлать гостеприимну тень.

Уж он склонил чело на воду,
Подмывши брега крутизну;
Уж смотрит в мрачну глубину
И скоро, в бурну непогоду,
Вверх корнем ринется ко дну.

Так в мире времени струями
Все рушится средь вечной при;
Так пали древни алтари;
Так, с их престольными столпами,
И царства пали и цари.

Но скорбну чтоб рассеять думу,
Отлогою стезей пойдем
На окруженный лесом холм,
Где отражает тень угрюму
С зенита ярким Феб лучом.

Я вижу скромную равнину
С оградой пурпурных кустов:
Там Флора, нежна мать лугов,
Рассыпала свою корзину,
Душистых полную цветов.

Там дале, в области Помоны,
Плоды деревья тяготят;
За ними Вакхов вертоград,
Где, сока нектарного полны,
Янтарны гроздия блестят.

Но можно ль все красы картинны,
Всю прелесть их изобразить?
Там дальность с небокругом слить,
Стадами тут устлав долины,
Златою жатвой опушить?

Нет, нет; оставим труд напрасный.
Уж солнце скрылось за горой;
Уж над эфирной синевой
Меж туч сверкают звезды ясны
И зыблются в реке волной.

Пора к семейству возвратиться,
Под мой беседочный намет,
Где, зря оно померкший свет,
Уж скукой начало томиться
И моего возврата ждет.

Всхожу на холм; луна златая
На легком облаке всплыла
И, верх текущего стекла,
По голубым зыбям мелькая,
Блестящий столп свой провела.

О как сие мне место мило,
Когда, во всей красе своей,
Приходит спутница ночей
Сливать с мечтой души унылой
Воспоминанье светлых дней!

Вдали зрю смесь полянок чистых
И рощ, покрывших гор хребты;
Пред мною нежных роз кусты,
А под навесом древ ветвистых,
Как мрамор, белые кресты.

Благоговенье! — молчалива,
Витийственна предметов речь
Гласит: «Ты зришь твоих предтеч;
Священна се господня нива:
Ты должен сам на ней возлечь».

Так; здесь и прах отца почтенный,
И прах семи моих детей
Сырою я покрыл землей;
Близ них дерновый круг зеленый —
Знак вечной храмины моей.

Мир вам, друзья! — ваш друг унылый
Свиданья с вами скоро ждет;
Уж скоро!.. Кто сюда придет,
Над свежей, скромною могилой
В чертах сих жизнь мою прочтет:

«Капнист сей глыбою покрылся;
Друг муз, друг родины он был;
Отраду в том лишь находил,
Что ей, как мог, служа, трудился,
И только здесь он опочил».

1818

ВОЛЬНОСТЬ

ОДА

1

О дар небес благословенный,
Источник всех великих дел,
О вольность, вольность, дар бесценный!
Позволь, чтоб раб тебя воспел.
Исполни сердце твоим жаром,
В нем сильных мышц твоих ударом
Во свет рабства тьму претвори.
Да Брут и Тель еще проснутся,
Седяй во власти, да смятутся
От гласа твоего цари.

2

Я в свет исшел, и ты со мною;
На мышцах нет моих заклеп;
Свободною могу рукою
Прияти данный в пищу хлеб.
Стопы несу, где мне приятно;
Тому внемлю, что мне понятно;
Вещаю то, что мыслю я.
Любить могу и быть любимым;
Творя добро, могу быть чтимым;
Закон мой — воля есть моя.

3

Но что ж претит моей свободе?
Желаньям зрю везде предел;
Возникла обща власть в народе,
Соборный всех властей удел.
Ей общество во всем послушно,
Повсюду с ней единодушно;
Для пользы общей нет препон.
Во власти всех своей зрю долю,
Свою творю, творя всех волю:
Вот что есть в обществе закон.

4

В средине злачныя долины,
Среди тягченных жатвой нив,
Где нежны процветают крины,
Средь мирных под сеньми олив,
Паросска мрамора белее,
Яснейша дня лучей светлее,
Стоит прозрачный всюду храм;
Там жертва лжива не курится;
Там надпись пламенная зрится:
«Конец невинности бедам».

5

Оливной ветвию венчанно,
На твердом камени седяй,
Безжалостно и хладнонравно,
Глухое божество, судяй,
Белее снега во хламиде,
И в неизменном всегда виде;
Зерцало, меч, весы пред ним.
Тут истина стрежет десную,
Тут правосудие — ошую:
Се храм Закона ясно зрим.

6

Возводит строгие зеницы,
Льет радость, трепет вкруг себя,
Равно на все взирает лицы,
Ни ненавидя, ни любя;

Он лести чужд, лицеприятства,
Породы, знатности, богатства,
Гнушаясь жертвенныя тли;
Родства не знает, ни приязни,
Равно делит и мзду и казни;
Он образ божий на земли.

7

И се чудовище ужасно,
Как гидра, сто имея глав,
Умильно и в слезах всечасно,
Но полны челюсти отрав,
Земные власти попирает,
Главою неба досязает,
«Его отчизна там»,— гласит.
Призраки, тьму повсюду сеет,
Обманывать и льстить умеет
И слепо верить всем велит.

8

Покрывши разум темнотою
И всюду вея ползкий яд,
Троякою обнес стеною
Чувствительность природы чад;
Повлек в ярем порабощенья,
Облек их в броню заблужденья,
Бояться истины велел.
«Закон се божий»,— царь вещает;
«Обман святый,— мудрец взывает,—
Народ давить что изобрел».

9

Воззрим мы в области обширны,
Где тусклый трон стоит рабства.
Градские власти нам все мирны,
В царе зря образ божества.
Власть царска веру сохраняет,
Власть царску вера утверждает;

Союзно общество гнетут:
Одно сковать рассудок тщится,
Другое волю стерть стремится;
«На пользу общую»,— рекут.

10

Покоя рабского под сенью
Плодов златых не возрастет;
Где всё ума претит стремленью,
Великость там не прозябет.
Там нивы запустеют тучны,
Коса и серп там несподручны,
В сохе уснет ленивый вол,
Блестящий меч померкнет славы,
Минервин храм стал обветшалый,
Коварства сеть простерлась в дол.

11

Чело надменное вознесши,
Схватив железный скипетр, царь,
На громном троне властно севши,
В народе зрит лишь подлу тварь.
Живот и смерть в руке имея:
«По воле,— рек,— щажу злодея;
Я властию могу дарить;
Где я смеюсь, там все смеется;
Нахмурюсь грозно, все смятется;
Живешь тогда, велю коль жить».

12

И мы внимаем хладнокровно,
Как крови нашей алчный гад,
Ругаяся всегда бесспорно,
В веселы дни нам сеет ад.
Вокруг престола все надменно
Стоят коленопреклоненно.

Но мститель, трепещи, грядет.
Он молвит, вольность прорицая,—
И се, молва от край до края,
Глася свободу, протечет.

13

Возникнет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит;
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает,
В различных видах смерть летает
Над гордою главой паря.
Ликуйте, склепанны народы!
Се право мщенное природы
На плаху возвело царя.

14

И нощи се завесу лживой
Со треском мощно разодрав,
Кичливой власти и строптивой
Огромный истукан поправ,
Сковав сторучна исполина,
Влечет его, как гражданина,
К престолу, где народ воссел:
«Преступник власти, мною данной!
Вещай, злодей, мною венчанный,
Против меня восстать как смел?

15

Тебя облек я во порфиру
Равенство в обществе блюсти,
Вдовицу призирать и сиру,
От бед невинность чтоб спасти;
Отцом ей быть чадолюбивым;
Но мстителем непримиримым
Пороку, лже и клевете;
Заслуги честью награждати,
Устройством зло предупреждати,
Хранити нравы в чистоте.

16

Покрыл я море кораблями,
Устроил пристани в брегах,
Дабы сокровища торгами
Текли с избытком в городах;
Златая жатва чтоб бесслезна
Была оратаю полезна;
Он мог вещать бы за сохой:
«Бразды своей я не наемник,
На пажитях своих не пленник,
Я благоденствую тобой.

17

Своих кровей я без пощады
Гремящую воздвигнул рать;
Я медны изваял громады,
Злодеев внешних чтоб карать;
Тебе велел повиноваться,
С тобою к славе устремляться;
Для пользы всех мне можно все.
Земные недра раздираю,
Металл блестящий извлекаю
На украшение твое.

18

Но ты, забыв мне клятву данну,
Забыв, что я избрал тебя
Себе в утеху быть венчанну,
Возмнил, что ты господь — не я;
Мечом мои расторг уставы,
Безгласными поверг все правы,
Стыдиться истине велел;
Расчистил мерзостям дорогу,
Взывать стал не ко мне, но к богу,
А мной гнушаться восхотел.

19

Кровавым потом доставая
Плод, кой я в пищу насадил,
С тобою крохи разделяя,
Своей натуги не щадил;

Тебе сокровищей всех мало!
На что ж, скажи, их недостало,
Что рубище с меня сорвал?
Дарить любимца, полна лести!
Жену, чуждающуся чести!
Иль злато богом ты признал?

20

В отличность знак изобретенный
Ты начал наглости дарить;
В злодея меч мой изощренный
Ты стал невинности сулить;
Сгружденные полки в защиту
На брань ведешь ли знамениту
За человечество карать?
В кровавых борешься долинах,
Дабы, упившися, в Афинах:
«Ирой!» — зевав, могли сказать.

21

Злодей, злодеев всех лютейший!
Превзыде зло твою главу.
Преступник, изо всех первейший!
Предстань, на суд тебя зову!
Злодейства все скопил в едино,
Да ни едина прейдет мимо
Тебя из казней, супостат!
В меня дерзнул острить ты жало!
Единой смерти за то мало —
Умри! умри же ты стократ!»

22

Великий муж, коварства полный,
Ханжа, и льстец, и святотать!
Един ты в свет столь благотворный
Пример великий мог подать.
Я чту, Кромвель, в тебе злодея,
Что, власть в руке своей имея,

Ты твердь свободы сокрушил;
Но научил ты в род и роды,
Как могут мстить себя народы:
Ты Карла на суде казнил.

23

Внезапу вихри восшумели,
Прервав спокойство тихих вод,
Свободы гласы так взгремели,
На вече весь течет народ,
Престол чугунный разрушает,
Самсон, как древле, сотрясает
Исполненный коварств чертог,
Законом строит твердь природы.
Велик, велик ты, дух свободы,
Зиждителен, как сам есть бог!

24

И дал превыспренно стремленье
Скривленному рассудку лжей;
Внезапу мощно потрясенье
Поверх земли уж зрится всей;
В неведомы страны отважно
Летит Колумб чрез поле влажно;
Но чудо Галилей творить
Возмог, протекши пустотою,
Зиждительной своей рукою
Светило дневно утвердить.

25

Так дух свободы, разоряя
Вознесшийся неволи гнет,
В градах и селах пролетая,
К величию он всех зовет,
Живит, родит и созидает,
Препоны на пути не знает,
Вождаем мужеством в стезях;
Нетрепетно с ним разум мыслит,
И слово собственностью числит,
Невежества чтоб развеять прах.

26

Под древом, зноем упоенный,
Господне стадо пастырь пас;
Вдруг новым светом озаренный,
Вспрянув, свободы слышит глас;
На стадо зверь, он видит, мчится,
На бой с ним ревностно стремится.
Не чуждый вождь брежет свое;
О стаде сердце не радело,
Как чуждо было, не жалело;
Но ныне, ныне ты мое.

27

Господню волю исполняя,
До встока солнца на полях,
Скупую ниву раздирая,
Волы томились на браздах;
Как мачеха к чуждоутробным
Исходит с видом всегда злобным,
Рабам так нива мзду дает.
Но дух свободы ниву греет,
Бесслезно поле вдруг тучнеет;
Себе всяк сеет, себе жнет.

28

Исполнив круг дневной работы,
Свободный муж домой спешит;
Невинно сердце — без заботы
В объятиях супружних спит;
Не господа рукой надменной,
Ему для казни подаренной,
Невинных жертв чтоб размножал;
Любовию вождаем нежной,
На сердце брак воздвиг надежный,
Помощницу себе избрал.

29

Он любит, и любим он ею;
Труды — веселье, пот — роса,
Что жизненностию своею
Плодит луга, поля, леса,

Вершин блаженства достигают,
Горячность их плодом стягчают
Всещедра бога; в просторе
Безбедны дойдут до кончины,
Не зная алчной десятины,
Птенцов что кормит в наготе.

30

Воззри на беспредельно поле,
Где стерта зверства рать стоит:
Не скот тут согнан поневоле,
Не жребий мужество дарит,
Не груда правильно стремится,
Вождем тут воин каждый зрится,
Кончины славной ищет он.
О воин непоколебимый,
Ты есть и был непобедимый,
Твой вождь — свобода, Вашингтон!

31

Двулична бога храм закрылся,
Спирепство всяк с себя сложил,
Се бог торжеств средь нас явился
И в рог веселья вострубил.
Стекаются тут громки лики,
Не видят грозного владыки,
Закон веселью кой дает;
Свободы зрится тут держава;
Награда ей едина слава,
Во храм бессмертья что ведет.

32

Сплетясь веселым хороводом,
Различия надменность сняв,
Се паки под лазурным сводом
Естественный встает устав;
Погрязла в тине властна скверность;
Едина личная отменность

Венец возможет восхитить;
Но не пристрастию державну,
Лишь опытностью старцу славну,
Его довлеет подарить.

33

Венец, Пиндару возложенный,
Художества соткан рукой;
Венец, наукой соплетенный,
Носим Невтоновой главой;
Таков, себе когда мечтая,
На крыльях разума взлетая,
Дух бодр и тверд возможет вся;
По всей вселенной пронесется;
Миров до края вознесется:
Предмет его суть мы, не я.

34

Но страсти, изощряя злобу,
Враждебный пламенник стрясут;
Кинжал вонзить себе в утробу
Народы пагубно влекут;
Отца и сына воздвигают,
Союзы брачны раздирают,
В сердца граждан лиют боязнь;
Рождается несытна власти
Алчба, зиждущая напасти,
Что обществу устроить казнь.

35

Крутится вихрем громоносным,
Одевшись облаком густым,
Светилом озарясь поносным,
Сияньем яд прикрыт святым.
Зовя, прельщая, угрожая
Иль казнь, иль мзду ниспосылая —
Се меч, се злато: избирай!
И, сев на камени ехидны,
Лестей облек в взор миловидный,
Шлет молнию из края в край.

36

Так Марий, Сулла, возмутивши
Спокойство шаткое римлян,
В сердцах пороки возродивши,
В наемну рать вместил граждан,
Ругаяся всем, что есть свято,
И то, что не было отнято,
У римлян откупить возмог;
Весы златые мзды позорной
Предательству, убийству сродной,
Воздвиг нечестья средь чертог.

37

И се, скончав граждански брани,
И свет коварством обольстив,
На небо простирая длани,
Тревожну вольность усыпив,
Чугунный скиптр обвил цветами,
Народы мнили — правят сами,
Но Август выю их давил;
Прикрыл хоть зверство добротою,
Вождаем мягкою душою:
Но царь когда бесстрастен был!

38

Сей был и есть закон природы,
Неизменимый никогда,
Ему подвластны все народы,
Незримо правит он всегда:
Мучительство, стряся пределы,
Отравы полны свои стрелы
В себя, не ведая, вонзит;
Равенство казнию восставит;
Едину власть, вселясь, раздавит;
Обидой право обновит.

39

Дойдешь до меты совершенство,
В стезях препоны прескочив,
В сожитии найдешь блаженство,
Несчастных жребий облегчив,

И паче солнца возблистаешь,
О вольность, вольность! да скончаешь
Со вечностью ты свой полет;
Но корень благ твой истощится,
Свобода в наглость превратится
И власти под ярмом падет.

40

Да не дивимся превращенью,
Которое мы в свете зрим;
Всеобщему вослед стремленью
Некосненно стремглав бежим.
Огонь в связи со влагой спорит,
Стихия в нас стихию борет,
Начало тленьем тщится дать;
Прекраснейше в миру творенье
В веселии начнет рожденье
На то, чтоб только умирать.

41

О вы! счастливые народы,
Где случай вольность даровал!
Блюдите дар благой природы,
В сердцах что вечный начертал.
Се хлябь разверстая, цветами
Усыпанная, под ногами
У вас готова вас сглотить.
Не забывай ни на минуту,
Что крепость сил в немощность люту,
Что свет во тьму льзя претворить.

42

К тебе душа моя вспаленна,
К тебе, словутая страна,
Стремится, гнетом где согбенна
Лежала вольность попрана;
Ликуешь ты! а мы здесь страждем!
Того ж, того ж и мы все жаждем;

Пример твой мету обнажил.
Твоей я славе непричастен —
Позволь, коль дух мой неподвластен,
Чтоб брег твой пепл хотя мой скрыл!

43

Но нет! где рок судил родиться,
Да будет там и дням предел;
Да хладный прах мой осенится
Величеством, что днесь я пел;
Да юноша, взалкавый славы,
Пришед на гроб мой обветшалый,
Дабы со чувствием вещал:
«Под игом власти, сей рожденный,
Нося оковы позлащенны,
Нам вольность первый прорицал».

44

И будет, вслед гремящей славы
Направя бодрственно полет,
На запад, юг, восток державы
Своей ширить предел; но нет
Тебе предела ниотколе,
В счастливой ты ликуя доле,
Где ты явишься, там твой трон.
Отечество мое драгое,
На чреслах пояс сил в покое,
В окрестность ты даешь закон.

45

Но дале чем источник власти,
Слабее членов тем союз,
Между собой все чужды части,
Всех тяжесть ощущает уз.
Лучу, истекшу от светила,
Сопутствует и блеск и сила;
В пространстве — он теряет мощь;
В ключе — хотя не угасает,
Но бег его ослабевает;
Ползущего глотает нощь.

46

В тебе, когда союз прервется,
Стончает мнений крепка власть;
Когда закона твердь шатнется,
Блюсти всяк будет свою часть;
Тогда, растерзанно мгновенно,
Тогда сложенье твое бренно,
Содрогшись внутренно, падет,
Но праха вихри не коснутся,
Животны семена проснутся,
Затускло солнце вновь даст свет.

47

Из недр развалины огромной,
Среди огней, кровавых рек,
Средь глада, зверства, язвы томной,
Что лютый дух властей возжег,—
Возникнут малые светила;
Незыблемы свои кормила
Украсят дружества венцом,
На пользу всех ладью направят
И волка хищного задавят,
Что чтил слепец своим отцом.

48

Но не пришла еще година,
Не совершилися судьбы;
Вдали, вдали еще кончина,
Когда иссякнут все беды,
Встрещат заклепы тяжкой ночи;
Упруга власть, собрав все мочи,
Вкатяся, где потщится пасть,
Да грузным махом всё раздавит,
И стражу к словеси приставит,
Да будет горшая напасть.

49

Влача оков несносно бремя,
В вертепе плача возревет
(Приидет вожделенно время),
На небо смертность воззовет;

Направлена к стези свободой,
Десную ополча природой,
Качнется в дол — и страх пред ней;
Тогда всех сил властей сложенье
Развеется в одно мгновенье.
О день избраннейший всех дней!

50

Мне слышится уж глас природы,
Начальный глас, глас божества,
Трясутся вечна мрака своды,
Се миг рожденья вещества.
Се медленно и в стройном чине
Грядет зиждитель воедине —
Рек — яркий свет пустил свой луч,
И, ложный плена скиптр поправши,
Сгущенную тьму разогнавши,
Блестящий день родил из туч.

1781—1783

* * *

Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду? —
Я тот же, что и был и буду весь мой век:
Не скот, не дерево, не раб, но человек!
Дорогу проложить, где не бывало следу,
Для борзых смельчаков и в прозе и в стихах,
Чувствительным сердцам и истине я в страх
В острог Илимский еду.

1790—1791

ЖУРАВЛИ

Басня

Осень листы ощипала с дерев,
Иней седой на траву упадал,
Стадо тогда журавлей собралося,
Чтоб прелететь в теплу дальну страну,
За море жить. Один бедный журавль,
Нем и уныл, пригорюнясь сидел:
Ногу стрелой перешиб ему ловчий.

Радостный крик журавлей он не множит;
Бодрые братья смеялись над ним.
«Я не виновен, что я охромел,
Нашему царству, как вы, помогал.
Вам надо мной хохотать бы не должно,
Ни презирать, видя бедство мое.
Как мне лететь? Отымает возможность,
Мужество, силу претяжка болезнь.
Волны, несчастному, будут мне гробом.
Ах, для чего не пресек моей жизни
Ярый ловец!» — Между тем веет ветр,
Стадо взвилося и скорым полетом
За море вмиг прелететь поспешает.
Бедный больной назади остается;
Часто на листьях, плывущих в водах,
Он отдыхает, горюет и стонет;
Грусть и болезнь в нем все сердце снедают.
Мешкав он много, летя помаленьку,
Землю узрел, вожделенну душою,
Ясное небо и тихую пристань.
Тут всемогущий болезнь излечил,
Дал жить в блаженстве в награду трудов;
Многи ж насмешники в воду упали.

О вы, стенящие под тяжкою рукою
Злочастия и бед!
Исполнены тоскою,
Клянете жизнь и свет;
Любители добра, ужель надежды нет?
Мужайтесь, бодрствуйте и смело протекайте
Сей краткой жизни путь. На он-пол поспешайте!
Там лучшая страна, там мир вовек живет,
Там юность вечная, блаженство там вас ждет.

Конец 1790-х годов

ОСМНАДЦАТОЕ СТОЛЕТИЕ

Урна времян часы изливает каплям подобно:
Капли в ручьи собрались; в реки ручьи возросли
И на дальнейшем брегу изливают пенистые волны
Вечности в море; а там нет ни предел, ни брегов;

Не возвышался там остров, ни дна там лот не находит;
Веки в него протекли, в нем исчезает их след.
Но, знаменито вовеки своею кровавой струею,
С звуками грома течет наше столетье туда;
И сокрушил наконец корабль, надежды несущий,
Пристани близок уже, в водоворот поглощен,
Счастие, и добродетель, и вольность пожрал омут ярый,
Зри, восплывают еще страшны обломки в струе.
Нет, ты не будешь забвенно, столетье безумно и мудро,
Будешь проклято вовек, ввек удивлением всех.
Крови — в твоей колыбели, припевание — громы сраженьев;
Ах, омоченно в крови, ты ниспадаешь во гроб;
Но зри, две вознеслися скалы во среде струй кровавых:
Екатерина и Петр, вечности чада! и росс.
Мрачные тени созади, впреди их солнце;
Блеск лучезарный его твердой скалой отражен.
Там многотысячнолетны растаяли льды заблужденья,
Но зри, стоит еще там льдяный хребет, теремясь;
Так и они — се воля господня — исчезнут растая,
Да человечество в хлябь льдяну, трясясь, не падет.
О незабвенно столетие! радостным смертным даруешь
Истину, вольность и свет, ясно созвездье вовек; —
Мудрости смертных столпы разрушив, ты их паки создало;
Царства погибли тобой, как раздробленный корабль;
Царства ты зиждешь; они расцветут и низринутся паки;
Смертный что зиждет, все то рушится, будет все прах.
Но ты творец было мысли; они ж суть творения бога;
И не погибнут они, хотя бы гибла земля;
Смело счастливой рукою завесу творенья возвеяв,
Скрыту природу сглядев в дальном таилище дел,
Из океана возникли новы народы и земли,
Нощи глубокой из недр новы металлы тобой.
Ты исчисляешь светила, как пастырь играющих агнцев;
Нитью вождения вспять ты призываешь комет;
Луч рассечен тобой света; ты новые солнца воззвало;
Новы луны изо тьмы дальной воззвало пред нас;
Ты побудило упряму природу к рожденью чад новых;
Даже летучи пары ты заключило в ярем;
Молнью небесну сманило во узы железны на землю
И на воздушных крылах смертных на небо взнесло.
Мужественно сокрушило железны ты двери призра́ков,
Идолов свергло к земле, что мир на земле почитал.

Узы прервало, что дух наш тягчили, да к истинам новым
Молньей крылатой парит, глубже и глубже стремясь.
Мощно, велико ты было, столетье! дух веков прежних
Пал пред твоим алтарем ниц и безмолвен, дивясь,
Но твоих сил недостало к изгнанию всех духов ада,
Брызжущих пламенный яд чрез многотысящный век,
Их недостало на бешенство, ярость, железной ногою
Что подавляют цветы счастья и мудрости в нас.
Кровью на жертвеннике еще хищности смертны багрятся,
И человек претворен в люта тигра еще.
Пламенник браней, зри, мычется там на горах и на нивах,
В мирных долинах, в лугах, мычется в бурной волне.
Зри их сопутников черных! — ужасны!.. идут—ах! идут, зри,
(Яко ночные мечты) лютости, буйства, глад, мор! —
Иль невозвратен навек мир, дающий блаженство народам?
Или погрязнет еще, ах, человечество глубже? —
Из недр гроба столетия глас утешенья изыде:
Срини отчаяние! смертный, надейся, бог жив.
Кто духу бурь повелел истязати бунтующи волны,
Времени держит еще цепь тот всесильной рукой:
Смертных дух бурь не развеет, зане суть лишь твари дневные,
Солнца на всходе цветут, блекнут с закатом они;
Вечна едина премудрость. Победа ее увенчает,
После тревог воззовет, смертных достойной...
Утро столетия нова кроваво еще нам явилось,
Но уже гонит свет дня нощи угрюмую тьму;
Выше и выше лети ко солнцу, орел ты российский,
Свет ты на землю снеси, молньи смертельны оставь.
Мир, суд правды, истина, вольность лиются от трона,
Екатериной, Петром воздвигнут, чтоб счастлив был росс.
Петр и ты, Екатерина! дух ваш живет еще с нами.
Зрите на новый вы век, зрите Россию свою.
Гений хранитель всегда Александр будь у нас...

1801

САФИЧЕСКИЕ СТРОФЫ

Ночь была прохладная, светло в небе
Звезды блещут, тихо источник льется,
Ветры нежно веют, шумят листвами
Тополы белы.

Ты клялася верною быть вовеки,
Мне богиню нощи дала порукой;
Север хладный дунул один раз крепче,—
Клятва исчезла.

Ах! почто быть клятвопреступной!.. Лучше
Будь всегда жестока, то легче будет
Сердцу. Ты, маня лишь взаимной страстью,
Ввергла в погибель.

Жизнь прерви, о рок! рок суровый, лютый,
Иль вдохни ей верной быть в клятве данной.
Будь блаженна, если ты можешь только
Быть без любови.

1801

ЛИРИЧЕСКИЕ И САТИРИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

МАРТЫШКА, ОБОЙДЕННАЯ ПРИ ПРОИЗВОЖДЕНИИ

Случилося у Льва в чины произвожденье
За службу должно награждать;
Но я хочу сказать,
Что злоупотребленье
И в скотской службе есть.
«Ну как без огорченья
Возможно службу несть,
Когда достоинство всегда без награжденья? —
Мартышка говорит,
На Льва рассержена,
Обижена была она
И обойденною считалась.—
Перед лицом служа, мартышкой я осталась!
Медведь стал господин,
И волка наградили;
Лисицу через чин
Судьею посадили
В курятнике рядить, —
Случится же судью так кстати посадить!
А где они служили?
Край света, на войне; и то
Не ведает еще никто,
Что били ли они или самих их били.
А я
Хотя не воин,
Хотя и не судья,

Известна служба Льву моя;
Известно, кто чего достоин».
«Да где ж служила ты?» —
Барсук ее спросил.
«Перед самим царем два года с половиной
Шутила всякий день, а он меня сравнил
Теперь с другой скотиной,
Котора ничего не делала нигде!»
«Шутила ты везде,
И чином наградить тебя бы было должно;
Твой также труд не мал! —
Барсук ей отвечал.—
Но произвесть тебя по службе невозможно:
Ты знаешь ведь, мой свет,
Что обер-шу́тов в службе нет».

1779

ЛЬВИНЫЙ УКАЗ

«Такое-то число и год,
По силе данного веленья,
Рогатый крупный, мелкий скот
Имеет изгнан быть из Львиного владенья
И должен выходить не в сутки, в один час»,—
Такой объявлен был Львом пагубный указ,
И все повиновались:
Отправился козел, бараны в путь сбирались,
Олень, и вол, и все рогатые скоты.
«А ты, косой, куды?»
«Ах, кумушка, беды! —
Трусливый Зайчик так Лисице отзывался,
А сам совался
И метался,—
Я видел тень ушей моих;
Боюсь, сочтут рогами их
Министры Львины. Ах! зачем я здесь остался?
Опаснейшими их рогами обнесут».
«Ума в тебе не стало: это уши!»—
Лисица говорит.— «Рогами назовут —
Пойдут и уши тпруши!»

1779

ПЕСНЬ НОРВЕЖСКОГО ВИТЯЗЯ ГАРАЛЬДА ХРАБРОГО,

ЖИВШЕГО В XI СТОЛЕТИИ, В КОТОРОЙ ЖАЛУЕТСЯ НА НЕСКЛОННОСТЬ К СЕБЕ КНЯЖНЫ ЕЛИЗАВЕТЫ, ДОЧЕРИ НОВГОРОДСКОГО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА I

Корабли мои объехали Сицилию,
И тогда-то были славны, были громки мы.
Нагруженный мой черный корабль дружиною
Быстро плавал по синю морю, как я хотел.
Так любя войну, я плавать помышлял всегда;
А меня ни во что ставит девка русская[1].

Я во младости с дронтгеймцами в сраженьи был,
Превосходнее числом их было воинство.
О! куда как был ужасен наш кровавый бой!
Тут рукой моею сильной, молодецкою
Положен на ратном поле молодой их царь;
А меня ни во что ставит девка русская.

Нас шестнадцать только было в корабле одном.
Поднялась тогда на море буря сильная,
Нагруженный наш корабль водой наполнился,
Но мы дружно и поспешно воду вылили,
И я с той поры удачи стал надеяться;
А меня ни во что ставит девка русская.

Не досуж ли, не горазд ли я на восемь рук?
Я умею храбро драться и копьем бросать,
Я веслом владеть умею и добрым конем,
По водам глубоким плавать я навык давно;
По снегам на лыжах бегать аль не мастер я?
А меня ни во что ставит девка русская.

Неужель та девка красная подумает,
Что тогда я сбруей ратной не умел владеть,
Как стоял в земле полуденной под городом,
И в тот день, как с супостатом битву выдержал,
Не поставил богатырской славе памятник?
А меня ни во что ставит девка русская.

[1] Можно бы сказать, как в подлиннике: а меня все презирает девка русская; но «презирает», мне показалось, не будет отвечать слогу богатырских лет.

Я рожден в земле высокой, во Норвегии,
Там, где из лука стрелять досужи жители;
Но чего мужик боится, я за то взялся:
Корабли водить меж камней по синю морю,
От жилой страны далеко по чужим водам;
А меня ни во что ставит девка русская.

1793

ИЗ АНАКРЕОНА

ОДА I
К ЛИРЕ

Я петь хочу Атридов,
Хочу о Кадме петь;
Но струны лиры только
Одну любовь звучат.
Я лиру перестроил,
Вновь струны натянул,
Хотел на ней Иракла
Я подвиги воспеть;
Но лира возглашала
Единую любовь.
Простите впредь, ирои!
Коль лира уж моя
Одну любовь бряцает.

1794

ОДА III
ЛЮБОВЬ

В час полуночный недавно,
Как Воота под рукой
Знак Арктоса обращался,
Как все звания людей
Сна спокойствие вкушали,
Отягченные трудом,
У дверей моих внезапно
Постучал Ерот кольцом.
«Кто,— спросил я,— в дверь стучится

И тревожит сладкий сон?..»
«Отвори,— любовь сказала,—
Я ребенок, не страшись;
В ночь безмесячную сбился
Я с пути и весь обмок...»
Жаль мне стало, отзыв слыша;
Встав, светильник я зажег;
Отворив же дверь, увидел
Я крылатое дитя,
А при нем и лук и стрелы.
Я к огню его подвел,
Оттирал ладонью руки,
Мокры кудри выжимал;
Он лишь только обогрелся:
«Ну, посмотрим-ка,— сказал,—
В чем испортилась в погоду
Тетива моя?» — и лук
Вдруг напряг, стрелой ударил
Прямо в сердце он меня;
Сам, вскочив, с улыбкой молвил:
«Веселись, хозяин мой!
Лук еще мой не испорчен,
Сердце он пронзил твое».

1794

ОДА XX
К ДЕВУШКЕ СВОЕЙ

Некогда в стране Фригийской
Дочь Танталова была
В горный камень превращенна.
Птицей Пандиона дочь
В виде ласточки летала,
Я же в зеркало твое
Пожелал бы превратиться,
Чтобы взор твой на меня
Беспрестанно обращался;
Иль одеждой быть твоей,
Чтобы ты меня касалась;
Или, в воду претворясь,
Омывать прекрасно тело;
Иль во благовонну мазь,

Красоты твои умастить;
Иль повязкой на груди,
Иль на шее жемчугами,
Иль твоими б я желал
Быть сандалами, о дева!
Чтоб хоть нежною своей
Жала ты меня ногою.

1794

ОДА XXVI
НА САМОГО СЕБЯ

Хмель как в голову ударит,
То заботы все заснут;
Я богат тогда, как Крезус,
И хочу лишь сладко петь.
Лежа, плю́щем увенчанный,
Ни во что я ставлю всё.
Пусть кто хочет, тот сражайся,
Я покуда буду пить.
Мальчик!.. Полную мне чашу
Поскорей вели подать:
Лучше мне гораздо пьяным,
Чем покойником лежать.

1794

ОДА XXVIII
К СВОЕЙ ДЕВУШКЕ

Царь в художестве изящном,
Коим Родос процветал,
Напиши ты мне в разлуке
Дорогую по словам:
Напиши сперва, художник,
Нежны русые власы;
И когда то воск позволит,
То представь, чтобы они
Обоняние прельщали,
Испуская аромат;
Чтоб под русыми власами,
Выше полных щек ее,

Так бело, как кость слонова,
Возвышалося чело.
Брови черными дугами
Кистью смелою накинь,
Не расставь их и не сблизи,
Но так точно, как у ней,
Нечувствительно окончи.
Напиши ее глаза,
Чтобы пламенем блистали,
Чтобы их лазурный цвет
Представлял Паллады взоры;
Но чтоб тут же в них сверкал
Страстно-влажный взгляд Венеры.
Нос и щеки напиши
С розами млеком смешанным;
И приветствием уста
Страстный поцелуй зовущи.
Чтоб ее прекрасну грудь
И двойчатый подбородок
Облетал харит собор.
Так ты ризой пурпурóвой
Стройный стан ее одень,
Чтоб и те красы сквозили...
Полно... Вижу я ее;
Скоро, образ, ты промолвишь!

1794

ОДА LV
О ЛЮБОВНИКАХ

На бедре, прижженном сталью,
Знаю лошадь по тавру;
А парфянина по шапке.
Я ж влюбленного тотчас
По сердечной легкой метке
И на взгляд могу узнать.

1794

ИЗБРАНИЕ СТИХОТВОРЦА

Природа склонности различные вселяя,
Одну имеет цель, один в виду успех;
По своенравию таланты разделяя,
Путями разными ведет ко счастью всех.
Глас трубный одному на бранном поле сроден,
Победы шумной клик и побежденных стон;
Другому сельский кров и плуг косой угоден,
И на брегу ручья невозмущенный сон.
Я, блеском обольщен прославившихся россов,
На лире пробуждать хвалебный глас учусь
И за кормой твоей, отважный Ломоносов,
Как малая ладья, в свирепый понт несусь.

Первая половина 1770-х годов

НОЧЬ

К приятной тишине влечется мысль моя;
Медлительней текут мгновенья бытия.
Умолкли голоса; земля покрыта тьмою,
И все ко сладкому склонилося покою.
Прохлада на луга спокойные сошла!
Туманом ручеек шумящий облекла
И с тихим веяньем от усыпленной рощи
Помчались в хижины за колесницей нощи.
Как освежило нам ее дыханье кровь!
Уединение, молчанье и любовь
Владычество своим объяли тихи сени,
И помавают им согласны с ними тени.

Воображение, полет свой отложив,
Мечтает тихость сцен, со зноем опочив.
Так солнце, утомясь, пред западом блистает,
Пускает кроткий луч и блеск свой отметает.
Ах! чтоб вечерних зреть пришествие теней,
Что может лучше быть обширности полей?
Приятно мне уйти из кровов позлащенных,
В пространство тихое лесов невозмущенных,
Оставив пышный град, где честолюбье бдит,
Где скользок счастья путь, где ров цветами скрыт.
Здесь буду странствовать в кустарниках цветущих
И слушать соловьев, в полночный час поющих;
Илй облокочусь на мшистый камень сей,
Что частью в землю врос и частию над ней.
Мне сей цветущий дерн свое представит ложе.
Журчанье ручейка, бесперестанно то же,
Однообразием своим приманит сон.
Стопами тихими ко мне приидет он
И распрострет свои над утомленным крилы,
Живитель естества, лиющий в чувства силы.
Не сходят ли уже с сих тонких облаков
Обманчивы мечты, толпы веселых снов,
Сопутники любви, невинности подруги?

Уже смыкаются зениц усталых круги.
Носися с плавностью, стыдливая луна;
Я преселяюся в туманну область сна.
Уже язык тяжел и косен становится.
Еще кидаю взор — и все бежит и тьмится.

1776, 1785 (?)

БОГИНЕ НЕВЫ

Протекай спокойно, плавно,
Горделивая Нева,
Государей зданье славно
И тенисты острова!

Ты с морями сочетаешь
Бурны росски озерá
И с почтеньем обтекаешь
Прах великого Петра.

В недре моря Средиземна
Нимфы славятся твои:
До Пароса и до Лемна
Их промчалися струи.

Реки гречески стыдятся,
Вспоминая жребий свой,
Что теперь на них глядятся
Бостанжи с Кизляр-агой;

Между тем как резвых граций
Повторяешь образ ты,
Повергая дани наций
Пред стопами Красоты.

От Тамизы и от Тага
Стая мчится кораблей,
И твоя им сродна влага
Расстилается под ней.

Я люблю твои купальни,
Где на Хлоиных красах
Одеянье скромной спальни
И амуры на часах.

Полон вечер твой прохлады,
Берег движется толпой,
Как волшебной серенады,
Слух наносится волной.

Ты велишь сойти туманам:
Зыби кроет тонка тьма,
И любовничьим обманам
Благосклонствуешь сама.

В час, как смертных препроводишь,
Утомленных счастьем их,
Тонким паром ты восходишь
На поверхность вод своих.

Быстрой бегом колесницы
Ты не давишь гладких вод,
И сирены вкруг царицы
Поспешают в хоровод.

Въявь богиню благосклонну
Зрит восторженный пиит,
Что проводит ночь бессонну,
Опершися на гранит.

1794

К МУЗЕ

Сокрылися навек мои прекрасны дни;
За ними скрылися и смехи, и забавы,
И нежные мечты, и обещанья славы,—
Ты, Муза скромная, урон их замени.
Вернее их в своих щедротах,
Отдай мне суеты ребячества; доставь
Еще мне счастье зреть старинны басни въявь
И воздыхать еще о нимфах и эротах.
Кому ты в юности сопутницей была,
Того и в охлажденны леты,
Когда суровый ум дает свои советы,
Ты манием зовешь волшебного жезла
В страны роскошны и прелестны,
Страны, одной тебе известны,
Послушные тебе где льются ручейки,
Где сладостной твоей улыбкой
Яснеют небеса, где веют ветерки
И вьется виноград с своей лозою гибкой.
Но где равно, когда нахмуришь бровь,
Во основаниях колеблется природа,
И меркнет свет, и стынет кровь,
И потрясаются столпы небесна свода.
О, милые мечты, которых суета
Имеет более цены и наслажденья,
Чем радости скупых, честолюбивых бденья
И света шумного весь блеск и пустота!
Любимцам, Муза, ты Елизий сотворяешь
И щедро сыплешь вкруг сокровища весны!
Куда ни прилетишь, там счастье водворяешь
И украшаешь все страны.
Покинув берега Ионии роскошной,
От сени тайныя, где твой Гораций пел,
Ты посещаешь днесь край западный, полнощный,
И новый для харит Темпей уж там расцвел,

Где дики племена вели кровавы ссоры.
Приступна всем равно и смертным и странам,
Ты усмирять спешишь свирепые раздоры
И благосклонствуешь враждебным берегам.
Делясь меж Галлии и между Альбиона,
Внушаешь Валлеру и Лафонтену ты
Неподражаемы черты,
Которым нет ни правил, ни закона.
Влагаешь чувство красоты
И в резвое дитя мечты
На берегах Авона,
И в гордого певца,
Который убежал из хижины отца,
От влажных берегов Архангельского града.
Чтоб всюду следовать, дщерь неба, за тобой
И лиру соглашать с военною трубой.
Тобою внушена бессмертна «Россиада»;
Тобою «Душенька». Ты с бардом у Невы
Приносишь смертному дар истин вдохновенных
Иль водишь сладостно в окрестностях Москвы
За бедной Лизою всех чувством одаренных.
И мне с младенчества ты феею была,
Но, благосклоннее сначала,
Ты утро дней моих прилежней посещала.
Почто ж печальная распространилась мгла
И ясный полдень мой своей покрыла тенью?
Иль лавров по следам твоим не соберу
И в песнях не прейду к другому поколенью?
Или я весь умру?

1790-е годы

ПЕСНИ

* * *

Ты велишь мне равнодушным
Быть, прекрасная, к себе.
Если хочешь зреть послушным,
Дай другое сердце мне.
Дай мне сердце, чтоб умело,
Знав тебя, свободным быть;
Дай такое, чтоб хотело
Не одной тобою жить.

То, в котором обитает
Несравненный образ твой,
Сердце, что тобой страдает,
То и движется тобой.
В нем уж чувства нет иного,
Ни другой в нем жизни нет.
Ты во тьме мученья злого
Жизнь, отрада мне и свет.

Верность ли к тебе нарушу?
Вздох мой первый ты взяла!
И что я имею душу,
Ты мне чувствовать дала.
Ты мне душу, ты вложила;
Твой же дар несу тебе.
Но ты жертвы запретила:
Не дозволю их себе.

Лишь не мучь, повелевая,
Чтоб твоим престал я быть!
Чем, в безмолвии страдая,
Чем тебя мне оскорбить?
Разве чтишь за преступленье
Взор небесный твой узреть,
Им повергнуться в смущенье
И без помощи... терпеть!

1792

* * *

Выду я на реченьку,
Погляжу на быструю —
Унеси ты мое горе,
Быстра реченька, с собой!

Нет, унесть с собой не можешь
Лютой горести моей;
Разве грусть мою умножишь,
Разве пищу дашь ты ей.

За струей струя катится
По склоненью твоему;
Мысль за мыслью так стремится
Всё к предмету одному.

Ноет сердце, изнывает,
Страсть мучительну тая.
Кем страдаю, тот не знает,
Терпит что́ душа моя.

Чем же злую грусть рассею,
Сердце успокою чем?
Не хочу и не умею
В сердце быть властна моем.

Милый мой им обладает,
Взгляд его — мой весь закон.
Томный дух пусть век страдает,
Лишь бы мил всегда был он.

Лучше век в тоске пребуду,
Чем его мне позабыть.
Ах! коль милого забуду,
Кем же стану, кем же жить?

Каждое души движенье —
Жертва другу моему.
Сердца каждое биенье
Посвящаю я ему.

Ты, кого не называю,
А в душе всегда ношу!
Ты, кем вижу, кем внимаю,
Кем я мышлю — кем дышу!

Не почувствуй ты досады,
Как дойдет мой стон к тебе.
Я за страсть не жду награды,
Злой покорствуя судьбе.

Если ж то найдешь возможным,
Силу чувств моих измерь,
Словом ласковым, хоть ложным,
Ад души моей умерь.

1795

* * *

На голос: «Девчина моя»

Ох! тошно мне
На чужой стороне;
Все постыло,
Все уныло:
Друга милого нет.

Милого нет,
Не глядела б на свет;
Что, бывало,
Утешало,
О том пла́чу теперь.

В ближнем леску
Лишь питаю тоску,
Все кусточки,
Все листочки
Там о милом твердят.

Будто со мной
Там сидит милый мой,
Забываюсь;
Откликаюсь
Часто на голос свой.

Милого нет!
Ах, пойду за ним вслед:
Где б ни крылся,
Ни таился,
Сердце скажет мне путь.

Ох, тошно мне
На чужой стороне!
Слезы льются,
Не уймутся:
В них отрада моя.

1796

* * *

Свидетели тоски моей,
Леса, безмолвью посвященны!
Утехами прошедших дней
В глазах моих вы украшенны.
Поныне счастливой мечтой
Всегда средь вас я наслаждаюсь
И чувством радостным питаюсь,
Анюту мысля зреть с тобой!

Нет места в темных сих лесах,
Где б не мечтался зрак мне милой —
Всечасно он в моих глазах,
Всегда живет в душе унылой.
От места к месту я спешу,
Где быть любезной воображаю,
Ее отвсюду ожидаю,
У твари всей ее прошу.

Что вправду милой нет со мной,
Поверить сам себе не смею,—
Вот там она... вот за горой...
По этой тропке встречусь с нею...
Ищу вкруг каждого куста,
Где с милой мы бывали прежде;
Внимаю в смутной я надежде
И шуму каждого листа.

Журчащие вокруг ручьи!
Всего мне боле в вас отрады;
Анюта прелести свои
Вверяла вам, ища прохлады.
В полдневны летние часы,
Как птички при кустах таятся,
Струи, бывало, к ней теснятся,
Спеша ласкать ее красы.

Лишенному утех прямых,
Отрада мне в их воображеньи,
Для чувствий пламенных моих
Во всем я вижу наслажденьи.
Как после солнца теплоту
Хранит земля средь знойна лета,
Огнем так милых глаз нагрета,
Душа хранит об них мечту.

О время! быстротой своей
Яви услугу мне полезну!
Скорее достигай тех дней,
В которы мне узреть любезну!
На медленность твою впервой
Ты жалобы мои внимаешь...
Но, время! ты того не знаешь,
Что нет души моей со мной.

1790-е годы

БАСНИ

СТЫДЛИВЫЙ ИГРОК

Случилось некогда мне быть в шумливом мире;
Сказать ясней, мне быть случилося в трактире;
Хотя немного там увидеть льзя добра,
Однако ж тут велась изрядная игра.
Из всех других поудалее
Один был рослый молодец,
Беспутства был он образец
И карты ставил он и гнул смелее;
И вдруг
Спустил все деньги с рук.
Спустил, а на кредит никто ему не верит,
Хоть, кажется, в божбе Герой не лицемерит.
Озлился мой болван
И карту с транспортом поставил на кафтан.
Гляжу чрез час: Герой остался мой в камзоле,
Как пень на чистом поле;
Тогда к нему пришел
От батюшки посол
И говорит: «Отец совсем твой умирает,
С тобой проститься он желает
И приказал к себе просить».
«Скажи ему,— сказал мой фаля,—

Что здесь бубновая сразила меня краля;
Так он ко мне сам может быть.
Ему сюда придти нимало не обидно;
А мне по улице идти без сапогов,
Без платья, шляпы и чулков,
Ужасно стыдно».

1788

СУДЬБА ИГРОКОВ

Вчерась приятеля в карете видел я;
Бедняк — приятель мой, я очень удивился,
Чем столько он разжился?
А он поведал мне всю правду, не тая,
Что картами себе именье он доставил
И выше всех наук игру картежну ставил.
Сегодня же пешком попался мне мой друг.
«Конечно,— я сказал,— спустил уж всё ты с рук?»
А он, как филосóф, гласил в своем ответе:
«Ты знаешь, колесом вертится все на свете».

1788

ПАВЛИН И СОЛОВЕЙ

Невежда в физике, а в музыке знаток,
Услышал соловья, поющего на ветке,
И хочется ему иметь такого в клетке.
Приехав в городок,
Он говорит: «Хотя я птицы той не знаю
И не видал,
Которой пением я мысли восхищал,
Которую иметь я столь желаю,
Но в птичьем здесь ряду,
Конечно, много птиц найду».
Наполнясь мыслию такою,
Чтоб выбрать птиц на взгляд,
Пришел боярин мой во птичий ряд
С набитым кошельком, с пустою головою.
Павлина видит он и видит соловья
И говорит купцу: «Не ошибаюсь я,
Вот мной желанная прелестная певица!
Нарядной бывши толь, нельзя ей худо петь;

Купец, мой друг! скажи, что стоит эта птица?»
Купец ему в ответ:
«От птицы сей, сударь, хороших песней нет;
Возьмите соловья, седяща близ павлина,
Когда вам надобно хорошего певца».
Не мало то дивит невежду господина,
И, быть бояся он обманут от купца,
Прекрасна соловья негодной птицей числит
И мыслит:
«Та птица перьями и телом так мала.
Не можно, чтоб она певицею была».
Купив павлина, он покупкой веселится
И мыслит пением павлина насладиться.
Летит домой
И гостье сей отвел решетчатый покой;
А гостейка ему за выборы в награду
Пропела кошкою разов десяток сряду.
Мяуканьем своим невежде давши знать,
Что глупо голоса по перьям выбирать.

Подобно, как и сей боярин, заключая,
Различность разумов пристрастно различая,
Не редко жалуем того мы в дураки,
Кто платьем не богат, не пышен волосами;
Кто не обнизан вкруг перстнями и часами,
И злата у кого не полны сундуки.

1788

НЕДОВОЛЬНЫЙ ГОСТЬМИ СТИХОТВОРЕЦ

У Рифмохвата
Случилося гостей полна палата;
Но он, имея много дум,
На прозе и стихах помешанный свой ум,
И быв душой немного болен,
Гостьми не очень был доволен;
И спрашивал меня: «Как горю пособить,
Чтоб их скорее проводить?
Взбеситься надобно, коль в доме их оставить,
А честно их нельзя отправить
Из дома вон».

Но только зачал лишь читать свою он оду,
Не стало вмиг народу,
И при втором стихе один остался он.

1788

СТИХОТВОРЕНИЯ

К ДРУГУ МОЕМУ
А. И. К‹ЛУШИНУ›

Скажи, любезный друг ты мой,
Что сделалось со мной такое?
Не сердце ль мне дано другое?
Не разум ли мне дан иной?
Как будто сладко сновиденье,
Моя исчезла тишина;
Как море в лютое волненье,
Душа моя возмущена.
Едва одно желанье вспыхнет,
Спешит за ним другое вслед;
Едва одна мечта утихнет,
Уже другая сердце рвет.
Не столько ветры в поле чистом
Колеблют гибкий, белый лен,
Когда, бунтуя с ревом, свистом,
Деревья рвут из корня вон;
Не столько воды рек суровы,
Когда ко ужасу лугов
Весной алмазны рвут оковы
И ищут новых берегов;
Не столько и они ужасны,
Как страсти люты и опасны,
Которые в груди моей
Мое спокойство отравляют
И, раздирая сердце в ней,
Смущенный разум подавляют.
Так вот, мой друг любезный, плод,
Который нам сулят науки!
Теперь ученый весь народ
Мои лишь множит только скуки.
Платон, Сенека, Эпиктет,
Все их ученые соборы,
Все их угрюмы заговоры,
Чтоб в школу превратить весь свет,

Прекрасных девушек в Катонов
И в Гераклитов всех Ветронов;
Все это только шум пустой.
Пусть верит им народ простой,
А я, мой друг, держусь той веры,
Что это лишь одни химеры.
Не так легко поправить мир!
Скорей, воскреснув, новый Кир
Иль Александр, без меры смелый,
Чтоб расширить свои пределы,
Объявят всем звездам войну
И приступом возьмут луну;
Скорее Сен-Жермень восстанет
И целый свет опять обманет;
Скорей Вралин переродится,
Стихи картавить устыдится
И будет всеми так любим,
Как ныне мил одним глухим;
Скорей все это здесь случится;
Но свет — останется, поверь,
Таким, каков он есть теперь;
А книги будут всё плодиться.
К чему ж прочел я столько книг,
Из них ограду сердцу строя,
Когда один лишь только миг —
И я навек лишен покоя?
Когда лишь пара хитрых глаз,
Улыбка скромная, лукава,
И философии отрава
Дана в один короткий час.
Премудрым воружась Платоном,
Угрюмым Юнгом, Фенелоном,
Задумал целый век я свой
Против страстей стоять горой.
Кто ж мог тогда мне быть опасен?
Ужли дитя в пятнадцать лет?
Конечно — вот каков здесь свет!
Ни в чем надежды верной нет;
И труд мой стал совсем напрасен,
Лишь встретился с Анютой я.
Угрюмость умерла моя —
Нагрелось сердце, закипело —
С умом спокойство отлетело.

Из всех наук тогда одна
Казалась только мне важна
Наука, коя вечно в моде
И честь приносит всей природе,
Которую в пятнадцать лет
Едва ль не всякий узнает,
С приятностью лет тридцать учит,
Которою никто не скучит,
Доколе сам не скучен он;
Где мил, хотя тяжел закон;
В которой сердцу нужны силы,
Хоть будь умок силен слегка;
Где трудность всякая сладка;
В которой даже слезы милы —
Те слезы, с смехом пополам,
Пролиты красотой стыдливой,
Когда, осмелясь стать счастливой,
Она дает блаженство нам.
Наука нужная, приятна,
Без коей трудно век пробыть;
Наука всем равно понятна —
Уметь любить и милым быть.
Вот чем тогда я занимался,
Когда с Анютой повстречался;
Из сердца мудрецов прогнал,
В нем место ей одной лишь дал
И от ученья отказался.
Любовь дурачеству сродни:
Деля весь свет между собою,
Они, мой друг, вдвоем одни
Владеть согласно стали мною.
Вселяся в сердце глубоко,
В нем тысячи затей родили,
Все пылки страсти разбудили,
Прогнав рассудок далеко.
Едва прошла одна неделя,
Как я себя не узнавал:
Дичиться женщин перестал,
Болтливых их бесед искал —
И стал великий пустомеля.
Все в них казалось мне умно:
Ужимки, к щегольству охота,
Кокетство — даже и зевота —

Вид дворца в Павловске и сада со стороны озера.
Гравюра А. Ухтомского с оригинала С. Щедрина
1800-е годы.

Государственный музей изобразительных искусств
имени А. С. Пушкина.

Все нежно, все оживлено;
Все прелестью и жаром блещет,
Все мило, даже то лино,
Под коим бела грудь трепещет.
Густые брови колесом
Меня к утехам призывали,
Хотя нередко угольком
Они написаны бывали;
Румянец сердце щекотал,
Подобен розе свежей, алой,
Хоть на щеке сухой и вялой
Природу худо он играл;
Поддельна грудь из тонких флеров,
Приманка взорам — сердцу яд —
Была милей всех их уборов,
Мой развлекая жадный взгляд.
Увижу ли где в модном свете
Стан тощий, скрученный, сухой,
Мне кажется, что пред собой
Я вижу грацию в корсете.
Но если, друг любезный мой,
Мне ложны прелести столь милы
И столь имеют много силы
Мою кровь пылку волновать, —
Представь же Аннушку прелестну,
Одной природою любезну —
Как нежный полевой цветок,
Которого лелеет Флора,
Румянит розова Аврора,
Которого еще не мог
Помять нахальный ветерок;
Представь — дай волю воображенью —
И рассуди ты это сам,
Какому должно быть движенью,
Каким быть должно чудесам
В горящем сердце, в сердце новом,
Когда ее увидел я?
Обворожилась грудь моя
Ее улыбкой, взором — словом:
С тех пор, мой друг, я сам не свой.
Любовь мой ум и сердце вяжет,
И, не заботясь, кто что скажет,
Хочу быть милым ей одной.

Все дни мне стали недосужны,
Твержу науку я любить;
Чтоб женщине любезным быть,
Ты знаешь, нам не книги нужны.
Пусть Аннушка моя умна,
Но все ведь женщина она.
Для них магниты, талисманы —
Жилеты, пряжки и кафтаны,
Нередко пуговка одна.
Я, правда, денег не имею;
Так что же? — Я занять умею.
Проснувшись с раннею зарею,
Умножить векселя лечу —
Увижу ль на глазах сомненье,
Чтоб все рассеять подозренье,
Проценты клятвами плачу.
Нередко, милым быть желая,
Я перед зеркалом верчусь
И, женский вкус к ужимкам зная,
Ужимкам ловким их учусь;
Лицом различны строю маски,
Кривляю носик, губки, глазки,
И, испужавшись сам себя,
Ворчу, что вялая природа
Не доработала меня
И так пустила, как урода.
Досада сильная берет,
Почто я выпущен на свет
С такою грубой головою.
Забывшись, рок я поношу
И головы другой прошу,—
Не зная, чем и той я стою,
Которую теперь ношу.
Вот как любовь играет нами!
Как честью скромный лицемер;
Как службой модный офицер;
Как жены хитрые мужьями.
Не день, как ты меня узнал;
Не год, как мы друзья с тобою;
Как ты, мой друг, передо мною
Малейшей мысли не скрывал
И сам в душе моей читал,—
Скажи ж: таков ли я бывал? —

Сует, бывало, ненавидя,
В тулупе летом дома сидя,
Чинов я пышных не искал;
И счастья в том не полагал,
Чтоб в низком важничать народе,—
В прихожих ползать не ходил.
Мне чин один лишь лестен был,
Который я ношу в природе,—
Чин человека; в нем лишь быть
Я ставил должностью, забавой;
Его достойно сохранить
Считал одной неложной славой.
Теперь, мой друг, исчез тот мрак,
И мыслю я совсем не так.
Отставка начала мне скучить,
Хочу опять надеть мундир;
«Как счастлив тот, кто бригадир,
Кто может вдруг шестерку мучить!» —
Кричу нередко сгоряча
И шлем и латы надеваю,
В сраженьях мыслию летаю,
Как рюмки, башни разбиваю
И армии рублю сплеча;
Потом, в торжественной минуте,
Я возвращаюся к Анюте,
Покрытый лавровым венком;
Изрублен, крив, без рук и хром;
Из-под медвежьей теплой шубы
Замерзло сердце ей дарю;
И сквозь расколотые зубы
Про стару нежность говорю,
Тем конча все свое искусство,
Чтоб раздразнить в ней пылко чувство.
Бывало, мне и нужды нет,
Где мир и где война сурова:
Не слышу я — и сам ни слова,—
Иди, как хочет здешний свет.
Теперь, мой друг, во все вплетаюсь
И нужным быть везде хочу;
То к Западу с войной лечу,
То важной мыслью занимаюсь
Европу миром подарить,
Иль свет по-новому делить,—

И быв нигде, ни в чем не нужен,
Везде проворен и досужен;
И все лишь только для того,
Чтоб луч величья моего
Привлек ко мне Анюту милу;
Чтоб, зная цену в нем и силу,
Сдалась бы всею мне душой
И стала б барыней большой.
Бывало, мне покой мой сладок,
Честь выше злата я считал:
С богатством совесть не равнял
И к деньгам был ничуть не падок.
Теперь хотел бы Крезом быть,
Чтоб Аннушки любовь купить;
Индейски берега жемчужны
Теперь мне надобны и нужны.
Нередко мысленно беру
Я в сундуки свои *Перу*.
И, никакой не сделав службы,
Хочу, чтобы судьбой из дружбы
За мной лишь было скреплено
Сибири золотое дно:
Чтобы иметь большую славу
Анюту в золоте водить,
Анюту с золота кормить,
Ее на золоте поить
И деньги сыпать ей в забаву.
Вот жизнь весть начал я какую!
Жалей о мне, мой друг, жалей —
Одна мечта родит другую,
И все — одна другой глупей;
Но что с природой делать станешь?
Ее, мой друг, не перетянешь.
Быть может, что когда-нибудь
Мой дух опять остепенится;
Моя простынет жарка грудь —
И сердце будет тише биться,
И страсти мне дадут покой.
Зло так, как благо,— здесь не вечно;
Я успокоюся, конечно;
Но где? — под гробовой доской.

1793

УТЕШЕНИЕ АНЮТЕ

Ты грустна, мой друг, Анюта;
Взор твой томен, вид уныл,
Белый свет тебе постыл,
Веком кажется минута.
Грудь твоя, как легка тень
При рассвете, исчезает
Иль, как в знойный летний день
Белый воск от жару, тает.
Ты скучаешь,— и с тобой
Пошутить никто не смеет:
Чуть зефир косынку взвеет,
Иль стан легкий, стройный твой
Он украдкой поцелует,
От него ты прочь бежишь.
Без улыбки уж глядишь,
Как любезную милует
Резвый, громкий соловей;
Не по мысли всё твоей;
Все иль скучно, иль досадно,
Все не так, и все не ладно.
Если тонкий ветерок
Розовый один листок
На твою грудь белу бросит,
Иль твой друг, *Фидель* твоя,
Увиваясь вкруг тебя,
Поцелуя лишь попросит,
Ты досадуешь на них.
Как ручей, иссохший в поле,
Не журчит по травке боле,
Так твой резвый нрав утих.
Что ж, мой друг, тому виною?
Ты прекрасна, молода:
Раз лишь встретиться с тобою —
И без сердца навсегда;
Раз вдохнуть лишь вздох твой страстный,
Раз тебя поцеловать,
Только раз — и труд напрасный
Будет вольности искать.
Взглянешь ты — в нас сердце тает;
Улыбнешься — кровь кипит;
И душа уж там летает,

Где любовь нам рай сулит.
Я не льщу — спроси — и то же
Всякий скажет за себя:
Пять минут с тобой дороже,
Нежель веки без тебя.
Отчего ж сей вид унылый?
Льзя ль скучать, столь бывши милой?
Ты молчишь — твой томный взгляд
Устремился на наряд.
Как в нечаянны морозы
Вышед на поблекший луг,
Нежна *Клоя*, *Флоры* друг,
Воздыхая — и сквозь слезы,
Видит побледневши розы,
Так тебе, Анюта, жаль,
Что французски тонки флёры,
Щегольские их уборы,
Легки шляпки, ленты, *шаль*,
Как цветы от стужи, вянут —
Скоро уж они не станут
Веять вкруг твоих красот:
Время счастья их пройдет.
Скоро я пенять не стану,
Что французский тонкий флёр,
Равный легкому туману,
Мой заманивая взор,
Все утехи обещает
И, рассеявши его,
Не открывши ничего,
Только сердце обольщает.
И в цветы французских *флор*,
В сей любимый твой убор,
Тихое твое дыханье
Перестанет жизнь вливать;
Их волшебных роз сиянье
Ты не станешь затмевать;
Перед их лином гордиться
Ты не будешь белизной;
Украшая пояс твой,
Во сапфир не претворится
Васильковая эмаль;
Чиста лондонская сталь
В нем зарями не заблещет.

Чувствам сладких аромат
На прелестный твой наряд
Флора сенска не восплещет.
Шаль не будет развевать,
Около тебя взвиваясь;
И зефир, под ней скрываясь,
Перестанет уж трепать
Белу грудь твою высоку.
Чем снабжал парижский свет
Щегольской твой туалет,
Терпит ссылку то жестоку,
И всего того уж нет.
Вот вина всей грусти, скуки:
Этой горькой снесть разлуки
Сил в тебе недостает.
Так малиновка тосклива,
Слыша хлады зимних дней,
Так грустна, летя с полей,
Где была дружком счастлива.
Так печален соловей,
Зря, что хлад долины косит,
Видя, что Борей разносит
Нежный лист с младых древес,
Под которым он зарею
Громкой веснию своею
Оживлял тенистый лес.
Но тебе ль, мой друг, опасна
Трата всех пустых прикрас?
Ими ль ты была прекрасна?
Ими ль ты пленяла нас?
Ими ль пламенные взоры
Сладкий лили в сердце яд?
И твои ль виной уборы,
Что волнует кровь твой взгляд?
Ах, Анюта! как же мало
Знаешь ты ценить себя!
Или зеркало скрывало,
Иль то тайна для тебя,
Что ты столь, мой друг, прелестна?
Не убором ты любезна,
Не нарядом хороша:
Всем нарядам ты — душа.

Нужны ль розанам румяны,
Чтобы цвет иметь багряный;
Иль белилы для лилей,
Чтоб казаться им белей?
Труд не будет ли напрасный
Свечку засветить в день ясный,
Чтобы солнышку помочь
Прогонять угрюму ночь?
Так уборы, пышность, мода,
Слабы все перед тобой:
Быв прекрасна, как природа,
Ты мила сама собой.

1793

ОДА
УЕДИНЕНИЕ

Среди лесов, стремнин и гор,
Где зверь один пустынный бродит,
Где гордость нищих не находит
И роскоши неведом взор,
Ужели я вдали от мира?
Иль скрежет злобы, бедных стон
И здесь прервут мой сладкий сон?
Вещай, моя любезна лира!

Вдали — и шумный мир исчез,
Исчезло с миром преступленье;
Вдали — и здесь, в уединенье,
Не вижу я кровавых слез.
На трупах бледных вознесенна,
Здесь слава мира не сидит,
Вражда геенны не родит,
Земля в крови не обагренна.

Ни башней гордых высота
Людей надменья не вещает;
Ни детских чувств их не прельщает
Здесь мнима зданий красота.
Знак слабости и адской злобы,
Здесь стены сердцу не грозят,
Здесь тьмами люди не скользят
В изрыты сладострастьем гробы.

Там храмы как в огне горят,
Сребром и златом отягченны;
Верхи их, к облакам взнесенны,
Венчанны молнией, блестят;
У их подножья бедность стонет,
Едва на камнях смея сесть;
У хладных ног их кротость, честь
В своих слезах горючих тонет.

Там роскошь, золотом блестя,
Зовет гостей в свои палаты
И ставит им столы богаты,
Изнеженным их вкусам льстя;
Но в хрусталях своих бесценных
Она не вина раздает:
В них пенится кровавый пот
Народов, ею разоренных.

Там, вид приманчивых забав
Приемля, мрачные пороки
Влекут во пропасти глубоки,
Сердца и души обуяв;
Природа дремлет там без действа,
Злосчастие рождает смех;
Болезни там — плоды утех;
Величие — плоды злодейства.

Оставим людям их разврат;
Пускай фортуну в храмах просят
И пусть гордятся тем, что носят
В очах блаженство, в сердце — ад.
Где, где их счастья совершенство?
За пышной их утехой вслед,
Как гарпия, тоска ползет,—
Завидно ль сердцу их блаженство?

Гордясь златою чешуей,
Когда змея при солнце вьется,
От ней как луч приятный льется
И разных тысяча огней:
Там синева блестит небесна,
Багряность там зари видна,—
И, кажется, горит она,
Как в тучах радуга прелестна;

Горит; но сей огонь — призра́к!
Пылающа единым взглядом,
Она обвита вечным хладом,
В ней яд, ее одежда — мрак.
Подобно и величье мира
Единой внешностью манит:
В нем угрызений желчь кипит,
На нем блестит одна порфира.

Но здесь на лоне тишины,
Где все течет в природе стройно,
Где сердце кротко и спокойно
И со страстями нет войны;
Здесь мягкий луг и чисты воды
Замена злату и сребру;
Здесь сам веселья я беру
Из рук роскошныя природы.

Быв близки к сердцу моему,
Они мое блаженство множат;
Ни в ком спокойства не тревожат
И слез не стоят никому.
Здесь по следам, едва приметным,
Природы чин я познаю,
Иль бога моего пою
Под дубом, миру равнолетным.

Пою — и с именем творца
Я зрю восторг в растенье диком;
При имени его великом
Я в хладных камнях зрю сердца;
По всей природе льется радость:
Ключ резвится, играет лес,
Верхи возносят до небес
Одеты сосны в вечну младость.

Недвижны ветры здесь стоят
И ждут пронесть в концы вселенной,
Что дух поет мой восхищенный,
Велик мой бог, велик — он свят!
На лире перст мой ударяет.
Он свят! — поют со мной леса,
Он свят! — вещают небеса,
Он свят! — гром в тучах повторяет.

Гордитесь, храмы, вышиной
И пышной роскошью, народы;
Я здесь в объятиях природы
Горжусь любезной тишиной,
Которую в развратном мире
Прочь гоните от сердца вы
И кою на брегах Невы
Наш Росский Пиндар пел на лире.

Вдали от ваших гордых стен,
Среди дубрав густых, тенистых,
Среди ключей кристальных, чистых,
В пустыне тихой я блажен.
Не суетами развлекаться
В беседах я шумливых тщусь,
Не ползать в низости учусь —
Учусь природе удивляться.

Здесь твердый и седой гранит,
Не чувствуя ни стуж, ни лета,
Являя страшну древность света,
Бесчисленность столетий спит.
Там ключ стремнины иссекает
Иль роет основанья гор
И, удивляя смертных взор,
Труд тысячи веков являет.

Там дуб, от листьев обнажен,
По камням корни простирает —
На холм облегшись, умирает,
Косою времени сражен.
Там горы в высотах эфира
Скрывают верх от глаз моих —
И, кажется, я вижу в них
Свидетелей рожденья мира.

Но что за громы вдалеке?
Не ад ли страшный там дымится?
Не пламя ль тартара крутится,
Подобно воющей реке?
Война! — война течет кровава! —
Закон лежит повержен, мертв,
Корысть алкает новых жертв,
И новой крови жаждет слава!

Сомкнитесь, горы, вкруг меня!
Сплетитеся, леса дремучи!
Завесой станьте, черны тучи,
Чтоб злости их не видел я.
Удары молнии опасны,
В дубравах страшен мрак ночной,
Ужасен зверя хищна вой —
Но люди боле мне ужасны.

1793—1795 (?)

НА СЛУЧАЙ ГРОЗЫ В ДЕРЕВНЕ

Начто над рощей сей тенистой
Ты завываешь, бурный ветр,
И над зелеными лугами
Теснитесь, грозны тучи, вы?
Кого во мраках, вихри люты,
Вы устрашить хотите здесь?
Чью грудь, громовые удары,
Стремитесь здесь вы разразить?
Ах, на кого ты воружаешь
Природу, гневно божество?
Не соловей ли кроткий, нежный
Причина гнева твоего?
Не пеночка ль невинной песнью
Тебя умела раздражить?
Или невинная овечка
Могла нарушить твой закон,
И воружить тебя перуном
На сердце робкое свое,
На грудь, покрытую волною,
Подобну снегу белизной,
А мягкостью подобну пуху?
Или смиренный селянин,
В избыток чуждый работáя
И оживляя грудь свою
Нехитростною сельской песнью,
Мог возбудить твой страшный гнев?
Открой мне, царь миров несчетных:

Ужли для них навел ты тьму
И повелел ударить громам,
И воздух раздирать перунам,
И вихрям дубы вырывать?
Для них ли здесь природа стонет?
А там, за полем вдалеке,
А там, за белыми стенами,
Изнеженная роскошь дремлет:
Не громы слух ее мятут,
Пред нею мусикийски хоры,
Согласьем сердце щекотя,
Поют порокам песни хвальны
И сладострастье в душу льют.
А там гордец, надувшись грудью,
Тебе мечтает равен быть
И по земле едва ступает,
Чтя недостойным ног своих
Ходить по той, кем он питаем
И от кого исшел на свет.
А тамо, львиными когтями
Корыстолюбье воружась,
Рыкая пламенем геенским,
Кричит: всё собственность моя!
Моя земля, мои все воды,
Огонь и самый воздух мой!
Кричит! — и с алчностью объемлет
Дальнейшие края земли.
Здесь гром — а там спокойно люди
Порокам воздвигают трон;
Здесь гром — а там они спокойно
Курят пред ними фимиам,—
И солнце ясно светит там,
И не смущается природа,
Нарушен видя свой закон!
На них, на них, о боже вечный,
Горами тучи ты надвинь,
Рассыпь на них свои перуны
И под ногами дерзких сил
Разверзи пропасти земные
И дно им ада покажи,—
Чтоб там они узрели муки,
Назначенные злобе их,
Чтобы оттоль сразились стоном

Предместников своих во зле,
И чтобы, кровью заливаясь,
Им сердце в трепете рекло,
Что жив злодеев страшный мститель.

1790—1800 (?)

ПОЭЗИЯ

(Сочинена в 1787 году)

Die Lieder der göttlichen Harfenspieler
schallen mit Macht, wie beseelend.

Klopstok [1]

Едва был создан мир огромный, велелепный,
Явился человек, прекраснейшая тварь,
Предмет любви творца, любовию рожденный;
Явился — весь сей мир приветствует его,
В восторге и любви, единою улыбкой.
Узрев собор красот и *чувствуя себя*,
Сей гордый мира царь почувствовал и бога,
Причину бытия — толь живо ощутил
Величие творца, его премудрость, благость,
Что сердце у него в гимн нежный излилось,
Стремясь лететь к отцу... Поэзия святая!
Се ты в устах его, в источнике своем,
В высокой простоте! Поэзия святая!
Благословляю я рождение твое!

Когда ты, человек, в невинности сердечной,
Как роза цвел в раю, Поэзия тебе
Утехою была. Ты пел свое блаженство,
Ты пел творца его. Сам бог тебе внимал,
Внимал, благословлял твои святые гимны;
Гармония была душою гимнов сих —

[1] Песни божественных арфистов звучат с силой одухотворяющей. *Клопшток (нем.).— Ред.*

И часто ангелы в небесных мелодиях,
На лирах золотых, хвалили песнь твою.

Ты пал, о человек! Поэзия упала;
Но дщерь небес еще сияла лепотой,
Когда несчастный, вдруг раскаяся в грехе,
Молитвы воспевал — сидя на бережку
Журчащего ручья и слезы проливая,
В унынии, в тоске тебя воспоминал,
Тебя, эдемский сад! Почасту мудрый старец,
Среди сынов своих, внимающих ему,
Согласно, важно пел таинственные песни
И юных научал преданиям отцов.
Бывало иногда, что ангел ниспускался
На землю, как эфир, и смертных наставлял
В Поэзии святой, небесною рукою
Настроив лиры им —

Живее чувства выражались,
Звучнее песни раздавались,
Быстрее мчалися к творцу.

Столетия текли и в вечность погружались —
Поэзия всегда отрадою была
Невинных, чистых душ. Число их уменьшалось;
Но гимн царю царей вовек не умолкал —
И в самый страшный день, когда пылало небо
И бурные моря кипели на земли,
Среди пучин и бездн, с невиннейшим семейством
(Когда погибло все) Поэзия спаслась.
Святый язык небес нередко унижался,
И смертные, забыв великого отца,
Хвалили вещество бездушныя планеты!
Но был избранный род, который в чистоте
Поэзию хранил и ею просвещался.
Так славный, мудрый бард, древнейший из певцов,
Со всею красотой священной сей науки
Воспел, как мир истек из воли божества.
Так оный муж святый, в грядущее проникший,
Пел миру часть его. Так царственный поэт,
Родившись пастухом, но в духе просвещенный,
Играл хвалы творцу и песнию своей
Народы восхищал. Так в храме Соломона
Гремела богу песнь!

Во всех, во всех странах Поэзия святая
Наставницей людей, их счастием была;
Везде она сердца любовью согревала.
Мудрец, Натуру знав, познав ее творца
И слыша глас его и в громах и в зефирах,
В лесах и на водах, на арфе подражал
Аккордам божества, и глас сего поэта
Всегда был божий глас!

Орфей, фракийский муж, которого вся древность
Едва не богом чтит, Поэзией смягчил
Сердца лесных людей, воздвигнул богу храмы
И диких научил всесильному служить.
Он пел им красоту Натуры, мирозданья;
Он пел им тот закон, который в естестве
Разумным оком зрим; он пел им человека,
Достоинство его и важный сан; он пел,

И звери дикие сбегались,
И птицы стаями слетались
Внимать гармонии его;
И реки с шумом устремлялись,
И ветры быстро обращались
Туда, где мчался глас его.

Омир в стихах своих описывал героев —
И пылкий юный грек, вникая в песнь его,
В восторге восклицал: «Я буду Ахиллесом!
Я кровь свою пролью, за Грецию умру!»
Дивиться ли теперь геройству Александра?
Омира он читал, Омира он любил.
Софокл и Эврипид учили на театре,
Как душу возвышать и полубогом быть.
Бион и Теокрит и Мосхос воспевали
Приятность сельских сцен, и слушатели их
Пленялись красотой природы без искусства,
Приятностью села. Когда Омир поет,
Всяк воин, всяк герой; внимая Теокриту,
Оружие кладут — герой теперь пастух!
Поэзии сердца, все чувства — все подвластно.

Как Сириус блестит светлее прочих звезд,
Так Августов поэт, так пастырь Мантуанский
Сиял в тебе, о Рим! среди твоих певцов.
Он пел, и всякий мнил, что слышит глас Омира;

Он пел, и всякий мнил, что сельский Теокрит
Еще не умирал или воскрес в сем барде.
Овидий воспевал начало всех вещей,
Златый блаженный век, серебряный и медный,
Железный, наконец, несчастный, страшный век,
Когда гиганты, род надменный и безумный,
Собрав громады гор, хотели вознестись
К престолу божества; но тот, кто громом правит,
Погреб их в сих горах [1].

Британия есть мать поэтов величайших.
Древнейший бард ее, Фингалов мрачный сын,
Оплакивал друзей, героев, в битве падших,
И тени их к себе из гроба вызывал.
Как шум морских валов, носяся по пустыням
Далеко от брегов, уныние в сердцах
Внимающих родит, так песни Оссиана,
Нежнейшую тоску вливая в томный дух,
Настраивают нас к печальным представленьям;
Но скорбь сия мила и сладостна душе.
Велик ты, Оссиан, велик, неподражаем!

Шекспир, Натуры друг! кто лучше твоего
Познал сердца людей? Чья кисть с таким искусством
Живописала их? Во глубине души
Нашел ты ключ ко всем великим тайнам рока
И светом своего бессмертного ума,
Как солнцем, озарил пути ночные в жизни!
«Все башни, коих верх скрывается от глаз
В тумане облаков; огромные чертоги
И всякий гордый храм исчезнут, как мечта,—
В течение веков и места их не сыщем»,—
Но ты, великий муж, пребудешь незабвен![2]

---

[1] Сочинитель говорит только о тех поэтах, которые наиболее трогали и занимали его душу в то время, как сия пьеса была сочиняема.

[2] Сам Шекспир сказал:

The cloud cap'd towers, the gorgeous palaces,
The solemn temples, the great globe itselfe,
Yea, all which it inherits, shall dissolve,
And, like the baseless fabric of a vision,
Leave not a wreck behind.

Какая священная меланхолия вдохнула в него сии стихи? (Стихи из пьесы Шекспира «Буря», перевод которых приведен в тексте стихотворения в кавычках.— *Ред.)*

Мильтон, высокий дух, в гремящих страшных песнях
Описывает нам бунт, гибель Сатаны;
Он душу веселит, когда поет Адама,
Живущего в раю; но, голос ниспустив,
Вдруг слезы из очей ручьями извлекает,
Когда поет его, подпадшего греху.

О Йонг, несчастных друг, несчастных утешитель!
Ты ба́льзам в сердце льешь, сушишь источник слез,
И, с смертию дружа, дружишь ты нас и с жизнью!
Природу возлюбив, природу рассмотрев
И вникнув в круг времен, в тончайшие их тени,
Нам Томсон возгласил природы красоту,
Приятности времен. Натуры сын любезный,
О Томсон! ввек тебя я буду прославлять!
Ты выучил меня природой наслаждаться
И в мрачности лесов хвалить творца ее!

Альпийский Теокрит, сладчайший песнопевец!
Еще друзья твои в печали слезы льют —
Еще зеленый мох не виден на могиле,
Скрывающей твой прах! В восторге пел ты нам
Невинность, простоту, пастушеские нравы
И нежные сердца свирелью восхищал.
Сию слезу мою, текущую толь быстро,
Я в жертву приношу тебе, Астреин друг!
Сердечную слезу и вздох и песнь поэта,
Любившего тебя, прими, благослови,
О дух, блаженный дух, здесь в Геснере блиставший![1]

Несяся на крылах превыспренних орлов,
Которые певцов божественныя славы
Мчат в вышние миры, да тему почерпнут
Для гимна своего, певец избранный Клопшток
Вознесся выше всех и там, на небесах,
Был тайнам научен, и той великой тайне,
Как бог стал человек. Потом воспел он нам
Начало и конец Мессииных страданий,
Спасение людей. Он богом вдохновен —
Кто сердцем всем еще привязан к плоти, к миру,
Того язык немей, и песней толь святых
Не оскверняй хвалой; но вы, святые мужи,

[1] Сии стихи прибавлены после.

В которых уже глас земных страстей умолк,
В которых мрака нет! вы чувствуете цену
Того, что Клопшток пел, и можете одни,
Во глубине сердец, хвалить сего поэта!
Так старец, отходя в блаженнейшую жизнь,
В восторге произнес: «О Клопшток несравненный!»[1]
Еще великий муж собою красит мир —
Еще великий дух земли сей не оставил.
Но нет! он в небесах уже давно живет —
Здесь тень мы зрим сего священного поэта.

О россы! век грядет, в который и у вас
Поэзия начнет сиять, как солнце в полдень.
Исчезла нощи мгла — уже Авроры свет
В**** блестит, и скоро все народы
На север притекут светильник возжигать,
Как в баснях Прометей тек к огненному Фебу,
Чтоб хладный, темный мир согреть и осветить.

Доколе мир стоит, доколе человеки
Жить будут на земле, дотоле дщерь небес,
Поэзия, для душ чистейших благом будет.
Доколе я дышу, дотоле буду петь,
Поэзию хвалить и ею утешаться.
Когда ж умру, засну и снова пробужусь,—

Тогда, в восторгах погружаясь,
И вечно, вечно наслаждаясь,
Я буду гимны петь творцу,
Тебе, мой бог, господь всесильный,
Тебе, любви источник дивный,
Узрев там все лицом к лицу!

1787

ГРАФ ГВАРИНОС

Древняя гишпанская историческая песня

Худо, худо, ах, французы,
В Ронцевале было вам!
Карл Великий там лишился
Лучших рыцарей своих.

[1] Я читал об этом в одном немецком журнале.

И Гваринос был поиман
Многим множеством врагов;
Адмирала вдруг пленили
Семь арабских королей.

Семь раз жеребей бросают
О Гвариносе цари;
Семь раз сряду достается
Марлотесу он на часть.

Марлотесу он дороже
Всей Аравии большой.
«Ты послушай, что я молвлю,
О Гваринос! — он сказал.—

Ради Аллы, храбрый воин,
Нашу веру приими!
Все возьми, чего захочешь,
Что приглянется тебе.

Дочерей моих обеих
Я Гвариносу отдам;
На любой из них женися,
А другую так возьми,

Чтоб Гвариносу служила,
Мыла, шила на него.
Всю Аравию приданым
Я за дочерью отдам».

Тут Гваринос слово молвил;
Марлотесу он сказал:
«Сохрани, господь небесный
И Мария, мать его,

Чтоб Гваринос, христианин,
Магомету послужил!
Ах! во Франции невеста
Дорогая ждет меня!»

Марлотес, пришедши в ярость,
Грозным голосом сказал:
«Вмиг Гвариноса окуйте,
Нечестивого раба;

И в темницу преисподню
Засадите вы его.
Пусть гниет там понемногу
И умрет, как бедный червь!

Цепи тяжки, в семь сот фунтов,
Возложите на него,
От плеча до самой шпоры.—
Страшен в гневе Марлотес!—

А когда настанет праздник,
Пасха, святки, духов день,
В кровь его тогда секите
Пред глазами всех людей».

Дни проходят, дни приходят,
И настал Иванов день;
Христиане и арабы
Вместе празднуют его.

Христиане сыплют галгант;[1]
Мирты мечет всякий мавр[2].
В почесть празднику заводит
Разны игры Марлотес.

Он высоко цель поставил,
Чтоб попасть в нее копьем.
Все свои бросают копья,
Все арабы метят в цель.

Ах, напрасно! нет удачи!
Цель для слабых высока.
Марлотес велел во гневе
Чрез герольда объявить:

«Детям груди не сосати,
А большим не пить, не есть,
Если цели сей на землю
Кто из мавров не сшибет!»

---

[1] Индейское растение.
[2] В день св. Иоанна гишпанцы усыпали улицы галгантом и миртами.

И Гваринос шум услышал
В той темнице, где сидел.
«Мать святая, чиста дева!
Что за день такой пришел?

Не король ли ныне вздумал
Выдать замуж дочь свою?
Не меня ли сечь жестоко
Час презлой теперь настал?»

Страж темничный то подслушал.
«О Гваринос! свадьбы нет;
Ныне сечь тебя не будут;
Трубный звук не то гласит...

Ныне праздник Иоаннов;
Все арабы в торжестве.
Всем арабам на забаву
Марлотес поставил цель.

Все арабы копья мечут,
Но не могут в цель попасть;
Почему король во гневе
Чрез герольда объявил:

«Пить и есть никто не может,
Буде цели не сшибут».
Тут Гваринос встрепенулся;
Слово молвил он сие:

«Дайте мне коня и сбрую,
С коей Карлу я служил;
Дайте мне копье булатно,
Коим я врагов разил.

Цель тотчас сшибу на землю,
Сколь она ни высока.
Если ж я сказал неправду,
Жизнь моя у вас в руках».

«Как! — на то тюремщик молвил.—
Ты семь лет в тюрьме сидел,
Где другие больше года
Не могли никак прожить;

И еще ты думать можешь,
Что сшибешь на землю цель?
Я пойду сказать инфанту,
Что́ теперь ты говорил».

Скоро, скоро поспешает
Страж темничный к королю;
Приближается к инфанту
И приносит весть ему:

«Знай: Гваринос-христианин,
Что в тюрьме семь лет сидит,
Хочет цель сшибить на землю,
Если дашь ему коня».

Марлотес, сие услышав,
За Гвариносом послал;
Царь не думал, что Гваринос
Мог еще конем владеть.

Он велел принесть всю сбрую
И коня его сыскать.
Сбруя ржавчиной покрыта,
Конь возил семь лет песок.

«Ну, ступай! — сказал с насмешкой
Марлотес, арабский царь.—
Покажи нам, храбрый воин,
Как сильна рука твоя!»

Так, как буря разъяренна,
К цели мчится сей герой;
Мечет он копье булатно —
На земле вдруг цель лежит.

Все арабы взволновались,
Мечут копья все в него;
Но Гваринос, воин смелый,
Храбро их мечом сечет.

Солнца свет почти затмился
От великого числа
Тех, которые стремились
На Гвариноса все вдруг.

Но Гваринос их рассеял
И до Франции достиг,
Где все рыцари и дамы
С честью приняли его.

1789

ОСЕНЬ

Веют осенние ветры
В мрачной дубраве;
С шумом на землю валятся
Желтые листья.

Поле и сад опустели;
Сетуют холмы;
Пение в рощах умолкло —
Скрылися птички.

Поздние гуси станицей
К югу стремятся,
Плавным полетом несяся
В горних пределах.

Вьются седые туманы
В тихой долине;
С дымом в деревне мешаясь,
К небу восходят.

Странник, стоящий на холме,
Взором унылым
Смотрит на бледную осень,
Томно вздыхая.

Странник печальный, утешься!
Вянет природа
Только на малое время;
Все оживится,

Все обновится весною;
С гордой улыбкой
Снова природа восстанет
В брачной одежде.

Смертный, ах! вянет навеки!
Старец весною
Чувствует хладную зиму
Ветхия жизни.

1789
Женева

ВЕСЕЛЫЙ ЧАС

Братья, рюмки наливайте!
Лейся через край вино!
Всё до капли выпивайте!
Осушайте в рюмках дно!

Мы живем в печальном мире;
Всякий горе испытал,
В бедном рубище, в порфире,—
Но и радость бог нам дал.

Он вино нам дал на радость,
Говорит святой мудрец:
Старец в нем находит младость,
Бедный — горестям конец.

Кто все плачет, все вздыхает,
Вечно смотрит Сентябрем,—
Тот науки жить не знает
И не видит света днем.

Все печальное забудем,
Что смущало в жизни нас;
Петь и радоваться будем
В сей приятный, сладкий час!

Да светлеет сердце наше,
Да сияет в нем покой,
Как вино сияет в чаше,
Осребряемо луной!

1791

РАИСА

Древняя баллада

Во тьме ночной ярилась буря;
Сверкал на небе грозный луч;
Гремели громы в черных тучах,
И сильный дождь в лесу шумел.

Нигде не видно было жизни;
Сокрылось все под верный кров.
Раиса, бедная Раиса,
Скиталась в темноте одна.

Нося отчаяние в сердце,
Она не чувствует грозы,
И бури страшный вой не может
Ее стенаний заглушить.

Она бледна, как лист увядший,
Как мертвый цвет уста ее;
Глаза покрыты томным мраком,
Но сильно бьется сердце в ней.

С ее открытой белой груди,
Язвимой ветвями дерев,
Текут ручьи кипящей крови
На зелень влажныя земли.

Над морем гордо возвышался
Хребет гранитныя горы;
Между стремнин, по камням острым
Раиса всходит на него.

(Тут бездна яростно кипела
При блеске огненных лучей;
Громады волн неслися с ревом,
Грозя всю землю потопить.)

Она взирает, умолкает;
Но скоро жалкий стон ея
Смешался вновь с шумящей бурей:
«Увы! увы! погибла я!

Кронид, Кронид, жестокий, милый!
Куда ушел ты от меня?
Почто Раису оставляешь
Одну среди ужасной тьмы?

Кронид! поди ко мне! Забуду,
Забуду все, прощу тебя!
Но ты нейдешь к Раисе бедной!..
Почто тебя узнала я?

Отец и мать меня любили,
И я любила нежно их;
В невинных радостях, в забавах
Часы и дни мои текли.

Когда ж явился ты, как ангел,
И с нежным вздохом мне сказал:
«Люблю, люблю тебя, Раиса!» —
Забыла я отца и мать.

В восторге, с трепетом сердечным
И с пламенной слезой любви
В твои объятия упала
И сердце отдала тебе.

Душа моя в твою вселилась,
В тебе жила, дышала я;
В твоих глазах свет солнца зрела;
Ты был мне образ божества.

Почто я жизни не лишилась
В объятиях твоей любви?
Не зрела б я твоей измены,
И счастлив был бы мой конец.

Но рок судил, чтоб ты другую
Раисе верной предпочел;
Чтоб ты меня навек оставил,
Когда сном крепким я спала,

Когда мечтала о Кроните
И мнила обнимать его!
Увы! я воздух обнимала...
Уже далеко был Кронид!

Мечта исчезла, я проснулась;
Звала тебя, но ты молчал;
Искала взором, но не зрела
Тебя нигде перед собой.

На холм высокий я спешила...
Несчастная!.. Кронид вдали
Бежал от глаз моих с Людмилой!
Без чувств тогда упала я.

С сея ужасныя минуты
Крушусь, тоскую день и ночь;
Ищу везде, зову Кронида,—
Но ты не хочешь мне внимать.

Теперь злосчастная Раиса
Звала тебя в последний раз...
Душа моя покоя жаждет...
Прости!.. Будь счастлив без меня!»

Сказав сии слова, Раиса
Низверглась в море. Грянул гром:
Сим небо возвестило гибель
Тому, кто погубил ее.

1791

КЛАДБИЩЕ

Один голос

Страшно в могиле, хладной и темной!
Ветры здесь воют, гробы трясутся,
Белые кости стучат.

Другой голос

Тихо в могиле, мягкой, покойной.
Ветры здесь веют; спящим прохладно;
Травки, цветочки растут.

Первый

Червь кровоглавый точит умерших,
В черепах желтых жабы гнездятся,
Змии в крапиве шипят.

Второй

Крепок сон мертвых, сладостен, кроток;
В гробе нет бури; нежные птички
Песнь на могиле поют.

Первый

Там обитают черные враны,
Алчные птицы; хищные звери
С ревом копают в земле.

Второй

Маленький кролик в травке зеленой
С милой подружкой там отдыхает;
Голубь на веточке спит.

Первый

Сырость со мглою, густо мешаясь,
Плавают тамо в воздухе душном;
Древо без листьев стоит.

Второй

Тамо струится в воздухе светлом
Пар благовонный синих фиалок,
Белых ясминов, лилей.

Первый

Странник боится мертвой юдоли;
Ужас и трепет чувствуя в сердце,
Мимо кладбища спешит.

Второй

Странник усталый видит обитель
Вечного мира — посох бросая,
Там остается навек.

1792

К СОЛОВЬЮ

Пой во мраке тихой рощи,
Нежный, кроткий соловей!
Пой при свете лунной нощи!
Глас твой мил душе моей.

Но почто ж рекой катятся
Слезы из моих очей,
Чувства ноют и томятся
От гармонии твоей?
Ах! я вспомнил незабвенных,
В недрах хладныя земли
Хищной смертью заключенных;
Их могилы заросли
Все высокою травою.
Я остался сиротою...
Я остался в горе жить,
Тосковать и слезы лить!..
С кем теперь мне наслаждаться
Нежной песнию твоей?
С кем природой утешаться?
Все печально без друзей!
С ними дух наш умирает,
Радость жизни отлетает;
Сердцу скучно одному —
Свет пустыня, мрак ему.

Скоро ль песнию своею,
О любезный соловей,
Над могилою моею
Будешь ты пленять людей?

1793

ПОСЛАНИЕ К ДМИТРИЕВУ

В ОТВЕТ НА ЕГО СТИХИ, В КОТОРЫХ ОН ЖАЛУЕТСЯ НА СКОРОТЕЧНОСТЬ СЧАСТЛИВОЙ МОЛОДОСТИ

Конечно так, — ты прав, мой друг!
Цвет счастья скоро увядает,
И юность наша есть тот луг,
Где сей красавец расцветает.
Тогда в эфире мы живем
И нектар сладостный пием
Из полной олимпийской чаши;
Но жизни алая весна

Есть миг — увы! пройдет она,
И с нею мысли, чувства наши
Лишатся свежести своей.
Что прежде душу веселило,
К себе с улыбкою манило,
Немило, скучно будет ей.
Надежды и мечты златые,
Как птички, быстро улетят,
И тени хладные, густые
Над нами солнце затемнят,—
Тогда, подобно Иксиону,
Не милую свою Юнону,
Но дым увидим пред собой![1]

И я, о друг мой, наслаждался
Своею красною весной;
И я мечтами обольщался —
Любил с горячностью людей,
Как нежных братий и друзей;
Желал добра им всей душею;
Готов был кровию моею
Пожертвовать для счастья их
И в самых горестях своих
Надеждой сладкой веселился
Небесполезно жить для них —
Мой дух сей мыслию гордился!
Источник радостей и благ
Открыть в чувствительных душах;
Пленить их истиной святою,
Ее нетленной красотою;
Орудием небесным быть
И в памяти потомства жить
Казалось мне всего славнее,
Всего прекраснее, милее!
Я жребий свой благословлял,
Любуясь прелестью награды,—
И тихий свет моей лампады
С звездою утра угасал.
Златое дневное светило
Примером, образцом мне было...

[1] Известно из мифологии, что Иксион, желая обнять Юнону, обнял облако и дым.

Семейный портрет князей Барятинских.
Гравюра Р. Морген с оригинала А. Кауфман.
1790-е годы.

Государственный музей изобразительных искусств
имени А. С. Пушкина.

Почто, почто, мой друг, не век
Обманом счастлив человек?

Но время, опыт разрушают
Воздушный замок юных лет;
Красы волшебства исчезают...
Теперь иной я вижу свет,—
И вижу ясно, что с Платоном
Республик нам не учредить,
С Питтаком, Фалесом, Зеноном
Сердец жестоких не смягчить.
Ах! зло под солнцем бесконечно,
И люди будут — люди вечно.
Когда несчастных Данаид[1]
Сосуд наполнится водою,
Тогда, чудесною судьбою,
Наш шар приимет лучший вид:
Сатурн на землю возвратится
И тигра с агнцем помирит;
Богатый с бедным подружится
И слабый сильного простит.
Дотоле истина опасна,
Одним скучна, другим ужасна;
Никто не хочет ей внимать,
И часто яд тому есть плата,
Кто гласом мудрого Сократа
Дерзает буйству угрожать.
Гордец не любит наставленья,
Глупец не терпит просвещенья —
Итак, лампаду угасим,
Желая доброй ночи им.

Но что же нам, о друг любезный,
Осталось делать в жизни сей,
Когда не можем быть полезны,
Не можем применить людей?
Оплакать бедных смертных долю
И мрачный свет предать на волю
Судьбы и рока: пусть они,
Сим миром правя искони,
И впредь творят что им угодно!

[1] Они в подземном мире льют беспрестанно воду в худой сосуд.

А мы, любя дышать свободно,
Себе построим тихий кров
За мрачной сению лесов,
Куда бы злые и невежды
Вовек дороги не нашли
И где б без страха и надежды
Мы в мире жить с собой могли,
Гнушаться издали пороком
И ясным, терпеливым оком
Взирать на тучи, вихрь сует,
От грома, бури укрываясь
И в чистом сердце наслаждаясь
Мерцанием вечерних лет,
Остатком теплых дней осенних.
Хотя уж нет цветов весенних
У нас на лицах, на устах
И юный огнь погас в глазах;
Хотя красавицы престали
Меня любезным называть
(Зефиры с нами отыграли!),
Но мы не дóлжны унывать:
Живем по общему закону!..
Отелло в старости своей
Пленил младую Дездемону[1]
И вкрался тихо в сердце к ней
Любезных муз прелестным даром.
Он с нежным, трогательным жаром
В картинах ей изображал,
Как случай в жизни им играл;
Как он за дальними морями,
Необозримыми степями,
Между ревущих, пенных рек,
Среди лесов густых, дремучих,
Песков горящих и сыпучих,
Где люди не бывали ввек,
Бесстрашно в юности скитался,
Со львами, тиграми сражался,
Терпел жестокий зной и хлад,
Терпел усталость, жажду, глад.
Она внимала, удивлялась;

[1] Смотри Шекспирову трагедию «Отелло».

Брала участие во всем;
В опасность вместе с ним вдавалась
И в нежном пламени своем,
С блестящею в очах слезою,
Сказала: «Я люблю тебя!»
И мы, любезный друг, с тобою
Найдем подругу для себя,
Подругу с милою душею,
Она приятностью своею
Украсит запад наших дней.
Беседа опытных людей,
Их басни, повести и были
(Нас лета сказкам научили!)
Ее внимание займут,
Ее любовь приобретут.
Любовь и дружба — вот чем можно
Себя под солнцем утешать!
Искать блаженства нам не должно,
Но должно — менее страдать;
И кто любил, кто был любимым,
Был другом нежным, другом чтимым,
Тот в мире сем недаром жил,
Недаром землю бременил.

Пусть громы небо потрясают,
Злодеи слабых угнетают,
Безумцы хвалят разум свой!
Мой друг! не мы тому виной.
Мы слабых здесь не угнетали
И всем ума, добра желали;
У нас не черные сердца!
И так без трепета и страха
Нам можно ожидать конца
И лечь во гроб, жилище праха.
Завеса вечности страшна
Убийцам, кровью обагренным,
Слезами бедных орошенным.
В ком дух и совесть без пятна,
Тот с тихим чувствием встречает
Златую Фебову стрелу [1],

[1] Древние поэты говорили, что златая Фебова стрела приносит смерть человеку.

И ангел мира освещает
Пред ним густую смерти мглу.
Там, там, за синим океаном,
Вдали, в мерцании багряном,
Он зрит... но мы еще не зрим.

1794

ПОСЛАНИЕ К АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ ПЛЕЩЕЕВУ

Мой друг! вступая в шумный свет
С любезной, искренней душею,
В весеннем цвете юных лет,
Ты хочешь с музою моею
В свободный час поговорить
О том, чего все ищут в свете;
Что вечно у людей в предмете;
О чем позволено судить
Ученым, мудрым и невежде,
Богатым в золотой одежде
И бедным в рубище худом,
На тронах, славой окруженных,
И в сельских хижинах смиренных;
Что в каждом климате земном
Надежду смертных составляет,
Сердца всечасно обольщает,
Но, ах!.. не зримо ни в одном!

О счастьи слово. Удалимся
Под ветви сих зеленых ив;
Прохладой чувства освежив,
Мы там беседой насладимся
В любезной музам тишине [1].

Мой друг! поверишь ли ты мне,
Чтоб десять тысяч было мнений,
Ученых философских прений
В архивах древности седой[2]

[1] Сии стихи писаны в самом деле под тению ив.

[2] Десять тысяч! Читатель может сомневаться в верности счета; но один из древних же авторов пишет, что их было точно десять тысяч.

О средствах жить счастливо в свете,
О средствах обрести покой?
Но точно так, мой друг; в сем счете
Ошибки нет. Фалес, Хилон,
Питтак, Эпименид, Критон,
Бионы, Симмии, Стильпоны,
Эсхины, Эрмии, Зеноны,
В лицее, в храмах и садах,
На бочках, темных чердаках
О благе вышнем говорили
И смертных к счастию манили
Своею... нищенской клюкой,
Клянясь священной бородой,
Что плод земного совершенства
В саду их мудрости растет;
Что в нем нетленный цвет блаженства,
Как роза пышная, цветет.
Слова казалися прекрасны,
Но только были несогласны.
Один кричал: ступай туда!
Другой: нет, нет, поди сюда!
Что ж греки делали? Смеялись;
Ученой распрей забавлялись,
А счастье... называли сном!

И в наши времена о том
Бывает много шуму, спору.
Немало новых гордецов,
Которым часто без разбору
Дают названье мудрецов;
Они нам также обещают
Открыть прямой ко счастью след;
В глаза же счастия не знают;
Живут, как все, под игом бед;
Живут и горькими слезами
Судьбе тихонько платят сами
За право умниками слыть,
О счастьи в книгах говорить!

Престанем льстить себя мечтою,
Искать блаженства под луною!
Скорее, друг мой, ты найдешь
Чудесный философский камень,
Чем век без горя проживешь.

Япетов сын эфирный пламень
Похитил для людей с небес,
Но счастья к ним он не принес;
Оно в удел нам не досталось
И там, с Юпитером, осталось.
Вздыхай, тужи; но пользы нет!
Судьбы рекли: «Да будет свет
Жилищем призраков, сует,
Немногих благ и многих бед!»
Рекли — и Суеты спустились
На землю шумною толпой:
Герои в латы нарядились,
Пленяся Славы красотой;
Мечом махнули, полетели
В забаву умерщвлять людей;
Одни престолов захотели,
Другие самых алтарей;
Одни шумящими рулями
Рассекли пену дальних вод;
Другие мощными руками
Отверзли в землю темный ход,
Чтоб взять пригоршни светлой пыли!
Мечты всем головы вскружили,
А горесть врезалась в сердца.
Народов сильных победитель
И стран бесчисленных властитель
Под блеском светлого венца
В душевном мраке унывает
И часто сам того не знает,
Начто величия желал
И кровью лавры омочал!
Смельчак, Америку открывший,
Пути ко счастью не открыл;
Индейцев в цепи заключивший
Цепями сам окован был,
Провел и кончил жизнь в страданье,—
А сей вздыхающий скелет,
Который богом чтит стяжанье,
Среди богатств в тоске живет!..
Но кто, мой друг, в морской пучине
Глазами волны перечтет?
И кто представит нам в картине
Ничтожность всех земных сует?

Что ж делать нам? Ужель сокрыться
В пустыню Муромских лесов,
В какой-нибудь безвестный кров,
И с миром навсегда проститься,
Когда, к несчастью, мир таков?
Увы! Анахорет не будет
В пустыне счастливее нас!
Хотя земное и забудет;
Хотя умолкнет страсти глас
В его душе уединенной,
Безмолвным мраком огражденной,
Но сердце станет унывать,
В груди холодной тосковать,
Не зная, чем ему заняться.
Тогда пустыннику явятся
Химеры, адские мечты,
Плоды душевной пустоты!
Чудовищ грозных миллионы,
Змеи летучие, драконы
Над ним крылами зашумят
И страхом ум его затмят...[1]
В тоске он жизнь свою скончает!

Каков ни есть подлунный свет,
Хотя блаженства в оном нет,
Хотя в нем горесть обитает,—
Но мы для света рождены,
Душой, умом одарены
И должны в нем, мой друг, остаться.
Чем можно, будем наслаждаться,
Как можно менее тужить,
Как можно лучше, тише жить,
Без всяких суетных желаний,
Пустых, блестящих ожиданий;
Но что приятное найдем,
То с радостью себе возьмем.
В лесах унылых и дремучих
Бывает краше анемон,
Когда украдкой выдет он
Один среди песков сыпучих;
Во тьме густой, в печальной мгле

[1] Многие пустынники, как известно, сходили с ума в уединении.

Сверкнет луч солнца веселее:
Добра не много на земле,
Но есть оно — и тем милее
Ему быть должно для сердец.
Кто малым может быть доволен,
Не скован в чувствах, духом волен,
Не есть чинов, богатства льстец;
Душою так же прям, как станом;
Не ищет благ за океаном
И с моря кораблей не ждет,
Шумящих ветров не робеет,
Под солнцем домик свой имеет,
В сей день для дня сего живет
И мысли в даль не простирает;
Кто смотрит прямо всем в глаза;
Кому несчастного слеза
Отравы в пищу не вливает;
Кому работа не трудна,
Прогулка в поле не скучна
И отдых в знойный час любезен;
Кто ближним иногда полезен
Рукой своей или умом;
Кто может быть приятным другом,
Любимым, счастливым супругом
И добрым милых чад отцом;
Кто муз от скуки призывает
И нежных граций, спутниц их;
Стихами, прозой забавляет
Себя, домашних и чужих;
От сердца чистого смеется
(Смеяться, право, не грешно!)
Над всем, что кажется смешно,—
Тот в мире с миром уживется
И дней своих не прекратит
Железом острым или ядом;
Тому сей мир не будет адом;
Тот путь свой розой оцветит
Среди колючих жизни терний,
Отраду в горестях найдет,
С улыбкой встретит час вечерний
И в полночь тихим сном заснет.

1794

К САМОМУ СЕБЕ

Прости, надежда!.. и навек!..
Исчезло все, что сердце льстило,
Душе моей казалось мило;
Исчезло! Слабый человек!
Что хочешь делать? обливаться
Рекою горьких, тщетных слез?
Стенать во прахе и терзаться?..
Что пользы? Рока и небес
Не тронешь ты своей тоскою
И будешь жалок лишь себе!
Нет, лучше докажи судьбе,
Что можешь быть велик душою,
Спокоен вопреки всему.
Чего робеть? ты сам с собою!
Прибегни к сердцу своему:
Оно твой друг, твоя отрада,
За все несчастия награда —
Еще ты в свете не один!
Еще ты мира гражданин!..
Смотри, как солнце над тобою
Сияет славой, красотою;
Как ясен, чист небесный свод;
Как мирно, тихо все в природе!
Зефир струит зерцало вод,
И птички в радостной свободе
Поют: «Будь весел, улыбнись!»
Поют тебе согласным хором.
А ты стоишь с унылым взором,
С душою мрачной?.. Ободрись
И вспомни, что бывал ты прежде,
Как мудрым в чувствах подражал,
Сократа сердцем обожал,
С Катоном смерть любил, в надежде
Носить бессмертия венец.
Житейских радостей конец
Да будет для тебя началом
Геройской твердости в душе!
Язвимый лютых бедствий жалом,
Забвенный в темном шалаше
Всем светом, ложными друзьями,
Умей спокойными очами

На мир обманчивый взирать,
Несчастье с счастьем презирать!

Я столько лет мечтой пленялся,
Хотел блаженства, восхищался!..
В минуту все покрылось тьмой,
И я остался лишь с тоской!

Так некий зодчий, созидая
Огромный, велелепный храм
На диво будущим векам,
Гордился духом, помышляя
О славе дела своего;
Но вдруг огромный храм трясется,
Падет... упал... и нет его!..
Что ж бедный зодчий? Он клянется
Не строить впредь, беспечно жить...
А я клянуся... не любить!

1795

К БЕДНОМУ ПОЭТУ

Престань, мой друг, поэт унылый,
Роптать на скудный жребий свой
И знай, что бедность и покой
Еще быть могут сердцу милы.
Фортуна-мачеха тебя,
За что-то очень невзлюбя,
Пустой сумою наградила
И в мир с клюкою отпустила;
Но истинно родная мать,
Природа, любит награждать
Несчастных пасынков Фортуны:
Дает им ум, сердечный жар,
Искусство петь, чудесный дар
Вливать огонь в златые струны,
Сердца гармонией пленять.
Ты сей бесценный дар имеешь;
Стихами чистыми умеешь
Любовь и дружбу прославлять;

Как птичка, в белом свете волен,
Не знаешь клетки, ни оков —
Чего же больше? будь доволен;
Вздыхать, роптать есть страсть глупцов.

Взгляни на солнце, свод небесный,
На свежий луг, для глаз прелестный;
Смотри на быструю реку,
Летящую с сребристой пеной
По светло-желтому песку;
Смотри на лес густой, зеленый
И слушай песни соловья.
Поэт! Натура вся твоя.
В ее любезном сердцу лоне
Ты царь на велелепном троне.
Оставь другим носить венец:
Гордися, нежных чувств певец,
Венком, из нежных роз сплетенным,
Тобой от граций полученным!
Тебе никто не хочет льстить:
Что нужды? кто в душе спокоин,
Кто истинной хвалы достоин,
Тому не скучно век прожить
Без шума, без льстецов коварных.
Не можешь ты чинов давать,
Но можешь зернами питать
Семейство птичек благодарных;
Они хвалу тебе споют
Гораздо лучше стиходеев,
Тиранов слуха, лже-Орфеев,
Которых музы в одах лгут
Нескладно-пышными словами.
Мой друг! существенность бедна:
Играй в душе своей мечтами,
Иначе будет жизнь скучна.
Не Крез с мешками, сундуками
Здесь может веселее жить,
Но тот, кто в бедности умеет
Себя богатством веселить;
Кто дар воображать имеет
В кармане тысячу рублей,
Копейки в доме не имея.
Поэт есть хитрый чародей:

Его живая мысль, как фея,
Творит красавиц из цветка;
На сосне розы производит,
В крапиве нежный мирт находит
И строит замки из песка.
Лукуллы в неге утонченной
Напрасно вкус свой притупленный
Хотят чем новым усладить.
Сатрап с Лаисою зевает;
Платок ей бросив, засыпает.
Их жребий: дни считать, не жить;
Душа их в роскоши истлела,
Подобно камню онемела
Для чувства радостей земных.
Избыток благ и наслажденья
Есть хладный гроб воображенья;
В мечтах, в желаниях своих
Мы только счастливы бываем;
Надежда — золото для нас,
Призрак любезнейший для глаз,
В котором счастье лобызаем.

Не сытому хвалить обед,
За коим нимфы, Ганимед
Гостям амврозию разносят,
И не в объятиях Лизет
Певцы красавиц превозносят;
Все лучше кажется вдали.
Сухими фигами питаясь,
Но в мыслях царски наслаждаясь
Дарами моря и земли,
Зови к себе в стихах игривых
Друзей любезных и счастливых
На сладкий и роскошный пир;
Сбери красоток несравненных,
Веселым чувством оживленных;
Вели им с нежным звуком лир
Петь в громком и приятном хоре,
Летать, подобно Терпсихоре,
При плеске радостных гостей
И милой ласкою своей,
Умильным, сладострастным взором,
Немым, но внятным разговором

Сердца к тому приготовлять,
Чего... в стихах нельзя сказать.
Или, подобно Дон-Кишоту,
Имея к рыцарству охоту,
В шишак и панцирь нарядись,
На борзого коня садись,
Ищи опасных приключений,
Волшебных замков и сражений,
Чтоб добрым принцам помогать
Принцесс от уз освобождать.
Или, Платонов воскрешая
И с ними ум свой изощряя,
Закон республикам давай
И землю в небо превращай.
Или... но как все то исчислить,
Что может стихотворец мыслить
В укромной хижинке своей?

Мудрец, который знал людей,
Сказал, что мир стоит обманом;
Мы все, мой друг, лжецы:
Простые люди, мудрецы;
Непроницаемым туманом
Покрыта истина для нас.
Кто может вымышлять приятно,
Стихами, прозой, — в добрый час!
Лишь только б было вероятно.
Что есть поэт? искусный лжец:
Ему и слава и венец!

1796

ТАЦИТ

Таци́т велик; но Рим, описанный Таци́том,
Достоин ли пера его?
В сем Риме, некогда геройством знаменитом,
Кроме убийц и жертв, не вижу ничего.
Жалеть об нем не должно:
Он стоил лютых бед несчастья своего,
Терпя, чего терпеть без подлости не можно!

1797

ПРОТЕЙ,
ИЛИ НЕСОГЛАСИЯ СТИХОТВОРЦА

N. B. Говорят, что поэты нередко сами себе противоречат и переменяют свои мысли о вещах. Сочинитель отвечает:

Ты хочешь, чтоб поэт всегда одно лишь мыслил,
Всегда одно лишь пел: безумный человек!
Скажи, кто образы Протеевы исчислил?
Таков питомец муз и был и будет ввек.
Чувствительной душе не сродно ль изменяться?
Она мягка как воск, как зеркало ясна,
И вся природа в ней с оттенками видна.
Нельзя ей для тебя *единою* казаться
В *разнообразии* естественных чудес.
Взгляни на светлый пруд, едва, едва струимый
Дыханьем ветерка: в сию минуту зримы
В нем яркий Фебов свет, чистейший свод небес
И дерзостный орел, горе один парящий;
Кудрявые верхи развесистых древес;
В сени их пастушок с овечкою стоящий;
На ветви голубок с подружкою своей
(Он дремлет, под крыло головку спрятав к ней) —
Еще минута... вдруг иное представленье:
Сокрыли облака в кристалле Фебов зрак;
Там стелется один волнистый сизый мрак.
В душе любимца муз такое ж измененье
Бывает каждый час; что видит, то поет,
И, всем умея быть, всем быть перестает.
Когда в весенний день, среди лугов цветущих
Гуляя, видит он природы красоты,
Нимф сельских хоровод, играющих, поющих,
Тогда в душе его рождаются мечты
О веке золотом, в котором люди жили
Как братья и друзья, пасли свои стада,
Питались их млеко́м; не мысля никогда,
Что есть добро и зло, *по чувству* добры были,
А более всего... резвились и любили!
Тогда он с Геснером свирелию своей
Из шума городов зовет в поля людей.
«Оставьте,—говорит,—жилище скуки гомной,
Где все веселие в притворстве состоит;
Где вы находите единый ложный вид

Утехи и забав. В сени природы скромной
Душевный сладкий мир с веселостью живет;
Там счастье на лугу с фиалками цветет
И смотрится в ручей с пастушкою прекрасной.
О счастьи в городах лишь только говорят,
Не чувствуя его; в селе об нем молчат,
Но с ним проводят век, как день весенний ясной,
В невинности златой, в сердечной простоте».
Когда ж глазам его явится блеск искусства
В чудесности своей и в полной красоте:
Великолепный град, картина многолюдства,
Разнообразное движение страстей,
Подобных бурному волнению морей,
Но действием ума премудро соглашенных
И к благу общества законом обращенных:
Театр, где, действуя лишь для себя самих,
Невольно действуем для выгоды других;
Машина хитрая, чудесное сцепленье
Бесчисленных колес; ума произведенье,
Но, несмотря на то, загадка для него!
Тогда певец села в восторге удивленья,
Забыв свирель, берет для гимна своего
Златую лиру, петь утехи просвещенья:
«Что был ты, человек, с природою один?
Ничтожный раб ее, живущий боязливо.
Лишь в обществе ты стал природы властелин
И в первый раз взглянул на небо горделиво,
Взглянул и прочитал там славный жребий свой:
Быть в мире сем царем, творения главой.
Лишь в обществе душа твоя *себе сказалась*,
И сердце начало с сердцами говорить;
За мыслию одной другая вслед рождалась,
Чтоб лествицей уму в познаниях служить.
В Аркадии своей ты был с зверями равен,
И мнимый век златой, век лени, детства, сна,
Бесславен для тебя, хотя в стихах и славен.
Для бедных разумом жизнь самая бедна:
Лишь в общежитии мы им обогатились;
Лишь там художества с науками родились —
И первый в мире град был первым торжеством
Даров, влиянных в нас премудрым божеством.
Не в поле, не в лесах святая добродетель
Себе воздвигла храм: Сократ в Афинах жил,

И в Риме Нума царь, своих страстей владетель,
Своих законов раб, бессмертье заслужил.
Не тот *Герой добра*, кто скрылся от порока,
От искушения, измен, ударов рока
И прожил век один с полмертвою душей;
Но тот, кто был всегда примером для людей,
Среди бесчисленных опасных преткновений,
Как мраморный колосс, незыблемо стоял,
Стезею правды шел во мраке заблуждений,
Сражался с каждым злом, сражаясь, побеждал.
Так кормчий посреди морей необозримых
Без страха видит гроб *волнистый* пред собой
И слышит грозный рев пучин неизмеримых;
Там гибельная мель, здесь камни под водой:
Но с картою в руках, с магнитом пред очами
Пловец в душе своей смеется над волнами
И к пристани спешит, где ждет его покой».

В сей хижине живет питомец Эпиктета,
Который, истребив чувствительность в себе,
Надежду и боязнь, престал служить судьбе
И быть ее рабом. Сия царица света
Отнять ни дать ему не может ничего:
Ничто не веселит, не трогает его;
Он ко всему готов. Представь конец вселенной:
Небесный свод трещит; огромные шары
Летят с своих осей; в развалинах миры...
Сим страшным зрелищем мудрец не устрашенной
Покойно бы сказал: «Мне время отдохнуть
И в гробе Естества сном вечности заснуть!»
Поэт пред ним свои колена преклоняет
И полубога в нем на лире прославляет:
«Великая душа! что мир сей пред тобой?
Горсть пыльныя земли. Кто повелитель твой?
Сам бог — или никто. Ты нужды не имеешь
В подпоре для себя: тверда сама собой.
Без счастья быть всегда счастливою умеешь,
Умея презирать ничтожный блеск его;
Оно без глаз, а ты без глаз и для него:
Смеется иль грозит, не видишь ничего.
Пусть карлы будут им велики или славны:
Обманчивый призрáк! их слава звук пустой;
В величии своем они с землею равны;

А ты равна ли с чем? с единою собой!»
И с тою ж кистию, с тем самым же искусством
Сей нравственный Апелл распишет *слабость* вам,
Для стоиков порок, но сродную сердцам
Зависимых существ, рожденных с нежным чувством...
Ах! *слабость жить мечтой*, от рока ожидать
Всего, что мыслям льстит,— *надеяться*, *бояться*,
От удовольствия и страха трепетать,
Слезами радости и скорби обливаться!..
«Хвалитесь, мудрецы, бесстрастием своим
И будьте камнями назло самой природе!
Чувствительность! люблю я быть рабом твоим;
Люблю предпочитать зависимость свободе,
Когда зависимость есть действие твое,
Свобода ж действие холодности беспечной!
Кому пойду открыть страдание мое
В час лютыя тоски и горести сердечной?
Тебе ль, Зенон? чтоб ты меня лишь осудил,
Сказав, что винен я, *не властвуя собою?*
Ах, кто несчастия в сей жизни не вкусил,
Кто не был никогда терзаем злой судьбою
И слабостей не знал, в том сожаленья нет;
И редко человек, который вечно тверд,
Бывает не жесток. Я к вам пойду с слезами,
О нежные сердца! вы плакали и сами;
По чувству, опыту известна горесть вам.
К страдавшим страждущий доверенность имеет:
Кто падал, тот других поддерживать умеет.
Мы вместе воскурим молений фимиам...
Молитва общая до вышнего доходна;
Молитва общая детей отцу угодна...
Он *исполнение* с любовью изречет;
Зефир с небес для нас весть сладкую снесет;
Отчаяния мрак надеждой озарится,
И мертвый кипарис чудесно расцветет;
Кто был несчастлив, вдруг от счастья прослезится».

Богатство, сан и власть! не ищет вас поэт;
Но быть хотя на час предметом удивленья
Милее для него земного поклоненья
Бесчисленных рабов. Ему венок простой
Дороже, чем венец блистательный, златой.
С какою ж ревностью он славу прославляет

И тем, что любит сам, сердца других пленяет!
С какою ревностью он служит эхом ей,
Гремящий звук ее векам передавая!
Сын Фебов был всегда хранитель алтарей,
На коих, память душ великих обожая,
Потомство фимиам бессмертию курит.
«Все тленно в мире сем, жизнь смертных скоротечна,
Минутны радости, но слава долговечна:
Живите для нее! — в восторге он гласит.—
Достойна жизни цель, достойна жертв награда.
Мудрец! ищи ее, трудясь во тьме ночей:
Да искрой истины возжженная лампада
Осветит ряд веков и будет для людей
Источником отрад! Творец благих законов!
Трудись умом своим для счастья миллионов!
Отдай отечеству себя и жизнь, герой!
Для вас покоя нет; но есть потомство, слава:
История для вас подъемлет грифель свой.
Вы жертвой будете всемирного устава,
Низыдете во гроб, но только *для очей*:
Для благодарных *душ* дни ваши бесконечны;
Последствием своим дела и разум вечны:
Сатурн не может их подсечь косой своей.
Народы, коих вы рождения не зрели,
Которых нет еще теперь и колыбели,
Вас будут знать, любить, усердно прославлять,
Как гениев земли считать полубогами
И клясться вашими святыми именами!»

Так свойственно певцу о славе воспевать;
Но, часто видя, как сердца людей коварны,
Как души низкие всё любят унижать,
Как души слабые в добре неблагодарны,
Он в горести гласит: «О слава! ты мечта,
И лишь вдали твои призра́ки светозарны;
Теряется вблизи их блеск и красота.
Могу ли от того я быть благополучен,
Что скажет обо мне народная молва?
Счастливо ль сердце тем, что в лаврах голова?
Великий Александр себе был в славе скучен
И в чаше Вакховой забвения искал [1].
Хвалы ораторов афинских он желал;

[1] Известно, что Александр излишне любил вино.

Но острые умы его пересмехали;
В Афинах храбреца безумцем называли.
Ах! люди таковы: в божественных душах
Лишь смотрят на порок, изящного не видят;
Великих любят все... в романах, на словах,
Но в свете часто их сердечно ненавидят.
Для счастия веков трудись умом своим:
В награду прослывешь мечтателем пустым;
Будь мудр, и жди себе одних насмешек злобных.
Глупцам приятнее хвалить себе подобных,
Чем умных величать; глупцов же полон свет.
Но справедливость нам потомство отдает!..
Несчастный! что тебе до мнения потомков?
Среди могил, костей и гробовых обломков
Не будешь чувствовать, что скажут о тебе.
Безумен славы раб! безумен, кто судьбе
За сей *кимвальный звон* отдаст из доброй воли
Спокойствие души, блаженство тихой доли!
Не знает счастия, не знает тот людей,
Кто ставит их хвалу предметом жизни всей!»
Но в чем сын Фебов так с собою несогласен,
Как в песнях о любви? то счастие она,
То в сердце нежное на муку вселена;
То мил ее закон, то гибелен, ужасен.
Любовь есть прелесть, жизнь чувствительных сердец;
Она ж в Поэзии начало и конец.
Любви обязаны мы первыми стихами,
И Феба без нее не знал бы человек.
Прощаяся с ее эфирными мечтами,
Поэт и с музами прощается навек —
Или стихи его теряют цвет и сладость;
Златое время их есть только наша младость.
Внимай: Эротов друг с веселием поет
Счастливую любовь: «Как солнце красит свет
И мир физический огнем одушевляет,
Так мир чувствительный любовию живет,
Так нежный огнь ее в нем душу согревает.
Она и жизнь дает, она и жизни цель;
Училищем ее бывает колыбель,
И в самой старости, у самыя могилы
Ее бесценные воспоминанья милы.
Когда для тайных чувств своих предмет найдем,
Тогда лишь прямо жить для счастия начнем;

Тогда узнаем мы свое определенье.
Как *первый* человек, нечаянно вкусив
Плод сочный, вдруг и глад и жажду утолив,
Уверился, что есть *потребность*, *наслажденье*,
Узнал их связь, предмет [1] — так *юный* человек,
Любящий в первый раз, уверен в том душею,
Что создан он любить, жить с милою своею,
Составить с ней одно — или томиться ввек.
Блаженная чета!.. какая кисть опишет
Тот радостный восторг, когда любовник слышит
Слова: *люблю! твоя!..* один сей райский миг
Завиднее ста лет, счастливо проведенных
Без горя и беды, в избытке благ земных!
Все мило для сердец, любовью упоенных;
Где терние другим, там розы им цветут.
В пустыне ль, в нищете ль любовники живут,
Для них равно; везде, во всем судьбой довольны.
Неволя самая им кажется легка,
Когда и в ней они любить друг друга вольны.
Ах! жертва всякая для нежности сладка.
Любовь в терпении находит утешенье
И в верности своей за верность награжденье.
Над сердцем милым власть милее всех властей.
Вздыхает иногда и лучший из царей:
Всегда ли может он нам властию своею
Блаженство даровать? В любви ж всегда мы ею
И сами счастливы, и счастие даем,
Словами, взорами, слезой, улыбкой — всем.
Минута с милою есть вечность наслажденья,
И век покажется минутой восхищенья!»

Так он поет — и вдруг, унизив голос свой,
Из тихо-нежных струн дрожащею рукой
Иные звуки он для сердца извлекает...
Ах! звуки горести, тоски! Мой слух внимает:
«Я вижу юношу примерной красоты;
Любовь, сама любовь его образовала;
Она ему сей взор небесный даровала,
Сии прелестныя любезности черты.
Для счастья создан он, конечно б вы сказали;
Но томен вид его, и черный креп печали

[1] См. в Бюффоне чувства первого человека.

Темнит огонь в глазах. Он медленно идет
Искать не алых роз среди лугов весенних —
И лето протекло, цветов нигде уж нет,—
Но горестных картин и ужасов осенних
В унылых рощах, где валится желтый лист
На желтую траву, где слышен ветров свист
Между сухих дерев; где летом птички пели,
Но где уже давно их гнезда охладели.
Там юноша стоит над шумною рекой
И, зря печальный гроб Натуры пред собой,
Так мыслит: «Прежде все здесь жило, зеленело,
Цвело для глаз; теперь уныло, помертвело!..
И я душою цвел, и я для счастья жил:
Теперь навек увял и с счастием простился!
На что ж мне жизнь?» — сказал... в волнах реки сокрылся..

О нежные сердца! сей юноша любил;
Но милый друг ему коварно изменил!..
Хотите ли змею под алой розой видеть,
Хотите ль жизнь и свет душой возненавидеть
И в сердце собственном найти себе врага —
Любите!.. скоро прах ваш будет под землею:
Ах! жизнь чувствительных не может быть долга!
Любовь для них есть яд: восторгом и тоскою
Она мертвит сердца; восторг есть миг — пройдет,
Но душу от других благ в мире отвращает:
Все будет скучно ей — тоска же в ней живет,
Как лютая змея; всегда, всегда терзает.
Измена, ветреность, коварство, злой обман...
Кому исчислить все причины огорчений,
Все бедствия любви? их целый океан,
При капле, может быть, сердечных наслаждений.
Когда увидите страдания черты
И бледность томную цветущей красоты,
Ах! знайте, что любовь там душу изнуряет.
Кто ж счастливым себя любовью почитает,
Тот пением сирен на время усыплен,
Но тем несчастнее, проснувшись, будет он!»

Противоречий сих в порок не должно ставить
Любимцам нежных муз; их дело выражать
Оттенки разных чувств, не мысли соглашать;
Их дело не решить, но трогать и забавить.

Пусть ищет филосóф тех кладезей подземных,
Где истина живет без всех гаданий темных
И где хранится ключ природы для ума!
Здесь [1] сердце говорит, но истина нема;
Поэты делают язык его нам внятным —
И сердцу одному он должен быть приятным.
Оно полюбит вещь, невзлюбит через час,
И музы в сем ему охотно подражают;
То хвалят с живостью, то с жаром осуждают.
Предметы разный вид имеют здесь для нас:
С которой стороны они явятся взору,
И чувству таковы. Поди в весенний сад,
Где ветреный Зефир, резвясь, целует Флору
В прелестных цветниках — там зрение пленят
И роза и ясмин, и ландыш и лилея:
Сорви что выберешь по вкусу своему.
Так точно, нежный вкус к Поэзии имея,
Читай стихи — и верь единственно тому,
Что нравится тебе, что сказано прекрасно,
И что с потребностью души твоей согласно;
Читай, тверди, хвали: хвала стихам венец.
Поэзия — цветник чувствительных сердец.

1798

НАДГРОБИЕ ШАРЛАТАНА

Я пыль в глаза пускал;
Теперь — я пылью стал.

1799

МЕЛАНХОЛИЯ

Подражание Делилю

Страсть нежных, кротких душ, судьбою угнетенных,
Несчастных счастие и сладость огорченных!
О Меланхолия! ты им милее всех
Искусственных забав и ветреных утех.
Сравнится ль что-нибудь с твоею красотою,
С твоей улыбкою и с тихою слезою?

[1] То есть в здешнем свете.

Ты первый скорби врач, ты первый сердца друг:
Тебе оно свои печали поверяет;
Но, утешаясь, их еще не забывает.
Когда, освободясь от ига тяжких мук,
Несчастный отдохнет в душе своей унылой,
С любовию ему ты руку подаешь
И лучше радости, для горестных немилой,
Ласкаешься к нему и в грудь отраду льешь
С печальной кротостью и с видом умиленья.
О Меланхолия! нежнейший перелив
От скорби и тоски к утехам наслажденья!
Веселья еще нет, и нет уже мученья;
Отчаянье прошло... Но, слезы осушив,
Ты радостно на свет взглянуть еще не смеешь
И матери своей, Печали, вид имеешь.
Бежишь, скрываешься от блеска и людей,
И сумерки тебе милее ясных дней.
Безмолвие любя, ты слушаешь унылый
Шум листьев, горных вод, шум ветров и морей.
Тебе приятен лес, тебе пустыни милы;
В *уединении* ты *более с собой.*
Природа мрачная твой нежный взор пленяет:
Она как будто бы печалится с тобой.
Когда светило дня на небе угасает,
В задумчивости ты взираешь на него.
Не шумныя весны любезная веселость,
Не лета пышного роскошный блеск и зрелость
Для грусти твоея приятнее всего,
Но сень бледная, когда, изнемогая
И томною рукой венок свой обрывая,
Она кончины ждет. Пусть веселится свет
И счастье грубое в рассеянии новом
Старается найти: тебе в нем нужды нет;
Ты счастлива мечтой, одною мыслью — словом!
Там музыка гремит, в огнях пылает дом;
Блистают красотой, алмазами, умом:
Там пиршество... но ты не видишь, не внимаешь
И голову свою на руку опускаешь;
Веселие твое — задумавшись, молчать
И на прошедшее взор нежный обращать.

1800

САТИРИЧЕСКИЕ И ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ЧУЖОЙ ТОЛК

«Что за диковинка? лет двадцать уж прошло,
Как мы, напрягши ум, наморщивши чело,
Со всеусердием всё оды пишем, пишем,
А ни себе, ни им похвал нигде не слышим!
Ужели выдал Феб свой именной указ,
Чтоб не дерзал никто надеяться из нас
Быть Флакку, Рамлеру и их собратьи равным
И столько ж, как они, во песнопеньи славным?
Как думаешь?.. Вчера случилось мне сличать
И их и нашу песнь: в их... нечего читать!
Листочек, много три, а любо, как читаешь —
Не знаю, как-то сам как будто бы летаешь!
Судя по краткости, уверен, что они
Писали их резвясь, а не четыре дни;
То как бы нам не быть еще и их счастливей,
Когда мы во́ сто раз прилежней, терпеливей?
Ведь наш начнет писать, то все забавы прочь!
Над парою стихов просиживает ночь,
Потеет, думает, чертит и жжет бумагу;
А иногда берет такую он отвагу,
Что целый год сидит над одою одной!
И подлинно уж весь приложит разум свой!

Уж прямо самая торжественная ода!
Я не могу сказать, какого это рода,
Но очень полная, иная в двести строф!
Судите ж, сколько тут хороших есть стишков!
К тому ж и в правилах: сперва прочтешь вступленье,
Тут предложение, а там и заключенье —
Точь-в-точь как говорят учены по церквам!
Со всем тем нет читать охоты, вижу сам.
Возьму ли, например, я оды на победы,
Как покорили Крым, как в море гибли шведы;
Все тут подробности сраженья нахожу,
Где было, как, когда,— короче я скажу:
В стихах реляция! прекрасно!.. а зеваю!
Я, бросивши ее, другую раскрываю,
На праздник иль на что подобное тому:
Тут на́йдешь то, чего б нехитрому уму
Не выдумать и ввек: *зари багряны персты*,
И *райский крин*, и *Феб*, и *небеса отверсты!*
Так громко, высоко!.. а нет, не веселит,
И сердца, так сказать, ничуть не шевелит!»

Так дедовских времен с любезной простотою
Вчера один старик беседовал со мною.
Я, будучи и сам товарищ тех певцов,
Которых действию дивился он стихов,
Смутился и не знал, как отвечать мне должно;
Но, к счастью — ежели назвать то счастьем можно,
Чтоб слышать и себе ужасный приговор,—
Какой-то Аристарх с ним начал разговор.

«На это, он сказал,— есть многие причины;
Не обещаюсь их открыть и половины,
А некоторы вам охотно объявлю.
Я сам язык богов, поэзию, люблю,
И нашей, как и вы, утешен так же мало;
Однако ж здесь, в Москве, толкался я, бывало,
Меж наших Пиндаров и всех их замечал:
Большая часть из них — лейб-гвардии капрал,
Асессор, офицер, какой-нибудь подьячий
Иль из кунсткамеры антик, в пыли ходячий,
Уродов страж,— народ всё нужный, должностной;
Так часто я видал, что истинно иной

В два, в три дни рифму лишь прибрать едва успеет,
Затем что в хлопотах досуга не имеет.
Лишь только мысль к нему счастливая придет,
Вдруг било шесть часов! уже карета ждет;
Пора в театр, а там на бал, а там к Лиону[1],
А тут и ночь... Когда ж заехать к Аполлону?
Назавтра, лишь глаза откроет,— уж билет:
На пробу в пять часов... Куда же? В модный свет,
Где лирик наш и сам взял Арлекина ролю.
До оды ль тут? Тверди, скачи два раза к Кролю;[2]
Потом опять домой: здесь хольця да рядись;
А там в спектакль, и так со днем опять простись!

К тому ж, у древних цель была, у нас другая:
Гораций, например, восторгом грудь питая,
Чего желал? О! он — он брал не с высока,
В веках бессмертия, а в Риме лишь венка
Из лавров иль из мирт, чтоб Делия сказала:
«Он славен, чрез него и я бессмертна стала!»
А наших многих цель — награда перстеньком,
Нередко сто рублей иль дружество с князьком,
Который отроду не читывал другова,
Кроме придворного подчас месяцеслова,
Иль похвала своих приятелей; а им
Печатный всякий лист быть кажется святым.
Судя ж, сколь разные и тех и наших виды,
Наверно льзя сказать, не делая обиды
Ретивым господам, питомцам русских муз,
Что должен быть у них и особливый вкус
И в сочинении лирической поэмы
Другие способы, особые приемы;
Какие же они, сказать вам не могу,
А только объявлю — и, право, не солгу,—
Как думал о стихах один стихотворитель,
Которого трудов «Меркурий» наш, и «Зритель»[3],
И книжный магазин, и лавочки полны.
«Мы с рифмами на свет,— он мыслил,— рождены;
Так не смешно ли нам, поэтам, согласиться
На взморье в хижину, как Демосфен, забиться,

[1] Бывший содержатель в Петербурге вольных маскерадов.
[2] Петербургский портной.
[3] Петербургские журналы.

Читать да думать все, и то, что вздумал сам,
Рассказывать одним шумящим лишь волнам?
Природа делает певца, а не ученье;
Он не учась учен, как придет в восхищенье;
Науки будут всё науки, а не дар;
Потребный же запас — отвага, рифмы, жар».
И вот как писывал поэт природный оду:
Лишь пушек гром подаст приятну весть народу,
Что Рымникский Алкид поляков разгромил,
Иль Ферзен их вождя Костюшку полонил,
Он тотчас за перо и разом вывел: *Ода!*
Потом в один присест: *такого дня и года!*
«Тут как?.. *Пою!*.. Иль нет, уж это старина!
Не лучше ль: *Даждь мне, Феб!*.. Иль так: *Не ты одна*
Попала под пяту, о чалмоносна Порта!
Но что же мне прибрать к ней в рифму, кроме черта?
Нет, нет! нехорошо; я лучше поброжу
И воздухом себя открытым освежу».
Пошел и на пути так в мыслях рассуждает:
«Начало никогда певцов не устрашает;
Что хочешь, то мели! Вот штука, как хвалить
Героя-то придет! Не знаю, с кем сравнить?
С Румянцевым его, иль с Грейгом, иль с Орловым?
Как жаль, что древних я не читывал! а с новым —
Неловко что-то все. Да просто напишу:
Ликуй, Герой! ликуй, Герой ты! возглашу.
Изрядно! Тут же что! Тут надобен восторг!
Скажу: *Кто завесу мне вечности расторг?*
Я вижу молний блеск! Я слышу с горня света
И то, и то... А там?.. известно: *многи лета!*
Брависсимо! и план и мысли, всё уж есть!
Да здравствует поэт! осталося присесть,
Да только написать, да и печатать смело!»
Бежит на свой чердак, чертит, и в шляпе дело!
И оду уж его тисненью предают
И в оде уж его нам ваксу продают!
Вот как пиндарил он, и все ему подобны
Едва ли вывески надписывать способны!
Желал бы я, чтоб Феб хотя во сне им рек:
«Кто в громкий славою Екатеринин век
Хвалой ему сердец других не восхищает
И лиры сладкою слезой не орошает,
Тот брось ее, разбей, и знай: он не поэт!»

Да ведает же всяк по одам мой клеврет,
Как дерзостный язык бесславил нас, ничтожил,
Как лириков ценил! Воспрянем! Марсий ожил!
Товарищи! к столу, за перья! отомстим,
Надуемся, напрем, ударим, поразим!
Напишем на него предлинную сатиру
И оправдаем тем российску громку лиру.

1794

ПУТЕШЕСТВИЕ N. N.
В ПАРИЖ И ЛОНДОН,
ПИСАННОЕ
ЗА ТРИ ДНИ ДО ПУТЕШЕСТВИЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Друзья! сестрицы! я в Париже!
Я начал жить, а не дышать!
Садитесь вы друг к другу ближе
Мой маленький журнал читать:
Я был в Лицее, в Пантеоне,
У Бонапарта на поклоне;
Стоял близехонько к нему,
Не веря счастью моему.
Вчера меня князь Д⟨олгоруко⟩в
Представил милой Рекамье[1];
Я видел корпус мамелюков,
Сиеса, Вестриса, Мерсье[2],
Мадам Жанлис, Виже, Пикара[3],
Фонтана, Герля, Легуве[4],
Актрису Жорж и Фиеве[5];
Все тропки знаю булевара,
Все магазины новых мод;
В театре всякий день, оттоле
В Тиволи и Фраскати, в поле[6].
Как весело! какой народ!
Как счастлив я! — итак, простите!
Простите, милые! и ждите
Из области наук, искусств
Вы с первой почтой продолженья,
Истории без украшенья,
Идей моих и чувств.

Против окна в шестом жилье,
Откуда вывески, кареты,
Всё, всё, и в лучшие лорнеты
С утра до вечера во мгле,
Ваш друг сидит еще не чесан,
И на столе, где кофь стоит,
«Меркюр» и «Монитер» разбросан,
Афишей целый пук лежит:
Ваш друг в свою отчизну пишет;
А Журавлев уж не услышит![7]
Вздох сердца! долети к нему!
А вы, друзья, за то простите
Кое-что нраву моему;
Я сам готов, когда хотите,
Признаться в слабостях моих;
Я, например, люблю, конечно,
Читать мои куплеты вечно,
Хоть слушай, хоть не слушай их;
Люблю и странным я нарядом,
Лишь был бы в моде, щеголять;
Но словом, мыслью, даже взглядом
Хочу ль кого я оскорблять?
Я, право, добр! и всей душою
Готов обнять, любить весь свет!..
Я слышу стук!.. никак, за мною?
Так точно, наш земляк зовет
На ужин к *нашей же* — прекрасно!
Сегюр у ней почти всечасно:
Я буду с ним, как счастлив я!
Пришла минута и моя!
Простите! время одеваться.
Чрез месяц, два — я, может статься,
У мачты буду поверять
Виргилиеву грозну бурю;
А если правду вам сказать,
Так я глаза мои защурю
И промыслу себя вручу.
Как весело! лечу! лечу!

Валы вздувалися горами,
Сливалось море с небесами,
Ревели ветры, гром гремел,
Зияла смерть, а N. N. цел!
А N. N. ваш в коротком фрачке,
В Вестминстере свернувшись в ком[8],
Пред урной Попа бьет челом;
В ладоши хлопает на скачке,
Спокойно смотрит сквозь очков
На стычку Питта с Шериданом,
На бой задорных петухов
Иль дога с яростным кабаном;
Я в Лондоне, друзья, и к вам
Уже объятья простираю —
Как всех увидеть вас желаю!
Сегодня на корабль отдам
Все, все мои приобретенья
В двух знаменитейших странах!
Я вне себя от восхищенья!
В каких явлюсь к вам сапогах!
Какие фраки! панталоны!
Всему новейшие фасоны!
Какой прекрасный выбор книг!
Считайте — я скажу вам вмиг:
Бюффон, Руссо, Мабли, Корнилий,
Гомер, Плутарх, Тацит, Виргилий,
Весь Шакеспир, весь Поп и Гюм;
Журналы Аддисона, Стиля...
И всё Дидота, Баскервиля! [9]
Европы целой собрал ум!
Ах, милые, с каким весельем
Все это будет разбирать!
А иногда я между дельем
Журнал мой стану вам читать:
Что видел, слышал за морями,
Как сладко жизнь моя текла,
И кончу тем, обнявшись с вами:
А родина... все нам мила!

1803

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Представил милой Рекамье.* Рекамье — жена парижского банкира, прославившаяся красотой своей.

[2] *Сиеса, Вестриса, Мерсье.* Первый — сенатор, игравший в революцию важную ролю; второй — славный танцовщик, а третий — давно известный писатель.

[3] *Мадам Жанлис, Виже, Пикара.* Первая — сочинительница романов и нескольких книг о воспитании; второй — приятный стихотворец; последний — лучший комический писатель нынешнего времени.

[4] *Фонтана, Герля, Легуве.* Три известные стихотворца.

[5] *Актрису Жорж и Фиеве.* Последний — сочинитель прекрасного романа и писем об Англии.

[6] *В Тиволи и Фраскати, в поле.* Так называются два гульбища.

[7] *А Журавлев уж не услышит.* Почтенный старик, который незадолго перед тем умер и дружен был с путешественником.

[8] *В Вестминстере и проч.* Для некоторых напомню, что в этом аббатстве издавна погребаются короли и славные мужи.

[9] *И всё Дидота, Баскервиля.* Также для некоторых: Дидот — славный французский типографщик, а Баскервиль — англинской.

ЕРМАК

Какое зрелище пред очи
Представила ты, Древность, мне?
Под ризою угрюмой ночи,
При бледной в облаках луне
Я зрю Иртыш: крутит, сверкает,
Шумит и пеной подмывает
Высокий берег и крутой;
На нем два мужа изнуренны,
Как тени, в аде заключенны,
Сидят, склонясь на длань главой;
Единый млад, другой с брадой
Седою и до чресл висящей;
На каждом вижу я наряд,
Во ужас сердце приводящий!
С булатных шлемов их висят
Со всех сторон хвосты змеины,
И веют крылия совины;
Одежда из звериных кож;
Вся грудь обвешана ремнями,

Железом ржавым и кремнями;
На поясе широкий нож;
А при стопах их два тимпана
И два поверженны копья:
То два сибирские шамана,
И их словам внимаю я.

Старец

Шуми, Иртыш, реви ты с нами
И вторь плачевным голосам!
Навек отвержены богами!
О, горе нам!

Младый

О, горе нам!
О, страшная для нас невзгода!

Старец

О ты, которыя венец
Поддерживали три народа[1],
Гремевши мира по конец,
О сильна, древняя держава!
О матерь нескольких племен!
Прошла твоя, исчезла слава!
Сибирь! и ты познала плен!

Младый

Твои народы расточенны,
Как вихрем возмятенный прах,
И сам Кучум[2], гроза вселенны,
Твой царь, погиб в чужих песках!

Старец

Священные твои шаманы
Скитаются в глуши лесов.
На то ль судили вы, шайтаны[3],
Достигнуть белых мне власов,
Чтоб я, столетний ваш служитель,
Стенал и в прахе, бывши зритель
Паденья тысяч ваших чад?

[1] Татары, остяки и вогуличи.
[2] Кучум из царства своего ушел к калмыкам и убит ими.
[3] Сибирские кумиры.

Младый

И от кого ж, о боги! пали?

Старец

От горсти русских!.. Мор и глад!
Почто Сибирь вы не пожрали?
Ах, лучше б трус, потоп иль гром
Всемощны на нее послали,
Чем быть попранной Ермаком!

Младый

Бичом и ужасом природы!..
Кляните вы его всяк час,
Сибирски горы, холмы, воды:
Он вечный мрак простер на вас!

Старец

Он шел, как столп, огнем палящий,
Как лютый мраз, все вкруг мертвящий!
Куда стрелу ни посылал —
Повсюду жизнь пред ней бледнела
И страшна смерть вослед летела!

Младый

И царский брат пред ним упал.

Старец

Я зрел с ним бой Мегмета-Кула[1],
Сибирских стран богатыря:
Рассыпав стрелы все из тула
И вящим жаром возгоря,
Извлек он саблю смертоносну.
«Дай лучше смерть, чем жизнь поносну
Влачить мне в плене!» — он сказал
И вмиг на Ермака напал.
Ужасный вид! они сразились!
Их сабли молнией блестят,
Удары тяжкие творят,
И обе разом сокрушились.

[1] Царский брат, которого Ермак пленил и отослал к царю Иоанну Васильевичу; от него произошли князья Сибирские.

Они в ручной вступили бой:
Грудь с грудью и рука с рукой;
От вопля их дубравы воют;
Они стопами землю роют;
Уже с них сыплет пот, как град;
Уже в них сердце страшно бьется,
И ребра обоих трещат:
То сей, то оный на бок гнется;
Крутятся, и — Ермак сломил!
«Ты мой теперь! — он возопил,—
И все отныне мне подвластно!»

Младый

Сбылось пророчество ужасно!
Пленил, попрал Сибирь Ермак!..
Но что? ужели стон сердечный
Гонимых будет...

Старец

Вечный! вечный!
Внемли, мой сын: вчера во мрак
Глухих лесов я углубился
И тамо с пламенной душой
Над жертвою богам молился.
Вдруг ветр восстал и поднял вой;
С деревьев листья полетели;
Столетни кедры заскрыпели,
И вихрь закланных серн унес!
Я пал и слышу глас с небес:
«Неукротим, ужасен Рача[1],
Когда казнит вселенну он.
Сибирь, отвергша мой закон!
Пребудь вовек, стоная, плача,
Рабыней *белого царя!*
Да светлая тебя заря
И черна ночь в цепях застанет;
А слава грозна Ермака
И чад его вовек не вянет
И будет под луной громка!» —

[1] Главный остяцкий идол. Кучум, родившийся в магометанской вере, частию уговорил, частию принудил большую половину Сибири верить Алкорану.

Умолкнул глас, и гром трикратно
Протек по бурным небесам...
Увы! погибли невозвратно!
О, горе нам!

М л а д ы й

О, горе нам!

Потом, с глубоким сердца вздохом,
Восстав с камней, обросших мохом,
И сняв орудия с земли,
Они вдоль брега потекли
И вскоре скрылися в тумане.

Мир праху твоему, Ермак!
Да увенчают россияне
Из злата вылитый твой зрак,
Из ребр Сибири источенна
Твоим булатным копием!
Но что я рек, о тень забвенна!
Что рек в усердии моем?
Где обелиск твой? Мы не знаем,
Где даже прах твой был зарыт.
Увы! он вепрем попираем,
Или остяк по нем бежит
За ланью быстрой и рогатой,
Прицелясь к ней стрелой пернатой.
Но будь утешен ты, герой!
Парящий стихотворства гений
Всяк день с Авророю златой,
В часы божественных явлений,
Над прахом плавает твоим
И сладку песнь гласит над ним:

«Великий! Где б ты ни родился,
Хотя бы в варварских веках
Твой подвиг жизни совершился;
Хотя б исчез твой самый прах;
Хотя б сыны твои, потомки,
Забыв деянья предка громки,
Скитались в дебрях и лесах
И жили с алчными волками,—
Но ты, великий человек,
Пойдешь в ряду с полубогами
Из рода в род, из века в век;

И славы луч твоей затмится,
Когда померкнет солнца свет,
Со треском небо развалится
И время на косу падет!»

1794

ПОСЛАНИЯ

К Г. Р. ДЕРЖАВИНУ[1]

Бард безымянный! тебя ль не узнаю?
Орлий издавна знаком мне полет.
Я не в отчизне, в Москве обитаю,
В жилище сует.

Тщетно поэту искать вдохновений
Тамо, где враны глушат соловьев;
Тщетно в дубравах здесь бродит мой гений
Близ светлых ручьев.

Тамо встречает на каждом он шаге
Рдяных сатиров и вакховых жриц[2],
Скачущих с воплем и плеском в отваге
Вкруг древних гробниц.

Гул их *эвое*[3] несется вдоль рощи,
Гонит пернатых скрываться в кустах;
Даже далече наводит средь нощи
На путника страх.

О песнопевец! один ты способен
Петь и под шумом сердитых валов,
Как и при ниве,— себе лишь подобен —
Языком богов!

1805

---

[1] Это был ответ на стихи, присланные в «Вестник Европы». Почтенный автор их, не подписавший своего имени, думал, что я в деревне, и пенял мне за мою леность.

[2] Здесь описаны цыгане и цыганки, которые во все лето промышляют в Марьиной роще песнями и плясками.

[3] Эвое, или эван, был употребительный припев вакханок при отправлении их оргий. Это примечание для детей, не знающих еще мифологии.

* * *

Стонет сизый голубочек;
Стонет он и день и ночь;
Миленький его дружочек
Отлетел надолго прочь.

Он уж боле не воркует
И пшенички не клюет;
Все тоскует, все тоскует
И тихонько слезы льет.

С нежной ветки на другую
Перепархивает он
И подружку дорогую
Ждет к себе со всех сторон.

Ждет ее... увы! но тщетно,
Знать, судил ему так рок!
Сохнет, сохнет неприметно
Страстный, верный голубок.

Он ко травке прилегает;
Носик в перья завернул;
Уж не стонет, не вздыхает;
Голубок... навек уснул!

Вдруг голубка прилетела,
Приуныв, издалека,
Над своим любезным села,
Будит, будит голубка;

Плачет, стонет, сердцем ноя,
Ходит милого вокруг —
Но... увы! прелестна Хлоя!
Не проснется милый друг!

1792

* * *

Видел славный я дворец
Нашей матушки царицы;
Видел я ее венец
И златые колесницы

«Все прекрасно!» — я сказал
И в шалаш мой путь направил:
Там меня мой ангел ждал,
Там я Лизаньку оставил.

Лиза, рай всех чувств моих!
Мы не знатны, не велики;
Но в объятиях твоих
Меньше ль счастлив я владыки?

Царь один веселий час
Миллионом покупает;
А природа их для нас
Вечно даром расточает.

Пусть певцы не будут плесть
Мне похвал кудрявым складом:
Ах! сравню ли я их лесть
Милой Лизы с нежным взглядом?

Эрмитаж мой — огород,
Скипетр — посох, а Лизета —
Моя слава, мой народ
И всего блаженство света!

1794

* * *

Пой, скачи, кружись, Параша!
Руки в боки подпирай!
Мчись в веселии, жизнь наша!
Ай, ай, ай, жги![1] припевай.

[1] Известный припев одной из цыганских песен.

Мил, любезен василечек —
Рви, доколе он цветет;
Солнце зайдет, и цветочек...
Ах! увянет, опадет!

Пой, скачи, кружись, Параша!
Руки в боки подпирай!
Мчись в веселии, жизнь наша!
Ай, ай, ай, жги! припевай.

Соловей не умолкает,
Свищет с утра до утра;
Другу милому, он знает,
Петь одна в году пора.

Пой, скачи, кружись, Параша!
Руки в боки подпирай!
Мчись в веселии, жизнь наша!
Ай, ай, ай, жги! припевай.

Кто, быв молод, не смеялся,
Не плясал и не певал,
Тот ничем не наслаждался;
В жизни не жил, а дышал.

Пой, скачи, кружись, Параша!
Руки в боки подпирай!
Мчись в веселии, жизнь наша!
Ай, ай, ай, жги! припевай.

1795

* * *

Други! время скоротечно,
И не видишь, как летит!
Молодыми быть не вечно;
Старость вмиг нас посетит.
Что же делать? Так и быть,
В ожиданьи будем пить.

Пусть арак ума убавит
Между нас у остряков!
Он сердца зато заставит
Говорить без колких слов.
Лучший способ дружно жить —
Меньше врать, а больше пить.

Посмотрите, как уныла
Вся природа на земли;
Осень рощи обнажила;
Ах! и розы отцвели.
Как же грусть нам усладить?
Чаще пунш с араком пить.

О арак, арак чудесный!
Ты весну нам возвратил;
Ты согрел, как май прелестный,
Щеки розами покрыл.
Чем же нам тебя почтить?
Вдвое, втрое больше пить.

1795

* * *

Юность, юность! веселися,
Веселись, пока цветешь;
Пой, пляши, люби, резвися!..
Ах, и ты как тень пройдешь!

Други, матери природы
Слышите ль приятный глас?
Составляйте ж хороводы,
Пойте, ваш доколе час.

В жизнь однажды срок утехам,
Пролетя, не придут вновь!
Дайте руку играм, смехам,
Призовите и любовь.

А певца, который с вами
Уж резвиться устарел,
Увенчайте хоть цветами,
Чтоб еще он вам пропел.

Юность, юность! веселися,
Веселись, пока цветешь;
Пой, пляши, люби, резвися!
Ах, и ты как тень пройдешь!

1795

СКАЗКИ

МОДНАЯ ЖЕНА

Ах, сколько я в мой век бумаги исписал!
Той песню, той сонет, той лестный мадригал;
А вы, о нежные мужья под сединою!
Ни строчкой не были порадованы мною.
Простите в том меня; я молод, ветрен был,
Так диво ли, что вас забыл?
А ныне вяну сам; на лбу моем морщины
Велят уже и мне
Подобной вашей ждать судьбины
И о Цитерской стороне
Лишь в сказках вспоминать; а были, небылицы,
Я знаю, старикам разглаживают лицы:
Так слушайте меня, я сказку вам начну
Про модную жену.

Пролаз в течение полвека
Все полз да полз, да бил челом,
И наконец таким невинным ремеслом
Дополз до степени известна человека,
То есть стал с именем,— я говорю ведь так,
Как говорится в свете:
То есть стал ездить он шестеркою в карете;
Потом вступил он в брак
С пригожей девушкой, котора жить умела,

Была умна, ловка
И старика
Вертела как хотела;
А старикам такой закон,
Что если кто из них вскружит себя вертушкой,
То не она уже, а он
Быть должен наконец игрушкой;
Хоть рад, хотя не рад,
Но поступать с женою в лад
И рубль подчас считать полушкой.
Пролаз хотя пролаз, но муж, как и другой,
И так же, как и все, ценою дорогой
Платил жене за нежны ласки;
Узнал и он, что блонды, каски,
Что креп, лино-батист, тамбурна кисея.
Однажды быв жена — вот тут беда моя!
Как лучше изъяснить, не приберу я слова —
Не так чтобы больна, не так чтобы здорова,
А так... ни то ни се... как будто не своя,
Супругу говорит: «Послушай, жизнь моя,
Мне к празднику нужна обнова:
Пожалуй, у мадам Бобри купи тюрбан;
Да слушай, душенька: мне хочется экран
Для моего камина;
А от нее ведь три шага
До английского магазина;
Да если б там еще... нет, слишком дорога!
А *ужасть* как мила!» — «Да что, мой свет, такое?»
«Нет, папенька, так, так, пустое...
По чести, мне твоих расходов жаль».
«Да что, скажи, откройся смело;
Расходы знать мое, а не твое уж дело».
«Меня... стыжусь... пленила *шаль*;
Послушай, ангел мой! она такая точно,
Какую, помнишь ты, выписывал нарочно
Князь для княгини, как у князя праздник был».
С последним словом прыг на шею
И чок два раза в лоб, примолвя: «Как ты мил!»
«Изволь, изволь, я рад со всей моей душею
Услуживать тебе, мой свет! —
Был мужнин ей ответ.—
Карету!.. Только вряд поспеть уж мне к обеду!
Да я... в Дворянский клуб оттоле заверну».

«Ах, мой жизненочек! как тешишь ты жену!
Ступай же, Ваничка, скорее».— «Еду, еду!»
И Ваничка седой,
Простясь с женою молодой,
В карету с помощью двух долгих слуг втащился,
Сел, крякнул, покатился.
Но он лишь со двора, а гость к нему на двор —
Угодник дамский, *Миловзор*,
Взлетел на лестницу и прямо порх к уборной.
«Ах! я лишь думала! как мил!» — «Слуга покорной».
«А я одна». — «Одне? тем лучше! где же он?»
«Кто? муж?»— «Ваш нежный Купидон».
«Какой, по чести, ты ругатель!»
«По крайней мере я всех *милых* обожатель.
Однако ж это ведь не ложь,
Что друг мой на него хоть несколько похож».
«То есть он так же стар, хотя не так прекрасен».
«Нет! Я вам докажу».— «О! этот труд напрасен».
«Без шуток, слушайте: тот слеп, а этот крив;
Не сходны ли ж они?» — «Ах, как ты злоречив!»
«Простите, перестану...
Да! покажите мне диванну:
Ведь я еще ее в отделке не видал;
Уж, верно, это храм! храм вкуса!»— «Отгадал».
«Конечно, и... любви?» — «Увы! еще не знаю.
Угодно поглядеть?» — «От всей души желаю».
О бедный муж! спеши иль после не тужи,
И от дивана ключ в кармане ты держи:
Диван для городской вострушки,
Когда на нем она сам-друг,
Опаснее, чем для пастушки
Средь рощицы зеленый луг.
И эта выдумка диванов,
По чести, месть нам от султанов!
Но как ни рассуждай, а *Миловзор* уж там,
Рассматривает все, любуется, дивится;
Амур же, прикорнув на столике к часам,
Приставил к стрелке перст, и стрелка не вертится,
Чтоб двум любовникам часов досадный бой
Не вспоминал того, что скоро возвратится
Вулкан домой.
А он, как *в руку сон*... Судьбы того хотели!
На тяжких вереях вороты заскрипели,

Бич хлопнул, и супруг с торжественным лицом
Явился на конях усталых пред крыльцом.
Уж он на лестнице, таща в руках покупку,
Торопится свою обрадовать голубку;
Уж он и в комнате, а верна жена
Сидит, не думая об нем, и не одна.
Но вы, красавицы, одной с *Премилой* масти,
Не ахайте об ней и успокойте дух!
Ее пенаты с ней, так ей ли ждать напасти?
Фиделька резвая, ее надежный друг,
Которая лежала,
Свернувшися клубком
На солнышке перед окном,
Вдруг встрепенулася, вскочила, побежала
К дверям и, как разумный зверь,
Приставила ушко, потом толк лапкой в дверь,
Ушла и возвратилась с лаем.
Тогда ж другой пенат, зовомый попугаем,
Три раза вестовой из клетки подал знак,
Вскричавши: «*Кто пришел? дурак!*»
Премила вздрогнула, и *Миловзор* подобно;
И тот и та — о время злобно!
О непредвиденна беда!
Бросаяся туда, сюда,
Решились так, чтоб ей остаться,
А гостю спрятаться хотя позадь дверей,—
О женщины! могу признаться,
Что вы гораздо нас хитрей!
Кто мог бы отгадать, чем кончилась тревога?
Муж, в двери выставя расцветшие два рога,
Вошел в диванную и видит, что жена
Вполглаза на него глядит сквозь тонка сна;
Он ближе к ней — она проснулась,
Зевнула, потянулась;
Потом,
Простерши к мужу руки:
«Каким же,— говорит ему,— я крепким сном
Заснула без тебя от скуки!
И знаешь ли, что мне
Привиделось во сне?
Ах! и теперь еще в восторге утопаю!
Послушай, миленький! лишь только засыпаю,
Вдруг вижу, будто ты уж более не крив;

Ну, если этот сон не лжив?
Позволь мне испытать».— И вмиг, не дав супругу
Прийти в себя, одной рукой
Закрыла глаз ему — здоровый, не кривой,—
Другою же на дверь указывая другу,
Пролазу говорит: «Что, видишь ли, мой свет?»
Муж отвечает: «Нет!»
«Ни крошечки?» — «Нимало;
Так тёмно, как теперь, еще и не бывало».
«Ты шутишь?» — «Право, нет; да дай ты мне взглянуть».
«Прелестная мечта! — Лукреция вскричала.—
Зачем польстила мне, чтоб после обмануть!
Ах! друг мой, как бы я желала,
Чтобы один твой глаз
Похож был на другой!» *Пролаз*,
При нежности такой, не мог стоять болваном;
Он сам разнежился и в радости души
Супругу наградил и шалью и тюрбаном.
Пролаз! ты этот день во святцах запиши:
Пример согласия! Жена и муж с обновой!
Но что записывать? Пример такой не новой.

1791

МАДРИГАЛЫ

* * *

По чести, от тебя не можно глаз отвесть;
Но что к тебе влечет?.. загадка непонятна!
Ты не красавица, я вижу... а приятна!
Ты б лучше быть могла; но лучше так, как есть.

1795

* * *

Задумчива ли ты, смеешься иль поешь,
О, Хлоя милая! ты всем меня прельщаешь:
Часам ты крылья придаешь,
А у любви их похищаешь.

1795

НАДПИСИ

К ПОРТРЕТУ Н. М. КАРАМЗИНА

Вот милый всем творец! иль сердцем, иль умом
Грозит тебе он пленом:
В Аркадии б он был счастливым пастушком,
В Афинах — Демосфеном.

1803

К ПОРТРЕТУ

Какой ужасный, грозный вид!
Мне кажется, лишь скажет слово,
Законы, трон — все пасть готово...
Не бойтесь, он на дождь сердит.

1803

ЭПИТАФИИ

Ф. М. Д<У Б Я Н С К О М>У

Любезного и прах останется ль безвестным?
Дубянского был дар — гармонией прельщать;
Страсть—дружба и любовь; закон—быть добрым, честным;
А жребий — бурну жизнь в пучине окончать[1].

1796

* * *

В надежде будущих талантов
И вечных за стихи наград,
Родитель спит здесь фолиантов,
Умерший... после чад.

1797

---

[1] Он утонул в Неве.

НАДГРОБИЕ И. Ф. БОГДАНОВИЧУ, АВТОРУ «ДУШЕНЬКИ»

Привесьте к урне сей, о грации, венец:
Здесь Богданович спит, любимый ваш певец.

1803

* * *

Прохожий, стой! во фрунт! скинь шляпу и читай:
«Я воин, грамоты не знал за недосугом.
Направо кругом!
Ступай!»

1805

ЭПИГРАММЫ

* * *

«Он врал — теперь не врет».
Вот эпитафия, когда Бурун умрет.

1791

* * *

«Я разорился от воров!»
«Жалею о твоем я горе».
«Украли пук моих стихов!»
«Жалею я об воре».

1803

* * *

«Что легче перышка?» — «Вода»,— я отвечаю.
«А легче и воды?» — «Ну, воздух».— «Добрый знак!
А легче и его?» — «Кокетка».— «Точно так!
А легче и ее?» — «Не знаю».

1805

ПУСТЫННИК И ФОРТУНА

Какой-то добрый человек,
Не чувствуя к чинам охоты,
Не зная страха, ни заботы,
Без скуки провождал свой век
С Плутархом, с лирой
И Пленирой,
Не знаю точно где, а только не у нас.
Однажды под вечер, как солнца луч погас
И мать качать дитя уже переставала,
Нечаянно к нему Фортуна в дом попала
И в двери ну стучать!
«Кто там?» — Пустынник окликает.
«Я! я!» — «Да кто, могу ли знать?»
«Я! та, которая тебе повелевает
Скорее отпереть».— «Пустое!» — он сказал
И замолчал.
«Отопрешь ли? — еще Фортуна закричала.—
Я ввек ни от кого отказа не слыхала;
Пусти Фортуну ты со свитою к себе,
С Богатством, Знатью и Чинами...
Теперь известна ль я тебе?»
«По слуху... но куда мне с вами?
Поди в другой ты дом,
А мне не поместить, ей-ей! такой содом!»
«Невежа! да пусти меня хоть с половиной,
Хоть с третью, слышишь ли?.. Ах! сжалься над судьбиной
Великолепия... оно уж чуть дышит,
Над гордой Знатностью, которая дрожит
И, стоя у порога, мерзнет;
Тронись хоть Славою, мой миленький дружок!
Еще минута, все исчезнет!..
Упрямый, дай хотя Желанью уголок!»
«Да отвяжися ты, лихая пустомеля! —
Пустынник ей сказал.— Ну, право, не могу.
Смотри: одна и есть постеля,
И ту я для себя с Пленирой берегу».

1792

ИСКАТЕЛИ ФОРТУНЫ

Кто на своем веку Фортуны не искал?
Что, если б силою волшебною какою
Всевидящим я стал
И вдруг открылись предо мною
Все те, которые и едут, и ползут,
И скачут, и плывут,
Из царства в царство рыщут
И дочери судьбы отменной красоты
Иль убегающей мечты
Без отдыха столь жадно ищут?
Бедняжки! жаль мне их: уж, кажется, в руках...
Уж сердце в восхищеньи бьется...
Вот только что схватить... хоть как, так увернется,
И в тысяче уже верстах!
«Возможно ль,— многие, я слышу, рассуждают,—
Давно ль такой-то в нас искал?
А ныне как он пышен стал!
Он в счастии растет; а нас за грязь кидают!
Чем хуже мы его?» Пусть лучше во сто раз,
Но что ваш ум и все? Фортуна ведь без глаз;
А к этому прибавим:
Чин стоит ли того, что для него оставим
Покой, покой души, дар лучший всех даров,
Который в древности уделом был богов?
Фортуна — женщина! умерьте вашу ласку;
Не бегайте за ней, сама смягчится к вам.
Так милый Лафонтен давал советы нам
И сказывал в пример почти такую сказку.
В деревне ль, в городке,
Один с другим невдалеке,
Два друга жили;
Ни скудны, ни богаты были.
Один все счастье ставил в том,
Чтобы нажить огромный дом,
Деревни, знатный чин — то и во сне лишь видел;
Другой богатств не ненавидел,
Однако ж их и не искал,
А кажду ночь покойно спал.
«Послушай,— друг ему однажды предлагает,—

На родине никто пророком не бывает;
Чего ж и нам здесь ждать? — со временем сумы,
Поедем лучше мы
Искать себе добра; войти, сказать умеем;
Авось и мы найдем, авось разбогатеем».
«Ступай,— сказал другой,—
А я останусь; мне дорог мой покой,
И буду спать, пока мой друг не возвратится».
Тщеславный этому дивится
И едет. На пути встречает цепи гор,
Встречает много рек, и напоследок встретил
Ту самую страну, куда издавна метил:
Любимый уголок Фортуны, то есть двор;
Не дожидаяся ни зову, ни наряду,
Пристал к нему и по обряду
Всех жителей его он начал посещать:
Там стрелкою стоит, не смея и дышать,
Здесь такает из всей он мочи,
Тут шепчет на ушко; короче: дни и ночи
Наш витязь сам не свой;
Но все то было втуне!
«Что за диковинка! — он думает.— Стой, стой
Да слушай об одной Фортуне,
А сам все ничего!
Нет, нет! такая жизнь несноснее всего.
Слуга покорный вам, господчики, прощайте;
И впредь меня не ожидайте;
В Сурат, в Сурат лечу! я слышал в сказках, там
Фортуне с давних лет курится фимиам...»
Сказал, прыгнул в корабль, и волны забелели.
Но что же? не прошло недели,
Как странствователь наш отправился в Сурат,
А часто, часто он поглядывал назад,
На родину свою: корабль то загорался,
То на мель попадал, то в хляби погружался;
Всечасно в трепете, от смерти на вершок;
Бедняк бесился, клял — известно, лютый рок,
Себя,— и всем и всем изрядна песня пета!
«Безумцы! — он судил,— на край приходим света
Мы смерть ловить, а к ней и дома три шага!»
Синеют между тем Индийски берега,
Попутный дунул ветр; по крайней мере, кстате
Пришло мне так сказать, и он уже в Сурате!

«Фортуна здесь?»— его был первый всем вопрос.
«В Японии»,— сказали.
«В Японии? — вскричал герой, повеся нос.—
Быть так! плыву туда».— И поплыл; но, к печали,
Разъехался и там с Фортуною слепой!
«Нет! полно,— говорит,— гоняться за мечтой».
И с первым кораблем в отчизну возвратился,
Завидя издали отеческих богов,
Родимый ручеек, домашний милый кров,
Наш мореходец прослезился
И, от души вздохнув, сказал:
«Ах! счастлив, счастлив тот, кто лишь по слуху знал
И двор, и океан, и о слепой богине!
Умеренность! с тобой раздолье и в пустыне».
И так, с восторгом он и в сердце и в глазах
В отчизну наконец вступает,
Летит ко другу,— что ж? как друга обретает?
Он спит, а у него Фортуна в головах!

1794

ДУБ И ТРОСТЬ

Дуб с Тростию вступил однажды в разговоры:
«Жалею,— Дуб сказал, склоня к ней важны взоры,—
Жалею, Тросточка, об участи твоей!
Я чаю, для тебя тяжел и воробей;
Легчайший ветерок, едва струящий воду,
Ужасен для тебя, как буря в непогоду,
И гнет тебя к земли,
Тогда как я — высок, осанист и вдали
Не только Фебовы лучи пересекаю,
Но даже бурный вихрь и громы презираю;
Стою и слышу вкруг спокойно треск и стон;
Всё для меня Зефир, тебе ж всё Аквилон.
Блаженна б ты была, когда б росла со мною:
Под тению моей густою
Ты б не страшилась бурь; но рок тебе судил
Расти наместо злачна дола
На топких берегах владычества Эола.
По чести, и в меня твой жребий грусть вселил».
«Ты очень жалостлив,— Трость Дубу отвечала,—

Но, право, о себе еще я не вздыхала,
Да не о чем и воздыхать:
Мне ветры менее, чем для тебя, опасны.
Хотя порывы их ужасны
И не могли тебя досель поколебать,
Но подождем конца».— С сим словом вдруг завыла
От севера гроза и небо помрачила;
Ударил грозный ветр — все рушит и валит,
Летит, кружится лист; Трость гнется — Дуб стоит.
Ветр, пуще воружась, из всей ударил мочи —
И тот, на коего с трудом взирали очи,
Кто ада и небес едва не досягал,—
Упал!

1795

ДВА ГОЛУБЯ

Два Голубя друзьями были,
Издавна вместе жили
И кушали и пили.
Соскучился один все видеть то ж да то ж;
Задумал погулять и другу в том открылся.
Тому весть эта острый нож;
Он вздрогнул, прослезился
И к другу возопил:
«Помилуй, братец, чем меня ты поразил?
Легко ль в разлуке быть?.. Тебе легко, жестокой!
Я знаю; ах! а мне... я, с горести глубокой,
И дня не проживу... к тому же рассуди,
Такая ли пора, чтоб в странствие пускаться?
Хоть до зефиров ты, голубчик, погоди!
К чему спешить? Еще успеем мы расстаться!
Теперь лишь Ворон прокричал,
И без сомнения — страшуся я безмерно!
Какой-нибудь из птиц напасть он предвещал,
А сердце в горести и пуще имоверно!
Когда расстанусь я с тобой,
То будет каждый день мне угрожать бедой;
То ястребом лихим, то лютыми стрелками,
То коршунами, то силками —
Все злое сердце мне на память приведет.

Ахти мне! — я скажу, вздохнувши,— дождь идет!
Здоров ли то мой друг? не терпит ли он холод?
Не чувствует ли голод?
И мало ли чего не вздумаю тогда!»
Безумцам умна речь — как в ручейке вода:
Журчит, и мимо протекает.
Затейник слушает, вздыхает,
А все-таки лететь желает.
«Нет, братец, так и быть! — сказал он,— полечу!
Но верь, что я тебя крушить не захочу;
Не плачь; пройдет дни три, и буду я с тобою
Клевать
И ворковать
Опять под кровлею одною;
Начну рассказывать тебе по вечерам —
Ведь все одно да то ж приговорится нам —
Что видел я, где был, где хорошо, где худо;
Скажу: я там-то был, такое видел чудо,
А там случилось то со мной —
И ты, дружочек мой,
Наслушаясь меня, так сведущ будешь к лету,
Как будто бы и сам гулял по белу свету.
Прости ж!» — При сих словах
Наместо всех *увы!* и *ах!*
Друзья взглянулись, поклевались,
Вздохнули и расстались.
Один, носок повеся, сел;
Другой вспорхнул, взвился, летит, летит стрелою,
И верно б, сгоряча край света залетел;
Но вдруг покрылось небо мглою,
И прямо страннику в глаза
Из тучи ливный дождь, град, вихрь, сказать вам словом,
Со всею свитою, как водится, гроза!
При случае таком, опасном, хоть не новом,
Голубчик поскорей садится на сучок
И рад еще тому, что только лишь измок.
Гроза утихнула, Голубчик обсушился
И в путь опять пустился.
Летит и видит с высока
Рассыпанно пшено, а возле — Голубка;
Садится, и в минуту
Запутался в сети; но сеть была худа,

Так он против нее носком вооружился;
То им, то ножкою тянув, тянув, пробился
Из сети без вреда,
С утратой перьев лишь. Но это ли беда?
К усугубленью страха
Явился вдруг Сокóл и со всего размаха
Напал на бедняка,
Который, как злодей, опутан кандалами,
Тащил с собой снурок с обрывками силка.
Но, к счастью, тут Орел с широкими крылами
Для встречи Сокола спустился с облаков;
И так благодаря стечению воров
Наш путник Соколу в добычу не достался;
Однако все еще с бедой не развязался:
В испуге потеряв и ум, и зоркость глаз,
Задел за кровлю он как раз
И вывихнул крыло; потом в него мальчишка —
Знать, голубиный был и в том еще умишка —
Для шутки камешек лукнул
И так его зашиб, что чуть он отдохнул;
Потом... потом, прокляв себя, судьбу, дорогу,
Решился брести назад, полмертвый, полхромой;
И прибыл наконец калекою домой,
Таща свое крыло и волочивши ногу.

О вы, которых бог любви соединил!
Хотите ль странствовать? Забудьте гордый Нил
И дале ближнего ручья не разлучайтесь.
Чем любоваться вам? Друг другом восхищайтесь!
Пускай один в другом находит каждый час
Прекрасный, новый мир, всегда разнообразный!
Бывает ли в любви хоть миг для сердца праздный?
Любовь, поверьте мне, все заменит для вас.
Я сам любил: тогда за луг уединенный,
Присутствием моей подруги озаренный,
Я не хотел бы взять ни мраморных палат,
Ни царства в небесах!.. Придете ль вы назад,
Минуты радостей, минуты восхищений?
Иль буду я одним воспоминаньем жить?
Ужель прошла пора столь милых обольщений
И полно мне любить?

1795

КОКЕТКА И ПЧЕЛА

Прелестная Лизета
Лишь только что успела встать
постели роскоши, дойти до туалета
И дружеский совет начать
С поверенным всех чувств, желаний,
Отрад, веселья и страданий,
С уборным зеркалом,— вдруг страшная Пчела
Вокруг Лизеты зажужжала!
Лизета обмерла,
Вскочила, закричала:
«Ах, ах! мисс Женни, поскорей!
Параша! Дунюшка!» Весь дом сбежался к ней;
Но поздно! ни любовь, ни дружество, ни злато,
Ничто не отвратит неумолимый рок!
Чудовище крылато
Успело уже сесть на розовый роток,
И Лиза в обморок упала.
«Не дам торжествовать тебе над госпожой!» —
Вскричала Дунюшка и смелою рукой
В минуту Пчелку поимала;
А пленница в слезах, в отчаяньи жужжала:
«Клянуся Флорою! хотела ли я зла?
Я аленький роток за розу приняла».
Столь жалостная речь Лизету воскресила.
«Дуняша! — говорит Лизета,— жаль Пчелы;
Пусти ее; она почти не уязвила».

Как сильно действует и крошечка хвалы!

1797

ЦАРЬ И ДВА ПАСТУХА

Какой-то государь, прогуливаясь в поле,
Раздумался о царской доле.
«Нет хуже нашего,— он мыслил,— ремесла!
Желал бы делать то, а делаешь другое!
Я всей душой хочу, чтоб у меня цвела
Торговля; чтоб народ мой ликовал в покое;
А принужден вести войну,
Чтоб защищать мою страну.

Я подданных люблю, свидетели в том боги,
А должен прибавлять еще на них налоги;
Хочу знать правду — все мне лгут,
Бояра лишь чины берут,
Народ мой стонет, я страдаю,
Советуюсь, тружусь, никак не успеваю;
Полсвета властелин — не веселюсь ничем!»
Чувствительный монарх подходит между тем
К пасущейся скотине;
И что же видит он? Рассыпанных в долине
Баранов, тощих до костей,
Овечек без ягнят, ягнят без матерей!
Все в страхе бегают, кружатся,
А псам и нужды нет: они под тень ложатся;
Лишь бедный мечется Пастух:
То за бараном в лес во весь он мчится дух,
То бросится к овце, которая отстала,
То за любимым он ягненком побежит,
А между тем уж волк барана в лес тащит;
Он к ним, а здесь овца волчихи жертвой стала.
Отчаянный Пастух рвет волосы, ревет,
Бьет в грудь себя и смерть зовет.
«Вот точный образ мой,— сказал самовластитель,—
Итак, и смирненьких животных охранитель
Такими ж, как и мы, напастьми окружен
И он, как царь, порабощен!
Я чувствую теперь какую-то отраду».
Так думая, вперед он путь свой продолжал,
Куда? и сам не знал;
И наконец пришел к прекраснейшему стаду.
Какую разницу монарх увидел тут!
Баранам счету нет, от жира чуть идут;
Шерсть на овцах как шелк и тяжестью их клонит;
Ягнятки, кто кого скорее перегонит,
Толпятся к маткиным питательным сосцам;
А Пастушок в свирель под липою играет
И милую свою пастушку воспевает.
«Несдобровать, овечки, вам! —
Царь мыслит.— Волк любви не чувствует закона,
И Пастуху свирель худая оборона».
А волк и подлинно, откуда ни возьмись,
Во всю несется рысь;
Но псы, которые то стадо сторожили,

Вскочили, бросились и волка задавили;
Потом один из них ягненочка догнал,
Который далеко от страха забежал,
И тотчас в кучку всех по-прежнему собрал;
Пастух же все поет, не шевелясь нимало.
Тогда уже в царе терпения не стало.
«Возможно ль? — он вскричал.— Здесь множество волков,
А ты один... умел сберечь большое стадо!»
«Царь! — отвечал Пастух,— тут хитрости не надо:
Я выбрал *добрых* псов».

1802

ВОСПИТАНИЕ ЛЬВА

У Льва родился сын. В столице, в городах,
Во всех его странах
Потешные огни, веселья, жертвы, оды.
Мохнатые певцы все взапуски кричат:
«Скачи, земля! взыграйте, воды!
У Льва родился сын!» И вправду, кто не рад?
Меж тем, когда всяк зверь восторгом упивался,
Царь Лев, как умный зверь, заботам предавался,
Кому бы на руки дитя свое отдать:
Наставник должен быть умен, учен, незлобен!
Кто б из зверей к тому был более способен?
Не шутка скоро отгадать.
Царь, в нерешимости, велел совет собрать;
В благоволении своем его уверя,
Препоручил избрать ему,
По чистой совести, по долгу своему,
Для сына в менторы достойнейшего зверя.
Встал Тигр и говорит:
«Война, война царей великими творит;
Твой сын, о государь, быть должен страхом света;
И так образовать его младые лета
Лишь тот способен из зверей,
Который всех, по Льве, ужасней и страшней».
«И осторожней,— Медведь к тому прибавил,—
Чтоб он младого Льва наставил
Уметь и храбростью своею управлять».

Противу мненья двух Лисе идти не можно;
Однако ж, так и сяк начав она вилять,
Заметила, что дядьке должно
Знать и политику, быть хитрого ума,
Короче: какова сама.
За нею тот и тот свой голос подавали,
И все они, хотя себя не называли,
Но ясно намекали,
Что в дядьки лучше их уж некого избрать:
Советы и везде почти на эту стать.
«Позволено ль и мне сказать четыре слова? —
Собака наконец свой голос подала.—
Политики, войны нет следствия другова,
Как много шума, много зла.
Но славен добрый царь коварством ли и кровью?
Как подданных своих составит счастье он?
Как будет им отцом? чем утвердит свой трон?
Любовью.
Вот таинство, вот ключ к высокой и святой
Науке доброго правленья!
Кто ж принцу лучшие подаст в ней наставленья?
Никто как сам отец». Тигр смотрит как шальной,
Медведь, другие то ж; а Лев, от умиленья
Заплакав, бросился Собаку обнимать.
«Почто,— сказал,— давно не мог тебя я знать?
О добрый зверь! тебе вручаю
Я счастие мое и подданных моих;
Будь сыну моему наставником! Я знаю,
Сколь пагубны льстецы: укрой его от них,
Укрой и от меня — в твоей он полной воле».
Собака от царя идет с дитятей в поле,
Лелеет, пестует и учит между тем.
Урок был первый тот, что он Щенок, не Львенок,
И в дальнем с ним родстве. Проходит день за днем,
Уже питомец не ребенок,
Уже наставник с ним обходит все страны,
Которые в удел отцу его даны;
И Львенок в первый раз узнал насильство власти,
Народов нищету, зверей худые страсти:
Лиса ест кроликов, а Волк душит овец,
Оленя давит Барс; повсюду, наконец,
Могучие богаты,
Бессильные от них кряхтят,

Быки работают без платы,
А Обезьяну золотят.
Лев молодой дрожит от гнева.
«Наставник,— он сказал,— подобные дела
Доходят ли когда до сведенья царева?
Ах, сколько бедствий, сколько зла!»
«Как могут доходить? — Собака отвечает.—
Его одна толпа счастливцев окружает,
А им не до того; а те, кого съедят,
Не говорят».
И так наш Львеночек, без дальних размышлений
О том, в чем доброту и мудрость ставит свет,
И добр стал и умен; но в этом дива нет:
Пример и опытность полезней наставлений.
Он, в доброй школе той взрастая, получил
Рассудок, мудрость, крепость тела;
Однако ж все еще не ведал, кто он был;
Но вот как случай сам о том ему открыл.
Однажды на пути Собака захотела
Взять отдых и легла под тению дерев.
Вдруг выскочил злой Тигр, разинул страшный зев
И прямо к ней,— но Лев,
Закрыв ее собою,
Взмахнул хвостом, затряс косматой головою,
Взревел — и Тигр уже растерзанный лежит!
Потом он в радости к наставнику бежит
И вбпит: «Победил! благодарю судьбину!
Но я ль то был иль нет?.. Поверишь ли, отец,
Что в этот миг, когда твой близок был конец,
Я вдруг почувствовал и жар, и силу Львину;
Я точно... был как Лев!» — «Ты точно, Лев и есть,—
Наставник отвечал, облившися слезами.—
Готовься важную услышать, сын мой, весть:
Отныне... кончилось равéнство между нами;
Ты царь мой! Поспешим возвратом ко двору.
Я все употребил, что мог, тебе к добру;
Но ты... и радости и грусти мне причина!
Прости, о государь, невольно слезы лью...
Отечеству отца даю,
А сам... теряю сына!»

1802

ПЕТУХ, КОТ И МЫШОНОК

О дети, дети! как опасны ваши лета!
Мышонок, не видавший света,
Попал было в беду, и вот как он об ней
Рассказывал в семье своей:
«Оставя нашу нору
И перебравшися чрез гору,
Границу наших стран, пустился я бежать,
Как молодой мышонок,
Который хочет показать,
Что он уж не ребенок.
Вдруг с рóзмаху на двух животных набежал:
Какие звери, сам не знал;
Один так смирен, добр, так плавно выступал,
Так миловиден был собою!
Другой нахал, крикун, теперь лишь будто с бою;
Весь в перьях; у него косматый крюком хвост;
Над самым лбом дрожит нарост
Какой-то огненного цвета,
И будто две руки, служащи для полета;
Он ими так махал
И так ужасно горло драл,
Что я, таки не трус, а подавай бог ноги —
Скорее от него с дороги.
Как больно! Без него я верно бы в другом
Нашел наставника и друга!
В глазах его была написана услуга;
Как тихо шевелил пушистым он хвостом!
С каким усердием бросал ко мне он взоры,
Смиренны, кроткие, но полные огня!
Шерсть гладкая на нем, почти как у меня;
Головка пестрая, и вдоль спины узоры;
А уши как у нас, и я по ним сужу,
Что у него должна быть симпатúя с нами,
Высокородными мышами».
«А я тебе на то скажу,—
Мышонка мать остановила,—
Что этот доброхот,
Которого тебя наружность так прельстила,
Смиренник этот... Кот!
Под видом кротости, он враг наш, злой губитель;
Другой же был Петух, миролюбивый житель,

Не только от него не видим мы вреда
Иль огорченья,
Но сам он пищей нам бывает иногда.
Вперед по виду ты не делай заключенья».

1802

ЗМЕЯ И ПИЯВИЦА

«Как я несчастна!
И как завидна часть твоя! —
Однажды говорит Пиявице Змея.—
Ты у людей в чести, а я для них ужасна;
Тебе охотно кровь они свою дают;
Меня же все бегут и, если могут, бьют;
А кажется, равно мы с ними поступаем:
И ты и я людей кусаем».
«Конечно! — был на то Пиявицын ответ.—
Да в цели нашей сходства нет;
Я, например, людей к их пользе уязвляю,
А ты для их вреда;
Я множество больных чрез это исцеляю,
А ты и не больным смертельна завсегда.
Спроси самих людей: все скажут, что я пра́ва;
Я им лекарство, ты отрава».

Смысл этой басенки встречается тотчас;
Не то ли Критика с Сатирою у нас?

1803

МЫШЬ, УДАЛИВШАЯСЯ ОТ СВЕТА

Восточны жители, в преданиях своих,
Рассказывают нам, что некогда у них
Благочестива Мышь, наскуча суетою,
Слепого счастия игрою,
Оставила сей шумный мир
И скрылась от него в глубокую пещеру:
В голландский сыр.
Там, святостью одной свою питая веру,
К спасению души трудиться начала;
Ногами

И зубами
Голландский сыр скребла, скребла
И выскребла досужным часом
Изрядну келейку с достаточным запасом.
Чего же более? В таких-то Мышь трудах
Разъелась так, что страх!
Короче — на пороге рая!
Сам бог блюдет того,
Работать миру кто отрекся для него.
Однажды пред нее явилось, воздыхая,
Посольство от ее любезных земляков;
Оно идет просить защиты от дворов
Противу кошечья народа,
Который вдруг на их республику напал
И Крысополис их в осаде уж держал.
«Всеобща бедность и невзгода,—
Посольство говорит,— причиною, что мы
Несем пустые лишь сумы;
Что было с нами, все проели,
А путь еще далек! И для того посмели
Зайти к тебе и бить челом
Снабдить нас в крайности посильным подаяньем».
Затворница на то, с душевным состраданьем
И лапки положа на грудь свою крестом,
«Возлюбленны мои! — смиренно отвечала,—
Я от житейского давно уже отстала;
Чем, грешная, могу помочь?
Да ниспошлет вам бог! А я и день и ночь
Молить его за вас готова».
Поклон им, заперлась, и более ни слова.

Кто, спрашиваю вас, похож на эту Мышь?
Монах? Избави бог и думать!.. Нет, дервиш.

1803

МУХА

Бык с плугом на покой тащился по трудах;
А Муха у него сидела на рогах,
И Муху же они дорогой повстречали.
«Откуда ты, сестра?» — от этой был вопрос.
А та, поднявши нос,
В ответ ей говорит: «Откуда? — мы пахали!»

От басни завсегда
Нечаянно дойдешь до были.
Случалось ли подчас вам слышать, господа:
«*Мы* сбили! *Мы* решили!»

1805

КРУЖКА

Краса пирующих друзей,
Забав и радостей подружка,
Предстань пред нас, предстань скорей,
Большая сребряная кружка!
Давно уж нам в тебя пора
Пивца налить
И пить.
Ура! ура! ура!

Ты дщерь великого ковша,
Которым предки наши пили;
Веселье их была душа,
В пирах они счастливо жили.
И нам, как им, давно пора
Счастливым быть
И пить.
Ура! ура! ура!

Бывало, старики в вине
Свое всё потопляли горе,
Дралися храбро на войне:
Ведь пьяным по колени море!
Забыть и нам всю грусть пора,
Отважным быть
И пить.
Ура! ура! ура!

Бывало, дольше длился век,
Когда диет не наблюдали;
Был здрав и счастлив человек,
Как только пили да гуляли.
Давно гулять и нам пора,
Здоровым быть
И пить.
Ура! ура! ура!

Бывало, пляска, резвость, смех,
В хмелю друг друга обнимают;
Теперь наместо сих утех
Жеманством, лаской угощают.
Жеманство нам прогнать пора,
Но просто жить
И пить.
Ура! ура! ура!

В садах, бывало, средь прохлад
И жены с нами куликают,
А ныне клоб да маскерад
И жен уж с нами разлучают.
Французить нам престать пора,
Но Русь любить
И пить.
Ура! ура! ура!

Бывало — друга своего
Теперь карманы посещают;
Где вист, да банк, да макао,
На деньги дружбу там меняют.
На карты нам плевать пора,
А скромно жить
И пить.
Ура! ура! ура!

О сладкий дружества союз,
С гренками пивом пенна кружка!
Где ты наш услаждаешь вкус,
Мила там, весела пирушка.
Пребудь ты к нам всегда добра:
Мы станем жить
И пить.
Ура! ура! ура!

1777

НА СМЕРТЬ КНЯЗЯ МЕЩЕРСКОГО

Глагол времен! металла звон!
Твой страшный глас меня смущает;
Зовет меня, зовет твой стон,
Зовет — и к гробу приближает.
Едва увидел я сей свет,
Уже зубами смерть скрежещет,
Как молнией, косою блещет
И дни мои, как злак, сечет.

Ничто от роковых когтей,
Никая тварь не убегает;
Монарх и узник — снедь червей,
Гробницы злость стихий снедает;
Зияет время славу стерть:
Как в море льются быстры воды,
Так в вечность льются дни и годы;
Глотает царства алчна смерть.

Скользим мы бездны на краю,
В которую стремглав свалимся;
Приемлем с жизнью смерть свою,
На то, чтоб умереть, родимся.
Без жалости все смерть разит:
И звезды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всем мирам она грозит.

Не мнит лишь смертный умирать
И быть себя он вечным чает;
Приходит смерть к нему, как тать,
И жизнь внезапу похищает.
Увы! где меньше страха нам,
Там может смерть постичь скорее;
Ее и громы не быстрее
Слетают к гордым вышинам.

Сын роскоши, прохлад и нег,
Куда, Мещерской! ты сокрылся?
Оставил ты сей жизни брег,
К брегам ты мертвых удалился;

Здесь персть твоя, а духа нет.
Где ж он? — Он там.— Где там? — Не знаем.
Мы только плачем и взываем:
«О, горе нам, рожденным в свет!»

Утехи, радость и любовь
Где купно с здравием блистали,
У всех там цепенеет кровь
И дух мятется от печали.
Где стол был яств, там гроб стоит;
Где пиршеств раздавались лики,
Надгробные там воют клики,
И бледна смерть на всех глядит.

Глядит на всех — и на царей,
Кому в державу тесны миры;
Глядит на пышных богачей,
Что в злате и сребре кумиры;
Глядит на прелесть и красы,
Глядит на разум возвышенный,
Глядит на силы дерзновенны
И точит лезвие косы.

Смерть, трепет естества и страх!
Мы — гордость с бедностью совместна;
Сегодня бог, а завтра прах;
Сегодня льстит надежда лестна,
А завтра: где ты, человек?
Едва часы протечь успели,
Хаóса в бездну улетели,
И весь, как сон, прошел твой век.

Как сон, как сладкая мечта,
Исчезла и моя уж младость;
Не сильно нежит красота,
Не столько восхищает радость,
Не столько легкомыслен ум,
Не столько я благополучен;
Желанием честей размучен,
Зовет, я слышу, славы шум.

Но так и мужество пройдет
И вместе к славе с ним стремленье;

Богатств стяжание минет,
И в сердце всех страстей волненье
Прейдет, прейдет в чреду свою.
Подите счастьи прочь возможны,
Вы все пременны здесь и ложны:
Я в двéрях вечности стою.

Сей день иль завтра умереть,
Перфильев! должно нам, конечно,—
Почто ж терзаться и скорбеть,
Что смертный друг твой жил не вечно?
Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой ее себе к покою
И с чистою твоей душою
Благословляй судеб удар.

1779

НА РОЖДЕНИЕ В СЕВЕРЕ ПОРФИРОРОДНОГО ОТРОКА

С белыми Борей власами
И с седою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжимал рукой;
Сыпал инеи пушисты
И метели воздымал,
Налагая цепи льдисты,
Быстры воды оковал.
Вся природа содрогала
От лихого старика;
Землю в камень претворяла
Хладная его рука;
Убегали звери в норы,
Рыбы крылись в глубинах,
Петь не смели птичек хоры,
Пчелы прятались в дуплах;
Засыпали нимфы с скуки
Средь пещер и камышей,
Согревать сатиры руки
Собирались вкруг огней.
В это время столь холодно,
Как Борей был разъярен,

Отроча порфирородно
В царстве Северном рожден.
Родился,— и в ту минуту
Перестал реветь Борей;
Он дохнул — и зиму люту
Удалил Зефир с полей;
Он воззрел — и солнце красно
Обратилося к весне;
Он вскричал — и лир согласно
Звук разнесся в сей стране;
Он простер лишь детски руки —
Уж порфиру в руки брал;
Раздались громовы звуки,
И весь Север воссиял.
Я увидел в восхищеньи
Растворен судеб чертог;
И подумал в изумленьи:
«Знать, родился некий бог».
Гении к нему слетели
В светлом облаке с небес;
Каждый гений к колыбели
Дар рожденному принес:
Тот принес ему гром в руки
Для предбудущих побед;
Тот художества, науки,
Украшающие свет;
Тот обилие, богатство,
Тот сияние порфир;
Тот утехи и приятство,
Тот спокойствие и мир;
Тот принес ему телесну,
Тот душевну красоту;
Прозорливость тот небесну,
Разум, духа высоту.
Словом, все ему блаженствы
И таланты подаря,
Все влияли совершенствы,
Составляющи царя;
Но последний, добродетель
Зарождаючи в нем, рек:
«Будь страстей твоих владетель,
Будь на троне человек!»
Все крылами восплескали,

Каждый гений восклицал:
«Се божественный,— вещали,—
Дар младенцу он избрал!
Дар, всему полезный миру!
Дар, добротам всем венец!
Кто приемлет с ним порфиру,
Будет подданным отец!»
«Будет,— и Судьбы гласили,—
Он монархам образец!»
Лес и горы повторили:
«Утешением сердец!»
Сим Россия восхищенна
Токи слезны пролила,
На колени преклоненна,
В руки отрока взяла;
Восприяв его, лобзает
В перси, очи и уста;
В нем геройство возрастает,
Возрастает красота.
Все его уж любят страстно,
Всех сердца уж он возжег:
Возрастай, дитя прекрасно!
Возрастай, наш полубог!
Возрастай, уподобляясь
Ты родителям во всем;
С их ты матерью равняясь,
Соравняйся с божеством.

1779

К ПЕРВОМУ СОСЕДУ

Кого роскошными пирами
На влажных невских островах,
Между тенистыми древами,
На мураве и на цветах,
В шатрах персидских златошвенных,
Из глин китайских драгоценных,
Из венских чистых хрусталей,
Кого толь славно угощаешь
И для кого ты расточаешь
Сокровищи казны твоей?

Гремит музы́ка, слышны хоры
Вкруг лакомых твоих столов;
Сластей и ананасов горы
И множество других плодов
Прельщают чувствы и питают;
Младые девы угощают,
Подносят вина чередой,
И алиатико с шампанским,
И пиво русское с британским,
И мозель с зельцерской водой.

В вертепе мраморном, прохладном,
В котором льется водоскат,
На ложе роз благоуханном,
Средь лени, неги и отрад,
Любовью распаленный страстной,
С младой, веселою, прекрасной
И нежной нимфой ты сидишь;
Она поет, ты страстью таешь,
То с ней в весельи утопаешь,
То, утомлен весельем, спишь.

Ты спишь, — и сон тебе мечтает,
Что ввек благополучен ты,
Что само небо рассыпает
Блаженства вкруг тебя цветы;
Что парка дней твоих не косит,
Что откуп вновь тебе приносит
Сибирски горы серебра
И дождь златый к тебе лиется.
Блажен, кто поутру проснется
Так счастливым, как был вчера!

Блажен! кто может веселиться
Бесперерывно в жизни сей;
Но редкому пловцу случится
Безбедно плавать средь морей:
Там бурны дышут непогоды,
Горам подобно гонят воды
И с пеною песок мутят.
Петрополь сосны осеняли,—
Но, вихрем пораженны, пали,
Теперь корнями вверх лежат.

Непостоянство доля смертных,
В пременах вкуса счастье их;
Среди утех своих несметных
Желаем мы утех иных;
Придут, придут часы те скучны,
Когда твои ланиты тучны
Престанут грации трепать;
И, может быть, с тобой в разлуке
Твоя уж Пенелопа в скуке
Ковер не будет распускать.

Не будет, может быть, лелеять
Судьба уж более тебя
И ветр благоприятный веять
В твой парус: береги себя!
Доколь текут часы златые
И не приспели скорби злые,
Пей, ешь и веселись, сосед!
На свете жить нам время срочно;
Веселье то лишь непорочно,
Раскаянья за коим нет.

1780

ВЛАСТИТЕЛЯМ И СУДИЯМ

Восстал всевышний бог да судит
Земных богов во сонме их;
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?

Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.

Ваш долг: спасать от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.

Не внемлют! видят — и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.

Цари! Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья,
Но вы, как я, подобно страстны,
И так же смертны, как и я.

И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

Воскресни, боже! боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых,
И будь един царем земли!

1780

РАЗНЫЕ ВИНА

Вот красно-розово вино,
За здравье выпьем жен румяных.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст багряных!
Ты тож румяна, хороша,—
Так поцелуй меня, душа!

Вот черно-тинтово вино,
За здравье выпьем чернобровых.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст пунцовых!
Ты тож, смуглянка, хороша,—
Так поцелуй меня, душа!

Вот злато-кипрское вино,
За здравье выпьем светловласых.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст прекрасных!
Ты тож, белянка, хороша,—
Так поцелуй меня, душа!

Вот слезы ангельски вино.
За здравье выпьем жен мы нежных.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст любезных!
Ты тож нежна и хороша,—
Так поцелуй меня, душа!

1782

ФЕЛИЦА

Богоподобная царевна
Киргиз-Кайсацкия орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла верные следы
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,
Где роза без шипов растет,
Где добродетель обитает,—
Она мой дух и ум пленяет,
Подай найти ее совет.

Подай, Фелица! наставленье:
Как пышно и правдиво жить,
Как укрощать страстей волненье
И счастливым на свете быть?
Меня твой голос возбуждает,
Меня твой сын препровождает;
Но им последовать я слаб.
Мятясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотям я раб.

Мурзам твоим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком,
И пища самая простая
Бывает за твоим столом;
Не дорожа твоим покоем,
Читаешь, пишешь пред налоем
И всем из твоего пера
Блаженство смертным проливаешь;
Подобно в карты не играешь,
Как я, от утра до утра.

Не слишком любишь маскарады,
А в клоб не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня парнасска не седлаешь,
К духáм в собранье не въезжаешь,
Не ходишь с трона на Восток;
Но кротости ходя стезею,
Благотворящею душою
Полезных дней проводишь ток.

А я, проспавши до полудни,
Курю табак и кофе пью;
Преобращая в праздник будни,
Кружу в химерах мысль мою:
То плен от персов похищаю,
То стрелы к туркам обращаю;
То, возмечтав, что я султан,
Вселенну устрашаю взглядом;
То вдруг, прельщаяся нарядом,
Скачу к портному по кафтан.

Или в пиру я пребогатом,
Где праздник для меня дают,
Где блещет стол сребром и златом,
Где тысячи различных блюд:
Там славный окорок вестфальской,
Там звенья рыбы астраханской,
Там плов и пироги стоят,
Шампанским вафли запиваю;
И все на свете забываю
Средь вин, сластей и аромат.

Или средь рощицы прекрасной
В беседке, где фонтан шумит,
При звоне арфы сладкогласной,
Где ветерок едва дышит,
Где все мне роскошь представляет,
К утехам мысли уловляет,
Томит и оживляет кровь;
На бархатном диване лежа,
Младой девицы чувства нежа,
Вливаю в сердце ей любовь.

Или великолепным цугом
В карете англинской, златой,
С собакой, шутом или другом,
Или с красавицей какой
Я под качелями гуляю;
В шинки пить меду заезжаю;
Или, как то наскучит мне,
По склонности моей к премене,
Имея шапку набекрене,
Лечу на резвом бегуне.

Или музы́кой и певцами,
Органом и волынкой вдруг,
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой дух;
Или, о всех делах заботу
Оставя, езжу на охоту
И забавляюсь лаем псов;
Или над невскими брегами
Я тешусь по ночам рогами
И греблей удалых гребцов.

Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя в дураки с женой;
То с ней на голубятню лажу,
То в жмурки ре́звимся порой;
То в свайку с нею веселюся,
То ею в голове ищуся;
То в книгах рыться я люблю,
Мой ум и сердце просвещаю,
Полкана и Бову читаю;
За Библией, зевая, сплю.

Таков, Фелица, я развратен!
Но на меня весь свет похож.
Кто сколько мудростью ни знатен,
Но всякий человек есть ложь.
Не ходим света мы путями,
Бежим разврата за мечтами.
Между лентяем и брюзгой,
Между тщеславья и пороком
Нашел кто разве ненароком
Путь добродетели прямой.

Нашел,— но льзя ль не заблуждаться
Нам, слабым смертным, в сем пути,
Где сам рассудок спотыкаться
И должен вслед страстям идти;
Где нам ученые невежды,
Как мгла у путников, тмят вежды?
Везде соблазн и лесть живет;
Пашей всех роскошь угнетает.—
Где ж добродетель обитает?
Где роза без шипов растет?

Тебе единой лишь пристойно,
Царевна! свет из тьмы творить;
Деля Хаос на сферы стройно,
Союзом целость их крепить;
Из разногласия согласье
И из страстей свирепых счастье
Ты можешь только созидать.
Так кормщик, через понт плывущий,
Ловя под парус ветр ревущий,
Умеет судном управлять.

Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачествы сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьем правишь,
Как волк овец, людей не давишь,
Ты знаешь прямо цену их.
Царей они подвластны воле,—
Но богу правосудну боле,
Живущему в законах их.

Ты здраво о заслугах мыслишь,
Достойным воздаешь ты честь,
Пророком ты того не числишь,
Кто только рифмы может плесть,
А что сия ума забава —
Калифов добрых честь и слава.
Снисходишь ты на лирный лад;
Поэзия тебе любезна,
Приятна, сладостна, полезна,
Как летом вкусный лимонад.

Слух и́дет о твоих поступках,
Что ты нимало не горда;
Любезна и в делах и в шутках,
Приятна в дружбе и тверда;
Что ты в напастях равнодушна,
А в славе так великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорят неложно,
Что будто завсегда возможно
Тебе и правду говорить.

Неслыханное также дело,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смело
О всем, и въявь и под рукой,
И знать и мыслить позволяешь
И о себе не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самым крокодилам,
Твоих всех милостей зоилам,
Всегда склоняешься простить.

Стремятся слез приятных реки
Из глубины души моей.
О! коль счастливы человеки
Там до́лжны быть судьбой своей,
Где ангел кроткий, ангел мирной,
Сокрытый в светлости порфирной,
С небес ниспослан скиптр носить!
Там можно пошептать в беседах
И, казни не боясь, в обедах
За здравие царей не пить.

Там с именем Фелицы можно
В строке описку поскоблить
Или портрет неосторожно
Ее на землю уронить.
Там свадеб шутовских не парят,
В ледовых банях их не жарят,
Не щелкают в усы вельмож;
Князья наседками не клохчут,
Любимцы въявь им не хохочут
И сажей не марают рож,

Ты ведаешь, Фелица! правы
И человеков и царей;
Когда ты просвещаешь нравы,
Ты не дурачишь так людей;
В твои от дел отдохновеньи
Ты пишешь в сказках поученьи
И Хлору в азбуке твердишь:
«Не делай ничего худого,
И самого сатира злого
Лжецом презренным сотворишь».

Стыдишься слыть ты тем великой,
Чтоб страшной, нелюбимой быть;
Медведице прилично дикой
Животных рвать и кровь их пить.
Без крайнего в горячке бедства
Тому ланцетов нужны ль средства,
Без них кто обойтися мог?
И славно ль быть тому тираном,
Великим в зверстве Тамерланом,
Кто благостью велик, как бог?

Фелицы слава, слава бога,
Который брани усмирил;
Который сира и убога
Покрыл, одел и накормил;
Который оком лучезарным
Шутам, трусáм, неблагодарным
И праведным свой свет дарит;
Равно всех смертных просвещает,
Больных покоит, исцеляет,
Добро лишь для добра творит.

Который даровал свободу
В чужие области скакать,
Позволил своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрешает
И лес рубить не запрещает;
Велит и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая ум и руки,
Велит любить торги, науки
И счастье дома находить;

Которого закон, десница
Дают и милости и суд.
Вещай, премудрая Фелица!
Где отличён от честных плут?
Где старость по́ миру не бродит?
Заслуга хлеб себе находит?
Где месть не гонит никого?
Где совесть с правдой обитают?
Где добродетели сияют? —
У трона разве твоего!

Но где твой трон сияет в мире?
Где, ветвь небесная, цветешь?
В Багдаде, Смирне, Кашемире?
Послушай, где ты ни живешь:
Хвалы мои тебе приметя,
Не мни, чтоб шапки иль бешметя
За них я от тебя желал.
Почувствовать добра приятство
Такое есть души богатство,
Какого Крез не собирал.

Прошу великого пророка,
Да праха ног твоих коснусь,
Да слов твоих сладчайша тока
И лицезренья наслаждусь!
Небесные прошу я силы,
Да, их простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранят
От всех болезней, зол и скуки;
Да дел твоих в потомстве звуки,
Как в небе звезды, возблестят.

1782

ВИДЕНИЕ МУРЗЫ

На темно-голубом эфире
Златая плавала луна;
В серебряной своей порфире
Блистаючи с высот, она
Сквозь окна дом мой освещала
И палевым своим лучом

Златые стекла рисовала
На лаковом полу моем.
Сон томною своей рукою
Мечты различны рассыпал,
Кропя забвения росою,
Моих домашних усыплял;
Вокруг вся область почивала,
Петрополь с башнями дремал,
Нева из урны чуть мелькала,
Чуть Бельт в брегах своих сверкал;
Природа, в тишину глубоку
И в крепком погруженна сне,
Мертва казалась слуху, оку
На высоте и в глубине;
Лишь веяли одни зефиры,
Прохладу чувствам принося.
Я не́ спал — и, со звоном лиры
Мой тихий голос соглася,
«Блажен,— воспел я,— кто доволен
В сем свете жребием своим,
Обилен, здрав, покоен, волен
И счастлив лишь собой самим;
Кто сердце чисто, совесть праву
И твердый нрав хранит в свой век
И всю свою в том ставит славу,
Что он лишь добрый человек;
Что карлой он и великаном
И дивом света не рожден,
И что не создан истуканом
И оных чтить не принужден;
Что все сего блаженства мира
Находит он в семье своей;
Что нежная его Пленира
И верных несколько друзей
С ним могут в час уединенный
Делить и скуку и труды!
Блажен и тот, кому царевны
Какой бы ни было орды
Из теремов своих янтарных
И сребро-розовых светлиц,
Как будто из улусов дальных,
Украдкой от придворных лиц,
За россказни, за растабары,

За вирши иль за что-нибудь
Исподтишка драгие дары
И в досканцах червонцы шлют;
Блажен!» Но с речью сей незапно
Мое все зданье потряслось,
Раздвиглись стены, и стократно
Ярчее молний пролилось
Сиянье вкруг меня небесно;
Сокрылась, побледнев, луна.
Виденье я узрел чудесно:
Сошла со облаков жена,—
Сошла — и жрицей очутилась
Или богиней предо мной.
Одежда белая струилась
На ней серебряной волной;
Градская на главе корона,
Сиял при персях пояс злат;
Из черно-огненна виссона,
Подобный радуге, наряд
С плеча десного полосою
Висел на левую бедру;
Простертой на алтарь рукою
На жертвенном она жару
Сжигая маки благовонны
Служила вышню божеству.
Орел полунощный, огромный,
Сопутник молний торжеству,
Геройской провозвестник славы,
Сидя пред ней на груде книг,
Священны блюл ее уставы;
Потухший гром в когтях своих
И лавр с оливными ветвями
Держал, как будто бы уснув.
Сафиро-светлыми очами,
Как в гневе иль в жару, блеснув,
Богиня на меня воззрела.
Пребудет образ ввек во мне,
Она который впечатлела!
«Мурза! — она вещала мне,—
Ты быть себя счастливым чаешь,
Когда по дням и по ночам
На лире ты своей играешь
И песни лишь поешь царям.

Вострепещи, мурза несчастный!
И страшны истины внемли,
Которым стихотворцы страстны
Едва ли верят на земли;
Одно к тебе лишь доброхотство
Мне их открыть велит. Когда
Поэзия не сумасбродство,
Но вышний дар богов,— тогда
Сей дар богов лишь к чести
И к поученью их путей
Быть должен обращен, не к лести
И тленной похвале людей.
Владыки света люди те же,
В них страсти, хоть на них венцы;
Яд лести их вредит не реже,
А где поэты не льстецы?
И ты сирен поющих грому
В вред добродетели не строй;
Благотворителю прямому
В хвале нет нужды никакой.
Хранящий муж честные нравы,
Творяй свой долг, свои дела,
Царю приносит больше славы,
Чем всех пиитов похвала.
Оставь нектаром наполненну
Опасну чашу, где скрыт яд».
«Кого я зрю столь дерзновенну
И чьи уста меня разят?
Кто ты? Богиня или жрица?» —
Мечту стоящу я спросил.
Она рекла мне: «Я Фелица!»
Рекла — и светлый облак скрыл
От глаз моих ненасыщенных
Божественны ее черты;
Курение мастик бесценных
Мой дом, и место то цветы
Покрыли, где она явилась.
Мой бог! мой ангел во плоти!..
Душа моя за ней стремилась;
Но я за ней не мог идти,
Подобно громом оглушенный,
Бесчувствен я, безгласен был.
Но, током слезным орошенный,

Пришел в себя и возгласил:
«Возможно ль, кроткая царевна!
И ты к мурзе чтоб своему
Была сурова столь и гневна,
И стрелы к сердцу моему
И ты, и ты чтобы бросала,
И пламени души моей
К себе и ты не одобряла?
Довольно без тебя людей,
Довольно без тебя поэту
За каждy мысль, за каждый стих
Ответствовать лихому свету
И от сатир щититься злых!
Довольно золотых кумиров,
Без чувств мои что песни чли;
Довольно кадиев, факиров,
Которы в зависти сочли
Тебе их неприличной лестью;
Довольно нажил я врагов!
Иной отнес себе к бесчестью,
Что не дерут его усов;
Иному показалось больно,
Что он наседкой не сидит;
Иному — очень своевольно
С тобой мурза твой говорит;
Иной вменял мне в преступленье,
Что я посланницей с небес
Тебя быть мыслил в восхищенье
И лил в восторге токи слез.
И словом: тот хотел арбуза,
А тот соленых огурцов.
Но пусть им здесь докажет муза,
Что я не из числа льстецов;
Что сердца моего товаров
За деньги я не продаю,
И что не из чужих анбаров
Тебе наряды я крою.
Но, венценосна добродетель!
Не лесть я пел и не мечты,
А то, чему весь мир свидетель:
Твои дела суть красоты.
Я пел, пою и петь их буду
И в шутках правду возвещу;

Татарски песни из-под спуду,
Как луч, потомству сообщу;
Как солнце, как луну, поставлю
Твой образ будущим векам;
Превознесу тебя, прославлю;
Тобой бессмертен буду сам».

1783—1784 (?)

БОГ

О ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц, в трех лицах божества!
Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем: *бог*.

Измерить океан глубокий,
Сочесть пески, лучи планет
Хотя и мог бы ум высокий,—
Тебе числа и меры нет!
Не могут духи просвещенны,
От света твоего рожденны,
Исследовать судеб твоих:
Лишь мысль к тебе взнестись дерзает,—
В твоем величьи исчезаст,
Как в вечности прошедший миг.

Хаоса бытность довременну
Из бездн ты вечности воззвал,
А вечность прежде век рожденну,
В себе самом ты основал:
Себя собою составляя,
Собою из себя сияя,
Ты свет, откуда свет истек.
Создавый все единым словом,
В твореньи простираясь новом,
Ты был, ты есть, ты будешь ввек!

Ты цепь существ в себе вмещаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конец с началом сопрягаешь
И смертию живот даришь.
Как искры сыплются, стремятся,
Так солнцы от тебя родятся;
Как в мразный, ясный день зимой
Пылинки инея сверкают,
Вратятся, зыблются, сияют,—
Так звезды в безднах под тобой.

Светил возжженных миллионы
В неизмеримости текут,
Твои они творят законы,
Лучи животворящи льют.
Но огненны сии лампады,
Иль рдяных кристалей громады,
Иль волн златых кипящий сонм,
Или горящие эфиры,
Иль вкупе все светящи миры —
Перед тобой — как нощь пред днем.

Как капля в море опущенна,
Вся твердь перед тобой сия.
Но что мной зримая вселенна?
И что перед тобою я?
В воздушном океане оном,
Миры умножа миллионом
Стократ других миров,— и то,
Когда дерзну сравнить с тобою,
Лишь будет точкою одною;
А я перед тобой — ничто.

Ничто! Но ты во мне сияешь
Величеством твоих доброт;
Во мне себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод.
Ничто! Но жизнь я ощущаю,
Несытым некаким летаю
Всегда пареньем в высоты;
Тебя душа моя быть чает,
Вникает, мыслит, рассуждает:
Я есмь — конечно, есть и ты!

Ты есть! — природы чин вещает,
Гласит мое мне сердце то,
Меня мой разум уверяет,
Ты есть — и я уж не ничто!
Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей ты телесных,
Где начал ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной.

Я связь миров повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб — я червь — я бог!
Но, будучи я столь чудесен,
Отколе происшел? — безвестен;
А сам собой я быть не мог.

Твое созданье я, создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие;
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! — в бессмертие твое.

Неизъяснимый, непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображении бессильны
И тени начертать твоей;
Но если славословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почтить,
Как им к тебе лишь возвышаться,
В безмерной разности теряться
И благодарны слезы лить.

1784

ОСЕНЬ
ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ ОЧАКОВА

Спустил седой Эол Борея
С цепей чугунных из пещер;
Ужасные криле расширя,
Махнул по свету богатырь;
Погнал стадами воздух синий,
Сгустил туманы в облака,
Давнул,— и облака расселись,
Пустился дождь и восшумел.

Уже румяна Осень носит
Снопы златые на гумно,
И роскошь винограду просит
Рукою жадной на вино.
Уже стада толпятся птичьи,
Ковыль сребрится по степям;
Шумящи красно-желты листьи
Расстлались всюду по тропам.

В опушке заяц быстроногий,
Как колпик поседев, лежит;
Ловецки раздаются роги,
И выжлиц лай и гул гремит.
Запасшися крестьянин хлебом,
Ест добры щи и пиво пьет;
Обогащенный щедрым небом,
Блаженство дней своих поет.

Борей на Осень хмурит брови
И Зиму с севера зовет,
Идет седая чародейка,
Косматым машет рукавом;
И снег, и мраз, и иней сыплет
И воды претворяет в льды;
От хладного ее дыханья
Природы взор оцепенел.

Наместо радуг испещренных
Висит по небу мгла вокруг,
А на коврах полей зеленых
Лежит рассыпан белый пух.

Пустыни сетуют и долы,
Голодны волки воют в них;
Древа стоят и холмы голы,
И не пасется стад при них.

Ушел олень на тундры мшисты,
И в логовище лег медведь;
По селам нимфы голосисты
Престали в хороводах петь;
Дымятся серым дымом домы,
Поспешно едет путник в путь,
Небесный Марс оставил громы
И лег в туманы отдохнуть.

Российский только Марс, Потемкин,
Не ужасается зимы:
По развевающим знаменам
Полков, водимых им, орел
Над древним царством Митридата
Летает и темнит луну;
Под звучным крил его мельканьем
То черн, то бледн, то рдян Эвксин.

Огонь, в волнах неугасимый,
Очаковские стены жрет,
Пред ними росс непобедимый
И в мраз зелены лавры жнет;
Седые бури презирает,
На льды, на рвы, на гром летит,
В водах и в пламе помышляет:
Или умрет, иль победит.

Мужайся, твердый росс и верный,
Еще победой возблистать!
Ты не наемник, сын усердный;
Твоя Екатерина мать,
Потемкин вождь, бог покровитель;
Твоя геройска грудь твой щит,
Честь мзда твоя, вселенна зритель,
Потомство плесками гремит.

Мужайтесь, росски Ахиллесы,
Богини северной сыны!
Хотя вы в Стикс не погружались,
Но вы бессмертны по делам.

На вас всех мысль, на вас всех взоры,
Дерзайте ваших вслед отцов!
И ты спеши скорей, Голицын!
Принесть в твой дом с оливой лавр.

Твоя супруга златовласа,
Пленира сердцем и лицом,
Давно желанного ждет гласа,
Когда ты к ней приедешь в дом;
Когда с горячностью обнимешь
Ты семерых твоих сынов,
На матерь нежны взоры вскинешь
И в радости не сыщешь слов.

Когда обильными речами
Потом восторг свой изъявишь,
Бесценными побед венцами
Твою супругу удивишь;
Геройские дела расскажешь
Ее ты дяди и отца,
И дух и ум его докажешь
И как к себе он влек сердца.

Спеши, супруг, к супруге верной,
Обрадуй ты, утешь ее;
Она задумчива, печальна,
В простой одежде и, власы
Рассыпав по челу нестройно,
Сидит за столиком в софе;
И светло-голубые взоры
Ее всечасно слезы льют.

Она к тебе вседневно пишет:
Твердит то славу, то любовь,
То жалостью, то негой дышет,
То страх ее смущает кровь;
То дяде торжества желает,
То жаждет мужниной любви,
Мятется, борется, вещает:
«Коль долг велит, ты лавры рви!»

В чертоге вкруг ее безмолвном
Не смеют нимфы пошептать;
В восторге только музы томном
Осмелились сей стих бряцать.
Румяна Осень! радость мира!
Умножь, умножь еще твой плод!
Приди, желанна весть! — и лира
Любовь и славу воспоет.

1788

ФИЛОСОФЫ, ПЬЯНЫЙ И ТРЕЗВЫЙ

Пьяный

Сосед! на свете все пустое?
Богатство, слава и чины.
А если за добро прямое
Мечты быть могут почтены,
То здраво и покойно жить,
С друзьями время проводить,
Красот любить, любимым быть
И с ними сладко есть и пить.
Как пенится вино прекрасно!
Какой в нем запах, вкус и цвет!
Почто терять часы напрасно?
Нальем, любезный мой сосед!

Трезвый

Сосед! на свете не пустое —
Богатство, слава и чины;
Блаженство сыщем в них прямое,
Когда мы будем лишь умны,
Привыкнем прямо честь любить,
Умеренно, в довольстве жить,
По самой ну́жде есть и пить,
То можем все счастливы быть.
Пусть пенится вино прекрасно,
Пусть запах в нем хорош и цвет;
Не наливай ты мне напрасно:
Не пью, любезный мой сосед.

Пьяный

Гонялся я за звучной славой,
Встречал я смело ядры лбом;
Сей зверской упоен отравой,
Я был ужасным дураком.
Какая польза страшным быть,
Себя губить, других мертвить,
В убийстве время проводить?
Безумно на убой ходить.
Как пенится вино прекрасно!
Какой в нем запах, вкус и цвет!
Почто терять часы напрасно?
Нальем, любезный мой сосед!

Трезвый

Гоняться на войне за славой
И с ядрами встречаться лбом
Велит тому рассудок здравой,
Кто лишь рожден не дураком:
Царю, отечеству служить,
Чад, жен, родителей хранить,
Себя от плена боронить —
Священна должность храбрым быть!
Пусть пенится вино прекрасно!
Пусть запах в нем хорош и цвет;
Не наливай ты мне напрасно:
Не пью, любезный мой сосед.

Пьяный

Хотел я сделаться судьею,
Законы свято соблюдать,—
Увидел, что кривят душею,
Где должно сильных осуждать.
Какая польза так судить?
Одних щадить, других казнить
И совестью своей шутить?
Смешно в тенета мух ловить.
Как пенится вино прекрасно!
Какой в нем запах, вкус и цвет!
Почто терять часы напрасно?
Нальем, любезный мой сосед!

Трезвый

Когда судьба тебе судьею
В судах велела заседать,
Вертеться ну́жды нет душею,
Когда не хочешь взяток брать.
Как можно так и сяк судить,
Законом правду тенетить
И подкупать себя пустить?
Судье злодеем страшно быть!
Пусть пенится вино прекрасно,
Пусть запах в нем хорош и цвет;
Не наливай ты мне напрасно:
Не пью, любезный мой сосед.

1789

НА ВЗЯТИЕ ИЗМАИЛА

О, коль монарх благополучен,
Кто знает россами владеть!
Он будет в свете славой звучен
И всех сердца в руке иметь.

Ода г. Ломоносова

Везувий пламя изрыгает,
Столп огненный во тьме стоит,
Багрово зарево зияет,
Дым черный клубом вверх летит;
Краснеет понт, ревет гром ярый,
Ударам вслед звучат удары;
Дрожит земля, дождь искр течет;
Клокочут реки рдяной лавы,—
О росс! таков твой образ славы,
Что зрел под Измаилом свет!

О росс! о род великодушный!
О твердокаменная грудь!
О исполин, царю послушный!
Когда и где ты досягнуть
Не мог тебя достойной славы?
Твои труды — тебе забавы;

Твои венцы — вкруг блеск громов;
В полях ли брань — ты тмишь свод звездный,
В морях ли бой — ты пенишь бездны,—
Везде ты страх твоих врагов.

На подвиг твой вождя веленьем
Ты и́дешь, как жених на брак.
Марс видит часто с изумленьем,
Что и в беда́х твой весел зрак.
Где вкруг драконы медны ржали,
Из трех сот жерл огнем дышали,
Ты там прославился днесь вновь.
Вождь рек: «Се стены Измаила!
Да сокрушит твоя их сила!..»
И воскипела бранна кровь.

Как воды, с гор весной в долину
Низвержась, пенятся, ревут,
Волнами, льдом трясут плотину,
К твердыням россы так текут.
Ничто им путь не воспящает;
Смертей ли бледных полк встречает
Иль ад скрежещет зевом к ним,—
Идут, как в тучах скрыты громы,
Как двигнуты безмолвны холмы;
Под ними стон, за ними — дым.

Идут в молчании глубоком,
Во мрачной, страшной тишине,
Собой пренебрегают, роком;
Зарница только в вышине
По их оружию играет;
И только их душа сияет,
Когда на бой, на смерть идет.
Уж блещут молнии крылами,
Уж осыпаются громами —
Они молчат, — идут вперед.

Не бард ли древний, исступленный,
Волшебным их ведет жезло́м?
Нет! свыше пастырь вдохновенный
Пред ними и́дет со крестом;
Венцы нетленны обещает
И кровь пролить благословляет

За честь, за веру, за царя;
За ним вождей ряд пред полками,
Как бурных дней пред облаками
Идет огнистая заря.

Идут. — Искусство зрит заслугу
И, сколь их дух был тут велик,
Вещает слух земному кругу;
Но мне их раздается крик;
По лествицам на град, на стогны,
Как шумны волны через волны,
Они возносятся челом;
Как угль, их взоры раскаленны,
Как львы на тигров устремленны,
Бегут, стеснясь, на огнь, на гром.

О! что за зрелище предстало?
О пагубный, о страшный час!
Злодейство что ни вымышляло,
Поверглось, россы, все на вас!
Зрю камни, ядра, вар и бревны,—
Но чем герои устрашенны?
Чем может отражен быть росс?
Тот лезет по бревну на стену;
А тот летит с стены в геенну,—
Всяк Курций, Деций, Буароз!

Всяк помнит должность, честь и веру,
Всяк душу и живот кладет.
О россы! нет вам, нет примеру,
И смерть сама вам лавр дает.
Там в грудь, в сердца лежат пронзенны,
Без сил, без чувств, полмертвы, бледны;
Но мнят еще стерть вражий рог:
Иной движеньем ободряет,
А тот с победой восклицает:
«Екатерина! — с нами бог!»

Какая в войсках храбрость рьяна!
Какой великий дух в вождях!
В одних душа рассудком льдяна,
У тех пылает огнь в сердцах.
В зиме рожденны под снегами,
Под молниями, под громами,

Которых с самых юных дней
Питала слава, верность, вера,—
Где можно вам сыскать примера?
Не посреди ль стихийных прей?

Представь: по светлости лазуря,
По наклонению небес
Взошла черно-багрова буря
И грозно возлегла на лес;
Как страшна нощь, надулась чревом,
Дохнула с свистом, воем, ревом,
Помчала воздух, прах и лист;
Под тяжкими ее крылами
Упали кедры вверх корнями
И затрещал Ливан кремнист.

Представь последний день природы,
Что пролилася звезд река;
На огнь пошли стеною воды,
Бугры взвились за облака;
Что вихри тучи к тучам гнали,
Что мрак лишь молньи освещали,
Что гром потряс всемирну ось,
Что солнце, мглою покровенно,
Ядро казалось раскаленно:
Се вид, как вшел в Измáил росс!

Вошел! «Не бойся», — рек, — и всюды
Простер свой троегранный штык:
Поверглись тел кровавы груды,
Напрасно слышен жалоб крик;
Напрасно — бранны человеки! —
Вы льете крови вашей реки,
Котору должно бы беречь:
Но с самого веков начала
Война народы пожирала,
Священ стал долг: рубить и жечь!

Тот мыслит овладеть всем миром,
Тот не принять его оков;
Вселенной царь стал врану пиром,
Герои — снедию волков.
Увы! пал крин, и пали терны.—
Почто ж? Судьбы небесны темны,—

Я здесь пою лишь браней честь.
Нас горсть — но полк лежит пред нами;
Нас полк — но с тысячьми и тьмами
Мы низложили город в персть.

И се уже шумя стремится
Кровавой пены полн Дунай,
Пучина черная багрится,
Спершись от трупов, с краю в край;
Уже бледнеюща Мармора
Дрожит плывуща к ней позора,
Костры тел видя за костром!
Луна полна на башнях крови,
Поникли гордой Мекки брови;
Стамбул склонился вниз челом.

О! ежели издревле миру
Побед славнейших звук гремит,
И если приступ славен к Тиру,—
К Измайлу больше знаменит.
Там был вселенной покоритель,
Машин и башен сам строитель,
Горой он море запрудил,
А здесь вождя одно веленье
Свершило храбрых россов рвенье;
Великий дух был вместо крыл.

Услышь, услышь, о ты, вселенна!
Победу смертных выше сил;
Внимай, Европа удивленна,
Каков сей россов подвиг был.
Языки, знайте, вразумляйтесь,
В надменных мыслях содрогайтесь;
Уверьтесь сим, что с нами бог;
Уверьтесь, что его рукою
Один попрет вас росс войною,
Коль встать из бездны зол возмог!

Я вижу страшную годину:
Его три века держит сон,
Простертую под ним долину
Покрыл везде колючий терн;
Лице туман подернул бледный,
Ослабли мышцы удрученны,

Скатилась в мрак глава его;
Разбойники вокруг суровы
Взложили тяжкие оковы,
Змия на сердце у него.

Он спит — и насекомы гады
Румяный потемняют зрак,
Войны́ опустошают грады,
Раздоры пожирают злак;
Чуть зрится блеск его короны,
Страдает вера и законы,
И ты, к отечеству любовь!
Как зверь, его Батый рвет гладный,
Как змей, сосет лжецарь коварный,
Повсюду пролилася кровь!

Лежал он во своей печали,
Как темная в пустыне ночь;
Враги его рукоплескали,
Друзья не мыслили помочь,
Соседи грабежом алкали;
Князья, бояра в неге спали
И ползали в пыли, как червь,—
Но бог, но дух его великий
Сотряс с него беды толики,—
Расторгнул лев железну вервь!

Восстал! как утром холм высокой
Встает, подъемляся челом
Из мглы широкой и глубокой,
Разлитой вкруг его, и, гром
Поверх главы в ничто вменяя,
Ногами волны попирая,
Пошел,— и кто возмог проти́в?
От шлема молнии скользили,
И океаны уступили,
Стопам его пути открыв.

Он сильны о́рды пхнул ногою,
Края азийски потряслись;
Упали царствы под рукою,
Цари, царицы в плен влеклись;
И победителей разитель,
Монархий света разрушитель,

Простерся под его пятой;
В Европе грады брал, тряс троны,
Свергал царей, давал короны
Могущею своей рукой.

Где есть народ в краях вселенны,
Кто б столько сил в себе имел:
Без помощи, от всех стесненный,
Ярем с себя низвергнуть смел
И, вырвав бы венцы лавровы,
Возверг на тех самих оковы,
Кто столько свету страшен был?
О росс! твоя лишь добродетель
Таких великих дел содетель;
Лишь твой орел луну затмил.

Лишь ты, простря твои победы,
Умел щедроты расточать:
Поляк, турк, перс, прус, хин и шведы
Тому примеры могут дать.
На тех ты зришь спокойно стены,
Тем паки отдал грады пленны;
Там унял прю, тут бунт смирил;
И сколь ты был их победитель,
Не меньше друг, благотворитель,
Свое лишь только возвратил.

О кровь славян! Сын предков славных!
Несокрушаемый колосс!
Кому в величестве нет равных,
Возросший на полсвете росс!
Твои коль славны древни следы!
Громчай суть нынешни победы:
Зрю вкруг тебя лавровый лес;
Кавказ и Тавр ты преклоняешь,
Вселенной на среду ступаешь
И досязаешь до небес.

Уже в Эвксине с полунощи
Меж вод и звезд лежит туман;
Под ним плывут дремучи рощи;
Средь них как гор отломок льдян
Иль мужа нека тень седая
Сидит, очами озирая:

Как полный месяц щит его,
Как сосна рында обожженна,
Глава до облак вознесенна,—
Орел над шлемом у него.

За ним златая колесница
По розовым летит зарям;
Седящая на ней царица,
Великим равная мужам,
Рукою держит крест одною,
Возжженный пламенник другою,
И сыплет блески на Босфор;
Уже от северного света
Лице бледнеет Магомета,
И мрачный отвратил он взор.

Не вновь ли то Олег к Востоку
Под парусами флот ведет
И Ольга к древнему потоку
Занятый ею свет лиет?
Иль россов идет дух военный,
Христовой верой провожденный,
Ахеян спасть, агарян стерть? —
Я слышу, громы ударяют,
Пророки, камни возглашают:
«То будет ныне или впредь!»

О вы, что в мыслях суетитесь
Столь славный россу путь претить,
Помочь врагу Христову тщитесь
И вере вашей изменить!
Чем столько поступать неправо,
Сперва исследуйте вы здраво
Свой путь, цель росса, суд небес;
Исследуйте и заключите:
Вы с кем и на кого хотите?
И что ваш року перевес?

Ничто; коль росс рожден судьбою
От варварских хранить вас уз,
Темиров попирать ногою,
Блюсть ваших от Омаров муз,
Отмстить крестовые походы,
Очистить иордански воды,

Священный гроб освободить,
Афинам возвратить Афину,
Град Константинов Константину
И мир Афету водворить.

Афету мир? — О труд избранный!
Достойнейший его детей,
Великими людьми желанный,
Свершишься ль ты средь наших дней?..
Доколь, Европа просвещенна,
С перуном будешь устремленна
На кровных братиев своих?
Не лучше ль внутрь раздор оставить
И с россом грудь одну составить
На общих супостат твоих?

Дай руку! — и пожди спокойно;
Сие и росс один свершит,
За беспрепятствие достойно
Тебя трофеем наградит.
Дай руку! дай залог любови!
Не лей твоей и нашей крови,
Да месть всем в грудь нам не взойдет;
Пусть только ум Екатерины,
Как Архимед, создаст машины;
А росс вселенной потрясет.

Чего не может род сей славный,
Любя царей своих, свершить?
Умейте лишь, главы венчанны!
Его бесценну кровь щадить.
Умейте дать ему вы льготу,
К делам великим дух, охоту
И правотой сердца пленить.
Вы можете его рукою
Всегда, войной и не войною,
Весь мир себя заставить чтить.

Война, как северно сиянье,
Лишь удивляет чернь одну:
Как светлой радуги блистанье,
Всяк мудрый любит тишину.
Что благовонней аромата?
Что слаще меда, краше злата

И драгоценнее порфир?
Не ты ль, которого всем взгляды
Лиют обилие, прохлады,
Прекрасный и полезный мир?

Приди, о кроткий житель неба,
Эдемский гражданин страны!
Приди! — и, как сопутник Феба,
Дух теплотворный, бог весны,
Дохни везде твоей душою!
Дохни,— да расцветет тобою
Рой сладости в домах, в сердцах!
Под сению Екатерины
Венчанны лавром исполины
Возлягут на своих громах.

Премудрость царствы управляет;
Крепит их вера, правый суд;
Их труд и мир обогащает,
Любовию они цветут.
О пол прекрасный и почтенный,
Кем россы рождены, кем пленны!
И вам днесь предлежат венцы.
Плоды побед суть звуки славы,
Побед основа — тверды нравы,
А добрых нравов вы творцы!

Когда на брани вы предметов
Лишилися любви своей,
И если без войны, наветов
Полна жизнь наша слез, скорбей,-
Утешьтесь! Ветры в ветры дуют,
Стихии меж собой воюют;
Сей свет — училище терпеть.
И брань коль восстает судьбою,
Сын россиянки среди бою
Со славой должен умереть.

А слава тех не умирает,
Кто за отечество умрет;
Она так в вечности сияет,
Как в море ночью лунный свет.
Времен в глубоком отдаленьи
Потомство тех увидит тени,

Которых мужествен был дух.
С гробов их в души огнь польется,
Когда по рощам разнесется
Бессмертной лирой дел их звук.

Конец 1790 или начало 1791

ВОДОПАД

Алмазна сыплется гора
С высот четыремя скалами,
Жемчугу бездна и сребра
Кипит внизу, бьет вверх буграми;
От брызгов синий холм стоит,
Далече рев в лесу гремит.

Шумит, и средь густого бора
Теряется в глуши потом;
Луч чрез поток сверкает скоро;
Под зыбким сводом древ, как сном
Покрыты, волны тихо льются,
Рекою млечною влекутся.

Седая пена по брегам
Лежит буграми в дебрях темных;
Стук слышен млатов по ветрам,
Визг пил и стон мехов подъемных:
О водопад! в твоем жерле
Все утопает в бездне, в мгле!

Ветрами ль сосны пораженны? —
Ломаются в тебе в куски;
Громами ль камни отторженны? —
Стираются тобой в пески;
Сковать ли воду льды дерзают? —
Как пыль стеклянна ниспадают.

Волк рыщет вкруг тебя и, страх
В ничто вменяя, станови́тся;
Огонь горит в его глазах,
И шерсть на нем щетиной зрится;
Рожденный на кровавый бой,
Он воет, согласясь с тобой.

Лань идет робко, чуть ступает,
Вняв вод твоих падущих рев,
Рога на спину приклоняет
И быстро мчится меж дерев;
Ее страшит вкруг шум, бурь свист
И хрупкий под ногами лист.

Ретивый конь, осанку горду
Храня, к тебе порой идет;
Крутую гриву, жарку морду
Подняв, храпит, ушми прядет;
И, подстрекаем быв, бодрится,
Отважно в хлябь твою стремится.

Под наклоненным кедром вниз,
При страшной сей красе природы,
На утлом пне, который свис
С утеса гор на яры воды,
Я вижу — некий муж седой
Склонился на руку главой.

Копье, и меч, и щит великой,
Стена отечества всего,
И шлем, обвитый повиликой,
Лежат во мху у ног его.
В броне блистая златордяной,
Как вечер во заре румяной,

Сидит — и, взор вперя к водам,
В глубокой думе рассуждает:
«Не жизнь ли человеков нам
Сей водопад изображает?
Он так же блеском струй своих
Поит надменных, кротких, злых.

Не так ли с неба время льется,
Кипит стремление страстей,
Честь блещет, слава раздается,
Мелькает счастье наших дней,
Которых красоту и радость
Мрачат печали, скорби, старость?

Не зрим ли всякой день гробов,
Седин дряхлеющей вселенной?
Не слышим ли в бою часов
Глас смерти, двери скрыш подземной?
Не упадает ли в сей зев
С престола царь и друг царев?

Падут,— и вождь непобедимый,
В Сенате Цезарь средь похвал,
В тот миг, желал как диадимы,
Закрыв лице плащом, упал;
Исчезли замыслы, надежды,
Сомкнулись алчны к трону вежды.

Падут,— и несравненный муж
Торжеств несметных с колесницы,
Пример великих в свете душ,
Презревший прелесть багряницы,
Пленивший Велизар царей
В темнице пал, лишен очей.

Падут.— И не мечты прельщали,
Когда меня, в цветущий век,
Давно ли города встречали,
Как в лаврах я, в оливах тек?
Давно ль? Но ах! теперь во брани
Мои не мещут молний длани!

Ослабли силы, буря вдруг
Копье из рук моих схватила;
Хотя и бодр еще мой дух,
Судьба побед меня лишила».
Он рек — и тихим позабылся сном,
Морфей покрыл его крылом.

Сошла октябрьска нощь на землю,
На лоно мрачной тишины;
Нигде я ничего не внемлю,
Кроме ревущия волны,
О камни с высоты дробимой
И снежною горою зримой.

Пустыня, взор насупя свой,
Утесы и скалы́ дремали;
Волнистой облака грядой
Тихонько мимо пробегали,
Из коих трепетна, бледна,
Проглядывала вниз луна.

Глядела и едва блистала,
Пред старцем преклонив рога,
Как бы с почтеньем познавала
В нем своего того врага,
Которого она страшилась,
Кому вселенная дивилась.

Он спал — и чудотворный сон
Мечты ему являл геройски:
Казалося ему, что он
Непобедимы водит войски;
Что вкруг его перун молчит,
Его лишь мановенья зрит.

Что огнедышущи за перстом
Ограды вслед его идут;
Что в поле гладком, вкруг отверстом,
По слову одному растут
Полки его из скрытых станов,
Как холмы в море из туманов.

Что только по траве росистой
Ночные знать его шаги;
Что утром пыль, под твердью чистой,
Уж поздо зрят его враги;
Что остротой своих зениц
Блюдет он их, как ястреб птиц.

Что, положа чертеж и меры,
Как волхв невидимый, в шатре,
Тем кажет он в долу химеры,
Тем — в тиграх агнцев на горе,
И вдруг решительным умом
На тысячи бросает гром.

Что орлю дерзость, гордость лунну,
У черных и янтарных волн,
Смирил Колхиду златорунну,
И белого царя урон
Раи́ вечерня пред границей
Отмстил победами сторицей.

Что, как румяной луч зари,
Страну его покрыла слава;
Чужие вóжди и цари,
Своя владычица, держава,
И все везде его почли,
Триумфами превознесли.

Что образ, имя и дела
Цветут его средь разных глянцев;
Что верх сребристого чела
В венце из молненных румянцев
Блистает в будущих родах,
Отсвечиваяся в сердцах.

Что зависть, от его сиянья
Свой бледный потупляя взор,
Среди безмолвного стенанья
Ползет и ищет токмо нор,
Куда бы от него сокрыться,
И что никто с ним не сравнится.

Он спит — и в сих мечтах веселых
Внимает завыванье псов,
Рев ветров, скрып дерев дебелых,
Стенанье филинов и сов,
И вещих глас вдали животных,
И тихий шорох вкруг бесплотных.

Он слышит: сокрушилась ель,
Станица вранов встрепетала,
Кремнистый холм дал страшну щель,
Гора с богатствами упала;
Грохочет эхо по горам,
Как гром гремящий по громам.

Он зрит одету в ризы черны
Крылату некую жену,
Власы имевшу распущенны,
Как смертну весть или войну,
С косой в руках, с трубой стоящу,
И слышит он: «проснись!» гласящу.

На шлеме у нее орел
Сидел с перуном помраченным,
В нем герб отечества он зрел;
И, быв мечтой сей возбужденным,
Вздохнул и, испустя слез дождь,
Вещал: «Знать, умер некий вождь!

Блажен, когда, стремясь за славой,
Он пользу общую хранил,
Был милосерд в войне кровавой
И самых жизнь врагов щадил:
Благословен средь поздных веков
Да будет друг сей человеков!

Благословенна похвала
Надгробная его да будет,
Когда всяк жизнь его, дела
По пользам только помнить будет;
Когда не блеск его прельщал
И славы ложной не искал!

О слава, слава в свете сильных!
Ты точно есть сей водопад.
Он вод стремлением обильных
И шумом льющихся прохлад
Великолепен, светл, прекрасен,
Чудесен, силен, громок, ясен;

Дивиться вкруг себя людей
Всегда толпами собирает;
Но если он водой своей
Удобно всех не напояет,
Коль рвет брега и в быстротáх
Его нет выгод смертным,— ах!

Не лучше ль менее известным,
А более полезным быть;
Подобясь ручейкам прелестным,
Поля, луга, сады кропить
И тихим вдалеке журчаньем
Потомство привлекать с вниманьем?

Пусть на обросший дерном холм
Приидет путник и воссядет
И, наклонясь своим челом
На подписанье гроба, скажет:
«Не только славный лишь войной,
Здесь скрыт великий муж душой».

О! будь бессмертен, витязь бранный,
Когда ты весь соблюл свой долг!» —
Вещал сединой муж венчанный
И, в небеса воззрев, умолк.
Умолк,— и глас его промчался,
Глас мудрый всюду раздавался.

Но кто там и́дет по холмам,
Глядясь, как месяц, в воды черны?
Чья тень спешит по облакам
В воздушные жилища горны?
На темном взоре и челе
Сидит глубока дума в мгле!

Какой чудесный дух крылами
От севера парит на юг?
Ветр медлен, течь его стезями,
Обозревает царствы вдруг;
Шумит, и как звезда блистает,
И искры в след свой рассыпает.

Чей труп, как на распутьи мгла,
Лежит на темном лоне нощи?
Простое рубище чресла,
Два лепта покрывают очи,
Прижаты к хладной груди персты,
Уста безмолвствуют отверсты!

Чей одр — земля, кров — воздух, синь,
Чертоги — вкруг пустынны виды?
Не ты ли счастья, славы сын,
Великолепный князь Тавриды?
Не ты ли с высоты честей
Незапно пал среди степей?

Не ты ль наперсником близ трона
У северной Минервы был;
Во храме муз друг Аполлона;
На поле Марса во́ждем слыл;
Решитель дум в войне и мире,
Могущ — хотя и не в порфире?

Не ты ль, который взвесить смел
Мощь росса, дух Екатерины
И, опершись на них, хотел
Вознесть твой гром на те стремнины,
На коих древний Рим стоял
И всей вселенной колебал?

Не ты ль, который орды сильны
Соседей хищных истребил,
Пространны области пустынны
Во грады, в нивы обратил,
Покрыл понт Черный кораблями,
Потряс среду земли громами?

Не ты ль, который знал избрать
Достойный подвиг росской силе,
Стихии самые попрать
В Очакове и в Измаиле,
И твердой дерзостью такой
Быть дивом храбрости самой?

Се ты, отважнейший из смертных!
Парящий замыслами ум!
Не шел ты средь путей известных,
Но проложил их сам — и шум
Оставил по себе в потомки;
Се ты, о чудный вождь Потемкин!

Се ты, которому врата
Торжественные созидали;
Искусство, разум, красота
Недавно лавр и мирт сплетали;
Забавы, роскошь вкруг цвели,
И счастье с славой следом шли.

Се ты, небесного плод дара
Кому едва я посвятил,
В созвучность громкого Пиндара
Мою настроить лиру мнил,
Воспел победу Измаила,
Воспел, но смерть тебя скосила!

Увы! и хоров сладкий звук
Моих в стенанье превратился;
Свалилась лира с слабых рук,
И я там в слезы погрузился,
Где бездны разноцветных звезд
Чертог являли райских мест.

Увы! и громы онемели,
Ревущие тебя вокруг;
Полки твои осиротели,
Наполнили рыданьем слух;
И все, что близ тебя блистало,
Уныло и печально стало.

Потух лавровый твой венок,
Гранена булава упала,
Меч в полножны войти чуть мог,
Екатерина возрыдала!
Полсвета потряслось за ней
Незапной смертию твоей!

Оливы свежи и зелены
Принес и бросил Мир из рук;
Родства и дружбы вопли, стоны
И муз ахейских жалкий звук
Вокруг Перикла раздается:
Марон по Меценате рвется,

Который почестей в лучах,
Как некий царь, как бы на троне,
На сребро-розовых конях,
На златозарном фаэтоне,
Во сонме всадников блистал
И в смертный черный одр упал!

Где слава? Где великолепье?
Где ты, о сильный человек?
Мафусаила долголетье
Лишь было б сон, лишь тень наш век;
Вся наша жизнь не что иное,
Как лишь мечтание пустое.

Иль нет! — тяжелый некий шар,
На нежном волоске висящий,
В который бурь, громов удар
И молнии небес ярящи
Отвсюду беспрестанно бьют
И, ах! зефиры легки рвут.

Единый час, одно мгновенье
Удобны царствы поразить,
Одно стихиев дуновенье
Гигантов в прах преобразить;
Их ищут места — и не знают;
В пыли героев попирают!

Героев? — Нет! Но их дела
Из мрака и веков блистают;
Нетленна память, похвала
И из развалин вылетают;
Как холмы, гробы их цветут;
Напишется Потемкин труд.

Театр его был край Эвксина;
Сердца обязанные — храм;
Рука с венцом — Екатерина;
Гремяща слава — фимиам;
Жизнь — жертвенник торжеств и крови,
Гробница — ужаса, любови.

Когда багровая луна
Сквозь мглу блистает темной нощи,
Дуная мрачная волна
Сверкает кровью и сквозь рощи
Вкруг Измаила ветр шумит,
И слышен стон,— что турок мнит?

Дрожит,— и во очах сокрытых
Еще ему штыки блестят,
Где сорок тысяч вдруг убитых
Вкруг гроба Вейсмана лежат.
Мечтаются ему их тени
И росс в крови их по колени!

Дрожит — и обращает взгляд
Он робко на окрестны виды;
Столпы на небесах горят
По суше, по морям Тавриды!
И мнит, в Очакове что вновь
Течет его и мерзнет кровь.

Но в ясный день, средь светлой влаги,
Как ходят рыбы в небесах
И вьются полосаты флаги,
Наш флот на вздутых парусах
Вдали белеет на лиманах,—
Какое чувство в россиянах?

Восторг, восторг они,— а страх
И ужас турки ощущают;
Им мох и терны во очах,
Нам лавр и розы расцветают
На мавзолеях у вождей,
Властителей земель, морей.

Под древом, при заре вечерней,
Задумчиво Любовь сидит,
От цитры ветерок весенний
Ее повсюду голос мчит;
Перлова грудь ее вздыхает,
Геройский образ оживляет.

Поутру солнечным лучом
Как монумент златый зажжется,
Лежат объяты серны сном
И пар вокруг холмов виется,
Пришедши старец надпись зрит:
«Здесь труп Потемкина сокрыт!»

Алцибиадов прах! И смеет
Червь ползать вкруг его главы?
Взять шлем Ахиллов не робеет,
Нашедши в поле, Фирс? Увы!
И плоть и труд коль истлевает,
Что ж нашу славу составляет?

Лишь истина дает венцы
Заслугам, кои не увянут;
Лишь истину поют певцы,
Которых вечно не престанут
Греметь перуны сладких лир;
Лишь праведника свят кумир.

Услышьте ж, водопады мира!
О славой шумные главы!
Ваш светел меч, цветна порфира,
Коль правду возлюбили вы,
Когда имели только мету,
Чтоб счастие доставить свету.

Шуми, шуми, о водопад!
Касаяся странам воздушным,
Увеселяй и слух и взгляд
Твоим стремленьем светлым, звучным
И в поздной памяти людей
Живи лишь красотой твоей!

Живи! и тучи пробегали
Чтоб редко по водам твоим,
В умах тебя не затмевали
Разжженный гром и черный дым;
Чтоб был вблизи, вдали любезен
Ты всем; сколь дивен, столь полезен.

И ты, о водопадов мать!
Река, на Севере гремяща,
О Суна! коль с высот блистать
Ты можешь — и, от зарь горяща,
Кипишь и сеешься дождем
Сафирным, пурпурным огнем,—

То тихое твое теченье,
Где ты сама себе равна,
Мила, быстра и не в стремленье,
И в глубине твоей ясна,
Важна без пены, без порыву,
Полна, велика без разливу,

И без примеса чуждых вод
Поя златые в нивах бреги,
Великолепный свой ты ход
Вливаешь в светлый сонм Онеги —
Какое зрелище очам!
Ты тут подобна небесам.

1791—1794

НА ПТИЧКУ

Поймали птичку голосисту
И ну сжимать ее рукой.
Пищит бедняжка вместо свисту,
А ей твердят: «Пой, птичка, пой!»

1792 или 1793

НА СМЕРТЬ СОБАЧКИ МИЛУШКИ,
КОТОРАЯ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ИЗВЕСТИЯ О СМЕРТИ ЛЮДОВИКА XVI УПАЛА С КОЛЕН ХОЗЯЙКИ И УБИЛАСЬ ДО СМЕРТИ

Увы! Сей день с колен Милу́шка
И с трона Людвиг пал.— Смотри,
О смертный! Не всё ль судеб игрушка —
Собачки и цари?

1793

МОЙ ИСТУКАН

Готов кумир, желанный мною,
Рашет его изобразил!
Он хитрою своей рукою
Меня и в камне оживил.
Готов кумир! — и будет чтиться
Искусство Пра́ксителя в нем,
Но мне какою честью льститься
В бессмертном истукане сем?
Без славных дел, гремящих в мире,
Ничто и царь в своем кумире.

Ничто! и не живет тот смертный,
О ком ни малой нет молвы,
Ни злом, ни благом не приметный,
Во гробе погребен живый.
Но ты, о зверских душ забава!
Убийство!— я не льщусь тобой,
Батыев и Маратов слава
Во ужас дух приводит мой;
Не лучше ли мне быть забвенну,
Чем узами сковать вселенну?

Злодейства малого мне мало,
Большого делать не хочу;
Мне скиптра небо не вручало,
И я на небо не ропчу.
Готов я управляться властью;
А если ею и стеснюсь
Чрез зло, моей я низкой частью
С престолом света не сменюсь.
Та мысль всех казней мне страшнея:
Представить в вечности злодея!

Злодей, который самолюбью
И тайной гордости своей
Всем жертвует; его орудью
Преграды нет, алчбе — цепей,
Внутрь совестью своей размучен,
Вне с радостью губи́т других;

Пусть дерзостью, удачей звучен,
Но не велик в глазах моих.
Хотя бы богом был он злобным,
Быть не хочу ему подобным.

Легко злом мир греметь заставить,
До Герострата только шаг;
Но трудно доблестью прославить
И воцарить себя в сердцах:
Век должно добрым быть нам тщиться,
И плод нам время даст одно;
На зло лишь только бы решиться,
И вмиг соделано оно.
Редка на свете добродетель,
И редок благ прямых содетель.

Он редок! Но какая разность
Меж славой доброй и худой?
Чтоб имя приобресть нам, знатность,
И той греметь или другой,
Не все ль равно? — Когда лишь будет
Потомство наши знать дела,
И злых и добрых не забудет.
Ах, нет! природа в нас влила
С душой и отвращенье к злобе,
Любовь к добру и сущим в гробе.

Мне добрая приятна слава,
Хочу я человеком быть,
Которого страстей отрава
Бессильна сердце развратить;
Кого ни мзда не ослепляет,
Ни сан, ни месть, ни блеск порфир;
Кого лишь правда научает,
Любя себя, любить весь мир
Любовью мудрой, просвещенной,
По добродетели священной.

По ней, котора составляет
Вождей любезных и царей;
По ней, котора извлекает
Сладчайши слезы из очей.

Эпаминонд ли защититель
Или благотворитель Тит,
Сократ ли, истины учитель,
Или правдивый Аристид,—
Мне все их имена почтенны
И истуканы их священны.

Священ мне паче зрак героев,
Моих любезных сограждáн,
Пред троном, на суде, средь боев
Душой великих россиян.
Священ! — Но если здесь я чести
Совре́менных не возвещу,
Бояся подозренья в лести,
То вас ли, вас ли умолчу,
О праотцы! делами славны,
Которых вижу истуканы?

А если древности покровом
Кто предо мной из вас и скрыт,
В венце оливном и лавровом
Великий Петр как жив стоит;
Монархи мудры, милосерды,
За ним отец его и дед;
Отечества подпоры тверды,
Пожарский, Минин, Филарет;
И ты, друг правды, Долгоруков!
Достойны вечной славы звуков.

Достойны вы! — Но мне ли права
Желать — быть с вами на ряду?
Что обо мне расскажет слава,
Коль я безвестну жизнь веду?
Не спас от гибели я царства,
Царей на трон не возводил,
Не стер терпением коварства,
Богатств моих не приносил
На жертву в подкрепленье трона
И защитить не мог закона.

Увы! Почто ж сему болвану
На свете место занимать,
Дурную, лысу обезьяну
На смех ли детям представлять,

Чтоб видели меня потомки
Под паутиною, в пыли,
Рабы ступали на обломки
Мои, лежащи на земли?
Нет! лучше быть от всех забвенным,
Чем брошенным и ввек презренным.

Разбей же, мой вторый создатель,
Разбей мой истукан, Рашет!
Румянцова лица ваятель
Себе мной чести не найдет;
Разбей! — Или постой немного;
Поищем, нет ли дел каких,
По коим бы, хотя нестрого
Судя о качествах моих,
Ты мог ответствовать вселенной
За труд, над мною понесенный.

Поищем! — Нет. Мои безделки
Безумно столько уважать,
Дела обыкновенны мелки,
Чтоб нас заставить обожать;
Хотя б я с пленных снял железы,
Закон и правду сохранил,
Отер сиротски, вдовьи слезы,
Невинных оправдатель был;
Орга́н монарших благ и мира —
Не стоил бы и тут кумира.

Не стоил бы: все знаки чести,
Дозволенны самим себе,
Плоды тщеславия и лести,
Монарх! постыдны и тебе.
Желает хвал, благодаренья
Лишь низкая себе душа,
Живущая из награжденья,—
По смерти слава хороша:
Заслуги в гробе созревают,
Герои в вечности сияют.

Но если дел и не имею,
За что б кумир мне посвятить,
В достоинство вменить я смею,
Что знал достоинствы я чтить;

Что мог изобразить Фелицу,
Небесну благость во плоти,
Что пел я россов ту царицу,
Какой другой нам не найти
Ни днесь, ни впредь в пространстве мира,—
Хвались моя, хвались тем, лира!

Хвались! — и образ мой скудельный
В храм славы вознеси с собой;
Ты можешь быть столь дерзновенной,
Коль тихой некогда слезой
Ты, взор кропя Екатерины,
Могла приятною ей быть;
Взносись, и достигай вершины,
Чтобы на ней меня вместить,
Завистников моих к досаде,
В ее прекрасной колоннаде.

На твердом мраморном помосте,
На мшистых сводах меж столпов,
В меди, в величественном росте,
Под сенью райских вкруг дерев,
Поставь со славными мужами!
Я стану с важностью стоять;
Как от зарей, всяк день лучами
От светлых царских лиц блистать,
Не движим вихрями, ни громом,
Под их божественным покровом.

Простется облак благовонный,
Коврами вкруг меня цветы...
Постой, пиит, восторга полный!
Высоко залетел уж ты,—
В пыли валялись и Омиры.
Потомство — грозный судия:
Оно рассматривает лиры,
Услышит глас и твоея,
И пальмы взвесит и перуны,
Кому твои гремели струны.

Увы! легко случиться может,
Поставят и тебя льстецом;
Кого днесь тайно злоба гложет,
Тот будет завтра въявь врагом;

Трясут и троны люди злые:
То, может быть, и твой кумир
Через решетки золотые
Слетит и рассмешит весь мир,
Стуча с крыльца ступень с ступени,
И скатится в древесны тени.

Почто ж позора ждать такого?
Разбей, Рашет, мои черты!
Разбей! — Нет, нет; еще полслова
Позволь сказать себе мне ты.
Пусть тот, кто с бóльшим дарованьем
Мог добродетель прославлять,
С усерднейшим, чем я, стараньем
Желать добра и исполнять,
Пусть тот, не медля, и решится:
И мой кумир им сокрушится.

Я рад отечества блаженству:
Дай больше, небо, таковых,
Российской силы к совершенству,
Сынов ей верных и прямых!
Определения судьбины
Тогда исполнятся во всем;
Доступим мира мы средины,
С Гангеса злато соберем;
Гордыню усмирим Китая,
Как кедр, наш корень утверждая.

Тогда, каменосечец хитрый!
Кумиры твоего резца
Живой струей испустят искры
И в вну́чатах возжгут сердца.
Смотря на образ Марафона,
Зальется Фемистокл слезой,
Отдаст Арману Петр полтрона,
Чтоб править научил другой;
В их урнах фениксы взродятся
И в след их славы воскрылятся.

А ты, любезная супруга!
Меж тем возьми сей истукан;
Спрячь для себя, родни и друга
Его в серпяный твой диван;

И с бюстом там своим, мне милым,
Пред зеркалом их в ряд поставь
Во знак, что с сердцем справедливым
Не скрыт наш всем и виден нрав.
Что слава? — Счастье нам прямое
Жить с нашей совестью в покое.

1794

НА СМЕРТЬ КАТЕРИНЫ ЯКОВЛЕВНЫ, 1794 ГОДУ ИЮЛЯ 15 ДНЯ ПРИКЛЮЧИВШУЮСЯ

Уж не ласточка сладкогласная,
Домовитая со застрехи,
Ах! моя милая, прекрасная
Прочь отлетела,— с ней утехи.

Не сияние луны бледное
Светит из облака в страшной тьме,
Ах! лежит ее тело мертвое,
Как ангел светлый во крепком сне.

Роют псы землю, вкруг завывают,
Воет и ветер, воет и дом;
Мою милую не пробуждают;
Сердце мое сокрушает гром!

О ты, ласточка сизокрылая!
Ты возвратишься в дом мой весной;
Но ты, моя супруга милая,
Не увидишься век уж со мной.

Уж нет моего друга верного,
Уж нет моей доброй жены,
Уж нет товарища бесценного,
Ах, все они с ней погребены.

Все опустело! Как жизнь мне снести?
Зельная меня съела тоска.
Сердца, души половина, прости,
Скрыла тебя гробова́ доска.

1794

ЛАСТОЧКА

О домовитая ласточка!
О милосизая птичка!
Грудь красно-бела, касаточка,
Летняя гостья, певичка!
Ты часто по кровлям щебечешь,
Над гнездышком сидя поешь,
Крылышками движешь, трепещешь,
Колокольчиком в горлышке бьешь.
Ты часто по воздуху вьешься,
В нем смелые кру́ги даешь;
Иль стелешься долу, несешься,
Иль в небе простряся плывешь.
Ты часто во зеркале водном
Под рдяной играешь зарей,
На зыбком лазуре бездонном
Тенью мелькаешь твоей.
Ты часто, как молния, реешь
Мгновенно туды и сюды;
Сама за собой не успеешь
Невидимы видеть следы,
Но видишь там всю ты вселенну,
Как будто с высот на ковре:
Там башню, как жар позлащенну,
В чешуйчатом флот там сребре;
Там рощи в одежде зеленой,
Там нивы в венце золотом,
Там холм, синий лес отдаленный,
Там мошки толкутся столпом;
Там гнутся с утеса в понт воды,
Там ластятся струи к брегам.
Всю прелесть ты видишь природы,
Зришь лета роскошного храм,
Но видишь и бури ты черны,
И осени скучной приход;
И прячешься в бездны подземны,
Хладея зимою, как лед.
Во мраке лежишь бездыханна,—
Но только лишь при́дет весна
И роза вздохнет лишь румяна,
Встаешь ты от смертного сна;

Встанешь, откроешь зеницы
И новый луч жизни ты пьешь;
Сизы расправя косицы,
Ты новое солнце поешь.

Душа моя! гостья ты мира:
Не ты ли перната сия?
Воспой же бессмертие, лира!
Восстану, восстану и я,—
Восстану,— и в бездне эфира
Увижу ль тебя я, Пленира?

1792; *1794*

ПРИЗЫВАНИЕ И ЯВЛЕНИЕ ПЛЕНИРЫ

Приди ко мне, Пленира,
В блистании луны,
В дыхании зефира,
Во мраке тишины!
Приди в подобьи тени,
В мечте иль легком сне
И, седши на колени,
Прижмися к сердцу мне;
Движения исчисли,
Вздыхания измерь,
И все мои ты мысли
Проникни и поверь,
Хоть острый серп судьбины
Моих не косит дней,
Но нет уж половины
Во мне души моей.

Я вижу, ты в тумане
Течешь ко мне рекой!
Пленира, на диване
Простерлась надо мной,
И легким осязаньем
Уст сладостных твоих,
Как ветерок дыханьем,
В объятиях своих

Меня ты утешаешь
И шепчешь нежно вслух:
«Почто так сокрушаешь
Себя, мой милый друг?
Нельзя смягчить судьбину,
Ты сколько слез ни лей;
Миленой половину
Займи души твоей».

1794

ВЕЛЬМОЖА

Не украшение одежд
Моя днесь муза прославляет,
Которое в очах невежд
Шутов в вельможи наряжает;
Не пышности я песнь пою;
Не истуканы за кристаллом,
В кивотах блещущи металлом,
Услышат похвалу мою.

Хочу достоинствы я чтить,
Которые собою сами
Умели титлы заслужить
Похвальными себе делами;
Кого ни знатный род, ни сан,
Ни счастие не украшали;
Но кои доблестью снискали
Себе почтенье от граждáн.

Кумир, поставленный в позор,
Несмысленную чернь прельщает;
Но коль художников в нем взор
Прямых красот не ощущает,—
Се образ ложныя молвы,
Се глыба грязи позлащенной!
И вы, без благости душевной,
Не все ль, вельможи, таковы?

Не перлы перские на вас
И не бразильски звезды ясны,—
Для возлюбивших правду глаз
Лишь добродетели прекрасны,

Они суть смертных похвала.
Калигула! твой конь в Сенате
Не мог сиять, сияя в злате;
Сияют добрые дела.

Осел останется ослом,
Хотя осыпь его звездами;
Где должно действовать умом,
Он только хлопает ушами.
О! тщетно счастия рука,
Против естественного чина,
Безумца рядит в господина
Или в шумиху дурака.

Каких ни вымышляй пружин,
Чтоб мужу бую умудриться,
Не можно век носить личин,
И истина должна открыться.
Когда не сверг в боях, в судах,
В советах царских сопостатов,—
Всяк думает, что я Чупятов
В мароккских лентах и звездах.

Оставя скипетр, трон, чертог,
Быв странником, в пыли и в поте,
Великий Петр, как некий бог,
Блистал величеством в работе:
Почтен и в рубище герой!
Екатерина в низкой доле
И не на царском бы престоле
Была великою женой.

И впрямь, коль самолюбья лесть
Не обуяла б ум надменный,—
Что наше благородство, честь,
Как не изящности душевны?
Я князь — коль мой сияет дух;
Владелец — коль страстьми владею;
Болярин — коль за всех болею,
Царю, закону, церкви друг.

Вельможу до́лжны составлять
Ум здравый, сердце просвещенно;

Собой пример он должен дать,
Что звание его священно,
Что он орудье власти есть,
Подпора царственного зданья;
Вся мысль его, слова, деянья
Должны быть — польза, слава, честь.

А ты, вторый Сарданапал!
К чему стремишь всех мыслей беги?
На то ль, чтоб век твой протекал
Средь игр, средь праздности и неги?
Чтоб пурпур, злато всюду взор
В твоих чертогах восхищали,
Картины в зеркалах дышали,
Мусия, мрамор и фарфор?

На то ль тебе пространный свет,
Простерши раболепны длани,
На прихотливый твой обед
Вкуснейших яств приносит дани,
Токай — густое льет вино,
Левант — с звездами кофе жирный,—
Чтоб не хотел за труд всемирный
Мгновенье бросить ты одно?

Там воды в просеках текут
И, с шумом вверх стремясь, сверкают;
Там розы средь зимы цветут
И в рощах нимфы воспевают
На то ль, чтобы на всё взирал
Ты оком мрачным, равнодушным,
Средь радостей казался скучным
И в пресыщении зевал?

Орел, по высоте паря,
Уж солнце зрит в лучах полдневных —
Но твой чертог едва заря
Румянит сквозь завес червленых;
Едва по зыблющим грудям
С тобой лежащия Цирцеи
Блистают розы и лилеи,
Ты с ней покойно спишь,— а там?

А там израненный герой,
Как лунь во бранях поседевший,
Начальник прежде бывший твой,
В переднюю к тебе пришедший
Принять по службе твой приказ,—
Меж челядью твоей златою,
Поникнув ла́вровой главою,
Сидит и ждет тебя уж час!

А там — вдова стоит в сенях
И горьки слезы проливает,
С грудным младенцем на руках,
Покрова твоего желает.
За выгоды твои, за честь
Она лишилася супруга;
В тебе его знав прежде друга,
Пришла мольбу свою принесть.

А там — на лестничный восход
Прибрел на костылях согбенный,
Бесстрашный, старый воин тот,
Тремя медалями украшенный,
Которого в бою рука
Избавила тебя от смерти,—
Он хочет руку ту простерти
Для хлеба от тебя куска.

А там,— где жирный пес лежит,
Гордится вратник галунами,—
Заимодавцев полк стоит,
К тебе пришедших за долгами.
Проснися, сибарит! — Ты спишь
Иль только в сладкой неге дремлешь,
Несчастных голосу не внемлешь
И в развращенном сердце мнишь:

«Мне миг покоя моего
Приятней, чем в истории веки;
Жить для себя лишь одного,
Лишь радостей уметь пить реки,
Лишь ветром плыть, гнесть чернь ярмом;
Стыд, совесть — слабых душ тревога!
Нет добродетели! нет бога!»
Злодей, увы! — И грянул гром.

Блажен народ, который полн
Благочестивой веры к богу,
Хранит царев всегда закон,
Чтит нравы, добродетель строгу
Наследным перлом жен, детей;
В единодушии — блаженство;
Во правосудии — равéнство;
Свободу — во узде страстей!

Блажен народ! — где царь главой,
Вельможи — здравы члены тела,
Прилежно долг все правят свой,
Чужого не касаясь дела;
Глава не ждет от ног ума
И сил у рук не отнимает,
Ей взор и ухо предлагает,
Повелевает же сама.

Сим твердым у́злом естества
Коль царство лишь живет счастливым,
Вельможи! — славы, торжества
Иных вам нет, как быть правдивым;
Как блюсть народ, царя любить,
О благе общем их стараться;
Змеей пред троном не сгибаться,
Стоять — и правду говорить.

О росский бодрственный народ,
Отечески хранящий нравы!
Когда расслаб весь смертных род,
Какой ты не причастен славы?
Каких в тебе вельможей нет? —
Тот храбрым был средь бранных звуков;
Здесь дал бесстрашный Долгоруков
Монарху грозному ответ.

И в наши вижу времена
Того я славного Камила,
Которого труды, война
И старость дух не утомила.
От грома звучных он побед
Сошел в шалаш свой равнодушно,
И от сохи опять послушно
Он в поле Марсовом живет.

Тебе, герой! желаний муж!
Не роскошью вельможа славный;
Кумир сердец, пленитель душ,
Вождь, лавром, ма́слиной венчанный!
Я праведну здесь песнь воспел.
Ты ею славься, утешайся,
Борись вновь с бурями, мужайся,
Как юный возносись орел.

Пари,— и с высоты твоей
По мракам смутного эфира
Громовой пролети струей
И, опочив на лоне мира,
Возвесели еще царя.
Простри твой поздный блеск в народе,
Как отдает свой долг природе
Румяна вечера заря.

1794

ПРИГЛАШЕНИЕ К ОБЕДУ

Шекснинска стерлядь золотая,
Каймак и борщ уже стоят;
В крафинах вина, пунш, блистая
То льдом, то искрами, манят;
С курильниц благовоньи льются,
Плоды среди корзин смеются,
Не смеют слуги и дохнуть,
Тебя стола вкруг ожидая;
Хозяйка статная, младая
Готова руку протянуть.

Приди, мой благодетель давный,
Творец чрез двадцать лет добра!
Приди — и дом, хоть не нарядный,
Без ре́зьбы, злата и сребра,
Мой посети; его богатство —
Приятный только вкус, опрятство
И твердый мой, нельстивый нрав;
Приди от дел попрохладиться,
Поесть, попить, повеселиться
Без вредных здравию приправ.

Не чин, не случай и не знатность —
На русский мой простой обед
Я звал одну благоприятность;
А тот, кто делает мне вред,
Пирушки сей не будет зритель.
Ты, ангел мой, благотворитель!
Приди — и насладися благ;
А вражий дух да отженется,
Моих порогов не коснется
Ничей недоброхотный шаг!

Друзьям моим я посвящаю,
Друзьям и красоте сей день;
Достоинствам я цену знаю
И знаю то, что век наш тень;
Что лишь младенчество проводим —
Уже ко старости приходим,
И смерть к нам смотрит чрез забор;
Увы! — то как не умудриться
Хоть раз цветами не увиться
И не оставить мрачный взор?

Слыхал, слыхал я тайну эту,
Что иногда грустит и царь;
Ни ночь, ни день покоя нету,
Хотя им вся покойна тварь.
Хотя он громкой славой знатен,
Но, ах! — и трон всегда ль приятен
Тому, кто век свой в хлопотáх?
Тут зрит обман, там зрит упадок:
Как бедный часовой тот жалок,
Который вечно на часах!

Итак, доколь еще ненастье
Не помрачает красных дней,
И приголубливает счастье,
И гладит нас рукой своей;
Доколе не пришли морозы,
В саду благоухают розы,
Мы поспешим их обонять.
Так! будем жизнью наслаждаться
И тем, чем можем, утешаться,
По платью ноги протягать.

А если ты иль кто другие
Из званых милых мне гостей,
Чертоги предпочтя златые
И яствы сахарны царей,
Ко мне не срядитесь откушать,
Извольте мой вы толк прослушать:
Блаженство не в лучах порфир,
Не в вкусе яств, не в неге слуха;
Но в здравьи и спокойстве духа,—
Умеренность есть лучший пир.

1795

ЗАЗДРАВНЫЙ ОРЕЛ

По северу, по югу
С Москвы орел парит;
Всему земному кругу
Полет его звучит.

О! исполать, ребяты,
Вам, русские солдаты!
Что вы неустрашимы,
Никем непобедимы:
За здравье ваше пьем.

Орел бросает взоры
На льва и на луну,
Стокгольмы и Босфоры
Все бьют челом ему.

О! исполать вам, вои,
Бессмертные герои,
Румянцев и Суворов!
За столько славных боев:
Мы в память вашу пьем.

Орел глядит очами
На солнце в высоты;
Герои под шлемами —
На женски красоты.

О! исполать, красотки,
Вам, росски амазонки!
Вы в мужестве почтенны,
Вы в нежности любезны:
Здоровье ваше пьем!

1795

ГОСТЮ

Сядь, милый гость! здесь на пуховом
Диване мягком отдохни;
В сем тонком пологу перловом
И в зеркалах вокруг усни;
Вздремли после стола немножко,
Приятно часик похрапеть:
Златой кузнечик, сера мошка
Сюда не могут залететь.

Случится, что из снов прелестных
Приснится здесь тебе какой;
Хоть клад из облаков небесных
Златой посыплется рекой,
Хоть девушки мои домашни
Рукой тебе махнут,— я рад:
Любовные приятны шашни,
И поцелуй в сей жизни — клад.

1795(?)

ПАВЛИН

Какое гордое творенье,
Хвост пышно расширяя свой,
Черно-зелены в искрах перья
Со рассыпною бахромой
Позадь чешуйной груди кажет,
Как некий круглый, дивный щит?

Лазурно-сизы-бирюзовы
На каждого конце пера,
Тенисты круги, волны новы
Струиста злата и сребра;
Наклонит — изумруды блещут!
Повéрнет — яхонты горят!

Не то ли славный царь пернатый?
Не то ли райска птица *Жар*,
Которой столь убор богатый
Приводит в удивленье тварь?
Где ступит — радуги играют!
Где станет — там лучи вокруг!

Конечно, сила и паренье
Орлиные в ее крылах,
Глас трубный, лебедино пенье
В ее пресладостных устах;
А пеликана добродетель
В ее и сердце и душе!

Но что за чудное явленье?
Я слышу некий странный визг!
Сей Феникс опустил вдруг перья,
Увидя гнусность ног своих.
О пышность! как ты ослепляешь!
И барин без ума — павлин.

1795

ПАМЯТНИК

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.

Так! — весь я не умру; но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить.

Слух пройдет обо мне от Белых вод до Черных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал;
Всяк будет помнить то в народах неисчетных,
Как из безвестности я тем известен стал,

Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о боге
И истину царям с улыбкой говорить.

О муза! возгордись заслугой справедливой.
И презрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринужденною рукой неторопливой
Чело твое зарей бессмертия венчай.

1795

НАДГРОБИЕ ШЕЛЕХОВУ

Колумб здесь росский погребен:
Преплыл моря, открыл страны безвестны;
Но, зря, что всё на свете тлен,
Направил паруса во океан небесный.

Конец 1795 или начало 1796

ХРАПОВИЦКОМУ

Храповицкой! дружбы знаки
Вижу я к себе твои:
Ты ошибки, лесть и враки
Кажешь праведно мои:
Но с тобой не соглашуся
Я лишь в том, что я орел.

А по-твоему коль станет,
Ты мне путы развяжи;
Где свободно гром мой грянет,
Ты мне небо покажи;
Где я в поприще пущуся
И препон бы не имел?

Где чертог найду я правды?
Где увижу солнце в тьме?
Покажи мне те ограды
Хоть близ трона в вышине,
Чтоб где правду допущали
И любили бы ее.

Страха связанным цепями
И рожденным под жезлом,
Можно ль орлими крылами
К солнцу нам парить умом?
А хотя б и возлетали —
Чувствуем ярмо свое.

Должны мы всегда стараться,
Чтобы сильным угождать,
Их любимцам поклоняться,
Словом, взглядом их ласкать.
Раб и похвалить не может,
Он лишь может только льстить.

Извини ж, мой друг, коль лестно
Я кого где воспевал;
Днесь скрывать мне тех бесчестно,
Раз кого я похвалял.
За слова — меня пусть гложет,
За дела — сатирик чтит.

1797

НА ВОЗВРАЩЕНИЕ ГРАФА ЗУБОВА ИЗ ПЕРСИИ

Цель нашей жизни — цель к покою:
Проходим для того сей путь,
Чтобы от мразу иль от зною
Под кровом нощи отдохнуть.
Здесь нам встречаются стремнины,
Там терны, там ручьи в тени;
Там мягкие луга, равнины,
Там пасмурны, там ясны дни;
Сей с холма в пропасть упадает,
А тот взойти спешит на холм.

Кого же разум почитает
Из всех, идущих сим путем,
По самой истине счастливым?
Не тех ли, что, челом к звездам
Превознесяся горделивым,
Мечтают быть равны богам;
Что в пурпуре и на престоле
Превыше смертных восседят?
Иль тех, что в хижине, в юдоле,
Смиренно на соломе спят?

Ах, нет! — не те и не другие
Любимцы прямо суть небес,
Которых мучат страхи злые,
Прельщают сны приятных грез;
Но тот блажен, кто не боится
Фортуны потерять своей,
За ней на высоту не мчится,
Идет середнею стезей,
И след во всяком состояньи
Цветами усыпает свой.

Кто при конце своих ристаний
Вдали зреть может за собой
Аллею подвигов прекрасных;
Дав совести своей отчет
В минутах светлых и ненастных,
С улыбкою часы не чтет,
Как сам благими насладился,
Как спас других от бед, от нужд,
Как быть всем добрым торопился,
Раскаянья и вздохов чужд.

О юный вождь! сверша походы,
Прошел ты с воинством Кавказ,
Зрел ужасы, красы природы:
Как, с ребр там страшных гор лиясь,
Ревут в мрак бездн сердиты реки;
Как с чел их с грохотом снега
Падут, лежавши целы веки;
Как серны, вниз склонив рога,
Зрят в мгле спокойно под собою
Рожденье молний и громов.

Ты зрел — как ясною порою
Там солнечны лучи, средь льдов,
Средь вод, играя, отражаясь,
Великолепный кажут вид;
Как, в разноцветных рассеваясь
Там брызгах, тонкий дождь горит;
Как глыба там сизо-янтарна,
Навесясь, смотрит в темный бор;
А там заря злато-багряна
Сквозь лес увеселяет взор.

Ты видел — Каспий, протягаясь,
Как в камышах, в песках лежит,
Лицем веселым осклабляясь,
Пловцов ко плаванью манит;
И вдруг как, бурей рассердяся,
Встает в упор ее крылам,
То скачет в твердь, то, в ад стремяся,
Трезубцем бьет по кораблям;
Столбом власы седые вьются,
И глас его гремит в горах.

Ты видел, как во тьме секутся
С громами громы в облаках,
Как бездны пламень извергают,
Как в тучах роет огнь бразды,
Как в воздухе пары сгорают,
Как светят свеч в лесах ряды.
Ты видел, как в степи средь зною
Огромных змей стога кишат,
Как блещут пестрой чешуею
И льют, шипя, друг в друга яд.

Ты домы зрел царей, вселенну —
Внизу, вверху, ты видел всё;
Упадшу спицу, вознесенну,
Вертяще мира колесо.
Ты зрел — и как в Вратах Железных
(О! вспомни ты о сем часé!)
По духу войск, тобой веденных,
По младости твоей, красе,
По быстром персов покореньи
В тебе я Александра чтил!

О! вспомни, как в том восхищеньи,
Пророча, я тебя хвалил:
«Смотри,— я рек,— триумф минуту,
А добродетель век живет».
Сбылось! — Игру днесь счастья люту
И как оно к тебе хребет
Свой с грозным смехом повернуло,
Ты видишь,— видишь, как мечты
Сиянье вкруг тебя заснуло,
Прошло,— остался только ты.

Остался ты! — и та прекрасна
Душа почтенна будет ввек,
С которой ты внимал несчастна
И был в вельможе человек,
Который с сердцем откровенным
Своих и чуждых принимал,
Старейших вкруг себя надменным
Воззрением не огорчал.
Ты был что есть,— и не страшися
Объятия друзей своих.

Приди ты к ним! Иль уклонися
Познать премудрость царств иных.
Учиться никогда не поздно,
Исправь поступки юных лет;
То сердце прямо благородно,
Что ищет над собой побед.
Смотри, как в ясный день, как в буре
Суворов тверд, велик всегда!
Ступай за ним! — небес в лазуре
Еще горит его звезда.

Кто был на тысяще сраженьях
Не победим, а победил,
Нет нужды в блесках, в украшеньях
Тому, кто царство покорил!
Умей лишь сделаться известным
По добродетелям своим
И не тужи по снам прелестным,
Мечтавшимся очам твоим:
Они прошли — и возвратятся;
Пройти вновь могут — и прийти.

Как страннику в пути встречаться
Со многим должно, и идти,
И на горах и под горами,
Роскошничать и глад терпеть,—
Бывает так со всеми нами,
Премены рока долг наш зреть.
Но кто был мужествен душою,
Шел равнодушней сим путем,
Тот ближе был к тому покою,
К которому мы все идем.

1797

РОЖДЕНИЕ КРАСОТЫ

Сотворя Зевес вселенну,
Звал богов всех на обед.
Вкруг нектара чашу пенну
Разносил им Ганимед;
Мед, амброзия блистала
В их устах, по лицам огнь,
Благовоний мгла летала,
И Олимп был света полн;
Раздавались песен хоры,
И звучал весельем пир;
Но незапно как-то взоры
Опустил Зевес на мир
И, увидя царствы, грады,
Что погибли от боев,
Что богини мещут взгляды
На беднейших пастухов,
Распалился столько гневом,
Что, курчавой головой
Покачав, шатнул всем небом,
Адом, морем и землей.
Вмиг сокрылся блеск лазуря:
Тьма с бровей, огонь с очес,
Вихорь с риз его, и буря
Восшумела от небес;

Разразились всюду громы,
Мрак во пламени горел,
Яры волны — будто холмы,
Понт стремился и ревел;
В растворенны бездн утробы
Тартар искры извергал;
В тучи Феб, как в черны гробы,
Погруженный трепетал;
И средь страшной сей тревоги
Коль еще бы грянул гром,—
Мир, Олимп, богов чертоги
Повернулись бы вверх дном,
Но Зевес вдруг умилился:
Стало, знать, красавиц жаль;
А как с ними не смирился,
Новую тотчас создал:
Ввил в власы пески златые,
Пламя — в щеки и уста,
Небо — в очи голубые,
Пену — в грудь, — и Красота
Вмиг из волн морских родилась.
А взглянула лишь она,
Тотчас буря укротилась
И настала тишина.
Сизы юные дельфины,
Облелея табуном,
На свои ее взяв спины,
Мчали по пучине волн.
Белы голуби станицей,
Где откуда ни взялись,
Под жемчужной колесницей
С ней на воздух поднялись;
И, летя под облаками,
Вознесли на звездный холм;
Зевс объял ее лучами
С улыбнувшимся лицом.
Боги молча удивлялись,
На Красу разинув рот,
И согласно в том признались:
Мир и брани — от красот.

1797

СОЛОВЕЙ ВО СНЕ

Я на хóлме спал высоком,
Слышал глас твой, соловей,
Даже в самом сне глубоком
Внятен был душе моей:
То звучал, то отдавался,
То стенал, то усмехался
В слухе издалече он;
И в объятиях Калисты
Песни, вздохи, клики, свисты
Услаждали сладкий сон.

Если по моей кончине,
В скучном, бесконечном сне,
Ах! не будут так, как ныне,
Эти песни слышны мне;
И веселья, и забавы,
Плясок, ликов, звуков славы
Не услышу больше я,—
Стану ж жизнью наслаждаться,
Чаще с милой целоваться,
Слушать песни соловья.

1797

О УДОВОЛЬСТВИИ

Прочь буйна чернь, непросвещенна
И презираемая мной!
Простриś вкруг тишина священна!
Пленил меня восторг святой!
Высоку песнь и дерзновенну,
Неслыханну и не внушенну,
Я слабым смертным днесь пою:
Всяк преклони главу свою.

Сидят на тронах возвышенны
Над всей вселенною цари,
Ужасной стражей окруженны,
Подъемля скиптры, судят при.

Но бог есть вышний и над ними;
Блистая молньями своими,
Он сверг Гигантов с горних мест
И перстом водит хоры звезд.

Пусть занял юными древами
Тот область целую под сад;
Тот горд породою, чинами;
Пред тем полки рабов стоят;
А сей звучит трубой военной.
Но в урне рока неизмерной
Кто мал и кто велик забвен:
Своим всяк жребьем наделен.

Когда меч острый, обнаженный,
Злодея над главой висит,
Обилием отягощенный
Его стол вкусный не прельстит;
Ни нежной цитры глас звенящий,
Ни птиц весенних хор гремящий
Уж чувств его не усладят
И крепка сна не возвратят.

Сон сладостный не презирает
Ни хижин бедных поселян,
Ниже́ дубрав не убегает,
Ни низменных, ни тихих стран,
На коих по колосьям нивы
Под тенью облаков игривый
Перебирается зефир,
Где царствует покой и мир.

Кто хочет только, что лишь нужно,
Тот не заботится никак,
Что море взволновалось бурно;
Что, огненный вращая зрак,
Медведица нисходит в бездны;
Что Лев, на свод несяся звездный,
От гривы сыплет вкруг лучи;
Что блещет молния в ночи.

Не беспокоится, что градом
На холмах виноград побит;
Что проливных дождей упадом
Надежда, цвет полей, не льстит;
Что жрет и мраз и зной жестокий
Поля, леса; а там в глубоки
Моря отломки гор валят
И рыб в жилищах их теснят.

Здесь тонут зиждущих плотину
Работников и зодчих тьма,
Затем, что стали властелину
На суше скучны терема,—
Но и средь волн в чертоги входит
Страх; грусть и там вельмож находит;
Рой скук за кораблем жужжит
И вслед за всадником летит.

Когда ни мраморы прекрасны
Не утоляют скорби мне,
Ни пурпур, что, как облак ясный,
На светлой блещет вышине;
Ни грозды, соком наполненны,
Ни вина, вкусом драгоценны,
Ни благовонья аромат
Минуты жизни не продлят,—

Почто ж великолепьем пышным,
Удобным зависть возрождать,
По новым чертежам отличным
Огромны зданья созидать?
Почто спокойну жизнь, свободну,
Мне всем приятну, всем довольну,
И сельский домик мой — желать
На светлый блеск двора менять?

1798

К САМОМУ СЕБЕ

Что мне, что мне суетиться,
Вьючить бремя должностей,
Если мир за то бранится,
Что иду прямой стезей?

Пусть другие работáют,
Много мудрых есть господ:
И себя не забывают,
И царям сулят доход.
Но я тем коль бесполезен,
Что горяч и в правде чёрт,—
Музам, женщинам любезен
Может пылкий быть Эрот.
Стану ныне с ним водиться,
Сладко есть, и пить, и спать;
Лучше, лучше мне лениться,
Чем злодеев наживать.
Полно быть в делах горячим,
Буду лишь у правды гость;
Тонким сделаюсь подьячим,
Растворю пошире горсть.
Утром раза три в неделю
С милой музой порезвлюсь;
Там опять пойду в постелю
И с женою обоймусь.

1798

ПАРАШЕ

Белокурая Параша,
Сребро-розова лицом,
Коей мало в свете краше
Взором, сердцем и умом!

Ты, которой повторяет
Звучну арфу нежный глас,
Как Палаша ударяет
В струны, утешая нас.

Встань, пойдем на луг широкой,
Мягкий, скатистый, к прудам;
Там под сенью древ далекой
Сядем, взглянем по струям;

Как, скользя по них, сверкает
Луч от царских теремов,
Звезды, солнцы рассыпает
По теням между кустов.

Как за сребряной плотицей
Линь златой по дну бежит;
За прекрасною девицей,
За тобой, Амур летит.

1798

СТРЕЛОК

Я охотник был измлада
За дичиною гулять:
Меду сладкого не надо,
Лишь бы в поле пострелять.

На лету я птиц пернатых,
Где завидел, тут стрелял;
В нехохлатых и хохлатых,
Лишь прицелил, попадал.

Но вечор вдруг повстречалась
Лебедь белая со мной,
Вмиг крылами размахалась
И пошла ко мне на бой.

Хвать в колчан, ан стрел уж нету,
Лук опущен; стал я в пень.
Ах! беречь было монету
Белую на черный день.

1799

РУССКИЕ ДЕВУШКИ

Зрел ли ты, певец Тииский!
Как в лугу весной бычка
Пляшут девушки российски
Под свирелью пастушка?
Как, склонясь главами, ходят,
Башмаками в лад стучат,
Тихо руки, взор поводят
И плечами говорят?

Как их лентами златыми
Челы белые блестят,
Под жемчу́гами драгими
Груди нежные дыша́т?
Как сквозь жилки голубые
Льется розовая кровь,
На ланитах огневые
Ямки врезала любовь?
Как их брови соболины,
Полный искр соколий взгляд,
Их усмешка — души львины
И орлов сердца разят?
Коль бы видел дев сих красных,
Ты б гречанок позабыл
И на крыльях сладострастных
Твой Эрот прикован был.

1799

СНИГИРЬ

Что ты заводишь песню военну
Флейте подобно, милый снигирь?
С кем мы пойдем войной на Гиену?
Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны громы в гробе лежат.

Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и в зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затворов
С горстью россиян всё побеждать?

Быть везде первым в мужестве строгом,
Шутками зависть, злобу штыком,
Рок низлагать молитвой и богом,
Скиптры давая, зваться рабом,
Доблестей быв страдалец единых,
Жить для царей, себя изнурять?

Нет теперь мужа в свете столь славна:
Полно петь песню военну, снигирь!
Бранна музы́ка днесь не забавна,
Слышен отвсюду томный вой лир;
Львиного сердца, крыльев орлиных
Нет уже с нами! — что воевать?

1800

ТОНЧИЮ

Бессмертный Тончи! ты мое
Лицо в том, слышу, пишешь виде,
В каком бы мастерство твое
В Омире древнем, Аристиде,
Сократе и Катоне ввек
Потомков поздных удивляло;
В сединах лысиной сияло,
И в нем бы зрелся человек.

Но лысина или парик,
Но тога иль мундир кургузый
Соделали, что ты велик?
Нет! философия и музы,—
Они нас славными творят.
О! если б осенял дух правый
И освещал меня луч славы,—
Пристал бы всякий мне наряд.

Так, живописец-филосо́ф!
Пиши меня в уборах чудных,
Как знаешь ты; но лишь любовь
Увековечь ко мне премудрых.
А если слабости самим
И величайшим людям сродны,
Не позабудь во мне подобны,
Чтоб зависть улыбалась им.

Иль нет, ты лучше напиши
Меня в натуре самой грубой;
В жестокий мраз с огнем души,
В косматой шапке, скутав шубой;

Чтоб шел, природой лишь водим,
Против погод, волн, гор кремнистых,
В знак, что рожден в странах я льдистых,
Что был прапращур мой Багрим.

Не испугай жены, друзей,
Придай мне нежности немного:
Чтоб был я ласков для детей,
Лишь в должности б судил всех строго;
Чтоб жар кипел в моей крови,
А очи мягкостью блистали;
Красотки бы по мне вздыхали
Хоть в платонической любви.

1801

ШУТОЧНОЕ ЖЕЛАНИЕ

Если б милые девицы
Так могли летать, как птицы,
И садились на сучках,—
Я желал бы быть сучочком,
Чтобы тысячам девочкам
На моих сидеть ветвях.
Пусть сидели бы и пели,
Вили гнезды и свистели,
Выводили и птенцов;
Никогда б я не сгибался,—
Вечно ими любовался,
Был счастливей всех сучков.

1802

СВОБОДА

Теплой осени дыханье,
Помавание дубов,
Тихое листов шептанье,
Восклицанье голосов
Мне, лежащему в долине,
Наводили сладкий сон.

Видел я себя стоящим
На высоком вдруг холму,
На плоды вдали глядящим,
На шумящу близ волну;
И как будто в важном чине
Я носил на плечах холм.

Дальше: власти мне святые
Иго то велели несть,
Все венцы суля земные,
Титла, золото и честь.
«Нет! — восстав от сна глубока,
Я сказал им,— не хочу.

Не хочу моей свободы,
Совесть на мечты менять:
Гладки воды, коль погоды
Их не могут колебать.
Власть тогда моя высока,
Коль я власти не ищу».

1803

ЗИМА

Поэт

Что ты, Муза, так печальна,
Пригорюнившись, сидишь?
Сквозь окошечка хрустальна,
Склоча волосы, глядишь;
Цитры, флейты и скрыпицы
В белы руки не берешь;
Ни божественной Фелицы,
Ни Плениры не поешь?

Муза

Что мне петь? — Ах! где хариты?
И друзей моих уж нет!
Львов, Хемницер в гробе скрыты,
За Днепром Капнист живет.

Вельяминов, лир любитель,
Богатырь, певец в кругу,
Беззаботный света житель,
Согнут скорбями в дугу.

П о э т

Да! Фелицы нет, Плениры,
Нет харит и нет друзей:
Звук торжественныя лиры
Посвятишь кому твоей?
Посвятишь ли в честь ты Хлору
Иль Добраде в славу ты?
Труб у них не слышно хору,
Дни их тихи, как листы.

М у з а

Тот сидит всегда за делом,
Та покоит вдов, сирот;
В покрывале скромном, белом
Так Зима готовит плод.
Не видать ее работы,
Не слыхать ее машин;
Но по скуке — зрятся льготы,
И земля цветет, как крин.

П о э т

Между тем к нам, Вельяминов,
Ты приди хотя согбен,
Огнь разложим средь каминов,
Милых сердцу соберем;
И под арфой тихогласной,
Наливая алый сок,
Воспоем наш хлад прекрасный:
Дай Зиме здоровье, бог!

Зима 1803—1804

Л Е Б Е Д Ь

Необычайным я пареньем
От тленна мира отделюсь,
С душой бессмертною и пеньем,
Как лебедь, в воздух поднимусь.

В двояком образе нетленный,
Не задержусь в вратах мытарств;
Над завистью превознесенный,
Оставлю под собой блеск царств.

Да, так! Хоть родом я не славен,
Но, будучи любимец муз,
Другим вельможам я не равен
И самой смертью предпочтусь.

Не заключит меня гробница,
Средь звезд не превращусь я в прах;
Но, будто некая девица,
С небес раздамся в голосах.

И се уж кожа, зрю, перната
Вкруг стан обтягивает мой;
Пух на груди, спина крылата,
Лебяжьей лоснюсь белизной.

Лечу, парю — и под собою
Моря, леса, мир вижу весь;
Как холм, он высится главою,
Чтобы услышать богу песнь.

С Курильских островов до Буга,
От Белых до Каспийских вод
Народы, света с полукруга,
Составившие россов род,

Со временем о мне узнают:
Славяне, гунны, скифы, чудь,
И все, что бранью днесь пылают,
Покажут перстом — и рекут:

«Вот тот летит, что, строя лиру,
Языком сердца говорил
И, проповедуя мир миру,
Себя всех счастьем веселил».

Прочь с пышным, славным погребеньем,
Друзья мои! Хор муз, не пой!
Супруга! облекись терпеньем!
Над мнимым мертвецом не вой.

1804

ЦЫГАНСКАЯ ПЛЯСКА

Возьми, египтянка, гитару,
Ударь по струнам, восклицай;
Исполнясь сладострастна жару,
Твоей всех пляской восхищай.
Жги души, огнь бросай в сердца
От смуглого лица.

Неистово, роскошно чувство,
Нерв трепет, мление любви,
Волшебное зараз искусство
Вакханок древних оживи.
Жги души, огнь бросай в сердца
От смуглого лица.

Как ночь — с ланит сверкай зарями,
Как вихорь — прах плащом сметай,
Как птица — подлетай крылами
И в длани с визгом ударяй.
Жги души, огнь бросай в сердца
От смуглого лица.

Под лесом нощию сосновым,
При блеске бледныя луны,
Топоча по доскам гробовым,
Буди сон мертвой тишины.
Жги души, огнь бросай в сердца
От смуглого лица.

Да вопль твой *эвоа!* ужасный,
Вдали мешаясь с воем псов,
Лиет повсюду гулы страшны,
А сластолюбию — любовь.
Жги души, огнь бросай в сердца
От смуглого лица.

Нет, стой, прелестница! довольно,
Муз скромных больше не страши;
Но плавно, важно, благородно,
Как русска дева, пропляши.
Жги души, огнь бросай в сердца
И в нежного певца.

1805

РАДУГА

Взглянь, Апеллес! взглянь в небеса!
В сумрачном облаке там,
Видишь, какая из лент полоса,
Огненна ткань блещет очам,
Склонясь над твоею главою
Дугою!

Пурпур, лазурь, злато, багрянец,
С зеленью тень, слиясь с серебром,
Чудный, отливный, блещущий глянец
Сыплют вокруг, тихим лучом
Зениц к утешенью сияют,
Пленяют!

Где красота, блеск разноцветных
Камней драгих, светлость порфир,
Прелести красок ярких, несметных,
Чем завсегда славится мир,
Чем могут монархи хвалиться,
Светиться?

О Апеллес! взявши орудье,
Кисти свои, дерзкой рукой
С разных цветов вмиг полукружье
Сделай, составь твердой чертой,—
Составь — и сзови зреть Афины
Картины.

Нет, изограф! — хоть превосходишь
Всех мастерством дивным твоим,
Вижу, что средств ты не находишь
С мастером в том спорить таким,
Чей взгляд всё один образует,
Рисует.

Только одно солнце лучами
В каплях дождя, в дол отразясь,
Может писать сими цветами,
В мраке и мгле вечно светясь.
Умей подражать ты ему,
Лей свет в тьму.

Зри, как оно лишь отвращает
Светлый свой взор с облака вспять,
Живость цветов вмиг исчезает,
Краски картин тмятся опять:
Беги ты такого труда
От стыда.

Может ли кто в свете небесном
Чтиться равно солнцу тому,
В сердце моем мрачном, телесном
Что, озарив тяжкую тьму,
Творит его радугой мира?
Пой, лира!

Бога воспой, смелым пареньем
Чистого внутрь сердца взноси
Дух мой к нему утренним пеньем,
Чтобы творец, вняв с небеси,
Влиял чувств моих в глубину
Тишину.

Светлая чтоб радуга мира,
В небе явясь в цвете зарей,
Стала в залог тихих дней мира,
К счастью всех царств и царей.
Он всех их один просветит,
Примирит.

1806

ЕВГЕНИЮ.
ЖИЗНЬ ЗВАНСКАЯ

Блажен, кто менее зависит от людей,
Свободен от долгов и от хлопот приказных,
Не ищет при дворе ни злата, ни честей
И чужд сует разнообразных!

Зачем же в Петрополь на вольну ехать страсть,
С пространства в тесноту, с свободы за затворы,
Под бремя роскоши, богатств, сирен под власть
И пред вельможей пышны взоры?

Возможно ли сравнять что с вольностью златой,
С уединением и тишиной на Званке?
Довольство, здравие, согласие с женой,
Покой мне нужен — дней в останке.

Восстав от сна, взвожу на небо скромный взор;
Мой утренюет дух правителю вселенной;
Благодарю, что вновь чудес, красот позор
Открыл мне в жизни толь блаженной.

Пройдя минувшую и не нащедши в ней,
Чтоб черная змия мне сердце угрызала,
О! коль доволен я, оставил что людей
И честолюбия избег от жала!

Дыша невинностью, пью воздух, влагу рос,
Зрю на багрянец зарь, на солнце восходяще,
Ищу красивых мест между лилей и роз,
Средь сада храм жезлом чертяще.

Иль, накормя моих пшеницей голубей,
Смотрю над чашей вод, как вьют под небом круги;
На разноперых птиц, поющих средь сетей,
На кроющих, как снегом, луги.

Пастушьего вблизи внимаю рога зов,
Вдали тетеревей глухое токованье,
Барашков в воздухе, в кустах свист соловьев,
Рев крав, гром жолн и коней ржанье.

На кровле ж зазвенит как ласточка, и пар
Повеет с дома мне манжурской иль левантской,
Иду за круглый стол: и тут-то раздобар
О снах, молве градской, крестьянской;

О славных подвигах великих тех мужей,
Чьи в рамах по стенам златых блистают лицы
Для вспоминанья их деяний, славных дней,
И для прикрас моей светлицы,

В которой поутру иль ввечеру порой
Дивлюся в Вестнике, в газетах иль журналах,
Россиян храбрости, как всяк из них герой,
Где есть Суворов в генералах!

В которой к госпоже, для похвалы гостей,
Приносят разные полотна, сукна, ткани,
Узорны образцы салфеток, скатертей,
Ковров, и кружев, и вязани.

Где с скотен, пчельников, и с птичников прудов
То в масле, то в сотáх зрю злато под ветвями,
То пурпур в ягодах, то бархат-пух грибов,
Сребро, трепещуще лещами.

В которой, обозрев больных в больнице, врач
Приходит доносить о их вреде, здоровье,
Прося на пищу им: тем с пóливкой калач,
А тем лекарствица, в подспорье.

Где также иногда по палкам, по костям
Усастый староста иль скопидом брюхатый
Дают отчет казне, и хлебу, и вещам,
С улыбкой часто плутоватой.

И где, случается, художники млады
Работы кажут их на древе, на холстине
И получают в дар подачи за труды,
А в час и денег по полтине.

И где до ужина, чтобы прогнать как сон,
В задоре иногда, в игры зело горячи,
Играем в карты мы, в ерошки, в фараон,
По грошу в долг и без отдачи.

Оттуда прихожу в святилище я муз,
И с Флакком, Пиндаром, богов восседши в пире,
К царям, к друзьям моим иль к небу возношусь
Иль славлю сельску жизнь на лире.

Иль в зеркало времен, качая головой,
На страсти, на дела зрю древних, новых веков,
Не видя ничего, кроме любви одной
К себе и драки человеков.

«Все суета сует! — я, воздыхая, мню,
Но, бросив взор на блеск светила полудневна,—
О, коль прекрасен мир! Что ж дух мой бременю?
Творцом содержится вселенна.

Да будет на земли и в небесах его
Единого во всем вседействующа воля!
Он видит глубину всю сердца моего,
И строится моя им доля».

Дворовых между тем, крестьянских рой детей
Сбирается ко мне не для какой науки,
А взять по нескольку баранок, кренделей,
Чтобы во мне не зрели буки.

Письмоводитель мой тут должен на моих
Бумагах мараных, пастух как на овечках,
Репейник вычищать,— хоть мыслей нет больших,
Блестят и жу́чки в епанечках.

Бьет полдня час, рабы служить к столу бегут;
Идет за трапезу гостей хозяйка с хором.
Я озреваю стол — и вижу разных блюд
Цветник, поставленный узором.

Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь — икра, и с голубым пером
Там щука пестрая — прекрасны!

Прекрасны потому, что взор манят мой, вкус;
Но не обилием иль чуждых стран приправой,
А что опрятно все и представляет Русь:
Припас домашний, свежий, здравый.

Когда же мы донских и крымских кубки вин,
И липца, воронка́ и чернопенна пива
Запустим несколько в румяный лоб хмелин,—
Беседа за сластьми шутлива.

Но молча вдруг встаем: бьет, искрами горя,
Древ русских сладкий сок до подвенечных бревен;
За здравье с громом пьем любезного царя.
Цариц, царевичей, царевен.

Тут кофе два глотка; схрапну минут пяток;
Там в шахматы, в шары иль из лука стрелами,
Пернатый к потолку лаптой мечу леток
И тешусь разными играми.

Иль из кристальных вод, купален, между древ,
От солнца, от людей под скромным осененьем,
Там внемлю юношей, а здесь плесканье дев,
С душевным неким восхищеньем.

Иль в стекла оптики картинные места
Смотрю моих усадьб; на свитках грады, ца́рства,
Моря, леса,— лежит вся мира красота
В глазах, искусств через коварства.

Иль в мрачном ф̆онаре любуюсь, звезды зря
Бегущи в тишине по синю волн стремленью:
Так солнцы в воздухе, я мню, текут горя,
Премудрости ко прославленью.

Иль смотрим, как вода с плотины с ревом льет
И, движа ма́шину, древа на доски делит;
Как сквозь чугунных пар столпов на воздух бьет,
Клокоча огнь, толчет и мелет.

Иль любопытны, как бумажны руны волн
В лотки сквозь игл, колес, подобно снегу, льются
В пушистых локонах, и тьмы вдруг веретен
Мариины рукой прядутся.

Иль как на лен, на шелк цвет, пестрота и лоск,
Все прелести, красы берутся с поль царицы;
Сталь жесткая, глядим, как мягкий, алый воск,
Куется в бердыши милицы.

И сельски ратники как, царства став щитом,
Бегут с стремленьем в строй во рыцарском убранстве,
«За веру, за царя мы,— говорят,— помрем,
Чем у ф̆ранцузов быть в подда́нстве».

Иль в лодке вдоль реки, по брегу пеш, верхом,
Качусь на дрожках я соседей с вереницей;
То рыбу у́дами, то дичь громим свинцом,
То зайцев ловим псов станицей.

Иль стоя внемлем шум зеленых, черных волн,
Как дерн бугрит соха, злак трав падет косами,
Серпами злато нив,— и, ароматов полн,
Порхает ветр меж нимф̆ рядами.

Иль смотрим, как бежит под черной тучей тень
По ко́пнам, по снопам, коврам желто-зеленым
И сходит солнышко на нижнюю степень
К холмам и рощам сине-темным.

Иль, утомясь, идем скирдов, дубов под сень;
На бреге Волхова разводим огнь дымистый;
Глядим, как на воду ложится красный день,
И пьем под небом чай душистый.

Забавно! в тьме челнов с сетьми как рыбаки,
Ленивым строем плыв, страшат тварь влаги стуком;
Как парусы суда и лямкой бурлаки
Влекут одним под песнью духом.

Прекрасно! тихие, отлогие брега
И редки холмики, селений мелких полны,
Как, полосаты их клоня поля, луга,
Стоят над током струй безмолвны.

Приятно! как вдали сверкает луч с косы
И эхо за́ лесом под мглой гамит народа,
Жнецов поющих, жниц полк и́дет с полосы,
Когда мы едем из похода.

Стекл заревом горит мой храмовидный дом,
На гору желтый всход меж роз осиявая,
Где встречу водомет шумит лучей дождем,
Звучит музы́ка духовая.

Из жерл чугунных гром по праздникам ревет;
Под звездной молнией, под светлыми древами
Толпа крестьян, их жен вино и пиво пьет,
Поет и пляшет под гудками.

Но скучит как сия забава сельска нам,
Внутрь дома тешимся столиц увеселеньем;
Велим талантами родных своих детя́м
Блистать: музы́кой, пляской, пеньем.

Амурчиков, харит плетень иль хоровод,
Заняв у Талии игру и Терпсихоры,
Цветочные венки пастух пастушке вьет,
А мы на них и пялим взоры.

Там с арфы звучныя порывный в души гром,
Здесь *тихогрома* с струн смягченны, плавны тоны
Бегут,— и в естестве согласия во всем
Дают нам чувствовать законы.

Но нет как праздника, и в будни я один,
На возвышении сидя столпов перильных,
При гуслях под вечер, челом моих седин
Склонясь, ношусь в мечтах умильных;

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?
Мимолетящи суть все времени мечтаньи:
Проходят годы, дни, рев морь, и бурей шум,
И всех зефиров повеваньи.

Ах! где ж, ищу я вкруг, минувший красный день?
Победы слава где, лучи Екатерины?
Где Павловы дела? — Сокрылось солнце,— тень!..
Кто весть и впредь полет орлиный?

Вид лета красного нам Александров век;
Он сердцем нежных лир удобен двигать струны;
Блаженствовал под ним в спокойстве человек,
Но мещет днесь и он перуны.

Умолкнут ли они? — Сие лишь знает тот,
Который к одному концу все правит сферы;
Он перстом их своим, как строй какой ведет,
Ко благу общему склоняя меры.

Он корни помыслов, он зрит полет всех мечт
И поглумляется безумству человеков:
Тех освещает мрак, тех помрачает свет,
И днешних и грядущих веков.

Грудь россов утвердил, как стену, он в отпор
Темиру новому под Пультуском, Прейсш-лау;
Младых вождей расцвел победами там взор
И скрыл орла седого славу.

Так самых светлых звезд блеск меркнет от нощей.
Что жизнь ничтожная? Моя скудельна лира!
Увы! и даже прах спахнет моих костей
Сатурн крылами с тленна мира.

Разрушится сей дом, засохнет бор и сад,
Не воспомянется нигде и имя Званки;
Но сов, сычей из дупл огнезеленый взгляд
И разве дым сверкнет с землянки.

Иль нет, Евгений! ты, быв некогда моих
Свидетель песен здесь, взойдешь на холм тот страшный,
Который тощих недр и сводов внутрь своих
Вождя, волхва гроб кроет мрачный,

От коего, как гром катается над ним,
С булатных ржавых врат и сбруи медной гулы
Так слышны под землей, как грохотом глухим,
В лесах трясясь, звучат стрел тулы.

Так, разве ты, отец! святым твоим жезло́м
Ударив об доски, заросши мхом, железны,
И свитых вкруг моей могилы змей гнездом
Прогонишь — бледну зависть — в бездны.

Не зря на колесо веселых, мрачных дней,
На возвышение, на пониженье счастья,
Единой правдою меня в умах людей
Чрез Клии воскресишь согласья.

Так, в мраке вечности она своей трубой
Удобна лишь явить то место, где отзывы
От лиры моея шумящею рекой
Неслись чрез холмы, долы, нивы.

Ты слышал их,— и ты, будя твоим пером
Потомков ото сна, близ Севера столицы,
Шепнешь вслух страннику, вдали как тихий гром:
«Здесь бога жил певец,— Фелицы».

1807

ПРИЗНАНИЕ

Не умел я притворяться,
На святого походить,
Важным саном надуваться
И философа брать вид;
Я любил чистосердечье,
Думал нравиться лишь им,
Ум и сердце человечье
Были гением моим.
Если я блистал восторгом,
С струн моих огонь летел,
Не собой блистал я — богом;
Вне себя я бога пел.
Если звуки посвящались
Лиры моея царям,—
Добродетельми казались
Мне они равны богам.
Если за победы громки
Я венцы сплетал вождям,—
Думал перелить в потомки
Души их и их детям.
Если где вельможам властным
Смел я правду брякнуть вслух,—
Мнил быть сердцем беспристрастным
Им, царю, отчизне друг.
Если ж я и суетою
Сам был света обольщен,—
Признаюся, красотою
Быв плененным, пел и жен.
Словом: жег любви коль пламень,
Падал я, вставал в мой век.
Брось, мудрец! на гроб мой камень,
Если ты не человек.

1807

* * *

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.

А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.

6 июля 1816

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящий том включены наиболее значительные сочинения русских поэтов XVIII века. Все произведения, публикуемые в томе, печатаются полностью, без сокращений. Исключение составляет поэма «Россиада» М. Хераскова, которая ввиду ее большого объема представлена в томе лишь первой песней.

Произведения каждого поэта большей частью печатаются в жанрово-хронологическом порядке по текстам наиболее авторитетных научных изданий русской поэзии XVIII века — с дополнительной сверкой текстов по последним прижизненным изданиям, а если они при жизни авторов не переиздавались — по первым публикациям.

Текст сочинений поэтов XVIII века воспроизводится по современным нормам орфографии и пунктуации за исключением тех случаев, когда встречается необходимость сохранения особенностей правописания, имеющих произносительное значение.

Под каждым произведением указывается дата его написания. Если дата написания неизвестна, сообщается год публикации или год, не позднее которого произведение могло быть написано. Когда прямых и точных данных нет, сообщается приблизительное время написания в пределах десятилетия.

А. КАНТЕМИР

Антиох Дмитриевич Кантемир (1708—1744) — поэт-сатирик. Родился в Молдавии в семье молдавского господаря. Отец Кантемира, задавшись целью освободить Молдавию от турецкого ига, вступил в тайные переговоры с Петром I. После неудачного Прутского похода (1711 г.) семья Кантемиров переселилась в Россию.

Первоначальное образование Кантемир получил дома под руководством бывшего воспитанника Славяно-греко-латинской академии Ивана Ильинского, пробудившего у мальчика интерес к виршевой поэзии. Позже

брал уроки у профессоров и преподавателей Петербургской Академии наук. Был разносторонне образован, знал древние и новые европейские языки. Служил в Преображенском гвардейском полку.

В годы реакции, после смерти Петра I, защищает его преобразования. С этой целью пишет сатиру «На хулящих учения» (1729). Был замечен Феофаном Прокоповичем и принят в его «Ученую дружину». Вместе с Феофаном Прокоповичем помогал Анне Иоанновне в ее борьбе с «верховниками», стремившимися ограничить в свою пользу власть новой императрицы (1730 г.). Однако вследствие происков тайных и явных недоброжелателей не получил за это ни наград, ни повышения в чине.

В 1732 году был направлен послом в Англию, а в 1738 году переведен в той же должности во Францию. Это была своего рода почетная ссылка писателя-сатирика. На дипломатической службе Кантемир зарекомендовал себя умным, дальновидным политиком. За границей не прекращает литературную деятельность. Вслед за пятью сатирами, написанными в России, пишет еще четыре сатиры. Однако при жизни писателя его сатиры так и не были напечатаны. Умер во Франции.

Лучшими литературными произведениями Кантемира являются его девять сатир, впервые напечатанные в России в 1762 году. Кроме того, ему принадлежат басни, эпиграммы, переводы из Анакреона, Горация, Буало, а также неоконченная поэма о Петре I «Петрида». В истории русского просвещения заметную роль сыграл его перевод книги Фонтенеля «Разговоры о множестве миров», пропагандировавшей гелиоцентрическую систему Коперника. Интересен труд Кантемира по теории стиха («Письмо Харитона Макентина»), в котором он отстаивает слегка усовершенствованную им силлабическую систему.

Кантемир сопровождал предназначавшиеся для издания сочинения обширными примечаниями. Он писал: «Примечания к совершенному понятию моего намерения служат».

Произведения А. Кантемира печатаются по изданию: А. Кантемир, Собрание стихотворений (Библиотека поэта. Большая серия), «Советский писатель», Л. 1956.

САТИРЫ

Сатира I. На хулящих учения. К уму своему (стр. 65).— Написана в 1729 году во время реакции, наступившей после смерти Петра I. Направлена против невежественных гонителей наук и образования.

Кантемир чаще всего дает своим сатирам двойное название. Первая часть заглавия указывает на объект сатиры, вторая — на собеседника автора. Обращаясь в первой сатире к собственному разуму, писатель подчеркивает тем самым свое одиночество во враждебной ему обстановке.

Стр. 66. *Мирскую в церковных власть руках лишну чают...*— мирскую власть считают лишней в руках церкви.

Стр. 67. *...песок да бумага...*— Песок употреблялся для просушивания чернил на бумаге.

Стр. 68. *Епископом хочешь быть...*— Кантемир имел здесь в виду конкретное лицо: ростовского архиепископа Георгия Дашкова (ум. в 1739 г.), мракобеса и реакционера.

Перук с узлами — парик, необходимый атрибут судьи.

Стр. 69. *Науку невежество местом уж посело...*— невежество вытеснило науку.

Стр. 70. *...сообщил Феофану, архиепископу Новгородскому...* — Феофан Прокопович (1681—1736) — видный церковный деятель, писатель, оратор, сподвижник Петра I.

...стихи... в начале книги приложены...— Кантемир намеревался в намечаемом им сборнике сатир поместить в начале книги стихи Феофана Прокоповича и Ф. Кролика (видного церковного деятеля, сподвижника Феофана Прокоповича), посвященные автору сатир. Книга была издана после смерти Кантемира.

Стр. 73. *...Гораций... говорит в... стихах своего V письма, I книги...*— Письмами Кантемир называет «Послания» римского поэта Флакка Квинта Горация (65—8 гг. до н. э.).

Сатира II. На зависть и гордость дворян злонравных. Филарет и Евгений (стр. 76).

Стр. 76. *Задумчив, как тот, что, чин патриарш достати...*— Намек на ростовского архиепископа Георгия Дашкова (см. выше), который, стремясь стать патриархом, подкупал влиятельных лиц, одаривая их лошадьми.

В рядах — в торговых рядах.

Стр. 77. *...кто с подовыми горшком истер плечи...*— Имеется в виду А. Д. Меншиков (1673—1729) — сподвижник Петра I, в детстве торговавший подовыми пирогами.

Гербовники — книги с изображением, а также подробным описанием дворянских гербов.

Книгу родословную...— книгу с описанием родословной старинных дворянских фамилий.

Стр. 78. *...вершенных...* — совершенных дел.

Стр. 79. *Иной правду весил тих, бегая обиды* — то есть справедливо судил, избегая причинять обиду.

Стр. 80. *Ущербя пожитки* — растрачивая свое имущество.

Стр. 81. *Четверобочник* — каре, воинский строй, имеющий форму квадрата.

Стр. 82. *Перун* — бог грома и молнии у древних славян, здесь: гром и молния.

...званий...— названий.

Писана смерть — картина, изображающая чью-нибудь гибель.

Стр. 83. *Адамлевы чада* — люди, дети Адама.

Знать и лист и страницу — хорошо разбираться в законах.

Из нашего высосал весь он сок устава...— то есть в совершенстве изучил все отечественные законы.

Завидим врагу — вызывающий зависть у врагов.

Плоть в слуге твоей однолична...— тело слуги такое же, как и у тебя.

Стр. 84. *Над всем* — кроме всего.

Стр. 86. «*Синопсис русской истории*» — краткий очерк русской истории и истории Украины, изданный в Киеве в 1674 году, автором которого считается архимандрит Киево-Печерской лавры Иннокентий Гизель.

ПИСЬМА

Письмо II. К стихам моим (стр. 98).

Стр. 99. *Злонравного охраня имя весьма цело...* — не называя имени злонравного.

ИЗ АНАКРЕОНА

Пятьдесят пять стихотворений, переведенных Кантемиром, в действительности были написаны не Анакреоном, а его более поздними подражателями, о чем ни Кантемир, ни его современники еще не знали. Переводы были снабжены собственными комментариями Кантемира; некоторые из них приводятся ниже.

О своей полюбовнице (стр. 103).

Стр. 103. *...родийского искусства...*— «Родиянцы в старину были славны в искусстве живописном и в резании статуек. Родос есть один из... островов близ Малой Азии» (прим. А. Кантемира).

...отсущу...— отсутствующую.

И, буде воск...— «Древние писывали лица воском разных цветов» (прим. А. Кантемира).

Стр. 104. *Шипки с молоком смешавши...* — «Анакреонт хочет, чтоб нос полюбовницы был не красный, но румяный, так надобно разуметь шипки с молоком, понеже те красны, сие бело» (прим. А. Кантемира).

О любителях (стр. 105).— *В парфянских всяк мужей // По шапке может узнать.*— Жители Парфии (древнего государства в Западной Азии) носили остроконечные шапки.

В. ТРЕДИАКОВСКИЙ

Василий Кириллович Тредиаковский (1703—1769) — поэт, ученый-филолог. Родился в семье священника в Астрахани. Здесь же обучался у католических монахов «словесным наукам» на латинском языке. Самовольно оставил родительский дом и, добравшись до Москвы, поступил в Славяно-греко-латинскую академию. Спустя два года отправился за границу, слушал лекции в Сорбонне и Парижском университете. В 1730 году возвратился в Россию и в том же году издает перевод любовно-аллегорического романа Поля Тальмана «Езда в Остров Любви». В 1732 году назначен переводчиком со званием секретаря Академии наук.

В 1735 году печатает трактат «Новый и краткий способ к сложению российских стихов», положивший в России начало силлабо-тоническому стихосложению. В 1745 году получает звание профессора «латинския и российския элоквенции». В 1751 году печатает перевод философско-политического романа Джона Барклая «Аргенида».

Под давлением враждебного ему академического начальства вынужден был в 1759 году оставить Академию наук.

В 60-е годы на основе французского романа Фенелона «Похождения Телемака» создает эпическую поэму «Тилемахида», написанную «российским гекзаметром» (шестистопным дактилем).

Завершает перевод древней и новой истории Роллена-Кревье (всего тридцать томов). Умер в нищете.

Сочинения Тредиаковского печатаются по тексту издания: В. Тредиаковский, Избранные произведения (Библиотека поэта. Большая серия), «Советский писатель», М.— Л. 1963; басенка «Петух и жемчужина» — по тексту издания: В. Тредиаковский, Сочинения и переводы, т. I, СПб. 1772.

СТИХИ ИЗ РОМАНА «ЕЗДА В ОСТРОВ ЛЮБВИ»

Стихотворения взяты из романа французского писателя Поля Тальмана (1642—1712) «Le voyage à l'ile d'Amour» (1663), написанного прозой и стихами. В переводе Тредиаковского роман назывался «Езда в Остров Любви».

Сюжетная схема произведения сводится к тому, что Тирсис — главный герой романа — влюбляется в некую Аминту, пользуется некоторое время ее взаимностью, но затем узнает, что любовница ему изменила.

Желая избавить себя от превратностей любовной страсти, он начинает ухаживать одновременно за двумя красавицами — за Сильвией и Ирисой. В конце романа герой разочаровывается в женской любви и посвящает себя служению славе. Роман написан в условно-аллегорической

форме: каждой фазе любовного чувства героя соответствует некое условное место (остров Любви, пещера Жестокости и т. п.).

«Там сей любовник, мог ли ей который угодить...» (стр. 106).— Стихотворение связано с одним из кульминационных эпизодов книги: Тирсис видит свою возлюбленную в объятиях соперника. *Счастию небо чиня все зависно...*— заставляя небо завидовать своему счастью.

«Перестань противляться сугубому жару...» (стр. 106).— После измены Аминты Глазолюбность (кокетство) советует Тирсису влюбиться сразу в двух дев — Сильвию и Ирису. *Без свару* — без спора, без ссоры.

«Не кажи больше моей днесь памяти слабкой...» (стр. 107).— Разочаровавшись в любви, Тирсис начинает мечтать о славе. *Не кажи* — не доказывай. *Филис* — девчонок (от франц. fille).

СТИХИ НА РАЗНЫЕ СЛУЧАИ

Песенка, которую я сочинил, еще будучи в московских школах, на мой выезд в чужие краи (стр. 107).— Из второй части книги «Езда в Остров Любви» (1730); вторую часть книги составило собрание оригинальных стихотворений Тредиаковского, написанных на русском и французском языках (в первую часть вошел перевод романа Тальмана). *Знатны нам походы* — знакомы нам походы (здесь: морские). *Приставят* — приведут к пристани. *Морску скуку* — здесь: морскую болезнь. *Держись черней* — держись берега. *Знай штуку* — знай искусство (от польск. sztuka — искусство), здесь: лоцманское. *Стать отишно и не пышно* — стать в затишье со свернутыми парусами.

Описание грозы, бывшия в Гаге (стр. 108).— Из второй части книги «Езда в Остров Любви». *Полоса* — порыв ветра. *На небо глашают* — умоляют небо. *Столкай премену* — прогони грозу (перемени погоду).

Стихи похвальные Парижу (стр. 110).— Написано в 1728 году, когда Тредиаковский, будучи студентом, жил в Париже. *Берег Сенски* — берег Сены. *Лимфы* — чистая вода, влага (лат.). *Флейдузы* — флейты (франц.). *Все роды* — все народы.

Стихи похвальные России (стр. 110).— Написано в Париже. *В тебе не будет веры двойныя...*— в тебе не будет двух вероисповеданий. Этот стих содержит в себе намек на происки иезуитов, мечтавших подчинить русскую православную церковь католическому Риму.

Ода IV. Похвала Ижерской земле и царствующему граду Санктпетербургу (стр. 112).— Написано по случаю пятидесятилетия Петербурга, отмечавшегося в 1753 году.

Стр. 112. *Ижерская земля* — старинное название земель, прилегающих к Неве и Финскому заливу.

...блаженну Александру...— князю Александру Невскому (1220—1263), разбившему в 1240 году шведов на реке Неве. Был причислен к лику святых.

Лавра — монастырь, служащий одновременно крепостью. Здесь: Александро-Невская лавра.

Там почернил багряну ток Скамандру...— то есть битва на Неве была более кровопролитной, чем сражения на берегах Скамандра у стен Трои.

Авзонские — итальянские.

Батавский — голландский.

Долгий Лондон — здесь: большой, пространный Лондон.

Стр. 113. *Все сии цель есть шествий наших в них, // Желаний вещь, честное наше странство...*— все эти города есть цель наших путешествий, предмет желаний, наших бескорыстных странствований.

Явится им здесь мудрость по всему. // И из всего Петрова не в зерцале, // Санктпетербург не образ есть чему? — Явится им (иноземцам) здесь вся мудрость Петра не как отражение чужого: разве сам Петербург не образец для подражания?

...твой предел да сотворит — да сбудется твое предначертание.

Строфы похвальные поселянскому житию (стр. 113).— Вольное подражание второму эподу Горация.

Стр. 113. *Ябед он не знает* — не ходит по судам, не сутяжничает.

Стр. 115. *Сарра... Сусанна* — библейские героини, отличавшиеся добродетельным образом жизни.

Понтак — сорт французского вина.

ОДЫ ДУХОВНЫЕ

Парафразис вторыя песни Моисеевы (стр. 116).— Вольное переложение в стихах 32 главы пятой книги Моисея («Второзаконие») из Библии.

Стр. 116. *То мыслей призвано не в мрак...* — все это сказано не для помрачения мысли.

Колено — здесь: племя. Имеются в виду двенадцать племен, составляющих народ Израиля (б и б л.).

Стр. 117. *Не чада стали уж пороком!* — Сделавшись порочными, перестали быть детьми бога.

Доколе в помыслах ты шумен! — До каких пор ты будешь самонадеян в своих помыслах!

Иаков — библейский патриарх, от которого произошел, согласно Библии, еврейский народ (Израиль).

...был как странный — был как чужой, посторонний.

В пустыне всем его снабдил... и далее.— Имеется в виду сорокалетнее странствие евреев в Синайской пустыне после исхода из египетского плена (б и б л.).

Стр. 118. *...спас ему* — спаситель его.

Бесам пожерли — принесли жертвы бесам.

...тем, что не бог...— тем, что не почитали своего бога.

Народом их сломлю я рог, // Кой не народ, хотя и мног,// От глупых и людей бедою — сломлю высокомерие этого народа, который, хотя и многочислен, не может называться народом по вине глупых людей.

Стр. 119. *В произвол* — вволю.

С седым младенца при сосцах // Смерть люта в век изгладит — лютая смерть изгладит в веках память о всех, от мала до велика.

Когда б не для противных тех, // Которым бы не сбить в поспех, // Я в гневе коих сам убожу — когда б это не было в помощь врагам (Израиля), которых я сам разоряю.

Рукою мы свершили сею, // А не господь то все никак — это совершили мы своею рукою, а не господь.

Чтоб ныне налящй посметь,// И всё в руках уже иметь, // Что впредь велит он самовластно — чтоб сегодня же смогли сделать усилие и иметь в руках то, что он самовластно вам повелевает.

Стр. 120. *Розги* — здесь: виноградные лозы.

...покров пусть нанесут...— пусть окажут покровительство.

Стр. 121. *Срога* — свирепая, жестокая (от п о л ь с к. sroga).

БАСЕНКИ

Обе басенки переведены Тредиаковским «хореическим гекзаметром», то есть шестистопным хореем.

П е т у х и ж е м ч у ж и н а (стр. 122).— Сюжет восходит к басне Федра «Цыпленок и жемчужина».

В о р о н и Л и с и ц а (стр. 122).— Одна из басен Эзопа, переведенных Тредиаковским. Моралистическую часть басен Эзопа Тредиаковский не переводил. *...птицей почту тебя Зевсовою...* — то есть орлом (орел — один из атрибутов Зевса). *Надмен* — возгордясь. *Без сердца мех* — чучело.

М. ЛОМОНОСОВ

М и х а й л о В а с и л ь е в и ч Л о м о н о с о в (1711—1765) — гениальный ученый, поэт. Родился на Севере в деревне Мишанинской Архангельской губернии в семье государственного крестьянина-помора. Грамматика Мелетия Смотрицкого, арифметика Магницкого и «Псалтырь

рифмотворная» Симеона Полоцкого стали для Ломоносова «вратами учености». В 1730 году, против воли отца, девятнадцатилетний Ломоносов пешком добирается до Москвы и поступает в Славяно-греко-латинскую академию, выдав себя за дворянского сына.

Изучает здесь древние языки, труды античных авторов, ораторское искусство, виршевое стихосложение. В 1735 году был направлен в числе лучших учеников в Петербург для обучения в университете при Академии наук. В следующем году был послан в Германию, в город Марбург, для изучения горного дела и химии. Одновременно продолжаются филологические занятия Ломоносова. В 1739 году он присылает в Россию «Письмо о правилах российского стихотворства», в котором завершает начатую Тредиаковским реформу русского стихосложения. Вместе с письмом была прислана «Ода на взятие Хотина».

В 1741 году Ломоносов возвращается в Россию и поступает на службу в Академию наук, а в 1745 году получает звание профессора химии. Преодолевая рутину и откровенную вражду академического начальства, состоявшего в основном из немцев, Ломоносов развивает поистине титаническую научную деятельность, поражающую разнообразием интересов и плодотворностью результатов. Он занимается горным делом и металлургией, проблемой атомно-молекулярного строения вещества, теорией теплоты, астрономией и явлениями атмосферного электричества. Все эти многообразные исследования помогли Ломоносову сформулировать один из основных законов естествознания — закон сохранения вещества и движения.

При энергичном содействии Ломоносова в 1755 году был открыт Московский университет. В области теории словесности Ломоносову принадлежат такие работы, как «Риторика» (1748) — книга о теории ораторского и вообще поэтического искусства — и «Российская грамматика» (1755). В целях упорядочения литературного языка Ломоносов в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» (1757) предложил свою теорию «трех штилей».

Как поэт Ломоносов особенно прославился своими похвальными одами. Большое место в его творчестве занимает научная поэзия и стихотворные переложения псалмов. Им была задумана грандиозная поэма «Петр Великий» (успел написать только две песни).

Стихотворения М. В. Ломоносова печатаются по тексту издания: М. В. Ломоносов, Избранные произведения (Библиотека поэта. Большая серия), «Советский писатель», М.— Л. 1965.

ОДЫ ПОХВАЛЬНЫЕ

Ода... на взятие Хотина 1739 года (стр. 123).— Написана в Германии по случаю взятия русскими войсками 19 августа 1739 года турецкой крепости Хотин. Было взято в плен девяносто ты-

сяч турецких солдат во главе с Калчак-пашой, что решило исход всей кампании в пользу России.

Стр. 123. *Восторг внезапный* — поэтический восторг, вдохновенье.

...верьх горы высокой — Парнас.

...ключ молчит...— Имеется в виду Кастальский ключ.

...чистых сестр...— то есть муз.

Стр. 124. *...род отверженной рабы...*— Имеются в виду агаряне, к которым Ломоносов относит турок и татар. Отверженная раба — Агарь, рабыня и жена Авраама, изгнанная им вместе с ее сыном Измаилом. Измаил стал родоначальником агарян (б и б л.).

...за Тигр, Стамбул, своих заграбь...— Ломоносов предлагает Турции (Стамбулу) убрать свои войска за Тигр (реку в глубине Малой Азии). Заграбь — убери, переведи (д и а л е к т.).

...орлов сдержать полет...— то есть сдержать натиск русских войск (на гербе России был изображен двуглавый орел).

Стр. 125. *...для счастливой Анны...*— для императрицы Анны Иоанновны (1693—1740); правила с 1730 года.

Мурза — знатный человек, вельможа у восточных народов (т а т а р с к.). Здесь: военачальник турецких войск.

Взят купно свет и дух татарам...— татары лишились и света, и воинственного духа.

Лывы — овраги, поросшие кустарником (д и а л е к т.).

Магметов стыд — позор магометан.

Гоня врагов, Герой открылся.— Здесь и далее имеется в виду Петр I и его победы над турками, персами, шведами.

...к готфским... брегам...— Готфы (готы) — воинственное германское племя, жившее в начале нашей эры на острове Готланд в Балтийском море и на берегах нижней Вислы. Здесь имеются в виду берега Швеции.

Стр. 126. *Смиритель стран Казанских...* — царь Иван IV Грозный (1530—1584). Казань была взята в 1552 году.

Каспийски воды, сей при вас...— Здесь и далее речь идет о взятии Грозным Астрахани в 1556 году.

Селим — нарицательное имя татар.

Луна — символ магометанского мира (на гербе Турции изображен полумесяц и звезда).

Стр. 127. *Янычар твой свирепо злился...*— Речь идет о контратаке янычар, отбитой русскими войсками. Янычары — привилегированное войско турецких правителей, телохранители султанов.

Стр. 128. *Калчак* — Калчак-паша, возглавлявший войска, защищавшие крепость Хотин; был взят русскими в плен.

Оливы — символ мира у древних греков.

Где Вислы ток, где славный Рен... — Во время войны за Польское наследство в 1734 году был взят город Данциг, на Висле, после чего русские войска приблизились к Рейну (Рену).

...Дамаск, Каир, Алепп — крупные восточные города, бывшие под властью Турции.

Стр. 129. *Витийство, Пиндар, уст твоих // Тяжчае б Фивы обвинили...* — Жители древних Фив были недовольны, что их земляк Пиндар славил Афины. Пиндар (ок. 518—442 или 438 до н. э.) — греческий поэт, автор торжественных од и гимнов.

...заднестрской тать — татары, опустошавшие своими набегами украинские селения.

Стр. 130. *Седми пространных морь...*— Имеются в виду семь морей, омывающих берега Российской империи: Мурманское (Баренцово), Белое, Балтийское, Камчатское (Охотское), Каспийское, Азовское и Черное.

Ода на день восшествия... императрицы Елизаветы Петровны, 1747 года (стр. 130).— Поводом к написанию оды послужило утверждение нового устава и новых штатов Академии наук. Благодаря последнему обстоятельству ассигнования на нужды Академии наук увеличились вдвое. В оде нашли отражение основные черты общественной программы Ломоносова, в которой ведущее место занимали наука и просвещение.

Стр. 131. *...рая́...* — то есть ра́я.

Войне поставила конец... — Подразумевается мир в Або (1743 г.), положивший конец войне со Швецией.

Сей день и тот блаженный час.— Елизавета вступила на престол 25 ноября 1741 года.

Стр. 132. *Пламенные звуки* — шум войны.

Зиждитель мира — бог.

Стр. 133. *Завистливым отторжен роком...* — Петр I умер в год основания Академии наук (1725).

Екатерина — Екатерина I (1684—1727), жена Петра I, российская императрица с 1725 года.

Секвана — латинское название реки Сены.

Стр. 135. *Колумб Российский* — Витус Беринг (1681—1741), русский мореплаватель; возглавил экспедицию, изучавшую берега Дальнего Востока и Америки.

И се Минерва ударяет // В верьхи Рифейски копием... — Наука познает недра Уральских гор.

Стр. 136. *Платон* (ок. 247 — ок. 548 до н. э.) — греческий философ.

Невтон — Исаак Ньютон (1643—1727) — английский физик и математик.

ПОХВАЛЬНЫЕ НАДПИСИ

К статуе Петра Великого (стр. 136).— Отливка конной статуи Петра по проекту скульптора Карло Растрелли была закончена в 1746 году. Видимо, вскоре после этого и была создана Ломоносовым эта надпись. *Монаршу власть скрывал...*— Петр, скрывая свой сан, жил за границей в 1697—1698 годах под именем «волонтера» Петра Михайлова.

Надпись на иллуминацию, представленную... 1748 года сентября 5 дня... (стр. 137).— Надпись эта поясняла иллюминацию, которая 5 сентября 1748 года была устроена перед летним домом Петра I по случаю именин императрицы Елизаветы Петровны. Иллюминация изображала фонтан, по сторонам которого стояли храмы мира и войны. *...ты именем покой...*— Ломоносов произвольно сближает имя Елизаветы с Елизиумом, упомянутым в «Одиссее» Гомера — местом, где нет ни бурь, ни непогод.

ОДЫ ДУХОВНЫЕ

Преложение псалма 143 (стр. 137).— Стихотворный перевод 143 псалма царя Давида (Библия).

В 1743 году Ломоносов, Сумароков и Тредиаковский вступили между собой в своеобразное поэтическое состязание, предложив на суд читателей сделанное каждым из них стихотворное переложение 143 псалма. Ломоносов и Сумароков отстаивали в этом споре превосходство ямбических стоп над хореическими, а Тредиаковский уверял, что не метрика, а «изображение», «речи» поэта определяют эмоциональный строй стихотворения. Все три «переложения» были изданы отдельной книжкой, предисловие к которой написал Тредиаковский.

Жалобы псалмопевца на врагов-иноплеменников оказались для Ломоносова удобной формой для выражения возмущения по поводу засилья немцев в Академии наук.

Ода, выбранная из Иова (стр. 139).— Вольное переложение отрывка из книги Иова (Ветхий завет). Иов — библейский герой, которому бог, желая испытать его веру, послал лишения и болезни.

Стр. 141. *Левиафан* — фантастическое морское чудовище (библ.).

Утреннее размышление о божием величестве (стр. 142).— Философское стихотворение Ломоносова ставит вопросы о строении вселенной и выдвигает опережавшие время научные гипотезы.

Вечернее размышление о божием величестве при случае великого северного сияния (стр. 144).— В 1753 году в «Изъяснениях», сопровождавших «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих», Ломоносов писал:

«Ода моя о северном сиянии... содержит мое давнишнее мнение, что северное сияние движением эфира произведено быть может».

Стр. 144. *Там разных множество светов...*— Имеются в виду современные поэту научные теории о существовании множества населенных миров.

О, вы, которых быстрый зрак... и т. д.— Стихи обращены к ученым.

Стр. 145. *Иль тучных гор верьхи горят.*— Речь идет о гипотезе группы немецких ученых-натуралистов, утверждавших, что северные сияния происходят вследствие отражения огня исландского вулкана Геклы в движущихся на море северных льдах.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

«Я знак бессмертия себе возвигнул...» (стр. 145).— Перевод тридцатой оды Горация (книга III). *Авфид* — река в южной Италии, на родине Горация. *Давнус* (Давн) — легендарный царь Апулии, родины Горация. *Стихи эольски...* — Эолийцы — древнегреческое племя, давшее миру прославленных лириков Сафо, Алкея и др. *Альцейская лира* — лира поэта Алкея (конец VII — первая половина VI в. до н. э.).

«Ночною темнотою...» (стр. 146).— Перевод стихотворения, приписываемого Анакреону.

«Послушайте, прошу, что старому случилось...» (стр. 147).— Вольный перевод отрывка из басни французского баснописца Жана Лафонтена (1621—1695) «Le Meunier, son Fils et l'Ane» («Мельник, его Сын и Осел»).

«Женился Стил, старик без мочи...» (стр. 147).— Сумароков в трагедии «Гамлет» употребил слово «не тронута» в его психологическом значении: «И на супружню смерть не тронута взирала». Это выходило за рамки словоупотребления того времени и вызвало со стороны Ломоносова пародию.

«Бугристы берега, благоприятны влаги...» (стр. 148).— Большая часть слов этого стихотворения имеет в себе звук «г». Написано в связи со спорами о целесообразности введения двух особых знаков для взрывного и фрикативного «г». В отличие от Тредиаковского, Ломоносов считал достаточным в русском правописании одного знака и подобрал в своем стихотворении слова, в которых, по его мнению, трудно было определить взрывное или фрикативное «г». *Игрени, игреневый* — конская масть. *Гуроны* — племя североамериканских индейцев. *Геты* — готы. *Иготь* — ручная ступка. *Толпега* — грубый, невоспитанный человек (диалект.).

Гимн бороде (стр. 148).— Написание стихотворения вызвано усилением церковной цензуры и бесцеремонным вмешательством Синода

в область науки и образования. Одним из таких актов было запрещение Синодом в 1756 году книги А. Попа «Опыт о человеке» в переводе профессора Московского университета Н. Н. Поповского. Поповский был учеником Ломоносова.

«Гимн» вызвал гнев и возмущение Святейшего Синода, который требовал наказания Ломоносова и публичного сожжения самого стихотворения.

Стр. 149. *Борода в казне доходы // Умножает по вся годы...* — Со времени царствования Петра I за право носить бороду взимался налог.

Керженцам... — раскольникам. На берегах реки Керженец (приток Волги) находилось много раскольничьих скитов. Старообрядцы платили за право носить бороду двойную подушную подать.

В вечный пропустить покой // Безголовым с бородой. — Раскольники считали, что сбрившие бороду не попадут в царствие небесное.

Скачут в пламень суеверы... — Спасаясь от преследования светских и церковных властей, раскольники прибегали к массовому самосожжению.

Проказы — проказники.

Стр. 150. *Тупей* — хохол над лбом.

Кошельки — тафтяные мешочки, в которые франты складывали волосы, спускавшиеся с затылка.

...и крупичатой муки.— Крупичатая мука употреблялась как пудра для волос.

Разговор с Анакреоном (стр. 151).— Ломоносов перевел на русский язык четыре оды, приписываемые древнегреческому поэту Анакреону, и на каждое из них ответил своими стихотворениями. Номера од Анакреона даны в соответствии со старинным изданием сборника «Анакреонтика».

Стр. 153. *Сенека* Люций (3 г. до н. э.— 65 г. н. э.) — римский философ-стоик.

Катон Младший (95—46 гг. до н. э.) — римский республиканец, покончил самоубийством в знак протеста против узурпации власти в Риме Юлием Цезарем.

Стр. 154. *Зерном твой отнял дух приятной виноград...* — По преданию, Анакреон умер, подавившись виноградным зернышком.

Мастер в живописстве первый... — Греческий живописец Апеллес (IV в. до н. э.) родился на острове Кос, вблизи острова Родос.

Стр. 156. *И повели войнам престать.* — Имеется в виду Семилетняя война (1756—1763), в которой участвовала и Россия.

«Случились вместе два Астронома в пиру...» (стр. 156).— Стихотворение включено Ломоносовым в текст статьи «Явление Венеры на Солнце, наблюденное в Санктпетербургской Академии наук маия 26 дня 1761 года». Аргумент повара заимствован из книги французского писателя Сирано де Бержерака «Иной свет, или Государства и империи Луны».

«К у з н е ч и к д о р о г о й, к о л ь м н о г о т ы б л а ж е н...» (стр. 156). — Вольное переложение анакреонтического стихотворения «К цикаде». Написано во время настойчивых хлопот по делам Академического университета, для чего нужно было неоднократно ездить в Петергоф к императрице Елизавете, жившей там летом 1761 года.

«М ы ш ь н е к о г д а, л ю б я с в я т ы н ю...» (стр. 157).— Перевод начала басни Лафонтена «Le Rat qui s'est retiré du monde» («Крыса, отрешившаяся от мира»). Высмеивается лицемерный отказ монахов от соблазнов светской жизни.

А. СУМАРОКОВ

А л е к с а н д р П е т р о в и ч С у м а р о к о в (1717—1777) — драматург, поэт, один из главных теоретиков русского классицизма. Принадлежал к старинному дворянскому роду. Первоначальное образование получил дома, затем с 1732 до 1740 года обучался в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, привилегированном дворянском учебном заведении XVIII века. К этому времени относятся ранние литературные опыты Сумарокова — оды. После окончания кадетского корпуса находился на военной службе. В 1747 году вышла первая трагедия Сумарокова «Хорев», за ней последовали другие пьесы. Всего им написано девять трагедий и двенадцать комедий. С 1756 до 1761 года Сумароков был директором постоянного Российского театра в Петербурге.

В 1759 году издавал собственный журнал «Трудолюбивая пчела».

Последние годы жизни провел в большой нищете.

При жизни Сумароков более всего прославился своими трагедиями. Современники называли его «северным Расином». Сюжеты для своих трагедий Сумароков брал чаще всего из легендарной или полулегендарной русской истории. Написанные правильными александрийскими стихами, изобилующие длинными патетическими монологами, они потрясали зрителей драматической судьбой своих героев, в душе которых любовная страсть боролась с гражданским долгом. Наиболее смелой в политическом отношении была его тираноборческая трагедия «Дмитрий Самозванец».

Сумароков был чрезвычайно плодовитым писателем. Кроме драматических произведений его перу принадлежат оды, сатиры, притчи, песни, эпистолы и статьи, преимущественно теоретического характера. Сумароков имел многих учеников и последователей. Среди них Херасков, В. Майков, Княжнин. Полное собрание сочинений Сумарокова в десяти частях было издано в 1781—1782 годах Н. И. Новиковым.

Стихотворения А. Сумарокова печатаются по тексту изданий: А. П. С у м а р о к о в, Избранные произведения (Библиотека поэта. Большая серия), «Советский писатель», Л. 1957, и. А. П. С у м а р о к о в, Полное собрание всех сочинений, ч. 7 и 8, М. 1781.

ОДЫ ТОРЖЕСТВЕННЫЕ

Ода Е. И. В. всемилостивейшей государыне императрице Елисавете Петровне, самодержице Всероссийской, в 25 день ноября 1743 (стр. 158).

Стр. 158. *25 день ноября* — день, в который Елизавета Петровна в результате дворцового переворота в 1741 году вступила на престол.

Кровавый меч приял покой.— В 1743 году был заключен мир с Швецией.

Стр. 160. *Кир* (ок. 558—529 до н. э.) — древнеперсидский царь, присоединивший к Персии Вавилонское царство.

Се ищет Греция Елены // И вержет Илионски стены.— Имеется в виду Троянская война, начавшаяся, по преданию, из-за похищения гречанки Елены троянцем Парисом.

Июлий — Гай Юлий Цезарь (100—44 гг. до н. э.) — римский военный и политический деятель.

Похвальный греков главный царь... // Для мщения багрит олтарь. — Царь Агамемнон, желая умилостивить богов и вымолить у них победу над Троей, принес им в жертву свою дочь Ифигению.

Подвластен деве... — Имеется в виду богиня мудрости, дева-воительница Афина Паллада.

Стр. 161. *Белтских гор* — Скандинавских гор.

ЭПИСТОЛЫ

Эпистола о стихотворстве (стр. 164).— Вторая эпистола из книги А. Сумарокова «Две эпистолы». В первой эпистоле трактовались вопросы русского литературного языка.

Стр. 164. *Гудок* — старинная трехструнная скрипка.

Прадон Николай (1632—1698) — французский драматург, неудачно соперничавший с Расином.

Шапелен — Шаплен Жан (1595—1674) — бездарный французский поэт. Имена Прадона и Шаплена стали синонимами самодовольных бездарностей в искусстве.

Делафонтен — Лафонтен Жан (1621—1695) — знаменитый французский баснописец.

Феофан.— Имеется в виду Феофан Прокопович.

Стр. 165. *Пастушка за сребро и злато...* — пастушка вместо серебра и золота.

Стр. 166. *Плачевной музы глас* — голос печальной музы элегии (Евтерпы).

Ириса... Филиса — условные имена любовниц, часто встречающиеся во французской поэзии XVII — XVIII веков.

Не представляй двух действ... — Речь идет о так называемом единстве действия, не допускавшем в драматическом произведении двух параллельных сюжетных линий.

Стр. 168. *Афины и Париж, зря красну царску дщерь...* — то есть Ифигению, героиню одноименных трагедий Еврипида и Расина.

Не сделай трудности и местом мне своим... — В этом стихе и далее обосновывается принцип единства места, не допускавший перенесения действия из одного места в другое.

Трезенский князь — Ипполит, герой трагедии Расина «Федра», живший, по преданию, в городе Трезене.

Арисия — героиня той же трагедии.

Сын Андромахин — Астианакс (или Скамандрий). Имеется в виду трагедия Расина «Андромаха», содержание которой и пересказывается далее.

Пирр — герой этой же пьесы, царь, влюбленный в плененную греками Андромаху.

Богинин сын — Ахилл, сын богини Фемиды.

Стр. 169. *Клитемнестрин плод* — дочь Клитемнестры Ифигения.

Нерон прекрасную Июнью похищает... — Император Нерон и Юния — герои трагедии Расина «Британик», содержание которой и пересказывается ниже.

Мониме за любовь приносится отрава.— Монима, героиня трагедии Расина «Митридат», была отравлена отцом своего возлюбленного — царем Митридатом.

«*Аталья*» — пьеса Расина, считалась лучшей из его трагедий.

«*Меропа*» *без любви тронула всех сердца.*— В трагедии «Меропа» Вольтер отказался от канонического любовного сюжета.

«*Альзира*» — трагедия Вольтера «Альзира, или Американцы».

Мольеров «Лицемер»... — Имеется в виду пьеса Мольера «Тартюф, или Обманщик».

Ерго — итак, следовательно (от л а т. ergo).

«*Рест!*» — Этим словом игрок объявлял, что он идет «ва-банк».

Стр. 170. *...свои в сатирах правы...* — свои правила в сатирах.

Стр. 171. *Смешных геройческих поэм* — герои-комических поэм.

Сонет, рондо, баллад — во французской поэзии эпохи классицизма названия лирических стихотворений, отличавшихся строго выдержанной изощренной формой.

Стр. 173. *Штивелиус* — имя бездарного ученого, педанта, встречавшееся в немецкой литературе XVIII века. Сумароков под этим именем подразумевает Тредиаковского.

Страстям ругался — издевался над низкими страстями.

ЭЛЕГИИ

«Страдай, прискорбный дух. Терзайся, грудь моя!..» (стр. 178).

Стр. 178. *Эдемским... вертоградом* — райским садом.

Стр. 179. *И, взяв у ней кинжал...* — Кинжал — одна из эмблем трагедии.

И окончаю жизнь я прежнею забавой... — умираю от того, что было прежде моим удовольствием.

Орестова сестра — Электра, героиня одноименной трагедии греческого драматурга Софокла (ок. 497—406 до н. э.).

Альцеста — Алкеста, героиня одноименной трагедии греческого драматурга Еврипида.

Аристофан (ок. 446 — ок. 385 до н. э.) — греческий комедиограф.

Плавт Тит Макций (род. в середине III в.— ум. ок. 184 до н. э.) и *Теренций* — Теренций Публий (ок. 185—159 до н. э.) — римские комедиографы.

САТИРЫ

О благородстве (стр. 180).

Стр. 181. *Перикл* (ок. 490—429 до н. э.) и *Алькивияд* — Алкивиад (ок. 450—404 до н. э.) — известные политические деятели в Афинах.

Фридерик — Фридрих II (1712—1786) — прусский король с 1740 года.

Петрополь — Петербург.

Екатерина — Екатерина II (1729—1796), российская императрица с 1762 года.

Стр. 182. *Сей Павла воспитал...* — Никита Иванович Панин (1718—1783), воспитатель Павла I.

С Спиридовым... — Григорий Андреевич Спиридов (1713—1790) — адмирал, участник победоносной Чесменской битвы (1770 г.), в которой был сожжен турецкий флот.

Орловы — Алексей Григорьевич (1737—1803), главнокомандующий русским флотом в 1770 году, фаворит Екатерины II, и его брат Федор Григорьевич (1741—1796).

Голицын Александр Михайлович (1718—1783) — крупный военный деятель, участник русско-турецкой войны 1768—1774 годов.

Румянцев Петр Александрович (1725—1796) — полководец, в русско-турецкой войне 1768—1774 годов командовал 1-й действующей армией.

Тюренн Анри (1611—1675) — французский военачальник.

Панин Петр Иванович (1721—1789) — выдающийся военный дея-

тель, под его руководством в 1770 году были взяты турецкие крепости Бендеры и Аккерман.

Мальборуг — Мальборо Джон Черчиль (1650—1722) — английский политический и военный деятель.

Еропкин Петр Дмитриевич (1724—1805) — главнокомандующий московским гарнизоном.

И силу дерзкия Мегеры он отъемлет.— Еропкин руководил подавлением «чумного бунта» 1771 года.

От Августа... — Октавиан Август (63 г. до н. э.— 14 г. н. э.) — римский император.

ПРИТЧИ

Жуки и Пчелы (стр. 183).— *Они работают, а вы их труд ядите...* — Эта фраза стала крылатой, после того как Н. И. Новиков поместил ее в качестве эпиграфа к своему сатирическому журналу «Трутень» (1769). *Патока* — мед.

Безногий солдат (стр. 183).— *Все дни ей пятница была и середа...* — Среда и пятница — постные дни, установленные церковью. *Из ряды...* — по условию, по договору о плате.

Болван (стр. 184) — переделка басни Лафонтена «Les Grenouilles qui demandent un Roi» («Лягушки, просящие короля»), восходящей к басне Эзопа «Лягушки».

Лисица и Статуя (стр. 186).— *Елизавета Васильевна Хераскова* — писательница, жена поэта М. М. Хераскова.

Пир у Льва (стр. 187).— Сюжет заимствован из басни Лафонтена «La Cour du Lion» («Двор Льва»). *И вместо портупей имеют кушаки...* — то есть вместо перевязи для шпаги (привилегия дворянства) носят кушаки (признак купеческого сословия).

Сатир и гнусные люди (стр. 189).— Под гнусными людьми (они же пастухи) подразумеваются дворяне, владеющие стадом, то есть крестьянами. Последние два стиха Н. И. Новиков использовал как эпиграф к журналу «Трутень» (1770).

Шалунья (стр. 191).— *Я еду делать кур* — игра слов, во французском языке «faire une cure» означает лечиться, а «faire la cour» — ухаживать, волочиться.

СКАЗКИ

Сказка I (стр. 192).— Сказками в поэтике классицизма назывались стихотворные рассказы шутливого, иногда фривольного содержания. *Камка* — шелковая цветная ткань с узорами. *Бострок* — женская стеганая одежда.

ЭПИГРАММЫ

«Не вознесемся мы великими чинами...» (стр. 194).— *Локк* Джон (1632—1704) — английский философ-сенсуалист. *Ни конь Калигулин...* — Римский император Гай Цезарь Калигула (12—41 гг.), прославившийся своей жестокостью и сумасбродством, назначил своего коня консулом и ввел его в Сенат.

ПЕСНИ

«Если девушки метрессы...» (стр. 201).— Н. И. Новиков в своем издании сочинений Сумарокова печатал это стихотворение в разделе «Песни театральные». *Метрессы* — госпожи; здесь: любовницы. *Мурины* — мавры.

ПАРОДИИ

Ода вздорная II (стр. 201).— Пародия на стиль торжественных од Ломоносова.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Справка (стр. 202).— Стихотворение пародирует стиль канцелярских документов XVIII века.

Расставание с музами (стр. 203).— Написано по поводу запрещения правительством журнала «Трудолюбивая пчела» в связи с нападками Сумарокова на придворную клику (1759 г.).

Жалоба (стр. 203). — *Во Франции сперва стихи писал мошейник...* — поэт Франсуа Вийон (XV в.). *И заслужил себе... ошейник...* — то есть петлю; Ф. Вийон был приговорен к повешению.

В. МАЙКОВ

Василий Иванович Майков (1728—1778) родился в семье ярославского помещика. Детство провел в усадьбе отца. Учился в Петербургской академической гимназии, но не закончил ее. Служил в Семеновском гвардейском полку. Был близок к Сумарокову и разделял его литературные вкусы. С 1762 года печатался в журналах, редактировавшихся Херасковым.

В 1767—1768 годах был секретарем в Комиссии по составлению уложения, а в 1770 году назначен прокурором Военной коллегии. На 60-е—начало 70-х годов падает наиболее плодотворный период литературной деятельности Майкова. В это время им были написаны оды, басни, посла-

ния, сонеты, две герои-комические поэмы «Игрок ломбера» (1763) и лучшая из них — «Елисей, или Раздраженный Вакх» (1771) — наиболее значительные произведения из всего творчества В. Майкова.

В годы реакции, наступившие после разгрома Пугачевского восстания, в творчестве В. Майкова наступает заметное поправение; примером этого может послужить пастушеская драма «Деревенский праздник» (1777). Умер Майков в Москве.

Сочинения В. Майкова печатаются по тексту книги: В а с и л и й М а й к о в, Избранные произведения (Библиотека поэта. Большая серия), «Советский писатель», М.— Л. 1966.

ГЕРОИ-КОМИЧЕСКАЯ ПОЭМА

Е л и с е й, и л и Р а з д р а ж е н н ы й В а к х (стр. 205).

Стр. 207. *Крючок* — мера винных напитков.

Плошка — низкая широкая чашка.

Стр. 208. *Скаррон* Поль (1610—1660) — французский писатель, противник классицизма, автор герои-комической поэмы «Перелицованный Вергилий».

Бурлак — в широком смысле слова: крестьянин, уходящий на чужбину на заработки. Здесь слово «бурлак» употребляется в смысле: ямщик.

Ермий — Гермес.

Против Семеновских слобод последней роты... — окраина Петербурга, где был расположен Семеновский полк.

Стр. 209. *Сырная неделя* — масленица.

Стр. 210. *Волжаный кнут* — волжанка, род мелкой ивы, растущей на берегу Волги, идет на кнутовища.

Под воздухом простер свой ход веселый чистым, // Поехал, как Нептун, по вод верхам пенистым — пародия на стихи В. П. Петрова (1736—1799), бездарного поэта-одописца:

Под воздухом простер поезд веселый чистым,
Стремя коней полет по вод хребтам пенистым.

(Перевод «Энеиды», Песнь I).

...школьному напеву подражаю... — Поэт В. П. Петров учился в Славяно-греко-латинской академии. Позже сам преподавал в ней риторику.

Стр. 211. *Противу прать меня...* — идти против меня.

Стр. 213. *Царица Амазонская* — Пентисилея, царица амазонок, которых она привела защищать Трою; была убита Ахиллесом.

Воскрилия хламидны — полы одежды.

Стр. 215. *Подклет* — нижний ярус избы, где устраивали брачное ложе для новобрачных.

Стр. 216. *Репица* — хвостовой отросток у животных, здесь: зад.

Стр. 218. *...на Устюжне...* — Близ Устюжны (Новгородская губерния) добывалась болотная руда.

Жена его...— Венера.

...на часах стоял у лебедей...— Лебедь, по греческой мифологии, птица, сопровождающая Венеру.

Играл с робятами клюкою длинной в суки... — то есть в игру, напоминающую современную игру в «городки».

Стр. 219. *...в Спасской школе...* — в Славяно-греко-латинской академии, которая до 1882 года называлась Заиконоспасским училищем.

Коль славного певца с плюгавцем соравняли.— То есть Ломоносова сравняли с В. П. Петровым.

Стр. 221. *Колет* — короткий мундир из белого сукна.

...сделал жох... — упал спиной вверх (д и а л е к т.).

Стр. 222. *Чермновидные* — темно-красные; здесь: дорогие.

Роброн — женское платье с обручами на подоле, здесь употреблено в ироническом смысле.

...его пославша волю дея... — выполняя волю пославшего его, то есть Зевса.

Стр. 223. *О вы, преславные творцы «Венециана», // «Петра златых ключей», «Бовы» и «Ярослана»!* — Майков перечисляет лубочные повести и сказки, популярные в простом народе: «Историю о храбром рыцаре Франциле Венециане», «Историю о славном рыцаре Петре Златых ключей», «Сказку о Бове-королевиче», «Сказание о Еруслане Лазаревиче».

Стр. 226. *Зимогорье* — почтовая станция около Валдая.

Стр. 229 *...запяв через колено...* — толкнув, перебросив через колено.

Клокатят — выдирают клочья волос или одежды.

Ерошки — карточная игра, в которой проигравшему ерошат волосы.

Стр. 231. *Валаам* — прорицатель. Из корыстных целей предсказал царю моавитян победу над Израильским государством. Был обличен собственной ослицей, заговорившей человеческим голосом (б и б л.).

Семик — троицын и духов день, седьмой четверг после пасхи.

Стр. 232. *В кути* — в углу, находящемся наискось от «красного» угла.

Стр. 235. *Премудрость возведу я некогда на трон, // Она соделает полезнейший закон...* — Комплимент Екатерине II по поводу указа от 1 августа 1765 года, согласно которому курение вина для широкого потребления (в целях борьбы с корчемством) было объявлено государственной монополией. Продажа вина была разрешена только откупщикам, которым было обещано монаршье покровительство, а кабаки были переименованы в «питейные дома».

Стр. 241. *И тем подобною Дидоне учинилась.* — Комическая параллель с «Энеидой» Вергилия.

Уж Феб чрез зодиак Близняток проезжал... — солнце проходило через созвездие Близнецов, то есть уже наступил май.

Стр. 243. *Помстилося* — показалось, померещилось (п р о с т о р е ч.).

Стр. 245. *Когда о взятках в свет лишь выпущен указ...* — указ Екатерины II о запрещении взяток от 20 июля 1762 года.

Стр. 248. *...вступил в палаческу степень...* — стал палачом.

Стр. 249. *Иракл* — Геркулес, Геракл.

Таскает по двору домашняя повеса, // А древний адского дубиной отлощил // И, взявши за уши, из ада утащил.— Комическое уподобление «древнего» откупщика, дерущегося с собакой, Гераклу, похитившему адского пса Цербера.

Стр. 252. *...школьник... спасский...* — поэт В. П. Петров (см. прим. к стр. 210).

Я битву Чесмскую с Херасковым пою... — Речь идет о поэме М. М. Хераскова «Чесмесский бой» (1771).

Павловский замóк — замóк, изготовленный в селе Павлове, известном производством металлических изделий.

Стр. 253. *Пыль* — здесь: пустая затея.

Стр. 256. «*Рука*» — харчевня у въезда в Петербург по Московской дороге.

НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ БАСНИ

К р е с т ь я н и н, М е д в е д ь, С о р о к а и С л е п е н ь (стр. 266). — Сюжет басни близок к народной сказке «Медведь, лиса, слепень и мужик» (см. А. Н. А ф а н а с ь е в, Народные русские сказки, т. 1, Гослитиздат, М. 1958, стр. 71—72).

Стр. 266. *Пежины* — пегая, пятнистая масть.

Стр. 268. *Любви прекрасна мать* — Венера.

ЗАГАДКИ

«Я в т р е х ч а с т я х з е м л и; м е н я в ч е т в е р т о й н е т...» (стр. 269).— В ответе подразумевается «рцы» — старинное название буквы «р», которая имеется во всех перечисленных в стихотворении словах, а также в «трех частях земли» — то есть в словах «Европа», «Америка», «Африка».

М. ХЕРАСКОВ

М и х а и л М а т в е е в и ч Х е р а с к о в (1773—1807) — поэт, прозаик, драматург. Внук валашского боярина, переселившегося в Россию одновременно с отцом Кантемира. Рано осиротел, воспитывался в доме отчима, князя Никиты Трубецкого. Учился в Шляхетном кадетском корпусе. Был недолго на военной службе. С 1755 по 1802 год служит в Московском университете сначала директором, потом куратором. Осуществил на этом посту ряд важных и полезных нововведений, редактировал уни-

верситетские журналы. Передал Новикову в аренду типографию университета. Начиная с середины 70-х годов становится масоном. В последние годы жизни организует у себя дома литературный салон.

Мировоззрение Хераскова претерпело известную эволюцию. В начале своей литературной деятельности он принадлежал к лагерю передовой дворянской интеллигенции во главе с Сумароковым, оппозиционно настроенной по отношению к правительству. Позже этот боевой дух уступает место проповеди довольства малым или же прославлению скромной филантропической деятельности.

Столь же сложны эстетические вкусы Хераскова. Лучшие свои поэмы — «Чесмесский бой» (1771) и «Россиаду» — он пишет по строгим законам классицистической эпопеи. С классицистической традицией связаны и его трагедия «Борислав», а также роман «Нума Помпилий, или Процветающий Рим». Но вместе с тем Херасков выступает и как один из родоначальников русского сентиментализма в своих «философских» и «нравоучительных» одах, а также в слезных драмах.

Ряд произведений Хераскова — роман «Кадм и Гармония», а также поэмы «Владимир Возрожденный», «Бахарпана, или Неизвестный» — написан в духе масонской литературы.

Венцом творчества Хераскова в XVIII веке считалась его эпическая поэма «Россиада» (1779).

Сочинения М. М. Хераскова печатаются по тексту книги: М. М. Х е р а с к о в, Избранные произведения (Библиотека поэта. Большая серия), «Советский писатель», Л. 1961; анакреонтическая ода «О силе разума» — по тексту «Творений» М. М. Хераскова, ч. 7, СПб. 1801.

ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭМА

«Р о с с и а д а». П е с н ь п е р в а я (стр. 270).—Поэма состоит из двенадцати песен. В настоящем издании печатается только первая песнь.

Стр. 270. *Стихотворенья дух* — муза.

...селений тех врата... и далее.— Описание рая.

Стр. 271. *...Заволжских наглых орд...* — Казанское царство. Татары основали его на территории булгар (болгар), тюркского племени.

...при двух реках стоит... — Казань стоит на Волге и на реке Казанке.

Злочестие — здесь: магометанство.

Полночь — то есть «полночное» царство — Русская земля.

Стр. 273. *Сумбека* (Сююнбека) — казанская царица.

Но их отечество сей вопль вменяло в сон.— Но их отечество не обращало внимания на этот вопль.

Алчба, прикованна корыстей к колеснице... — жадность (вельмож), прикованная своекорыстием к царской колеснице.

Стр. 274. *Наглый бунт* — народное возмущение 1547 года, направленное против родственников Ивана Грозного — бояр Глинских.

Стр. 277. *Батыев меч во грудь Олегову вонзен; // Георгий, брат его, лежит окровавлен...* — Олег и Георгий — князья, убитые Батыем.

Феогност (ум. в 1353 г.) — киевский митрополит; был пленником в Золотой Орде.

Твой предок Александр — князь Александр Тверской (1301—1339), убитый в Орде татарами.

Стр. 278. *Адашева привесть...*— Адашев Алексей Федорович (ум. в 1560 г.), один из приближенных Грозного, неродовитый дворянин.

Стр. 279. *Как ангел, явльшийся Израилю в ночи...* — Перед исходом евреев из египетского плена Моисею явился ангел, указавший путь в обетованную землю (б и б л.).

Стр. 280. *Небесной мудрости приобрести руно...* — понять волю провидения.

Угодник Сергий ту обитель основал...— Сергий Радонежский (ум. в 1391 г.) основал Троице-Сергиеву лавру между 1337 и 1340 годом.

И богу там алтарь триличному поставил... — Согласно учению христианской церкви, божество имеет три лика: бог-отец, бог-сын и бог — дух святой.

Стр. 281. *Там виден Святослав...* — Святослав Игоревич (ум. в 972 или 973 г.), князь Киевский, опытный военачальник, отличался скромным образом жизни.

Владимир — Владимир Святославич (ум. в 1015 г.), князь Киевский.

Поверженна химера — здесь в смысле: язычество.

Ярослав — Ярослав Мудрый (978—1054), князь Киевский.

Донской — Димитрий Иванович Донской (1350—1389) — великий князь Московский, одержал победу над татарами в Куликовской битве в 1380 году.

Там лик великого представлен Иоанна... и далее.— Иван (Иоанн) III первый назвал себя «государем всея Руси».

Стр. 282. *Се Рюрик предок твой... // Троянску отрасль в нем и Августову зрю.*— Согласно вымышленной генеалогии, московские цари через Рюрика вели свой род от римского императора Августа, который, по римским легендам, был потомком троянца Энея.

Ольга (ум. в 969 г.) — княгиня киевская, которая, решив отомстить древлянам за убийство мужа, сожгла их город Искорест (Искоростень).

Стр. 283. *...струи прешедый чермных вод...* — Спасаясь из египетского плена, евреи прошли через Красное (Чермное) море, которое по воле бога расступилось перед ними (б и б л.).

Содержание последующих одиннадцати песен сводится к следующему. Иоанн подходит с войском к стенам Казани и подвергает ее длительной осаде. Борьбу против русских возглавляет казанская царица Сумбека

и ее возлюбленный — таврийский князь Осман. Сторонником Иоанна выступает татарский князь Алей, втайне влюбленный в Сумбеку. Во время междоусобиц, возникших в осажденном городе, погибает князь Осман, а Сумбека, выданная Иоанну как заложница, становится женой Алея. После многократных, но безуспешных переговоров с казанцами о сдаче города Иоанн приказывает пушкарям взорвать с помощью подкопов стены города. Заканчивается поэма торжеством русского воинства в покоренной Казани.

АНАКРЕОНТИЧЕСКИЕ ОДЫ

О силе разума (стр. 284).

Стр. 284. *Риноцеры* — носороги (греч.).

И. БОГДАНОВИЧ

Ипполит Федорович Богданович (1743—1803) родился на Украине в семье бедного дворянина. Десяти лет поступил на службу в Московскую юстиц-коллегию, сильно нуждался. Был замечен директором университета поэтом Херасковым, который помог Богдановичу попасть в университет и выступить в печати. В 60-е годы сближается с Н. И. Паниным и служит по дипломатическому ведомству под его началом. Увлекается идеями французских просветителей, переводит поэму Вольтера «На разрушение Лиссабона» и его же комедию «Нанина». В 1773 году анонимно издает сборник «Лира, или Собрание разных в стихах сочинений и переводов». Начиная со второй половины 70-х годов происходит сближение Богдановича с правительственным лагерем. Этому немало способствовало появление в печати лучшего его произведения — поэмы «Душенька» (1783). В 1786 году по прямому заказу Екатерины II пишет комедию «Радость Душеньки», а к 25-летию ее царствования драму с хорами «Славяне». Лирическая поэзия Богдановича представлена одами, сатирами, баснями, но наиболее характерными жанрами его творчества были идиллии, пасторали, любовные песенки, написанные в сентиментальном, псевдонародном стиле.

Произведения И. Ф. Богдановича печатаются по тексту книги: И. Ф. Богданович, Стихотворения и поэмы (Библиотека поэта. Большая серия), «Советский писатель», Л. 1957.

ПОВЕСТЬ В СТИХАХ

Душенька (стр. 291).— Сюжет «Душеньки», в основе которого лежит древнегреческий миф, был литературно обработан Апулеем в его романе «Золотой осел» и Лафонтеном в книге «Любовь Психеи и Купидона».

Стр. 292. *Не Ахиллесов гнев и не осаду Трои...* и далее.— В первых стихах своей поэмы Богданович демонстративно противопоставляет героической тематике «Илиады» Гомера любовный сюжет своей «Душеньки».

...обильной льдом Славены... — реки Славянки, протекающей в Павловске, близ Петербурга.

...стихов двойчатых... — стихов, разделенных цезурой на два полустишия.

...без равных стоп... — Поэма написана разностопным ямбом.

Стр. 293. *...Ликаон, // Которого писал историю Назон...* — В «Метаморфозах» Овидия Назона помещен рассказ об аркадском тиране Ликаоне, который убил заложника из соседнего государства и решил накормить гостей его мясом. Кроме того, он посягал на жизнь Юпитера, остановившегося под видом странника в его дворце. За свою жестокость Ликаон был превращен Юпитером в волка.

Стр. 294. *...в Москве на маскараде...* — Маскарад «Торжествующая Минерва» был устроен в Москве по случаю коронации Екатерины II (с 30 января по 2 февраля 1762 г.). На нем в аллегорической форме высмеивались различные пороки.

Стр. 308. *Тамбуры* — круглые пяльцы.

Сигклит (синклит) — собрание избранных, лучших (г р е ч.).

Стр. 313. *Юничий род* — пчелы. Юнона считалась покровительницей пчел.

Стр. 314. *Роба* — платье (от ф р а н ц. robe).

Стр. 315 *...во кравчих был...* — Кравчий (придворный сан) «рушил» (то есть резал) за царским столом жаркое, дичь, пироги.

Стр. 319. *Бельведер* — светлица над домом, вышка над кровлей.

Стр. 320. *Калисто* — героиня «Метаморфоз» Овидия.

Армида — героиня поэмы Тассо «Освобожденный Иерусалим».

Ангелика — героиня поэмы Ариосто «Неистовый Роланд».

Фринея (Фрина) — древнегреческая гетера, прославившаяся своей красотой.

Апелл — Апеллес.

Фауны — фавны.

Помонин рог — рог, наполненный плодами (см. Помона).

Стр. 323. *Ясмин* — жасмин (от ф р а н ц. jasmin).

Стр. 326. *Плетень* — хороводная игра.

Стр. 327. *Менандр* (ок. 343—291 до н. э.) — греческий комедиограф.

Кино Филипп (1635—1688) — французский драматург, писал трагедии и либретто для опер.

Детуш Филипп-Нерико (1680—1754) — французский драматург.

Реньяр Жан-Франсуа (1655—1709) — французский драматург, последователь Мольера.

Руссо Жан-Жак (1712—1778) — французский писатель и философ. Богданович имеет в виду его комическую оперу «Деревенский колдун» (1752).

...любовница... // Не зная, что сказать, кричала часто: ах! — Намек на трагедию Ф. Козельского «Пантея», героиня которой многократно произносит междометие «ах!».

Стр. 328. *...велела // Исправным слогом вновь амурам перевесть...* — Намек на «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг» (1768—1783), созданное по воле Екатерины II.

Различные листки... продерзко выходили... — Имеются в виду сатирические журналы 1769—1774 годов, оппозиционные к Екатерине II.

...между полезными... — Имеется в виду журнал Екатерины II «Всякая всячина».

Стр. 338. *Петиметры* — щеголи, вертопрахи (от франц. petits-maîtres).

Стр. 340. *Выкладки* — фигурные украшения на верхнем платье.

Стр. 347. *На щуке шегардой* — верхом на щуке.

Стр. 349. *...близь своей повети...* — Поветь — помещение под навесом на крестьянском дворе.

Стр. 351. *...и носит хвост в три пяди...* — носит длинный шлейф, не подобающий ее сану. В придворном обиходе второй половины XVIII века длина шлейфа была строго регламентирована в зависимости от титула и звания.

Стр. 353. *...О страшном некаком наклоне // Бродящих близ земли комет...* — По-видимому, намек на комету Лекселя (1770 г.), возбудившую много толков.

Стр. 356. *Праксителъ* (ок. 390 — ок. 330 до н. э.) — греческий скульптор.

ПЕСНИ

«Пятнадцать мне минуло лет...» (стр. 369).— Цифра 2 при последнем стихе каждой строфы указывает, что этот стих должен был в пении повторяться.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Стихи к деньгам (стр. 373).

Стр. 374. *В холодном Севере скончал свой век...* — Римский поэт Публий Овидий Назон (43 г. до н. э.— 17 г. н. э.) был сослан в Томы на берега Дуная, где и умер.

И. ХЕМНИЦЕР

Иван Иванович Хемницер (1745—1784) — баснописец. Родился в Астрахани в семье немца-врача, переселившегося в Россию из Саксонии. Средства в семье Хемницеров были очень ограниченными. Учился дома под руководством отца и частных учителей. Тринадцати лет, утаив свой возраст, поступил в армию простым солдатом. Пробыл на военной службе двенадцать лет — до 1769 года, после чего получил место в Горном училище.

В начале 70-х годов входит в поэтический кружок Н. А. Львова, Г. Р. Державина и В. В. Капниста. В 1779 году издал первую книгу басен, которые имели в XVIII веке огромный успех. В 1782 году назначен генеральным консулом в Смирну (Турция), где и скончался.

Общественные взгляды Хемницера отличались несомненным демократизмом. Его насмешки адресованы представителям высших сословий, его симпатии — обездоленным труженикам. Но демократизм Хемницера весьма умерен в своих выводах, поскольку общественные порядки кажутся ему нерушимыми. Отсюда — пессимистический тон многих его басен, главного и почти единственного жанра, в котором раскрылся его талант.

Басни Хемницера печатаются по тексту: И. И. Хемницер, Полное собрание стихотворений (Библиотека поэта. Большая серия), «Советский писатель», М.— Л. 1963.

БАСНИ

Земля хромоногих и картавых (стр. 376).— Переработка басни немецкого писателя Христиана Фюрхтеготта Геллерта (1715—1769) «Das Land der Hinkenden» («Страна хромых»).

Конь верховый (стр. 378).— Вольный перевод басни Геллерта «Das Kutschpferd» («Каретная лошадь»).

Соловей и Чиж (стр. 379).— Вольный перевод басни Геллерта «Der Leisig» («Чиж»).

Дележ Львиный (стр. 380).— Переработка басни Лафонтена «La Génisse, la Chèvre et la Brebis, en société avec le Lion» («Телка, Коза и Овца в компании с Львом»).

Метафизический ученик (стр. 384).— В записных книжках Хемницера сохранился предполагаемый план окончания басни: «Не знаю, вовсе ли его он там оставил; да думаю, что нет: отец то есть. А только если бы таких вралей всех засадить в ямы, то много бы ям надобно». Подлинный текст басни Хемницера был опубликован лишь в 1873 году. Читатели XVIII — XIX веков знали ее в редакции В. Капниста, которая также публикуется в томе.

В. КАПНИСТ

Василий Васильевич Капнист (1758—1823) родился на Украине в семье офицера. Получил хорошее образование в одном из петербургских пансионов. Четырнадцати лет начал служить в гвардии. В Петербурге сблизился с поэтами Львовым, Державиным, Хемницером. В 1780 году была напечатана «Сатира I», высмеивавшая продажных литераторов и представителей дворянско-чиновничьего мира. В 1783 году публикует «Оду на рабство», написанную в знак протеста против окончательного закрепощения украинских крестьян.

Ранние образцы поэмы Капниста (сатиры, оды) связаны с традициями классицизма. С середины 80-х годов XVIII века в его творчестве начинает преобладать интимная лирика, близкая к сентиментальной поэзии, в которой прославляются довольство малым, деревенское уединение, невинные радости на лоне природы. Самое яркое сатирическое произведение писателя — стихотворная комедия «Ябеда» (1798), обличавшая крючкотворство и взяточничество судейских чиновников. Вскоре же после ее появления на сцене и в печати комедия была запрещена правительством.

В 1801 году Капнист уезжает на Украину. Служит в суде, в департаменте народного просвещения. Много времени проводит в своем имении Обуховка.

Стихотворения В. Капниста печатаются по тексту издания: В. Капнист, Сочинения, Гослитиздат, М. 1959.

Ода на рабство (стр. 388).— Поводом к написанию оды послужил указ Екатерины II от 3 мая 1783 года, который объявлял крепостными крестьян Киевского, Черниговского и Новгород-Северского наместничества.

Стр. 388. *Внушат мою нелестну речь...* — Здесь: услышат мою нелестную речь.

Ода на истребление в России звания раба Екатериною Второю в 15 день февраля 1786 года (стр. 392).— Поводом к написанию оды послужил указ Екатерины II от 15 февраля 1786 года, согласно которому на прошениях, адресованных императрице, следовало подписываться не «раб», а «верноподданный».

Стр. 392. *Веселья муром умастися...* — возрадуйся. Муро — благовонная мазь, употребляемая в некоторых обрядах христианской церкви.

Стихи на перевод «Илиады» г. Костровым (стр. 395).— В 1787 году вышли из печати первые шесть песен «Илиады» в переводе Е. И. Кострова.

На смерть Юлии (стр. 395).— Юлия — дочь Капниста, скончавшаяся в младенчестве в 1788 году.

Ода на пиитическую лесть (стр. 397).

Стр. 397. *Как царь-пиит...* — царь Давид (библ.).

Стр. 398. *Гесиод* (Гезиод) — греческий поэт VIII — VII веков до н. э., автор стихотворного произведения «Труды и дни», в котором даются советы, относящиеся к земледелию, мореплаванию и ведению домашнего хозяйства.

Флакк — Гораций.

Октавова льстеца — льстеца римского императора Августа.

Стр. 399. *Диядима* — диадема, царский венец.

Достойны ль петь они владыку... — то есть Петра I.

Батюшкову (стр. 400).— *Ты пренебрег ее совет...* — Батюшков, по совету Капниста, начал переводить поэму итальянского поэта Торквато Тассо (1544—1595) «Освобожденный Иерусалим», но не закончил свой перевод и напечатал в 1808 году лишь отрывки из него. *Надгробный лишь кипарис изобразил...* — Речь идет об элегии Батюшкова «Умирающий Тасс» (1816).

Обуховка (стр. 401).

Стр. 401. *Обуховка* — имение Капниста в Полтавской губернии.

Псёл — река на Украине, на берегу которой стоит Обуховка.

Стр. 402. *Умеренности скромный храм.*— Подразумевается дом Капниста.

Стр. 404. *Намет* — крыша (диалект.).

А. РАДИЩЕВ

Александр Николаевич Радищев (1749—1802) родился в богатой дворянской семье. Детство провел в селе Аблязове неподалеку от Пензы. Русской грамоте учился у крепостного слуги, французскому языку — у гувернера-француза. Затем жил в Москве у родственников, Аргамаковых, и брал в их доме уроки у профессоров Московского университета. В 1762 году зачислен в Пажеский корпус, который закончил в 1766 году, и был отправлен с несколькими пажами в Лейпцигский университет для изучения юридических наук. За границей наряду с юридическими занимается естественными науками, медициной, изучает произведения французских просветителей. В 1771 году возвращается в Россию. Служит протоколистом в Сенате, обер-аудитором при штабе петербургского главнокомандующего и, наконец, начальником петербургской таможни.

В эти же годы начинается литературная деятельность Радищева. Он перевел «Размышления о греческой истории» французского просветителя Мабли, снабдив перевод собственными, чрезвычайно смелыми примечаниями. Затем были написаны «Дневник одной недели», выдержанный в

манере сентиментальной литературы, и «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске» (1782), посвященное раздумьям о деятельности Петра I. Примерно в то же время создается первая в России революционная ода «Вольность». В 1789 году вышли в свет «Житие Федора Васильевича Ушакова» — автобиографическое произведение о пребывании Радищева и его товарищей в Лейпциге — и «Беседа о том, что есть сын Отечества».

В 1790 году Радищев печатает в собственной домашней типографии лучшее свое произведение — «Путешествие из Петербурга в Москву». Книга имела большой успех и сразу же привлекла к себе внимание правительства. Радищев был арестован, предан суду и приговорен к смертной казни, которая по распоряжению Екатерины II была заменена десятилетней ссылкой в Илимский острог.

В Сибири были написаны экономический трактат «Письмо о китайском торге» и философское рассуждение «О человеке, о его смертности и бессмертии». При Павле I Радищеву было разрешено вернуться из Сибири и поселиться в родовом именье Немцове Калужской губернии без права выезда из него. При Александре I Радищев получает полную амнистию и возвращается в Петербург. Был привлечен к работе одной из комиссий по составлению новых законов. Это пробудило в нем надежду на возможность освобождения крестьян законодательными мерами. Убедившись в бесплодности своих ожиданий, покончил жизнь самоубийством.

Стихотворения А. Радищева печатаются по тексту книги: А. Н. Радищев, Избранные сочинения, Гослитиздат, М. 1952; ода «Вольность» — по тексту издания: А. Н. Радищев, Стихотворения (Библиотека поэта. Малая серия), «Советский писатель», М. 1953, где опубликован исправленный текст оды, данный в соответствии с последней волей автора в составе пятидесяти, а не пятидесяти четырех строф. Исключенные строфы см. в конце примечаний к оде «Вольность».

Вольность (стр. 406).— Была с пропусками напечатана в книге «Путешествие из Петербурга в Москву». Рукопись оды не сохранилась. Полный текст оды был подготовлен к изданию в «Собрании оставшихся сочинений покойного А. Н. Радищева» (1807—1811) сыновьями писателя (в редакции, отличающейся от текста «Путешествия»). Эта же полная редакция с небольшими разночтениями представлена в трех сохранившихся рукописных списках (неавторизованных).

Стр. 406. *Брут* Марк Юний (85—42 гг. до н. э.) — римский республиканец, убийца императора Юлия Цезаря.

Тель Вильгельм (XIV в.) — швейцарский народный герой, борец против австрийского ига.

...седяй во власти — сидящие у власти, то есть правящие.

Стр. 407. *Паросска мрамора белее...* — На острове Парос греки добывали мрамор высокого качества.

Зерцало, меч, весы — символы правосудия.

Стр. 408. *И се чудовище ужасно...* — Имеется в виду церковь.

Ползкий яд — змеиный яд (полоз — большая змея).

Стр. 411. *Я медны изваял громады...* — то есть я изготовил пушки.

Стр. 412. *В отличность знак изобретенный...* — Знаки отличия: ордена, медали и т. п.

Изощренный — острый, отточенный.

Кромвель Оливер (1599—1658) — деятель английской буржуазной революции XVII века. Вынес смертный приговор английскому королю Карлу I. После победы революции установил единоличную диктатуру, объявив себя лордом-протектором.

Стр. 413. *Самсон* — силач, который руками разрушил дом своих врагов, ослепивших его, и похоронил их вместе с собою под обломками здания (б и б л.).

Законом строит твердь природы... — государство, построенное на основе законов природы.

Но чудо Галилей творить возмог... и далее.— Речь идет об открытии Галилеем телескопа и о поддержке им учения Коперника.

Стр. 415. *Вашингтон* Джордж (1732—1799) — главнокомандующий американской армией во время войны за независимость в Северной Америке (1775—1783). Первый президент США.

Двулична бога храм закрылся... — римское божество, двуликий Янус, двери храма которого открывались во время войны.

Стр. 416. *Невтоновой* — то есть Ньютоновой.

Стр. 417. *Марий Гай* (ок. 157—86 гг. до н. э.) — римский полководец и политический деятель. Опираясь на войска, боролся за верховную власть в Римской республике.

Сулла Луций Корнелий (138—78 гг. до н. э.) — римский полководец и политический деятель. Удачливый соперник Мария на политическом поприще, бессрочный диктатор.

Стр. 418. *К тебе, словутая страна...* — к тебе, Америка.

Строфы оды «Вольность», снятые Радищевым в окончательной редакции:

После 8-й строфы шла с т р о ф а 9-я:

Сей был, и есть, и будет вечный
Источник лют рабства оков:
От зол всех жизни скоротечной
Пребудет смерть един покров.
Всесильный боже, благ податель,
Естественных ты благ создатель,
Закон свой в сердце основал;
Возможно ль, ты чтоб изменился,
Чтоб ты, бог сил, столь уподлился,
Чужим чтоб гласом нам вещал.

После 22-й строфы шла строфа 24-я (первоначальной редакции):

Ниспослал призрак, мглу густую
Светильник истины попрал;
Лучину, что зовут святую,
Рассудок с пагубы сорвал.
Уж бог не зрится в чуждом виде,
Не мстит уж он своей обиде,
Но в действьи распростерт своем;
Не спасшему от бед нас мнимых,
Отцу предвечному всех зримых
Победную мы песнь поем.

После 23-й строфы шли 26-я и 27-я строфы (первоначальной редакции):

Строфа 26-я:

Сломив опор духовной власти,
И твердой мщения рукой
Владычество расторг на части,
Что лжей воздвигнуто святой;
Венец трезубый затмевая
И жезл священства преломляя,
Проклятий молньи утушил;
Смеяся мнимого прещенья,
Подъял луч Лютер просвещенья,
С землею небо помирил.

Строфа 27-я:

Как сый всегда в начале вена
На вся простерту мочь явил,
Себе подобна человека
Создати с миром положил,
Пространства из пустыней мрачных
Исторг — и твердых и прозрачных
Первейши семена всех тел;
Разруша древню смесь спокоил;
Стихиями он все устроил
И солнцу жизнь давать велел.

«Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду?..» (стр. 421).— В рукописном сборнике 1792 года помещено под названием: «Ответ г-на Радищева, во время проезда его через Тобольск, любопытствующему узнать о нем».

Журавли (стр. 421).— Перевод стихотворения Эвальда Христиана фон Клейста (1715—1759) «Der gelähmte Kranich» (1757). Написано после возвращения из Сибири. Пушкин писал, что это стихотворение вернее назвать элегией, а не басней. *На он-пол* — на другую сторону, на другой берег.

О с м н а д ц а т о е с т о л е т и е (стр. 422).

Стр. 423. *Нитью вождения вспять ты призываешь комет...* — ты рассчитываешь время обращенья комет.

Луч рассечен тобой света... — Речь идет об изучении спектра.

...на воздушных крылах — на воздушном шаре.

С а ф и ч е с к и е с т р о ф ы (стр. 424).— Вольный перевод 15-го эпода Горация. Название строф—по имени греческой поэтессы Сафо (Сапфо), жившей в конце VII — первой половине VI века до н. э. *Мне богиню ноши...* — Селену, луну.

Н. ЛЬВОВ

Н и к о л а й А л е к с а н д р о в и ч Л ь в о в (1751—1803) родился в дворянской семье среднего достатка. Служил сначала в Измайловском полку, затем в Горном управлении и, наконец, в почтовом ведомстве.

Будучи талантливым поэтом и переводчиком, Львов, кроме того, занимался графикой, архитектурой, историей, музыкой и даже разработкой каменного угля. В конце 70-х годов XVIII столетия вокруг Львова объединился кружок поэтов (Державин, Капнист, Хемницер), высоко ценивших его литературные вкусы.

Сам Львов начал писать стихи еще в юности, но при жизни печатался мало. На его поэзии лежит отпечаток сентиментальных и предромантических вкусов. Это, в частности, проявилось в интересе Львова к народному творчеству: в 1790 году он издал «Собрание русских народных песен с их голосами», положенных на музыку И. Прачем. Интересом к национальному колориту объясняется и переводческая работа Львова (песни Анакреона, перевод «Песни норвежского витязя Гаральда Храброго»). В своих поэтических опытах Львов стремился использовать народную русскую метрику и народную поэтику.

Перу Львова принадлежит несколько комических опер, из них лучшая — «Ямщики на подставе», а также незаконченная поэма «Добрыня», созданная на сказочно-былинном материале.

Стихотворения Н. Львова печатаются по тексту сборника: «Поэты XVIII века» в 2-х томах (Библиотека поэта. Малая серия), т. 2, «Советский писатель», Л. 1958.

ЛИРИЧЕСКИЕ И САТИРИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

М а р т ы ш к а, о б о й д е н н а я п р и п р о и з в о ж д е н и и (стр. 426).— Объектом сатиры басни является Л. А. Нарышкин (1773—1799), игравший при Екатерине II роль забавника и заслуживший за это кличку «Шпынь».

Л ь в и н ы й у к а з (стр. 427).— *Пойдут и уши тпруши!* — Сойдут и уши за рога. Тпруша — корова.

Песнь норвежского витязя Гаральда Храброго... (стр. 428).— Песня переведена с французского из книги Малле «Датская история» (1756—1764). Для перевода использован размер песни «Уж как пал туман на сине море». *...с дронтгеймцами...* — с жителями Дронтгейма, одного из северных округов Норвегии.

ИЗ АНАКРЕОНА

В 1794 году вышел сборник «Стихотворения Анакреона Тийского» в переводе Н. Львова. Анакреона Львов переводил по подстрочнику, сделанному епископом Евгением Булгарисом (1715—1806).

Ода III. Любовь (стр. 429).— *Как Воота под рукой // Знак Арктоса обращался...* — когда созвездие Воота (Водолей) проходило мимо созвездия Арктоса (Медведицы).

Ода XX. К девушке своей (стр. 430).— *Фригийская страна.*— Фригия — область в Малой Азии. *Дочь Танталова* — Ниобея. *Пандиона дочь* — Филомела.

Ода XXVI. На самого себя (стр. 431).— *Крезус* — Крез (VI в. до н. э.) — царь Лидии, славившийся своим богатством.

Ода LX. О любовниках (стр. 432).— *А парфянина по шапке...* — См. прим. к стр. 105.

М. МУРАВЬЕВ

Михаил Никитич Муравьев (1757—1807) родился в Смоленске. Отец — военный инженер, позже чиновник — часто переезжал из одного города в другой, вследствие чего Муравьев не смог получить систематического образования. Этот пробел он восполнил уроками отца и самостоятельными занятиями. С 1772 года служит в Измайловском полку простым солдатом. Начинает писать стихи и с 1773 по 1775 год выпускает несколько стихотворных сборников. В 1777 году познакомился с Новиковым и сотрудничает в его журнале «Утренний свет». В 80—90-е годы преподавал русскую словесность, историю и философию великим князьям Александру и Константину.

В 1800-е годы служил сенатором, статс-секретарем, товарищем министра народного просвещения и попечителем Московского университета.

Поэзия и проза Муравьева — одно из ранних проявлений в России сентиментальной литературы.

Стихотворения М. Муравьева печатаются по тексту сборника: «Поэты XVIII века» в 2-х томах (Библиотека поэта. Малая серия), т. 2, «Советский писатель», Л. 1958.

Богине Невы (стр. 434).

Стр. 434. *Государей зданье славно* — Зимний дворец.

...обтекаешь // Прах великого Петра.— Петр I похоронен в Петропавловском соборе.

Стр. 435. *Парос* и *Лемнос* — острова в Средиземном море.

Бостанжи и *Кизляр-ага* — турецкие придворные звания.

Тамиза — французское название реки Темзы (Tamise).

Таг (Таго) — река в Испании.

К Музе (стр. 436).

Стр. 436. *Покинув берега Ионии роскошной, // От сени тайныя, где твой Гораций пел...*— Гораций начал писать стихи во время пребывания в Греции, обучаясь философии в Афинах.

Темпей — живописная долина в Древней Греции.

Стр. 437. *Галлия* — Франция.

Альбион — Англия.

Валлер — Уоллер Эдмунд (1605—1687) — английский политический деятель и лирический поэт.

...резвое дитя мечты // На берегах Авона — Шекспир, который родился в городе Стратфорде-на-Эвоне (Авоне).

Гордый певец — Ломоносов.

...с бардом у Невы... — с Державиным.

Иль водишь сладостно в окрестностях Москвы // За бедной Лизою всех чувством одаренных.— Имеются в виду почитатели повести Н. Карамзина «Бедная Лиза».

Ю. НЕЛЕДИНСКИЙ-МЕЛЕЦКИЙ

Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий (1752—1828) родился в Москве в аристократической семье. Воспитывался дома под руководством иностранцев гувернеров. С 1770 до 1785 года находился на военной службе. В царствование Екатерины II принадлежал к кругу дворянских оппозиционеров, возглавлявшихся Никитой Паниным.

При Павле I служил статс-секретарем императора; но попал в опалу и был отстранен от двора. После смерти Павла живет в Москве и в Петербурге, занимает служебные посты в Сенате, в Опекунском совете. Умер в Калуге.

Поэзией Нелединский-Мелецкий занимался между дел, на досуге. Основным жанром его творчества были лирические песни, которым он часто стремился придать народную форму.

Стихотворения Ю. Нелединского-Мелецкого печатаются по тексту сборника: «Поэты XVIII века» в 2-х томах (Библиотека поэта. Малая серия), т. 2, «Советский писатель», Л. 1958.

И. КРЫЛОВ

Иван Андреевич Крылов (1769—1844) родился в семье бедного армейского офицера. Рано лишился отца. Служил чиновником в Твери и в Петербурге. Первые литературные опыты Крылова связаны с театром: комическая опера, комедии, трагедии. В 1789 году был издателем и почти единственным автором сатирического журнала «Почта духов». Вместе с А. И. Клушиным издает сатирические журналы «Зритель» (1792) и «С.-Петербургский Меркурий» (1793).

Лирика Крылова 90-х годов в жанровом отношении примыкает к сентиментальной поэзии этого времени (послания, пейзажная лирика). Однако по своему содержанию поэзия Крылова резко отличается от лирики карамзинистов демократическим обликом лирического героя, обилием бытовых деталей, шутливым, а подчас ироническим тоном повествования, доходящим в отдельных случаях до едкого, бичующего сарказма («На случай грозы в деревне»).

В 1809 году появляется первая книга басен Крылова, которая имела огромный успех и определила дальнейшее творчество поэта. С 1812 года и почти до самой смерти Крылов находился на службе в Петербургской Публичной библиотеке.

Басни, написанные Крыловым в XVIII веке, в художественном отношении стоят ниже его же басен более позднего времени и поэтому не были включены автором в сборники, изданные в XIX веке.

Стихотворения И. Крылова печатаются по тексту издания: И. А. Крылов, Полное собрание сочинений в 4-х томах, Гослитиздат, т. III, М. 1946.

БАСНИ

Стыдливый игрок (стр. 443).— *И карту с транспортом поставил на кафтан* — то есть вместо денег поставил на карту кафтан.

Недовольный гостьми стихотворец (стр. 445).— *У Рифмохвата...* — По-видимому, намек на Я. Б. Княжнина, который в комедии И. Крылова «Проказники» выведен был под именем Рифмохвата.

СТИХОТВОРЕНИЯ

К другу моему (стр. 446). — Стихотворение обращено к Александру Ивановичу Клушину, писателю, издававшему вместе с Крыловым сатирические журналы.

Стр. 446. *Эпиктет* (ок. 50 — ок. 138) — греческий философ-стоик, проповедовавший отречение от суеты жизни ради духовного самоусовершенствования.

Стр. 447. *Гераклит* (ок. 530—470 до н. э.) — греческий философ-материалист.

...всех Ветронов... — всех легкомысленных, пустых людей.

Кир (ум. в 530 г. до н. э.) — древнеперсидский царь с 558 года до н. э.

Александр — Александр Македонский.

Сен-Жермень (Сен-Жермен) — алхимик и авантюрист XVIII века.

Юнг Эдуард (1683—1765) — английский поэт-сентименталист.

Стр. 449. *Лино* — тонкое полотно (от франц. linon).

Флёр — полупрозрачная легкая ткань (от нем. Flor).

Стр. 451. *Бригадир* — военный чин, следующий за чином полковника.

Кто может вдруг шестерку мучить... — Право запрягать в карету шестерку лошадей имели в XVIII веке лица генеральского чина и выше.

Утешение Анюте (стр. 453).— В 1793 году Екатерина II разорвала дипломатические отношения с Францией, вследствие чего в Россию перестали поступать французские товары, и в том числе предметы роскоши. Эта тема шутливо обыгрывается в стихотворении.

Стр. 453. *Фидель* — имя домашней собачки.

Стр. 455. *Флора сенска* — французские духи.

Ода. Уединение (стр. 456).

Стр. 459. *Росский Пиндар* — М. В. Ломоносов.

Война! — война течет кровава! — По-видимому, имеется в виду война с Польшей 1794 года.

Н. КАРАМЗИН

Николай Михайлович Карамзин (1766—1826) родился в Симбирской губернии в семье дворянина. Учился сначала дома, затем в одном из частных пансионов Симбирска и, наконец, в пансионе профессора Шадена в Москве. Недолго служил в петербургском гвардейском полку. После смерти отца оставил службу и вернулся в Симбирск. Ведет здесь рассеянную светскую жизнь. По совету директора Московского университета, видного масона И. П. Тургенева, переезжает в Москву и сам становится масоном. Вступает в «Дружеское общество», организованное Н. И. Новиковым и вместе с А. А. Петровым (масоном и другом Карамзина) издает журнал «Детское чтение для сердца и разума». В 1787 году печатает перевод трагедии Шекспира «Юлий Цезарь», а в 1789 году в «Детском чтении» — первую свою сентиментальную повесть «Евгений и Юлия».

В конце 80-х годов Карамзин отходит от масонов и отправляется в путешествие по Западной Европе (1789—1790 гг.). Был в Германии,

Швейцарии, Франции и Англии. По возвращении в Россию издает «Московский журнал» (1791—1792 гг.), в котором напечатал «Письма русского путешественника», повести «Бедная Лиза», «Наталья — боярская дочь», «Фрол Силин». Эти произведения имели большой успех у читателей, вызвали массу подражаний и способствовали упрочению в России нового литературного направления — сентиментализма. В 90-е же годы выпускает два альманаха — «Аглая», «Аониды» и сборник «Мои безделки».

В 1802—1803 годах издавал журнал «Вестник Европы», в котором, кроме беллетристики (историческая повесть «Марфа Посадница» и др.) и литературно-критических статей, помещает политические обозрения.

В 1803 году начинает работу над «Историей государства Российского» и в 1808 году получает звание придворного историографа. «История» Карамзина была встречена современниками с большим энтузиазмом и оказала влияние на многих писателей. Умер Карамзин в разгаре работы над двенадцатым томом своего исторического труда.

Стихотворения Н. Карамзина печатаются по тексту издания: Н. М. Карамзин, Полное собрание стихотворений (Библиотека поэта. Большая серия), «Советский писатель», М.— Л. 1966.

Поэзия (стр. 463).— Эпиграф принадлежит перу немецкого поэта Фридриха Готлиба Клопштока (1724—1803).

Стр. 464. *Ты пал, о человек!* — Имеется в виду грехопадение Адама и Евы в раю (б и б л.).

Дщерь небес — муза.

Эдемский сад — рай.

Когда погибло все... — Имеется в виду всемирный потоп (б и б л.).

Так славный, мудрый бард... — пророк Моисей, которому в Библии приписывается книга «Бытия», где описано сотворение богом вселенной.

Так оный муж святый, в грядущее проникший... — царь Соломон, которого считают автором библейской книги Екклезиаст (Проповедник).

...так царственный поэт, // Родившись пастухом... — царь Давид, псалмопевец (б и б л.).

Стр. 465. *Омир* — Гомер.

Бион, *Теокрит* (Феокрит), *Мосхос* (Мосх) — авторы идиллий в Древней Греции (IV — III вв. до н. э.).

Так Августов поэт, так пастырь Мантуанский... — Поэт Вергилий родился в Мантуе; в своих произведениях воспевал императора Октавиана Августа.

Он пел, и всякий мнил, что слышит глас Омира... — Имеется в виду поэма Вергилия «Энеида», написанная по образцу гомеровских поэм.

Стр. 466. *Он пел, и всякий мнил, что сельский Теокрит...* — Подразумевается Вергилий и его «Георгики» и «Буколики».

Овидий воспевал начало всех вещей... — «Метаморфозы» Овидия.

Фингалов мрачный сын... — Оссиан (III в.) — полулегендарный шотландский поэт. Под его именем английский поэт Макферсон в 1760—1762 годах издал свои поэмы на темы шотландского эпоса.

Стр. 467. *Йонг* — Юнг.

Томсон Джеймс (1700—1748) — английский поэт, автор поэмы «Времена года».

Альпийский Теокрит — Геснер Соломон (1730—1788), швейцарский поэт, автор идиллий.

Начало и конец Мессииных страданий... — Мессия — Христос, спаситель; речь идет о поэме «Мессиада» немецкого поэта Клопштока.

Граф Гваринос (стр. 468).— Перевод старинного испанского романа, найденного Карамзиным в немецком издании «Magazin der Spanischen und Portugalischen Literatur» (1780—1783). Романс упоминается в романе Сервантеса «Дон-Кихот».

Стр. 468. *В Ронцевале...* — Битва франков с маврами при Ронсевале (778 г.) закончилась поражением франков.

Стр. 471. *Праздник Иоаннов.*— 24 июня, по церковному преданию, день рождения Иоанна Крестителя.

Кладбище (стр. 477).— Вольный перевод стихотворения немецкого писателя Л. Козегартена (1758—1818) «Des Grabes Furchtbarkeit und Lieblichkeit» («Ужасы и прелести могилы»).

Послание к Дмитриеву... (стр. 479).— Стихотворение написано в ответ на «Стансы к Карамзину» (1793) И. Дмитриева. Оно отражает острый идейный кризис, переживаемый Карамзиным в 1793—1794 годах.

Стр. 481. *...с Платоном // Республик нам не учредить...* — Отзвук разочарования Карамзина во французской революции. Мысль об идеальном обществе связывалась у Карамзина с республикой Платона, основы которой излагались последним в его диалогах «Государство», «Политика», «Законы».

Питтак (651—569 до н. э.), *Фалес* (640—540 до н. э.), *Зенон* (видимо, Зенон-стоик; 336—264 до н. э.) — греческие философы.

Сократ (469—399 до н. э.) — греческий философ-идеалист; оклеветанный в непочитании богов и развращении юношества, по решению народного собрания выпил предложенный ему яд.

Послание к Александру Алексеевичу Плещееву (стр. 484).— Стихотворение навеяно думами о судьбах французской революции. А. А. Плещеев (ок. 1775—1827) — писатель, приятель Карамзина.

Стр. 485. *Хилон* (VI в. до н. э.) — один из «семи мудрецов» Древней Греции. *Эпименид* (VII в. до н. э.) — критский философ и поэт. *Критон*

(конец V в. до н. э.) — афинский философ. *Бион* (Бористенит; IV — III вв. до н. э.) — греческий философ. *Симмий* (V — IV вв. до н. э.) — ученик Сократа, его собеседник в диалоге Платона «Федон». *Стильпон* (жил ок. 320 до н. э.) — греческий философ, предшественник стоиков. *Эрмий* (V — IV вв. до н. э.) — греческий философ.

Чудесный философский камень... — Имеется в виду разыскиваемое алхимиками чудодейственное средство изготовления золота.

Стр. 486. *Япетов сын* — Прометей.

Смельчак, Америку открывший... // Индейцев в цепи заключивший, // Цепями сам окован был... — После открытия Америки (1492—1498 гг.) Христофор Колумб (1451—1506) занял на новых землях пост вице-короля и повел истребительную войну против индейцев. За назначением в 1500 году нового правителя последовал арест Колумба; последний, закованный в цепи, был отправлен в Испанию.

К б е д н о м у п о э т у (стр. 490).

Стр. 492. *Лаиса* — греческая гетера V в. до н. э.; здесь: нарицательное имя красавицы, продающей любовь за деньги.

Стр. 493. *Или, Платонов воскрешая... // Закон республикам давай...* — Карамзин сочувственно относился к воззрениям Платона на республиканский строй, однако «Платонову республику мудрецов» считал утопией, «мечтой», которая никогда не может быть осуществлена в действительности.

Т а ц и т (стр. 493).— *Тацит* Публий Корнелий (55—120) — римский историк. Резко осудил деспотизм римских императоров и падение нравов в Римской империи.

П р о т е й, и л и Н е с о г л а с и я с т и х о т в о р ц а (стр. 494).

Стр. 494. *Несогласия* — здесь: противоречия.

Стр. 495. *...где, действуя лишь для себя самих, // Невольно действуем для выгоды других...* — Мысль французских просветителей о сочетании в обществе личных и общественных интересов.

Стр. 496. *Нума* Помпилий — легендарный идеальный правитель, второй царь Древнего Рима.

Стр. 497. *Апелл* — Апеллес, греческий живописец (IV в. до н. э.).

Стр. 498. *Великий Александр* — Александр Македонский.

Стр. 499. *Кимвальный звон* — торжественный, праздничный звон (кимвал — древневосточный ударный музыкальный инструмент).

Стр. 500. *См. в Бюффоне чувства первого человека.*— Карамзин перевел отрывок из «Естественной истории» французского натуралиста Жоржа-Луи Бюффона (1707—1788). В этом отрывке излагалась сенсуалистическая теория связи чувств и мыслей.

М е л а н х о л и я (стр. 502).— Вольный перевод отрывка из поэмы «L'Imagination» («Воображение») французского поэта Ж. Делиля (1738—1813).

И. ДМИТРИЕВ

Иван Иванович Дмитриев (1760—1837) родился в старинной дворянской семье в Симбирской губернии. Учился в частных пансионах в Казани и в Симбирске. С 1774 по 1796 год находился на военной службе, начав ее в унтер-офицерском и закончив в полковничьем чине. Стихи начал писать с семнадцатилетнего возраста. Большую роль в поэтической деятельности Дмитриева сыграло знакомство с Карамзиным, в «Московском журнале» и альманахах которого он печатает в 90-е годы свои стихотворения. Вслед за сборником Карамзина «Мои безделки» Дмитриев выпускает сборник под названием «И мои безделки» (1795). В 1796 году издал «Карманный песенник, или Собрание лучших светских и простонародных песен», где наряду с песнями Нелединского-Мелецкого и Карамзина были помещены песни самого Дмитриева. По своим литературным вкусам Дмитриев принадлежал к сентиментальному направлению.

Уволившись с военной службы, Дмитриев занимает ряд высоких постов: товарищ министра департамента уделов, обер-прокурор Сената и, наконец, министр юстиции. В литературной жизни XIX века он уже не играл той роли, которая принадлежала ему в XVIII веке.

Сочинения И. Дмитриева печатаются по тексту издания: И. И. Дмитриев, Полное собрание стихотворений (Библиотека поэта. Большая серия), «Советский писатель», Л. 1967.

САТИРИЧЕСКИЕ И ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Чужой толк (стр. 504).

Стр. 504. ...*Флакку*... — Флакк Квинт Гораций (65—8 гг. до н. э.) — римский поэт.

Раммлер Карл Вильгельм (1725—1798) — немецкий поэт, переводник древнегреческих и латинских авторов.

Стр. 505. *Предложение* — здесь: основная часть произведения.

Аристарх (жил ок. 170 г. до н. э.) — греческий грамматик. Имя его стало нарицательным для строгого и справедливого критика.

Стр. 506. *На пробу* — на репетицию.

«*Меркурий*» *наш, и* «*Зритель*»... — журналы «Санктпетербургский Меркурий» (1793) и «Зритель» (1792), издававшиеся И. А. Крыловым и А. И. Клушиным. В них высмеивались сентиментальная литература и авторы-сентименталисты.

Демосфен (ок. 384—322 до н. э.) — афинский оратор и политический деятель.

Стр. 507. *Рымникский Алкид* — А. В. Суворов (граф Рымникский) в 1794 году участвовал в подавлении польского восстания.

Ферзен Иван Евстафьевич (1747—1799) — русский генерал.

Костюшко Тадеуш (1746—1817) — руководитель польского национально-освободительного восстания 1794 года.

Румянцев Петр Александрович (1725—1796) — русский полководец XVIII века.

Грейг Самуил Карлович (1736—1788) — адмирал русского флота, участник Чесменской битвы.

Орлов Алексей Григорьевич (1737—1808) — фаворит Екатерины II, главнокомандующий русским флотом в русско-турецкой войне 1770 года.

Пиндарил — то есть витийствовал, высоко парил в стихах; от имени древнегреческого поэта Пиндара, автора од и гимнов.

Стр. 508. *Клеврет* — приверженец, приспешник.

Путешествие N. N. в Париж и Лондон, писанное за три дни до путешествия (стр. 508).— Написано по поводу готовившегося путешествия за границу поэта Василия Львовича Пушкина (1770—1830), приятеля И. И. Дмитриева.

Стр. 508. *Журнал* — дневник (от франц. journal).

...в Лицее... — Лицеи, средние учебные заведения классического типа, только что появившиеся во Франции.

...в Пантеоне... — Пантеон — место погребения выдающихся деятелей Франции. Открыт в 1802 году по указу Наполеона I.

...у Бонапарта... — у Наполеона Бонапарта (1769—1821), французского императора с 1804 года.

Корпус мамелюков — воинская часть при Наполеоне I, состоящая из арабов, набранных в Египте.

Стр. 509. «*Меркюр*» — французский журнал.

«*Монитер*» — официальная французская газета.

Сегюр Луи-Филипп (1753—1830) — французский дипломат и писатель.

Виргилиеву грозну бурю... — Имеется в виду буря на море, описанная в поэме Вергилия «Энеида».

Стр. 510. *Поп* Александр (1688—1744) — английский поэт.

Питт Младший Уильям (1759—1806) — английский государственный деятель.

Шеридан Ричард Бринсли (1751—1816) — английский драматург, политический деятель. Выступал в парламенте с резкими антиправительственными речами.

Мабли Габриель (1709—1785) — французский писатель-просветитель.

Корнилий — Корнелий Непот (конец II в. — после 32 г. до н. э.) — римский историк.

Плутарх (ок. 46 — ок. 127) — греческий писатель, автор «Жизнеописаний» выдающихся деятелей Древней Греции и Рима.

Гюм — Юм Дэвид (1711—1776) — английский философ и историк.

Журналы Аддисона, Стиля... — Дж. Аддисон (1672—1719) и Стиль (1676—1729) издавали в начале XVIII века сатирико-нравоучительные журналы «Болтун» и «Зритель».

Ермак (стр. 511).

Стр. 511. *Ермак* Тимофеевич (ум. в 1585 г.) — казачий атаман. Походы Ермака положили начало присоединению Сибири к Московскому государству.

Стр. 512. *Кучум* — последний хан Сибирского ханства (XVI в.).

СКАЗКИ

Модная жена (стр. 521).

Стр. 521. *...стал ездить... шестеркою...* — См. прим. к стр. 451.

Стр. 522. *Блонды* — шелковое кружево (от франц. blonde).

Каски — женские головные уборы (от франц. casque).

Креп — шелковая или шерстяная ткань с особо выработанной шероховатой поверхностью.

Лино-батист — тонкая ткань для дамского белья (от франц. linon-batiste).

Тамбурна кисея — кисея, вязанная особым способом.

Стр. 523. *Месть нам от султанов...* — Диваны заимствованы с Востока.

...на тяжких верея... — Верея — столб, на который навешивается створка ворот.

Стр. 525. *Лукреция* — по римским легендам, знатная римлянка, которая, будучи обесчещена Секстом, сыном царя Тарквиния Гордого, лишила себя жизни.

ЭПИТАФИИ

Ф. М. Д<убянском>у (стр. 526).— Дубянский Федор Михайлович (1760—1796) — композитор и скрипач. Утонул в Неве летом 1796 года.

ЭПИГРАММЫ

«Я разорился от воров!..» (стр. 527).— Перевод эпиграммы французского поэта Лебрена (1729—1807) «Dialogue entre un pouvre poète et l'auteur» («Диалог между бедным поэтом и автором»).

БАСНИ

Пустынник и Фортуна (стр. 528). — Перевод одноименной басни французского поэта Жана-Батиста Грекура (1683—1743).

Искатели Фортуны (стр. 529).— Перевод басни Лафон-

тена «L'homme qui court après la Fortune...» («Человек, который гонится за фортуной...»).

Дуб и Трость (стр. 531).— Перевод одноименной басни Лафонтена.

Два Голубя (стр. 532).— Перевод одноименной басни Лафонтена.

Кокетка и Пчела (стр. 535).— Перевод одноименной басни французского поэта Ж.-П.-К. Флориана (1755—1794).

Царь и два Пастуха (стр. 535).— Перевод одноименной басни Флориана.

Воспитание Льва (стр. 537).— Перевод одноименной басни Флориана. *В менторы* — в наставники. Ментор в «Одиссее» — воспитатель Телемака, сына Одиссея.

Петух, Кот и Мышонок (стр. 540).— Перевод одноименной басни Лафонтена.

Змея и Пиявица (стр. 541).— Перевод одноименной басни Флориана.

Мышь, удалившаяся от света (стр. 541).— Перевод басни Лафонтена «Le Rat qui s'est retiré du monde» («Крыса, удалившаяся от света»). *Крысополис* — город крыс. *Дервиш* — мусульманский нищенствующий монах.

Муха (стр. 542).— Перевод басни французского поэта Пьера Вилье (1648—1728).

Г. ДЕРЖАВИН

Гаврила Романович Державин (1743—1816) родился в бедной дворянской семье. Отец, армейский офицер, умер, когда Державину было десять лет. Мать осталась с тремя сиротами на руках. Учился вначале грамоте — у дьячка, арифметике — у отставного солдата, немецкому языку — у ссыльного немца. С 1759 до 1762 года обучается в Казанской гимназии, где обнаружил большие способности к рисованию. Гимназии не закончил, так как в 1762 году был вызван на военную службу в Петербург. Служил в Преображенском гвардейском полку простым солдатом. Здесь в казарме начал писать стихи. Участвовал в дворцовом перевороте 1762 года, после которого на престол взошла Екатерина II. Позже, будучи офицером, принял участие в подавлении Пугачевского восстания. С 1777 до 1783 года служит экзекутором в Сенате.

В 70-е годы стихотворения Державина начинают появляться в печати, но остаются почти никем не замеченными. В эти же годы Державин входит в дружеский литературный кружок, участниками которого были

Н. А. Львов, В. В. Капнист, И. И. Хемницер. В 1783 году была напечатана его ода «Фелица», имевшая большой успех. Ода понравилась императрице, и Державин был назначен губернатором в Олонецкую губернию. Здесь он развивает кипучую деятельность, смело борется с неправдой и лихоимством, что вызвало недовольство наместника края. Державин был вынужден подать в отставку. Та же история повторяется во время губернаторства в Тамбове (1786—1788 гг.) и даже при дворе, где, будучи кабинет-секретарем, Державин продолжал отстаивать правое дело с тем же благородным пылом. Будучи отстранен от должности кабинет-секретаря, переходит на службу в Сенат.

В царствование Александра I назначен на пост министра юстиции и снова был отстранен от этой должности самим царем за то, что «очень ревностно» служит.

В последние годы живет на покое в Петербурге или в имении Званка. С 1811 года в его петербургском особняке происходили заседания общества «Беседа любителей русского слова», защищавшего традиции классицизма. Это не мешало Державину оценить по достоинству произведения Жуковского и молодого Пушкина.

В 1804 году отдельной книжкой вышли «Анакреонтические песни» Державина, а в 1808 году четыре тома его сочинений. В 1811—1812 годах создаются автобиографические «Записки». Умер Державин в своем имении, в Званке.

В 1809—1810 годах Державин диктовал своим близким комментарии к написанным им стихотворениям. В рукописи эти примечания носили название «Объяснения на сочинения Державина». Эти «Объяснения» напечатаны в третьем томе «Сочинений Державина» (СПб. 1864—1883), изданных под редакцией Я. Грота. (Ниже при ссылках на «Объяснения на сочинения Державина» — сокращено: «Об. Д.» — указаны страницы вышеуказанного издания.)

Сочинения Г. Р. Державина печатаются по тексту книги: Г. Р. Державин, Стихотворения (Библиотека поэта. Большая серия), «Советский писатель», Л. 1957.

Кружка (стр. 544).

Стр. 545. *Куликать* — пить, бражничать.

Клоб — клуб.

...вист, да банк, да макао — карточные игры XVIII века.

На смерть князя Мещерского (стр. 546).— Написано в связи с внезапной смертью князя А. И. Мещерского (ум. в 1779 г.)— петербургского богача, хлебосола, хорошего знакомого Державина.

Стр. 546. *Глагол времен* — язык времени; бой часов, символизирующий течение времени.

Стр. 547. *Надгробные... лики* — погребальный хор.

Н а р о ж д е н и е в С е в е р е п о р ф и р о р о д н о г о о т р о к а (стр. 548).— Написано по случаю рождения великого князя Александра, будущего Александра I.

Стр. 549. *...солнце красно // Обратилося к весне...* — Александр родился 12 декабря по старому стилю, когда начинает увеличиваться день.

Стр. 550. *...с их... матерью...* — с Екатериной II.

К п е р в о м у с о с е д у (стр. 550).— Стихотворение адресовано М. С. Голикову (ум. в 1788 г.), богачу откупщику, жившему в Петербурге по соседству с Державиным на Сенной площади.

Стр. 550. *Из глин китайских* — из фарфора.

Стр. 551. *Алиатико* — итальянское вино.

С младой... нимфой... — Имеется в виду любовница Голикова, итальянская певица.

Стр. 552. *Твоя уж Пенелопа в скуке // Ковер не будет распускать...* — «К Голикову же сие сравнение относится потому, что он был сибирский житель и, поехав в Петербург для снятия откупа, оставил там жену, обнадеживая ее, что скоро возвратится» (Об. Д., стр. 632).

В л а с т и т е л я м и с у д и я м (стр. 552).— Переложение 81 псалма (Библия). Стихотворение вызвало недовольство Екатерины II, которая увидела в нем «якобинские» настроения. Оно дважды было изъято цензурой из сборников, подготовленных к печати. *Страстны* — одержимы страстями.

Р а з н ы е в и н а (стр. 553).— В первом издании к названию стихотворения было добавлено: «Или пирушка молодых холостых людей. 1782 г.» *Черно-тинтово вино* — красное испанское вино (vino tinto). *Слезы ангельски вино* — неточное название итальянского вина «Lacrimae Christi».

Ф е л и ц а (стр. 554).— Имя Фелица взято Державиным из «Сказки о царевиче Хлоре», написанной Екатериной II. В оде под этим именем подразумевается сама императрица. Вся первая строфа излагает сюжет екатерининской сказки.

Стр. 554. *Мурзам твоим не подражая...* — Слово «мурза» употребляется в оде «Фелица» в двояком смысле. Мурзой называет себя сам Державин, намекая на свое происхождение от татарского мурзы Багрима. Но этим же словом названы и вельможи Екатерины II, многим из которых были присущи и «восточная» лень, и «восточный» деспотизм.

...пред налоем.— Налой — высокий столик с покатой крышкой для богослужебных книг. Здесь: конторка, столик.

Стр. 555. *К духáм в собранье не въезжаешь* — не посещаешь масонских лож.

А я, проспавши до полудни... и далее.— «Относится к прихотливому нраву князя Потемкина... который то сбирался на войну, то упряжнялся в нарядах, в пирах и всякого рода роскошах» (Об. Д., стр. 598).

Стр. 556. *Лечу на резвом бегуне...* и далее.— «Относится к... гр. Ал. Гр. Орлову, который был охотник до скачки лошадиной... до всякого молодечества русского, как и до песен русских» (Об. Д., стр. 598).

И забавляюсь лаем псов... — «Относится к Петру Ивановичу Панину, который любил псовую охоту» (Об. Д., стр. 598).

Я тешусь по ночам рогами // И греблей удалых гребцов.— «Относится к Семену Кирилловичу Нарышкину, бывшему тогда егермейстером, который первый завел роговую музыку» (Об. Д., стр. 598).

Полкана и Бову читаю; // За Библией, зевая, сплю.— «Относится до кн. Вяземского, любившего читать романы... — Полкана и Бову и известные старинные русские повести» (Об. Д., стр. 599).

Между лентяем и брюзгой...— Лентяй и Брюзга — персонажи из «Сказки о царевиче Хлоре» Екатерины II.

Стр. 557. *Деля Хаос на сферы стройно...* — Намек на учреждение губерний (1775 г.).

Стр. 558. *Что отреклась и мудрой слыть.*— Екатерина лицемерно отреклась от титула «Премудрой» и «Великой», предложенных ей в 1767 году Сенатом.

И быль и небыль говорить... — В Наказе депутатам Екатерина писала, что нельзя никого судить и наказывать за слова.

Там можно пошептать в беседах... и вся следующая строфа — намеки на правительственный произвол в царствование Анны Иоанновны.

Стр. 559. *Тамерлан* — Тимур (1336—1405), среднеазиатский эмир, полководец и завоеватель, известный своей жестокостью.

...брани усмирил... — Намек на окончание русско-турецкой войны 1768—1774 годов.

Который даровал свободу... и далее. — Державин говорит о льготах, предоставленных Екатериной II дворянству: право на выезд за границу, право добывать для себя драгоценные металлы, свободное плавание с торговыми целями по морям и рекам, порубка леса в своих именьях, право заводить у себя мануфактуры.

Видение Мурзы (стр. 560).— Стихотворение содержит в себе резкие возражения Державина против обвинений его в лести Екатерине II в оде «Фелица».

Стр. 561. *Бельт* — Балтийское море.

Пленира.— Так Державин называет свою первую жену — Екатерину Яковлевну, урожденную Бастидон (1760—1794).

Улус — селение кочующих народов (Об. Д., стр. 604).

Стр. 562. *Досканец* — небольшой деревянный ящик. Намек на подарок императрицы, которая прислала автору «Фелицы» табакерку с пятьюстами червонцев.

Сошла — и жрицей очутилась... — «Подлинный список с портрета... императрицы, писанного г. Левицким» (Об. Д., стр. 604).

Из черно-огненна виссона... и далее.— «Описание Владимирского ордена, который императрица... на себя наложила» (Об. Д., стр. 604). Виссон — драгоценная белая или пурпурная ткань, употреблявшаяся в Древнем Риме.

Орел полунощный, огромный... и далее.— Аллегорическое изображение Русского государства.

Стр. 564. *Кадий* — судья (а р а б с к.).

Факир — мусульманский странствующий монах (а р а б с к.).

И словом: тот хотел арбуза, // А тот соленых огурцов... — «Сие относится на прихотливый нрав кн. Потемкина, который тогда только и был доволен, когда чего дожидался, а как скоро получал, то опять находился в скуке: он нередко посылывал нарочных курьеров по империи, как-то в Москву и другие города за арбузами, за солеными огурцами и проч., и проч.» (Об. Д., стр. 605).

Б о г (стр. 565).

Стр. 565. *Без лиц в трех лицах божества!* — «Автор, кроме богословского... понятия, разумел тут... бесконечное пространство, беспрерывную жизнь в движении вещества и неокончаемое течение времени» (Об. Д., стр. 593).

Стр. 566. *Тебя душа моя быть чает...* — моя душа хочет, чтобы ты был.

О с е н ь в о в р е м я о с а д ы О ч а к о в а (стр. 568).— Написано во время осады русскими войсками, возглавлявшимися Г. А. Потемкиным, турецкой крепости Очаков. Ода была послана княгине В. В. Голицыной, муж которой С. Ф. Голицын (1748—1810) участвовал в сражениях под Очаковом.

Стр. 568. *Колпик* — птица с белым опереньем.

И выжлиц лай... — Выжлец — гончий кобель.

Стр. 569. *Над древним царством Митридата...* — над Крымом. Митридат (132—63 гг. до н. э.) — понтийский царь, которому принадлежали земли на северном и восточном побережье Черного моря.

Летает и темнит луну...— помрачает славу Турции.

Эвксин — Черное море.

Хотя вы в Стикс не погружались... — Фетида, мать Ахиллеса, чтобы сделать сына неуязвимым, искупала его в реке Стиксе (г р е ч. м и ф.).

Стр. 570. *Ее ты дяди и отца...* — то есть Потемкина, который был дядей жены Голицына и отечески ее любил.

Ф и л о с о ф ы, п ь я н ы й и т р е з в ы й (стр. 571).— В стихотворении противопоставлены «образ мыслей Аристиппа и Аристида» (Об. Д., стр. 719). Аристипп (род. ок. 435 до н. э.) — греческий философ, проповедовал разумное, умеренное наслаждение как цель жизни. Аристид (ок. 540 — ок. 467 г. до н. э.) — афинский полководец, государственный деятель. За гражданское мужество был назван Справедливым.

На взятие Измаила (стр. 573).— Эпиграф взят из «Оды императрице Екатерине Алексеевне на ея восшествие на престол июля 28 дня 1762 года» Ломоносова (строфа 22-я).

Стр. 573. *Измаил* — турецкая крепость на берегу Дуная; была взята русскими войсками во главе с А. В. Суворовым 11 декабря 1790 года.

Стр. 574. *...вождя веленьем...* — Имеется в виду Г. А. Потемкин.

Драконы медны — пушки.

Из трех сот жерл огнем дышали... — «Тремястами пушками измаильская крепость была обороняема» (Об. Д., стр. 609).

Стр. 575. *Всяк Курций, Деций, Буаров!* — «Первый — всадник римский, бросившийся в разверстую бездну, чтоб утишить в Риме моровое поветрие; второй — полководец римский, бросившийся в первые ряды, чтоб одержать победу над неприятелем; третий — капитан французский, взлез во время бури на скалу вышиною в 80 сажен по веревочной лестнице и взял крепость» (Об. Д., стр. 610).

Стр. 577. *Мармора* — Мраморное море; здесь подразумевается Турция, часть владений которой находилась на берегах Мраморного моря.

Тир — финикийский город, взятый в 333 году до н. э. Александром Македонским.

Горой он море запрудил... — «Александр Великий, отправившийся для покорения Персии, когда не мог взять на пути лежащего города Тира, то чтоб ближе подвесть стенобитные машины или тараны, запрудил он Тирский залив и взял город приступом» (Об. Д., стр. 610).

...три века держит сон... — Имеется в виду трехсотлетнее татарское иго.

Стр. 578. *Лжецарь* — Лжедмитрий I (ум. в 1606 г.).

Монархий света разрушитель... — «Разрушили Римскую монархию племена татарские и прочие северные обитатели, которые покорены напоследок россиянами» (Об. Д., стр. 610).

Стр. 579. *Тавр* — горный хребет в Турции.

Вселенной на среду ступаешь... — Имеется в виду Константинополь, почитавшийся в древности центром Земли.

Под ним плывут дремучи рощи... — то есть мачты русских кораблей.

Стр. 580. *Рында обожженна.*— «Рында, дубина или палица, орудие древних княжеских придворных, которые и сами назывались рындами». (Об. Д., стр. 610). (Объяснение Державина ошибочно, так как рындой назывался серебряный топорик.)

Седящая на ней царица — Екатерина II.

Олег (ум. в 912 или 922 г.) — древнерусский князь.

Ольга (ум. в 969 г.) — княгиня киевская.

Ахеян спасть, агарян стерть... — «Ахеяне — греки, агаряне — татары» (Об. Д., стр. 610).

Пророки, камни возглашают.— «В Византии находятся камни с надписями древних восточных народов, которые пророчествуют о взятии северными народами Константинополя; мистики находят о том пророчество и в самом Священном писании» (Об. Д., стр. 610).

О вы, что в мыслях суетитесь // Столь славный россу путь претить... Во время русско-турецкой войны 1787—1791 годов Англия, Пруссия и Швеция желали поражения России.

Темиров — Тимуров.

Блюсть ваших от Омаров муз... — Арабский калиф Омар I (ок. 591—644), «зять Магомета, завоевавши Александрию, сжег славную библиотеку» (Об. Д., стр. 611).

Стр. 581. *Афинам возвратить Афину...* — «То есть город Афины возвратить богине его Минерве, под которою разумеется имп. Екатерина» (Об. Д., стр. 611).

Град Константинов Константину... — «Константинополь подвергнуть державе великого князя Константина Павловича, к чему покойная государыня все мысли свои устремляла» (Об. Д., стр. 611).

И мир Афету водворить... — Афет (сын Ноя), по Библии, родоначальник арийского племени. Здесь Афет олицетворяет народы Европы.

В о д о п а д (стр. 583).— Ода написана в связи с неожиданной смертью Потемкина (5 октября 1791 г.), который скончался по дороге из Ясс в Николаев после окончания русско-турецкой войны 1787—1791 годов. В первой строфе Державин описывает водопад Кивач на реке Суне, находящийся в окрестностях Петрозаводска. Державин жил в Петрозаводске во время своего губернаторства в Олонецкой губернии.

Стр. 583. *С высот четыремя скалами...* — Водопад Кивач «стремится с высоты между четырех гранитных скал, под сим подразумеваются четыре отделения года, которыми протекает время» (Об. Д., стр. 637).

Стук слышен млатов по ветрам... — звуки, доносящиеся по ветру с Кончезарского завода, расположенного в сорока верстах от Кивача.

Стр. 583—584. *Волк... лань... конь...* — по словам Державина, обозначают злобу, кротость и честолюбие (Об. Д., стр. 637).

Стр. 584. *...некий муж седой...* — П. А. Румянцев.

Как вечер во заре румяной... — Намек на возраст и на фамилию героя оды.

Стр. 585. *В Сенате Цеварь средь похвал...* и далее. — «Цезарь, диктатор римский, тогда как думал провозглашен быть царем, принимая многие ласкательные себе просьбы, был поражен в Сенате несколькими кинжалами сенаторов» (Об. Д., стр. 637—638).

Велизар — Велизарий (ок. 505—565) — византийский полководец, был оклеветан, посажен в темницу и ослеплен.

Как в лаврах я, в оливах тек... — Намек на прежние военные и административные заслуги Румянцева.

...буря вдруг // Копье из рук моих схватила... — «Буря или немилость императрицы» (Об. Д., стр. 638).

Стр. 586. *Что огнедышущи за перстом // Ограды вслед его идут...* — «Огнедышащие ограды, то есть каре, или четвероугольное устройство, каковые фельдмаршал Румянцев выдумал» (Об. Д., стр. 638).

Химеры — то есть мнимая опасность для врага, военная хитрость.

Стр. 587. *Что орлю дерзость, гордость лунну, // У черных и янтарных волн, // Смирил...* — Победы над пруссаками у Балтийского и над турками у Черного моря.

Смирил Колхиду златорунну... — Колхидой Державин ошибочно называет Крым.

И белого царя урон... // Отмстил... — Победой на реке Пруте Румянцев отомстил Турции за поражение Петра I в Прутском походе 1711 года.

И все везде его почли, // Триумфами превознесли.— «После первой турецкой войны великие оказываны были фельдмаршалу Румянцеву почести» (Об. Д., стр. 639).

Стр. 588. *Некий вождь* — Потемкин.

Стр. 589. *Два лепта* (лепты) — две медные монеты.

Стр. 590. *Чей одр — земля, кров — воздух синь...* и далее. — Потемкин умер в степи, под открытым небом.

Великолепный князь Тавриды... — «По присоединении Крыма к России он назван Таврическим» (Об. Д., стр. 639).

У Северной Минервы... — у Екатерины II.

Древний Рим — здесь: Константинополь.

Не ты ль, который орды сильны // Соседей хищных истребил... — «По его (Потемкина.— *П. О.*) советам истреблена Запорожская Сеча, освобожден от татар Крым» (Об. Д., стр. 639).

Стр. 591. *Врата торжественные* — мраморная триумфальная арка, воздвигнутая в честь побед Потемкина в Царском Селе в 1791 году.

Где бездны разноцветных звезд // Чертог являли райских мест. — Во время праздника в Таврическом дворце все здание было усыпано «разноцветными шкаликами, плошками и люстрами» (Об. Д., стр. 640).

Потух лавровый твой венок... — лавровый венок из бриллиантов, пожалованный Потемкину Екатериной II.

Гранена булава — фельдмаршальский жезл, знак гетманства.

Меч в полножны войти чуть мог... — «Мир (с Турцией.— *П. О.*) только был при Потемкине начат» (Об. Д., стр. 640).

И муз ахейских жалкий звук // Вокруг Перикла раздается... — «Евгений славный Архиепископ славянский (Булгар.— *П. О.*) на греческом языке написал кн. Потемкину эпитафию; то и уподобляется он в этом стихе Периклу» (Об. Д., стр. 641).

Марон по Меценате рвется... — букв.: Вергилий (Марон) оплакивает Мецената. Державин имел здесь в виду поэта В. П. Петрова (1736—1799), которому покровительствовал Потемкин. Петров написал элегию на смерть Потемкина.

Стр. 592. *Мафусаила долголетье.* — Мафусаил прожил самую долгую жизнь — 969 лет (б и б л.).

Стр. 593. *Где сорок тысяч вдруг убитых // Вкруг гроба Вейсмана лежат.* — Отто Вейсман фон Вейсенштейн, русский генерал, убит в первую турецкую войну (в 1773 г.) и похоронен в Измаиле, где турки потеряли сорок тысяч солдат.

Столпы на небесах горят // По суше, по морям Тавриды... — «Пожары, бывшие при взятии крепостей и при поражении турецких флотов, показывали на небе зарева в подобие огненных столпов» (Об. Д., стр. 641).

Геройский образ оживляет. — «Многие почитавшие кн. Потемкина женщины носили в медалионах его портреты на грудных цепочках» (Об. Д., стр. 641).

Стр. 594. *Алцибиадов прах.* — Алкивиад (Алцибиад) — афинский государственный деятель и полководец (V в. до н. э.). «По роскошной жизни здесь кн. Потемкин уподобляется Алцибиаду» (Об. Д., стр. 641).

Фирс (Терсит) — герой Илиады; будучи трусом, он порицал Ахиллеса. Державин имеет в виду Платона Зубова, преемника Потемкина у трона Екатерины II, «который, приобретши... власть, охуждал иногда дела кн. Потемкина» (Об. Д., стр. 642).

Стр. 595. *Суна* — река, впадающая в Онежское озеро, она символизирует здесь Екатерину II, «которая делала водопады, то есть сильных людей, и блистала чрез них военными делами или победами» (Об. Д., стр. 642).

На смерть собачки Милушки... (стр. 595).— *Людвиг* — Людовик XVI, французский король, казненный 21 января 1793 года.

Мой истукан (стр. 596).

Стр. 596. *Истукан* — здесь: мраморный бюст Державина, работы скульптора Рашета (1794 г.).

...низкой частью... — незаметным положением.

Стр. 597. *До Герострата только шаг...* — Герострат, желая прославиться, в 356 году до н. э. сжег храм Дианы в Эфесе.

Стр. 598. *Эпаминонд* (ок. 420—362 до н. э.) — крупный полководец и политический деятель Древней Греции.

Тит Флавий Веспасиан (39—81 гг.) — «благодетель и император римский, который почитал тот день потерянным, когда не сделал какого-нибудь добра» (Об. Д., стр. 647).

Филарет (в монашестве) — Федор Никитич Романов (род. в 50-х годах XVI в.— ум. в 1633 г.) — патриарх Московский и всея Руси, отец основателя династии Романовых Михаила Федоровича.

Долгоруков Яков Федорович (1659—1720) — сподвижник Петра I. Прославился смелостью и независимостью взглядов.

...болвану — здесь: памятнику, скульптуре.

Стр. 599. *Хотя б я с пленных снял железы...* — Во время Пугачевского восстания Державин, будучи поручиком Преображенского полка, освободил свыше 800 человек колонистов и русских, уведенных в плен киргизами (Об. Д., стр. 648). Далее перечисляются должности, которые занимал Державин: генерал-прокурор в Сенате, секретарь императрицы.

Стр. 600. *И пальмы взвесит и перуны...* — и похвалы взвесит и порицанья.

Стр. 601. *...с Гангеса...* — с Ганга.

Смотря на образ Марафона... — В Марафонской битве (490 до н. э.) греки, возглавляемые Мильтиадом, победили персов.

Зальется Фемистокл слезой... — «Фемистокл, тоже греческий вождь... когда увидел изображение Марафонской баталии, в честь Мильтиада написанное, то облился слезами, ревнуя его славе» (Об. Д., стр. 649).

Отдаст Арману Петр полтрона... — «Когда Петр I был в Париже и увидел бюст Армана Ришелье (первого министра Людовика XIII.— *П. О.*)... то, обняв его, сказал: «Великий муж! ежели бы ты был у меня, то я отдал бы тебе половину царства, чтобы ты научил бы меня править другой» (Об. Д., стр. 649).

В их урнах фениксы взродятся... — Феникс — легендарная птица, возрождающаяся из собственного пепла. Здесь: слава великих предков возродится в их потомках.

А ты, любезная супруга! — Первая жена Державина Екатерина Яковлевна, урожденная Бастидон.

Твой диван... — диванная комната, где стояли бюсты Державина и Екатерины Яковлевны.

Ласточка (стр. 603).— Вторая, окончательная редакция стихотворения написана «в память первой жены автора» (Об. Д., стр. 651).

Призывание и явление Плениры (стр. 604).— *Милена* — так Державин называет свою вторую жену — Дарью Алексеевну, урожденную Дьякову.

Вельможа (стр. 605).

Стр. 605. *В кивотах* — в киотах.

Поставленный в позор — поставленный на обозрение.

Не перлы персские на вас // И не бразильски звезды ясны... — Жемчуга и бриллианты, которыми вельможи украшали «звезды своих орденов» (Об. Д., стр. 633).

Стр. 606. *Он только хлопает ушами...* — «Автор, присутствуя тогда в Сенате, видел многих своих товарищей без всяких способностей, которые, слушая дело, подобно ослам, хлопали только ушами» (Об. Д., стр. 633).

Шумиха — сусальное золото, здесь: дорогие одежды.

Чупятов — гжатский купец, современник Державина. Чтобы избежать расплаты с кредиторами, притворился сумасшедшим, украшал себя медалями и уверял, что получил их от мароккской принцессы.

Стр. 607. *А ты, второй Сарданапал!* — Сарданапал — легендарный древнеассирийский царь, прославившийся своими пирами и сластолюбием. Этим именем Державин называет вельмож Екатерины II, в первую очередь Г. А. Потемкина.

Левант — Турция.

Стр. 608. *Лунь* — «белая цветом птица, род ястреба» (Об. Д., стр. 635).

...вдова стоит в сенях... — жена полковника Костогорова. Костогоров был убит на дуэли, защищая честь Потемкина.

Стр. 609. *Здесь дал бесстрашный Долгоруков // Монарху гровному ответ.*— По преданию, будучи сенатором, Я. Ф. Долгоруков разорвал указ, подписанный самим Петром I. Указ этот предписывал отправить на работу по устройству Ладожского канала крестьян Петербургской и Новгородской губерний.

...славного Камила... — Камилл (ок. 447—365 до н. э.) — консул и диктатор римский. Отличался большой скромностью. Державин этим именем называет фельдмаршала П. А. Румянцева.

Стр. 610. *Румяна вечера заря...* — Намек на возраст и фамилию Румянцева.

Приглашение к обеду (стр. 610).

Стр. 610. *Каймак* — сливки, снятые с охлажденного кипяченого или топленого молока.

Хозяйка статная, младая... — «Автор говорит сие про вторую свою жену» (Д. А. Дьякову.— *П. О.*) (Об. Д., стр. 652).

...благодетель давный... — В «Объяснениях» к одам Державин указывает, что он сначала имел в виду И. И. Шувалова, а позже графа А. А. Безбородко.

Стр. 611. *Случай* — не заслуженные милость и почести при дворе.

Стр. 612. *А если ты иль кто другие...* — «Был зван между прочими любимец императрицы князь Зубов и обещал приехать, но пред обедом прислал сказать, что его государыня удержала» (Об. Д., стр. 652).

Заздравный Орел (стр. 612).— «Застольная песнь воинов, писанная в намять фельдмаршалам Суворову и Румянцеву 1795» (Об. Д., стр. 719). *Орел* — Россия, *лев* — Швеция, *луна* — Турция.

Памятник (стр. 614).— Вольное подражание Горацию: Державин использовал мысль и отчасти форму оды 30, кн. III.

Надгробие Шелехову (стр. 615).— Шелехов Григорий Иванович (1747—1795) — купец, путешественник, открыл для России ряд островов у восточных берегов Сибири.

Храповицкому (стр. 615).— Храповицкий Александр Васильевич (1749—1801) — писатель, служил в Сенате, был статс-секретарем Екатерины II, близкий приятель Державина. В одном из посланий А. В. Храповицкий упрекнул Державина в лести («полы лощишь»). Стихотворение Державина — ответ на этот упрек.

На возвращение графа Зубова из Персии (стр. 616).— Граф В. А. Зубов, брат последнего фаворита Екатерины II П. А. Зубова, командовал армией на Кавказе, за что и был воспет Державиным в оде «На покорение Дербента». После смерти Екатерины, как и его брат, впал в немилость у Павла I. Князь С. Ф. Голицын напомнил Державину об его оде в честь Зубова и усомнился в ее искренности. В опровержение этого обидного подозрения и была написана новая ода, которая хотя и не попала в печать, но стала известна современникам в списках.

Стр. 617. *Кто при конце своих ристаний...* — «При конце своей жизни» (Об. Д., стр. 671).

Стр. 618. *Трезубцем бьет по кораблям...* — уподобление Каспия Нептуну.

Внизу, вверху, ты видел всё... — «Зубов пошел на знатную степень при дворе из весьма незнатного дворянского состояния» (Об. Д., стр. 672).

Вертяще мира колесо... — аллегорическое изображение непостоянства человеческого счастья.

...в Вратах Железных... — Персы называли Дербент Железными Воротами.

...Александра чтил... — Александра Македонского, завоевавшего Персию.

Стр. 619. *Сбылось! — Игру днесь счастья люту...* — Речь идет о постигшей В. А. Зубова опале.

Исправь поступки юных лет... — Зубов «был весьма расточительный человек и пристрастен к женщинам» (Об. Д., стр. 673).

Стр. 620. *К тому покою* — к смерти.

О удовольствии (стр. 622).— Переложение оды Горация (кн. III, ода 1). Слово «удовольствие» означает «довольство малым».

Стр. 623. *Медведица* и *Лев* — название созвездий.

Параше (стр. 625). *Параша* и *Палаша* — Прасковья Михайловна и Пелагея Михайловна Бакунины, родственницы Д. А. Державиной. *Луч от царских теремов...* — Бакунины жили в Гатчине, резиденции Павла I.

Русские девушки (стр. 626).— *Певец Тиискый* — Анакреон (уроженец города Теоса). *Бычок* — крестьянская пляска.

Снигирь (стр. 627).— Написано на смерть А. В. Суворова (6 мая 1800 г.). У Державина был ученый снегирь, умевший насвистывать колено военного марша. *...войной на Гиену...* — Гиеной Державин называет революцию. *...скиптры давая...* — В европейские государства,

завоеванные Суворовым, возвращались монархи, изгнанные войсками республиканской Франции.

Тончию (стр. 628).— Тончи Сальватор (1756—1844) — живописец. Родился в Италии, с 1796 года жил и работал в России. Написал портрет Державина, выполненный в соответствии с просьбой поэта, выраженной в данном стихотворении.

Стр. 629. *Что был прапращур мой Багрим...* — Родоначальником Державиных считался татарский мурза Багрим.

Свобода (стр. 629).— Стихотворение написано в связи с отставкой Державина от должности министра юстиции. Одновременно Державину было предложено самим Александром I продолжать службу в Сенате и Государственном совете, но поэт решительно отказался от этого предложения.

Стр. 630. *На высоком вдруг холму...* — Под словом «холм» Державин разумеет свое высокое служебное положение и связанные с ним обязанности («носил на плечах холм»).

Гладки воды, коль погоды // Их не могут колебать. — «Тогда хорошо служить, когда гладки воды не могут колебать непогоды, то есть законы нарушать пристрастие» (Об. Д., стр. 721).

Зима (стр. 630).

Стр. 630. *Хариты* — имеются в виду великие княжны Александра (ум. в 1801 г.) и Елена (ум. в 1803 г.), ранее воспетые Державиным в стихотворении «Хариты».

Стр. 631. *Вельяминов* Петр Львович (ум. в 1804 г.) — друг Державина.

Хлор — Александр I (см. прим. к стр. 554).

Добрада — его мать, императрица Мария Федоровна.

Алый сок — пунш.

Воспоем наш хлад прекрасный: // Дай Зиме здоровье бог! — «Александр-император прекрасен лицом и весьма хладнокровен; то автор, разумея его Зимой, желает ему здоровья» (Об. Д., стр. 693).

Цыганская пляска (стр. 633).— *...египтянка...* — Современники Державина считали родиной цыган Египет. *...нежного певца* — И. И. Дмитриева.

Радуга (стр. 634).— Стихотворение написано по случаю предполагавшегося мира с Наполеоном. *Изограф* — живописец, художник (грец.).

Евгению. Жизнь Званская (стр. 635).— Стихотворение обращено к Евгению Болховитинову (1767—1837), епископу, историку, литератору (составителю двух словарей русских писателей), приятелю Державина. С 1804 до 1808 года жил в Хутынском монастыре в шестидесяти верстах от Званки, имения Державина. Часто бывал в Званке.

Стр. 635. *...на вольну ехать страсть...* — на добровольное страдание.

Стр. 636. *Черная змея* — зависть.

И честолюбия избег от жала! — С октября 1803 года Державин был в отставке.

Барашков в воздухе... — «бекасы, кои кричат как барашки» (Об. Д., стр. 707).

Гром жолн — стук дятлов; желна — дятел (д и а л е к т.).

...пар // Повеет с дома мне манжурской иль левантской... «Манжурский, то есть запах чайный, левантский — кофейный» (Об. Д., стр. 707).

...в Вестнике... — в журнале «Вестник Европы».

Стр. 637. *Ковров, и кружев, и вязани...* — «На Званке были небольшие суконные и коверные фабрики» (Об. Д., стр. 708).

В которой, обозрев больных в больнице, врач... — «Была там небольшая для крестьян больница» (Об. Д., стр. 708).

Флакх — Гораций.

Стр. 638. *Чтобы во мне не зрели буки.* — Чтобы меня не боялись.

Блестят и жу́чки в епанечках. — Буквально: красивы и дворняжки в епанечках (то есть в попонках), в переносном же значении — «посредственные мысли, хорошо сказанные, чистым слогом, делают красоту сочинения» (Об. Д., стр. 708).

Липца, воронка́ — напитки, приготовленные из меда.

Древ русских сладкий сок... — «Березовый сок, яблочный и проч. делают наподобие шампанского вина» (Об. Д., стр. 708).

За здравье с громом пьем — «то есть с пушечной пальбой» (Об. Д., стр. 708).

Стр. 639. *...стекла оптики...* — волшебный фонарь.

Иль в мрачном фонаре любуюсь... — «В камер-обскуру, в которой супротивные натуральные предметы представляются в малом виде весьма живо» (Об. Д., стр. 708).

Как сквозь чугунных пар столпов... — «огненная паровая машина» (Об. Д., стр. 709).

Мариной рукой прядутся. — «Государыня императрица Мария Федоровна выписала из Англии прядильную машину» (Об. Д., стр. 709).

Все прелести, красы берутся с поль царицы... — «То есть красильня, где красят шелк, шерсть, лен и бумагу травными красками, сбирая оные с царицы полей, то есть Флоры» (Об. Д., стр. 709).

Куется в бердыши милицы — «...была набираема милиция для защищения границ империи от французов, для которой ковали бердыши» (Об. Д., стр. 709).

Стр. 640. *...страшат тварь влаги стуком...* — «рыбная ловля, называемая колотом» (Об. Д., стр. 709).

Из жерл чугунных гром... — «Из чугунных пушек, во время фейерверков и иллюминаций» (Об. Д., стр. 709).

Стр. 641. *Тихогром* — фортепьяно.

Но мещет днесь и он Перуны.— Война с Францией 1806—1807 годов.

Темиру новому под Пультуском, Прейсш-лау —«Темиру, то есть новому завоевателю или Наполеону; под Пултуском и Прейсиш-Эйлау был он отражен славным образом» (Об. Д., стр. 710).

А скрыл орла седого славу. — «Г. Каменский, заслуженный генерал... потерял свою славу от болезни своей или неведомо от упадка духа... так, что отдана была команда подчиненному ему генералу Бенигсону...» (Об. Д., стр. 710).

Стр. 642. *Вождя, волхва гроб кроет мрачный...*— «Подле дома автора находится холмик или курган... Волхв или вождь, предполагается, что под оным погребен» (Об. Д., стр. 710).

«Река времен в своем стремленьи...» (стр. 643).— Последнее стихотворение Г. Р. Державина.

П. Орлов

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Том «Русская поэзия XVIII века» иллюстрирован русскими и иностранными гравюрами XVIII — первой половины XIX века из собрания Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Большинство подобранных для тома листов не является иллюстрациями к русской поэзии XVIII века в буквальном смысле слова. Это — современная ей графика, в зрительных образах которой заключены многие темы поэзии XVIII века: тема Петра I, Петербурга, воинской славы, тема человека и природы и др.

В томе представлены работы русских граверов XVIII века: Алексея Зубова (1682 — ум. после 1744 г.), Григория Качалова (1711—1761), Ивана Елякова (1725—1756). Их гравюры с видами Петербурга 1727 и 1753 годов близки по стилю к барочной оде — одному из ведущих жанров русского классицизма XVIII века.

В 1720-х годах по заказу Петра I французский живописец Пьер-Дени Мартен-младший (1663—1742) написал четыре батальных картины, прославлявшие победы русского оружия в Северной войне. Тогда же парижскими граверами Шарлем Симоно, Никола Лармессеном и Морисом Бакуа были выполнены гравюры с этих полотен. Две из них представлены в нашем томе: «Сражение при деревне Лесной 28 сентября 1708 года» Н. Лармессена (суперобложка) и «Полтавская баталия 27 июня 1709 года» Ш. Симоно.

Работы русских граверов Г. И. Скородумова (1755—1792), А. Г. Ухтомского (1771 — ум. после 1858 г.), И. В. Чесского (1777—1848) по своему стилю близки к поэзии русского сентиментализма.

Гавриил Иванович Скородумов прославился как салонный живописец и гравер. Особенно популярны были его гравюры с оригиналов английской художницы Анжелики Кауфман (1741—1807), в конце XVIII века пользовавшейся европейской известностью. «Триумф Амура» — одна из таких гравюр. Ею же написан групповой портрет князей Барятинских, гравированный итальянским мастером Рафаэлем Моргеном (1758—1833).

В томе представлены две гравюры Андрея Григорьевича Ухтомского, мастера пейзажа и книжной виньетки, портретиста. Гравюры выполнены по картинам известного русского живописца-пейзажиста Семена Федоровича Щедрина (1745—1804).

Очерковые (без теней и штриховки) рисунки к «Душеньке» Богдановича исполнены известным скульптором, рисовальщиком и медальером Федором Петровичем Толстым (1783—1873) в 1820—1830-х годах. Рисунки, созданные в строго классическом стиле, были тогда же гравированы самим художником; изданы в 1848 году.

А. Сакович

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ СЛОВ

Абие — тотчас.
Алчба — голод; стремление, желание.
Анахорет — пустынник, отшельник.

Бахарь — говорун, краснобай.
Блажить — прославлять.
Блато — болото.
Буде — если.
Буй — глупый, несмышленый; буйный, удалый.

Вар — кипяток, кипящая смола.
Вервие — веревка.
Вериги — цепи, железы.
Вертеп — грот, пещера.
Вертоград — сад.
Вещуба — прорицание.
Вкупе — вместе, сообща.
Власно — точно так же.
Водомет — фонтан.
Волна — овечья шерсть.
Вонми — услышь.
Вонны — приятно пахнущие, благовонные.
Воскрилять — подниматься на крыльях.
Во сретенье — навстречу.
Вран — ворон.
Выя — шея.

Денница — утренняя заря.
Десница — рука правая.
Десную — справа.
Длань — рука, ладонь.
Днесь — сегодня.
Доброты — достоинства, красоты, блага.
Довлеет — следует, должно.
Докука — надоедливая просьба.
Дромадеры — одногорбые верблюды.

Елени — олени.
Емлем — берем, принимаем.
Ехидны — ядовитые змеи.

Жадающий — жаждущий, охваченный желанием.
Живот — жизнь.
Животы — имущество, богатство.

Забобоны — суеверие, предрассудки.
Заклепы — цепи, оковы.
Закрепы — подписи.
Запнуть — преградить.
Запона — завеса.
Заразы — прелести, красоты.
Зрак — взор.

Изводство — произведение, создание.
Инде — где-нибудь.

Казнодей — проповедник.
Класы — колосья.
Ков — западня, хитрость, коварство.
Коло — колесо.
Конче — конечно.
Копком — пинком.

Кравы — коровы.
Красный — прекрасный, красивый.
Крепить — подписывать.
Криле — крылья.
Крин — лилия.
Купно — вместе.

Ланиты — щеки.
Ласкать — льстить.
Лепота — красота.
Лествица — лестница.
Лик — собрание, народ, хор, толпа.
Лихое — бурное.
Ловитва — охота.
Лысты — голени.
Лъзя — можно.
Любомудрие — философия.
Любострастный — сладострастный, развратный.
Любочестие — честолюбие.

Мерность — умеренность.
Мета — цель, предел.
Мнее — меньше.
Мраз — мороз.
Мраморы — мраморные статуи и обелиски.
Мусикийский — музыкальный.
Мусия — мозаика.
Мягкая рухлядь — пушной товар, меха.

Налящи — налечь, совершить натиск.
Негде — где-то.
Несть — нет.
Ниже́ — и не, отнюдь не, также не.
Нудить — принуждать.
Нуриться — горевать, тосковать; томить, докучать.

Овен — баран.
Оправить — оправдать.
Орать — пахать.
Остуда — стыд.
Отжену — отгоню, изгоню.
Отнеле — с тех пор как.
Отревать — отстранять.
Ошую — слева.

Паки — снова.
Паства — пастбища.
Паче — более.
Пени — жалоба.
Перебяка — взбучка.
Перси — грудь.
Персть — прах, пыль, земля.
Пламенник — факел.
Плевы — плевелы, сорняки.
Подлость — низкое звание.
Подлые — недворяне.
Позор — вид, картина.
Полполушки — четверть копейки.
Полушка — полкопейки.
Пользовать — лечить.
Помнить — подумать.
Понеже — поскольку.
Поносный — позорный, постыдный.
Понт — море (г р е ч.).
Прапоры — флаги.
Презорство, презор — гордость, высокомерие.
Преспевать — преуспевать.
Прилог — ложь, выдумки.
Присно — постоянно, всегда.
Приспешник — повар.
Прохлады — удовольствия.
Пря — распря, спор.
Пыщ — надменный, самодовольный человек.

Разжени — развей.
Разженный — горящий, пламенеющий.
Рамена — плечи.
Рачение — усердие, забота.
Рог — в переносном значении: сила, могущество, гордыня.
Ристание — состязание.
Ругаться — издеваться, смеяться.
Рцы — скажи.
Рьяет — тяжело дышит.

Сарматы — поляки.
Сиречь — то есть.
Смак — вкус.
Смотритель — зритель.
Смурый — темный, серый.
Стати, стать — телосложение.
Стегно — бедро.
Стезя — дорога, путь.
Стогны — улицы.
Стопы несу — иду.
Сугубый — удвоенный, двойной.
Сый — сущий.

Тать — вор.
Тварь — творение.
Твердь — небесный свод, небо.

Тля — прах, тление.
Токмо — только.
Томный — печальный, скучный, мучительный, усталый.
Тропнуть — ударить, грохнуть.
Тук — жир.
Тулы — колчаны.
Тьмы — несчетное множество.

Убо — ибо; так как.
Уд — член.
Удоволить — удовлетворить.
Узловатые — затейливые, замысловатые.
Уразина — дубина, кол.
Уряда — управление.
Уставы — законы.
Утыл — стал тучным.

Фамилия — семья.

Хвилый — хилый, слабый.
Химеры — бесплодные мечты.
Хитрость — ремесло, искусство.
Хлябь — бездна, стремнина.

Цевница — свирель.

Часть — участь, судьба.
Чермновидные — темно-красные.
Чивый — щедрый.
Чин — порядок.
Чинить — происходить.
Чресла — бедра.
Чумак — сиделец в кабаке.

Шехарда — чехарда.
Шипок — роза.
Шпынь — шут.
Шурмовать — буйствовать.

Щеть — шерсть.
Щунять — журить, усовещивать, бранить.

Юдоль — земная жизнь.

Ябеда — неправое судопроизводство, крючкотворство.
Языки — народы, племена.
Ярыга — низший полицейский чин.

СЛОВАРЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

Аврора — богиня утренней зари (р и м с к. м и ф.).

Агамемнон — аргосский царь, предводитель греков в Троянской войне (г р е ч. м и ф.).

Адонид, Адонис — красивый юноша. За право покровительствовать ему возник спор у Афродиты и Персефоны (владычицы подземного царства) (г р е ч. м и ф.).

Аквилон — северный, северо-восточный ветер (р и м с к. м и ф.).

Алкид — одно из имен Геркулеса (с м.), внука царя Алкея (г р е ч. м и ф.).

Алкиноя — за неуважение к празднествам в честь Вакха была превращена им в летучую мышь (г р е ч. м и ф.).

Алкмена — сыном ее от Зевса был Геракл (г р е ч. м и ф.).

Альцеста — жена царя города Фер Адмета. Добровольно сошла в царство мертвых, чтобы спасти мужа от угрожавшей ему смерти. Была выведена из царства мертвых Геркулесом (г р е ч. м и ф.).

Амазонки — племя женщин-воительниц (г р е ч. м и ф.).

Амур — бог любви. Изображался в виде красивого юноши с луком и стрелами (р и м с к. м и ф.).

Амфион — сын Зевса и фиванской царевны Антионы. Обладал чудесным даром игры на кифаре (г р е ч. м и ф.).

Аполлон — бог солнца и света. Покровитель искусства (г р е ч. м и ф.).

Ариадна — дочь критского царя Миноса. Помогла Тесею с помощью клубка нитей выбраться из лабиринта. Позже жрица и жена бога Диониса (г р е ч. м и ф.).

Астрея — богиня справедливости в Золотом веке. Когда этот век кончился, Астрея возвратилась на небо и превратилась в созвездие Девы (г р е ч. м и ф.). Астреин век (п е р е н о с н.) — счастливое время.

Атриды — Агамемнон и Менелай, дети микенского царя Атрея (г р е ч . м и ф.).

Афина — богиня мудрости, наук и законов. Блюстительница гражданского порядка (г р е ч . м и ф.).

Афродита — богиня любви и красоты (г р е ч. м и ф.).

Ахилл, Ахиллес — сын фессалийского царя Пелея и богини моря Фетиды. Участвовал в осаде Трои и погиб под ее стенами (г р е ч. м и ф.).

Аяксы — два воина, связанные узами дружбы. Участники Троянской войны (г р е ч. м и ф.).

Беллона — богиня войны (р и м с к. м и ф.).

Борей — бог холодного северного ветра (г р е ч. м и ф.).

Вакх — бог вина и веселья (г р е ч. м и ф.).

Вакханка — спутница бога Вакха, непременная участница вакханалий — празднеств в его честь (г р е ч. м и ф.).

Венера — богиня любви и красоты (р и м с к. м и ф .).

Веста — богиня стад, покровительница домашнего очага (р и м с к. м и ф.).

Вулкан — бог огня и кузнечного ремесла, по некоторым сказаниям, муж Венеры (р и м с к. м и ф.).

Ганимед — юноша, взятый Зевсом за красоту на Олимп (г р е ч. м и ф.).

Гарпия — крылатое чудовище, птица с женским лицом, мучающее людей по воле богов (г р е ч. м и ф.).

Гектор — вождь троянцев в Троянскую войну (г р е ч. м и ф.).

Геликон — гора в Средней Греции, место пребывания муз (г р е ч. м и ф.).

Гений — добрый дух, хранитель человека (р и м с к. м и ф.).

Геркулес, Геракл — герой, наделенный необычайной силой, совершил двенадцать подвигов (г р е ч. м и ф.).

Гермес — глашатай богов, гонец, исполнитель воли Зевса (г р е ч. м и ф.).

Гесперіды — хранительницы чудесных золотых яблок (г р е ч. м и ф.).

Гиганты — племя великанов, которые восстали против богов, но были побеждены и уничтожены ими (г р е ч. м и ф.).

Гидра — стоглавый водяной змей (г р е ч. м и ф.).

Гименей, Гимен — бог брака у греков и римлян.

Грации. — См. *Хариты.*

Даная — возлюбленная Зевса, который явился к ней в виде золотого дождя (г р е ч. м и ф.).

Дафния, Дафна — дочь богини земли Геи, была превращена матерью в лавр и тем спасена от преследования Аполлона (г р е ч. м и ф.).

Дельфы — греческий город, где, по преданиям, находился храм Аполлона. Священным деревом храма считался лавр.

Диана — богиня охоты, покровительница диких зверей (р и м с к. м и ф.).

Дидона — карфагенская царица, влюбилась в троянского героя Энея. Покинутая им, лишила себя жизни. Перед смертью приказала сжечь свое тело на костре (р и м с к. м и ф.).

Диомид — отважный воин, участник Троянской войны (г р е ч. м и ф.).

Евмельп (Евмонт) — ученик Орфея; переселился из Фракии в Аттику (г р е ч. м и ф.).

Европа — финикийская царевна; была похищена Зевсом, который, превратившись в быка, доставил ее на остров Крит (г р е ч. м и ф.).

Евтерпа, Эвтерпа — муза лирической поэзии (г р е ч. м и ф.).

Елена — жена царя Спарты Менелая. Отличалась необычайной красотой. Была похищена троянцем Парисом, что и послужило поводом к Троянской войне (г р е ч. м и ф.).

Елисейские поля — место безмятежного покоя, которого после смерти удостаиваются герои (г р е ч. м и ф.).

Зевс — верховное божество древних греков (г р е ч. м и ф.).

Зефир — бог западного ветра, олицетворение легкости, кротости (г р е ч. м и ф.).

Иксион — за посягательство на честь богини Геры был прикован в подземном царстве к вечно вращающемуся огненному колесу (г р е ч. м и ф.).

Ипполит — сын царя Тезея. Был оклеветан мачехой (Федрой) в мнимом прелюбодеянии с ней (г р е ч. м и ф.).

Итака (Ифака) — остров в Средиземном море, родина Одиссея и Телемака (г р е ч. м и ф.).

Ифигения — дочь царя Агамемнона; будучи жрицей богини Артемиды в Тавриде, спасла своего брата Ореста и его друга Пилада от смерти на жертвенном алтаре (г р е ч. м и ф.).

Кадм — основатель и царь города Фив. Совершил ряд подвигов (г р е ч. м и ф.).

Каллиопа — муза эпической поэзии (г р е ч. м и ф.).

Каллисто, Каллиста — одна из возлюбленных Зевса (г р е ч. м и ф.). В позднейшей лирике — синоним любовницы.

Кастальский ключ — ключ у подножия горы Парнас; согласно греческой мифологии, источник поэтического вдохновенья.

Клитемнестра — жена царя Агамемнона, которого она убила после его возвращения из-под стен Трои. Была умерщвлена своим сыном — Орестом (г р е ч. м и ф.).

Купидон, Купидо — бог любви (р и м с к. м и ф.).

Лары — души предков, хранители домашнего очага (р и м с к. м и ф.).

Латона — мать Аполлона (г р е ч. м и ф.).

Лета — река забвения в подземном царстве (г р е ч. м и ф.). Кануть в Лету — бесследно исчезнуть.

Ликаон — царь Аркадии, отличавшийся жестокостью и вероломством (г р е ч. м и ф.).

Марс — бог войны (р и м с к. м и ф.).

Марсий — силен, вызвал Аполлона состязаться в игре на флейте и потерпел поражение. В наказание Аполлон содрал с него кожу и повесил ее на дерево (г р е ч. м и ф.).

Мегера — богиня мщения, отвратительная старуха с змеями вместо волос (г р е ч. м и ф.).

Медея — волшебница, помогавшая Ясону добыть золотое руно и ставшая его женой (г р е ч. м и ф.).

Мельпомена — муза трагедии (г р е ч. м и ф.).

Менелай — царь Спарты, муж Елены, один из греческих вождей в Троянской войне (г р е ч. м и ф.).

Минерва — богиня мудрости (р и м с к. м и ф.).

Мом — олицетворение злословия и насмешки (г р е ч. м и ф.).

Морфей — бог сновидений (г р е ч. м и ф.).

Музы, *мусы* — богини поэзии, искусств и наук (г р е ч. м и ф.).

Нарцисс — красивый юноша, влюбился в свое отражение в реке и не мог от него оторваться (г р е ч. м и ф.).

Наяды — русалки (г р е ч. м и ф.).

Нептун — бог моря, изображался с трезубцем в руке (р и м с к. м и ф.).

Нимфы — многочисленные божества, изображавшиеся в виде юных девушек; олицетворяли силы и явления природы (г р е ч. м и ф.).

Ниобея, *Ниоба* — царица Фив. Оскорбила богиню Латону; за это лишилась своих многочисленных детей, а сама была превращена в скалу, источающую слезы (г р е ч. м и ф.).

Одиссей (г р е ч.), *Улисс* (р и м с к.) — царь острова Итака, отличался умом и хитростью. Участник Троянской войны. После падения Трои испытал множество приключений, описанных в поэме «Одиссея» (г р е ч. м и ф.).

Омфалия, *Омфала* — лидийская царица, рабом которой (в некоторых мифах — мужем) был Геракл (г р е ч. м и ф.).

Орфей — певец, голос которого мог очаровать не только людей и животных, но даже неодушевленные предметы (г р е ч. м и ф.).

Паллада — одно из имен богини Афины (г р е ч. м и ф.).

Пандион — герой ионийских сказаний, один из первых в мифическом списке афинских царей (г р е ч. м и ф.).

Парис, Парид — троянский царевич, в детстве и юности был пастухом. Ему покровительствовала богиня Афродита. Похитил Елену, жену греческого царя Менелая, что и вызвало Троянскую войну (греч. миф.).

Парки — богини человеческой судьбы. Изображались в виде старух, прядущих нити человеческой жизни (римск. миф.).

Парнас — горный массив в Греции. Считался местом пребывания Аполлона и муз (греч. миф.).

Пегас — крылатый конь, олицетворение поэтического вдохновения (греч. миф.).

Пенаты — боги, хранители домашнего очага (римск. миф.).

Пенелопа — жена Одиссея, олицетворение ума, благородства и супружеской верности (греч. миф.).

Пентей — царь в Фивах, за запрещение вакханалий был растерзан вакханками, среди которых была и его мать (греч. миф.).

Пермес — река в Греции, на берегах которой, по древнегреческим преданиям, жили музы.

Персей — сын Зевса и Данаи. Отсек голову Горгоне Медузе, убил чудовище, у которого в плену была Андромеда, и женился на ней (греч. миф.).

Плутон — владыка подземного мира и царства мертвых (греч. миф.).

Полимния (Полигимния) — муза пантомимы (греч. миф.).

Помона — богиня плодов (римск. миф.).

Приап — бог садов, полей, позже — чувственных наслаждений (греч. миф.).

Прозерпина — супруга Плутона, владычица подземного мира и царства мертвых (греч. миф.).

Прометей — титан, богоборец и защитник людей. Похитил у Зевса огонь и отдал его людям. За это был прикован к скале, где огромный орел выклевывал его печень. Был избавлен от казни Гераклом (греч. миф.).

Протей — морское божество, которое могло принимать любой облик (греч. миф.).

Сатурн — бог посевов. С его именем связаны легенды о Золотом веке на земле (римск. миф.).

Селена — богиня луны (греч. миф.).

Семела, Семелея — фиванская царевна, возлюбленная Зевса, погубленная им по проискам Геры (греч. миф.).

Силен — воспитатель бога Диониса. Изображался в виде тучного, пьяного старика (греч. миф.).

Сирены — полуптицы-полуженщины. Своим пением очаровывают мореплавателей и губят их (греч. миф.).

Скамандр — река, на берегах которой происходили ожесточенные бои между греками и троянцами (г р е ч. м и ф.).

Стикс — река, окружающая подземное царство, через которую души умерших перевозит старик Харон (г р е ч. м и ф.).

Талия (Фалия) — муза комедии (г р е ч. м и ф.).

Тантал — оскорбил богов и за это был наказан ими: стоял по горло в воде, но не мог утолить жажду, видел перед собой плоды и не мог дотянуться до них (г р е ч. м и ф.).

Тартар — нижняя часть преисподней — Аида (г р е ч. м и ф.).

Тезей, Тесей — мифологический герой, возлюбленный Ариадны, победитель чудовища Минотавра (г р е ч. м и ф.).

Терпсихора — муза танца (г р е ч. м и ф.).

Титаны — древние божества, были побеждены Зевсом и другими олимпийцами и низвергнуты в тартар (г р е ч. м и ф.).

Тритоны — морские демоны, изображались в виде людей с дельфиньим хвостом и с раковиной в руках (г р е ч. м и ф.).

Улисс.— См. *Одиссей.*

Урания — муза астрономии (г р е ч. м и ф.).

Фалия.— См. *Талия.*

Фаэтон — сын бога солнца Гелиоса. Умолил отца уступить ему на один день место в солнечной колеснице, что и было причиной гибели Фаэтона (г р е ч. м и ф.).

Феб.— См. *Аполлон.*

Фемида (Фемис) — богиня правосудия (г р е ч. м и ф.).

Фетида — морская богиня, мать Ахиллеса. Искупала сына в водах Стикса, отчего тело Ахиллеса, за исключением пятки, за которую его держала мать, стало неуязвимым (г р е ч. м и ф.).

Филомела — дочь Пандиона. Была превращена Зевсом в соловья, поэтическим синонимом которого она и стала в лирике XVIII века (г р е ч. м и ф.).

Флора — богиня цветов и молодости (р и м с к. м и ф.).

Фортуна — богиня счастья (р и м с к. м и ф.).

Фурии — богини мести и угрызений совести (р и м с к. м и ф.).

Хариты — богини красоты (г р е ч. м и ф.).

Харон.— См. *Стикс.*

Цекропы — люди, превращенные в обезьян (г р е ч. м и ф.).

Церасты — люди с рогами (г р е ч. м и ф.).

Цербер, Кербер — трехголовый пес, охранявший выход из царства мертвых (г р е ч. м и ф.).

Церера — богиня земледелия (р и м с к. м и ф.).

*Цибела (*р и м с к.*)* — *Кибела (*г р е ч.*)* — мать богов и всего живущего на Земле (г р е ч. и р и м с к. м и ф.).

Цирцея — красавица-волшебница («Одиссея»).

Цитера — одно из имен богини Афродиты, так как на острове Цитера находился один из ее храмов (греч. миф.).

Эгида — щит Зевса, Афины, Аполлона (греч. миф.).

Эдип — фиванский царь, победитель Сфинкса (греч. миф.).

Электра — дочь Агамемнона и Клитемнестры. После гибели Агамемнона от руки Клитемнестры побудила своего брата Ореста убить мать (греч. миф.).

Элисейские поля.— См. *Елисейские поля.*

Эндимион — красивый юноша, в которого была влюблена Диана. Она вымолила для него у Зевса бессмертие и вечную юность (греч. миф.).

Эней — троянец, основатель Римского государства (римск. миф.); главный герой «Энеиды» Вергилия.

Эол — бог ветров (греч. миф.).

Эрато (Эратон, Эрата) — муза любовной, эротической поэзии (греч. миф.).

Эскулап — бог врачевания (римск. миф.).

Юнона — царица богов, сестра и жена Юпитера (римск. миф.).

Юпитер — верховное божество древних римлян. Царь и отец богов (римск. миф.).

Япет — один из титанов, восставших против Зевса (греч. миф.).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Автор о себе (Эпиграмма II) (А. Кантемир) — 102.

Батюшкову (В. Капнист) — 400.
Безногий солдат. *Притча* (А. Сумароков) — 183.
Бог (Г. Державин) — 565.
Богине Невы (М. Муравьев) — 434.
Болван. *Притча* (А. Сумароков) — 185.
Брат и сестра. *Притча* (А. Сумароков) — 192.
«Бугристы берега, благоприятны влаги...» (М. Ломоносов) — 148.

Вельможа (Г. Державин) — 605.
Веселый час (Н. Карамзин) — 474.
«Весь город я спрошу, спрошу и весь я двор...» *Эпиграмма* (А. Сумароков) — 195.
Вечернее размышление о божием величестве при случае великого северного сияния (М. Ломоносов) — 144.
«Видел славный я дворец...» *Песня* (И. Дмитриев) — 518.
Видение Мурзы (Г. Державин) — 560.
Властителям и судиям (Г. Державин) — 552.
«В надежде будущих талантов...» *Эпитафия* (И. Дмитриев) — 526.
Водопад (Г. Державин) — 583.
Волчье рассуждение. *Басня* (И. Хемницер) — 378.
Вольность. *Ода* (А. Радищев) — 406.
Вор и Подьячий. *Нравоучительная басня* (В. Майков) — 264.
Ворон и Лисица. *Басенка* (В. Тредиаковский) — 122.
Воспитание Льва. *Басня* (И. Дмитриев) — 537.
«Выду я на реченьку...» *Песня* (Ю. Нелединский-Мелецкий) — 439.

Гимн бороде (М. Ломоносов) — 148.
Голуби и Коршун. *Притча* (А. Сумароков) — 192.
Господин с слугами в опасности жизни. *Нравоучительная басня* (А. Сумароков) — 265.
Гостю (Г. Державин) — 613.
Граф Гваринос (Н. Карамзин) — 468.

Два Голубя. *Басня* (И. Дмитриев) — 532.
Дележ Львиный. *Басня* (И. Хемницер) — 380.
«Други! время скоротечно...» *Песня* (И. Дмитриев) — 519.
Дуб и Трость. *Басня* (И. Дмитриев) — 531.

Ф. М. Д⟨убянском⟩у. *Эпитафия* (И. Дмитриев) — 526.
Душенька. *Древняя повесть в вольных стихах* (М. Богданович) — 291.

Евгению. Жизнь Званская (Г. Державин) — 635.
Елисей, или Раздраженный Вакх. *Герои-комическая поэма* (В. Майков) — 205.
Ермак (И. Дмитриев) — 511.
«Если девушки метрессы...» *Песня* (А. Сумароков) — 201.

Жалоба (А. Сумароков) — 203.
«Женился Стил, старик без мочи...» (М. Ломоносов) — 147.
Жуки и Пчелы. *Притча* (А. Сумароков) — 183.
Журавли. *Басня* (А. Радищев) — 421.

«Задумчива ли ты, смеешься иль поешь...» *Мадригал* (И. Дмитриев) — 525.
Заздравный орел (Г. Державин) — 612.
Земля хромоногих и картавых. *Басня* (И. Хемницер) — 376.
Зима (Г. Державин) — 630.
Змея и Пиявица. *Басня* (И. Дмитриев) — 541.
Знатная порода. *Ода нравоучительная* (М. Херасков) — 288.

Избрание стихотворца (М. Муравьев) — 433.
Из 145 псалма (А. Сумароков) — 162.
Искатели Фортуны. *Басня* (И. Дмитриев) — 529.

К бедному поэту (Н. Карамзин) — 490.
К девице. *Из Анакреона* (А. Кантемир) — 104.
К девушке своей. *Из Анакреона* (Н. Львов) — 430.
К Г. Р. Державину. *Послание* (И. Дмитриев) — 516.
К другу моему А. И. К⟨лушину⟩ (И. Крылов) — 446.
Кладбище (Н. Карамзин) — 477.
К лире. *Из Анакреона* (Н. Львов) — 429.
К Музе (М. Муравьев) — 436.
Кокетка и Пчела. *Басня* (И. Дмитриев) — 535.
Коловратность. *Притча* (А. Сумароков) — 189.
«Коль мыслишь, я любовь свою к тебе скончала...» *Эпиграмма* (А. Сумароков) — 193.
Конь верховый. *Басня* (И. Хемницер) — 378.
«Котора лучше жизнь: в златой ли птичке клетке...» *Эпиграмма* (А. Сумароков) — 194.
К первому соседу (Г. Державин) — 550.
К портрету. *Надпись* (И. Дмитриев) — 526.
К портрету Н. М. Карамзина. *Надпись* (И. Дмитриев) — 526.
Крестьянин, Медведь, Сорока и Слепень. *Нравоучительная басня* (В. Майков) — 266.
Кружка (Г. Державин) — 544.
К самому себе (Г. Державин) — 624.
К самому себе (Н. Карамзин) — 489.
К своей девушке. *Из Анакреона* (Н. Львов) — 431.
К соловью (Н. Карамзин) — 478.
К статуе Петра Великого. *Похвальная надпись* (М. Ломоносов) — 136.
«Кузнечик дорогой, коль много ты блажен...» (М. Ломоносов) — 156.

Ласточка (Г. Державин) — 603.
Лебедь (Г. Державин) — 631.
Лев, учредивший совет. *Басня* (И. Хемницер) — 377.
Лестница. *Басня* (И. Хемницер) — 380.
«Летите, мои вздохи, вы к той, кого люблю...» *Песня* (А. Сумароков) — 196.
Лисица и Статуя. *Притча* (А. Сумароков) — 186.
Львиный указ (Н. Львов) — 427.
Любовь. *Из Анакреона* (Н. Львов) — 429.

«Любовь, любовь, ты, сердце к утехам взманя...» *Песня* (А. Сумароков) — 198.

Мартышка, обойденная при произвождении (Н. Львов) — 426.
Меланхолия (Н. Карамзин) — 502.
Метафизический ученик. *Басня* (И. Хемницер) — 384.
«Милон на многи дни с женою разлучился...» *Эпиграмма* (А. Сумароков) — 193.
Модная жена. *Сказка* (И. Дмитриев) — 521.
Мой истукан (Г. Державин) — 596.
Море и вечность (А. Сумароков) — 203.
Мотылек (В. Капнист) — 396.
Муха. *Басня* (И. Дмитриев) — 542.
«Мы друг друга любим, что ж нам в том с тобою?..» *Песня* (А. Сумароков) — 197.
«Мышь некогда, любя святыню...» (М. Ломоносов) — 157.
Мышь, удалившаяся от света. *Басня* (И. Дмитриев) — 541.

На болтуна. *Эпиграмма* (В. Майков) — 269.
На взятие Измаила (Г. Державин) — 573.
На возвращение графа Зубова из Персии (Г. Державин) — 616.
«Нагнала бабушка пред свадьбой внучке скуку...» *Эпиграмма* (А. Сумароков) — 194.
Надгробие И. Ф. Богдановичу, автору «Душеньки» (И. Дмитриев) — 527.
Надгробие шарлатана (Н. Карамзин) — 502.
Надгробие Шелехову (Г. Державин) — 615.
Надгробная на меня самого (И. Хемницер) — 387.
Надпись на иллуминацию, представленную в торжественный день тезоименитства ея величества, 1748 года сентября 5 дня... (М. Ломоносов) — 137.
На кончину Гавриила Романовича Державина (В. Капнист) — 400.
На птичку (Г. Державин) — 595.
На рождение в Севере порфирородного отрока (Г. Державин) — 548.
На самого себя. *Из Анакреона* (Н. Львов) — 431.
На случай грозы в деревне (И. Крылов) — 460.
На смерть Катерины Яковлевны... (Г. Державин) — 602.
На смерть князя Мещерского (Г. Державин) — 546.
На смерть собачки Милушки... (Г. Державин) — 595.
На смерть Юлии (В. Капнист) — 395.
На старуху Лиду. *Эпиграмма* (А. Кантемир) — 102.
«Не вознесемся мы великими чинами...» *Эпиграмма* (А. Сумароков) — 194.
«Негде, в маленьком леску...» *Песня* (А. Сумароков) — 196.
«Не грусти, мой свет! Мне грустно и самой...» *Песня* (А. Сумароков) — 200.
Недовольный гостьми стихотворец. *Басня* (И. Крылов) — 445.
«Не кажи больше моей днесь памяти слабкой...» *Стихи из романа «Езда в Остров Любви»* (В. Тредиаковский) — 107.
«Ночною темнотою...» (М. Ломоносов) — 146.
Ночь (М. Муравьев) — 433.

О благородстве. *Сатира* (А. Сумароков) — 180.
Обоз. *Басня* (И. Хемницер) — 376.
Обуховка (В. Капнист) — 401.
Ода блаженныя памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года (М. Ломоносов) — 123.
Ода вздорная II. *Пародия* (А. Сумароков) — 201.
Ода, выбранная из Иова, главы 38, 39, 40 и 41 (М. Ломоносов) — 139.
Ода XX. К девушке своей. *Из Анакреона* (Н. Львов) — 430.
Ода XXVIII. К своей девушке. *Из Анакреона* (Н. Львов) — 431.
Ода XXVI. На самого себя. *Из Анакреона* (Н. Львов) — 431.

Ода Е. И. В. всемилостивейшей государыне императрице Елисавете Петровне, самодержице Всероссийской, в 25 день ноября 1743 (А. Сумароков) — 158.
Ода на день восшествия на Всероссийский престол ея величества государыни императрицы Елисаветы Петровны, 1747 года (М. Ломоносов) — 130.
Ода на истребление в России звания раба Екатериною Второю, в 15 день февраля 1786 года (В. Капнист) — 392.
Ода на шитическую лесть (В. Капнист) — 397.
Ода на рабство (В. Капнист) — 388.
Ода I. К лире. *Из Анакреона* (Н. Львов) — 429.
Ода LV. О любовниках. *Из Анакреона* (Н. Львов) — 432.
Ода III. Любовь. *Из Анакреона* (Н. Львов) — 429.
Ода. Уединение (И. Крылов) — 456.
Ода IV. Похвала Ижерской земле и царствующему граду Санктпетербургу (В. Тредиаковский) — 112.
О женах. *Из Анакреона* (А. Кантемир) — 102.
О любителях. *Из Анакреона* (А. Кантемир) — 105.
О любовниках. *Из Анакреона* (Н. Львов) — 432.
«Он врал — теперь не врет...» *Эпиграмма* (И. Дмитриев) — 527.
Описание грозы, бывшия в Гаге (В. Тредиаковский) — 108.
О своей полюбовнице. *Из Анакреона* (А. Кантемир) — 103.
О себе. *Из Анакреона* (А. Кантемир) — 103.
Осень (Н. Карамзин) — 473.
Осень во время осады Очакова (Г. Державин) — 568.
О силе разума. *Анакреонтическая ода* (М. Херасков) — 284.
Осмнадцатое столетие (А. Радищев) — 422.
«О существа состав, без образа смешенный...» *Сонет* (А. Сумароков) — 180.
Ось и Бык. *Притча* (А. Сумароков) — 189.
О удовольствии (Г. Державин) — 622.
«Ох! тошно мне...» *Песня* (Ю. Нелединский-Мелецкий) — 440.

Павлин (Г. Державин) — 613.
Павлин и соловей. *Басня* (И. Крылов) — 444.
Памятник (Г. Державин) — 614.
Парафразис вторыя песни Моисеевы. *Ода духовная* (В. Тредиаковский) — 116.
Параше (Г. Державин) — 625.
Паук и мухи. *Басня* (И. Хемницер) — 379.
«Перестань противляться сугубому жару...» *Стихи из романа «Езда в Остров Любви»* (В. Тредиаковский) — 106.
Песенка, которую я сочинил, еще будучи в московских школах, на мой выезд в чужие краи (В. Тредиаковский) — 107.
Песнь норвежского витязя Гаральда Храброго... (Н. Львов) — 428.
Петух и жемчужина. *Басенка* (В. Тредиаковский) — 122.
Петух, Кот и Мышонок. *Басня* (И. Дмитриев) — 540.
Пир у Льва. *Притча* (А. Сумароков) — 187.
Письмо II. К стихам своим (А. Кантемир) — 98.
«Пляскою своей, любезна...» *Ода анакреонтическая* (А. Сумароков) — 163.
Побор Львиный. *Басня* (И. Хемницер) — 382.
Повар и Портной. *Нравоучительная басня* (В. Майков) — 261.
«Пой, скачи, кружись, Параша!..» *Песня* (И. Дмитриев) — 518.
Понеже (М. Богданович) — 373.
Послание к Александру Алексеевичу Плещееву (Н. Карамзин) 484.
Послание к Дмитриеву... (Н. Карамзин) — 479.
«Послушайте, прошу, что старому случилось...» (М. Ломоносов) — 147.
«По смерти Откупщик в подземную страну...» *Эпиграмма* (А. Сумароков) — 195.

Похвала Ижерской земле и царствующему граду Санктпетербургу (В. Тредиаковский) — 112.
«По чести, от тебя не можно глаз отвесть...» *Мадригал* (И. Дмитриев) — 525.
Поэзия (Н. Карамзин) — 463.
Преложение псалма 143 (М. Ломоносов) — 137.
Привилегия. *Басня* (И. Хемницер) — 381.
Приглашение к обеду (Г. Державин) — 610.
Признание (Г. Державин) — 643.
Призывание и явление Плениры (Г. Державин) — 604.
Протей, или Несогласия стихотворца (Н. Карамзин) — 494.
«Прости, моя любезная, мой свет, прости...» *Песня* (А. Сумароков) — 200.
«Прохожий! Обща всем живущим часть моя...» *Эпитафия* (А. Сумароков) — 196.
«Прохожий, стой! во фрунт! скинь шляпу и читай...» *Эпитафия* (И. Дмитриев) — 527.
Пустынник и Фортуна. *Басня* (И. Дмитриев) — 528.
Путешествие N. N. в Париж и Лондон, писанное за три дни до путешествия (И. Дмитриев) — 508.
Пучок лучины. *Притча* (А. Сумароков) — 191.
«Пятнадцать мне минуло лет...» *Песня* (М. Богданович) — 369.

Радуга (Г. Державин) — 634.
Разговор с Анакреоном (М. Ломоносов) — 151.
Разные вина (Г. Державин) — 553.
Раиса (Н. Карамзин) — 475.
Расставание с музами (А. Сумароков) — 203.
«Река времен в своем стремленьи...» (Г. Державин) — 643.
Рождение красоты (Г. Державин) — 620.
Россиада. *Эпическая поэма.* Песнь первая (М. Херасков) — 270.
Русские девушки (Г. Державин) — 626.
«Савушка грешен...» *Песня* (А. Сумароков) — 198.
Сатира II. На зависть и гордость дворян злонравных. Филарет и Евгений (А. Кантемир) — 76.
Сатира I. На хулящих учения. К уму своему (А. Кантемир) — 65.
Сатир и гнусные люди. *Притча* (А. Сумароков) — 189.
Сафические строфы (А. Радищев) — 424.
«Свидетели тоски моей...» *Песня* (Ю. Нелединский-Мелецкий) — 441.
Свобода (Г. Державин) — 629.
Сказка I (А. Сумароков) — 192.
«Случились вместе два Астро́нома в пиру...» (М. Ломоносов) — 156.
Снигирь (Г. Державин) — 627.
Соболья шуба. *Притча* (А. Сумароков) — 187.
Соловей во сне (Г. Державин) — 622.
Соловей и Чиж. *Басня* (И. Хемницер) — 379.
Спорщица. *Притча* (А. Сумароков) — 186.
Справка (А. Сумароков) — 202.
Стихи к деньгам (М. Богданович) — 373.
Стихи к Климене (М. Богданович) — 373.
Стихи на перевод «Илиады» г. Костровым (В. Капнист) — 395.
Стихи похвальные Парижу (В. Тредиаковский) — 110.
Стихи похвальные России (В. Тредиаковский) — 110.
«Стонет сизый голубочек...» *Песня* (И. Дмитриев) — 517.
«Страдай, прискорбный дух! Терзайся, грудь моя!..» *Элегия* (А. Сумароков) — 178.
Стрелка часовая. *Басня* (И. Хемницер) — 383.
Стрелок (Г. Державин) — 626.
Строфы похвальные поселянскому житию (В. Тредиаковский) — 113.
Стыдливый игрок. *Басня* (И. Крылов) — 443.

Судьба игроков. *Басня* (И. Крылов) — 444.
Суеверие. *Нравоучительная басня* (В. Майков) — 265.

«Там сей любовник, мог ей который угодить...» *Стихи из романа «Езда в Остров Любви»* (В. Тредиаковский) — 106.
«Танцовщик! Ты богат. Профессор! Ты убог..:» *Эпиграмма* (А. Сумароков) — 195.
Тацит (Н. Карамзин) — 493.
«Только явятся...» *Стансы* (М. Херасков) — 286.
Тончию (Г. Державин) — 628.
«Ты велишь мне равнодушным...» *Песня* (Ю. Нелединский-Мелецкий) — 438.
«Ты очень ей любим, она в твоей вся воле...» *Эпиграмма* (А. Сумароков) — 193.
«Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду?..» (А. Радищев) — 421.

Уединение. Ода (И. Крылов) — 456.
«У речки птичье стадо...» *Песня* (М. Богданович) — 371.
Утешение Анюте (И. Крылов) — 453.
Утреннее размышление о божием величестве (М. Ломоносов) — 142.

Фелица (Г. Державин) — 554.
Философы, пьяный и трезвый (Г. Державин) — 571.
Фонтанна и Речка. *Басня* (М. Херасков) — 289.

Храповицкому (Г. Державин) — 615.

Царь и два Пастуха. *Басня* (И. Дмитриев) — 535.
Цыганская пляска (Г. Державин) — 633.

«Что легче перышка?» — «Вода»,— я отвечаю...» *Эпиграмма* (И. Дмитриев) — 527.
Чужой толк (И. Дмитриев) — 504.

Шалунья. *Притча* (А. Сумароков) — 191.
Шуточное желание (Г. Державин) — 629.

Эпистола о стихотворстве (А. Сумароков) — 164.

«Юность, юность! веселися...» *Песня* (И. Дмитриев) — 520.

«Я в трех частях земли; меня в четвертой нет...» *Загадка* (В. Майков) — 269.
«Я знак бессмертия себе воздвигнул...» (М. Ломоносов) — 145.
«Я обесчещена»,— пришла просить вдова...» *Эпиграмма* (А. Сумароков) — 194.
«Я разорился от воров!»...» *Эпиграмма* (И. Дмитриев) — 527.

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Макогоненко. Русская поэзия XVIII века 5

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ XVIII ВЕКА

А. КАНТЕМИР

Сатиры

Сатира I. На хулящих учения. К уму своему 65
Сатира II. На зависть и гордость дворян злонравных. Филарет и Евгений 76

Письма

Письмо II. К стихам своим 98

Эпиграммы

На старуху Лиду 102
Автор о себе (Эпиграмма II) 102

Из Анакреона

О женах 102
О себе 103
О своей полюбовнице 103
К девице 104
О любителях 105

В. ТРЕДИАКОВСКИЙ

Стихи из романа «Езда в Остров Любви»

«Там сей любовник, мог ей который угодить...» 106
«Перестань противляться сугубому жару...» 106
«Не кажи больше моей днесь памяти слабкой...» 107

Стихи на разные случаи

Песенка, которую я сочинил, еще будучи в московских школах, на мой выезд в чужие краи 107
Описание грозы, бывшия в Гаге 108
Стихи похвальные Парижу 110
Стихи похвальные России. 110
Ода IV. Похвала Ижерской земле и царствующему граду Санктпетербургу 112
Строфы похвальные поселянскому житию 113

Оды духовные

Парафразис вторыя песни Моисеевы 116

Басенки

Петух и жемчужина 122
Ворон и Лисица 122

М. ЛОМОНОСОВ

Оды похвальные

Ода блаженныя памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года 123
Ода на день восшествия на Всероссийский престол ея величества государыни императрицы Елисаветы Петровны, 1747 года 130

Похвальные надписи

К статуе Петра Великого 136
Надпись на иллуминацию, представленную в торжественный день тезоименитства ея величества, 1748 года сентября 5 дня, перед летним домом, на которой изображен был фонтан, а по сторонам храмы мира и войны 137

Оды духовные

Преложение псалма 143 137
Ода, выбранная из Иова, главы 38, 39, 40 и 41 139
Утреннее размышление о божием величестве 142
Вечернее размышление о божием величестве при случае великого северного сияния 144

Разные стихотворения

«Я знак бессмертия себе воздвигнул...» 145
«Ночною темнотою...» 146
«Послушайте, прошу, что старому случилось...» 147
«Женился Стил, старик без мочи...» 147
«Бугристы берега, благоприятны влаги...» 148
Гимн бороде 148
Разговор с Анакреоном 151
«Случились вместе два Астро́нома в пиру...» 156
«Кузнечик дорогой, коль много ты блажен...» 156
«Мышь некогда, любя святыню...» 157

А. СУМАРОКОВ

Оды торжественные

Ода Е. И. В. всемилостивейшей государыне императрице Елисавете Петровне, самодержице Всероссийской, в 25 день ноября 1743 158

Оды духовные

Из 145 псалма 162

Оды анакреонтические

«Пляскою своей, любезна...» 163

Эпистолы

Эпистола о стихотворстве 164

Элегии

«Страдай, прискорбный дух! Терзайся, грудь моя!..» 178

Сонеты

«О существа состав, без образа смешенный...» 180

Сатиры

О благородстве 180

Притчи

Жуки и Пчелы 183
Безногий солдат 183
Болван 185
Лисица и Статуя 186

Спорщица 186
Соболья шуба 187
Пир у Льва 187
Коловратность 189
Ось и Бык 189
Сатир и гнусные люди. 189
Шалунья 191
Пучок лучины 191
Голуби и Коршун 192
Брат и сестра 192

Сказки

Сказка 1 192

Эпиграммы

«Ты очень ей любим, она в твоей вся воле...» 193
«Коль мыслишь, я любовь свою к тебе скончала...» 193
«Милон на многи дни с женою разлучился...» 193
«Я обесчещена»,— пришла просить вдова...» 194
«Не вознесемся мы великими чинами...» 194
«Нагнала бабушка пред свадьбой внучке скуку...» 194
«Котора лучше жизнь: в златой ли птичке клетке...» 194
«Танцовщик! Ты богат. Профессор! Ты убог...» 195
«Весь город я спрошу, спрошу и весь я двор...» 195
«По смерти Откупщик в подземную страну...» 195

Эпитафии

«Прохожий! Обща всем живущим часть моя...» 196

Песни

«Летите, мои вздохи, вы к той, кого люблю...» 196
«Негде, в маленьком леску...» 196
«Мы друг друга любим, что ж нам в том с тобою?..» 197
«Савушка грешен...» 198
«Любовь, любовь, ты, сердце к утехам взманя...» 198
«Не грусти, мой свет! Мне грустно и самой...» 200
«Прости, моя любезная, мой свет, прости...» 200
«Если девушки метрессы...» 201

Пародии

Ода вздорная II 201

Разные стихотворения

Справка 202
Море и вечность. 203
Расставание с музами 203
Жалоба 203

В. МАЙКОВ

Герои-комическая поэма

Елисей, или Раздраженный Вакх
К читателю 205
Песнь первая 207
Песнь вторая 221
Песнь третия 231
Песнь четвертая 241
Песнь пятая 251

Нравоучительные басни

Повар и Портной 261
Вор и Подьячий 264
Суеверие 265
Господин с слугами в опасности жизни 265
Крестьянин, Медведь, Сорока и Слепень 266

Эпиграммы

На болтуна 269

Загадки

«Я в трех частях земли; меня в четвертой нет...» 269

М. ХЕРАСКОВ

Эпическая поэма

Росспада. Песнь первая 270

Анакреонтические оды

О силе разума 284

Стансы

«Только явятся...» 286

Оды нравоучительные

Знатная порода 288

Басни

Фонтанна и Речка 289

М. БОГДАНОВИЧ

Повесть в стихах

Душенька. Древняя повесть в вольных стихах 291
Предисловие от сочинителя 291
Стихи на добродетель Хлои 291
Книга первая 292
Книга вторая 311
Книга третия 338

Песни

«Пятнадцать мне минуло лет...» 369
«У речки птичье стадо...» 371

Разные стихотворения

Понеже 373
Стихи к Климене 373
Стихи к деньгам 373

И. ХЕМНИЦЕР

Басни

Обоз 376
Земля хромоногих и картавых 376
Лев, учредивший совет 377
Конь верховый 378
Волчье рассужденье 378
Паук и мухи 379
Соловей и Чиж 379
Лестница 380
Дележ Львиный 380
Привилегия 381
Побор Львиный 382
Стрелка часовая 383
Метафизический ученик 384
Редакция Капниста. Метафизик 386

Эпитафии

Надгробная на меня самого 387

В. КАПНИСТ

Ода на рабство 388
Ода на истребление в России звания раба Екатериною Второю, в 15 день февраля 1786 года 392

Стихи на перевод «Илиады» г. Костровым 395
На смерть Юлии 395
Мотылек 396
Ода на пиитическую лесть 397
На кончину Гавриила Романовича Державина 400
Батюшкову 400
Обуховка 401

А. РАДИЩЕВ

Вольность. Ода 406
«Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду?..» 421
Журавли 421
Осмнадцатое столетие 422
Сафические строфы 424

Н. ЛЬВОВ

Лирические и сатирические стихотворения

Мартышка, обойденная при произвождении 426
Львиный указ 427
Песнь норвежского витязя Гаральда Храброго 428

Из Анакреона

Ода I. К лире 429
Ода III. Любовь 429
Ода XX. К девушке своей 430
Ода XXVI. На самого себя 431
Ода XXVIII. К своей девушке 431
Ода LV. О любовниках 432

М. МУРАВЬЕВ

Избрание стихотворца 433
Ночь 433
Богине Невы 434
К Музе 436

Ю. НЕЛЕДИНСКИЙ-МЕЛЕЦКИЙ

Песни

«Ты велишь мне равнодушным...» 438
«Выду я на реченьку...» 439
«Ох! тошно мне...» 440
«Свидетели тоски моей...» 441

И. КРЫЛОВ

Басни

Стыдливый игрок 443
Судьба игроков 444
Павлин и соловей 444
Недовольный гостьми стихотворец 445

Стихотворения

К другу моему А. И. К⟨лушину⟩ 446
Утешение Анюте 453
Ода. Уединение 456
На случай грозы в деревне 460

Н. КАРАМЗИН

Поэзия 463
Граф Гваринос 468
Осень 473
Веселый час 474
Раиса 475
Кладбище 477
К соловью 478
Послание к Дмитриеву в ответ на его стихи, в которых он жалуется на скоротечность счастливой молодости 479
Послание к Александру Алексеевичу Плещееву 484
К самому себе 489
К бедному поэту 490
Тацит 493
Протей, или Несогласия стихотворца 494
Надгробие шарлатана 502
Меланхолия 502

И. ДМИТРИЕВ

Сатирические и лирические стихотворения

Чужой толк 504
Путешествие N. N. в Париж и Лондон, писанное за три дни до путешествия
Часть первая 508
Часть вторая 509
Часть третия 510
Ермак 511

Послания

К Г. Р. Державину 516

Песни

«Стонет сизый голубочек...» 517
«Видел славный я дворец...» 518
«Пой, скачи, кружись, Параша!..» 518
«Други! время скоротечно...» 519
«Юность, юность! веселися.. » 520

Сказки

Модная жена 521

Мадригалы

«По чести, от тебя не можно глаз отвесть...» 525
«Задумчива ли ты, смеешься иль поешь...» 525

Надписи

К портрету Н. М. Карамзина 526
К портрету 526

Эпитафии

Ф. М. Д⟨убянском⟩у 526
«В надежде будущих талантов...» 526
Надгробие И. Ф. Богдановичу, автору «Душеньки» 527
«Прохожий, стой! во фрунт! скинь шляпу и читай...» 527

Эпиграммы

«Он врал — теперь не врет»...» 527
«Я разорился от воров!»...» 527
«Что легче перышка?» — «Вода»,— я отвечаю...» 527

Басни

Пустынник и Фортуна 528
Искатели Фортуны 529
Дуб и Трость 531
Два Голубя 532
Кокетка и Пчела 535
Царь и два Пастуха 535
Воспитание Льва 537
Петух, Кот и Мышонок 540
Змея и Пиявица 541
Мышь, удалившаяся от света 541
Муха 542

Кружка 544
На смерть князя Мещерского 546
На рождение в Севере порфирородного отрока 548
К первому соседу 550
Властителям и судиям 552
Разные вина 553
Фелица 554
Видение Мурзы 560
Бог 565
Осень во время осады Очакова 568
Философы, пьяный и трезвый 571
На взятие Измаила 573
Водопад 583
На птичку 595
На смерть собачки Милушки, которая при получении известия о смерти Людовика XVI упала с колен хозяйки и убилась до смерти 595
Мой истукан 596
На смерть Катерины Яковлевны, 1794 году июля 15 дня приключившуюся 602
Ласточка 603
Призывание и явление Плениры 604
Вельможа 605
Приглашение к обеду 610
Заздравный орел 612
Гостю 613
Павлин 613
Памятник 614
Надгробие Шелехову 615
Храповицкому 615
На возвращение графа Зубова из Персии 616
Рождение красоты 620
Соловей во сне 622
О удовольствии 622
К самому себе 624
Параше 625
Стрелок 626
Русские девушки 626
Снигирь 627
Тончию 628
Шуточное желание 629

Свобода 629
Зима 630
Лебедь 631
Цыганская пляска 633
Радуга 634
Евгению. Жизнь Званская 635
Признание 643
«Река времен в своем стремленьи...» 643

Примечания *П. Орлова* 647

К иллюстрациям *А. Сакович* 706

Словарь устаревших слов 708

Словарь мифологических имен и названий 711

Алфавитный указатель произведений 718

На суперобложке:

«Храм Дружбы в имении князя А. Б. Куракина Надеждино». Гравюра И. Чесского по рисунку В. Причетникова. 1-я четверть XIX в. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

«Сражение при деревне Лесной 28 сентября 1708 года». Гравюра Н. Лармессена с картины П. Мартена-младшего. 1720-е годы. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СЕРИЯ ПЕРВАЯ
Том 57

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ XVIII ВЕКА

*

Редактор С. Чулков
Оформление «Библиотеки»
Д. Бисти
Художественный редактор
Л. Калитовская
Технический редактор
Л. Платонова
Корректор М. Муромцева

*

Сдано в набор 6/XII 1971 г. Подписано к печати 5/IV 1972 г. Бумага типограф. № 1. Формат 60×84¹/₁₆—46 печ. л. 42,92 усл. печ. л. 41,61+6 накид. = =42,17 уч.-изд. л. Тираж 300 000 экз. Заказ № 2541. Цена 2 р. 01 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

*

Граверные работы
Ю. Стольцера

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Москва, М-54, Валовая, 28